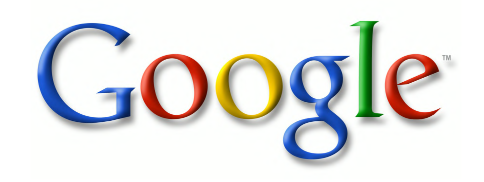


VE
RI
TAS

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ВТОРОЙ.

КНИГА XI.

МОСКВА.

1881.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская улица, въ домѣ Дреземейеръ.
Отдѣленіе конторы: Петровскія торговыя линіи, кварт. № 61.

Типо-литогр. И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская ул., д. Кушнеревой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ книгѣ IX, въ ст. «Нашъ экономическій недугъ»:

Стран.	*Стр.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
366	9 сверху	правительству	производству
367	4 снизу	устроить	устранить
373	17 „	комитетовъ	капиталовъ
385	4 сверху	ея громадныхъ	съ громадныхъ
—	1 и 2 снизу	бѣдствія	дѣйствія

Въ книгѣ XI, въ ст. „О народной поэзіи и пѣснѣ", на стр. 115, въ послѣднихъ двухъ строкахъ снизу, вмѣсто: «χοροβανέω, т. е. *стою въ хорѣ*, или буквально χόρος—поющіе и пляшущіе и σνω—веду»—слѣдуетъ читать: «χοροβατέω, т. е. хожу въ хорѣ (χορὸς—поющіе и пляшущіе, хоръ, и глаг. βαίνω—иду, хожу, привожу въ движеніе)».

СТАРИКИ.

(Изъ памятной книжки.)

I.

— Ишь, вонъ, нонѣ какіе порядки-то. Эва-а! Вотъ такъ богомолецъ: идетъ на богомолье, а въ обоихъ карманахъ по штофу водки!... Паа-аррядокъ! Ужь нечего сказать, хорошіе пошли порядки...

— Господи!—воскликнулъ одинъ изъ моихъ спутниковъ,—опять «порядокъ», опять о «порядкѣ», опять «порядку нѣтъ»! И въ полѣ-то, и въ лѣсу-то нѣтъ покою отъ этихъ разговоровъ...

Дѣйствительно, дѣло было въ чистомъ полѣ.

Два гимназиста, гостившіе въ деревнѣ у родственниковъ, сельскій учитель и пишущій эти замѣтки, въ одинъ славный лѣтній вечеръ, шли путемъ-дорогою, направляясь вмѣстѣ съ другими богомольцами въ одинъ изъ тѣхъ маленькихъ, третьеклассныхъ монастырей, которыхъ такъ много въ Новгородской губерніи. Шли мы берегомъ рѣки Волхова, по старой Аракчеевской дорогѣ, густо обсаженной березникомъ,—шли, наслаждаясь самымъ процессомъ ходьбы, наслаждаясь молчаніемъ дороги, молчаніемъ рѣки... Всѣ мы, отправляясь пѣшкомъ на богомолье, дѣлали это именно въ видахъ отдохновенія отъ разговоровъ объ этихъ «порядкахъ» и «непорядкахъ», которые уже достаточно истомили насъ въ столицѣ... И вотъ, едва мы только было «разошлись», только было стали входить во вкусъ физическаго утомленія,—опять уже преслѣдуетъ насъ мудрствованіе какого-то богомольца, похожаго на стараго отставнаго солдата,—мудрствованіе, какъ намъ было хорошо извѣстно, всегда почти безплодное...

Дѣло въ томъ, что толки о порядкахъ и непорядкахъ, а вмѣстѣ съ толками и безплодность ихъ въ настоящее время составля-

ютъ не только достояніе столичной, газетной или журнальной бесѣды, но сдѣлались необходимѣйшею принадлежностью и всякаго деревенскаго разговора. Если вы разговариваете не о хозяйствѣ, не объ умолотѣ или урожаѣ, то, навѣрное, ваша деревенская бесѣда идетъ о порядкахъ и непорядкахъ, причемъ безплодность этой бесѣды въ деревнѣ для васъ, посторонняго человѣка, осложняется еще тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что, во-первыхъ, сами вы—посторонній деревнѣ человѣкъ, крайне мало понимаете условія народной жизни и иногда въ цѣлыхъ, повидимому весьма убѣдительно произнесенныхъ, тирадахъ не можете видѣть ничего, кромѣ безсмыслицы; а во-вторыхъ—и это главнымъ образомъ—тѣмъ, что разговариваютъ о порядкахъ и непорядкахъ большею частію старики, люди, у которыхъ было извѣстное, опредѣленное прошлое и которымъ судьба судила дивоваться на нѣчто новое, крайне разнообразное и многосложное. Судите же теперь, въ какой мѣрѣ можетъ быть плодотворна бесѣда, если одинъ изъ бесѣдующихъ не понимаетъ ни точки зрѣнія собесѣдника, ни его языка, а другой старается разобрать новыя, совершенно ему незнакомыя, небывалыя для него явленія, руководствуясь только старою точкой зрѣнія... Послушайте, для примѣра, о чемъ говорятъ вотъ эти двѣ старухи, сидящія вечеркомъ на завалинкѣ:

— Ноничe!—почему-то укоризненно говоритъ одна изъ нихъ.—Ноничe нешто такой народъ-то сталъ?... И-и, ра-адимая, кабы нонѣшнюю которую, псовку, да въ нашу бы шкуру, такъ вѣдь она что бы сраму-то натворила! Поглядѣть-то на нонѣшнюю страмоту, такъ и то сердце разрывается... Ну, а какъ же,—спросила бы я ее, псовку,—какъ же, молъ, мы-то терпѣли?... Какъ же вотъ, примѣромъ, хоть и я бы себя бы взяла,—какъ же молъ я-то со-о-орокъ годочковъ отъ слезъ свѣту бѣлаго, каковъ только свѣтъ бѣлый есть, не видала?... Какъ же я-то понимала свою часть и терпѣла? Бывало покойникъ-то, вѣдь, всеё-то меня истиранитъ,—и зубушки-то болятъ, крохи просунуть не могу, скулы-то свело. И лицо-то, милая ты моя, бывало измордуетъ покойникъ, что чугунъ станетъ черное... А все терплю. Плачу, а терплю,—по-ни-маю!... А ноничe?—Па-адико, тронь ее, псовку, такъ вѣдь она тебя со свѣту сживетъ... Пальцемъ ты ее коснись—и то она настрамитъ на весь уѣздъ... Ни у нея нѣту стыда, ни у нея нѣту страху...

— А такъ вотъ,—прибавляетъ собесѣдница,—распустила хвостъ—и вся забота! Нешто, красавица ты моя, есть у нихъ

стыдъ-то?—Да нисколько!... Какъ же, родимая ты моя, спрошу я тебя, мы-то, окаянныя?...

И такъ идетъ длинный разговоръ, изъ котораго недеревенскій слушатель не вынесетъ ничего, кромѣ недоумѣнія. Почему худо, что теперешнія «псовки» не позволяютъ мужьямъ тиранить себя? Почему онѣ псовки? Почему старинное тиранство въ разговорахъ старухъ какъ бы предпочитается неудобствамъ этого тиранства теперь? Почему старинное тиранство переносилось съ такимъ желѣзнымъ терпѣніемъ?... Все это для недеревенскаго слушателя утомительная и безплодная по результатамъ тайна,—тайна, которая, разумѣется, разрѣшилась бы для него, еслибъ онъ далъ себѣ трудъ добиться подлиннаго смысла такихъ, напримѣръ, выраженій въ разговорѣ старухъ, какъ «знала свою часть», «понимала»... Еслибы недеревенскій слушатель былъ настолько терпѣливъ, чтобы допытался у старухъ самаго точнаго смысла этихъ выраженій, еслибъ онъ узналъ, что это за «часть» такая, во имя которой можно бить человѣка до того, что лицо у него станетъ «какъ чугунъ черное»,—если онъ доподлинно узнаетъ, что именно старуха выражаетъ словомъ «понимала»,—тогда, разумѣется, онъ бы понялъ, почему нынѣшнее время, когда не позволяютъ себя бить, хуже прошлаго, когда ихъ били до полусмерти. Но недеревенскій слушатель деревенскихъ разговоровъ не терпѣливъ: онъ спѣшитъ отдыхать, онъ ждетъ отвѣтовъ на вопросы, выраженные газетнымъ языкомъ, и нѣтъ ему ни времени, ни возможности сосредоточивать свое вниманіе на такихъ выраженіяхъ деревенскаго разговора, которыя значатъ въ немъ *все*, даютъ объясненіе всей кажущейся ему безсмыслицы и которыя, на бѣду, именно и проходятъ мимо его столичныхъ ушей...

Съ ранней весны, на наше общее несчастіе, всѣ мы, случайные деревенскіе посѣтители, постоянно, ежедневно и ежечасно разговаривали и слышали разговоры о порядкахъ и непорядкахъ. Болѣе двухъ самыхъ лучшихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ мы имѣли несчастіе ничего не понимать въ тѣхъ невозможныхъ (на нашъ взглядъ) параллеляхъ, которыя вели старики, сравнивая старое съ новымъ. Мы рѣшительно не понимали, почему, напримѣръ, разбранивъ нынѣшніе порядки, старикъ-собесѣдникъ давалъ имъ объясненіе выраженіемъ: «а все воля!» Не понимали, почему, говоря о томъ, что теперь все «чаи да сахары», необходимо прибавить выраженіе: «а какъ выдралъ бы его, всыпалъ бы ему пятьдесятъ,—такъ онъ бы и чувствовалъ». Не понимали, почему, го-

1*

воря о томъ, что теперешнія дѣвки наровятъ одѣться почище, слѣдуетъ закончить рѣчь словами: «а отчего?—Оттого, что страху нѣтъ!» Словомъ, если читатель представитъ себѣ, что мы два слишкомъ мѣсяца только и слышали: «порядки», «непорядки», «нѣтъ страху», «чаи да сахары», «воля», «хвосты распустила», «трубочки», «самоварчики», «нѣтъ, кабы взять бы палку» и т. д.,— и ничего въ этомъ не понимали, то онъ пойметъ то негодованіе, котораго не могъ не высказать одинъ изъ нашихъ спутниковъ, когда — даже въ полѣ, вдали отъ столицы, отъ газеты, вдали даже отъ деревни—послышалась такъ безплодно-утомившая насъ рѣчь и о томъ же безплодно-утомительномъ предметѣ.

Мы было хотѣли идти пошибче, чтобъ оставить собесѣдника за собой, но онъ самъ не отставалъ отъ насъ. Онъ радъ былъ поговорить и ускорялъ шагъ, замѣтивъ, что мы дѣлаемъ то же. Онъ былъ длиненъ, худъ, походилъ не то на стараго солдата, не то на деревенскаго бобыля. Длинныя, худыя ноги его, обутыя въ онучи и лапти, проворно и легко ступали по каменистой, плохо уѣзженной, дорогѣ, а худая, костлявая рука спокойно дѣлала большіе размахи дорожною палкой. И, не отставая отъ насъ, онъ медленно произносилъ по словечку тѣ самыя премудрыя мнѣнія о «самоварахъ», «чаяхъ» и прочихъ непорядкахъ, отъ которыхъ мы съ такимъ нетерпѣніемъ стремились отдѣлаться хоть на одинъ день. Говорилъ онъ мягкимъ, надорваннымъ голосомъ, который невольно располагалъ къ бесѣдѣ, но мы упорно воздерживались отъ нея.

— Нѣтъ,—наконецъ проговорилъ онъ, какъ бы оживившись,— ежели бы нонѣшніе порядки... да при покойникѣ графѣ, такъ что бы только было... И-и-и, владыко праведный!... И-и, сказать нельзя!...

Въ этой фразѣ чувствовалось ужь «повѣствованіе», желаніе, прекративъ безплодныя разсужденія, показать разницу порядковъ на фактѣ. Неловко было не поддержать этого желанія.

— При какомъ графѣ?—спросилъ учитель.

— А при Аракчеевѣ графѣ. Я его оченно даже хорошо помню... Ужь бы-ылъ нача-альникъ... Чисто антоновъ огонь!

Сравненіе это разсмѣшило насъ.

— Передъ Богомъ! Кажется, коснись его, хошь вотъ пальцемъ, такъ тебя и опалитъ всего полымемъ... Ужь можно сказать, что ужь... Бывало кучера-то, которые его важивали, разсказываютъ: сидишь,—говорятъ,—на козлахъ, а у самого духъ

мретъ, руки и ноги коченѣютъ; гонишь лошадей, а самъ бездыханенъ... Пригонишь къ станціи, такъ и хлопнешься объ земь.

— Отчего-жь это?

— Страху имѣлъ въ себѣ. Столь много было въ немъ, значитъ, испугу этого самого... Носъ у него, у покойника, былъ этакій мясистый, толстый, сизый,—значитъ съ сизиной... И гнусавый былъ, гнусилъ... Идетъ ли, ѣдетъ ли, все будто мертвый, потому глаза у него были тусклые и такъ оказывали, какъ, примѣромъ сказать, гнилыя мѣста вотъ на яблокахъ бываютъ: будто глядитъ, а будто нѣтъ,—будто есть глаза, а будто только гнилыя ямы... Вотъ въ этакомъ-то видѣ—ѣдетъ ли, идетъ ли— точно мертвецъ холодный, и носъ, этотъ самый сизый, мясистый, виситъ... А чуть раскрылъ ротъ—и загудитъ, точно изъ-подъ земли или изъ могилы: «Па-а-л-локъ!» Да въ носъ,—гнусавый былъ... «Па-а-а-л-локъ!...» Это ужь, стало-быть, что-нибудь запримѣтилъ... И только его и словъ было, а то все какъ мертвый... И ужь точно, пуще огня боялись... Ужь ежели бы ему на глаза попалъ поселенецъ, у котораго въ обоихъ карманахъ водка, такъ ужь онъ бы далъ бы ему понятіе... Во вѣкъ бы помнилъ, что такое значитъ винцо, и дѣтямъ бы заказалъ... Такъ вотъ какой былъ человѣкъ!... Бывало только крикнетъ кто-нибудь: «графъ идетъ»,—такъ иной такъ и грохнется объ земь безъ дыханія... Ну, а былъ порядокъ, ужь этого отнять нельзя. У-ухъ какой былъ порядокъ—во всемъ! За что ни возмись: что скотина, что пашня—все первый сортъ... То-есть, бывало, до такой степени, напримѣръ, вникалъ, что ужь на что кажется бабы или бабьи дѣла какія, а и то чувствовали графскій глазъ... Бывало иная хлѣбы не домѣсила, или худо просѣяла,—ужь это не пройдетъ ей даромъ... Ужь онъ ее, покойникъ, выучитъ, какъ хлѣбы печь... А нониче иная, шкура, печетъ хлѣбъ точно не людямъ, а свиньямъ: кажется, взять ковригу, да хлопнуть ее объ стѣну, такъ она и прилипнетъ, какъ замазка. Что же это за хлѣбъ? Нешто это можно назвать печеньемъ?

Очевидно, опять начиналась одна изъ невозможныхъ и невыносимыхъ параллелей прошлаго съ настоящимъ,—параллелей, гдѣ палки чередовались съ бабами, бабы съ плацъ-майорами, скотъ съ строгостью и т. д. Учитель не выдержалъ этой пытки и воскликнулъ:

— Да что такое, скажи, пожалуйста, за порядки такіе были? Все палки, да палки, а выходитъ, что были какіе-то порядки... Что такое было? Какіе порядки?

Вопросъ этотъ, требовавшій рѣшительнаго отвѣта, на мгновеніе озадачилъ старика, какъ озадачивалъ всѣхъ другихъ стариковъ, съ которыми намъ приходилось трактовать о порядкахъ. Но старикъ скоро оправился и съ какою-то особенною живостью переспросилъ:

— Какіе были порядки?

— Да.

— Извольте. Вотъ какіе были порядки!...

Онъ остановился и мгновенно съ нимъ произошло что-то необыкновенное. Какая-то невидимая сила точно петлей вздернула его голову къ верху, вытянувъ шею, какъ только возможно; грудь, заглотнувъ сразу массу воздуху, вздулась колесомъ, руки прилипли по швамъ, колѣнки плотно сжались и весь онъ вытянулся, повернувъ вздернутую голову какъ-то на сторону. Красные лучи заходящаго солнца ударили прямо въ эту испуганную, задохнувшуюся, задушенную фигуру и, обливъ ея мертвое и страшное лицо красноватымъ свѣтомъ, производили до того потрясающее впечатлѣніе, что одинъ изъ гимназистовъ не выдержалъ и проговорилъ:

— Ну, будетъ. Оставь... Оставь пожалуйста!

Но старикъ стоялъ неподвижно, не слыша, не видя, не моргая, не дыша, какъ будто каменѣя съ каждою минутой все болѣе и болѣе. «Будетъ! Перестань! Да ну тебя!» — кричали мы всѣ; но ничего не дѣйствовало. Впечатлительный гимназистъ началъ его тормошить, дергать за рукавъ, но никакая сила не могла оторвать окаменѣлой руки отъ окаменѣлаго тѣла. Старикъ хотѣлъ на вѣки запечатлѣть въ насъ идею старыхъ порядковъ, и еслибы была возможность вылѣпить эту фигуру и отлить ее изъ бронзы, то зрѣлище этого страшилища во многомъ могло бы быть поучительнымъ... Измучивъ насъ до того, что мы хотѣли уйти, старикъ началъ приходить въ себя. Живой духъ зашевелился въ омертвѣломъ тѣлѣ. Старикъ испустилъ глубокій вздохъ, согнулся, заморгалъ глазами и тутъ же сѣлъ при дорогѣ, тяжело дыша. Онъ такъ былъ утомленъ продолжительнымъ окаменѣніемъ и напряженіемъ всѣхъ мускуловъ, что нѣкоторое время не могъ произнести слова, и только, очнувшись немного, онъ могъ прерывающимся шепотомъ пролепетать:

— Такъ... былъ... порядокъ!...

И закашлялся.

Да и мы всѣ устали отъ этого зрѣлища и тоже сѣли отдохнуть, закуривъ папиросы. Старикъ ужь болѣе ничего не го-

ворилъ,—ему казалось, что своею пантоминой онъ вполнѣ разъяснилъ намъ всю суть порядковъ прошлаго. Онъ только дышалъ тяжело, вытиралъ рукавомъ потъ, кряхтѣлъ.

— Вотъ какой былъ сурьезный, дьяволъ!

Послѣднее слово какъ-то внезапно сорвалось съ его языка, такъ что мы всѣ невольно улыбнулись, а старикъ поправился, прибавивъ:

— Прости, Господи, мое согрѣшеніе!

Опасаясь, чтобъ онъ вновь не началъ рѣчи все о томъ же, чтобы вновь не возвратился къ параллелямъ, мы поспѣшили уйти.

— Ступайте, ступайте съ Богомъ!—сказалъ намъ старикъ на прощанье.—Слабы стали ноги-то... Посижу, подожду тутъ у дороги, не подвезетъ ли кто.

II.

Мы разстались, но, какъ увидитъ читатель, не надолго: судьба сулила намъ новую встрѣчу въ томъ же родѣ... Не подозрѣвая однако этой бѣды, мы, оставивъ старика, почувствовали себя какъ будто посвободнѣе. Правда, Аракчеевская дорога, по которой мы шли, благодаря недавней встрѣчѣ, пробуждала въ насъ не совсѣмъ веселыя воспоминанія: носастая, гнусавая фигура, мертвая на видъ и мертво-молчаливая, съ тусклыми, холодными глазами, поминутно рисовалась нашему воображенію... По этой самой дорогѣ не разъ проносилась эта фигура, съ полумертвымъ отъ страха кучеромъ. Не разъ эти деревни, вытянутыя въ линію, съ остатками какихъ-то казенныхъ выдумокъ въ постройкахъ, съ душными, узенькими улицами, съ домишками плотно, какъ солдаты въ шеренгѣ, прижатыми другъ къ другу,—оглашались гнусавымъ возгласомъ: «па-алокъ», крикомъ, плачемъ или подавленнымъ стономъ среди гробоваго молчанія... Скоро однако эти пытки воображенія окончились, и мы, покинувъ Аракчеевскую дорогу, пошли по узкой лѣсной тропинкѣ, протоpенной богомольцами къ монастырю. Дорога была узкая, а деревья густыя, высокія. Въ лѣсу было темно и холодно. Солнце сѣло; туманъ бѣлыми клубами сталъ показываться то тамъ, то сямъ въ лѣсной чащѣ... Скоро стало очень трудно различать дорогу, и мы подвигались впередъ, стараясь не отставать отъ другихъ богомольцевъ, которые въ темнотѣ могли быть узнаваемы только по шуму шаговъ, да по разговору, такъ какъ различить въ темнотѣ, кто именно

идетъ: солдатъ, купецъ, крестьянинъ, мужикъ или баба,—ужь не было возможности... Вверху, надъ лѣсомъ, едва бѣлѣлась полоска неба, гдѣ мигали какія-то звѣзды; но ни небо, ни звѣзды не давали свѣта.

Добрались мы до обители часу въ первомъ ночи. Маленькій, старый, одинокій монастырь, сооруженный еще во времена «великаго» Новгорода, стоялъ на низменной полянкѣ, среди густаго лѣса. Здѣсь было свѣтлѣй, чѣмъ въ лѣсу, — бѣлыя стѣны монастыря не мало помогали этому,—но туманъ лежалъ на землѣ густымъ, какъ вата, бѣлымъ, слоемъ, кое-гдѣ клубясь большими бѣлыми комьями. Въ туманѣ слышались разговоры, смѣхъ иногда. Вся монастырская ограда была обложена спавшимъ народомъ. Небольшая гостиница была также биткомъ набита народомъ: и въ комнатахъ, и въ корридорахъ, и даже на чердакѣ—вездѣ народъ лежалъ въ-повалку и, кажется, не спалъ, такъ какъ всѣ какъ будто шевелились, жались, вздыхали, а иногда довольно явственно слышалось неистовое чесанье кожи и шепотъ: «ахъ, ѣдятъ-то проклятые!... Такъ и горитъ кожа-то».

Обойдя гостиницу и не найдя ни единаго свободнаго угла, мы долгое время гуляли вокругъ монастыря, не зная, какъ убить время. Трактиръ—холстинный балаганъ—былъ запертъ и трактирщикъ, очевидно, улегшійся спать, велъ съ нами переговоры весьма неохотно. «Нѣту того...—сказалъ онъ сурово.—Завтра поутру». Но потомъ смилостивился и спросилъ: «Лимонаду не угодно ли?» Но лимонаду мы не пожелали, и трактирщикъ сдѣлалъ намъ новое предложеніе: «Вобла есть,—не угодно ли?» Когда и это предложеніе принято не было, трактирщикъ замолкъ и мы опять пошли бродить... Кромѣ трактира, неподалеку отъ монастырской ограды выстроились двѣ палатки съ пряниками и орѣхами. Но и онѣ не торговали. Осмотрѣвъ все это, мы, наконецъ, должны были гдѣ-нибудь и какъ-нибудь отдохнуть. Пришлось лечь на голую землю.

Улеглись...

Холодъ ночи и сырая, мокрая трава не представляли удобствъ для отдохновенія. Можно было лежать, но спать не представлялось никакой возможности. Лежимъ, молчимъ, смотримъ на бѣловатое, усѣянное блѣдными звѣздами, небо. Народъ подходитъ изъ лѣсу и тоже устраивается гдѣ попало... Чѣмъ глуше ночь, тѣмъ меньше сна... На дворѣ холодно, а въ гостиницѣ «ѣдятъ». То и дѣло оттуда выходятъ, а иной разъ выбѣгаютъ мужчины

и женщины и, шепотомъ проклиная что-то, стараются примоститься гдѣ-нибудь на травѣ... Тамъ и сямъ все чаще и чаще слышатся разговоры... Даже пѣсня откуда-то донеслась.

И слышу я знакомую рѣчь:

— И что будетъ,—произноситъ знакомый голосъ аракчеевца,—единому только Богу извѣстно.

— Что будетъ?—прибавляетъ другой, но уже незнакомый голосъ.—Больше ничего не будетъ, окромя что Господь повелитъ, то и будетъ.

Я ни на одну минуту не сомнѣвался, что рѣчь идетъ опять о «порядкахъ» и «непорядкахъ». Итакъ, вмѣсто одного изслѣдователя старыхъ и новыхъ порядковъ, неумолимая судьба послала намъ въ тотъ же день и въ тотъ же вечеръ двухъ. Аракчеевецъ, вѣроятно, нашелъ себѣ попутчика и пріѣхалъ въ то время, когда мы разыскивали себѣ ночлегъ.

Хотя двухъ, вмѣсто одного, и было многовато на нынѣшній вечеръ, но волей - неволей пришлось слушать ихъ разговоры,— спать не было возможности, а разговаривавшіе лежали недалеко.

— Конечно, — послѣ незначительнаго молчанія началъ незнакомый голосъ,—конечно, Господь, по своему великому милосердію, еще жалѣетъ насъ, подлецовъ, не забываетъ насъ, даетъ указанія... Примѣромъ скажемъ, вотъ таперича скотъ падаетъ, или вотъ градомъ выбьетъ, или пожаромъ посѣтитъ, — все это означаетъ, что Господь еще не совсѣмъ насъ оставилъ, а что насъ помнитъ, хочетъ вразумить, чтобы мы, безумные, очувствовались. Н-но... я такъ думаю, что мало намъ этого.

— Мало!—съ сокрушеніемъ сказалъ аракчеевецъ.—Передъ Богомъ говорю: мало намъ этого, мало!

Оба собесѣдника вздыхаютъ, покряхтываютъ и опять вздыхаютъ.

— По нонѣшнимъ временамъ, — снова начинаетъ незнакомецъ,—намъ такъ требуется, чтобы Господь за наши грѣхи, за наше лицемѣрство, богоотступство и всякое свинство, чтобы онъ безъ отдыху бы, безъ пощады бы сталъ искоренять нашего брата,—н-ну, тогда быть-можетъ еще...

— Нѣтъ, — рѣшительно перебилъ аракчеевецъ,—мало! Повѣрь ты мнѣ, мало этого! Ничего это не составляетъ... Нѣтъ, не составляетъ, —не такой народъ... Ты его ежели бы, напримѣръ, огнемъ бы выжегъ весь, или же потопомъ потопилъ, и то онъ не очувствуется и не вступитъ въ тоё раскаяніе, что онъ есть подлецъ и больше ничего... Вотъ какъ я думаю!

— Д-да!—многозначительно вздыхая, подтверждаетъ незнакомецъ.—Но ежели Господь оставитъ насъ, позабудетъ, ежели онъ не будетъ насъ, негодяевъ, сокращать огнемъ ли, моромъ, или какими прочими средствіями, то мы и вовсе станемъ подобны безумцамъ... И что будетъ, извѣстно единому Создателю.

— Буди его святая воля!—произноситъ аракчеевецъ съ глубокимъ вздохомъ.

Послѣ этого разговаривавшіе замолкли. Очевидно, что, исчерпавъ всѣ казни египетскія, они затруднялись продолженіемъ разговора; но такъ какъ не разговаривать было нельзя, то скоро я услышалъ слѣдующее:

— Нѣтъ,—самымъ рѣшительнымъ тономъ произнесъ незнакомецъ,—главное дѣло состоитъ въ томъ, что нѣту начальства!

— Это самое и есть!—подтвердилъ аракчеевецъ.

— Начальства нѣтъ никакого!—еще рѣшительнѣе проговорилъ незнакомецъ. И эта формула, объясняющая современные безпорядки, до того показалась ему правильной и точной, что онъ оживился, поднялся и сѣлъ, проворно почесалъ голову и еще проворнѣе произнесъ:

— Нѣтъ начальства! Некому взыскать!

— Во-отъ! Вотъ, вотъ!—тоже, какъ бы обрадовавшись ясности, проливаемой словами собесѣдника на всѣ вопросы современности, торопливо и какъ-то радостно произнесъ аракчеевецъ и тоже проворно сѣлъ противъ своего собесѣдника.—Нѣту! Начальства нѣтъ никакого!... Ну, гдѣ ты его видѣлъ, спрошу я тебя?

— Нѣту его!

— Гдѣ оно?

— Нѣту! То-то и оно-то, что нѣту его!

— Про это-то про самое и я говорю... Ищи его днемъ съ огнемъ, а его нѣтъ. Вотъ въ чемъ главная причина!.... . .

. . . .

Признаюсь, послѣднія слова разговаривавшихъ рѣшительно ошеломили меня. Тонъ, какимъ они были сказаны, не оставлялъ сомнѣнія въ томъ, что собесѣдники дѣйствительно были убѣждены въ справедливости высказаннаго мнѣнія,—они развеселились, оживились, найдя такую точную формулу для объясненія обуревающихъ насъ бѣдъ. «Но если,—подумалъ я,—они дѣйствительно не видятъ начальства и спрашиваютъ другъ друга, гдѣ оно, то что же это должно-быть за удивительное міросозерцаніе, если оно позволяетъ имъ съ такой явной увѣренностью отрицать одинъ изъ не-

сомнѣннѣйшихъ фактовъ дѣйствительности? Наконецъ, не видя теперь въ наши дни нигдѣ никакого начальства, они, очевидно, имѣютъ представленіе о какомъ-то своемъ, особенномъ, начальствѣ, нисколько не существующемъ, непохожемъ... Что-жь это за невѣдомое начальство? Мягче оно теперешняго или жостче, добрѣй или злѣй? И, вообще, если этимъ людямъ мало того, что есть, если имъ еще чего-то надобно, то что же это такое?

Все это было до того неожиданно, до того ново для меня, что я, вопреки желанію разговаривать о порядкахъ и непорядкахъ, рѣшился вступить съ собесѣдниками въ разговоръ.

III.

— Какъ такъ у насъ нѣтъ начальства?—спросилъ я автора этого мудраго изреченія, предварительно, конечно, познакомившись и поговоривъ о разныхъ разностяхъ.

Объ этихъ разговорахъ и о томъ, какъ произошло знакомство, разговаривать не буду. Скажу только, что авторъ этотъ былъ сѣдой, какъ лунь, но крѣпкій, коренастый и румяный старикъ. При крѣпостномъ правѣ онъ былъ бурмистромъ у одного богатаго сосѣдняго помѣщика, теперь раззорившагося. Теперь онъ живетъ на крестьянскомъ положеніи и, повидимому, принадлежитъ къ числу зажиточныхъ.

— Какъ нѣту?—переспросилъ онъ.—Да такъ и нѣтъ!

— Какъ не бываетъ-то?—въ свою очередь прибавилъ аракчеевецъ, чему-то радуясь.—Коли нѣтъ, такъ гдѣ-жь ты возмешь? Очень просто!

— То-то и есть,—многозначительно проговорилъ бывшій бурмистръ,—что нѣту, и взять негдѣ.

— Да помилуйте!—воскликнулъ я,—что вы говорите? Какого вамъ еще нужно начальства?... Десятскіе и сотскіе есть?

— Какъ не быть! Есть и старосты, и старшины, — таинственно улыбнувшись, сказалъ бурмистръ.

— Этого-то добра сколь хошь, —дополнилъ аракчеевецъ, — этого-то довольно... Десятскіе, сотскіе, старосты, старшины...

— Писаря, урядники, члены, предсѣдатели, — продолжалъ бурмистръ.

— Управы,—братецъ ты мой,—присутствія, правленія, слѣдователи...—торопливо исчислялъ аракчеевецъ; но бурмистръ перебилъ его:

— Это есть. Этого есть много, всего,—ну, а начальства, опять же я скажу, нѣту!

— Да что же это такое?—въ изумленіи спросилъ я.—Эти-то люди—что-жь они такое? Зачѣмъ?

— А Господь ихъ вѣдаетъ... А зачѣмъ—это намъ не извѣстно.

— Но вѣдь они начальники,—убѣждалъ я,—дѣйствительно начальники? Вѣдь они сѣкутъ, сажаютъ въ темную, штрафуютъ, взыскиваютъ?... А вы говорите, «некому взыскать».

— И есть некому!—рѣшительно сказалъ бурмистръ.

Аракчеевецъ только подмигнулъ въ подтвержденіе словъ бурмистра, а я замолчалъ и, ничего не понимая, ожидалъ, что будетъ дальше.

— Этого-то народу, другъ ты мой любезный,—началъ бурмистръ,—сколь угодно. Вотъ мы считали ихъ, а все еще далеко до конца не досчитались... Это, братецъ ты мой, не наше дѣло: что, какъ, зачѣмъ... А мы говоримъ по нашему, крестьянскому, мнѣнію... вотъ какъ!... По нашему-то, по крестьянскому-то, мнѣнію намъ и оказываетъ, что нѣту начальства и нигдѣ мы его не видимъ.

— То-то и есть,—присовокупилъ аракчеевецъ,—что не видать его по нонѣшнимъ временамъ нигдѣ...

— Нешто можно назвать начальниками хотя бы—будемъ говорить примѣромъ—старосту или старшину теперешняго? Положимъ, что дѣйствительно цѣпь ему дана, или медаль какая,—ну, и дѣйствительно что,—правильно это вы сказывали,—что, напримѣръ, онъ и наказываетъ, и сѣчетъ, и все прочее. Можно бы по всему признать начальникомъ... Ну, а коль скоро мы ежели коснемся до корня, то и оказывается—онъ не начальникъ, а живорѣзъ, больше ничего!...

— Вотъ это самое и есть!—подтвердилъ аракчеевецъ.

— Что ему требуется, нонѣшнему начальнику-то, живорѣзу-то?... Сидитъ онъ въ своей цѣпи, дѣлаетъ народу пріемъ. Я говорю къ примѣру. Вотъ пришелъ къ нему мужикъ, вывалилъ на столъ деньги: «получай, молъ, Петръ Семенычъ, подати!» Петръ Семенычъ сосчиталъ: «вѣрно!»—росписку далъ, а деньги въ сундукъ заперъ. «Ступай куда хошь! На всѣ четыре стороны... Молодецъ,—скажетъ,—спасибо!... Такъ, молъ, вы, ребята, и всѣ бы поступали: отдалъ деньги—и ступай!»... А другой, тоже примѣромъ будемъ говорить, пришелъ тоже въ волость, а денегъ-то не принесъ.

— «Ты что же не принесъ денегъ?» — «Нѣту!» А иной съ грубостью скажетъ: — «Откуда, молъ, я тебѣ возьму денегъ-то?» А за грубость-то его, да за неплатежъ — сѣчь, въ темную и прочее подобное... Это не есть начальство, а одно разбойство!...

— Помилуйте,—сказалъ я,—человѣкъ принесъ деньги, поступилъ исправно, сдѣлалъ что ему нужно, старшина его похвалилъ,—что-жь онъ еще долженъ дѣлать?

— Разбойство это, а не начальство!—настойчивѣе прежняго продолжалъ бурмистръ. — Ты вотъ выпоролъ неплательщика-то: положимъ, что за неисправность слѣдуетъ попарить человѣка, это ужь... безъ этого нельзя, — только я спрошу нонѣшняго-то начальника: а не самъ ли ты, негодный, виноватъ, что у него денегъ-то нѣтъ? Вѣдь вотъ пришелъ къ тебѣ мужикъ, отдалъ деньги,—ты и пустилъ его на всѣ четыре стороны, да еще похвалилъ; а спросилъ ли ты его, откуда онъ деньги-то взялъ?

— Во-отъ это са-амое!—многозначительно шепнулъ аракчеевецъ.

— Да, спросилъ ли ты его? Знаешь ли ты, начальникъ, откуда эти деньги взялись?... Вотъ теперича, по веснѣ, раздавали управскій овесъ на посѣвъ. Опять же, говоримъ примѣрно, овесъ давали по шести съ полтиной куль, съ процентомъ, до осени. Слѣдовательно, осенью его отдать требуется? Такъ или нѣтъ?

— Такъ.

— Ну, хорошо. Взялъ я этотъ самый овесъ и сбухалъ его по четыре цѣлковыхъ,—деньги нужны и подати требуютъ. Сбухалъ я его по четыре цѣлковыхъ, деньги старшинѣ принесъ; старшина меня похвалилъ, деньги заперъ, росписку далъ,—ступай, куда хочешь. Все честно, благородно,—на все есть росписка и похвала: «Берите, ребята, примѣръ!» Такъ ли я говорю?... Пришла осень—опять подати, да и овесъ изволь отдать съ процентомъ. А овесъ-то я продалъ еще весною и похвалу за это самое получилъ: «Берите, ребята примѣръ!» Да старшина-то тоже изъ города получилъ похвалу,—листы имъ за это даютъ, дипломы разные, какъ иной разъ вотъ у скотины хорошей бываютъ аттестаты... Все исправно. Пришла осень. — «Ты что же подати не отдаешь?» — «Да нѣту у меня!» — «Какъ нѣту?» — «Да такъ, какъ не бываетъ-то». — «Ты что же грубишь-то?»... А какъ я не сгрублю, когда я послѣднимъ дуракомъ сталъ? Беретъ меня зло, что я безъ всего остался, или нѣтъ? Вотъ я и сталъ ему

грубить, а онъ меня драть... Ну, не живорѣзы ли они послѣ этихъ моихъ словъ?... Спрошу я васъ, господинъ, достойно ли этакой народъ назвать, чтобы какъ вполнѣ того достоинъ начальникъ?

— Разбойникомъ, пожалуй-что, а не иначе какъ,—пробормоталъ аракчеевецъ.

— А какъ же быть-то?—спросилъ я.

— Какъ быть?—А вотъ какъ. Я буду говорить про себя, хоть я и не начальникъ, и цѣпи на мнѣ нѣту... Пускай и такъ обойдется. Коли по мнѣ, такъ я бы тоже бы Дралъ,—это вѣрно,—только дралъ бы я его не въ то время, какъ онъ раззорился, а въ то время, какъ онъ овесъ-то продавалъ... Вотъ тутъ-то бы я его не похва-ли-лъ, нѣтъ! Тутъ бы я ужь не сказалъ: «берите, ребята, примѣръ», я бы тутъ похвальный диплонъ не далъ, а растянулъ бы за это за самое, да всыпалъ бы горячихъ безъ экономіи, да и того бы подлеца, который овесъ-то купилъ, и того бы отстегалъ, да овесъ-то бы отобралъ, да заставилъ бы его посѣять, анафему, а послѣ посѣва опять бы его поддымилъ вѣничкомъ,—вотъ онъ у меня бы и съ хлѣбомъ былъ, и земству бы овесъ-то отдалъ, и подати бы отдалъ... Вотъ что есть начальство!... А они что?... Ему бы только деньги взять, въ сундукъ положить, а тамъ хоть околѣй съ голоду!... Иные начальники-то сами, безсовѣстные, овесъ-то этотъ купятъ, а потомъ дерутъ... Нѣтъ, самого бы его надобно растянуть да поддымить!... Ежели онъ начальникъ, онъ долженъ смотрѣть, чтобъ у мужика было съ чего взять... Что же, я васъ спрошу, ежели у мужика не будетъ хозяйства, то что изъ этого выйдетъ? Что вы съ него возьмете? Теперь вонъ на моихъ глазахъ мужики сѣно продаютъ, а съ чѣмъ они останутся осенью, чѣмъ будутъ кормить скотину, съ чего я буду взыскивать?... Драть?—А они меня жечь начнутъ—вотъ тебѣ и вся недолга!... Я долженъ не допустить этого, а который не слушается, то и наказать. А нонѣшніе-то и десятскіе, и сотскіе, и старосты, и старшины, и весь легіонъ, прости Господи, имъ это все одно—наплевать!... Вотъ мужикъ сѣно продаетъ, всю зиму скотину кормить нечѣмъ, а онъ идетъ мимо,—ему и горя мало.... Я-бъ его тутъ же на мѣстѣ запоролъ за эту продажу, а онъ, дуракъ, безсовѣстный, только и думаетъ, что «вотъ молъ съ мужика можно рублишко въ подати ухватить»,—а о томъ не думаетъ, что мужикъ на его глазахъ раззоряется... Анафемы этакіе!... Нѣтъ, сударь мой, не начальники это... Нѣтъ у насъ начальства!

— О-охъ, нѣту его!—вздохнувъ, прошепталъ аракчеевецъ.

Бурмистръ вынулъ тавлинку съ табакомъ, понюхалъ и сказалъ:

— И мы, братецъ мой, бивали народъ, и оченно даже жестоко его колачивали... Я вотъ пришелъ теперь угоднику помолиться. Думаешь, не вздохну я?—Вздохну-у, милый мой, со слезами вздохну въ своей винѣ!... Били, тиранили, но только-что мы били умѣючи: били мы, напримѣръ, человѣка за то, чтобъ *себя не раззорялъ*,—вотъ за что мы били,—потому что мы понимали: ежели онъ себя раззоряетъ, то и намъ ничего не будетъ... Вотъ какой былъ прежній смыслъ... А нонѣче? Скажи пожалуйста!... Иду я недавно съ нашимъ старостой (вѣдь тоже начальникъ, анафема, считается), глядимъ—на болотѣ мужикъ коситъ траву, а сапоги на немъ новые. Я и говорю этому начальнику: «Видишь, говорю, или нѣтъ?»—«Что такое?»—«Посмотри, молъ». Глядѣлъ-глядѣлъ, хлопалъ-хлопалъ бурколами-то,—ничего, молъ, не вижу...—«Да дуракъ ты этакой, говорю, вѣдь твой мужикъ-то коситъ въ хорошихъ сапогахъ!... Вѣдь, говорю, онъ не милліонщикъ. Вѣдь онъ, говорю, ихъ въ одинъ мѣсяцъ этакъ-то издеретъ, а потомъ придетъ зима,—въ чемъ онъ будетъ ходить? Ты же, говорю, съ него подати начнешь драть, а онъ будетъ дома сидѣть,—выйдти не въ чемъ. Вѣдь онъ же, говорю, долженъ будетъ въ долгъ сапоги-то въ три-дорога взять. Вѣдь зимой-то и дрова возить нанимаютъ, и сѣно возить,—мало ли на зиму народу требуется,—а онъ у тебя безъ сапогъ будетъ дома сидѣть, а ты его за это драть будешь, безбожная душа!... А не то такъ за эти сапоги-то какой-нибудь, у котораго совѣсти нѣту, заставитъ его лѣтомъ проработать мѣсяца два, отъ хозяйства оторветъ, а отъ хозяйства человѣкъ оторвется — пойдетъ слабѣть, пьянствовать... А пойдетъ пьянствовать — подати перестанетъ платить, за это ты его будешь драть, а за дранье онъ тебѣ будетъ гадить... Чего-жь ты смотришь, говорю? Какъ же ты не внушишь?» — «Какъ же, — говоритъ, — послушаютъ они тебя... Нонѣ, братецъ мой, говоритъ, поди-ка, босикомъ-то всякій стыдится ходить. Изъ послѣдняго вытянется, а ужь насчетъ одёжи постарается... Коего, говоритъ, рожна я ему внушу?» — «Коего рожна?... Нѣтъ, по-нашему не такъ. По-нашему, по-старинному, ежели такое безобразіе увидалъ я, начальникъ, я-бъ такъ не оставилъ, — я бы первымъ долгомъ подошелъ, да спросилъ: Кто ты такой?—«Иванъ Ивановъ», примѣрно говоритъ.—Чей?— «Такихъ-то!»—Велика ли семья-то у васъ?—«Да вотъ пятеро,

молъ, всѣхъ-то». — А работниковъ?—«Да я молъ!»—Одинъ?—«Одинъ!»—Такъ какъ же ты, безумецъ, въ сапогахъ-то по мокротѣ осмѣлился ходить? Вѣдь сапоги-то, необузданный ты человѣкъ, девять съ полтиной, анафема ты этакая, а ты ихъ таскаешь зря! А зимой я тебя пошлю въ лѣсъ за дровами, въ онучахъ поѣдешь? Ноги отморозишь, проваляешься безъ ногъ всю зиму, всю семью оголодишь, охолодишь... Н-ну-ка, поди-ка я тебя переобую... («Переобулъ изъ сапогъ въ лапти», припомнилась мнѣ поговорка народная...) Такъ онъ и будетъ у меня знать, когда ему въ сапогахъ щеголять, а когда въ лапоточкахъ... Небось, не трону, кто не заслуживаетъ этого... Иной хоть въ бархатныхъ штанахъ въ воду влѣзь, и то мнѣ наплевать... Спрошу только: чей?—«Такихъ-то!» Вижу, ежели люди въ силахъ, въ достаткѣ, что человѣку это не въ раззореніе, такъ сдѣлай милость: хоть, говорю, въ золотой кафтанъ облачись, да на навозъ ложись, такъ шутъ тебя и возьми,—все мнѣ равно!... А нонѣ вѣдь какъ? Недавнись поѣхалъ я такъ-то на пароходѣ по своимъ дѣламъ въ городъ; гляжу—на палубѣ сидитъ дѣвочка одна, хорошая, работящая дѣвчонка, ужь невѣста, изъ нашей деревни. И ее-то я знаю, и мать-то ейную знаю... Ихъ только двѣ и есть съ матерью.

— Куда, молъ?—«У городъ».—Зачѣмъ?—«Покупать».—Ну, говорю, слава Богу, что на покупку деньги есть... Свои ли?—«Вѣстимо, не чужія...»—Какія такія?—«Такія вотъ»... Цѣлую, вишь, весну кору ивовую драла (вѣдь, зубами ее драть-то надо!), грибы собирала, стирала у попа, гряды копала,—одно слово, билась, истинно, что, какъ говорится, до кроваваго пота... Ну, похвалилъ: «умница, молъ»... Славная дѣвчонка, одно слово! Ну, пріѣхали.—Знаешь ли, молъ, гдѣ лавки-то?—«Не знаю, дяденька».—Ну, молъ, пойдемъ, покажу. Покуповала ли когда что въ городѣ-то?—«Нѣтъ,—говоритъ,—и въ городѣ-то не бывала»... Вижу, надо дѣвчонку проводить, нельзя такъ бросить,—оберутъ, ограбятъ... Да и самому кстати въ лавки-то требуется...—Ну, пойдемъ, говорю, востроглазая, поведу я тебя, покажу... Какихъ, молъ, тебѣ лавокъ надо, съ какимъ товаромъ?—«А мнѣ, говоритъ, дяденька, модныхъ лавокъ, съ моднымъ товаромъ».

— Ишь, вѣдь, что, скажи пожалуйста!—воскликнулъ аракчеевецъ. Но бурмистръ не слушалъ его и продолжалъ:

— Ахъ ты, говорю, пострѣленокъ этакой! Какихъ такихъ модныхъ лавокъ тебѣ? Я вотъ до сѣдыхъ волосъ дожилъ и то

не знаю, какой такой модный товаръ есть!.. Ну, однако-жь, дѣлать нечего, сталъ искать. Тамъ спросимъ, туда заглянемъ, видимъ, наконецъ, того, лавку—чепцы, да эти самыя перья всякія, чулки и все такое... Увидала, такъ туда и воткнулась... Я стою въ дверяхъ, гляжу... Вижу, шеборшитъ моя землячка разными товарами,—и красные, и зеленые всякіе,—и порядочно-таки она промаяла меня,—разгорѣлись глаза-то... Выскочила, какъ земляника красная.—«Теперь, говоритъ, въ башмачную лавку!»—Ну, молъ, шутъ съ тобой, пойдемъ въ башмачную ужь заодно... Пошли. Покупаемъ сапожки на коблучкахъ, на подковкахъ... Пригнала одни такіе-то по ногѣ, любуется,—хвать, а по деньгамъ-то не хватаетъ цѣлаго полтинника... Плачется, убивается,—молитъ-проситъ: «Я тебѣ, дяденька, и яичекъ, и того, и другаго»...—Ну, молъ, ладно,—и далъ. Рада-радехонька, а осталась сама безъ копѣйки.—Чай, спрашиваю, ѣсть хочешь? Взяла ли что съ собой?—«Ничего нѣтъ!»—Ахъ ты, думаю, все на наряды!... Далъ ей двугривенный на ѣду, да за билетъ заплатилъ. Задолжала она мнѣ больше рубля... Ну, Богъ съ ней, думаю, да и не дать нельзя,—аккуратная дѣвчонка. Н-ну, хорошо... Проходитъ время. Недѣля, двѣ ли, или тамъ мѣсяцъ,—встрѣтилъ ее разъ, гуляетъ, одѣлась ничего, опрятно. И платьице новенькое, и ботинки съ коблучками... Не хуже другихъ, честно, благородно. Только не помню, въ какой-то праздникъ пріѣхали барки сѣно грузить, кликнули лоцманà дѣвокъ,—всѣ наши франтихи и повалили въ своихъ нарядахъ... Гляжу, и наша красавица: сапожки съ коблучками, платье съ бантами, а черезъ лобъ веревку перегнула, сѣно тащить,—тридцать, вишь, копѣекъ!... А изорветъ-то сколько? Вѣдь труда-то, горькая, сколько она приняла,—вѣдь это только подумать надобно!... Погляди у ней, у сироты, въ домѣ—ни пить, ни ѣсть нечего; все, что горемычная выработала тяжкими своими трудами,—все на наряды, потому ей хуже другихъ нельзя быть, обидно,—это кого хошь возьми... Все на нарядъ убила, не допивала, не доѣдала, да и издеретъ этотъ самый нарядъ, потому перемѣниться нечѣмъ,—за тридцать копѣекъ издеретъ на тридцать рублей. Вотъ какія горемычныя!... Вѣдь вотъ нонѣ какіе стали порядки-то, а вникнуть некому...

— Досмотрѣть-то, главная причина, некому!—пояснилъ аракчеевецъ.

— Да какъ же и что тутъ можно досмотрѣть?—спросилъ я.

— Не знаю, нонѣшнихъ порядковъ судить не могу, а что въ наше время—досматривали... Умѣли, знали. Конечно, наше время было крѣпостное,—не дай Богъ и вспомнить-то иной разъ,—а что мы понимали правду хозяйственную... Я про себя скажу: я двадцать лѣтъ вызудилъ у помѣщика, у барина, въ бурмистрахъ, много грѣха на душу принялъ,—а что, по совѣсти скажу, помнилъ Бога, наблюдалъ правду и ужь у меня, въ моемъ хозяйствѣ, такихъ дѣловъ не бывало... Возьми ты вотъ хоть бы эту горемычную дѣвчонку. Изъ-за чего она, бѣдняга, убивается? Хочется ей, чтобы противъ людей не быть хуже. Вотъ она изъ всѣхъ силъ и бьется, чтобы нарядиться... Да не одна она, а много ихъ, горемыкъ, рвутся по нарядамъ другъ съ дружкой поровняться, потому что же онѣ, въ самомъ дѣлѣ, за горькія такія уродились, что имъ надо быть хуже всѣхъ? Вотъ онѣ и наровятъ съ прочими франтихами поровняться, не ѣдятъ, не пьютъ, не спятъ ночей, бьются. А позвольте спросить, какія такія эти прочія? Кто такія эти модники? Говорятъ: вотъ такого-то крестьянина, вотъ такого-то... — «Ихнія, молъ, дѣвки нарядились, а намъ что-жь въ грязи ходить?» Хорошо. Поглядимъ, какіе такіе это крестьяне, откуда у нихъ берутся деньги дочерей наряжать. Пошли, поспрошали. Точно, крестьянинъ считается, за двѣ души платитъ, точно такъ же, какъ вотъ и этотъ двудушный, тѣ же самые двадцать два рубля серебромъ, только у него окромя надѣлу, Господи благослови, покосъ пудиковъ тысячи на три, да овса у мужиковъ онъ управскаго накупилъ по дешевымъ цѣнамъ, да перепродалъ по дорогимъ, да съ бариномъ ѣздилъ зиму и поболѣ сотни въ карманъ положилъ, да то, да другое... Глядь, анъ и есть изъ чего франтовство-то заводить; вотъ онъ и нарядилъ свою дочь, какъ королевну. А другой-то мужикъ, тоже двудушный, тоже двадцать два рубля платитъ, тотъ-то ужь и бьется, тотъ-то ужь и телушку продалъ за полцѣны, тотъ-то и сѣно прежде времени сбылъ, тянется за богатѣемъ всячески, изъ всѣхъ жилъ вылѣзаетъ,—глядь, платье-то дочери сшилъ, а ѣсть-то ни ему, ни дочери, ни дѣтямъ, ни скотинѣ нечего... А не доплатилъ подати, его драть! Вотъ и пошелъ человѣкъ со зломъ въ сердцѣ... А кабы по-нашему-то, такъ не такъ бы вышло. По-нашему-то пошелъ бы я къ богатѣю-то этому,—ежели-бъ то-есть я былъ, примѣромъ сказать, начальникъ,—пошелъ бы къ нему, да честь-честью поклонившись, Богу помолившись—и сталъ бы его успрашивать:—Ты откуда,

молъ, разжился?—«Такъ, молъ, и такъ: овесъ покупалъ».—Какой овесъ?—«Управскій».—Помного-ль платилъ?—«По четыре серебра».—А помногу-ль продавалъ?—«По восьми».—Хорошо ты, другъ мой, дѣлалъ... А между прочимъ пойдемъ-ка мы съ тобой въ волость, да сниму я съ тебя бархатные твои панталоны, да внушу тебѣ почитаніе закону... Ложись, анафема-проклятъ! Ты какъ смѣлъ управскій овесъ покупать, коль скоро онъ данъ на посѣвъ? Ты какъ же смѣлъ изъ нужды человѣку четыре цѣлковыхъ вмѣсто восьми давать? Такъ-то, братецъ мой, и волкъ богатѣетъ, чужое тащитъ... Не богатѣй ты, а разбойникъ, въ мутной водѣ рыбу ловишь... Да и прописалъ бы ему диплонъ,—вѣкъ бы не забылъ! Вотъ онъ бы у меня и не наряжалъ дочь-то королевной, не вводилъ бы въ грѣхъ другихъ, не стыдилъ бы нарядами-то бѣдноту, а бѣднота-то не лѣзла бы изъ всѣхъ силъ и жилъ, чтобы поровняться... Вотъ что есть начальникъ! А нонѣшніе?—Да для нонѣшнихъ этакой-то живорѣзъ — первый другъ и сватъ... Онъ грабитъ, а они дерутъ ограбленныхъ. Онъ грабитъ, а они на награбленное чаи распиваютъ, кофеи, все такое... Вотъ кого надо растянуть да поддымить березовымъ составомъ!

— Во-отъ!—прибавилъ аракчеевецъ.

Бурмистръ нюхалъ табакъ, волнуясь и торопясь.

Въ это время изъ-за верхушекъ лѣса, давно уже освѣщенныхъ румяною зарей, показался яркій золотой край солнца и надъ лѣсомъ вспыхнуло «жаркое полымя» свѣта. Стало теплѣть. Народъ сталъ подниматься, но монастырскія ворота были еще заперты и только сквозь маленькую калитку по временамъ выбѣгали послушники, направляясь то въ гостиницу, то въ трактиръ. Трактирщикъ затопилъ «кубъ» для кипятку. Торговцы орѣхами и пряниками стали разбирать свои товары.

Спрятавъ въ карманъ табакерку и перекрестившись на солнце, бурмистръ продолжалъ:

— Мы, конечно, люди стараго закону,—въ новыхъ порядкахъ мы не указчики,—а ежели глядѣть по-нашему, такъ большая идетъ неправда. По-нашему,—я прямо скажу,—мы глядѣли на народъ хозяйственнѣе... Конечно, что мы хотѣли отъ народа—больше ничего, что пользы для себя, но только мы понимали, что ежели мы раззоримъ, разстроимъ человѣка, такъ и пользы намъ не будетъ... Скажу про себя: были мы крѣпостные. Ужь должно-быть что такъ Богу было угодно, чтобы быть намъ въ

рабствѣ,—объ этомъ дѣло не наше разговаривать,—стало-быть ужь такое было повелѣніе Божее, чтобъ одинъ былъ баринъ, а другой былъ бы мужикъ,—одинъ бы не работалъ, а другой бы работалъ на него. Вотъ поставляетъ, предположимъ, Господь надъ нами барина, а баринъ и говоритъ: «Вы, говоритъ, мои подданные, обязаны мнѣ вотъ то-то и то-то предоставить: денегъ мнѣ требуется столько, а провизіи столько, а всего прочаго эдакое-то вотъ число». Хорошо. Призываетъ онъ, баринъ, положимъ хоть меня, раба своего, и говоритъ: «Миронъ! препоручаю тебѣ все сіе къ исполненію. Буде исполнишь, похвалю, а буде не исполнишь, то ожесточусь и всѣхъ васъ до единаго раззорю и расточу. Помни и поступай!» Вотъ Миронъ и думаетъ: «Баринъ, дѣйствительно, всѣхъ насъ можетъ раззорить и истязать, потому у него сила и все. Такъ ужь лучше же я какъ-нибудь по-божески». Вотъ я и гляжу на народъ,—народу столько-то, рукъ столько-то, господской работы столько-то,—гляжу и распредѣляю. Вижу я—одинъ силенъ, а другой слабъ, вижу—одинъ работящъ, другой лѣнивъ, а третій совсѣмъ ослабъ... Вижу я и думою: «Ежели я ихъ такъ оставлю, да буду только съ нихъ взыскивать, да пороть ихъ на конюшнѣ, такъ они не только-что господскаго не отработаютъ, а и сами въ конецъ изведутся. Вотъ я и начинаю хозяйствовать: «Ты почему ослабъ?»—«Да вотъ, батюшка, жена померла, двое малыхъ рабятъ на рукахъ, самъ и хлѣбъ мѣшу, и квашню ставлю, и за скотиной,—нѣтъ моихъ силовъ»... А черезъ два двора вдова-солдатка бьется тоже этакимъ манеромъ, а у солдатки сынъ подростаетъ,—вотъ я ихъ двоихъ и присоединю другъ къ дружкѣ; міромъ у меня имъ избу поставятъ, а скотину я самъ имъ долженъ дать,—вотъ у меня и тягло. Повѣнчать я ихъ повѣнчаю, а тамъ твоя воля: хочешь роди, хочешь нѣтъ,—мнѣ все одно, я ужь въ эти дѣла не суюсь... Вышло у меня тягло, я и смотрю: народу ихъ стало столько-то, проѣсть имъ столько-то надо и столько-то одежи, я имъ и даю на это средствіе, а что лишнее остается, то барину. Но ужь ежели у тебя сапоги проявились, такъ ужь я успрошу, откуда, потому мнѣ до корня извѣстно, сколько у него есть... Или такой примѣръ. Отъ первой жены остался у человѣка сынъ, а отъ мачихи пятеро ребятъ выросло. Мачиха, конечно,—ужь мать, одно слово,—своихъ дѣтей любитъ, а чужихъ ѣстъ: то не такъ, другое не эдакъ,—а малый скучаетъ, гадитъ ей, тоскуетъ, ни къ работѣ, ни къ чему душа у него не ле-

жить... Гляжу я на него и вижу, что у меня въ этомъ маломъ барская польза пропадаетъ. Пошелъ, выбралъ ему невѣсту подъ пару, отдѣлилъ изъ отцовскаго добра, что ему слѣдуетъ, подмогъ обстроиться и наложилъ на него, что слѣдуетъ по препорціи... Такъ и смотришь по человѣку: «Ты, молъ, что болтаешься?»— «Такъ и такъ, не хозяйственный я человѣкъ. Нѣтъ у меня на это таланту... А жениться я ни во вѣкъ не соглашусь, лучше, молъ, я зарѣжусь, чѣмъ съ бабой связаться». Что сдѣлаешь съ такимъ человѣкомъ?... А бываетъ. Вотъ и надобно ему отыскать работу, а то такъ-то онъ изболтается, пожалуй, воровать начнетъ, такъ лучше же я его прилажу къ пользѣ. Обдумаешь и помѣстишь либо къ скотинѣ, либо къ птицѣ, либо по мастерству... Надо человѣка узнать, что онъ можетъ, да на томъ ужь и взыскивать. А то эка выдумали—драть! Думаютъ, палкой-то изъ него и невѣдомо что выбьешь. Я однова какъ бился съ однимъ мальчишкой,—годовъ пять мучился, а нѣтъ никакихъ способовъ. Я его къ овцамъ—плачетъ, бѣжитъ; накажу—рыдаетъ... Я его къ гусямъ— распуститъ, спрячется, испугается. Я его на кузню — слабъ, силовъ нѣтъ. Я его попу въ пѣвчіе — не можетъ. Туда-сюда, вбивалъ, вбивалъ его въ мѣсто-то, — выпираетъ его оттэдова сила нечистая, хоть брось. Думали было продать въ казачки, да случилось мнѣ какъ-то въ людскую зайти, а на двери чортъ нарисованъ уголемъ, да такой, что я такъ и отпрянулъ съ испугу, чуть въ погребъ не провалился... «Кто, молъ, такую образину намалевалъ?» Дознался,—Ѳедоръ, этотъ самый безталанный. «А, думаю, вотъ гдѣ твоя часть-то!» Запрягъ лошадь и отвезъ его въ городъ къ живописцу. Въ два мѣсяца такой вышелъ молодецъ—и вывѣски, и патреты, и, наконецъ того, образа почалъ рисовать. Привезъ мнѣ Мирона Мученика, моего ангела.— «Отпустите въ Петербургъ, а то я задавлюсь, ежели не отпустите!» Что тутъ дѣлать? Отписалъ барину. Баринъ разрѣшилъ. Отправили... А года черезъ два слышу, послышу, за четыре, милый другъ, тысячи его какая-то графиня выкупила, да за границу, да такимъ братъ сталъ бариномъ,—самъ нашъ баринъ сказывалъ,—рукой не достанешь. Такъ вотъ какъ! А что бы, ежели бы безъ вниманія-то его оставить? Ежели бы я его дралъ, такъ, пожалуй, со страху онъ бы и сталъ бы мнѣ овецъ-то пасти, а настоящій-то доходъ пропалъ отъ него. Драть-то я его хоша и дралъ, а вникать тоже вникалъ, вотъ и нашелъ, въ чемъ его часть состоитъ. Такъ-то, другъ милый, и во всемъ надо! Вижу я,

началъ у меня мужикъ толстѣть да богатѣть, такъ я и порцію съ него возьму сообразную... Сталъ онъ медомъ разживаться,—я у него меду отломлю по размѣру. Сталъ онъ луга снимать,—опять же отдай по сообразности. Сталъ онъ у меня въ двѣсти разъ богаче,—я съ него въ двѣсти разъ больше и взыщу. Вотъ онъ у меня и растетъ ровненько противъ прочихъ. Онъ у меня вверхъ, а я ему макушку-то прочь! Вотъ и другимъ-то противъ его толстоты не обидно. Ужь у меня бы не было этакой, примѣромъ, несчастной дѣвчонки, какъ я сказывалъ: бьется, рвется, а ѣсть нечего. Я бы первымъ долгомъ приладилъ бы ее къ мужику, да посадилъ бы на землю, да далъ бы скотину,—вотъ они бы и стали у меня по-человѣчьи жить. Конечно, бываетъ, что въ мужья-то злодѣй какой попадется, да вѣдь какъ это узнаешь? Это ужь дѣло Божье, какъ Господь указалъ кому какое счастье... А что наша хозяйская часть,—вѣрно говорю,—была правильная. Взыскивали, когда было съ чего. Ѣздили, да и скотину кормили,—смотрѣли, чтобъ не напоролась на колъ, не влѣзла въ оврагъ, ноги не сломала, потому она денегъ стоитъ. А нынѣче вотъ и нѣтъ хозяйскаго-то глазу. Хоть умри, только подати отдай,—а отдалъ подати, хоть опейся. Это, другъ любезный, не хозяйство, а разбойство! А что ихъ тамъ тьмы темъ начальниковъ, такъ это мы даже и понимать не можемъ. Для нашего крестьянскаго житія кто не хозяинъ, тотъ и не начальникъ...

IV.

Въ монастырѣ стали звонить. Ворота монастырскіе отворились. Народъ поднялся и направился въ церковь.

Отряхая съ одежды разный приставшій къ ней соръ, направились къ церкви и аракчеевецъ съ бурмистромъ.

— Пойдемъ-ка,—сказалъ мнѣ послѣдній мимоходомъ,—пойдемъ-ка, я покажу тебѣ нашу Царицу Небесную... кресть-ян-скую!—прибавилъ онъ какъ-то особенно выразительно.—Какъ было у насъ житье крестьянское, на крестьянскомъ положеніи, то и горести у насъ были свои, крестьянскія, и съ горестями съ этими мы къ Заступницѣ шли... И она, матушка, тоже была наша.... крестьянская... Да и посейчасъ есть... Вотъ погляди.

Протискиваясь сквозь толпу народа, мы вошли въ какую-то старинную маленькую церковку, гдѣ бурмистръ указалъ мнѣ на крестьянскую Божію Матерь. И точно, никогда не видалъ я та-

кого изображенія: Божія Матерь была изображена съ веретеномъ! Дѣйствительно, изображеніе какъ нельзя лучше подходило къ общему тону крестьянства, т. е. крестьянскаго хозяйства, которымъ исключительно жили народныя массы.

— А теперь,—сказалъ бурмистръ, помолившись предъ иконою Божіей Матери,—пойдемъ и къ угоднику нашему,—тоже крестьянскій заступникъ... Изъ древнѣйшихъ временъ считаемъ мы его своимъ покровителемъ. Книжка тутъ про его житіе продается, такъ тамъ сказано, что всѣ мы здѣшніе окрестные крестьяне къ монастырю этому были приписаны. Лѣтъ поди четыреста назадъ ужъ мы были подъ монастыремъ, когда еще Новгородъ Великимъ прозывался. Въ книжкѣ-то сказано, какъ угодникъ къ царю въ Москву ѣздилъ все хлопотать, чтобъ насъ-то царь не отбиралъ отъ обители. А царь-то въ ту пору собирался Новъ-то-городъ раззорять. Ну, царь его и уважилъ. Вотъ, другъ мой любезный, мы и молимся угоднику-то нашему, крестьянскому, когда ежели постигнетъ насъ какая крестьянская бѣда.... Видишь, вотъ что тутъ нарисовано... Погляди-ка!

Мы остановились подъ монастырскими воротами, гдѣ былъ изображенъ крестьянинъ, съ цѣпями на рукахъ и на ногахъ, выводимый угодникомъ изъ темницы; вверху было написано: «Святитель освобождаетъ земледѣльца».

Эту подпись я прочиталъ вслухъ.

— Ну, вонъ, видишь! Это вонъ помѣщикъ какой-то заперъ земледѣльца, стало-быть, мужика, въ темную... И заперъ-то его занапрасно.... Ну, вотъ нашъ-то святитель и вывелъ его тайно въ нощи... А то еще въ житіи пишется, какъ крестьянинъ въ лѣсу заблудился.... Пошелъ, вишь, за ягодами, да и не найдетъ дороги-то назадъ... Лѣса-то, братъ ты мой, были въ тѣ поры темные, дремучіе. Вотъ мужикъ-то и взмолился разнымъ угодникамъ,—сначала одному, потомъ другому,—все ему не было помощи. А какъ призвалъ, да возопіилъ къ своему-то, къ нашему-то, — тую-жь минутою онъ его и вывелъ на дорогу... Истинно нашъ крестьянскій заступникъ!

Мы вошли въ церковь; тамъ шла панихида,—угодникъ лежитъ подъ спудомъ,—и громкимъ голосомъ читалась написанная въ похвалу угоднику молитва.... Были въ этой молитвѣ такіе стихи:

«О, великій святителю, преблаженне отче нашъ! *Обидимымъ вдовамъ* скорый въ бѣдахъ заступниче! *Сиротамъ* напаствуемымъ милостивый въ напастѣхъ защитниче! *Заключеннымъ въ*

темницѣ бѣдствующимъ утѣшительный попечителю! *Тающимъ гладомъ* милосердый питателю! *Скитающимся убогимъ* странникамъ страннолюбивый странноприимниче! О, заступниче бѣдныхъ дерзновенный!... Услыши и насъ...» . . . .

. . . .

Панихида кончилась. Мы вышли изъ церкви и очутились опять въ толпѣ.

— А и нонче, чрезъ четыреста лѣтъ, нѣту намъ другаго заступника!—проговорилъ бурмистръ.

Глѣбъ Успенскій.

Наше крестьянство и общинное землевладѣніе

(по «Сборнику матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины»).

II *). Самоуправленіе.

«Каждый домохозяинъ, если онъ пользуется долей общинной земли, *находится какъ бы подъ опекой общины въ теченіе всей своей жизни*, и это происходитъ отъ того, что интересы общины тѣсно связаны съ внутреннею жизнью самихъ домохозяевъ». Такъ говоритъ г. Красовскій, изслѣдователь Ундоровскаго сельскаго общества (Симбирской губ.), послѣ изложенія всѣхъ подробностей общественной жизни крестьянъ этого общества. Въ словахъ этихъ формулируется выводъ не только изъ фактовъ, наблюдаемыхъ г. Красовскимъ въ названномъ обществѣ, но можно сказать, что къ такому же выводу приходится придти послѣ внимательнаго разбора всѣхъ данныхъ, наполняющихъ весь объемистый томъ «Сборника матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины».

Такъ въ Старухинской общинѣ (Тульской губ.) и въ Старо-Измайловскомъ обществѣ (Симбирской губ.) каждый хозяинъ обязанъ унавоживать свою полосу,—продажа навоза на сторону здѣсь запрещается; кромѣ того міръ считаетъ за собою право не дозволять домохозяину продавать весь свой скотъ. Въ Торховской общинѣ (Тульской губ.) домохозяинъ не можетъ продать всѣхъ лошадей, чтобы не быть обезсиленнымъ, между прочимъ, и въ дѣлѣ исполненія натуральныхъ повинностей. Въ Погорѣловской общинѣ (Костромской губ.) даже не занимающійся хлѣбопашествомъ, но имѣющій скотъ, крестьянинъ продавать навозъ мо-

*) Статья I, въ кн. 6 *Рус. Мысли* 1881 года, заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ разработку вопроса *о передѣлахъ полей*.

жетъ только своимъ однообщественникамъ и лишь въ случаѣ отсутствія между ними желающихъ дозволяется ему отчуждать навозъ на сторону; затѣмъ хлѣбопашецъ подчиняется здѣсь принятому въ обществѣ порядку сѣвооборота и долженъ приступать къ работамъ въ опредѣленный срокъ; сдавать свой надѣлъ исполу и въ аренду постороннимъ общинѣ лицамъ дозволено только съ согласія міра.

Подобныя же ограниченія существуютъ въ Борокской общинѣ (Псковской губ.) и въ Ундоровской общинѣ (Симбирской губ.). Такимъ же ограниченіямъ подвержена сдача своего дома и лѣснаго участка. Въ Борокскомъ обществѣ (Псковской губ.) міръ налагаетъ ограниченія на право сбора части хлѣба съ надѣла домохозяина въ томъ случаѣ, когда есть поводъ сомнѣваться въ исправности его относительно взноса податей. Занимаетъ здѣсь міръ также иногда у сосѣдняго помѣщика или торговца деньги для неисправнаго въ платежахъ своего члена, обязывая его потомъ отработать свой долгъ. Далѣе слѣдитъ здѣсь міръ за продажею членамъ общества продуктовъ его земли и за его заработками на сторонѣ.

Въ другихъ случаяхъ, если наложенное на крестьянина взысканіе грозитъ ему полнымъ раззореніемъ, міръ платитъ за него часть штрафа. Такъ, если отъ плохой городьбы сдѣлана огромная потрава, убытки отъ которой превышаютъ все состояніе виновнаго, то міръ налагаетъ на него лишь нераззорительный штрафъ, принимая платежъ убытковъ на себя.

Тѣ крестьяне, хозяйство которыхъ приходитъ въ упадокъ вслѣдствіе какого-либо несчастія, освобождаются міромъ отъ уплаты платежей до тѣхъ поръ, пока они поправятся. Платежи эти раскладываются равномѣрно по душамъ. Если хозяинъ не успѣваетъ во время, къ сроку, снять свою полосу, по болѣзни и вообще по стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, то полоса убирается всѣмъ міромъ.

Послѣ пожара обѣднѣвшему отъ него крестьянину міръ помогаетъ вывезти лѣсъ на избу, *иногда и строитъ самую избу*; дается изъ общиннаго лѣса хворостъ для плетня; сносится отовсюду для семьи погорѣльца хлѣбъ, холстъ, носильное платье; если у міра есть общественныя деньги, то выдается и денежная ссуда. Если у хозяина не уродился совершенно хлѣбъ, то міръ назначаетъ по снопу или по два со двора въ мѣсяцъ на содержаніе семьи пострадавшаго. Если пали лошади, то міръ поставляетъ

лошадей для обработки надѣла, освобождая отъ платежа на подводы. Вдовамъ и старикамъ міромъ отводятся безплатные участки для избы и огорода и соотвѣтственные участки полевой земли. Доставляется вездѣ отъ міра помощь при похоронахъ. Малолѣтнихъ сиротъ міръ беретъ на свое попеченіе, опредѣляя къ нимъ опекуна изъ ближайшихъ родственниковъ, которые ведутъ ихъ хозяйство; если родственниковъ нѣтъ, или они не отличаются хорошимъ поведеніемъ, то малолѣтніе поступаютъ прямо на попеченіе общества, которое ихъ кормитъ, одѣваетъ, пріучаетъ къ сельскимъ работамъ. Въ этомъ случаѣ каждый домохозяинъ содержитъ въ своемъ домѣ сиротъ, кормя и одѣвая ихъ столько дней въ году, сколько придется по мірскому разсчету.

Эти заботы міра, направленныя къ тому, чтобъ оградить домохозяина отъ полнаго раззоренія, предупредить разстройство двора, не ограничиваются только исключительно личностію самого домохозяина,—міръ простираетъ эту заботу и на семью его. Такъ, сдавать свою землю домохозяину дозволяется только въ томъ случаѣ, когда члены семьи заявятъ на это согласіе; отчуждать свою землю продажею или по духовному завѣщанію не дозволяется семейнымъ домохозяевамъ. При дѣйствіяхъ домохозяина невыгодныхъ для его домашнихъ, міръ, по жалобѣ членовъ семьи, входитъ въ разсмотрѣніе этихъ дѣйствій, результатомъ чего является иногда и смѣна «большака» (главы семьи). Свѣдома же міра происходятъ и семейные раздѣлы.

Этихъ выборокъ изъ перваго выпуска «Матеріаловъ для изученія поземельной общины» довольно, кажется, для того, чтобъ имѣть основаніе къ постановкѣ слѣдующихъ вопросовъ:

1) Можно ли ждать отъ всего внѣ крестьянства стоящаго, т. е. отъ людей, выросшихъ на принципѣ самостоятельности личности,—ждать, чтобъ они когда-либо согласились подчинить себя такой опекѣ, какую допускаетъ надъ собою крестьянинъ, какъ во всѣхъ почти отправленіяхъ главнѣйшей своей дѣятельности, такъ и въ своей семейной жизни?

2) Можно ли ожидать, чтобы кто-либо изъ лицъ русскаго образованнаго общества взялъ на себя такую обузу дѣятельности и столько заботъ въ отношеніи своего ближняго, которая лежитъ, какъ мы видѣли, на выросшемъ среди общиннаго строя жизни земледѣльческомъ населеніи Россіи?

Постановка этихъ вопросовъ является въ настоящее время крайне настоятельною въ виду того, что вся Россія громко за-

говорила о сліяніи съ народомъ, не только нравственномъ, но и въ самоуправленіи, о соединеніи землевладѣльцевъ съ крестьянами въ одну самоуправляющуюся волость. Бросая взглядъ на понятія и дѣятельность сословій, выражающихъ нынѣ желаніе единиться съ крестьянствомъ, мы между прочимъ замѣчаемъ, что хотя религія, нравственность, наука твердятъ здѣсь постоянно, что ближняго должно любить, служить ему, приходить къ нему во всякое время съ помощію, нравственною и матеріальною, жить и дѣйствовать такъ, чтобы не вредить другому, добывая средства къ своему благополучію, не лгать языкомъ, не фарисействовать дѣлами,—но таковъ ли здѣсь складъ жизни, чтобы все это, твердо заученное изъ книгъ, могло примѣняться въ дѣйствительности?

Возьмите міръ торговый, промышленный, служилый, помѣстный—и вы въ основахъ ихъ дѣятельности найдете порядки, обычаи, привычки, правила, совершенно уничтожающія тѣ христіанскія и человѣчныя идеи, о которыхъ говорятъ религія и наука. Въ торгово-промышленномъ дѣлѣ множество человѣческихъ движеній парализируется сутью этого дѣла, незнающею ничего кромѣ того, что капиталъ долженъ окупаться и приносить барышъ. Здѣсь все человѣческое должно молчать, исчезать предъ тою массою дѣйствій и ученій, которыя служатъ къ осуществленію законовъ жизни капитала.

Въ служебномъ міру обязанность дѣлать что-либо не иначе какъ въ извѣстной рамкѣ, при подчиненіи извѣстной формѣ, причемъ все, что будетъ сдѣлано внѣ рамки, не по правилу, не сообразно формѣ, приравнивается какъ бы къ никогда не существовавшему,—кладетъ особую печать на дѣятельность міра чиновнаго, сообщаетъ ему извѣстную сухость отношеній ко всему живому, сжимаетъ его душу настолько, что до нея съ трудомъ долетитъ вопль горя или крикъ радости живой жизни.

Обращаясь къ классу помѣстному, дворянскому, мы видимъ, что сила и крѣпость его основаны отнюдь не на какомъ-либо стихійномъ, незыблемомъ началѣ; напротивъ, мы находимъ, что въ основаніи его лежатъ, какъ краеугольные камни, съ одной стороны *начало торгово-промышленное*, а съ другой—то же самое *начало*, на которомъ обоснованы сила и значеніе *служилаго сословія*. И дѣйствительно, при отсутствіи этихъ началъ, помѣстное сословіе представляется не имѣющимъ никакого значенія, падаетъ, уничтожается, проходя, конечно, извѣстную ступень паденія, обращаясь, напримѣръ, въ однодворцевъ, шляхти-

чей,—или же принимаетъ характеръ служилаго сословія, становится чисто чиновничествомъ. Какіе еще отдѣльные классы или группы всего внѣ крестьянства стоящаго населенія Россіи найдемъ мы у насъ? Мѣщанство?—Но оно всецѣло торгово-промышленное сословіе. Ученые, литераторы, художники, учащаяся молодежь?—Но это все дѣти и братья котораго-либо изъ остальныхъ сословій. И хотя профессіи ихъ кладутъ на нихъ свой отпечатокъ, хотя ихъ какъ бы выдѣляетъ въ особый разрядъ всѣмъ имъ присущая особенность—*образованіе*, придавая имъ нѣчто общее, сплачивающее ихъ, казалось, въ одинъ какъ бы классъ, но это дѣйствительно имѣло бы мѣсто, еслибы каждый членъ любой изъ названныхъ группъ не стоялъ въ неразрывной, органической связи или съ дворянствомъ, или чиновничествомъ, или купечествомъ, или мѣщанствомъ,—слѣдовательно, еслибы наклонности этихъ сословій, привычки ихъ, сфера ихъ жизни и часть ея понятій не входили бы въ собственную сущность людей названныхъ профессій.

Взявъ это все во вниманіе, спросимъ мы: какимъ образомъ могутъ ужиться другъ подлѣ друга два рѣзкія направленія: одно—вытекающее изъ общинной дисциплины, гдѣ каждый шагъ жизни—дѣловой, внѣшній, внутренній и семейный—стоятъ подъ общественнымъ контролемъ, а другое—личное, идеалъ котораго свести этотъ контроль до самой меньшей величины, тѣмъ болѣе, что контроль въ общинѣ не представляется тягостью, потому что онъ является здѣсь слѣдствіемъ склада самой жизни, природы жизни, слѣдствіемъ разумѣнія всѣми и каждымъ, что только общность интересовъ, что только помощь другъ другу могутъ сохранить возможность жить въ данномъ довольствѣ и что поэтому подчиненіе всѣмъ и служба всѣмъ есть дѣло, ведущее къ охранѣ личнаго благосостоянія.

Общность интересовъ здѣсь до того иногда бываетъ сильна въ сознаніи всѣхъ и каждаго, въ жизни, основанной на общинной закладкѣ, до того она бываетъ сродна этой жизни, что составляетъ какъ бы природу каждаго человѣка, и такимъ образомъ оказаніе помощи другому, служба другому—почти не заключаютъ въ себѣ понятія службы, а представляютъ собою чисто исполненіе влеченія своей природы, своего инстинкта, т. е. содержатъ въ себѣ всѣ признаки понятія *«дѣйствія для самого себя»*.

Между тѣмъ контроль въ нашемъ образованномъ обществѣ дѣйствительно тягостенъ, такъ какъ здѣсь каждый живетъ и

дѣйствуетъ самъ по себѣ. Здѣсь всѣ одинъ другому конкурренты: на поприщѣ торговомъ каждый можетъ увеличивать свои средства только на счетъ уменьшенія ихъ у кого-либо другого; на поприщѣ служебномъ если кто-либо садится на мѣсто съ хорошимъ содержаніемъ, то этимъ устраняетъ другого, сидѣвшаго на томъ мѣстѣ, или желавшаго занять его. Понятіе почета, славы, стяжаемыхъ и достигаемыхъ кѣмъ-либо, необходимо предполагаетъ понятіе возвышенія надъ кѣмъ-либо, т. е. умаленія кого-либо. Соперничество признается въ этомъ быту могучимъ *нравственнымъ рычагомъ* и къ нему прибѣгаютъ вездѣ на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, начиная со школы, и, напримѣръ, ребенку, только лишь отвѣтившему на экзаменѣ о зависти, какъ о смертномъ грѣхѣ, вручаютъ похвальный листъ, полагая возбудить этимъ въ его товарищахъ соперничество.

Въ томъ же мірѣ, гдѣ всѣ—конкурренты, волею-неволею необходима не откровенность, а скрытность своихъ дѣлъ отъ соперника. Поэтому контроль здѣсь будетъ всегда дѣломъ *лично* вреднымъ, непріятнымъ,—извѣстнымъ зломъ, допускаемымъ по необходимости, а слѣдовательно съ большими ограниченіями.

Свобода личности, по ученію науки, есть свобода дѣйствовать, не стѣсняя другихъ, не нанося имъ вреда.

Но насколько желательно осуществленіе такой свободы, настолько же нѣтъ пока въ строѣ нашего городскаго быта среды для этого осуществленія.

Бытъ нашъ, существующія въ немъ отношенія другъ къ другу—таковы, что мы видимъ здѣсь не проявленіе свободы истинной, а скорѣй проявленіе произвола. Вслѣдствіе этого городъ и выростилъ такіе типы деспотизма, какихъ деревня никогда не развивала въ своей средѣ и, дастъ Богъ, не разовьетъ, пока живы будутъ въ ней общинныя начала съ ихъ умягчающимъ вліяніемъ на нравы и съ ихъ ограничивающимъ дѣйствіемъ на волю каждаго члена общества.

Типы деспотовъ купеческаго быта, выведенные Островскимъ, съ ихъ приниженными семьями и служителями, совершенно немыслимы въ средѣ нашего земледѣльческаго населенія. Деспоты временъ крѣпостнаго права вырабатывали въ средѣ своей дворовой челяди только рабовъ и эта среда не выдвинула изъ себя ни одного типа деспота, тогда какъ мы знаемъ изъ всемірной исторіи, что деспотъ вездѣ вырабатывалъ изъ своихъ подвластныхъ другихъ деспотовъ. Не чѣмъ инымъ, какъ только могучимъ

вліяніемъ сельской общественной жизни, мы можемъ объяснить такое явленіе въ средѣ дворовыхъ господской усадьбы.

Крестьянство не имѣетъ на себѣ того лоска цивилизаціи, которымъ въ большей или въ меньшей степени покрыты другіе классы. Родъ занятій и жизни облекаетъ крестьянина въ грубую форму. Его тяжелая походка, рѣзкія черты лица, грубыя рѣчи—все это разитъ нашъ глазъ и ухо; а его жизнь, полная борьбы съ природою, недостатками въ средствахъ къ жизни и проч., дѣлаетъ его человѣкомъ строгимъ и суровымъ, безучастнымъ къ мелочнымъ невзгодамъ, слишкомъ равнодушнымъ ко многимъ печальнымъ проявленіямъ жизни, слишкомъ рѣзкимъ въ проявленіяхъ гнѣва.

Вслѣдствіе всего этого намъ кажется иногда звѣремъ такой крестьянинъ, который въ сущности человѣкъ болѣе добродушный, нежели мы съ вами; вслѣдствіе этого мы часто видимъ проявленіе произвола, деспотизма въ крестьянской средѣ тамъ, гдѣ въ сущности разражалась только гроза какой-либо человѣческой страсти, сопровождаемая дѣйствіями жестокости, насилія, попранія человѣческихъ правъ,—гдѣ, слѣдовательно, происходило *событіе не обычное*. При существующемъ нормальномъ теченіи крестьянской жизни мы не встрѣтимъ въ деревнѣ столь частаго, напримѣръ, сѣченія дѣтей, какъ это мы наблюдали въ весьма недавнее время въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ и семьяхъ средней руки. Въ деревняхъ мы рѣже наталкиваемся вообще на различныя систематическія варварства, нежели въ городахъ. Неблаговидныя отношенія между супругами въ городахъ, проматыванія одною стороной имущества другой—мало замѣтны въ городахъ, потому что тамъ семейный очагъ скрытъ отъ взоровъ всѣхъ и каждаго, даже и близкихъ знакомыхъ; въ деревнѣ же, наоборотъ, семейная жизнь у всѣхъ на виду. Въ городахъ неурядицамъ семейнымъ не зачѣмъ доходить ни до общества, отъ глазъ котораго семья всегда склонна прятать свои дѣла, ни до суда, которому нечего и дѣлать по этимъ дѣламъ; въ деревнѣ, наоборотъ, міръ постоянно входитъ въ разборъ дѣлъ семейныхъ. Вотъ вслѣдствіе-то всего этого мы встрѣчаемъ и будемъ встрѣчать въ періодической печати много фактовъ о какихъ-либо безобразіяхъ, выхваченныхъ изъ деревенской жизни, и весьма мало будемъ читать и слышать о гнусностяхъ городскихъ, и такимъ образомъ въ нашемъ сознаніи сконцентрируется всегда огромное количество данныхъ, наводящихъ на мысль о развитіи произвола и деспотизма въ крестьянскомъ быту.

Это общее сопоставленіе быта крестьянъ-земледѣльцевъ съ остальными классами приводитъ къ заключенію, что соединеніе ихъ въ одно цѣлое, въ видѣ, напримѣръ, «всесословной волости», выдвигаетъ къ разрѣшенію слѣдующіе вопросы:

1. Не исключаетъ ли различіе строя крестьянской жизни отъ строя жизни остальныхъ классовъ возможности ихъ согласованія, безъ измѣненія основъ той или другой жизни?

2. Не обусловливаетъ ли это различіе громадныхъ недоразумѣній между людьми, воспитавшимися на различныхъ экономическихъ системахъ?

3. Крестьянинъ состоитъ и въ настоящее время подъ самою широкою, разностороннею опекой, не тяготясь ею, какъ исходящею изъ строя его жизни. Сліяніе крестьянства въ одно цѣлое съ личнымъ землевладѣльческимъ сословіемъ потребуетъ ли, для строгаго проведенія начала равноправности, подчиненія подобной же опекѣ и личныхъ землевладѣльцевъ? Мыслима ли такая опека для класса людей, жизнь которыхъ сложена на началѣ частнаго землевладѣнія и торгово-промышленной закваскѣ, а слѣдовательно и на началѣ соперничества, гдѣ всѣ вѣковые принципы религіи и нравственности являются не какъ основы строя, а какъ нѣкоторые палліативы, сдерживающіе только чрезмѣрныя и самыя безобразныя стремленія къ личному благополучію?

4. Цѣль поднятія вопроса о сліяніи заключается въ замѣнѣ надъ крестьянами опеки административной опекою образованныхъ классовъ русскаго общества, въ чаяніи отъ такой замѣны прекращенія злоупотребленій въ волостныхъ правленіяхъ, ограниченія полицейскаго усмотрѣнія, обереженія крестьянъ отъ кулаковъ, улучшенія нравовъ крестьянства, наученія крестьянъ лучшему хозяйству. Таково ли настоящее помѣстное и торговое сословія, чтобъ ихъ можно было счесть достаточно приготовленными и способными взять на себя столь многосложную и широкую задачу?

Въ настоящее время различныя земства и частныя лица, обсуждая вопросъ объ устройствѣ крестьянскаго управленія—путемъ сліянія этого управленія съ общимъ, существующимъ для всѣхъ остальныхъ сословій, или не задавались вовсе вышепоставленными частными вопросами, или, задавшись нѣкоторыми изъ нихъ, находили возможнымъ не слишкомъ-то затрудняться ихъ рѣшеніемъ. Посмотрите, въ какое короткое время предстало передъ нами великое множество проектовъ и предложеній рѣшенія

главнаго вопроса въ самомъ положительномъ смыслѣ, именно въ смыслѣ упорядоченія крестьянскаго самоуправленія посредствомъ соединенія крестьянъ и землевладѣльцевъ въ одну хозяйственную и административную волость и исправленія крестьянскаго суда посредствомъ подчиненія его суду изъ лицъ образованнаго класса общества, т. е. мировому суду. Этою быстротой составленія проектовъ авторы ихъ ясно обнаружили, что въ основу ихъ твердой вѣры въ благотворныя послѣдствія опеки образованныхъ классовъ надъ крестьянствомъ положено одно наслѣдіе крѣпостнаго права, именно составившееся во времена его заключеніе, что крестьянство невѣжественно и приниженно, землевладѣльческое же сословіе обладаетъ извѣстною степенью образованія и пользуется большею долей самостоятельности, силы и свободы, а поэтому участіе его въ дѣлахъ крестьянства съ извѣстною долей власти надъ нимъ во многомъ научитъ его, исправитъ, обережетъ. Подобное основаніе, конечно, могло явиться только при условіи критическаго отношенія лишь къ явленіямъ крестьянскаго быта, безъ всякаго разбора самихъ себя, т. е. при заранѣе составленномъ въ весьма благопріятномъ смыслѣ мнѣніи о самихъ себѣ. Такимъ образомъ громадная задача показалась по плечу и быстрое ея рѣшеніе, не справляясь ни съ чѣмъ, кромѣ собственнаго «царя въ головѣ», не замедлило предстать въ образѣ земскихъ постановленій и ходатайствъ объ учрежденіи всесословной волости, публицистическихъ статей и проектовъ объ этомъ же въ различныхъ органахъ печати и заграничныхъ брошюрахъ. Кстати замѣтить, никого и не удивило такое явленіе въ области русской публицистики, да и удивить не могло, потому что такъ всегда у насъ все дѣлалось въ отношеніи внутреннихъ вопросовъ.

Мы сказали выше, что проекты эти писались безъ справки съ чѣмъ бы то ни было, кромѣ собственнаго царя въ головѣ; и дѣйствительно, отличительная ихъ черта заключается въ томъ, что большинство ихъ или совсѣмъ, или очень мало опирается на какія бы то ни было работы по изученію быта русскаго народа. Читателямъ *Русской Мысли* извѣстно, какое множество работъ было предпринято и выполнено по этому предмету въ теченіе послѣдняго десятилѣтія и сколь значительно обогатилась у насъ литература этого предмета. Работы, о которыхъ мы говоримъ, велись въ самомъ желательномъ, самомъ разумномъ направленіи, именно опираясь на фактическое изученіе народнаго быта.

И въ настоящее время нѣтъ стороны этого быта, которая не была бы затронута изслѣдованіемъ, нѣтъ почти ни одного крупнаго явленія народной жизни, которое нельзя было бы обсудить строго и научно, на основаніи фактовъ, добытыхъ изученіемъ, а не полагаясь единственно на свои субъективныя впечатлѣнія, на кругъ своихъ собственныхъ, безсистемныхъ и случайныхъ наблюденій.

Поэтому въ настоящее время та часть образованнаго русскаго общества, которая знакомилась съ работами по изученію крестьянскаго самоуправленія, суда, хозяйства, семейной и общественной жизни, отношеній крестьянства къ администраціи, къ помѣстному и торговому классамъ,—получила совершенно иныя представленія о явленіяхъ крестьянской жизни, непохожія на тѣ ошибочныя и отчасти призрачныя представленія, которыя еще продолжаютъ упорно держаться въ массѣ нашего общества. Въ *Русской Мысли* было представлено вниманію читателей много статей, заключающихъ въ себѣ выясненіе началъ и явленій народной жизни, основанное на данныхъ, добытыхъ тѣми научными изслѣдованіями, о которыхъ мы говоримъ.

Такимъ образомъ въ этихъ статьяхъ читатели ихъ видѣли указанія почти на всѣ главнѣйшія изъ означенныхъ изслѣдованій и на тѣ выводы, къ которымъ приводятъ. Но тѣмъ не менѣе мы считаемъ нужнымъ сдѣлать здѣсь цѣльный очеркъ выводовъ изъ работъ послѣдняго времени по всѣмъ главнѣйшимъ сторонамъ крестьянской жизни, такъ какъ данныя этого очерка необходимы будутъ на каждомъ шагу при рѣчи о крестьянскомъ самоуправленіи. Кромѣ того мы постараемся пріурочить этотъ очеркъ, по возможности, къ отвѣту на тѣ мнѣнія о крестьянской жизни, которыя носятся почти повсюду въ образованныхъ слояхъ русскаго общества и которыя можно формулировать въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «крестьянинъ русскій есть человѣкъ почти первобытный, невѣжественный; онъ мало смыслитъ въ своемъ главномъ дѣлѣ—сельскомъ хозяйствѣ; онъ безпросыпный пьяница и лѣнтяй; самоуправленіе и судъ его продажны; его семейныя отношенія безпорядочны; у него нѣтъ понятія объ общественныхъ интересахъ». Приступаемъ же къ нашему очерку *).

---

*) Работы послѣдняго времени, на основаніи которыхъ мы дѣлаемъ этотъ очеркъ, читатели найдутъ главнымъ образомъ въ *Указатель* книгъ и статей помѣщенныхъ въ приложеніи къ „Сборнику матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины". Позднѣйшія работы мы укажемъ особо.

I. Земледѣлецъ-крестьянинъ знаетъ по дѣлу воздѣлыванія различныхъ хлѣбовъ и растеній гораздо болѣе, чѣмъ большинство нашего помѣстнаго класса, ограничивающееся въ сельско-хозяйственномъ дѣлѣ только дѣлами по найму рабочихъ, надзоромъ за работами и распорядками по сдачѣ земель въ аренду, по продажѣ урожаевъ. Развитіе хозяйства у крестьянъ, умѣющихъ издавна обращаться съ воздѣлываніемъ почти всѣхъ тѣхъ хлѣбовъ и растеній, которыя воздѣлываются на западѣ Европы, тормозится: а) недостаткомъ луговъ и выгоновъ; б) необходимостью держаться трехполья частію по климатическимъ причинамъ, частію по невозможности сдѣлать на нѣсколько лѣтъ сокращеніе дохода съ ихъ надѣловъ,—сокращеніе, безъ котораго не мыслимо оставленіе трехполья; в) отсутствіемъ запроса на корнеплоды и другія промышленныя растенія, обусловливаемымъ въ свою очередь неразвитіемъ въ Россіи промышленности, обработывающей сырыя произведенія земли; г) недостаточно устроенными путями сообщенія, затрудняющими сбытъ продуктовъ; д) дурными порядками въ торговлѣ, обусловливающими существованіе до десяти посредниковъ между производителемъ хлѣба и его потребителемъ, понижающими до крайности доходъ земледѣльца, и, наконецъ, общею суммой тѣхъ насилій, безпорядковъ и злоупотребленій, которыя приходится испытывать крестьянству отъ всего окружающаго люда, имѣющаго къ нему какія-либо близкія отношенія по части управленія, суда, отправленія повинностей, взысканія платежей и проч. и проч.

II. Самоуправленіе крестьянское идетъ стройно и справедливо тамъ, гдѣ нѣтъ вмѣшательства въ ихъ дѣла со стороны кулачества, торговаго и землевладѣльческаго, и того разношерстнаго люда, который въ числѣ болѣе чѣмъ 20-ти лицъ различныхъ вѣдомствъ начальствуетъ надъ крестьянствомъ. А такъ какъ начальствовать надъ крестьянствомъ значитъ безнаказанно дѣлать что угодно, т. е. сколько угодно душѣ поносить его бранными словами, бить по чему попало, приказывать составлять приговоры о сѣченіи розгами, объ удаленіи изъ общества въ Сибирь, наряжать на различныя работы, заставлять кормить, поить, возить себя и проч. и проч.,—то понятно, что ни волостное правленіе, ни волостной судъ не представляютъ собою органовъ крестьянскаго самоуправленія и состоятъ не изъ людей свободно выбранныхъ обществомъ, а изъ тѣхъ именно лицъ, которыхъ благоугодно начальству, совмѣстно съ кулаками и міроѣдами, облечь

властью суда и расправы. Вслѣдствіе сего народъ, привычка котораго къ самоуправленію, обусловленная существованіемъ у него общиннаго землевладѣнія, вошла въ плоть и кровь его,—этотъ народъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ общественной жизни поступаетъ по-своему, сообразно рѣшеніямъ, которыя постановляются имъ на общей сходкѣ,—не въ волостномъ правленіи, обратившемся въ чисто административную инстанцію, а у себя дома, въ глухомъ селеніи, вдали, порою—и тайкомъ отъ всякаго начальства. Эта же сходка, или указанныя ею, заслуживающія довѣрія, лица разбираютъ и судятъ всѣ возникающіе въ селеніи споры, иски, тяжбы, всѣ совершенные членами сельскаго общества проступки. И рѣшенія этого суда такъ святы, неподкупны и справедливы, что жалобъ на нихъ почти не возникаетъ; и не мудрено: эти рѣшенія основываются здѣсь на вѣковыхъ, выработанныхъ жизнію, юридическихъ обычаяхъ и правилахъ крестьянской жизни, а не диктуются, какъ въ волостномъ судѣ, всесильнымъ волостнымъ писаремъ, иногда по велѣнію свыше. Судиться въ этотъ сельскій судъ идутъ охотно, а не ведутся туда для суда и расправы односельцемъ-кулакомъ и міроѣдомъ или какимъ-либо отпѣтымъ пропоицей и прочимъ негоднымъ людомъ. Судъ этотъ не собирается по приказанію, напримѣръ, полицейскаго начальства затѣмъ только, что послѣднему желательно пустить въ дѣло розги за неплатежъ податей, или за какое - либо противленіе подчасъ самымъ безумнымъ распоряженіямъ полупьянаго начальника, въ родѣ урядника и проч.

III. При сужденіи о развитіи пьянства въ крестьянской средѣ, обыкновенно полагаемаго краеугольнымъ камнемъ для постройки заключенія о нравственности народа, неумѣстны огульныя заключенія, какъ неумѣстны они и во всемъ остальномъ, и что необходимо и здѣсь при сужденіи слѣдовать строгой, не сбивающей съ толку системѣ, дающей возможность изслѣдователю слѣдить шагъ за шагомъ за правильностью своихъ выводовъ. Сдѣланныя сообразно этому работы относительно потребленія въ деревнѣ крѣпкихъ напитковъ указали на слѣдующія данныя: жителей всякаго даннаго селенія здѣсь можно раздѣлить на слѣдующіе четыре класса: 1) торговцы, кулаки, міроѣды, волостное начальство съ писаремъ; 2) средніе по зажиточности крестьяне, какъ главная масса населенія деревни; 3) обѣднѣвшіе земледѣльцы и образовавшіеся изъ нихъ бобыли и бобылки, живущіе поденною работой и общественною помощью—подачками, милостыней и пр.;

4) разный людъ, ютящійся въ деревнѣ, которому нѣтъ постояннаго мѣста и занятія ни въ городѣ, ни у сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Постоянное и частое потребленіе вина существуетъ только у людей перваго и послѣдняго класса: здѣсь-то и можно встрѣтить постоянно полупьяныхъ людей въ образѣ волостныхъ начальниковъ и писарей; здѣсь-то и сталкиваются лица образованнаго русскаго общества (путешествующія чрезъ деревни или живущія около нихъ) съ кулачествомъ, задающимъ пиры и угощенія пріѣзжимъ приказчикамъ, полицейскимъ чинамъ и проч.; здѣсь-то образованные рускіе и видятъ хмѣльныхъ до безобразія деревенскихъ проходимцевъ, пьющихъ на случайно добытыя всякими путями деньги. Что же касается до втораго класса населенія деревни, среднезажиточнаго земледѣльческаго населенія, то оно пьетъ только въ день храмоваго праздника, въ именины, крестины, свадьбы, да два - три раза по случаю сдѣлокъ по устройству какихъ-либо крупныхъ общественныхъ дѣлъ,—пьетъ такимъ образомъ не болѣе пяти - шести разъ въ годъ, пьетъ не безобразно, но даже болѣе прилично, чѣмъ это бываетъ зачастую на кутежахъ городской молодежи, купечества, мелкаго чиновничества. Здѣсь общинный складъ жизни выработалъ цѣлый *обрядъ* угощенія виномъ, въ случаѣ если оно пьется не по поводу семейнаго праздника, а преподносится цѣлымъ обществомъ самому себѣ. Такъ, именно, здѣсь идетъ своимъ порядкомъ складчина на вино; покупка его и затѣмъ угощеніе имъ общества поручаются особымъ выборнымъ лицамъ; старикамъ подносятся бóльшія порціи, чѣмъ остальнымъ общественникамъ, а молодежи принято отпускать самыя малыя. Повеселѣть съ такого угощенія, конечно, можно, да и захмѣлѣть пожившему на своемъ вѣку сельчанину тоже не мудрено; но напиться до безобразія нѣтъ возможности. Правда, здѣсь можетъ случиться, что два-три захмѣлѣвшихъ общественника захотятъ поразгуляться еще больше, и дѣйствительно разгуляются до положенія ризъ; но два-три человѣка, во-первыхъ, не есть все общество и, во-вторыхъ, часто такъ разгуливаться не бываетъ и повода, такъ какъ общественные пиры бываютъ рѣдко; да кромѣ того изъ данныхъ, приведенныхъ въ началѣ статьи, читатели уже видѣли, что *каждый домохозяинъ состоитъ всю жизнь подъ опекой общества*, которое если замѣтитъ, что разгулявшійся вздумалъ нести въ кабакъ что̀ изъ дома, или продавать скотину, то сейчасъ и старается поудержать его отъ гульбы. Что касается до третьяго класса деревни, то ему и пить не на

что, и угощать его никому нѣтъ повода.—Это мы говорили относительно потребленія вина въ обыкновенныхъ земледѣльческихъ деревняхъ Россіи. Но есть еще деревни: 1) подгородныя, 2) деревни съ такъ-называемымъ фабричнымъ населеніемъ, 3) торговыя, 4) деревни, которыя можно охарактеризовать названіемъ *проѣзжихъ*, гдѣ часть жителей, занимаясь и земледѣліемъ, содержитъ постоялые дворы для проходящихъ обозовъ. Во всѣхъ такихъ деревняхъ потребляется вино въ гораздо значительномъ количествѣ, чѣмъ въ обыкновенномъ земледѣльческомъ селеніи, да и самое потребленіе вина соединяется во всѣхъ этихъ типахъ, за исключеніемъ четвертаго, и съ большимъ безобразіемъ. Въ деревняхъ послѣдняго типа—*проѣзжихъ*—населеніе держитъ себя трезво; доходъ же существующимъ въ ней кабакамъ доставляетъ огромадная масса останавливающихся, для корма лошадей, обозныхъ, которые впрочемъ не пьянствуютъ, а только пьютъ водку за обѣдомъ или ужиномъ. Еще въ большей степени потребленіе вина развито у насъ въ столичныхъ, промышленныхъ, торговыхъ и портовыхъ городахъ, на пристаняхъ большихъ судоходныхъ рѣкъ и на тѣхъ пунктахъ, гдѣ пересѣкаются линіи желѣзныхъ дорогъ.

IV. Праздничные дни въ земледѣльческой деревнѣ не имѣютъ того значенія, которое имъ придаютъ обыкновенно въ смыслѣ потери драгоцѣннаго рабочаго времени, такъ какъ земледѣльцы наши, принужденные въ особенности усиленно работать и много дѣлать въ короткое лѣто, удивительно принаровились къ тому, чтобы безошибочно измѣрять количество силъ, нужныхъ на каждую изъ разнообразныхъ земледѣльческихъ работъ и умѣютъ при этомъ очень хорошо опредѣлять количество и качество пищи, нужной для производства данной работы въ извѣстное пространство времени. Такъ, напримѣръ, имѣя въ виду наступленіе времени сѣнокоса—работы, на которую, при спѣшности ея и непрерывности производства, затрачивается огромное количество силы, крестьяне обыкновенно стараются передъ сѣнокосомъ сдѣлать запасъ силъ и потому отказываются и отъ хорошо оплачиваемыхъ, но сильно истощающихъ работъ. Вотъ въ это-то время они и соблюдаютъ строго церковные праздники и воскресенья. Въ это же время частію имѣютъ мѣсто и мѣстные праздники. Бываютъ весьма спѣшныя и непрерывныя работы еще весною, во время вспашки полей. Но этимъ работамъ не предшествуютъ никакія усиленныя работы; за то здѣсь случается, что крайнее напряженіе изо дня въ день силъ доводитъ людей до полнаго изнеможенія

и вотъ, если не подошло къ этому времени никакого церковнаго праздника, является на выручку *заказной день*, то-есть постановленіе схода не работать. И такъ какъ прекратить работу единственно по причинѣ устатка почему-то считается неблаговиднымъ, то обыкновенно и ищется какой-либо внѣшній къ этому поводъ, который всего удобнѣе отыскать въ необходимости, напримѣръ, молебна о дождѣ или о ведрѣ, въ чествованіи какого-либо святаго и проч. То же самое совершается еще при такого рода работахъ, при которыхъ хотя сами работники еще не устали до нельзя, но выбивается у нихъ изъ силъ рабочій скотъ, не успѣвающій наѣдаться на скудныхъ пастбищахъ. Тогда заказъ не работать бываетъ не полный, именно прекращаютъ всѣ конныя работы, но позволяется производить всѣ пѣшія. Во многіе дни воскресные, праздничные и заказные нельзя ни конныхъ, ни пѣшихъ работъ производить на своихъ поляхъ, но не запрещается *иногда* работать у помѣщиковъ и производить дома у себя всѣ дѣла по домашнему обиходу или по приготовленію къ полевымъ работамъ. Причина этому лежитъ отчасти еще въ томъ, что при общинномъ землевладѣніи многія полевыя работы должны всѣми хозяевами начинаться одновременно и оканчиваться къ данному сроку. Такая принудительность обусловливается главнымъ образомъ системой пользованія пастбищами и выгонами. Если же работа неотложна, если силы производить ее еще есть, если скотъ еще можетъ работать, то работа, будь она у себя, или у помѣщика, производится, несмотря на воскресенье, несмотря на праздникъ. Не лишнее будетъ здѣсь также замѣтить, что «*помочь*», производимая не за деньги и сопровождаемая хорошей ѣдой со стаканомъ водки, совершается преимущественно въ праздники и воскресенья. Но большею частью праздники проводятся (мы говоримъ о праздникахъ въ лѣтнюю, рабочую половину года) за легкою работой по домашнему обиходу. Въ будни многое бываетъ не додѣлано дома и около дома, потому что будничный день весь поглощенъ работами внѣ дома, на своемъ полѣ или на отработкахъ у помѣщика и кулака; въ будни же отправляются всѣ безчисленныя повинности крестьянства—государственныя, земскія, мірскія; и работаютъ въ будни всѣ—мужчины, женщины, дѣти съ двѣнадцатилѣтняго возраста. Наконецъ, если вы и видите въ праздники пьяныхъ въ деревнѣ, то знайте, что это—только аристократія деревни: кулачество, волостное начальство и прочее; все же остальное крестьянство выпиваетъ, какъ

сказано выше, разъ пять или шесть въ теченіе года, въ опредѣленные дни.

V. Относительно вопросовъ нравственнаго развитія крестьянства литература послѣдняго времени даетъ тоже весьма значительное количество фактовъ; но кромѣ того изслѣдованіе экономической жизни крестьянства послужило къ тому, что, благодаря выясненію здѣсь многихъ явленій быта, сдѣлались болѣе понятными и явленія нравственной жизни. Такимъ образомъ выясненіе общиннаго склада въ сферѣ землевладѣнія и вообще сельско-хозяйственной и въ дѣлѣ отправленія повинностей, знакомство съ юридическими обычаями и сутью семейной жизни, болѣе глубокое проникновеніе въ суть ученій раскола — все это дало ключь къ вѣрному пониманію явленій нравственной жизни и открыло огромное количество ошибочныхъ понятій русскаго образованнаго общества относительно степени нравственнаго развитія народа и самаго склада его нравственности и указало на слѣдующее: отдѣленный отъ образованныхъ слоевъ русскаго общества, народъ не занималъ у него и не занялъ ни плодовъ науки, ни нравственныхъ понятій; но жизнь при постоянномъ соприкосновеніи съ природою, при занятіи заключающемся въ постоянномъ пользованіи разнообразными силами природы, общинная жизнь, постоянно вызывающая всѣхъ и каждаго на обсужденіе вопросовъ, касающихся многоразличныхъ мірскихъ дѣлъ, опредѣленія на каждомъ шагу правъ и обязанностей всѣхъ и каждаго,—семейная жизнь не замкнутая, но открытая съ извѣстныхъ сторонъ къ вмѣшательству въ нее общественнаго суда,—все это, обогащая умъ массою различныхъ свѣдѣній изъ жизни природы и изъ сферы общественныхъ отношеній, способствуетъ и обобщенію собранныхъ свѣдѣній, при участіи въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ всѣхъ и каждаго, слѣдовательно при обиліи умовъ, при разносторонней критикѣ, а потому и съ болѣе правильными обобщеніями. Пока не было добыто этихъ свѣдѣній относительно народной жизни, до тѣхъ поръ весьма трудно было отвѣчать на такіе, напримѣръ, вопросы: почему у народа, непросвѣщеннаго даже грамотностію, отлученнаго отъ всякаго просвѣщеннаго руководства свыше, поверженнаго въ грубую обстановку, работающаго повидимому только мускулами,—существуетъ огромнѣйшее количество плѣнительныхъ пѣсенъ, разсказывающихъ о такихъ тонкихъ чувствахъ, о такихъ глубокихъ мысляхъ, которыя какъ-то не вяжутся съ понятіемъ о невѣжественности, глупости и ту-

пости народа, выразившаго въ нихъ свою душу? Почему у этого же народа на каждое событіе жизни государственной, общественной, семейной, нравственной—можно найти множество глубокихъ, остроумныхъ, мѣткихъ замѣтокъ, выраженныхъ въ громаднѣйшемъ количествѣ пословицъ и поговорокъ, подборомъ которыхъ можно очертитъ цѣлыя системы воззрѣній политическихъ и юридическихъ? Наконецъ, какимъ образомъ этотъ народъ, полагающій, по мнѣнію высшихъ классовъ русскаго образованнаго общества, всю суть религіи въ крестахъ, свѣчахъ и поклонахъ, образовалъ разнообразныя религіозно-политическія вѣроученія?

Теперь же подобные вопросы возможны въ средѣ только тѣхъ лицъ образованнаго русскаго общества, которыя не прикасались къ литературѣ, имѣющей своимъ предметомъ изученіе народной жизни, и мыслятъ о явленіяхъ этой жизни на основаніи двухъ предвзятыхъ мнѣній: 1) крестьянинъ неграмотенъ, слѣдовательно онъ невѣжа; 2) онъ занятъ только мускульною работой, слѣдовательно умъ его неподвиженъ, а поэтому даже въ такомъ дѣлѣ, какъ сельскохозяйственное, его нужно учить... сѣять, напримѣръ, траву тимоѳеевку. Учить съиздавна умѣющаго воздѣлывать пшеницу, рожь, овесъ, гречу, просо, ячмень, подсолнечникъ, коноплю, ленъ, картофель, свеклу, множество огородныхъ овощей и съиздавна поставляющаго, на услажденіе высшихъ классовъ, яблоки, вишни, арбузы, дыни и проч. и проч.—не абсурдъ ли это?...

Наконецъ еще спросимъ: почему, взятый отъ сохи и одѣтый въ военную форму, мужикъ дѣлается чрезъ годъ времени такою именно личностью, въ которой мы признаемъ безспорно присутствіе высокихъ идей и чувствъ: стойкое мужество, сознаніе долга передъ Богомъ, царемъ, отечествомъ, товарищемъ, высокое самоотверженіе, милосердіе къ побѣжденному врагу, уваженіе къ его святынѣ,—однимъ словомъ, всѣ тѣ качества, которыя сотнями перьевъ еще такъ недавно разсказывались у насъ во время послѣдней войны? Неужели годъ, два, три времени достаточны для того, чтобы воспитать въ человѣкѣ всѣ эти идеи и чувства,—воспитать безъ помощи даже грамоты (грамотныхъ солдатъ у насъ процентъ ничтожный), воспитать въ казарменной обстановкѣ, при занятіи всего времени преподаваніемъ науки истребленія себѣ подобнаго? Казарма, шагистика и ружейные пріемы могутъ измѣнить внѣшно человѣка, дрессировать его, наложить на него лоскъ цивилизаціи, ознакомить его кое съ какими фак-

тами городской жизни, не слишкомъ-то изобилующей вещами назидательными для ума и сердца; но ждать, чтобы вся обстановка и дѣятельность казармы умягчила нравъ, дала бы тѣ знанія, изъ которыхъ слагаются различныя отвлеченныя идеи, какъ, напримѣръ, идея о долгѣ передъ царемъ, отечествомъ, товарищемъ и плѣннымъ иновѣрцемъ, — допустить этого невозможно. Человѣкъ, взятый отъ сохи и потомъ прошедшій военную школу, если является обладающимъ извѣстными нравственными достоинствами, то лишь только потому, что онъ ихъ принесъ съ собою изъ деревни, гдѣ онъ всосалъ ихъ съ молокомъ матери, развилъ и укрѣпилъ, выростая среди много сказывающей природы, среди такой семьи и такого общества, основы жизни которыхъ построены, какъ выше говорено, на служеніи обществу, на идеѣ общности интересовъ и взаимной помощи, и гдѣ если и есть уклоненія отъ этихъ началъ, то они и считаются уклоненіями, а не чѣмъ-то нормальнымъ и разумно существующимъ.

Въ такомъ ли видѣ и свѣтѣ и съ такими ли деталями представлялся намъ народный вопросъ прежде, до исполненія тѣхъ работъ, какія предприняты были по нему въ теченіе послѣднихъ десяти-пятнадцати лѣтъ?—Отрицательный отвѣтъ на это ясенъ уже изъ одного того, что всѣ выводы изъ этихъ работъ являются противорѣчащими почти всѣмъ тѣмъ понятіямъ и представленіямъ о разныхъ сторонахъ крестьянской жизни, которыя носятся и теперь у насъ въ развитомъ, съ помощію западной науки, но *не читающемъ ничего о Россіи*, обществѣ.

И не мудрено. Чтеніе этихъ изслѣдованій представляетъ собою трудъ, требующій времени, усидчивости, зачастую предварительной подготовки, и занимателенъ онъ является только для человѣка спеціально преданнаго ему. Кромѣ того, изслѣдованія эти представляются или въ формѣ объемистыхъ томовъ, мало распространенныхъ въ публикѣ по ихъ дороговизнѣ, или въ формѣ статей, раскиданныхъ въ разныхъ спеціальныхъ журналахъ и изданіяхъ. Что же касается до періодической печати, то большинство журналовъ очень мало удѣляло популяризованію этихъ изслѣдованій, а газеты ограничивались, преимущественно, коротенькими статейками, или, лучше сказать, замѣтками о выходѣ въ свѣтъ работъ, касающихся изученія русской жизни. Короче сказать, газетная дѣятельность по ознакомленію публики съ факта-

ми, добытыми изслѣдованіями, и съ разработкою этихъ фактовъ— можетъ быть сведена къ нулю.

Вслѣдствіе всего этого, у насъ зачастую можно встрѣтить, что люди высоко образованные, выступая на поприще публицистической, или какой-либо иной общественной дѣятельности, являются въ область народныхъ вопросовъ съ весьма легкими знаніями этой области, съ тѣми понятіями о ней, какія мы встрѣчаемъ у чистыхъ иностранцевъ, съ тѣми предразсудками и извращенными представленіями, которыя носятся въ обществѣ и которыя составились помимо всякаго научнаго изслѣдованія жизни,—сложились мимоходомъ, изъ бѣглаго взгляда на явленія народной жизни, при наблюденіи ея притомъ, такъ сказать, «свысока», безъ внимательнаго, подробнаго, отрѣшеннаго отъ субъективныхъ воззрѣній, разсмотрѣнія подробностей явленій и производящихъ ихъ причинъ. А такъ какъ вся почти масса мыслей и дѣйствій крестьянства имѣетъ своимъ предметомъ сельскохозяйственное дѣло—землю и трудъ по ея воздѣлыванію въ своеобразномъ климатѣ Россіи, а между тѣмъ сельскаго-то хозяйства и не преподавалось ни прежде, ни теперь въ нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ, гражданскихъ и военныхъ учебныхъ заведеніяхъ, то понятное дѣло, что должно было выходить изъ каждой попытки русскаго образованнаго человѣка сказать свое слово относительно дѣла устройства крестьянскаго быта. Въ настоящее время есть не мало людей изъ числа весьма и весьма образованныхъ, которые полагаютъ, что введеніе многопольнаго хозяйства возможно путемъ примѣра, чрезъ заведеніе, напримѣръ, этого хозяйства у сосѣдняго помѣщика, или на образцовой фермѣ, не сознавая такимъ образомъ, 1) что человѣкъ знакомый съ трехпольемъ—знакомъ чрезъ это самое и съ многопольемъ, и что при трехпольѣ у него сѣются, кромѣ хлѣбовъ разнаго рода, конопля, ленъ, подсолнечникъ и корнеплоды на огородѣ,—слѣдовательно, воздѣлывается все то, что воздѣлывается при многопольной системѣ хозяйства, съ тою только разницей, что свеклу, морковь, картофель крестьянинъ сѣетъ на небольшомъ клочкѣ земли (назначая ихъ для собственнаго потребленія), явись же сбытъ этихъ продуктовъ по хорошей цѣнѣ, крестьянину сейчасъ же возможно будетъ расширить посѣвъ этихъ растеній, сокративъ посѣвъ колосовыхъ хлѣбовъ, за которые ему теперь платятъ дороже и, слѣдовательно, даютъ возможность быть сыту и заплатить подати. 2) Кромѣ этой причины существуютъ дру-

гія, заставляющія держаться трехполья, а именно позднее поспѣваніе большинства нашихъ хлѣбовъ, наступающее во многихъ мѣстностяхъ чуть ли не позже самаго времени производства озимаго посѣва, и во всякомъ случаѣ слишкомъ поздно для надлежащей подготовки почвы подъ своевременный озимый посѣвъ въ томъ же году *). 3) У крестьянства существуетъ недостатокъ луговъ и выгоновъ, обусловливающихъ невозможность отказаться отъ пользованія паровымъ полемъ, какъ пастбищемъ для скота. 4) Существуетъ невозможность уменьшить посѣвъ колосовыхъ хлѣбовъ, для обращенія части поля изъ-подъ нихъ подъ траву, или корнеплоды, т.-е. сократить доходъ съ надѣла, такъ какъ доходъ этотъ и безъ того настолько малъ, что едва обезпечиваетъ продовольствіе семьи и платежъ податей; переходъ же отъ трехполья къ многополью требуетъ по меньшей мѣрѣ тринадцати лѣтъ, изъ которыхъ третій, четвертый и пятый годы—самые тяжелые, потому что въ эти три года получается дохода гораздо меньше противъ того, который доставляло трехполье. 5) Существуетъ въ Россіи почти отсутствіе промышленности, обработывающей сырыя произведенія земли, вслѣдствіе чего земледѣлецъ принужденъ отчуждать на сторону, въ формѣ зерна и сѣна, питательныя вещества почвы и тѣмъ истощать ее; тогда какъ въ противномъ случаѣ, т.-е. если въ каждой деревнѣ хлѣба и корнеплоды перерабатывались бы въ спиртъ, масло, крахмалъ, сахаръ, то отбросы этихъ производствъ, заключающіе въ себѣ все взятое изъ земли растеніями, возвращались бы въ нее, а на сторону шло бы только то, что получено растеніями изъ воздуха.

Итакъ, по незнакомству съ литературой, посвященной спеціально изученію народнаго быта, по отсутствію сельскохозяйственныхъ знаній въ образованной части общества, безъ знанія своеобразнаго климата и своеобразнаго экономическаго положенія Россіи, наши публицисты и общественные дѣятели, удѣляющіе только частичку своего времени народному вопросу, склонны впадать въ огромныя заблужденія. Недавно одинъ изъ пишущей братіи договорился до того, что началъ утверждать, что крестьянъ надобно учить воздѣлывать огородныя овощи и что вообще этого дѣла они безъ пособія руководителя и опекуна дѣлать не могутъ, и еще одинъ—владѣлецъ крупнаго имѣнія—вы-

*) См. подробн. указ. въ кн. А. Ермолова: «Организація полеваго хозяйства» и въ кн. 5 *Русской Мысли* 1880 г. ст.: «Новыя данныя изъ русской жизни»—по поводу этой книги.

писалъ изъ Италіи пчеловода для заведенія раціональнаго пчеловодства въ имѣніи, находящемся... знаете ли въ какой губерніи?... въ Кіевской, гдѣ вокругъ и около примѣнены и практикуются почти всѣ способы самаго разумнаго пчеловодства *).

Всѣ эти причины къ возможности появленія въ средѣ образованнаго русскаго общества такихъ крупныхъ заблужденій и ошибокъ относительно положенія и нуждъ народа осложнялись и осложняются у насъ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было на Западѣ, тѣмъ, что до послѣдняго времени у насъ не было сдѣлано изслѣдованій по части общиннаго землевладѣнія нашего крестьянства, вслѣдствіе чего подъ общиной иные представляли себѣ что-то въ родѣ страшной коммуны, иные видѣли въ ней безтолковую пьяную сходку, управляемую горланами, находили въ ней препятствіе къ развитію земледѣлія, отсутствіе почвы для развитія лѣности, и проч. и проч... Большинство понимало подъ нею только мало-разумную ежегодную перетасовку земель, переверстаніе ихъ изъ одного владѣнія въ другое, да платежъ податей трудолюбивымъ за лѣнтяя. Недавно лица, засѣдавшія на сельскохозяйственныхъ съѣздахъ, разсуждая, между прочимъ, по вопросу о введеніи травосѣянія на крестьянскихъ земляхъ, рѣшили, что оно невозможно при общинномъ землевладѣніи,—рѣшили, несмотря на то, что сѣмена клевера и тимоѳеевки, высѣваемыя на крестьянскихъ земляхъ въ губерніяхъ Вологодской, Новгородской, Орловской и др., составляютъ у насъ предметъ заграничнаго вывоза: такъ, въ 1871 году въ Германію вывезено изъ Россіи около 40.000 пудовъ однихъ клеверныхъ сѣмянъ, не считая привоза изъ Гамбурга и Бремена, а въ 1878 году чрезъ европейскую границу отпущено было изъ Россіи садовыхъ и полевыхъ сѣмянъ 556.248 пудовъ, изъ какого количества не малую часть составляли сѣмена тимоѳеевки и клевера **).

Какъ важенъ такой пробѣлъ въ знаніяхъ русскаго образованнаго общества, какъ гибельны должны быть послѣдствія рѣшенія высшими классами вопросовъ народной жизни по даннымъ, добытымъ не строго научнымъ путемъ, примѣровъ этому,—страшныхъ примѣровъ,—русская исторія послѣднихъ двухъ столѣтій имѣла не мало; съ такими же грустными примѣрами встрѣчаемся

*) *Труды Вольн. Эконом. Общ.*, декабрь 1879 года.

**) *Землед. Газета* 1881 г., № 7, и *Русская Мысль* того же года, кн. 6, ст. „Крестьянство и общин. землевладѣніе".

мы и теперь чуть не на каждомъ шагу. Все это обязываетъ насъ болѣе скептически относиться какъ къ чужимъ, такъ и къ своимъ мнѣніямъ о разныхъ явленіяхъ народной жизни, и скорѣе, скорѣе знакомиться со всѣми тѣми произведеніями русской литературы, которыя суть плодъ солиднаго труда и тщательнаго изученія народной жизни и къ числу которыхъ слѣдуетъ причислить и «Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины».

Часть данныхъ изъ этого «Сборника», раскрывающихъ *суть передѣловъ*, *ихъ значеніе и причины*, *вызвавшія ихъ и доселѣ удерживающіяся въ практикѣ народной жизни*, приведена нами въ іюн. книгѣ *Русской Мысли* текущаго года. Затѣмъ часть данныхъ изъ «Сборника», приведенныхъ въ началѣ этой статьи, относительно самоуправленія крестьянскаго, навела насъ на постановку по этому предмету такихъ вопросовъ, о которыхъ прежде, до появленія въ свѣтъ «Сборника», не могло быть и рѣчи; при попыткѣ же къ рѣшенію этихъ вопросовъ оказалось необходимымъ предварительно сдѣлать сопоставленіе данныхъ «Сборника» съ множествомъ обстоятельствъ русской жизни, открытыхъ позднѣйшими изслѣдованіями. Сдѣлавъ это предварительное сопоставленіе, переходимъ теперь къ самой попыткѣ сказать что-либо къ рѣшенію поставленныхъ вопросовъ.

Изъ данныхъ «Сборника» между прочимъ видно, что самоуправленіе крестьянское заключаетъ въ себѣ такія характерныя черты, которыхъ нѣтъ въ самоуправленіи обществъ, развившихся на почвѣ личной земельной собственности. Такъ, именно, въ основѣ самоуправленія этихъ послѣднихъ обществъ лежитъ владѣніе землею, какъ извѣстнымъ капиталомъ, или же владѣніе другимъ имуществомъ, приносящимъ доходъ. Напротивъ того, въ обществахъ съ мірскимъ землевладѣніемъ всѣ точки отправленія для какого бы то ни было дѣйствія въ дѣлѣ самоуправленія лежатъ въ понятіи *о личномъ трудѣ*. Это понятіе о личномъ трудѣ есть первое исходное понятіе всего строя жизни нашего крестьянства, ядро сферы, изъ котораго исходятъ всѣ другія правила и распорядки.

Такимъ образомъ мы видимъ, что начало личнаго труда проявляется, какъ управляющее, въ томъ фактѣ, что, напримѣръ, въ Блазновской общинѣ (Тверской губерніи) отсутствующій членъ общества платитъ міру ежегодно извѣстную сумму за потерю въ лицѣ его обществомъ рабочей силы.

Сообщая этотъ фактъ, г. Бауеръ, изслѣдователь Блазновской общины, говоритъ, что земля, находившаяся во владѣніи отсутствующаго, поступаетъ въ пользованіе міра и идетъ въ надѣлъ нуждающимся въ ней, а деньги высылаемыя отсутствующимъ дѣлятся поровну по душамъ. Въ различныхъ случаяхъ наслѣдованія послѣ умершаго домохозяина является опредѣляющимъ право наслѣдованія не что иное какъ количество труда, положеннаго наслѣдникомъ на пріобрѣтеніе имущества двора. Дѣти, живущія въ семьѣ, представляются въ понятіи народа первыми ближайшими и усерднѣйшими работниками въ семьѣ, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ, потому что здѣсь 12-тилѣтній мальчикъ становится дѣйствительнымъ помощникомъ въ работѣ; затѣмъ разсматриваются имѣющими право на наслѣдство пріемыши и незаконныя дѣти, если тѣ и другіе, живя въ семьѣ, работали какъ и другіе ея члены. Въ Старухинской общинѣ (Тульской губерніи) былъ даже случай отдачи усадьбы племяннику, жившему на сторонѣ,—отдачи вслѣдствіе того, что онъ посылалъ вырабатываемыя его трудомъ деньги дядѣ на семейныя нужды и выкупъ усадьбы. Въ Ундоровской общинѣ (Симбирской губерніи) «имущество покойнаго переходитъ къ тому лицу, съ которымъ онъ его «наживалъ»; узы родства при этомъ не цѣнятся. Отсюда происходитъ, что по смерти мужа все имущество переходитъ къ оставшейся въ живыхъ его женѣ, которая съ нимъ все это имущество много лѣтъ «наживала». Въ этомъ случаѣ вдова является полною домохозяйкой и отъ нея уже зависитъ «наградить» дѣтей, если они пожелаютъ впослѣдствіи раздѣлиться; она имѣетъ право оставить за собою право пользоваться общинною землей на столько душъ, сколько ихъ имѣлъ мужъ въ годъ своей смерти, уплачивая всѣ причитающіеся на эти души платежи и повинности, а если весь надѣлъ ей не по силамъ, то получаетъ лишь часть его. Если же въ наживѣ имущества умершаго, кромѣ жены, участвовали и его дѣти, тогда наслѣдство послѣ покойнаго получаютъ жена и дѣти поровну. Случается и такъ, что жена съ мужемъ жила не долго и нажить ему не помогла ничего, въ такомъ случаѣ ей изъ мужнина имущества выдѣляется весьма незначительная часть, все же имущество переходитъ къ тому, кто поилъ и кормилъ его въ молодости и помогъ покойному нажить это имущество. Послѣ умершей жены мужъ наслѣдствомъ покойной не пользуется, такъ какъ въ крестьянскомъ быту мужъ не помогаетъ женѣ наживать имущество; на-

слѣдство это переходитъ или къ дочерямъ покойной, а если ихъ нѣтъ, то къ тому лицу, кто далъ ей это имущество или помогалъ ей нажить его. Послѣ вдоваго отца наслѣдство переходитъ къ тому сыну, который былъ отцу помощникомъ, сынъ же, который не помогалъ отцу, а «по сторонамъ булкался», какъ говорятъ крестьяне, наслѣдствомъ не пользуется. Если пріемышъ или посторонній человѣкъ проработалъ извѣстное число лѣтъ въ семьѣ, не получая за свой трудъ жалованья, то онъ пользуется наслѣдствомъ послѣ смерти домохозяина наравнѣ съ его сыновьями. Отецъ не можетъ лишить сына своего наслѣдства, если тотъ помогалъ ему наживать это имущество; въ этомъ случаѣ міръ противъ воли отца возстановляетъ права сына».

Выдѣленный сынъ, какъ уже переставшій работать на семью, изъ которой онъ вышелъ, ничего не наслѣдуетъ. Семейные раздѣлы обусловливаются между прочимъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что одинъ членъ семьи трудолюбивъ, другой же мало работаетъ. При переверсткѣ полосъ или при сдачѣ надѣла рожь, посѣянная въ озимомъ полѣ, снимается старымъ хозяиномъ, положившимъ трудъ на ея воздѣлываніе. Еели при переверсткѣ отходитъ вспаханное поле, то новый владѣлецъ уплачиваетъ прежнему за трудъ вспашки. Различные возрасты, т. е. различныя силы, различная способность къ работѣ обусловливаютъ размѣръ земельнаго надѣла.

Такъ въ Ундоровской общинѣ полная доля земли дается достигшему 18-тилѣтняго возраста, половинная — подросткамъ до 16-тилѣтняго возраста и 55-тилѣтнимъ старикамъ; по достиженіи 60-ти лѣтъ пользованіе землею прекращается. Въ Торховской (Тульской губерніи) съ 17-ти лѣтъ дается одна доля, а съ 19-ти — двѣ. Въ одной изъ общинъ Тульской губерніи надѣлъ землею производится съ 12-тилѣтняго возраста. Въ случаѣ нерачительнаго труда главы семьи (большака), отъ него берется право управленія хозяйствомъ двора, которое и передается болѣе рачительному члену семьи. Въ Мороховской общинѣ (Харьковской губ.) земля недоимщика передается только въ одномъ случаѣ другому, именно при неспособности къ труду. Мірскимъ колодцемъ пользуются только трудившіеся надъ вырытіемъ его. За какую бы то ни было работу въ пользу общества міръ платитъ сбавкой другихъ мірскихъ работъ: такъ, отработка помѣщику за взятую у него въ аренду землю оплачивается сбавкой, лежащей на наряженныхъ для этой работы домохозяевахъ, на-

туральной повинности. За службу обществу, напримѣръ, въ должностяхъ сельскаго старосты, волостнаго старшины, кромѣ жалованья, снимается со служащаго исполненіе мірскихъ повинностей; точно также вознаграждаются выборные за ихъ труды по передѣламъ. При исполненіи мірскихъ работъ дѣлается обыкновенно самый строгій разсчетъ количества труда, выпадающаго на долю каждаго работника. Такъ, Борокская община нанимаетъ у помѣщика лугъ, который можетъ быть скошенъ въ извѣстное число дней. Здѣсь разсчетъ, сколько на кого должно выпасть работы, принято основывать на потребности въ сѣнѣ домохозяина, сообразно количеству имѣющагося у него скота. Вслѣдствіе этого одинъ день работы опредѣляется здѣсь домохозяину имѣющему 2 крупныхъ и 2 мелкихъ скотины, имѣющему же 4 крупныхъ и 2 мелкихъ придется работать два дня. Если положить, — говоритъ г. Зиновьевъ, изслѣдователь Борокской общины,—что въ деревнѣ при такомъ счетѣ оказалось 20 дней, а лугъ можетъ быть скошенъ лишь въ 30, то тогда 30 дѣлятъ на 20 и получается $1^1/_2$ дня; слѣдовательно, вмѣсто одного дня за каждыя 2 крупныхъ и 2 мелкихъ головы скота, взятыхъ вмѣстѣ, хозяину ихъ придется отработать $1^1/_2$ дня.

Въ Мороховской общинѣ (Харьковской губерніи) при укосѣ нанимаемаго луга, по опредѣленіи степени потребности каждаго хозяина въ извѣстномъ количествѣ скота, опредѣляется причитающееся на каждаго, сообразно этой потребности, количество саженей луга, и вотъ выкосъ этихъ участковъ одни производятъ отдѣльно отъ прочихъ, другіе же, находя свою трудовую способность одинаковою, косятъ сообща (при нарядѣ съ каждаго двора по работнику и работницѣ). Въ этомъ случаѣ имѣющіе больше скота приплачиваютъ тѣмъ, у кого его меньше, деньгами по существующимъ въ то время на рабочихъ цѣнамъ. Отчего, кося здѣсь сообща, не дѣлятся поровну, объясняется тѣмъ, что не каждому нужно одинаковое количество сѣна, а слѣдовательно и скота,— что имѣющій мало скота имѣетъ, значитъ, и меньшій надѣлъ, а вслѣдствіе этого меньше платитъ податей, въ меньшей долѣ участвуетъ въ исполненіи мірскихъ повинностей и можетъ, кромѣ того, прилагать свой трудъ къ другимъ работамъ, болѣе свойственнымъ его хозяйственному положенію, занимаясь, напримѣръ, какими-либо промыслами, и проч. Вообще на каждаго члена въ обществѣ нельзя смотрѣть какъ на нѣчто однородное всѣмъ другимъ. Различныя наклонности и способно-

сти, расположеніе у разныхъ людей къ различнымъ занятіямъ имѣетъ здѣсь мѣсто, какъ и въ обществахъ личныхъ собственниковъ; да и самыя потребности общины весьма различны, какъ мы имѣли случай нѣсколько разъ подробно указывать на это *), а потому нѣкоторыя работы въ общинѣ требуютъ специализаціи.

Главнѣйшее занятіе въ жизни сельскихъ обществъ заключается въ земледѣліи, вслѣдствіе чего главная масса труда прилагается къ дѣлу воздѣлыванія земли и такимъ образомъ земля является здѣсь такъ сказать предметомъ, при посредствѣ котораго и при условіи приложенія труда къ которому добываются средства для удовлетворенія потребностей личныхъ и общественныхъ. Поэтому понятно, что вопросъ о томъ, къ какому количеству земли каждый можетъ приложить свой трудъ съ выгодою для себя и пользою для общества,—является однимъ изъ главнѣйшихъ въ практической жизни общества. Понятно поэтому, что собственно земля, взятая сама по себѣ безъ понятія о приложеніи къ ней труда, не имѣетъ никакого значенія, а главный центръ тяжести лежитъ здѣсь въ понятіи о пользованіи землею лицомъ, имѣющимъ способность трудиться надъ нею. Земли можетъ быть и много и мало, можетъ ея совсѣмъ не быть, но вслѣдствіе всего этого вопросъ о порядкахъ жизни людей, сплотившихся въ общество для того, чтобы легче и удобнѣе удовлетворять своимъ потребностямъ, остается неизмѣннымъ. Такъ именно рабочіе въ Леденгскомъ солеваренномъ заводѣ дѣйствуютъ въ сферѣ своей промышленной жизни на основаніи тѣхъ же принциповъ и правилъ, на основаніи которыхъ живетъ всякое земледѣльческое селеніе **). Точно также и порядки рыболовства Архангельской губерніи ***) почти тождественны съ порядками общественнаго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи. Точно также и въ общинахъ, о которыхъ мы теперь говоримъ, кромѣ дѣла вспашки земли, посѣва, сѣнокоса, производятся городьба, постройка и починка плотинъ, устройство мірскихъ колодцевъ, пожарныхъ сараевъ, и проч., но въ дѣлѣ распредѣленія и производства всѣхъ этихъ работъ участвуетъ одно опредѣляющее понятіе о трудѣ, для производства этихъ работъ.

---

*) См. „Крестьянство и общинное землевладѣніе“ въ кн. 6 *Русской Мысли* 1881 года.

**) См. „Никольск. уѣздъ и его жители“ Г. Н. Потанина, *Древн. и Нов. Рос.* 1876 г., № 10.

***) См. Ефименко: „Сборн. юридич. обыч. Арханг. губерніи“.

Что такое управляющее значеніе остается за трудомъ, а не за землею, подтверждается еще тѣмъ фактомъ, что когда земля малопроизводительна, и при этомъ рукъ не избыточествуетъ, а между тѣмъ подать за землю должна быть внесена государству, то общество *приневоливаетъ* своихъ членовъ брать землю и прилагать къ ней свой трудъ и тѣмъ заявляетъ, слѣдовательно, очень ясно *о присущемъ ему правѣ требовать производительнаго труда отъ своего члена*. Не будь земля главнымъ предметомъ, къ которому прилагается трудъ, будь этимъ предметомъ какой-либо иной промыселъ, напр. рыбная ловля, общество заставляло бы, при извѣстныхъ условіяхъ, заниматься рыболовствомъ.

Подтверждается еще такое значеніе земли и тѣмъ, что, въ случаѣ потери рабочей силы въ обществѣ отъ отсутствія своего члена на сторону, общество беретъ съ него, какъ мы видѣли выше, извѣстную плату, а также тѣмъ, что общество признаетъ себя обязаннымъ предоставлять, въ случаѣ требованія, оставшіеся по смерти бездѣтнаго домохозяина надѣлъ и усадьбу такому лицу, которое, живя на сторонѣ, высылало постоянно деньги въ семью умершаго, то-есть вносило плоды своего труда въ общество,—и, наконецъ, тѣмъ, что, отбирая по смерти домохозяина отъ малолѣтнихъ его дѣтей полевую землю, міръ отдаетъ ее въ руки могущія ее воздѣлывать, а потомъ, когда изъ дѣтей сдѣлаются сильные работники, общество возвращаетъ имъ надѣлъ.

Такимъ образомъ понятіе о трудѣ лежитъ въ основаніи всѣхъ отправленій общинной жизни, или, говоря иначе, различныя лица, сплотясь въ общину, выдвигаютъ на первый планъ необходимость труда, работы, для того, чтобы достигалась цѣль, для которой и сплотилось самое общество.

Что же касается до реализаціи этого труда, до проявленія работы въ дѣйствительности, то такъ какъ самое распространенное занятіе есть приложеніе труда къ землѣ, то земля и является такимъ образомъ главнымъ реальнымъ мѣриломъ труда и съ помощію ея разверстывается, сообразно силамъ, количество труда, въ силу того, во-первыхъ, что земледѣліе представляется у насъ исключительно доступнымъ для массъ промысломъ,—во-вторыхъ, что земля обложена значительными податями и, въ-третьихъ, что фактически большинство крестьянства, вслѣдствіе разныхъ причинъ, такъ сказать, прикрѣплено къ землѣ и общество, владѣющее землею, представляется у насъ *не только какъ собственникъ, имѣющій право владѣть*, *но и обязанный владѣть*, а вслѣд-

ствіе этого и платить извѣстные налоги. Въ силу этого даже подушная подать, налогъ совершенно личный по закону, является въ дѣйствительности налогомъ поземельнымъ, потому что крестьяне, соединяя его въ одну сумму съ другими платежами, какъ-то: выкупными, оброчными, земскими, мірскими,—переводятъ ее на землю, имѣющую, какъ выше сказано, значеніе мѣрила труда.

Соображаясь съ различными условіями своего земельнаго владѣнія, съ количествомъ членовъ, входящихъ въ составъ общества, имѣющихъ возможность заниматься земледѣліемъ, и наконецъ съ тѣмъ, сколько одинъ человѣкъ опредѣленнаго возраста можетъ воздѣлать въ данномъ мѣстѣ земли,—общество дѣлитъ всю землю на извѣстныя доли, число которыхъ соотвѣтствуетъ числу ревизскихъ душъ, находящихся въ общинѣ во время производства этого раздѣла. Въ это же время вся приведенная въ извѣстность сумма платежей государственныхъ, выкупныхъ, земскихъ, мірскихъ—раздѣляется на столько частей, сколько составилось земельныхъ долей, и такимъ образомъ каждая изъ земельныхъ долей является обложенною извѣстною долей платежей. Вслѣдствіе этого каждый членъ общества, имѣющій возможность вести хозяйство, взявъ себѣ долю земли, является обязаннымъ платить и извѣстную долю податей. Иначе говоря, тотъ трудъ его, который онъ обязанъ нести въ пользу общества, въ пользу земства и государства, представляется извѣстною суммой денегъ, количество которыхъ опредѣляется суммою взятыхъ имъ долей земли.

Не желающій владѣть землею, предпочитающій занятіе другимъ промысломъ на сторонѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ находящій выгоднымъ остаться членомъ общества, вноситъ за потерю обществомъ рабочей силы сумму, опредѣленную по взаимному соглашенію съ обществомъ. Не владѣющій землею вслѣдствіе неспособности физической, или по неимѣнію нужнаго для воздѣлыванія земли обзаводства—не вноситъ платежей, выражающихся въ земельныхъ доляхъ.

Но дѣло сельскохозяйственное есть самое разнообразнѣйшее дѣло, слагающееся изъ самыхъ разнообразныхъ занятій, какъ объ этомъ мы подробно говорили въ *Русской Мысли* *). Поэтому каждый домохозяинъ, воздѣлывающій землю, долженъ работать изгородь для огражденія поля отъ потравы, доставать

*) „Крестьянство и общинное землевладѣніе“, кн. 6 *Русской Мысли* 1881 г. и „Новыя данныя изъ русской жизни“, кн. 5-я 1880 г.

для изгороди матеріалы, рыть канавы для осушенія поля, строить въ случаѣ надобности и содержать въ порядкѣ плотины, содержать рабочій скотъ и проч. Такимъ образомъ на каждаго землевладѣльца выпадаетъ не мало работъ, которыя онъ долженъ производить обязательно и за неисполненіе которыхъ онъ является отвѣтственнымъ передъ обществомъ.

Слѣдовательно и здѣсь предстоитъ необходимымъ опредѣлить размѣръ труда, который долженъ нести каждый сообразно его способностямъ. Мѣриломъ здѣсь является общее мѣрило, принятое для платежа податей—земельная доля: владѣющій одною земельною долей огораживаетъ извѣстное данное пространство; владѣющій двумя долями дѣлаетъ изгородь на пространствѣ вдвое большемъ, и проч.

Въ населеніи нашихъ селъ есть разрядъ людей такъ-называемыхъ бобылей, владѣющихъ усадьбою, огородомъ, имѣющихъ крупную и мелкую скотину, но не пользующихся земельнымъ надѣломъ. Общество считаетъ обыкновенно этихъ безземельныхъ владѣльцевъ усадьбъ обязанными участвовать своимъ трудомъ въ дѣлахъ общины, но сумма обязательнаго ихъ труда, конечно, меньше, нежели у владѣльцевъ полевыхъ надѣловъ. Такъ въ Заозерскомъ обществѣ бобыли пользуются огородною землею, матеріаломъ для постройки избъ, дровами изъ мірскаго лѣсу, водой въ общихъ колодцахъ. Отъ всѣхъ мірскихъ работъ они свободны, но обложены особымъ сборомъ, равнымъ тому, который приходится на полутора - душевой надѣлъ; этотъ сборъ бобыль обязанъ платить даже въ томъ случаѣ, если онъ уйдетъ на заработки. Въ Ундорской общинѣ классъ безземельныхъ тоже освобожденъ отъ всѣхъ лежащихъ на землѣ повинностей, но платитъ подушную, мірскіе и отбываетъ натуральныя повинности, которыя разверстываются на основаніи принятаго общаго мѣрила, т. е. земельной доли.

Вообще, какъ слѣдовало ожидать, положеніе безземельныхъ крайне разнообразно: въ однѣхъ общинахъ они пасутъ скотъ даромъ, въ другихъ платятъ за пастбище; въ однѣхъ пользуются колодцемъ только въ томъ случаѣ, когда сами участвовали въ его устройствѣ, иначе должны платить по 1 рублю, въ другихъ же допускаются пользоваться колодцемъ безплатно, и проч. Причина этого разнообразія въ правахъ и обязанностяхъ безземельныхъ кроется, какъ слѣдуетъ полагать, примѣняясь ко всему вышеизложенному, въ томъ, что степени способности къ

разнообразнымъ работамъ у безземельныхъ должны быть различны—сообразно возрасту, физическимъ силамъ, сообразно тому, чѣмъ было данное лицо прежде, чѣмъ оно явилось въ селеніи въ качествѣ безземельнаго, и вслѣдствіе того къ какому труду имѣетъ навыкъ. Различны тоже должны быть и степени нужды безземельныхъ, зависящія отъ большей или меньшей возможности имѣть заработки на сторонѣ, отъ стоимости хлѣба въ данной мѣстности, и проч. Наконецъ, большая или меньшая степень льготъ безземельныхъ должна зависѣть отъ зажиточности вообще всего общества. Богатая община, владѣющая достаточнымъ количествомъ хорошей земли и надѣленная въ достаточной мѣрѣ угодьями, конечно, можетъ предоставить безземельнымъ больше льготъ, нежели община бѣдная, т. е., переводя это на языкъ общиннаго строя, надобно сказать: въ томъ обществѣ, гдѣ, вслѣдствіе лучшихъ условій жизни, менѣе приходится тяжкаго труда на домохозяевъ, т. е. на сильнѣйшихъ и способнѣйшихъ работниковъ въ обществѣ, тамъ есть возможность взять имъ на себя болѣе труда за раззоренныхъ, слабосильныхъ, больныхъ, старыхъ и сирыхъ,—и, наоборотъ, въ обществахъ, гдѣ и самый сильный домохозяинъ едва сытъ и одѣтъ при работѣ отъ зари до зари, при постоянномъ отсутствіи на заработки, при исполненіи женщинами тѣхъ работъ, которыя лежатъ на мужчинахъ, гдѣ уже на 12-тилѣтняго мальчика накладывается земельная доля,—тамъ, конечно, волею - неволею на долю безземельнаго придется больше работы.

Взявъ это во вниманіе, припомнимъ тѣ факты, которые мы привели въ началѣ статьи,—факты, указывающіе на широкое развитіе въ нашихъ крестьянскихъ обществахъ дѣла призрѣнія и благотворительности. Разсматривая эти факты, мы видимъ, что члены сельскаго общества благотворятъ несравнено болѣе, чѣмъ каждый изъ членовъ городскаго общества, и кромѣ того въ этихъ данныхъ мы замѣчаемъ, что самое дѣло благотворительности совершается иначе, чѣмъ у насъ, а именно: мы даемъ на пользу неимущихъ ближнихъ часть дохода съ своего капитала, даемъ иногда танцуя, слушая музыку и вручая нашу лепту бѣдняку чрезъ посредство знаменитой по красотѣ актрисы или танцовщицы, въ сельскомъ же обществѣ дѣло благотворенія совершается посредствомъ прямаго труда или ограниченія своихъ потребностей, отказа себѣ въ лишнемъ кускѣ хлѣба, въ лишнихъ минутахъ спокойствія и досуга въ своей избѣ.

Такъ именно каждый членъ общества трудится, выходя на работу для вспашки поля или уборки урожая у захворавшаго домохозяина или бѣдной вдовы, вывозитъ лѣсъ на постройку сгорѣвшей у кого-либо изъ своихъ членовъ избы, платитъ за участки, отведенные бѣднякамъ, больнымъ, старымъ, сирымъ, за отпускаемый имъ (безплатно) лѣсъ на починку избы и матеріалъ на изгороди и отопленіе, хоронитъ ихъ на свой счетъ, вноситъ подати за раззорившихся, поставляетъ лошадей для обработки поля хозяину, у котораго онѣ пали или украдены, несетъ хлѣбъ, холстъ и проч. погорѣльцу, поитъ, кормитъ, одѣваетъ сиротъ, поселенныхъ въ его избѣ, и многое другое дѣлаетъ каждый членъ общества въ пользу своихъ ближнихъ, дѣлаетъ путемъ личнаго труда или сокращенія удовлетворенія своихъ потребностей.

Выясненіе этого обстоятельства, т. е. отношенія всей владѣющей полевыми надѣлами деревни къ невладѣющей ими, имѣетъ весьма важное значеніе. Замѣчательная характеристическая черта этого отношенія—*трудъ въ пользу немогущаго трудиться, или лишеннаго возможности производительно трудиться, трудъ для добычи лишняго куска хлѣба, чтобъ этимъ кускомъ накормить сираго, трудъ для пріобрѣтенія чего-либо лишняго, затѣмъ, чтобъ изъ этого лишняго можно было одѣть сираго, заплатить подати за его усадьбу и огородъ* и проч.—весьма сильно говоритъ за то, что крестьянство, владѣющее надѣлами, не стоитъ въ антагонизмѣ съ крестьянствомъ безземельнымъ, что это не двѣ партіи, преслѣдующія разныя цѣли, что это одна семья, въ которой есть здоровые и больные, большіе и малые, и что если иногда плохо малымъ, то лишь потому, что худо и большимъ,—что здѣсь нѣтъ мѣста никакимъ другимъ отношеніямъ, дѣйствіямъ и вопросамъ, кромѣ тѣхъ, которые возникаютъ изъ идеи благотворительности—помощи себѣ подобному, выражающейся въ служеніи ему своимъ трудомъ, затратой собственныхъ силъ на пользу имѣющаго ихъ мало. Тѣмъ болѣе мы склонны останавливаться на этомъ воззрѣніи, что множество другихъ фактовъ изъ сельской жизни косвенно подтверждаютъ его. Такъ именно въ первой статьѣ по «Сборнику», при выясненіи системы передѣловъ полей, приведены, между прочимъ, слова крестьянъ одной общины о причинахъ, по которымъ малозажиточный крестьянинъ радуется, что зажиточный прикупаетъ скотъ, радуется на томъ основаніи, что общее количество унавоженной, т. е. хорошо родящей, земли увеличивается, а зажиточный находитъ для себя

выгоднымъ поправку дѣлъ малозажиточнаго, покупку имъ для себя животинки [1]). Большинство крестьянства другой общины, при распредѣленіи всего населенія общины на группы, для уравнительнаго раздѣла земель, хлопочетъ о томъ, чтобы въ одну и ту же группу не попали одни богатые, а въ другую одни бѣдняки [2]).

Въ третьей общинѣ, гдѣ, вслѣдствіе развитаго кулачества, задержано дѣло переверстокъ, посредствомъ которыхъ владѣніе землею приводится въ соотвѣтствіе съ рабочими силами и гдѣ по этой причинѣ образовалось много безземельныхъ, — укрѣпилась сильно мысль о черномъ передѣлѣ, т. е. надѣленіи землею всѣхъ безземельныхъ по новой ревизіи [3]). По свидѣтельству изслѣдователя Старухинской общины, «бѣднаго, но дѣльнаго человѣка въ деревнѣ уважаютъ и умѣютъ цѣнить» [4]). На малолѣтняго сына безземельной вдовы смотрятъ, какъ это видно изъ словъ крестьянъ, приводимыхъ изслѣдователемъ Блазновской общины, какъ на будущаго полноправнаго члена, которому по достиженіи возраста дадутъ надѣлъ и онъ такимъ образомъ поведетъ хозяйство [5]).

Возможно ли было встрѣтить такіе факты въ жизни общинъ и найти здѣсь такіе взгляды, еслибы владѣющее надѣлами населеніе общины смотрѣло на себя какъ на нѣчто отдѣльное отъ безземельныхъ, и наоборотъ?

Такимъ образомъ современный строй жизни нашихъ общинъ, несмотря на внѣшнее различіе въ занятіяхъ членовъ общинъ, не заключаетъ внутри себя, въ сердцѣ своемъ, никакихъ коренныхъ различій между бѣдными и зажиточными. Явленіе безземелья не есть произведеніе этого строя, а должно быть разсматриваемо какъ слѣдствіе того, что одни люди могутъ работать надъ землею производительно, а другіе неспособны къ этому по различнымъ причинамъ, что ясно и сознается какъ ими, такъ и трудящимися надъ дѣломъ воздѣлыванія земли членами общества. Вслѣдствіе этого, лишь только уничтожается причина, препятствующая труду надъ землею, какъ, напримѣръ, малолѣтство, болѣзнь, безземельный обращается во владѣльца

---

[1]) См. „Крестьянство и общин. землевладѣніе“, кн. 6 *Рус. Мысли* 1881 года, стр. 15 и 16.

[2]) Тамъ же, стр. 13 и 14.

[3]) Тамъ же, стр. 16 и 17.

[4]) Тамъ же, стр. 33.

[5]) Тамъ же, стр. 35.

надѣла, конечно, если не мѣшаетъ этому волостной писарь и дальнѣйшее крестьянское начальство, всегда склонное покровительствовать кулачеству; и, наоборотъ, постоянно совершается переходъ изъ земельныхъ въ безземельныхъ, вслѣдствіе утраты возможности или способности прилагать трудъ къ землѣ,—утраты, происходящей отъ потери лошадей, отъ болѣзни и другихъ причинъ, раззоряющихъ крестьянина.

Но есть одинъ фактъ, который указываетъ на рѣзкое различіе между земельными и безземельными членами сельскаго общества,—фактъ, который очень вѣско говоритъ противъ равноправности послѣднихъ съ первыми, — неучастіе безземельныхъ въ сходахъ, т. е. неимѣніе доли въ дѣлѣ самоуправленія общества. Этотъ фактъ дозволяетъ заключать о полнѣйшей зависимости участи безземельныхъ отъ владѣющихъ землею членовъ общества. Важенъ онъ еще и тѣмъ, что стоитъ въ противорѣчіи съ нашимъ выводомъ о томъ, что основнымъ началомъ, управляющимъ строемъ сельской общины, представляется трудовое начало, а не понятіе о земельномъ владѣніи. А потому остановимся на этомъ фактѣ и поищемъ причины несоотвѣтствія его со множествомъ другихъ фактовъ изъ крестьянской жизни.

Мы видѣли выше громадную затрату земельными крестьянами труда исключительно на пользы безземельныхъ и сирыхъ, мы приводили также по разнымъ поводамъ факты: отвода земли сиротамъ, по достиженіи ими рабочаго возраста; надѣленія землею пріемышей; отдачи усадьбы и надѣла лицу, долго жившему въ другомъ обществѣ, но присылавшему постоянно деньги на хозяйство двора; сдачи надѣла, вслѣдствіе потери рабочей силы, и полученія его вновь по возстановленіи рабочей силы. Все это такіе факты, которые сущностію своею какъ бы уничтожаютъ даже вопросъ о существованіи въ деревнѣ безземельныхъ въ качествѣ какого-то обособленнаго класса и, при сопоставленіи ихъ съ фактомъ непринятія безземельными участія въ самоуправленіи, только возбуждаютъ вопросы: какимъ образомъ неучаствующее въ сходѣ лицо, напримѣръ подростокъ, пріемышъ, домохозяинъ, оправившійся послѣ пожара, потери лошадей, болѣзни—получаетъ безъ своего согласія надѣлъ, а съ нимъ принимаетъ на себя и обязанности вносить денежныя подати и исправлять натуральныя повинности? Какимъ образомъ на невладѣющаго надѣломъ, но пользующагося усадьбою, огородомъ, лѣсомъ, водопоемъ, пастбищемъ, накладывается, безъ разговора

даже съ нимъ, взносъ суммы, равняющейся полуторанадѣльной долѣ? Какимъ образомъ такой громадный произволъ можетъ совершаться въ обществѣ, гдѣ постоянно совершается измѣненіе въ составѣ дворовъ, гдѣ зажиточный въ этомъ году является безземельнымъ на слѣдующій, и наоборотъ, гдѣ всякій имѣетъ привычку говорить не *я* хочу, а *мы* хотимъ, гдѣ земля принадлежитъ не *мнѣ*, а *намъ*, и право на нее предъявляетъ всякій, имѣющій здоровыя руки, и гдѣ если кулакъ купно съ мѣстнымъ начальствомъ, какъ въ Ундоровской, напр., волости, мѣшаютъ этому праву, то возникаетъ и утверждается незыблемая идея въ необходимости чернаго передѣла?

При обсужденіи нами явленій крестьянской жизни надобно всегда имѣть въ виду то обстоятельство, что, дѣлая это дѣло, мы не всегда становимся, а иногда и не умѣемъ становиться на точку зрѣнія особаго міра, не схожаго съ нашимъ. Чуть же дѣло коснется до производства какихъ-либо экономическихъ выкладокъ и разсчетовъ, мы дѣлаемъ ихъ не сообразно тому мѣрилу, по которому разсчитывается все въ деревнѣ, а пускаемъ въ ходъ наши рубли и копѣйки. Вслѣдствіе чего и выходитъ огромная разница въ заключеніяхъ.

Такъ, напримѣръ, видя крестьянина потерявшаго лошадей, мы порицаемъ его сообщественниковъ за то, что они иногда не вспашутъ и не заборонятъ его поля. Между тѣмъ зачастую производство такой вспашки и бороньбы дѣлается невозможнымъ потому, что остается весьма мало дней въ данномъ періодѣ времени на обработку каждымъ своего надѣла и на обработку у помѣщика или у мѣстнаго кулака, которые дали деньги впередъ за полгода и въ случаѣ какой-либо неисправности взыщутъ неустойку, или вгонятъ цѣлую деревню въ самыя безъисходныя условія. Такимъ образомъ деревнѣ легче заплатить подати за раззорившагося, чѣмъ потерять время на обработку его надѣла. Бываютъ условія, при которыхъ деревнѣ выгоднѣе нанять, какъ, напримѣръ, въ Заозерской общинѣ (Новгородской губ.), никуда негодный участокъ земли у сосѣда, чѣмъ тратить время на отдѣленіе отъ него своихъ полей изгородью, постоянно размываемою ручьемъ, и несмотря на частую ея поправку все-таки иногда платиться за потраву такому сосѣду, котораго все хозяйство сводится на извлеченіе дохода изъ притѣсненій и прижимокъ для полученія почти даровыхъ работниковъ. Бываетъ затѣмъ и такое положеніе дѣлъ: работая усиленно сряду нѣсколько дней,

люди и рабочій скотъ до того истомляются, что на слѣдующій день нельзя пуститься опять на работу, чтобъ окончательно не повалить себя и рабочую скотину. Является опять болѣе выгоднымъ — сдѣлать заказъ отъ работъ, т. е. отдыхать и кормить скотъ, нежели польститься на возвышенную заработную плату на сторонѣ, и проч. Капиталъ крестьянства заключается въ собственной физической силѣ, этого забывать не слѣдуетъ; потерять этотъ капиталъ—для крестьянина равносильно потерѣ всего.

Говоря иногда о томъ, что ничего не значитъ въ обществѣ отдѣлить каждому по нѣскольку копѣекъ для помощи своему односельцу, мы забываемъ, что рубли и копѣйки крестьянина не есть рента съ земли или процентъ съ капитала, а прямые представители произведенныхъ его трудомъ продуктовъ. Такимъ образомъ если при данномъ климатѣ, почвѣ, количествѣ скота производится столько-то съ надѣла и если отчуждается изъ этого на сторону такъ много для пользъ государства и земства, что остается на свои нужды весьма мало, то есть ли возможность поднимать здѣсь вопросъ объ отдѣленіи хотя бы копѣекъ на помощь своему односельцу? Еслибъ еще земледѣльческій трудъ оцѣнивался на рынкѣ одинаково со всякимъ другимъ трудомъ, а не по спросу и предложенію, еслибы, вслѣдствіе этого, парикмахеръ получалъ за свой трудъ вознагражденіе равное вознагражденію за тяжкій трудъ крестьянина, то конечно тогда, платя 30 р. съ надѣла, крестьянинъ можетъ-быть оставлялъ бы у себя 970 р.; теперь же, платя тѣ же 30 руб. съ надѣла, онъ получаетъ отъ купца за всѣ, произведенные его работою нѣсколькихъ мѣсяцевъ, продукты не 970 руб., а 150 или 200 руб. Точно также сосѣдній землевладѣлецъ платилъ бы ему, при правильной оцѣнкѣ земледѣльческаго труда, за работу не 25—30 руб., а 250—300 руб. Однако и при всемъ этомъ какъ много дѣлается въ деревнѣ такихъ дѣлъ, которыя мы называемъ благотворительными. И дѣйствительно, только для насъ, людей городовъ, богачей сравнительно съ жителями деревень, такая масса благотворительности просто изумительна, если въ особенности возьмемъ во вниманіе, что мы благотворимъ изъ дохода съ капитала, а тамъ расходуется на это прямо свой собственный трудъ, т. е. силы организма, уже уставшаго отъ работы на себя, и расходующій эти силы почти и не думаетъ о томъ, что онъ творитъ подвигъ человѣческаго братолюбія, а просто считаетъ себя исполняющимъ нѣчто обыкновенное, мірскую работу. Мірскихъ ра-

ботъ, какъ мы видѣли выше, весьма много, чуть не столько же, сколько собственныхъ, если включить сюда всю массу натуральныхъ повинностей государственныхъ, земскихъ и мірскихъ. Работа на помочи вдовѣ, больному, погорѣвшему и проч.—все это понимается въ смыслѣ мірскихъ работъ. И вотъ, вслѣдствіе-то этого, у крестьянина, при призрѣніи у себя сироты, при совершеніи всякаго другаго дѣла, по нашему выраженію—благотворительнаго, утверждается понятіе не о совершеніи благотворительности, а объ отправленіи мірской работы, т. е. дѣла нужнаго для того, чтобъ общее благосостояніе деревни, обезпечивающее всѣхъ и каждаго, не разрушалось. Эта черта въ крестьянской жизни замѣчена многими изслѣдователями этой жизни.

Вотъ если сопоставить этотъ фактъ съ тѣмъ, что все въ деревенской жизни не гонится за формой, а имѣетъ въ виду сущность дѣла, вслѣдствіе чего и на сельскій сходъ идутъ толковать не для препровожденія времени, а только для дѣла,—слѣдовательно на сходѣ толкуется только о томъ, въ чемъ каждый изъ прибывшихъ имѣетъ большой интересъ,—и если сходъ собирается для толковъ о землѣ и о всемъ соприкасающемся съ ея воздѣлываніемъ, то ясно, что не зачѣмъ на немъ быть людямъ не обработывающимъ землю. А такъ какъ большинство дѣлъ сходовъ заключается въ земельныхъ и земледѣльческихъ вопросахъ и проистекающихъ изъ нихъ вопросахъ о платежахъ за землю, о натуральныхъ повинностяхъ, тоже исполняемыхъ сообразно земельному надѣлу, объ угодьяхъ, необходимыхъ для веденія земледѣлія, то и понятно, что безземельнымъ въ большинствѣ сходовъ не зачѣмъ принимать участія. При наблюденіи этого явленія крестьянской жизни у насъ не съумѣли его объяснить,—именно, вмѣсто составленія себѣ понятія просто какъ о явленіи постояннаго присутствія на сходахъ только владѣющихъ надѣлами, былъ сочиненъ здѣсь какой-то законъ,—простое явленіе обращено въ правило. Такимъ образомъ изслѣдователь Блазновской общины (Тверской губерніи), г. Бауеръ, желая объяснить причину неучастія безземельныхъ въ сходахъ, говоритъ: «Такъ какъ дѣло не касается безземельныхъ, не платящихъ ничего, то, ясно, имъ и на сходахъ дѣлать нечего и ихъ голоса не спрашиваютъ, только въ дѣлахъ пастбища они могутъ участвовать въ спорахъ». Прибавимъ еще къ этому, что *участіе въ споръ на сходѣ*, т. е. возможность вліянія силою убѣжденія, *значитъ весьма много*,

почти все, потому что рѣшеніе схода въ большинствѣ случаевъ требуется единогласное.

Такимъ образомъ все приводитъ къ заключенію, что принципіально безземельные не лишены права участія въ самоуправленіи общества, что только фактически они устранены отъ дѣлъ до нихъ не касающихся, а вслѣдствіе этого сдѣланный выше, на основаніи значительнаго числа данныхъ, выводъ о полной равноправности всего населенія общины представляется вѣрнымъ и относительно порядковъ самоуправленія въ сельской общинѣ.

Въ параллель такъ сказать этому отличительному началу строя сельской общины — равноправности—весьма замѣтно въ массѣ разнородныхъ проявленій общинной жизни начало, выражающееся въ наклонности рѣшать дѣла на сходѣ *единогласно*. Несмотря на множество причинъ, затрудняющихъ осуществленіе этой наклонности, она въ нѣкоторыхъ общинахъ такъ сильна, что пробиваетъ себѣ дорогу почти исключительно во всѣхъ случаяхъ. Такъ въ деревнѣ Старухинской, Тульской губерніи, состоящей изъ двухъ общинъ (принадлежали онѣ прежде разнымъ владѣльцамъ), каждая изъ нихъ рѣшаетъ поземельные вопросы отдѣльно; но если при раздѣлѣ семьи или передѣлѣ одна община не приходитъ къ единогласному рѣшенію, то на сходъ приглашается и другая община *). Останавливая вниманіе надъ этими весьма характерными фактами: а) приглашенія одною общиною другой общины къ участію въ сходѣ, въ случаѣ несоставленія единогласнаго рѣшенія на сходѣ первой, и б) откладыванія въ подобномъ же случаѣ дѣла до другаго схода,—надобно взять въ соображеніе, что единогласію на сходахъ препятствуютъ не только

---

*) Изслѣдователя Ундоровской общины (Симбирской губерніи), г. Красовскаго, долго занималъ, говоритъ онъ, „вопросъ, почему на всѣхъ приговорахъ, которые случалось мнѣ видѣть, подписываются всѣ присутствующіе на сходѣ домохозяева. Неужели при рѣшеніи какого-либо вопроса всѣ домохозяева бываютъ постоянно согласны между собою и нѣтъ между ними недовольныхъ? Этотъ вопросъ я не разъ предлагалъ себѣ, когда попадался мнѣ въ руки приговоръ какого-либо общества. Чтобы разрѣшить его, я много разъ присутствовалъ на сельскихъ сходахъ и каждый разъ былъ очевидцемъ единогласнаго рѣшенія схода. Это единогласіе достигалось тѣмъ, что меньшинство, если не убѣдится доводами, добровольно уступаетъ большинству, чтобы быть за одно со всѣми. Случалось иногда, что, при всѣхъ стараніяхъ схода уломать меньшинство, единогласіе на сходѣ не достигалось, въ такомъ случаѣ міръ откладывалъ дѣло до другаго раза, пока всѣ члены общества не придутъ къ единогласному рѣшенію“.

причины такъ сказать внутреннія, т. е. различные взгляды разныхъ членовъ общины, но и внѣшнія, именно вліянія, идущія со стороны, какъ-то: интриги купеческія, землевладѣльческія, писарьскія и начальническія. Такъ, въ Ундоровской волости, въ которой находится община, строго соблюдающая древнее правило рѣшать дѣла единогласно, есть деревни, гдѣ бѣдные крестьяне скрипятъ отъ долгосрочныхъ передѣловъ, вслѣдствіе чего образовалось здѣсь много безземельныхъ; большинство общины готово уступить ихъ желанію—получить землю, но причина, по которой этого не дѣлается, объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ: укоренившійся въ общинѣ ложный слухъ о томъ, что передѣлъ помѣшаетъ нарѣзкѣ при ревизіи безземельнымъ земли отъ казны, былъ поддержанъ волостнымъ старшиною, къ которому общество обращалось съ вопросомъ по этому важному предмету. А нельзя не предполагать, чтобы старшина далъ въ этомъ важномъ случаѣ отвѣтъ, не посовѣтовавшись съ дальнѣйшимъ своимъ разнообразнымъ начальствомъ или сосѣдними землевладѣльцами, для которыхъ, какъ это видно изъ изслѣдованія той же общины, незажиточность окружающаго ихъ сельскаго населенія весьма выгодна, потому что все незажиточное беретъ у нихъ деньги для уплаты весеннихъ податей подъ будущія полевыя работы, давая такимъ образомъ арендаторамъ и личнымъ собственникамъ возможность обрабатывать ихъ поля почти за безцѣнокъ. То же самое выгодно и мѣстному купечеству и кулачеству, пользующемуся случаемъ скупать за безцѣнокъ хлѣбъ и скотъ при наступленіи періода, въ который бѣднякамъ нужны деньги до зарѣзу.

Если въ разносторонней дѣятельности общины обратить вниманія на тѣ дѣла управленія, которыя касаются различныхъ распорядковъ по веденію хозяйства общественнымъ имуществомъ и по различнымъ оборотамъ съ разнаго рода угодьями,—касаются за тѣмъ предпріятій по арендованію чужихъ угодій, по сдачѣ въ аренду своихъ, по производству какихъ-либо особенныхъ работъ,—то оказывается, что тѣ изъ этихъ операцій, производство которыхъ требуетъ активной работы, совершаются большею частью не предоставленіемъ каждому члену общества произвести часть причитающейся на его долю, по разверсткѣ, работы отдѣльно, какъ это ведется, напримѣръ, въ дѣлѣ воздѣлыванія земли, но въ процессѣ этихъ предпріятій всегда преобладаетъ дѣятельность совмѣстная, выражающаяся въ работѣ сообща или въ исполненіи работы по наряду, со всѣми признаками мірской службы. И при

этомъ результаты этой дѣятельности по многимъ изъ такихъ предпріятій не идутъ въ пользу только участвовавшихъ въ исполненіи предпріятія дворовъ, доходъ отъ нихъ не дѣлится по рукамъ работавшихъ домохозяевъ, а считается *принадлежностью всего населенія общества*. Что касается до операцій, не требующихъ активной дѣятельности со стороны членовъ общины, то и здѣсь результатъ этихъ операцій—извѣстный доходъ—идетъ въ общественную кассу, изъ которой и расходуется на *общія потребности*, т. е. имѣетъ тотъ же характеръ, какъ въ операціяхъ перваго рода.

Перваго рода операціи трудно выдѣлить въ особую группу и нужно особенное вниманіе для того, чтобъ отличить большинство ихъ отъ обыкновенныхъ хозяйственныхъ предпріятій, такъ какъ признаки ихъ общественнаго значенія иногда едва уловимы. Такъ въ Заозерской общинѣ (Новгородской губерніи) при послѣднемъ коренномъ передѣлѣ лѣсъ былъ признанъ чисто общественнымъ имуществомъ; положено было его не трогать для отопленія и мелкихъ построекъ, а дозволять рубить въ немъ большія деревья только для крупныхъ построекъ, и затѣмъ жердье и колья, при чемъ большія деревья отпускать не иначе, какъ за деньги, употребленіе же жердьевъ и кольевъ на дрова, а также и продажу ихъ строго преслѣдовать, облагая виновныхъ штрафомъ. Для отопленія и мелкихъ построекъ положено было пользоваться лядинами и изрѣдка лѣсомъ, растущимъ на болотахъ.

Такимъ же общественнымъ имуществомъ можно считать и лѣсъ въ Ундоровской общинѣ (Симбирской губерніи), гдѣ онъ бываетъ обыкновенно заповѣданъ на извѣстное число лѣтъ, по окончаніи котораго рубится сообща всею общиною, а затѣмъ нарубленное дѣлится извѣстнымъ порядкомъ и по окончаніи этого лѣсъ снова заповѣдывается. Къ общественнымъ предпріятіямъ слѣдуетъ отнести общественную запашку въ Науголевской общинѣ (Харьковской губерніи), производимую ежегодно для пополненія продовольственнаго магазина. Здѣсь на работы наряжается отъ каждаго двора по работнику и работницѣ, но хлѣбъ изъ магазиновъ раздается по числу наличныхъ душъ. Для сохраненія лишняго труда и времени на производство городьбы въ Заозерской общинѣ (Новгородской губерніи) нанимается пастбище за 17-ть дней сѣнокосу и жатвы. Исполненіе этой работы подчиняется всѣмъ правиламъ работы на міръ. А по правиламъ этимъ мірская работа производится или сообща, или же по наряду, по очереди; и въ

послѣднемъ случаѣ работа каждаго оплачивается сбавкою ему извѣстныхъ повинностей, напримѣръ, подводной. Въ Мороховской общинѣ (Харьковской губерніи) сѣно накошенное на земляхъ помѣщика съ 1/3 части вывозится сообща всѣмъ міромъ; сообща же устраиваются всѣмъ міромъ въ Ундоровской общинѣ запруды; изъ ряда предпріятій, совершаемыхъ на мірскія средства, можно указать на сдачу въ аренду мірскихъ земель и угодьевъ. Такъ въ 40 верстахъ отъ Пустынской общины (Рязанской губерніи) сдается въ аренду пахатная и луговая земля за 2.500 руб., которые и идутъ на уплату оброка.

Получаемыя въ этой же общинѣ за право содержанія на ея землѣ питейнаго дома и трактира деньги назначаются тоже на мірскіе расходы, какъ-то: на наемъ у сосѣдей отавы, на сдачу рекрутъ и снабженіе ихъ деньгами, на пожарныя надобности и на наемъ этапнаго, для препровожденія арестантовъ.

Мороховская община сдаетъ своему односельцу въ аренду три десятины за 15 руб., расходуя эти деньги на освѣщеніе, колодцы, молебны въ случаѣ засухи и проч. мірскія надобности. Въ Заозерской общинѣ всѣ доходы съ какого бы то ни было мірскаго имущества поступаютъ въ мірской капиталъ. Плата съ земель, сдаваемыхъ въ аренду общинами Мураевинской волости, шла на уплату податей, а плата взимавшаяся Нарышкинскою общиною за сдачу трехъ десятинъ торфа шла на уплату долга помѣщику за купленную у него общиной землю.

Тѣ предпріятія, которыя несподручно почему-либо было бы производить самой общинѣ, исполняются посредствомъ найма рабочихъ на сторонѣ, какъ, напримѣръ, въ Заозерской общинѣ была произведена осушка луга посредствомъ найма рабочихъ, а въ другихъ общинахъ производятся наймомъ различныя постройки. Расходы на этого рода предпріятія, имѣющія предметомъ удовлетвореніе нуждъ всего населенія, дѣлаются преимущественно изъ мірскихъ суммъ. Этими же мірскими капиталами община пользуется въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно платить убытки за потравы и проч.

Итакъ, всѣ тѣ данныя изъ крестьянской жизни, которыя мы привели здѣсь въ этой статьѣ и въ статьѣ, посвященной главнымъ образомъ очерку сущности передѣловъ полей *), указываютъ

*) Кн. 6 *Русской Мысли* 1881 года.

на то, что въ жизни крестьянскаго общества трудно отыскать такое дѣло, которое по значенію своему могло бы быть исключено изъ разряда дѣлъ, называемыхъ дѣлами самоуправленія, начиная съ дѣла разверстанія земель, назначенія ихъ подъ разнаго рода хлѣба, опредѣленія времени ихъ обработки и уборки, обереженія полей отъ подтопа и потравъ, сбереженія стадъ и проч., переходя затѣмъ къ дѣламъ касающимся отправленія различныхъ повинностей, каковы: устройство дорогъ, содержаніе подводъ, повинностей—этапной, арестантской, воинской, пожарной и проч., и кончая всѣми тѣми дѣлами, которыя касаются вопросовъ благоустройства, благочинія, обезпеченія продовольствія, общественнаго призрѣнія. И при этомъ мы видимъ, что каждый изъ вопросовъ крестьянскаго самоуправленія захватывается такъ широко и глубоко, какъ нигдѣ, ни въ какомъ иномъ самоуправленіи, напримѣръ городскомъ, земскомъ. Ни одному изъ этихъ послѣднихъ нѣтъ дѣла до того, по какой системѣ хозяйства хочетъ хозяинъ обработывать свое поле, когда и куда онъ желаетъ отбыть для какого-либо дѣла, что онъ дѣлаетъ на сторонѣ, что творится въ его семейной жизни, проматываетъ ли онъ свое состояніе, даритъ ли его при жизни или завѣщаетъ тому или другому, выгоняетъ ли изъ дому безъ гроша денегъ сына, и проч. и проч.; нѣтъ также никому дѣла, подаетъ ли онъ нищему милостыню, является ли на помощь впавшему въ несчастье собрату и проч... Между тѣмъ въ жизни крестьянскаго общества оно входитъ и въ хозяйство своего собрата, и смотритъ, согласно ли принятымъ правиламъ, сообразно ли общей пользѣ и выгодѣ живетъ его семья. Опека здѣсь общества надъ каждымъ своимъ членомъ самая обширная, немыслимая въ нашемъ городскомъ обществѣ, невыносимая для насъ и между тѣмъ не представляющаяся нисколько дѣломъ несообразнымъ съ строемъ крестьянской жизни, *гдѣ ея бремя благо, а иго легко*. И именно потому *благо и легко*, что основанія-то этого строя таковы, что способны созидать одну добрую общительность, не вводить въ цѣль общественной жизни никакого инаго начала, кромѣ выражаемаго словами: «всѣ для одного, одинъ для всѣхъ». Личность здѣсь не убита тѣмъ, что ей весь строй жизни внушаетъ, *что она ничто безъ другихъ*, а она поднята, поддержана вытекающимъ изъ этого положенія заключеніемъ о томъ, что надобно стараться жить и держать себя такъ, чтобы всѣмъ было хорошо. Благодаря этому-то имѣющій много скота домо-

хозяинъ и отдаетъ безъ сокрушенія часть его унавоженной земли малоимущему, говоря, что авось онъ и поправится, заведетъ коровенку, а всякій малоимущій не завидуетъ, а доволенъ дѣлается, когда количество скота увеличивается у кого бы то ни было.

Между тѣмъ благосостояніе личнаго землевладѣльца, всякаго торговаго человѣка, или содержателя фабрики—зиждется на томъ, чтобъ окрестъ его были руки готовыя продавать свой трудъ возможно дешево, чтобы хлѣба у его сосѣдей родились хуже, чѣмъ у него, и вслѣдствіе этого онъ имѣлъ бы сбытъ по болѣе высшей цѣнѣ, чтобы конкурренты фабриканта производили меньше и чрезъ это онъ могъ бы повышать цѣны на свой товаръ. Такимъ образомъ въ самоуправленіи городскаго общества или общества, сложеннаго изъ крупныхъ и мелкихъ поземельныхъ владѣльцевъ, должны имѣть мѣсто разныя партіи, преслѣдующія свои интересы, а въ самоуправленіи крестьянъ-общинниковъ всегда долженъ выдвигаться на первое мѣсто лишь вопросъ о соглашеніи, какъ произвести извѣстное дѣло сообразно всѣхъ и каждаго пользѣ; тамъ борьба и результатъ ея—удержаніе каждымъ за собою возможнаго права попользоваться стѣсненнымъ положеніемъ другаго (это и есть побѣда партіи, удержаніе за собою господства); здѣсь—вопросъ, сколько каждый долженъ положить своего труда для того, чтобъ устроилось благое для всѣхъ, а слѣдовательно и для него, дѣло.

И вотъ поэтому-то трудовое начало проникаетъ здѣсь всюду; на этомъ началѣ строятся отношенія въ семьѣ, имъ опредѣляются права наслѣдованія родныхъ дѣтей, пріемышей, оно же лежитъ въ основѣ дѣла устройства отношеній общества къ малолѣтнимъ, старымъ, хворымъ, въ основѣ дѣла отправленія повинностей и другихъ обязанностей передъ обществомъ. Владѣніе землей не играетъ той роли, которую оно имѣетъ у личныхъ собственниковъ; земля здѣсь не есть имущество опредѣляющее степень правъ и обязанностей,—она разсматривается какъ извѣстное мѣрило для опредѣленія количества затрачиваемыхъ силъ на исполненіе различныхъ обязанностей; берется же она мѣркою собственно потому, что составляетъ главнѣйшій, почти исключительный предметъ, къ которому прилагается въ массѣ крестьянскій трудъ. Поэтому-то безправности безземельнаго человѣка, присущей нашему быту, мы не встрѣчаемъ въ крестьянскомъ обществѣ, гдѣ безземельный сирота, поправившійся отъ недуга ра-

ботникъ, вернувшійся послѣ скитаній по отхожимъ промысламъ членъ общества — могутъ получать землю даромъ, безденежно, не путемъ купли-продажи: явленіе опять немыслимое въ быту личныхъ землевладѣльцевъ. Поэтому-то въ общинѣ существуетъ множество такихъ общихъ работъ, прибыль отъ которыхъ не идетъ въ пользу только однихъ работавшихъ, а предназначается въ пользу всего міра, и такимъ образомъ мірская работа является работой и для сираго, и для стараго больнаго, для всякаго безземельнаго.

Въ силу этого, какое бы вы ни взяли дѣло изъ области крестьянскаго самоуправленія, каждое изъ нихъ имѣетъ корни въ своеобразномъ общинномъ началѣ и развивается сообразно этому началу. Безъ понятія о трудѣ нельзя представить здѣсь ни единаго дѣла, а самую цѣль чьего-либо труда нельзя не увидѣть въ сознаніи, лежащемъ въ основаніи общиннаго строя: «всѣ для одного, одинъ для всѣхъ».

Взвѣсивъ все это, обратимъ вниманіе на то, какимъ образомъ можно соединить въ одно цѣлое два общества, изъ которыхъ въ одномъ каждый изъ его членовъ идетъ на сходъ, съ цѣлью согласиться о количествѣ работы, выпадающей на долю каждаго для достиженія полезной для всѣхъ цѣли, а въ другомъ—каждый, идя въ свое собраніе, думаетъ о томъ, какъ бы удержать за собою побольше тѣхъ преимуществъ, которыми онъ пользуется на счетъ стѣсненнаго положенія другихъ членовъ.

Мыслимо ли здѣсь допустить сочувствіе со стороны личныхъ собственниковъ къ такому предпріятію общинниковъ, которое дастъ въ результатѣ возвышеніе доходности съ ихъ земель и тѣмъ подниметъ во вредъ личнымъ цѣну на рабочія руки, или уничтожитъ необходимость обработокъ у помѣщиковъ, надобность въ арендованіи отрѣзковъ? Какъ у насъ въ Россіи, такъ вездѣ и въ западной Европѣ крайнѣ трудно достигается соглашеніе между землевладѣльцами относительно предпринятія какихъ-либо общихъ работъ, и если гдѣ исполняются такія работы, то только при посредствѣ правительства.

Энгельгардтъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ «Изъ деревни», между прочимъ утверждаетъ, что обезпеченный землею и не состоящій никому должнымъ крестьянинъ ни за что не пойдетъ работать на сторону въ дорогое, страдное время, не пойдетъ потому, что нѣтъ никакой выгоды оставить недодѣланнымъ свое собственное дѣло и приняться за чужое, хотя бы за него платили

самую дорогую цѣну. Знаетъ объ этомъ, конечно, всякій кулакъ, спекулирующій землею, всякій управляющій и помѣщикъ. И такъ какъ большинство этихъ личныхъ землевладѣльцевъ ведутъ свое хозяйство безъ собственныхъ рабочихъ, то понятно, что никто изъ нихъ не будетъ самъ себѣ врагъ и не пожелаетъ своимъ сосѣдямъ-крестьянамъ устроить такъ свои дѣла, чтобъ они могли жить надлежащими хозяевами. Какъ устроятся отношенія между крупнымъ землевладѣніемъ и мелкимъ въ будущемъ, объ этомъ мы здѣсь не загадываемъ, говоря только относительно положенія этихъ отношеній въ настоящее время, когда, во-первыхъ, пространство земель частнаго владѣнія даже отчасти превышаетъ пространство земель крестьянскаго владѣнія,—когда, слѣдовательно, земли у крестьянства мало, а у помѣстнаго класса избытокъ; во-вторыхъ, когда значительная часть помѣстнаго класса не ведетъ правильнаго хозяйства, а либо кулачничаетъ землею, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ крестьянства, или же расхищаетъ богатство почвы, гонясь за быстрою наживой; въ-третьихъ, когда, вслѣдствіе этой неурядицы, наживается огромное количество ненужныхъ для земледѣлія людей, наприм. прикащиковъ и проч. скупщиковъ хлѣба; въ-четвертыхъ, когда ни состояніе путей сообщенія, ни развитіе промышленности, обработывающей сырыя произведенія земли, не даютъ еще возможности устроить правильное хозяйство, правильный сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ; въ-пятыхъ, когда въ массѣ частнаго землевладѣнія не развилось еще сельскохозяйственныхъ знаній и большинство этой массы, даже проходившіе курсы среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, отлично читающіе по-гречески и по-латыни, знаютъ меньше, чѣмъ крестьяне, обо всемъ касающемся до дѣла воздѣлыванія въ нашемъ климатѣ, на нашей почвѣ, различныхъ растеній; въ-шестыхъ, когда каждый изъ небогатыхъ нашихъ землевладѣльцевъ есть еще баринъ, а слѣдовательно ни самъ, ни семья его не работаютъ надъ землею своими руками, а потому не могутъ содержать себя съ собственнаго имѣнія и должны искать службы или какихъ-либо занятій въ городахъ; въ-седьмыхъ, когда этому разряду собственниковъ даже мѣшаетъ многое стать работниками на своей землѣ, какъ-то: приниженіе, въ которомъ стоитъ у насъ тяжелый земледѣльческій трудъ; тѣ безчисленныя непріятности, которыя надобно быть готовымъ выносить отъ своего общества и отъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго; та подозрительность въ неблагонадежности мѣстнаго провинціальнаго общества и полицейскаго чиновничества, которой

рискуетъ подпасть землевладѣлецъ не изъ крестьянъ, взявшійся за соху; тѣ условія, въ которыхъ родятся и воспитываются у насъ дѣти небогатыхъ землевладѣльцевъ,—условія, задерживающія правильное физическое развитіе и дѣлающія молодыхъ людей малосильными, что, конечно, устраняетъ всякую возможность и способность къ тяжелымъ полевымъ работамъ.

Какъ же при такомъ положеніи дѣлъ можно питать сладкую надежду, что при соединеніи крестьянства въ одну всесословную волость съ личными землевладѣльцами послѣдніе окажутся и друзьями, и помощниками, и учителями крестьянства.

Различный до крайности строй быта съ одной стороны у крестьянства, съ другой у землевладѣльческаго, торговаго и промышленнаго классовъ, различныя понятія на каждомъ шагу о каждомъ дѣлѣ, вытекающія у однихъ изъ идеи общности, интересовъ, трудоваго начала, а у другихъ изъ свободы личности и эгоизма, обусловятъ только взамное непониманіе, подозрительность, а всѣ только лишь перечисленныя нами характеристическія особенности современнаго положенія хозяйства и жизни крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ—усилятъ, обострятъ тѣ столкновенія, которыя возникнутъ изъ соединенія въ одно цѣлое двухъ діаметрально противоположныхъ строевъ жизни. Отношенія эти и теперь не таковы, чтобы можно было утѣшаться, глядя на нихъ, но теперь они рѣдко обостряются, благодаря между прочимъ и тому, что большая часть горя и страданія крестьянскаго сваливается крестьянствомъ отчасти на полицейское свое начальство и вообще на чиновничество. Съ устройствомъ же всесословной волости большинство распоряженій, идущихъ теперь отъ становаго и непремѣннаго члена, пойдетъ отъ лица частныхъ землевладѣльцевъ; много власти перейдетъ изъ рукъ правительственныхъ агентовъ въ руки помѣщиковъ, промышленнаго и торговаго классовъ. И теперь, если разсматривать дѣйствія исправника, становаго, урядника, волостнаго писаря, мы въ большинствѣ ихъ дѣяній, понятій, настроеній и направленій усмотримъ отраженіе нашихъ собственныхъ воззрѣній. Эти люди—можно такъ выразиться—плоть отъ плоти, кость отъ кости нашей. Взглядъ ихъ на крестьянство есть нашъ крѣпостной взглядъ; привычки къ произволу—наши собственныя привычки; наклонность не признавать за крестьянствомъ тѣхъ правъ, какія считаются прирожденными нашему сословію, и вслѣдствіе этого допущеніе на каждомъ шагу обходиться съ крестьянствомъ грубо, дерзко, не церемонясь на упо-

требленіе непечатной брани, не сдерживаясь отъ зуботычинъ и толчковъ—все это такъ свойственно еще и въ настоящее время человѣку нашего общества съ среднимъ образованіемъ.

Однимъ словомъ, когда попадетъ начальство въ наши руки, мы сдѣлаемся по существу такими же начальниками, каковы и нынѣшніе, что̀ впрочемъ уже нами и доказано въ лицѣ не малаго количества нашихъ мировыхъ судей, о дѣяніяхъ которыхъ есть такъ много разсказовъ во всѣхъ газетахъ и періодическихъ журналахъ.

Чему научимъ мы крестьянство въ дѣлѣ сельско-хозяйственномъ,—мы, знающіе въ этомъ дѣлѣ менѣе крестьянина,—мы, кулачничающіе землею, а не воздѣлывающіе ея,—мы, потерпѣвшіе громкое фіаско на неумѣломъ примѣненіи различныхъ научныхъ системъ хозяйства? Какъ будемъ искоренять пьянство въ народѣ, кутящемъ только шесть-семь разъ въ году, мы, напивающіеся столько же разъ въ продолженіе мѣсяца,—въ народѣ, гдѣ нѣтъ и слѣда болѣзней, происходящихъ отъ опоя, а между тѣмъ чуть не каждый нашъ сынъ носитъ на себѣ слѣды частыхъ возліяній Бахусу его отцовъ? Какія заведемъ на крестьянскія деньги больницы? Не повторимъ ли мы здѣсь того же, что уже разъ сдѣлали, построивъ на земскія деньги тысячныя зданія для больницъ въ городахъ губернскихъ?

Что до школъ, то, вѣроятно, и онѣ явятся принаровленными болѣе къ потребностямъ правящей въ волости партіи, т. е. землевладѣльцевъ, какъ это мы и видимъ въ созданномъ нашими земствами строѣ народнаго образованія. Здѣсь преимущественно на крестьянскія деньги заведено много классическихъ гимназій, реальныхъ училищъ, то-есть заведеній, которыми не пользуется прямо крестьянство; заведены и сельскохозяйственныя школы, въ которыхъ учатся хотя и крестьянскія дѣти, но отнюдь не для пользъ крестьянскаго сословія, выпуская людей болѣе пригодныхъ для занятія мѣстъ прикащиковъ, надсмотрщиковъ за работами въ крупныхъ имѣніяхъ. Такъ будетъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ волостнаго самоуправленія.

Сонмище личныхъ землевладѣльцевъ въ союзѣ съ торговымъ кулачествомъ (кулаковъ и вообще крестьянъ, владѣющихъ личною собственностію, надобно, конечно, признать de facto выдѣлившимися изъ общины) задавитъ окончательно самостоятельность крестьянскаго самоуправленія, задержитъ развитіе общины и даже сильно двинетъ ее къ разложенію, потому что, во-пер-

выхъ, задолженность нашего частнаго землевладѣнія, отсутствіе сельскохозяйственнаго образованія, отсутствіе развитія промышленности, обработывающей сырые продукты, и проч. причины, задерживающія переходъ къ улучшеннымъ системамъ хозяйства, о которыхъ мы говорили выше, еще долго будутъ заставлять нашихъ землевладѣльцевъ вести хозяйство такъ, какъ оно ведется нынѣ, а вслѣдствіе этого они будутъ направлять всѣ силы къ удешевленію рабочей платы и такимъ образомъ принуждены будутъ продолжать кулачничать обрѣзками, ростовщичествовать посредствомъ снабженія крестьянъ деньгами въ долгъ за отработки на своихъ земляхъ, тормозить всевозможными происками вопросы о переселеніяхъ, о кредитѣ, о различныхъ пособіяхъ крестьянамъ для покупки земель. Вспомните, какъ туго шелъ въ земскихъ учрежденіяхъ вопросъ о переложеніи натуральныхъ повинностей въ денежныя; если же эти учрежденія довольно единодушно высказывались за равномѣрное распредѣленіе податей, за оказаніе различныхъ пособій крестьянству, то вѣдь слова и дѣла— двѣ вещи разныя; если земствамъ приходилось дѣйствительно дѣлать что-либо въ этомъ направленіи, то выходило всегда нѣчто противоположное словамъ и намѣреніямъ. Да вообще много ли въ настоящее время земствъ высказалось за устройство, какъ слѣдуетъ, дѣла пособій крестьянамъ на покупку земель и сколько земствъ и сколько гласныхъ, прорвавшись на совѣщаніяхъ по послѣднему вопросу, выпустили свои когти и показали, что они за звѣри.—Во-вторыхъ, въ настоящее время еще существуетъ во всей силѣ у русскаго образованнаго общества, начиная съ высшихъ его слоевъ и кончая низшими, поголовное незнаніе крестьянской общинной жизни и вообще быта народа, превратное, ошибочное толкованіе явленій народной жизни, осложняемое отсутствіемъ познаній сельско-хозяйственныхъ, увлеченіемъ теоріями и строемъ западно-европейскаго сельскаго хозяйства, чему мы и приводили не разъ множество фактическихъ доказательствъ *). И вотъ въ силу-то всего этого у насъ раздавались недавно на сельскохозяйственныхъ съѣздахъ невѣжественныя заявленія о томъ, что травосѣяніе невозможно при общинномъ землевладѣніи;

---

*) „Формы землевладѣнія у русскаго народа, въ зависимости отъ природы, климата и этнографическихъ условій".—„Ходач. предр. относ. крестьянства", *Отеч. Зап.* 1879 г., кн. 3.—„Голосъ къ земству", *Рус. Мыс.* 1880 г., кн. 1 и 2.— „Новыя данныя изъ русской жизни", *Русская Мысль* 1880 г., кн. 5.—„Крестьянство и общ. землевладѣніе", *Русская Мысль* 1881 г., кн. 6.

затѣмъ, чтó ни пренія въ какомъ-либо земскомъ собраніи по вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ крестьянскому хозяйству, такъ и раздаются тамъ голоса и льются цѣлыя рѣчи о вредѣ общины; наконецъ, ведется цѣлая пропаганда распространенія въ Россіи фермерскаго хозяйства, или, говоря другими словами, выселенія крестьянъ изъ деревень на хутора, жертвуются на это весьма внушительныя суммы и все это дѣлается, на добрую почти половину, вслѣдствіе не инаго чего, какъ плохаго знанія сельскохозяйственныхъ условій страны, самаго сельскаго хозяйства и быта народнаго.—Въ-третьихъ, есть въ средѣ нашей интеллигенціи люди, какимъ-то чудомъ вѣрующіе въ русскую общину, но, вслѣдствіе незнанія деталей этого учрежденія и ошибочнаго пониманія многихъ явленій народной жизни, не уяснившіе себѣ должнымъ образомъ предмета. Вслѣдствіе этого, а также крѣпко, крѣпко сидящаго во всѣхъ, даже въ почитателяхъ народа, убѣжденія о якобы превосходствѣ своемъ предъ взрослымъ ребенкомъ-мужикомъ, эти люди мнятъ, что они могутъ научить крестьянство лучшимъ порядкамъ общиннаго хозяйства и самоуправленія, а поэтому готовы предлагать введеніе различныхъ измѣненій въ общинной жизни, въ числѣ которыхъ не мало такихъ, которыя внесутъ только большій безпорядокъ въ эту жизнь и такимъ образомъ умножатъ поводы къ ея разложенію. Такъ, напримѣръ, предлагаются долгосрочные передѣлы, предлагается устройство порядковъ въ родѣ практиковавшихся въ военныхъ поселеніяхъ,—однимъ словомъ, все кажется неладно у неученаго мужика и все должно подлежать необходимымъ измѣненіямъ. Между тѣмъ въ бытѣ народа постоянно идутъ требуемыя временемъ и внѣшними условіями измѣненія, и крестьянство прекрасно сознаетъ, чтó у него несовершенно и что и какъ можно измѣнить, не трогая сущности дѣла, какъ это и показываютъ приведенные нами въ этой и предыдущей статьѣ факты изъ «Сборника матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины» и какъ это весьма удачно обрисовано въ статьѣ *Отечественныхъ Записокъ* 1881 г. «Красный кустъ».

Въ виду всего этого единодушный кликъ всѣхъ земствъ и почти всѣхъ органовъ печати о необходимости всесословной волости не представляетъ собою факта, говорящаго за то, что изъ такого учрежденія выйдетъ нѣчто полезное для народа. Сошлись на этомъ вопросѣ, правда, всѣ направленія, всѣ партіи, но поводы у каждой различны: одна руководится корыстью, а дру-

гая—ложнымъ понятіемъ о русской дѣйствительности и рабскою подражательностію порядкамъ, какимъ бы то ни было, западной Европы; третья, не вѣруя въ иностранные порядки, но не зная хорошо и своихъ, мнитъ вмѣстѣ съ тѣмъ о своемъ умственномъ превосходствѣ надъ крестьянствомъ и надѣется научить его уму-разуму въ его собственномъ дѣлѣ. Таково, по нашему мнѣнію, значеніе этого факта—«общаго клика о сліяніи съ народомъ посредствомъ всесословной волости».

Говоря объ этомъ сліяніи, мы еще не упомянули о фактѣ недовольства крестьянскимъ судомъ и тоже почти о единодушномъ предложеніи подчинить его мировому суду. Мы сдѣлали это затѣмъ, чтобы воспользоваться при рѣчи по этому предмету всѣмъ тѣмъ, что было приведено и высказано выше о самоуправленіи вообще. Опираясь, такимъ образомъ, на все вышеизложенное и принимая въ соображеніе, что всякій судъ, гдѣ бы то онъ ни былъ, устанавливается для охраненія даннаго statu quo и что тѣмъ онъ совершеннѣе и получаетъ въ глазахъ общества тѣмъ больше уваженія, чѣмъ больше рѣшенія его выражаютъ общественное міровоззрѣніе, существующіе юридическіе обычаи. Настоящій волостной судъ именно нехорошъ тѣмъ, что онъ находится подъ давленіемъ полицейскаго начальства, дѣйствующаго въ лицѣ старшины и писаря. Будетъ ли хорошъ этотъ судъ, или какой угодно крестьянскій судъ, если онъ будетъ дѣйствовать подъ давленіемъ управленія всесословной волости или земства? Отвѣтъ на это ясенъ изъ приведенной выше характеристики тѣхъ личностей изъ класса кулаковъ, заводчиковъ, землевладѣльцевъ кулачничествующихъ и ростовщичествующихъ и даже землевладѣльцевъ-либераловъ. Корысть однихъ, незнаніе юридическихъ обычаевъ народа и вообще народнаго быта другими и проч., о чемъ мы выше говорили, приведутъ дѣло къ самымъ плачевнымъ результатамъ. Предлагаемое созданіе второй инстанціи надъ чистымъ крестьянскимъ судомъ въ лицѣ мироваго судьи и выборныхъ изъ крестьянства, чѣмъ хотятъ помочь дѣлу, будетъ опять господство русскаго интеллигента, привыкшаго относиться свысока, съ сознаніемъ полнаго во всемъ своего превосходства ко всему крестьянскому, предполагающаго въ послѣднемъ невѣжество, неразвитость, грубость и съ подобною-то гипотезой въ головѣ приступающаго къ разбору дѣлъ, совершенныхъ на землѣ, которая для него есть прямая terra incognita. Да одна эта гипотеза затемнитъ всѣ, даже ясныя, явленія, всѣ представ-

ленія и объясненія посаженныхъ за судейскій столъ вмѣстѣ съ мировымъ выборныхъ изъ крестьянъ, если только они рѣшатся и осмѣлятся говорить искренно при баринѣ,—они, не смѣющіе этого дѣлать даже при своемъ писарѣ *). Да, взвѣсивъ все это, приходится сдѣлать грустное заключеніе, что далеко еще то время, когда Россія будетъ безсословною, что въ настоящее время готовы слиться въ одно два сословія—дворянство и городскіе обыватели, составивъ изъ себя одно—буржуазію, но нѣтъ еще въ жизни нашей никакихъ явленій, которыя бы указывали на возможность сліянія земледѣльца-общинника съ дворяниномъ или горожаниномъ (кулака, міроѣда, торговца-крестьянина и вообще

*) Цитируемъ здѣсь, касающіяся этого предмета, слѣдующія строки изъ статей *Н. В. Калачова*, напечатанныхъ въ «Сборникѣ государственныхъ знаній» и въ «Запискахъ Географическаго Общества»:

«Я стою твердо на томъ, что въ средѣ всѣхъ крестьянъ, носившихъ въ разные періоды нашей исторіи разныя названія, не только съ древнѣйшихъ незапамятныхъ временъ, не только въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ, но и въ XVIII и XIX вѣкѣ, народный судъ и исполнители его — народные выборные, народные органы для рѣшенія дѣлъ гражданскихъ и частію уголовныхъ и самые судебные разборы и рѣшенія не только проявлялись случайно и самоуправно, не только терпѣлись иногда правительствомъ, но имѣютъ значеніе никогда не сходившихъ со сцены народныхъ представителей и выраженій судебной власти» (стр. 130). «Стоитъ только послушать, особенно на сельскихъ сходахъ, въ которыхъ подчасъ и до нынѣ рѣшаются старикамя тяжебныя дѣла, хозяйственные споры и общественные распорядки, ихъ полные практическаго смысла доводы, *какъ взглядъ на непригодность этихъ умныхъ и смѣтливыхъ стариковъ къ дѣлу суда совершенно измѣняется*. Это ясное пониманіе своихъ домашнихъ и общественныхъ нуждъ, эти трезвыя сужденія, не поддающіяся ни житейской непріязни къ подсудимымъ, ни страху передъ сильными людьми, ни презрѣнію къ безпомощнымъ и слабымъ—все это невольно располагаетъ васъ въ пользу этихъ неграмотныхъ, но *крайнѣ разсудительныхъ стариковъ*. Справедливость ихъ рѣшеній доходитъ до того, что многіе помѣщики по порубкамъ крестьянами въ ихъ лѣсахъ и по потравамъ въ ихъ поляхъ и лугахъ обращаются съ жалобами въ волостные суды и удовлетворяются этими судами несравненно скорѣе и лучше, чѣмъ мировыми судьями» («Сборникъ гос. знаній», т. VIII, стр. 144) ...«Самая суть дѣла—обычай—не выдвинутъ въ такихъ рѣшеніяхъ (вол. судовъ), какъ бы слѣдовало, а умолченъ, какъ слишкомъ извѣстный, безспорный. *Какъ же судить о такихъ рѣшеніяхъ лицамъ, незнающимъ ни обычаевъ, ни быта крестьянъ?* Съ точки зрѣнія человѣка образованнаго, т. е. незнающаго крестьянскаго быта, и юриста, т. е. знакомаго съ одними законами, такія рѣшенія должны казаться весьма часто не только не справедливыми, но даже и абсурдными» («Зап. Географ. Общ.» по отд. этногр., томъ VIII—«Объ отношеніяхъ юридическихъ обычаевъ къ законодательству»). Кромѣ того вся громадность ошибки русской интеллигенціи, говорящей теперь о подчиненіи суда крестьянскаго суду мировому или общему, въ особенности рельефно видна въ богатой фактами работѣ г. *Денскаго*, напечатанной въ кн. 4 и 5 *Русской Мысли* 1881 года.

крестьянина-личнаго собственника, хотя бы и принадлежащаго къ общинѣ, мы считаемъ de facto выдѣлившимся изъ нея, не живущимъ ея интересами и примыкающимъ всецѣло къ классу торговому или личныхъ собственниковъ). Напротивъ, все говоритъ за существованіе крайней противоположности между ними. Выражается эта противоположность въ формѣ землевладѣнія, въ различіи юридическихъ воззрѣній и обычаевъ, въ несходственности основаній, на которыхъ построенъ строй жизни и установлены отношенія между людьми съ одной стороны—у крестьянъ общинниковъ, а съ другой—у дворянства и горожанъ, кулаковъ и вообще крестьянъ-личныхъ собственниковъ. Кромѣ того, долгая жизнь крестьянства въ качествѣ рабовъ отодвинула ихъ далеко отъ другихъ сословій. Одно изъ нихъ и доселѣ не отдѣлалось отъ крѣпостной закваски, отъ признанія народа обреченнымъ на грубый трудъ, на тѣсное житье, на скудную пищу, на довольство вообще немногимъ; а другое въ каждомъ намѣреніи дворянина видитъ неблагое для себя намѣреніе, не можетъ довѣриться ему ни въ чемъ и готово приписать его козням всякое черное дѣло, совершившееся въ государствѣ.

При такомъ положеніи дѣлъ соединеніе крестьянства въ одно цѣлое съ личными землевладѣльцами посредствомъ учрежденія всесословной волости не обѣщаетъ ничего хорошаго.

Итакъ, на сильно наболѣвшій въ настоящее время вопросъ: «что дѣлать»—приходится дать такой отвѣтъ той части поклонниковъ всесословной волости, которые съ учрежденіемъ ея не желаютъ связывать никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ дѣйствительнаго устройства благосостоянія крестьянства. Если до настоящаго времени интеллигенція ни до чего больше не додумалась кромѣ всесословной волости и если отъ этой волости въ настоящее время нельзя ждать добра, вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ, какъ-то: неприготовленности интеллигенціи къ своему дѣлу, незнанія ею народнаго быта, недовѣрія къ ней народа, существованія значительнаго числа землевладѣльцевъ и лицъ торговаго сословія, готовыхъ эксплуатировать крестьянъ-общинниковъ,—то понятно, что надобно оставить пока всякую мысль о всесословной волости и заняться какъ можно скорѣе исправленіемъ себя отъ недостатковъ, препятствующихъ осуществленію добраго дѣла—полезнаго служенія народу. На сколько просчитаются при осуществленіи всесословной волости земцы, искренно сочувствующіе народу, и какое могучее средство попадетъ здѣсь въ руки

людей, напрягающихъ всѣ силы къ тому, чтобъ изъ крестьянъ-общинниковъ сдѣлать себѣ дешевыхъ работниковъ, на это намъ даютъ отвѣтъ всѣ вышеприведенныя данныя. Съ ослабленіемъ силы правительства, съ завлеченіемъ служителей его на свою сильную числомъ и денежными средствами сторону — недруги крестьянства сдѣлаются могучи какъ никогда. И какъ тогда легко будетъ имъ преобразовать всякое сопротивленіе или протестъ противъ нихъ со стороны крестьянства и друзей его въ бунтъ, въ государственное преступленіе! И не поможетъ здѣсь дѣлу никакая свобода печати; да и врядъ ли она и просуществуетъ долго при господствѣ той партіи, возвышеніе которой и прежде и теперь знаменовалось лишь однѣми ежевыми рукавицами и административною ссылкою, которая въ эпоху всесословной волости замѣнится, конечно, удаленіемъ по приговору волостнаго общества всякаго, поднявшаго голосъ за крестьянство, и въ отдаленной перспективѣ всего этого покажется нѣчто въ родѣ обезземеленія крестьянства, со всѣми, неразрывно связанными съ нимъ для нашего своеобразнаго государства, послѣдствіями, о которыхъ мы много и подробно говорили въ кн. 12 *Русской Мысли* прошаго года *). Но почему нужна, по мнѣнію друзей народа, не знающихъ что дѣлать, кромѣ какъ домогаться всесословной волости, опека, для чего необходимо руководить нашихъ крестьянъ—отвѣтъ на это даютъ тоже всѣ вышепривенныя данныя, и отвѣтъ этотъ на основаніи ихъ можетъ быть формулированъ въ слѣдующихъ словахъ: потому только нужна опека и руководительство крестьянства, что друзья его—пока полные невѣжды относительно его жизни и относительно его главнаго занятія — сельскаго хозяйства, не знающіе, напримѣръ, такого факта: проживши около 200 лѣтъ въ Алтайскихъ горахъ (ущелье Аргуты), бѣглецы изъ Россіи, простые крестьяне**) найдены были впослѣдствіи (1856 года) путешественниками нашими въ такомъ положеніи, какому позавидуетъ всякій западный шляхтичь, всякій мелкій собственникъ. Отрѣзанные отъ всякаго сношенія съ цивилизованнымъ міромъ, не управляемые никакимъ чиновникомъ, не руководимые

---

*) «Стр. изъ жизни поземельной общины».

**) Первоначально они основались въ долинѣ р. Коксу, въ Корсунскомъ плоскогорьи, а потомъ вслѣдствіе того, что какой-то заблудившійся купецъ видѣлъ ихъ и донесъ, они переселились въ ущелье Аргуты, основались у рѣки Уймона и жили никому неизвѣстные до посѣщенія ихъ въ 1856 году путешественникомъ Ковригинымъ (т. IV, дополн. къ землевѣд. Азіи — Риттера. Составлено П. П. Семеновымъ и Г. Н. Потанинымъ).

никакимъ землевладѣльцемъ, окруженные, напротивъ, со всѣхъ сторонъ дикою природой и полудикарями-туземцами, они оказались сохранившими чистоту расы, крѣпость и красоту тѣла, опрятность въ жизни, умъ, толковость, чистую нравственность, оказались, кромѣ того, они земледѣльцами съумѣвшими и въ суровомъ краѣ заставить землю давать плодъ. Вотъ вамъ результатъ свободнаго, никѣмъ не стѣсняемаго, общиннаго землевладѣнія и самоуправленія у крестьянства!...

Нѣчто приближающееся *къ этому идеалу* мы видимъ въ раскиданныхъ на огромныхъ пустыряхъ Сибири крестьянскихъ общинахъ, не знавшихъ со времени водворенія въ Сибири ни крѣпостнаго права, ни многочисленныхъ чиновниковъ палаты государственныхъ имуществъ; гдѣ все отношеніе къ власти заключалось лишь въ періодическихъ и частію единовременныхъ приношеніяхъ къ рѣдко заѣзжающимъ сюда земскимъ засѣдателямъ (становымъ приставамъ) и исправникамъ; гдѣ власть купца почти безсильна вслѣдствіе того, во-первыхъ, что нѣтъ горькой нужды, такъ какъ много земли, скота, а одежда и все прочее, необходимое въ крестьянскомъ быту, ироизводится тутъ же, на мѣстѣ, самимъ же крестьянствомъ, и, во-вторыхъ, что здѣсь мало было поводовъ и случаевъ трудиться такъ усиленно администраціи, полиціи, городскому купечеству и прочимъ надъ дѣломъ созданія кулачества и міроѣдства, надъ поддержаніемъ его всевозможными покровительственными мѣрами, какъ это имѣло мѣсто въ Россіи прежде и какъ это имѣетъ мѣсто и теперь. Напротивъ, въ тѣхъ деревняхъ этой страны, которыя лежатъ близъ центровъ цивилизаціи и торговли или на главныхъ путяхъ послѣдней, а также близъ золотыхъ пріисковъ, бросается въ глаза нищета, ветхость жилищъ,—однимъ словомъ, все то, чего вдоволь въ Европейской Россіи; но въ этихъ мѣстностяхъ Сибири уже всякая экономическая сила и всякая власть усердно покровительствуютъ и нарожденію кулачества.

Итакъ, друзья народа, надѣйтесь, что народъ не будетъ ни грабить по дорогамъ, ни воровать, ни безчинствовать, ни пьянствовать, а станетъ продолжать работать, только болѣе стройно, чѣмъ теперь; самъ онъ вычистится, выстроится, заведетъ многопольное хозяйство и вообще сдѣлается похожимъ на обитателей у р. Уймона, если только не будетъ надъ нимъ той опеки со стороны, какая существуетъ въ настоящее время, и если вмѣстѣ съ этимъ уменьшится покровительствуемый извнѣ экономическій

гнетъ кулака-торговца и кулака-помѣщика. Еслибы наша интеллигенція увѣрилась только въ томъ, что крестьянству не нужны ни руководители, ни опекуны, что оно можетъ само жить и совершенствоваться физически и духовно въ своемъ своеобразномъ бытѣ, то тогда бы различные предразсудки и ложные взгляды интеллигенціи не застлали глазъ образованнымъ друзьямъ народа на такой государственный строй, въ которомъ крестьянское самоуправленіе могло бы существовать совершенно отдѣльно отъ землевладѣльцевъ и лицъ остальныхъ сословій, и представители этого самоуправленія имѣли бы прямой путь и доступъ къ главѣ государства, точно такъ же, какъ теперь дворянство и торговое сословіе имѣютъ этотъ доступъ хотя и не въ формѣ представительства своихъ сословій, не de jure, а такъ сказать de facto, стоя посредствомъ занятія высшихъ постовъ на государственной службѣ подлѣ центра власти, окружая престолъ и имѣя такимъ образомъ возможность заявлять о своихъ нуждахъ такъ, какъ имъ это желательно.

Не фантазія, а дѣйствительность русская заставляетъ желать, чтобы самоуправленіе въ деревняхъ было отдѣльно у общинниковъ и отдѣльно у личныхъ землевладѣльцевъ вмѣстѣ съ торговымъ сословіемъ, чтобъ отдѣльные органы его были и въ городахъ малыхъ и большихъ и, затѣмъ, чтобы представители крестьянъ-общинниковъ составляли отдѣльный соборъ (если соборы когда-либо будутъ) отъ собора дворянства и прочихъ сословій—личныхъ собственниковъ.

Сложить ихъ вмѣстѣ нельзя ни въ деревнѣ, ни въ императорской столицѣ.

С. К—тинъ.

Моя Мадонна.

С. П. К—ой.

Когда порой блеститъ твоя улыбка,
Какъ свѣтлый лучъ, какъ мимолётный сонъ,
Мое больное сердце бьется шибко
И я стою взволнованъ и смущенъ.

* *
*

Въ улыбкѣ чудной теплится отрада;
Въ ней прелестью все дышетъ неземной.
Я упоёнъ; какъ свѣтлая лампада
Моя душа горитъ передъ тобой.

* *
*

Но я молчу. Тяжелое молчанье
Когда-бъ на мигъ рѣшился я прервать,
Все не съумѣлъ бы высказать страданья,
Все не съумѣлъ бы страсти передать.

* *
*

Я смятъ борьбой, измученъ жизни битвой;
Но еслибы я вдругъ заговорилъ,
Къ тебѣ бы понеслись однѣ молитвы,
Какъ ѳиміамъ, что льется отъ кадилъ.

П. Козловъ.

22 сентября.
Кондровка.

Боярская дума древней Руси.

Опытъ исторіи правительственнаго учрежденія въ связи съ исторіей общества.

ГЛАВА XIX *).

Опричнина Грознаго была дальнѣйшимъ развитіемъ комнаты и завершеніемъ признанія политическаго значенія боярской думы.

Эта знаменитая опричнина по происхожденію своему была тѣсно связана съ ближней думой, можетъ быть даже названа эпизодомъ изъ ея исторіи.

Учрежденіе это всегда казалось очень страннымъ какъ тѣмъ, кто страдалъ отъ него, такъ и тѣмъ, кто его изслѣдовалъ. Разсорившись съ своимъ боярствомъ, царь Иванъ покинулъ въ 1564 г. Кремль, Москву, всѣ свои «государства» и самый титулъ царя, учредилъ себѣ новый дворъ съ особыми боярами, дворянами, приказными и другими людьми, оставивъ прежній правительственный и придворный штатъ при его должностяхъ, отобралъ для этого новаго двора нѣсколько улицъ въ Москвѣ и нѣсколько областей въ государствѣ, оставивъ другія улицы и области подъ властью боярской думы и подчиненныхъ ей приказовъ, началъ скромно зваться Иванцемъ Васильевымъ, княземъ московскимъ, ходить и ѣздить въ «смирномъ» черномъ платьѣ и немилостиво казнить тѣхъ, кого считалъ измѣнниками. Государь, потратившій столько усилій мысли, чтобъ усвоить себѣ понятіе о единствѣ верховной власти, ввелъ «раздѣленіе земли и градовъ»; объявивъ предъ лицемъ земли, что всѣ бояре измѣнники и что на простыхъ людей царской опалы и гнѣва нѣтъ, царь оставилъ этихъ вѣрныхъ ему простыхъ людей земли подъ властью боярской

*) «*Русская Мысль*», кн. X.

думы, наполненной измѣнниками: если все это не простое сумасбродство, то очень похоже на политическій маскарадъ, гдѣ всѣмъ государственнымъ силамъ нарочно даны поддѣльныя физіономіи и несвойственныя имъ роли.

Въ опричнинѣ надобно различать двѣ стороны—ея политическую форму и ея политическую цѣль. Первая вовсе не была новостью въ исторіи русскаго государственнаго устройства, созданной царемъ Иваномъ. Это знакомый намъ удѣлъ. Самый этотъ терминъ былъ заимствованъ изъ удѣльнаго языка: такъ назывались особыя выдѣленныя владѣнія, преимущественно тѣ, которыя отдавались въ полную собственность княгинямъ-вдовамъ, въ отличіе отъ данныхъ въ пожизненное пользованіе, отъ «прожитковъ». Въ актахъ XVI вѣка «опричный» значитъ чужой, сторонній, не принадлежащій къ извѣстному обществу или уѣзду. Князь Курбскій подыскалъ мѣткій этимологическій синонимъ этого термина, но только этимологическій, назвавъ опричниковъ «кромѣшниками», удачно играя буквальнымъ и переноснымъ смысломъ этого слова. Никогда прежде не существовало удѣла, состоявшаго изъ тѣхъ именно городовъ, какіе взяты были царемъ въ опричнину; но Иванъ поступалъ согласно съ преданіемъ удѣльныхъ вѣковъ, составивъ свой новый удѣлъ частію изъ городовъ, принадлежавшихъ къ старинной вотчинѣ московскихъ князей, каковы были Можайскъ, Устюгъ, Медынь, Ярославецъ, частію изъ недавнихъ сравнительно пріобрѣтеній московскихъ государей, какими были Двина, Вага, Вязьма, Бѣлевъ, наконецъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сельскихъ волостей, разбросанныхъ въ Московскомъ и другихъ уѣздахъ, которые не были взяты въ опричнину: изъ такихъ именно разрядовъ земель и съ такой же черезполосицей составляли предки Грознаго удѣлы своимъ дѣтямъ въ духовныхъ грамотахъ. Самое управленіе въ опричнинѣ было устроено по старому удѣльному образцу, сколько можно судить о томъ по скуднымъ слѣдамъ дѣятельности опричной администраціи. Какъ въ удѣльное время привилегированное лицо получало право судиться у самого князя или его боярина введеннаго, такъ и теперь въ жалованной грамотѣ игумену Махрищскаго монастыря 1571 года царь пишетъ объ искахъ стороннихъ людей на игуменѣ съ братіей или на ихъ слугахъ и крестьянахъ: «а сужу ихъ язъ, царь и великій князь, или мой бояринъ введенный *у насъ въ опришнинѣ*». Какъ въ удѣльное время все центральное управленіе заключалось въ предѣлахъ дворцоваго вѣдомства, дворъ

князя составлялъ собственно княжеское правительство, такъ и опричнина нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ея учрежденія была переименована во «дворъ», а бояре и дворяне опричные въ бояръ и дворянъ дворовыхъ. Наконецъ, самымъ опричнымъ своимъ титуломъ царь противополагалъ опричнину землѣ, какъ удѣльную часть всему національному и государственному «земскому» цѣлому: нѣкоторое время онъ оффиціально назывался просто «княземъ московскимъ», даже не великимъ, предоставивъ титулъ «великаго князя всея Руси» поставленному имъ во главѣ земщины крещенному хану касимовскому Симеону.

Но, возстановляя старую форму, уже отжившую повидимому свое время, царь указалъ ей цѣль, для которой прежде не существовало особаго учрежденія: установляя опричнину, онъ задумалъ вывести измѣну изъ Русской земли. По челобитью духовенства царь воротился на покинутое имъ государство, но съ тѣмъ, чтобы ему на своихъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалу класть, а иныхъ казнить, имѣніе ихъ брать на себя, чтобы духовенство, бояре и приказные люди все это положили на его государской волѣ, ему въ томъ не мѣшали. Такимъ образомъ учреждалась, если можно такъ выразиться, высшая политическая полиція; назначенный по уставу новаго учрежденія опричный отрядъ въ 1.000 человѣкъ становился корпусомъ дозорщиковъ внутренней крамолы и самъ царь бралъ въ руки полицейскую диктатуру для борьбы съ этою крамолой. Но, направленная противъ людей правительственнаго класса, опричнина не касалась политическаго положенія всего этого класса. Высшее управленіе оставалось аристократическимъ по-прежнему; боярская дума посредствомъ подчиненныхъ ей приказовъ продолжала руководить землей и даже теперь, поставленная во главѣ земщины, какъ будто стала самостоятельнѣе прежняго. Къ сожалѣнію, остается неизвѣстенъ хранившійся въ одномъ изъ ящиковъ царскаго архива подлинный «указъ объ опричнинѣ» и мы знаемъ его содержаніе только по изложенію лѣтописца. Послѣдній по крайней мѣрѣ пишетъ, что, учреждая опричнину, царь приказалъ государство свое Московское, воинство, судъ и управу и всякія земскія дѣла вѣдать своимъ земскимъ боярамъ, къ которымъ должны приходить съ докладомъ «о большихъ дѣлахъ» управляющіе отдѣльными приказами, а сами бояре обязаны приходить къ государю, когда будутъ какія «ратныя вѣсти или земскія великія дѣла». И прежде иногда бояре въ думѣ сидѣли о дѣлахъ

безъ государя, но ихъ приговоры докладывались послѣднему на утвержденіе: теперь повидимому такія засѣданія становились обычными и докладъ государю ограничивался лишь наиболѣе важными государственными дѣлами; слѣдовательно боярскіе приговоры по всѣмъ прочимъ вопросамъ получали силу закона и безъ этого доклада.

Такое странное сочетаніе старой уже несвоевременной политической формы съ новой правительственною задачей и ихъ обѣихъ съ существующимъ правительственнымъ порядкомъ, которому была чужда та и другая, вызвано было любопытнымъ эпизодомъ нашей политической исторіи XV и XVI в., который принято называть борьбой московскихъ государей съ боярствомъ. Не только люди послѣдующихъ поколѣній, но и современники, даже сами участники борьбы расположены были видѣть источникъ ея въ непримиримости политическихъ притязаній боярства того времени съ политическими понятіями и стремленіями государей, преимущественно Грознаго. Но извѣстна привычка бойцовъ въ пылу боя забывать происхожденіе и первоначальную цѣль борьбы и останавливаться въ оцѣнкѣ ея на послѣднемъ пережитомъ моментѣ: поэтому малыя причины иногда рождали великія ссоры и, наоборотъ, важныя разногласія разрѣшались мелкими распрями. Но обѣ боровшіяся стороны даютъ поводъ сомнѣваться въ такомъ происхожденіи и характерѣ ихъ борьбы. Во-первыхъ, притязанія боярства далеко не были такъ рѣшительны: они шли, какъ мы видѣли, немного дальше дѣйствительности; важнѣйшія изъ нихъ были признаны государями; боярская программа состояла не столько въ требованіи политическихъ нововведеній, сколько въ защитѣ дѣйствовавшихъ правительственныхъ обычаевъ. Былъ важный недостатокъ въ политическомъ положеніи боярства—отсутствіе надежныхъ обезпеченій этого положенія; но требованія этихъ обезпеченій не находимъ и въ боярской программѣ. Съ другой стороны, еслибы споръ шелъ о политическомъ порядкѣ и вышелъ изъ несогласимыхъ между собою плановъ государственнаго устройства, отъ царя прежде всего можно было бы ожидать прямаго отвѣта на вопросъ, какого онъ хочетъ порядка, того ли, какой тогда складывался и дѣйствовалъ, или какого-нибудь другаго. Письма Ивана къ Курбскому — наиболѣе полная его политическая исповѣдь. Они рѣшительно подкупаютъ читателя своей задушевностью, жаромъ рѣчи, иногда доходящимъ до ораторскаго блеска. Подъ первымъ впечатлѣніемъ этой кор-

респонденціи, въ которой каждая страница кипитъ и пѣнится, читатель готовъ признать у царя самыя широкія и возвышенныя политическія воззрѣнія. Но, снявъ эту пѣну, находимъ подъ ней скудный запасъ идей и довольно много противорѣчій. Онъ, пользуясь его же выраженіемъ, собственно «едино слово пишетъ, обращая сѣмо и овамо», діалектически развиваетъ одну идею, которую противопоставляетъ притязаніямъ своихъ политическихъ противниковъ: это—идея самодержавія, которое Иванъ старается утвердить на историческихъ и политическихъ основаніяхъ. Самодержавіе для него исконный фактъ нашей исторіи, который онъ ведетъ отъ Владиміра Святаго, прибавляя, что русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ своими царствами, а не бояре и вельможи. Единая и полная власть необходима для водворенія внутренняго порядка, для прекращенія междоусобныхъ браней и самовольства. Но боярство, по крайней мѣрѣ его литературные представители возставали не противъ того самодержавія, которое шло отъ Владиміра Святаго, а противъ самодержавія, окруженнаго кромѣшниками, жертвой котораго палъ св. Филиппъ и въ которомъ царь Алексѣй, также самодержавный, принесъ торжественное покаяніе за своего предшественника. Съ особенной горечью жалуется царь на бояръ во имя своего самодержавія на стѣсненія, какія онъ терпѣлъ отъ «попа невѣжи» и «собаки» А. Адашева съ ихъ совѣтниками: они сняли съ царя всю власть, оставили ему только честь предсѣдательства и званіе царя, а на дѣлѣ сталъ онъ ничѣмъ не лучше холопа; совѣтовались обо всемъ тайкомъ отъ царя, всѣ дѣла рѣшали, какъ хотѣли, ни въ чемъ его не спрашиваясь, какъ будто его и не было или былъ онъ младенцемъ неразумнымъ. Но если дѣйствительно таково было значеніе Сильвестра, какъ изображаетъ его Иванъ, если и по словамъ лѣтописца этотъ іерей былъ «аки все мога», неограниченно распоряжался всѣми церковными и государственными дѣлами, только-что не имѣлъ званія и сѣдалища царскаго и святительскаго, то въ этомъ вовсе не были виноваты бояре. Точно также не боярами, а скорѣе на зло боярамъ Адашевъ взятъ былъ «отъ гноища» и изъ батожниковъ пожалованъ въ вельможи. Прежде всего на самого себя долженъ былъ царь пенять за то, что оба избранника не оправдали его надеждъ; политическое значеніе боярства, его притязанія не были виной того, что эти люди, не принадлежавшіе къ боярскому кругу, стали временщиками, подобрали царю непочтительныхъ къ нему совѣтниковъ и

начали «всѣхъ бояръ въ самовольство приводити»: царь самъ отдался имъ въ руки, испуганный событіями 1547 года. Иванъ какъ будто не замѣчаетъ, что обвиняетъ противниковъ въ собственныхъ ошибкахъ и слабостяхъ и самъ выдаетъ имъ свое самодержавіе. И это самодержавіе для него не политическій порядокъ, а простая личная власть или голая отвлеченная идея: не безъ искусства развивая ее діалектически, онъ не выводитъ изъ нея всѣхъ практическихъ послѣдствій, она не облекается у него въ опредѣленный планъ государственнаго устройства. Вся его философія самодержавія сводится къ одному простому заключенію: «жаловать своихъ холопей мы вольны, а и казнить ихъ вольны же». Но это положеніе вовсе не отличалось новизною: оно такъ легко давалось уже князьямъ удѣльнаго времени безъ помощи возвышенныхъ теорій самодержавія, безъ той начитанности и тѣхъ усилій мысли, какія потрачены были царемъ Иваномъ въ полемикѣ съ бѣглымъ бояриномъ. Они и выражали это положеніе почти тѣми же словами: «я князь великій Борисъ Александровичъ (тверской) воленъ, кого жалую, кого казню», а другому въ то не вступаться, читаемъ мы въ договорной грамотѣ одного изъ этихъ князей, писанной лѣтъ за 170 до полемики Грознаго съ Курбскимъ. Это положеніе выработано удѣльнымъ порядкомъ, который зналъ не государя-правителя съ его подданными, а хозяина-вотчинника съ его холопами, въ которомъ вольные люди были политическою случайностью, временными обывателями на наемной землѣ или службѣ. На такомъ основаніи можно было построить не государственный порядокъ въ объединенной Великой Руси, а запоздалую пародію удѣла, чѣмъ и была опричнина царя Ивана.

Не вопросомъ объ основаніяхъ государственнаго порядка вызвана была вражда, выразившаяся въ полемикѣ царя съ бояриномъ. Этотъ вопросъ затрогивается въ корреспонденціи лишь кстати, къ слову; Курбскій здѣсь даже почти вовсе не затрогиваетъ его. Не противоположные политическіе принципы, а личные счеты и взаимныя огорченія раздѣляютъ обоихъ корреспондентовъ. Потому въ своей перепискѣ они не столько полемизируютъ другъ съ другомъ, сколько жалуются другъ на друга и исповѣдаются одинъ другому; Курбскій, вообще болѣе противника владѣвшій собою, самъ замѣтилъ это и прямо назвалъ посланіе царя исповѣдью, съ ироніей прибавивъ, что будучи не пресвитеромъ, а военнымъ и къ тому же очень грѣшнымъ чело-

вѣкомъ, не считаетъ себя достойнымъ и краемъ уха послушать царской исповѣди. У обоихъ корреспондентовъ есть свои больныя мѣста, о которыхъ каждый усердно твердитъ другому, плохо вслушиваясь въ рѣчь противника. За что ты бьешь насъ, вѣрныхъ слугъ своихъ?—спрашиваетъ Ивана Курбскій.—«Нѣтъ,—отвѣчаетъ Иванъ Курбскому,—русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ своими царствами, а не бояре и вельможи». Такимъ короткимъ діалогомъ можно выразить сущность знаменитой переписки.

Дѣйствительная причина вражды была проще и понятнѣе общихъ политическихъ принциповъ и всегда не въ мѣру откровенный Иванъ не скрылъ ея въ своей исповѣди. Съ половины XV в. эта вражда обнаруживалась дважды съ особенною силой и каждый разъ по одинаковому поводу, по вопросу о престолонаслѣдіи, о преемникѣ. Въ первый разъ, когда вел. кн. Иванъ III развѣнчалъ внука и назначилъ сына, первостепенное боярство стояло за перваго и его противодѣйствіе великому князю въ этомъ дѣлѣ сопровождалось казнями и насильственными постриженіями. Нерасположеніе вел. кн. Василія къ боярству было естественнымъ чувствомъ государя къ людямъ, которые не желали видѣть его на престолѣ и неохотно терпѣли на немъ. Первыя сильныя столкновенія при московскомъ дворѣ, какія помнилъ Иванъ IV, были связаны съ этимъ вопросомъ о престолонаслѣдіи: онъ напоминалъ Курбскому, что отецъ его кн. Михаилъ съ вел. кн. Димитріемъ внукомъ на его государева отца «многія пагубныя смерти умышляли». Другой случай былъ при самомъ Иванѣ IV въ 1553 г., когда царь опасно занемогъ и потребовалъ отъ бояръ присяги своему новорожденному сыну, а его двоюродный братъ, удѣльный князь Владиміръ, заявилъ притязанія на престолъ. Сильвестръ и Адашевъ вели себя двусмысленно въ этомъ дѣлѣ, а ихъ совѣтники, большинство бояръ, не хотѣли цѣловать креста младенцу, говоря, что его именемъ будутъ править родственники царицы, Захарьины. Больной царь на совѣтѣ долженъ былъ черезъ силу уговаривать непокорныхъ бояръ и между прочимъ сказалъ имъ: «вы намъ и дѣтямъ нашимъ служить не хотите, не помните, на чемъ намъ крестъ цѣловали; такъ если *мы вамъ не надобны,* то это на вашихъ душахъ». Съ тѣхъ поръ и пошла вражда,—замѣчаетъ лѣтописецъ,—и самъ Иванъ подтверждаетъ это замѣчаніе, отвѣчая Курбскому на обвиненія въ жестокостяхъ: «только бы на меня съ попомъ не стали вы, такъ ничего бы

этого и не было»; а бояре стали съ попомъ противъ царя прежде всего въ этомъ несчастномъ дѣлѣ 1553 г., благопріятствуя Владиміру. Воображеніе, всегда господствовавшее надъ нервнымъ царемъ и теперь еще усиленное болѣзнью, нарисовало ему всѣ ужасы, ожидающіе его семью въ случаѣ его смерти. «Не дайте жены моей на поруганіе боярамъ, — говорилъ онъ Захарьинымъ и другимъ вѣрнымъ своимъ совѣтникамъ,—не дайте боярамъ извести моего сына, возьмите его и бѣгите съ нимъ въ чужую землю». Имъ опять, какъ послѣ московскихъ пожаровъ и волненій 1547 г., овладѣло чувство, которому онъ всегда легко поддавался,—чувство страха. Въ немъ заговорилъ инстинктъ самосохраненія убѣдительнѣе всякихъ книжныхъ политическихъ доктринъ: «за себя есми сталъ», пишетъ онъ Курбскому, напоминая, какъ они, бояре, хотѣли посадить на царство Владиміра, а его «и съ дѣтьми извести». Мы имъ не надобны, такъ надо бѣжать отъ нихъ или обороняться: это представленіе, несомнѣнно преувеличивавшее опасность, съ тѣхъ поръ не покидало царя, кажется, всю жизнь. Достаточно просмотрѣть его знаменитые синодики опальныхъ, чтобы видѣть, что во время опричнины Иванъ дѣйствовалъ какъ не въ мѣру испугавшійся человѣкъ, который, закрывъ глаза, билъ направо и налѣво, не разбирая своихъ и чужихъ. Шла борьба съ измѣнническимъ боярствомъ, а въ поминанье заносились перебитые десятками по разнымъ городамъ и селамъ боярскіе люди, подъячіе, псари, монахи, монахини, мастеровые, «скончавшіеся христіане мужескаго, женскаго и дѣтскаго чина», которыхъ не только имена, но и политическія вины «Ты Самъ, Господи, вѣси», какъ причитаетъ помянникъ послѣ каждой статьи избитыхъ массами.

Такъ борьба московскихъ государей съ боярствомъ имѣла не политическое, а династическое происхожденіе. Несомнѣнно, что въ обоихъ указанныхъ случаяхъ не остались безъ вліянія на образъ дѣйствій бояръ старыя боярскія привычки удѣльнаго времени. Тогда бояринъ считалъ себя въ правѣ выбирать себѣ мѣсто службы, переѣзжая отъ одного князя къ другому; теперь, когда уѣхать изъ Москвы стало некуда или неудобно, бояре считали возможнымъ выбирать между кандидатами на престолъ: «чѣмъ намъ служить государю молодому, мы лучше станемъ служить старому князю Владиміру,—говорили они въ 1553 г.:—какъ служить малому мимо стараго?» Выборъ облегчался отсутствіемъ закона о престолонаслѣдіи. Руководясь правомъ, дѣйствовавшимъ въ част-

ной гражданской средѣ, удѣльные князья не хотѣли стѣснять себя въ распоряженіи своими вотчинами передъ смертью или имъ не приходила мысль о возможности и пользѣ ограниченія личной воли завѣщателя. Этотъ обычай продолжалъ дѣйствовать и въ Московскомъ государствѣ: «кому хочу, тому и дамъ княжество», говорилъ Иванъ III. Этой личною волей, простой и понятной, они дорожили прежде, чѣмъ стали думать о болѣе сложныхъ политическихъ своихъ прерогативахъ, и стороннее вмѣшательство въ этомъ случаѣ трогало ихъ больнѣе, чѣмъ могъ трогать общій вопросъ о политическомъ значеніи боярства. Едва ли и сами бояре смотрѣли на свое вмѣшательство въ распоряженія обоихъ Ивановъ о престолонаслѣдіи, какъ на свое право опредѣлять порядокъ преемства верховной власти: они просто хотѣли воспользоваться случаемъ вмѣшаться въ это дѣло, чтобъ устранить неприятнаго преемника. Но легко понять, что династическій случай долженъ былъ поднять и общій политическій вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ, о прерогативахъ верховной власти и правахъ аристократіи. Только ни та, ни другая сторона не была приготовлена къ разрѣшенію этого вопроса ни при Иванѣ III, ни при его внукѣ. Страннымъ можетъ показаться, что русское общество инстинктомъ или сознательною мыслью глубже своего правительства понимало свое политическое положеніе. Писатели XVI вѣка говорили уже о царствѣ Московскомъ, «егоже именуютъ изъ давныхъ лѣтъ Великая Россія», «о единомъ существѣ Русской земли» и о соединеніи во едино существо міра всего Божіемъ милосердіемъ и царской добродѣтелью, на чемъ настаиваетъ Валаамская бесѣда; еще раньше старецъ Филоѳей въ посланіи къ вел. кн. Василію писалъ, т. е. мечталъ о томъ, что уже всѣ христіанскія царства собрались въ одно царство русскаго царя. Политическое единство свободной извнѣ земли неразрывно съ ея національнымъ и церковнымъ единствомъ было для русскаго общества фактомъ, который оно впервые почувствовало живо, съ отрадой и гордостью, послѣ ряда вѣковъ внѣшняго порабощенія и внутренняго разъединенія. Оффиціальный языкъ, кажется намъ, можетъ служить нѣкоторымъ отраженіемъ политическихъ понятій правителей, которые имъ пользуются. Судя по нему, московское правительство и во второй половинѣ XVI в. какъ будто слабо сознавало указанный фактъ и его послѣдствія. Сохранились крестоцѣловальныя записи, по которымъ присягали царю Ивану и его царевичамъ Ивану и Ѳедору област-

ные судьи и таможенныя головы: чиновники присягали царю, царицѣ, царевичамъ и ихъ *землямъ*. Уже съ конца XV в. московскіе государи не разъ заявляли польскому правительству, что всю Русскую землю считаютъ своей исконной прародительской отчиной; однако и въ XVI и въ XVII в. они продолжали называться въ торжественныхъ случаяхъ не государями единаго государства Всероссійскаго, а государями Владимірскаго и Московскаго и всѣхъ великихъ государствъ Россійскаго царства. Отдѣльная земля, присоединенная къ старой вотчинѣ московскаго государя, долго считалась еще особымъ «государствомъ», т. е. особымъ благопріобрѣтеннымъ хозяйствомъ государя, и эта личная связь новаго примысла съ старой вотчиной, состоявшая въ томъ, что у нихъ являлся общій хозяинъ, кажется, чувствовалась живѣе всякой другой, политической или народной. И самъ царь Иванъ въ письмѣ къ Курбскому писалъ, что русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ «всѣми царствы» своими. Всѣ владѣнія государя составляютъ единую отчину *государеву;* но правительственное сознаніе долго не могло освоиться съ мыслью, что эта вотчина есть и цѣлое *государственное*. Самъ Иванъ, несмотря на высоту, до которой поднялся его взглядъ на значеніе государя, еще смутно понималъ недѣлимость верховной власти и въ своей духовной далъ удѣлъ младшему сыну, только съ неясной оговоркой, что этотъ удѣлъ «ему же (старшему сыну, царю) къ великому государству». Московскимъ государямъ, кажется, легче давалась идея самодержавія, чѣмъ идея единодержавія: извѣстны случаи двоегосударія и въ XVII в. Изъ такихъ остатковъ удѣльныхъ отношеній и понятій, признанныхъ или еще не брошенныхъ московскимъ правительствомъ, главнымъ образомъ и слагалось политическое положеніе московскаго боярства въ его новомъ составѣ, ими и питались его политическія притязанія. Сопоставляя политическія воззрѣнія обѣихъ сторонъ, высказавшіяся въ XVI в., находимъ, что они вовсе не расходились между собою до невозможности соглашенія. Мы видѣли, что боярство почти не требовало ничего такого, что не было бы допущено государями въ правительственной практикѣ, и, напротивъ, не настаивало на многомъ, что тогда еще могло быть допущено въ его пользу. Его литературные представители признаютъ власть государя, какъ она есть, со всѣми ея обширными, практически выработавшимися, полномочіями, даютъ государю значеніе главы правительственнаго тѣла, но при этомъ желаютъ,

чтобъ и бояре, какъ мудрые совѣтники, были членами того же тѣла, а не отрѣзанными ногтями или мозолями. Иванъ жаловался на бояръ съ ихъ «начальниками» Сильвестромъ и Адашевымъ, будто они добивались того, чтобъ онъ, царь, только «словомъ былъ государь», а сами хотѣли всѣмъ владѣть и «всю землю Русскую подъ ногами своими видѣть»; но это было преувеличеніемъ боярскихъ притязаній со стороны совѣтниковъ, подобранныхъ царю его же любимцами, если только не было преувеличеніемъ со стороны самого Ивана, привыкшаго представлять свои бѣды въ преувеличенныхъ размѣрахъ, подъ дѣйствіемъ своего страха, у котораго глаза были слишкомъ велики. Правда, тотъ же Иванъ непримиримо-рѣзко, самымъ остріемъ поставилъ противъ боярства идею неограниченной власти. Но эта идея явилась довольно искусственно, не вышла послѣдовательно изъ органическаго роста привычнаго, отъ предковъ унаслѣдованнаго политическаго сознанія, а была, такъ сказать, наростомъ на этомъ сознаніи, натертымъ уже во время борьбы; царь пользовался этой идеей какъ политическимъ оружіемъ противъ бояръ для оправданія своихъ жестокостей, но она осталась у него безъ политическаго употребленія, ничего не измѣнивъ въ основаніяхъ государственнаго порядка и только увеличивъ существовавшія въ немъ противорѣчія. Итакъ, у обѣихъ сторонъ не было ни готовыхъ противоположныхъ плановъ государственнаго устройства, ни даже непримиримыхъ стремленій, изъ которыхъ могли бы выработаться такіе планы. Но при сходствѣ политическихъ понятій или, лучше сказать, привычекъ, онѣ еще связаны были одна съ другой важными практическими интересами и очень нуждались другъ въ другѣ. Бояринъ былъ нуженъ и полезенъ государю и внѣ своей правительственной дѣятельности, какъ крупный землевладѣлецъ. О князьяхъ М. Воротынскомъ и Н. Одоевскомъ Курбскій пишетъ, что они и при Иванѣ IV «велія отчины подъ собою имѣли, а колико тысящъ съ нихъ не чту воинства было слугъ ихъ»; изъ зависти будто бы къ этому воинству царь и губилъ обоихъ. Значитъ, они выставляли въ поле цѣлые полки ратныхъ людей, которыхъ сами вербовали, вооружали и содержали. Считая по книгамъ помѣстнаго верстанья и служебнаго наряда, сколько ратныхъ силъ ставило государству мелкое служилое землевладѣніе съ заокскихъ уѣздовъ въ концѣ XVI в. и чего стоили правительству ихъ содержаніе, надзоръ и приготовленіе къ дѣйствію, можно съ вѣроятностью сказать, что боевые дворы этихъ двухъ

князей по количеству ратниковъ стоили по крайней мѣрѣ двухъ-трехъ такихъ уѣздовъ, наполненныхъ мелкими вотчинниками и помѣщиками, не требуя отъ правительства такихъ хлопотъ и, можетъ-быть, даже издержекъ, какія тратились на послѣднихъ. Общій интересъ связывалъ обѣ стороны и въ дѣлѣ поземельнаго устройства крестьянскаго труда. Обоюдная выгода ихъ состояла въ томъ, чтобъ этотъ бродячій и безкапитальный трудъ привязать къ мѣсту и расширить его производство. Есть признаки, что крупнымъ землевладѣльцамъ это удавалось тогда лучше, чѣмъ мелкимъ и даже чѣмъ обществамъ черныхъ государственныхъ крестьянъ. Съ теченіемъ времени интересы крупной земельной собственности и государства въ этомъ отношеніи разошлись между собою, что̀ вызвало важныя перемѣны въ положеніи крестьянъ; но не видно, чтобъ это противорѣчіе чувствовалось уже въ половинѣ XVI в. Наконецъ, боярство и правительство въ XVI в. вмѣстѣ боролись съ успѣхами монастырскаго землевладѣнія и его послѣдствіями, вредными для обоихъ.

Значитъ, безъ особаго жгучаго повода не отъ чего было возгорѣться пожару лютости въ землѣ Русской, воскуриться гоненію великому, на что жалуется кн. Курбскій. Такимъ жгучимъ поводомъ послужило при царѣ Иванѣ повторившееся столкновеніе по вопросу о престолонаслѣдіи. Вызванный имъ споръ продолжался и послѣ него; династическая распря перенесена была въ область высшей политики. Въ странное положеніе ставила эта распря обѣ разсорившіяся стороны: объявили другъ друга врагами, заспорили о власти, о политическихъ принципахъ люди, политически нуждавшіеся другъ въ другѣ, воспитанные въ сходныхъ политическихъ понятіяхъ и привычкахъ, привыкшіе дѣйствовать вмѣстѣ. Не слѣдуетъ однако думать, что вражда продолжалась только по недоразумѣнію, потому что враги не умѣли или не имѣли случая сговориться между собою. Несчастный династическій случай далъ почувствовать обѣимъ сторонамъ, частію создалъ противорѣчіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, которое безъ него не помѣшало бы имъ мирно ужиться другъ съ другомъ, какъ онѣ уживались во времена Димитрія Донскаго. Это противорѣчіе состояло въ томъ, что московскій государь, котораго ходъ исторіи велъ къ демократическому полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администраціи, и обѣ эти силы, создававшіяся одновременно государственнымъ объединеніемъ Руси, частію даже вмѣстѣ ра-

ботавшія надъ этимъ объединеніемъ; прониклись взаимнымъ недовѣріемъ и враждой, благодаря нѣкоторымъ несчастнымъ случаямъ въ исторіи московской династіи; Московское государство въ XVI в. представляло монархію съ государемъ во главѣ, власть котораго ничѣмъ формально не была ограничена, кромѣ практической необходимости дѣлиться ею съ знатными врагами. Правительственный обычай и общіе интересы заставляли обѣ стороны дружно дѣйствовать вмѣстѣ, дѣлали ихъ необходимыми другъ для друга, и эта необходимость только обостряла вражду, усиливала столкновеніе. Обѣ стороны увидѣли себя въ чрезвычайно неловкомъ положеніи и не знали, какъ изъ него выйти. Ни боярство не умѣло устроиться и устроить государственный порядокъ безъ государевой власти, какой она была тогда, ни государь не зналъ, какъ управиться безъ боярскаго содѣйствія съ своимъ царствомъ въ его новыхъ предѣлахъ; ни та, ни другая сторона не знала, какъ ужиться одной съ другой и какъ обойтись другъ безъ друга: онѣ попытались раздѣлиться, жить рядомъ, но не вмѣстѣ. Попыткой устроить такое политическое сожительство и было раздѣленіе государства на земщину и опричнину. Форма послѣдней, какъ мы замѣтили выше, была указана или подсказана Ивану московскимъ правительственнымъ преданіемъ. Когда старое зданіе Московскаго княжества удѣльнаго времени, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ заставилось новыми государственными пристройками, ближняя государева дума послужила одной изъ связей перваго съ послѣдними. Но ближняя дума была реставраціей боярскаго совѣта удѣльнаго времени, когда послѣдній превратился въ постоянный правительственный корпусъ съ опредѣленнымъ многосложнымъ вѣдомствомъ и составомъ, основаннымъ на новомъ складѣ боярства. Не устраняя дѣятельности большой думы, а только служа средствомъ предварительнаго обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ и составляясь обыкновенно изъ членовъ той же думы, ближній совѣтъ былъ со стороны государя косвеннымъ признаніемъ боярской думы въ значеніи такого правительственнаго корпуса и, слѣдовательно, признаніемъ боярства въ значеніи правительственнаго класса. Къ ближнимъ думнымъ людямъ примыкали ближніе постельничіе, стольники и нѣкоторые другіе дворцовые чины, которые подъ общимъ названіемъ «ближнихъ людей» въ придворной іерархіи слѣдовали непосредственно за думными и вмѣстѣ съ ближними людьми думныхъ чиновъ составляли государеву *комнату*. Выдѣленіе этой комнаты

изъ большаго двора было слѣдствіемъ желанія государей сохранить около себя привычную тѣсную обстановку удѣльнаго времени среди придворнаго штата, принимавшаго все бо́льшіе размѣры, какъ построивъ себѣ большія каменныя палаты, они долго еще продолжали жить въ тѣсныхъ деревянныхъ хоромахъ, напоминавшихъ имъ удѣльныя избы ихъ предковъ. Опричнина была развитіемъ этой комнаты, только доведеннымъ до крайности, получившимъ ненормальные размѣры согласно съ характеромъ ея учредителя, что еще болѣе дѣлало ее похожей на реставрацію удѣла: въ ней были не только особые ближніе бояре, окольничіе и другіе чины, но и весь дворовый штатъ ближній, полный дворъ, даже съ особой ближней гвардіей конной и пѣшей. Поэтому на опричнину можно смотрѣть какъ на завершеніе того, чѣмъ была ближняя дума,—завершеніе признанія государемъ политическаго значенія боярства и боярской думы. Специальной полицейскою цѣлью опричнины не ослаблялось, а только рѣзче обозначалось это признаніе: опричнина боролась не съ порядкомъ, а съ лицами, была направлена не противъ положенія цѣлаго класса въ государствѣ, а противъ отдѣльныхъ людей этого, и даже не одного этого, класса, навлекавшихъ на себя полицейское подозрѣніе или попадавшихъ подъ руку царя въ дурную минуту. Въ такомъ исходѣ политической борьбы, разрѣшившейся личною враждой, даже не удержавшейся въ предѣлахъ борьбы съ классомъ, и сказалась существенная особенность дѣйствительной власти московскаго государя XVI в., безграничной по отношенію къ лицамъ, но стѣсненной многимъ въ отношеніи къ порядку. Это признаніе выразилось въ болѣе самостоятельной постановкѣ думы, въ томъ, что ей предоставлено было вести текущія дѣла управленія безъ участія царя, который, живя внѣ Москвы, пріѣзжалъ въ столицу «не на великое время». Не слѣдуетъ впрочемъ думать, чтобы царь совсѣмъ переставалъ являться въ совѣтъ земскихъ бояръ. Сохранился рядъ приговоровъ думы, изданныхъ во времена опричнины отъ имени первоприсутствующаго боярина съ товарищами, даже съ участіемъ духовенства, но состоявшихся безъ царя, только по царскому приказу или слову; но извѣстны и законы, начинающіеся обычною формулой приговоровъ царя «со всѣми бояры», согласно съ указомъ объ опричнинѣ, по которому земскіе бояре должны были приходить къ царю въ случаѣ особо важныхъ земскихъ дѣлъ и ратныхъ вѣстей *).

*) Акт. Арх. Эксп. I, № 280; указанная прежде ряжская десятня 1579 года.

Соединяя черты, которыми обозначились взаимныя отношенія государя и боярства въ XVI в., находимъ, что обѣ стороны признавали другъ за другомъ государственное значеніе, какое создалось для каждой изъ нихъ практически, ходомъ исторіи. Государь признавалъ бояръ прямыми и необходимыми своими сотрудниками въ земскомъ строеніи и ратныхъ дѣлахъ, правящимъ классомъ въ предѣлахъ существующаго порядка; отецъ и дѣдъ Грознаго признавали это и въ теоріи и на практикѣ; Грозный въ разгарѣ борьбы попытался отвергнуть это въ теоріи, но продолжалъ признавать на практикѣ. Боярство съ своей стороны видѣло въ государѣ необходимаго носителя верховной власти, какъ тогда ее понимало, и не простирало своихъ политическихъ желаній далеко за предѣлы существующаго порядка. Кореннаго измѣненія послѣдняго, новаго государственнаго строя не добивается ни та ни другая сторона: обѣ стоятъ на исторической дѣйствительности, на существующихъ фактахъ, не углубляясь въ ихъ внутреннее противорѣчіе другъ другу. Этимъ и парализовалась та доля боярскаго вниманія къ вопросамъ высшей политики, какая оставалась отъ заботъ, возбуждавшихся ходомъ народнаго хозяйства. Правда, со стороны царя обнаруживаются нѣкоторые признаки неяснаго предчувствія этого противорѣчія, смутные помыслы о томъ, что дѣйствующій соціальный составъ управленія въ государствѣ неудобенъ для государя и долженъ быть замѣненъ другими административными орудіями, болѣе соотвѣтствующими политической натурѣ московскаго монарха, какъ онъ начиналъ сознавать себя. Въ извѣстномъ юмористическомъ письмѣ Грознаго къ В. Грязному читаемъ откровенное признаніе царя: «по грѣхамъ нашимъ учинилось, и намъ того какъ утаити, что отца нашего и наши бояре учали намъ измѣняти, и мы васъ страдниковъ приближали, хотячи отъ васъ службы и правды». Этой мысли царь не скрываетъ и въ письмахъ къ Курбскому и она, разумѣется, встрѣчала полное сочувствіе въ обществѣ худородныхъ «кромѣшниковъ». Здѣсь также роились неясныя идеи дворянской демократіи. Презирая мѣстническое преданіе, упомянутый сейчасъ Васютка Грязной отвѣчалъ царю на его признаніе: «ты, государь, какъ Богъ, и малаго дѣлаешь великимъ». Извѣстно, какъ не любила опричнина мѣстничества. Послѣ спо-

---

Акт. Ист. I, стр. 270 и слѣд. Въ царскомъ архивѣ хранились «списки государеву сидѣнью о всякомъ земскомъ указѣ», т. е. протоколы думскихъ засѣданій государя съ боярами за январь 1568 года. Акт. Арх. Эксп. I, стр. 349.

рившіе о мѣстахъ говорили: «то дѣялось въ опричнинѣ», разумѣя, что извѣстный служебный случай былъ неправиленъ и не имѣетъ цѣны. «Эпистолія Ивашки Пересвѣтова» была отвѣтомъ этого общества Александровской слободы на памфлеты, выражавшіе идеи московскаго боярства. Здѣсь предостерегаютъ царя Ивана отъ ловленія со стороны ближнихъ людей, безъ которыхъ онъ не можетъ «ни часу быти»; другаго такого царя во всей подсолнечной не будетъ, лишь бы только Богъ соблюлъ его отъ «ловленія вельможъ». Вельможи у царя худы, крестъ цѣлуютъ да измѣняютъ; царь междоусобную войну «на свое царство пущаетъ», назначая ихъ управителями городовъ и волостей, а они отъ слезъ и крови богатѣютъ и лѣнивѣютъ. Кто приближается къ царю вельможествомъ, а не воинской выслугой или другой какой мудростью, тотъ чародѣй и еретикъ, у царя счастіе и мудрость отнимаетъ, того жечь надо. Авторъ считаетъ образцовымъ порядокъ, заведенный царемъ Магметъ-салтаномъ, который возведетъ правителя высоко, «да и пхнетъ его въ зашею надолъ», приговаривая: не умѣлъ въ доброй славѣ жить и вѣрно государю служить. Государю пристойно со всего царства доходы сбирать себѣ въ казну, изъ казны воинамъ (не вельможамъ) сердце веселить, къ себѣ ихъ припускать близко и во всемъ имъ вѣрить *). Но и Грозный и Грязные, ему понадобившіеся, оставались пока при однихъ помыслахъ о новомъ порядкѣ, безъ средствъ и рѣшительныхъ попытокъ осуществить ихъ. И въ противной сторонѣ борьба вызвала нѣкоторыя новыя ощущенія, которыя, какъ сейчасъ увидимъ, получили политическое выраженіе уже въ поколѣніи, слѣдовавшемъ за сверстниками Грознаго. Такъ обѣ стороны до самаго исполненія боярскаго пророчества, до гибели династіи, не нашли выхода изъ неловкаго положенія, въ какомъ себя почувствовали, хотя на одной сторонѣ стоялъ «мужъ чуднаго разсужденія, мужъ толико славенъ и толико многоразсуденъ», какъ называли современники царя Ивана, и у противниковъ его не было недостатка ни въ напряженіи мысли, ни въ талантахъ. Это потому, что надъ талантами, идеями, капризами и страхами обѣихъ сторонъ высился порядокъ, державшійся на обычаѣ, преданіи, поколебать который онѣ были безсильны, пока онъ самъ не поколебался подъ дѣйствіемъ новыхъ обстоятельствъ.

---

*) *Карамз.* IX, прим. 405, 406 и 849.

ГЛАВА XX.

Мысль оградить политическое значеніе думы договоромъ съ государемъ возникла въ одномъ поколѣніи боярства подъ вліяніемъ исключительныхъ обстоятельствъ.

Опричнина была направлена противъ лицъ, а не противъ существовавшаго государственнаго порядка. Но борьба уже потому не могла не отозваться и на государственномъ порядкѣ, что измѣнила лица, служившія орудіями для его поддержанія.

Эта борьба произвела двоякую перемѣну въ высшихъ слояхъ служилаго московскаго класса, нравственную и генеалогическую. Есть извѣстія о нѣкоторыхъ дьякахъ и людяхъ боярскаго происхожденія, которые помощію дипломатической службы или другихъ обстоятельствъ пріобрѣтали въ XVI вѣкѣ нѣкоторое знакомство съ западной Европой и ея образованіемъ, имѣли случай обучиться, говоря словами князя Курбскаго, «шляхетнымъ наукамъ и языку римскому или алеманскому». Какъ рѣдкія исключенія, эти случаи едва ли могли замѣтно подѣйствовать на политическія понятія правительственнаго класса. Можетъ-быть они помогали пробужденію въ немъ нѣкотораго любопытства, желанія узнать покороче Западъ, съ которымъ у московскаго правительства завязалось уже столько сношеній и счетовъ, откуда столько людей приходило въ Москву. По крайней мѣрѣ цесарскій посолъ Даніилъ Принцъ изъ Бухова, бывшій въ Москвѣ въ 1570-хъ годахъ, слышалъ здѣсь о жалобахъ многихъ на свою замкнутость, на то, что они не смѣютъ ни сами съѣздить, ни дѣтей своихъ послать въ чужіе края. И князь Курбскій считаетъ такую замкнутость «непохвальнымъ обыкновеніемъ», упрекая царя въ письмахъ къ нему за то, что онъ «затворилъ царство Русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, аки во адовѣ твердынѣ». Но несомнѣнно, что борьба и сопровождавшія ее опалы, казни и конфискаціи пробудили въ боярствѣ сильное чувство не политической, а по крайней мѣрѣ личной свободы и безопасности и стремленіе найти ее хотя бы внѣ «отечества неблагодарнаго, земли лютыхъ варваровъ». Въ 1568 году король польскій Сигизмундъ-Августъ далъ жалованную грамоту князю М. А. Оболенскому, который съ женою выѣхалъ изъ земли королева непріятеля, великаго князя московскаго, «слышачи о вольностяхъ и свободахъ въ панствахъ нашихъ» *).

---

*) *Д. Принцъ* въ Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1876 г., кн. 3, IV, стр. 31. Сказ. кн. *Курбск.*, 235. Акт. З. Росс. III, № 87.

Это чувство надобно считать главною причиной усиленной боярской эмиграціи въ царствованіе Грознаго. Въ числѣ бояръ, отказывавшихся въ 1553 году присягать царевичу Димитрію, былъ князь С. В. Ростовскій; онъ вскорѣ послѣ того послалъ къ польскому королю сказать, что идетъ къ нему съ своими братьями и племянниками. Князь Семенъ вмѣсто вольной Польши попалъ въ бѣлозерскую тюрьму; но со времени этого династическаго столкновенія идетъ длинный рядъ бѣглецовъ, спасавшихся въ свободную страну отъ московскаго рабства. Въ этомъ ряду встрѣчаемъ людей и большихъ и малыхъ боярскихъ родовъ, титулованныхъ и простыхъ, и кн. Глинскихъ, кн. Пронскихъ, кн. Шуйскихъ, кн. Курбскихъ, кн. Оболенскихъ, Воронцовыхъ-Вельяминовыхъ, Жулебиныхъ и подлѣ нихъ кн. Морткиныхъ, кн. Масальскихъ, кн. Барятинскихъ, кн. Долгорукихъ, дѣйствовавшихъ на скромной дворовой службѣ у владыки новгородскаго, и даже такихъ Плещеевыхъ, которые служили во дворѣ Бутурлиныхъ. Эта эмиграція едва ли меньше унесла знатныхъ именъ изъ московскихъ разрядныхъ списковъ, чѣмъ казни временъ опричнины. Много такихъ именъ значится и у князя Курбскаго и въ синодикѣ царя Ивана въ числѣ жертвъ борьбы; но князь Курбскій часто преувеличиваетъ генеалогическую разрушительность этой борьбы, разсказывая объ очень многихъ фамиліяхъ, будто онѣ цѣликомъ, «всероднѣ» истреблены были Грознымъ: это онъ говоритъ между прочимъ о Колычовыхъ, Заболоцкихъ, о князьяхъ Одоевскихъ и Воротынскихъ; но по разряднымъ книгамъ XVII вѣка извѣстно не мало людей съ этими фамиліями. Если мы припомнимъ къ этому, сколько большихъ или по крайней мѣрѣ старинныхъ родословныхъ фамилій въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка выбыло изъ верхнихъ служилыхъ слоевъ независимо отъ казней и побѣговъ, вымерло естественною смертью или упало на низъ служилаго общества, то поймемъ, какъ долженъ былъ измѣниться генеалогическій составъ московскаго боярства: оно въ одно и то же время стало и менѣе терпѣливымъ и болѣе разбитымъ.

Обѣ эти перемѣны, впрочемъ, сами по себѣ не произвели бы такого дѣйствія на государственный порядокъ, какое сообщило имъ одно обстоятельство — прекращеніе московской царской династіи. Это событіе имѣло огромное вліяніе на умы и образъ дѣйствій боярства. Старая династія, собравшая это боярство, была крѣпкимъ узломъ всѣхъ его отношеній. Боярство привыкло къ ней, съ ней строило государственный порядокъ и заводило

правительственный обычай. Обѣ стороны, несмотря на политическое разстояніе, все болѣе ихъ раздѣлявшее, знали цѣну другъ другу и многое прощали одна другой, какъ старые знакомые и товарищи. Московскій государь считалъ своихъ правительственныхъ сотрудниковъ наслѣдственными извѣчными боярами своего дома; бояре съ своей стороны видѣли въ немъ своего государя прирожденнаго, своего хозяина, и этотъ взглядъ, унаслѣдованный еще отъ удѣльнаго времени, болѣе всего, можетъ-быть даже больше Ивановыхъ жестокостей, сдерживалъ боярскія притязанія и замыслы. Теперь, когда этого хозяина не стало, всѣ отношенія класса стали путаться и разрываться, политическія понятія и интересы остались безъ привычнаго устоя, на которомъ они держались. О возможности править царствомъ безъ царя бояре думали, можетъ-быть, еще меньше, чѣмъ царь думалъ о возможности править безъ бояръ. Важнѣе всего было то, что пошатнулся правительственный обычай, когда изъ свода государственнаго зданія выпалъ сцѣплявшій его вѣнецъ.

Всѣ эти перемѣны и создали тотъ періодъ въ исторіи боярской думы, который начался царствованіемъ Василія Шуйскаго и кончился царствованіемъ Михаила. Политическое значеніе думы въ этотъ періодъ держалось не на правительственномъ только обычаѣ, но и на формальномъ договорѣ съ государемъ. Мысль объ этомъ договорѣ, незнакомая прежнимъ поколѣніямъ правительственнаго класса, возникала и развивалась постепенно подъ вліяніемъ указанныхъ перемѣнъ. Къ нимъ присоединились созданныя извѣстными событіями Смутнаго времени обстоятельства, которыя безъ этихъ перемѣнъ не произвели бы на умы того дѣйствія, какое они имѣли. Прежде всего церемонія избранія Бориса на царство дала почувствовать присутствіе въ государствѣ политической силы, которую перестали замѣчать съ конца XV вѣка, всенародной воли. По разсказу одного хронографа, Борисъ своимъ упрямствомъ въ отказѣ отъ престола нарочно старался вызвать, даже устроить полицейскими средствами сцену всенароднаго моленія о принятіи царскаго вѣнца, чтобы зажать ротъ завистникамъ: я-де не самохотѣніемъ принялъ скипетръ, но «народнымъ мно́жествомъ, всего Россійскаго государства раченіемъ и возлюбленіемъ избранъ». Съ разныхъ сторонъ толковали московскому обществу о свободѣ и правахъ. Мнишекъ посылалъ въ Москву сказать боярамъ и всему рыцарству, что будетъ хлопотать объ увеличеніи правъ боярскихъ и дворянскихъ, за что кн.

Мстиславскій и кн. Воротынскій благодарили добраго пана; самъ Лжедимитрій въ манифестѣ, всенародно прочитанномъ на площади въ Москвѣ его агентами, писалъ боярамъ, дворянамъ и торговымъ людямъ о притѣсненіяхъ, какія они терпѣли отъ царя Бориса, какихъ и отъ природнаго государя терпѣть невозможно, и обѣщалъ боярамъ дать повышеніе и ихъ въ чести держать, торговымъ людямъ сулилъ льготы въ податяхъ и пошлинахъ. Данное, какъ разсказывали, подъ рукой обѣщаніе Бориса при вступленіи на престолъ никого не казнить смертью въ первыя 5 лѣтъ и слѣдовавшія за тѣмъ полицейскія козни подозрительнаго царя и жестокости, напомнившія ненавистную опричнину, новости, введенныя въ думѣ самозванцемъ въ подражаніе польскому сенату, любовь этого царя говорить на засѣданіяхъ думы краснорѣчивыя рѣчи со ссылками на исторію и на видѣнное имъ въ чужихъ земляхъ и заводить даже горячіе споры съ боярами, его ласковость къ знати, казавшаяся даже чрезмѣрной, передача дѣла о крамолѣ кн. Шуйскаго на судъ земскаго собора, чего прежде не бывало,—все это при общемъ возбужденіи должно было произвести сильное впечатлѣніе на людей, и безъ того сбившихся съ привычной колеи, подѣйствовать разрушительно на строгую дисциплину понятій и отношеній, заведенную при дворѣ старыхъ московскихъ царей.

Изъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ этихъ разнообразныхъ условій и обстоятельствъ вышли два плана государственнаго устройства, основаннаго на политическомъ договорѣ, съ неодинаковой правительственною постановкой боярской думы въ каждомъ. Оба они, впрочемъ, различались между собою не столько основаніями, сколько степенью политическаго развитія, разработки этихъ основаній, и потомъ, такъ сказать, соціальнымъ своимъ происхожденіемъ: одинъ былъ произведеніемъ высшей титулованной знати, другой принадлежалъ знати второстепенной съ выслужившимися дѣльцами.

Въ первые годы опричнины худородные московскіе эмигранты упрекали знатное боярство, что, видно, у него Богъ за грѣхи умъ отнялъ, если оно съ такимъ терпѣніемъ отдаетъ себя въ жертву царской жестокости, не жалѣя своихъ женъ и дѣтей *). Однако дальнѣйшія дѣйствія опричнины заставили бояръ взяться за умъ, подумать о себѣ и о своихъ семьяхъ, а опалы Годунова образумили ихъ еще болѣе. Пресѣченіе династіи помогло найти сред-

*) Письмо Тетерина и Сарыгозина къ М. Я. Морозову въ Сказ. кн. *Курбскаго*, стр. 374.

ство безопасности. При отношеніяхъ, какія существовали между знатью и старою династіей, странной показалась бы боярину мысль о формальномъ политическомъ контрактѣ съ государемъ. Но она была естественна, когда на престолъ вступалъ одинъ изъ своей же братіи бояръ. Эта мысль, надобно думать, жила уже среди боярства при избраніи Годунова на престолъ: только ея присутствіе дѣлаетъ понятной комедію, устроенную тогда «лукавой лисой», какъ называетъ лѣтописецъ Бориса. Обѣ стороны выжидали, которая сдѣлаетъ первый шагъ, и молчали: бояре ждали, что Борисъ наконецъ догадается и заговоритъ объ обязательствахъ, объ уговорѣ, а Борисъ ждалъ, пока московскій народъ и земскій соборъ заставятъ бояръ признать его безъ всякихъ обязательствъ съ его стороны. Борисъ перемолчалъ и дождался своего: по разсказу одного современника *), онъ тогда только склонился на моленіе московскаго народа, когда убѣдился, что «ни котораго прекословія ему нѣсть ни отколѣ отъ мала даже и до велика». За это знать и приготовила гибель ему и его семейству. Вступленіе на престолъ перваго самозванца показываетъ, что именно прекращеніе прежней династіи было для большихъ бояръ ближайшимъ источникомъ мысли объ ограниченіи верховной власти. Годъ спустя эти бояре обязали царя Василія Шуйскаго извѣстными условіями, а бродягу признали царемъ безъ условій, хотя многіе знали, что онъ не сынъ Грознаго. Но самозванецъ шелъ въ личинѣ царевича стараго царскаго рода, съ которымъ договариваться не до велось, не было въ обычаѣ. Заговоръ, низвергнувшій самозванца, былъ дѣломъ чисто-боярскимъ, даже олигархическимъ: имъ руководили немногіе первостепенные бояре, кн. В. Шуйскій съ братьями, кн. Голицынъ, кн. Куракинъ. Даже не все родовитое боярство участвовало въ переворотѣ: по замѣчанію келаря Авраамія Палицына, Шуйскій «малыми нѣкими отъ царскихъ полатъ излюбленъ бысть царемъ, и никимъ же отъ вельможъ пререкованъ, ни отъ простыхъ людей умоленъ». Впрочемъ и это молчаливое одобреніе выбора остальными боярами повидимому не было единодушнымъ: Маржеретъ говоритъ о вельможахъ, которые вскорѣ по избраніи

*) Кн. Ив. М. Катырева-Ростовскаго, повѣствованіе котораго о Смутномъ времени вошло въ хронографъ С. Кубасова. *А. Попова* Изборникъ, стр. 286; объ авторѣ сл. стр. 291 и 315 съ Книг. Разр. I, стр. 29 и 566, и Русск. Ист. Библ., т. 2, № 90. Въ боярской книгѣ 1627 г. этотъ кн. Иванъ поставленъ первымъ дворяниномъ московскимъ. Другихъ сыновей у боярина кн. М. П. Катырева не видать по книгамъ, а въ старыхъ родословныхъ нѣтъ и Ивана.

царя едва не свели его съ престола, негодуя на то, что онъ былъ избранъ безъ ихъ согласія. На совѣщаніи передъ возстаніемъ титулованные заговорщики положили, что кому изъ нихъ придется быть царемъ, тотъ не долженъ никому мстить за прежнія досады, но править царствомъ «по общему совѣту», т. е. по совѣту всѣхъ бояръ: такъ надобно понимать эти слова по ходу современнаго разсказа о переворотѣ и по событіямъ, его сопровождавшимъ. Таково было первое боярское выраженіе мысли о политическомъ договорѣ; но эта мысль получила не широкое развитіе. По грамотѣ, которою новый царь Василій извѣстилъ государство о своемъ избраніи, власть его ограничивалась одними боярами, то-есть боярскою думой: безъ нея, «не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими», онъ обязывался никого не предавать смерти, не отнимать имѣнія у семействъ преступниковъ и ихъ родственниковъ, если они не участвовали въ преступленіи, не слушать доносовъ, но разслѣдовать дѣло, ставя обвиняемаго и обвинителя «съ очей на очи», и наказывать ложныхъ доносчиковъ. Вотъ всѣ политическія обезпеченія, выговоренныя первостепеннымъ боярствомъ. Они не шли далѣе личной и имущественной безопасности отъ произвола сверху и дѣлали боярскую думу единственнымъ оплотомъ этой безопасности: дума становилась высшимъ судилищемъ по самымъ важнымъ преступленіямъ и преимущественно политическимъ. Любопытенъ разсказъ одного лѣтописца, по которому царь Василій, скрѣпляя присягой свои обязательства въ Успенскомъ соборѣ, ограничивалъ свою власть не одною боярской думой, а всѣмъ земскимъ собраніемъ: «цѣлую я крестъ,—говорилъ онъ,—*всей землѣ* на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего не дѣлати безъ собору никакого дурна». Имъ руководило понятное соображеніе: ограниченія власти требовало высшее боярство, а не вся земля, и потому земскій соборъ былъ бы гораздо болѣе удобнымъ товарищемъ по власти, чѣмъ боярская дума. Но еще любопытнѣе возраженіе противъ поступка царя Василія: бояре и *всякіе люди* говорили ему, чтобъ онъ на томъ креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелось. Такъ какъ въ обязательствѣ править по общему боярскому совѣту уговорились еще заранѣе и большинство бояръ не противорѣчило воцаренію Василія на такомъ условіи, то возраженіе могло относиться только къ присягѣ царя всей землѣ, къ ограниченію власти его земскимъ соборомъ, а не боярскою думой: иначе весь ходъ дѣла, какъ его передаютъ современники, становится непо-

нятенъ *). Значитъ бояре и всякіе люди находили, что если не повелось царю дѣлить власть съ земскимъ соборомъ, то дѣлить ее съ боярской думой повелось. Въ этомъ узнаемъ воззрѣніе, воспитанное правительственною практикой всего XVI в., и потому правительство царя Василія въ манифестѣ о его избраніи нашло болѣе приличнымъ и согласнымъ съ политическимъ обычаемъ московскимъ скрыть, что произошло въ Успенскомъ соборѣ, объявивъ, что царь поволилъ раздѣлить власть съ своими боярами, а не съ собраніемъ всѣхъ чиновъ людей. Этимъ объясняется и видимая неразвитость договора, выраженнаго въ такомъ ограниченномъ количествѣ условій, которыя притомъ исключительно направлены къ огражденію личной и имущественной безопасности отъ произвола сверху: боярство живо чувствовало потребность оградить себя отъ повторенія грозившей именно этой безопасности полицейской диктатуры Грознаго, испытанной еще разъ въ царствованіе Годунова, но не понимало необходимости обезпечивать договоромъ свое общее участіе въ управленіи, и безъ того освященное вѣковымъ обычаемъ. Современныя извѣстія, что бояре при Василіи имѣли больше власти, чѣмъ самъ царь, и что послѣднимъ играли какъ дѣтищемъ, показываютъ, что на этотъ разъ старый московскій обычай еще могъ оправдать надежды высшей знати.

Иначе настроена была другая часть правительственнаго класса, состоявшая изъ довольно посредственной знати съ выслужившимися дѣльцами приказовъ, дьяками. Самымъ виднымъ человѣкомъ въ этомъ кругу былъ бояринъ М. Гл. Салтыковъ. Предки его были не худые люди и онъ самъ называлъ свой родъ «сенаторскимъ». Но онъ поднялся при царѣ Ѳедорѣ и особенно въ Смутное время выше своего служебнаго «отечества», личными качествами: ни отца, ни дѣда его не встрѣчаемъ не только въ числѣ бояръ, но и между окольничими. Заодно съ нимъ дѣйствуютъ князья Тюфякинъ изъ Оболенскихъ, Хворостининъ изъ Ярославскихъ и Масальскій, также Плещеевъ, Ляпуновы и цѣлый рядъ дьяковъ; даже «торговый мужикъ» Ѳ. Андроновъ является на этой сторонѣ. Въ среднихъ служилыхъ слояхъ стала чувствоваться перемѣна, которой повидимому еще не замѣчали большіе бояре съ своей генеалогической высоты. Въ началѣ XVII в. изъ

*) Лѣтоп. о мятежахъ, стр. 102. Ср. Никон. т. VIII, стр. 76, *Палицына* Сказаніе, стр. 29, *Карамз.* т. XI, прим. 524, Грамота Василія въ Собр. гос. гр. т. II, № 140.

большихъ боярскихъ фамилій прежняго времени дѣйствовали Мстиславскіе, Шуйскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Куракины, Пронскіе, нѣкоторые изъ Оболенскихъ и въ числѣ ихъ послѣдній въ роду своемъ Курлятевъ, Шереметевы, Морозовы, Шеины—и почти только, а рядомъ съ ними видимъ Масальскихъ, Прозоровскихъ, Долгорукихъ, Нагихъ, Плещеевыхъ, которымъ въ прежнее время до тѣхъ большихъ родовъ было далеко. Посредствующихъ фамилій, прежде стоявшихъ между тѣми и другими, теперь не было и къ этой генеалогической убыли присоединилась еще политическая перетасовка фамилій, произведенная бурями Смутнаго времени, понизившая одни роды и поднявшая другіе. Въ XVII в. трудно стало служилымъ людямъ считаться мѣстами: это можно почувствовать по тѣмъ средствамъ, къ которымъ они прибѣгали, чтобы выйти изъ затрудненій. Съ одной стороны, худыя колѣна родовъ, оставшись безъ добрыхъ старшихъ, старались по наслѣдству присвоить себѣ ихъ родословное дородство, съ другой—добрыя фамиліи не знали, что дѣлать съ поднявшимися случайно выше ихъ худыми. Къ половинѣ XVII в. многихъ добрыхъ Плещеевыхъ не стало. Въ 1646 г. одинъ Плещеевъ изъ худаго колѣна заупрямился съ самимъ Шереметевымъ. Упрямца послали на три дня въ тюрьму, объяснивъ, что и получше его были Плещеевы-Бяконтовы, Басмановы, Очины, да и тѣ съ Шереметевыми бывали «безсловно», а онъ изъ какихъ Плещеевыхъ?—изъ Туровкиныхъ, которые бывали у митрополитовъ и архіепископовъ въ десятникахъ, на Москвѣ въ стрѣльцахъ и пирожникахъ, въ городахъ у воеводъ въ деньщикахъ. Въ 1614 г. заспорили стольники князья Прозоровскіе съ стольниками князьями Куракиными. Царь велѣлъ судить ихъ боярамъ, которые спросили у Прозоровскихъ, почему имъ невмѣстно быть съ Куракиными, и потребовали «случаевъ» въ оправданіе жалобы. Но Прозоровскіе обратились съ просьбой о судѣ мимо бояръ прямо къ государю: случаевъ у насъ много,—говорили они въ объясненіе своего поступка,—да передъ боярами положить ихъ нельзя, потому что и *до многихъ бояръ въ случаяхъ дойдетъ*. Мѣстничество не сбивало думныхъ и служилыхъ людей въ густые, плотные ряды, а вытягивало ихъ въ длинную тонкую цѣпь. Теперь, когда многія звенья этой цѣпи выпали, разорванныя части не знали, какъ стать и сцѣпиться другъ съ другомъ, и замѣшались. На мѣстнической іерархіи основанъ былъ правительственный распорядокъ думныхъ и служилыхъ людей. Здѣсь дѣйство-

вало правило, что служба не дѣлаетъ родовитымъ, что за службу государь можетъ пожаловать помѣстьемъ и деньгами, но не отечествомъ; потому служебный чинъ самъ по себѣ значилъ мало въ мѣстничествѣ. Но теперь на опустѣлыя родовитыя мѣста тѣснилось много чиновной знати, и люди, ставшіе «великими» путемъ службы, начали развивать мысль, которая была въ ходу при Грозномъ въ опричнинѣ и такъ энергично, хотя и не совсѣмъ благочестиво высказана была Грязнымъ, что государь, какъ Богъ, и малаго великимъ чинитъ. Въ 1602 г. Пильемовъ, далеко не изъ лучшихъ Сабуровыхъ, тягался съ кн. Лыковымъ-Оболенскимъ. Когда противникъ въ своихъ «случаяхъ» указалъ на то, что отецъ Пильемова былъ на неважной должности городничаго въ Смоленскѣ, Пильемовъ поставилъ противъ этого случая любопытное возраженіе: замѣтивъ, что городничимъ отецъ его посланъ былъ въ опалѣ, въ чемъ воленъ Богъ да государь, онъ прибавилъ, что иные большіе роды бывали и хуже городничихъ, городовыми прикащиками, а нынѣ царскою милостію въ боярахъ сидятъ; все то дѣлается Божіимъ милосердіемъ да государевымъ призрѣньемъ: *великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ* *). Провозглашеніемъ этого новаго правила положено было начало не только разрушенія мѣстничества, но и перестройки связаннаго съ нимъ правительственнаго склада. Послѣ Смутнаго времени, когда, по выраженію одного лѣтописца, «вновѣ царство строитися начатъ», и правительственный классъ началъ перестроиваться согласно съ происшедшими въ его составѣ и понятіяхъ перемѣнами. Какъ скоро отношенія стали выступать изъ колеи, проведенной преданіемъ, обычаемъ, почувствовалась потребность опредѣлить ихъ точнымъ уложеніемъ, закономъ. Подъ вліяніемъ мысли о необходимости такого уложенія развивались политическія понятія М. Г. Салтыкова и его товарищей. Они живѣе первостепенной знати чувствовали совершившіяся перемѣны, больше ея терпѣли отъ недостатка политическаго устава и отъ личнаго произвола, и потому ихъ политическія понятія получили болѣе широты и ясности, а испытанные перевороты и столкновенія съ иноземцами помогли имъ въ этой работѣ. Въ письмахъ къ литовскому канцлеру Сапѣгѣ Салтыковъ высказываетъ свой политическій образъ мыслей. Онъ противъ тиранніи и порядка, основан-

---

*) Дворц. Разр. т. III, стр. 44. Русск. Ист. Сборн. Общ. Ист. и Др. Росс. т. V, стр. 317; II, 244.

наго на измѣнчивомъ личномъ произволѣ: государь долженъ людей къ себѣ приводить милосерднымъ жалованьемъ, лаской и «постоятельствомъ», а не гоненьемъ, кровью и «премѣнными дѣлы»; управленіемъ, основаннымъ на постоятельномъ, а не измѣнчивомъ порядкѣ, надобно присвоять людей, овладѣвать ими, особенно неприродному государю. Членъ «сенаторскаго рода», Салтыковъ твердо держался убѣжденія, что управленіе могутъ вести какъ слѣдуетъ только люди, обладающіе правительственнымъ опытомъ и авторитетомъ, т. е. люди боярскаго происхожденія, которымъ московскіе государственные обычаи «старовѣдомы»; потому онъ горячо возстаетъ противъ временщиковъ, «веременниковъ», которые случайно попали въ думцы и правители, въ родѣ «торговаго мужика» Андронова.

Впрочемъ нужны были исключительныя обстоятельства, чтобы накопившіеся политическіе опыты и размышленія облечь въ форму ясно выраженныхъ политическихъ требованій. Образъ дѣйствій Годунова и Шуйскаго, которые повторили на престолѣ ошибки и злоупотребленія царей старой династіи, не обладая ихъ авторитетомъ, утвердили во многихъ боярахъ и другихъ правительственныхъ лицахъ мысль, что между своими не найдешь вполнѣ удобнаго кандидата на престолъ и лучше поискать его на сторонѣ, между иноземными принцами. Одинъ лѣтописецъ разсказываетъ, что люди всѣхъ чиновъ, не желая долѣе терпѣть Шуйскаго на престолѣ, просили патріарха послать къ польскому королю, чтобъ онъ далъ своего сына на Московское царство. Гермогенъ, указавъ на опасности такого избранія, спросилъ: развѣ вы не можете выбрать кого-нибудь изъ русскихъ князей?—Не хотимъ своего брата слушаться,—отвѣчали ему на это князья и бояре:—ратные люди не боятся царя изъ русскихъ, не слушаются его и не служатъ ему. Нѣкоторые доходили до такого политическаго унынія, что, потерявъ надежду на возможность установленія прочной наслѣдственной династіи, склонялись уже, если вѣрить Жолкевскому, къ мысли о свободномъ избраніи, подобномъ польскому, т.-е. объ учрежденіи избирательной монархіи *). И Салтыковъ съ своими товарищами по Тушинскому лагерю рѣшился отъ имени Московскаго государства предложить московскій престолъ сыну польскаго короля на извѣстныхъ условіяхъ. Такъ былъ заключенъ подъ Смоленскомъ договоръ 4 февраля 1610

*) П. С. Р. Лѣт. V, 60. Зап. гетм. *Жолкевскаго*, стр. 12.

года—первый московскій опытъ построенія государственнаго порядка, основаннаго на формальномъ ограниченіи верховной власти. Недовѣріе къ иноземцу и католику естественно вызывало напряженную предусмотрительность въ вопросѣ о церковныхъ и политическихъ обезпеченіяхъ; кромѣ того, трактатъ вырабатывался среди переговоровъ съ польскими панами и русскіе политики незамѣтно для самихъ себя подчинялись дѣйствію политическихъ обычаевъ и формъ Рѣчи Посполитой. Всѣ эти разнообразныя вліянія отразились на договорѣ 4 февраля. Здѣсь опредѣляются права всего народа и отдѣльныхъ его сословій, прежде и болѣе всего, разумѣется, служилаго класса. Каждому изъ народа московскаго вольно выѣзжать для науки въ другія государства, но только христіанскія. Братья и семьи подвергшихся казни не наказываются за ихъ вину и не лишаются имущества, если не участвовали въ преступленіи. Имѣнія и права духовенства, какъ и всякихъ служилыхъ людей, остаются неприкосновенными. Крестьяне не могутъ переходить отъ одного землевладѣльца къ другому; холопы остаются въ прежней зависимости. Верховная власть ограничивается земскимъ соборомъ и боярской думою. Первый имѣетъ учредительное значеніе: измѣненіе суднаго обычая или исправленіе Судебника зависитъ отъ бояръ и всей земли; что не предусмотрѣно въ условіяхъ договора, о томъ дѣлаютъ предложенія государю духовенство, бояре и всѣхъ чиновъ люди и государь рѣшаетъ предложенные вопросы со всѣмъ освященнымъ соборомъ, боярами и всею землей, по обычаю Московскаго государства. Дума имѣетъ законодательную власть: именно вопросы о налогахъ, о жалованьѣ служилымъ людямъ, объ ихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ рѣшаются государемъ съ боярами и думными людьми; безъ согласія думы государь не вводитъ новыхъ податей и никакихъ вообще перемѣнъ въ налогахъ, установленныхъ прежними государями. Думѣ принадлежитъ и высшая судебная власть: безъ слѣдствія и безъ суда «съ бояры всѣми» государю никого не карать, чести не лишать, въ ссылку не ссылать, великихъ чиновъ безъ вины не понижать, а меньшихъ людей возвышать по заслугамъ; всѣ эти дѣла, какъ и дѣла о наслѣдствахъ послѣ умершихъ бездѣтно, государю дѣлать по приговору и совѣту бояръ и думныхъ людей, а безъ думы и приговора такихъ дѣлъ не дѣлать. Оговоренъ въ трактатѣ одинъ случай, разрѣшаемый боярскою думой въ соединенномъ засѣданіи съ «освященнымъ соборомъ» высшаго духовенства: если понадобится для людей рим-

ской вѣры имѣть костелъ въ Москвѣ, о томъ будетъ совѣтъ съ патріархомъ, со всѣмъ духовенствомъ, боярами и думными людьми *).

Такъ договоръ 4 февраля, довольно подробно опредѣливъ политическій авторитетъ думы, призналъ и значеніе земскаго совѣта, отвергнутое тѣми боярами, которые возвели Шуйскаго на престолъ. Вскорѣ по низверженіи этого царя договоръ Салтыкова былъ принятъ и московскими боярами, которые впрочемъ выкинули при этомъ статьи о правѣ ѣздить за границу для науки и о повышеніи меньшихъ людей, прибавивъ съ своей стороны условіе: «московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ отечествѣ не тѣснить и не понижать» **). Но довольно трудно рѣшить, дѣйствовала ли дума когда-нибудь на основаніи этого договора. Въ междуцарствіе она находилась въ исключительномъ положеніи, была временнымъ правительствомъ безъ государя. Съ разныхъ сторонъ дошли до насъ извѣстія, согласно свидѣтельствующія, что новый царь Михаилъ вступилъ на престолъ съ ограниченною властью; но условія этого ограниченія передаются различно. Одинъ современникъ, описавшій событія Смутнаго времени, повидимому псковичъ, разсказывая съ негодованіемъ о томъ, какъ бояре при Михаилѣ «обладали Русскою землею», царя ни во что ставили и не боялись, замѣчаетъ между прочимъ, что сажая его на царство, они заставили его поцѣловать крестъ на томъ, что ему не казнить смертью за преступленія людей вельможескихъ и боярскихъ родовъ, а только наказывать заточеніемъ. Другое извѣстіе, сообщенное Татищевымъ, говоритъ, что хотя избраніе царя Михаила «было порядочно всенародное, да съ такою же записью», какая взята была ими съ Шуйскаго. Третьимъ свидѣтелемъ является извѣстный подъячій Посольскаго приказа Котошихинъ, бѣжавшій изъ отечества 19 лѣтъ спустя по смерти Михаила. Въ его время, если только онъ вѣрно передаетъ историческія воспоминанія своихъ современниковъ, господствовало мнѣніе, что всѣ цари, избиравшіеся на престолъ по прекращеніи старой династіи, правили съ ограниченною властью, что «на нихъ были иманы письма» съ извѣстными обязательствами; по крайней мѣрѣ онъ не дѣлаетъ никакой оговорки ни о Годуновѣ, ни о первомъ самозванцѣ, который впрочемъ и не считался царемъ выбраннымъ. Обязатель-

*) Зап. гетм. *Жолкевскаго*, прилож. № 20.
**) Собр. госуд. грам. и дог. II, № 199.

ства «обиранныхъ» царей по Котошихину состояли въ томъ, чтобъ «имъ быть нежестокимъ и непальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнить ни за что и мыслити о всякихъ дѣлахъ съ бояры и съ думными людьми сопча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати». Только нынѣшняго царя (Алексѣя), продолжаетъ Котошихинъ, «обрали на царство, а письма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ». Котошихинъ не выдѣляетъ царя Михаила изъ числа прежнихъ царей, дававшихъ на себя письма; напротивъ, объ этомъ царѣ онъ замѣчаетъ, что хотя Михаилъ и писался самодержцемъ, «однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего». По взгляду московскаго приказнаго, и царя Алексѣя «обрали на царство», и съ него могли спросить письмо и не спросили только потому, что считали его очень тихимъ; слѣдовательно избирательное право земли не представлялось прекратившимся съ избраніемъ на престолъ Михаила. По изложеннымъ извѣстіямъ нельзя заключать, чтобъ обязательства, данныя Михаиломъ, были такъ же неопредѣленны или частны, какъ обязательства, изложенныя въ грамотѣ Шуйскаго: въ окружной грамотѣ боярской думы времени междуцарствія и о договорѣ Салтыкова сказано, что въ силу его Владиславъ обязался православной вѣры не раззорять, городовъ отъ государства не отводить, имуществъ у подданныхъ не отнимать и безъ сыску ни надъ кѣмъ никакого дурна не учинять; но изъ подлиннаго текста договора знаемъ, что обязательства далеко не ограничивались одними этими условіями *). Воеводъ Шеина и Измайлова казнили смертью за капитуляцію подъ Смоленскомъ въ 1634 году; но это было по приговору царя съ боярами, раздраженными на Шеина за его выходки противъ нихъ. Важнѣе было то, что семейства и родственники осужденныхъ по этому дѣлу, нисколько въ немъ не виноватые, по-прежнему были наказаны ссылкой и конфискаціей имущества, что противорѣчило и грамотѣ Шуйскаго и договору Салтыкова; но это могло быть исключительнымъ приговоромъ думы, не нарушавшимъ общаго правила. И другое учрежденіе является съ значеніемъ, какого ему не дано ни въ грамотѣ Шуйскаго, ни въ договорѣ Салтыкова: царствованіе Михаила было временемъ усиленной дѣятельности земскаго собора, на

*) П. С. Р. Лѣт. V, 64 и 66. Записка *Татищева* въ альманахѣ «Утро» 1759 г., стр. 375. *Котош.* 104. Собр. гос. гр. и дог. II, стр. 441.

обсужденіе котораго предлагались вопросы, по акту 4 февр. 1610 г. рѣшаемые государемъ съ думой, напримѣръ о новыхъ налогахъ, по крайней мѣрѣ экстренныхъ на военныя издержки. Изъ всего этого можно вывести лишь то заключеніе, что правительственный порядокъ, дѣйствовавшій при Михаилѣ, основанъ былъ на какомъ-то новомъ сочетаніи условій, являющихся въ прежнихъ актахъ объ ограниченіи верховной власти.

Соображая обстоятельства, при которыхъ возникаетъ и развивается въ боярской средѣ мысль о договорѣ съ государемъ, надобно признать, что она не была вполнѣ послѣдовательнымъ развитіемъ правительственнаго обычая, установившагося въ XV—XVI вѣкахъ. Въ томъ видѣ, какъ выражали ее люди начала XVII вѣка, она была вызвана исключительными и частію случайными вліяніями, подъ которыя стало поколѣніе, смѣнившее сверстниковъ Ивана Грознаго, хотя повидимому еще держалась въ умахъ нѣсколько времени послѣ того, какъ перестали дѣйствовать вызвавшія ее условія. Эти условія были созданы перемѣнами въ составѣ и настроеніи боярства, прекращеніемъ династіи и внѣшними отношеніями государства при новыхъ царяхъ. Но эта мысль внесла очень мало новаго въ правительственную практику: дума, дѣятельность которой была ограждена политическимъ договоромъ, дѣйствовала точно такъ же, какъ и прежде, правила и законодательствовала при Шуйскомъ, какъ и при Грозномъ. Это потому, что новая мысль не была новымъ началомъ въ устройствѣ Московскаго государства: политическій договоръ былъ только замѣной правительственнаго обычая, дѣйствовавшаго въ XVI вѣкѣ, но поколебавшагося въ концѣ этого столѣтія. Вотъ почему и люди, добивавшіеся этого договора, такъ часто ссылались на этотъ обычай.

ГЛАВА XXI.

Боярскій совѣтъ въ древней Руси былъ показателемъ общественныхъ классовъ, руководившихъ въ данное время народнымъ трудомъ.

Изложенными опытами политическаго договора кончилась политическая исторія боярской думы. Далѣе она сохраняетъ только административное значеніе, остается во главѣ управленія, какъ его привычный рычагъ, но изъ политической силы превращается въ простое административное удобство. Въ XVII вѣкѣ въ ней происходятъ нѣкоторыя перемѣны; но онѣ не измѣняютъ ея политическаго значенія, вызываются потребностями текущаго управ-

ленія и сообразно съ усложняющимися задачами правительства улучшаютъ ее какъ правительственное орудіе *).

Въ XVI вѣкѣ значеніе думы держа́лось на «московскомъ обычаѣ», сложившемся посредствомъ практическаго опредѣленія отношеній государя къ правительственному классу. Когда этотъ обычай поколебался, въ классѣ возникла мысль опредѣлить эти отношенія договоромъ. Когда миновали исключительныя обстоятельства, вызвавшія эту мысль, тогда оказалось, что разрушался самый классъ, ее проводившій. Это разрушеніе, какъ мы видѣли, замѣтно отразилось на составѣ боярской думы XVII вѣка. Уже въ началѣ этого столѣтія люди чувствовали его живѣе, чѣмъ можемъ почувствовать мы съ разрядными и родословными книгами въ рукахъ. Взявшись командовать земскимъ ополченіемъ противъ поляковъ, худородный князь Пожарскій говорилъ въ 1612 году про одного представителя стараго боярства князя В. В. Голицына, бывшаго въ польскомъ плѣну: «теперь бы такіе люди были надобны; былъ бы теперь здѣсь такой столпъ, какъ князь Василій Васильевичъ, такъ за него всѣ держались бы, и я за такое великое дѣло мимо его не взялся бы». А вся сила этого столпа заключалась не въ какихъ-либо особыхъ личныхъ качествахъ, а въ томъ, какъ онъ самъ говорилъ о себѣ, что «отца моего и дѣда изъ думы не высылывали и думу они всякую вѣдали и не купленное у нихъ было боярство». Исторія личнаго состава боярской думы въ XVII вѣкѣ есть исторія постепеннаго паденія такихъ столповъ, наслѣдственно думу вѣдавшихъ. Въ XVI вѣкѣ правилъ классъ; отдѣльныя лица значили мало. Въ XVII вѣкѣ правятъ лица, иногда превосходныя, блестящія лица, стоившія Косыхъ, Курбскихъ, Воротынскихъ XVI в., но не составлявшія и не представлявшія класса. При господствѣ этихъ лицъ и восторжествовало начало, разрушавшее весь строй прежняго правительственнаго класса и такъ хорошо выраженное Пильемовымъ уже въ 1602 году: «великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ». Значитъ, пока держался правительственный боярскій классъ, значеніе боярской думы не было ограждено политическимъ договоромъ, будучи, по мнѣнію людей того времени, достаточно упрочено правительственнымъ обычаемъ. Когда вслѣдствіе колебанія обычая явился договоръ, правительственный

*) Изложеніе этихъ перемѣнъ найдетъ мѣсто въ очеркѣ административнаго устройства и дѣятельности думы, который будетъ приложенъ къ приготовляемому особому изданію изслѣдованія, нѣсколько измѣненному.

классъ уже разрушался, а благодаря его разрушенію и не удержался договоръ и не возстановился въ прежней силѣ правительственный обычай. Такъ можно обозначить моменты политической исторіи думы въ XVI и XVII вѣкахъ.

Чтобъ оцѣнить значеніе и происхожденіе послѣдняго изъ этихъ моментовъ, надобно привести его въ связь со всей исторической судьбой учрежденія. Въ X в., когда оно впервые является передъ нами по нашимъ памятникамъ, въ немъ присутствуютъ рядомъ съ боярами князя представители главнаго волостнаго города, городовая военная старшина, образовавшаяся еще въ то время, когда большіе торговые города были единственной организованной силой, оборонявшей страну и руководившей ея экономическою жизнью. Въ тѣ времена они оружіемъ или мирными средствами завоевали свои городовые округа, волости. Въ X в., когда городовая старшина сидѣла въ думѣ князя, эти города продолжали руководить экономическою жизнью страны, но уже не правили мѣстными обществами, которыя были въ другихъ рукахъ. Въ XII вѣкѣ, когда они пріобрѣтаютъ прежнее правительственное вліяніе на мѣстныя общества, на свои волости, ихъ «старцы» уже не сидятъ въ думѣ князя, повидимому, нигдѣ кромѣ Новгорода; но тогда эти города уже переставали руководить и хозяйственными оборотами страны. Въ думѣ князя остаются одни его бояре; въ то время, когда волостные города съ успѣхомъ оспаривали у нихъ правительственное вліяніе на мѣстныя общества, классъ, верхнимъ слоемъ котораго было боярство, оставался руководящей оборонительною силой страны и начиналъ овладѣвать народнымъ трудомъ, становясь классомъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ въ то время, когда внѣшняя торговля переставала быть главною силой въ народномъ хозяйствѣ. Въ Новгородѣ и Псковѣ удѣльныхъ вѣковъ мѣстнымъ управленіемъ руководила дума господъ, которую составляли члены мѣстнаго боярства, образовавшагося изъ древней городовой старшины. Политически этотъ правительственный боярскій совѣтъ вполнѣ зависѣлъ отъ народной массы, собиравшейся на вѣчѣ. Но покорное повидимому орудіе вѣчевой площади, боярство вольныхъ городовъ правило мѣстнымъ рынкомъ, посредствомъ своихъ капиталовъ руководило трудомъ той самой массы, передъ которой отвѣчало по дѣламъ управленія на вѣчѣ. Въ княжествѣ удѣльнаго времени князь правилъ съ совѣтомъ бояръ, которые были собственно его вольнонаемными дворцовыми прикащиками. Бродячіе люди, разбивавшіе-

ся по удѣламъ, они не составляли правительственнаго класса, долго не могли сомкнуться ни въ какой плотный классъ; но, дѣйствуя при князьяхъ одинокими лицами, случайными слугами, они рано стали забирать въ свои руки главную силу въ народномъ хозяйствѣ тѣхъ вѣковъ, земельную собственность, и это помогло имъ сомкнуться въ цѣльный и усидчивый классъ и стать правительственною силой. Такой классъ сложился въ Москвѣ; въ него вошли не только прежнія удѣльныя боярства, но и сами удѣльные князья. Какъ и прежде, онъ владѣлъ обществомъ не по праву завоеванія и не въ силу закона; но онъ держалъ въ рукахъ огромную массу земледѣльческаго населенія и труда.

Такъ видимъ, что въ составѣ высшаго правительственнаго учрежденія, какимъ была боярская дума, отражались не классы, владѣвшіе обществомъ силой оружія или въ силу права, а классы или только элементы еще не готовыхъ классовъ, которые и внѣ думы держали въ своихъ рукахъ нити народнаго труда въ извѣстное время. Это явленіе, можетъ-быть не принадлежащее исключительно нашей исторіи, въ ней повторяется съ правильностію, какая только допускается историческою жизнью. И въ XVI вѣкѣ думу составлялъ классъ, который сталъ политическою властью, не бывавъ силой. Но съ половины этого вѣка въ народномъ хозяйствѣ обнаружился кризисъ, который при содѣйствіи другихъ обстоятельствъ подготовилъ совершенно обратное явленіе. Народный трудъ уходилъ изъ-подъ боярскихъ рукъ, приходилъ въ такое состояніе, что его невозможно было захватить не только законодательной, но и вооруженною рукой. Въ Смутное время и въ продолженіе многихъ лѣтъ послѣ него, когда боярская дума стала наконецъ учрежденіемъ, правящимъ въ силу права, договора, боярство менѣе чѣмъ когда-либо владѣло народнымъ трудомъ. Продолжительными усиліями, частными вотчинными и общими законодательными мѣрами боярство старалось поймать вырывавшіяся изъ его рукъ нити народнаго труда. Въ половинѣ XVII вѣка дума опять стала тѣмъ, чѣмъ была она до исключительныхъ обстоятельствъ начала этого столѣтія: ея недавнія политическія обезпеченія утратили силу, договоръ не былъ возобновленъ по смерти царя Михаила, и дума продолжала править по давнему обычаю; но въ то же время Уложеніе царя Алексѣя окончательно узаконило поземельное прикрѣпленіе крестьянъ, статьи о которомъ встрѣчаемъ и въ договорѣ Салтыкова и въ договорѣ московскихъ бояръ 1610 года. Правда, тогда же отмѣ-

нено было право личнаго закладничества; но думные и служилые люди отвѣтили на это небезуспѣшною работой уравненія прикрѣпленныхъ къ землѣ крестьянъ съ лично крѣпостными холопями вопреки закону. Однако экономическій кризисъ оказалъ сильное дѣйствіе на боярскія и служилыя состоянія, уронивъ одни и поднявъ другія. По самому свойству достигнутаго въ селѣ обезпеченія боярство должно было подѣлиться его плодами съ другими слоями служилаго класса, и среднее дворянство выступаетъ успѣшнымъ его соперникомъ на этомъ поприщѣ, какимъ въ XVI вѣкѣ былъ монастырь, а торжествовавшій принципъ «великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ» помогъ этому слою успѣшно соперничать съ боярствомъ и въ высшемъ управленіи. Въ XVII в. люди средняго дворянства бойко идутъ вверхъ, отбивая у старыхъ родовитыхъ фамилій и чины, и помѣстья, и думу государеву; иностранецъ по дорогѣ къ Москвѣ встрѣчалъ князей, которыхъ по бѣдности обстановки не могъ отличить отъ крестьянъ, а люди, не принадлежавшіе ни къ княжескимъ, ни къ старымъ боярскимъ родамъ, пріобрѣтали тысячи крестьянъ. Эти экономическія превратности ускорили генеалогическое разрушеніе прежняго правительственнаго класса, обнаруживающееся съ конца XVI вѣка, а совокупнымъ дѣйствіемъ обоихъ этихъ процессовъ довершено было его политическое разрушеніе. Цѣлые вѣка боярство работало внизу общества надъ обезпеченіемъ своего экономическаго положенія; все это время, за исключеніемъ какихъ-нибудь 40 лѣтъ, его политическое положеніе на верху оставалось неупроченнымъ, держалось на одномъ обычаѣ. Въ XVII вѣкѣ, когда оно послѣ потрясеній достигло уже значительныхъ успѣховъ въ своей экономической работѣ, оно исчезало какъ политическая власть, теряясь въ обществѣ при новомъ складѣ понятій и классовъ, растворяясь въ служилой дворянской массѣ. Отмѣна мѣстничества въ 1682 году указываетъ довольно точно историческій часъ смерти его, какъ правительственнаго класса, и политическую отходную прочиталъ надъ нимъ, какъ и подобало по заведенному чину московской правительственной жизни, выслужившійся дьякъ. Въ 1687 году Шакловитый уговаривалъ стрѣльцовъ просить царевну Софью вѣнчаться на царство, увѣряя, что препятствій не будетъ. «А патріархъ и бояре?» возразили стрѣльцы. — «Патріарха смѣнить можно», отвѣчалъ Шакловитый, «а бояре—что такое бояре? это зяблое, упавшее дерево».

В. Ключевскій.

О народной поэзіи и пѣснѣ.

Каждый народъ, также какъ и отдѣльная личность, имѣетъ свою индивидуальность (особность), вслѣдствіе тѣхъ климатическихъ и нравственныхъ условій, при которыхъ сложилась жизнь его. Лучшій памятникъ народной жизни, народнаго развитія, самый животрепещущій элементъ народности—это народная пѣсня, народная поэзія: въ нихъ—образцы внутренней борьбы человѣка съ природными инстинктами, въ нихъ образовательная работа этихъ инстинктовъ, въ нихъ слѣды прожитаго горя, счастливыхъ надеждъ. Онѣ—сколокъ съ исторической и индивидуальной жизни народа съ характеристикою всѣхъ его особенностей, всѣхъ воспринятыхъ народомъ даже минутныхъ впечатлѣній во всей ихъ правдивой, трогательной простотѣ. Всѣ симпатіи и антипатіи народныя, всѣ его вѣрованія, обычаи, издревле усвоенные народомъ,—словомъ, всѣ его страданія и наслажденія разлиты, такъ сказать, по всему народному тѣлу и изліяніе этихъ чувствованій и вѣрованій въ пѣсню совершается устами всего народа, а не отдѣльныхъ личностей. Пѣсня—это лѣтопись, которая не солжетъ, потому что она—продуктъ постепеннаго роста народа; она живетъ въ устахъ народа, сохраняя изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ свою *цѣлость*, несмотря на вымираніе поколѣній, и замѣщеніе вымершихъ поколѣній новыми не вліяетъ замѣтнымъ образомъ на тѣ отправленія, въ которыхъ они принимали участіе. Пѣсня народная—воплощеніе народнаго духа, пѣсня—первоначальная основа музыки. Возрожденіе изъ тлѣна и праха народной пѣсни всегда совпадаетъ съ началомъ народнаго образованія, народнаго самопознанія. Пѣсня дѣлается предметомъ изученія и изслѣдованія, являются дѣятели, которые собираютъ сырые матеріалы народнаго творчества, вырабатываютъ изъ нихъ правила народнаго стиха и музыкальнаго

ритма и на этихъ данныхъ основывается современемъ самобытная драма, оригинальная музыка, имѣющая почву, родная своей странѣ, своему народу. Пускай мода отражается на одеждѣ, на внѣшней сторонѣ жизни русскаго человѣка, но поэзія и пѣсня, въ которыя вложена историческая жизнь народа, должны остаться неприкосновенными отъ всего чужаго, наноснаго, какъ бы хорошо это чужое ни было. Наложить на русскую пѣсню цѣпи нѣмецкаго генералъ-баса, вставить ее въ рамку чужаго фасона—не значитъ ли остановить ея развитіе?

Начало русскаго пѣснопѣнія теряется въ глубокой древности. Поэты древнихъ временъ не знали ни правилъ стихосложенія, ни законовъ краснорѣчія, а тѣмъ менѣе размѣра; главною ихъ заботой было вѣрно изобразить воспѣваемые предметы и событія. А воспѣвали предки наши все: и домашній бытъ въ мирное время, собираясь въ досужные дни для пляски и игры, и военные подвиги своихъ героевъ во время битвъ, и чудеса сказочныхъ героевъ, и шумные пиры своихъ любимыхъ князей: Владиміра «краснаго солнышка», и грознаго царя Ивана Васильевича, и друг. Обрядовыя и хороводныя пѣсни—самыя древнія. Первыя приличествовали извѣстнымъ торжествамъ и пѣлись простымъ говоркомъ и протяжно; содержаніе ихъ было первоначально религіозное. Что же касается до хороводнаго пѣнія, то невозможно опредѣлить, къ какому вѣку относится начало его. До XII вѣка намъ мало извѣстно хороводныхъ пѣсенъ. Несомнѣнно однако, что начало свое хороводы ведутъ со временъ языческихъ. Во-первыхъ, это показываетъ присутствіе во многихъ хороводныхъ пѣсняхъ именъ языческихъ божествъ: «А мы просо сѣяли, сѣяли,—Ой Дидъ, Ладо,—сѣяли, сѣяли», а во-вторыхъ—по мѣсту веденія старинныхъ игръ.

Доселѣ многіе хороводы водятся по близости кладбищъ и даже на самыхъ кладбищахъ. Всѣмъ извѣстно, что язычники, дѣлая празднества на могилахъ умершихъ предковъ, воображали, что ихъ умершіе родственники принимаютъ участіе въ ихъ пиршествахъ и что имъ пріятны ихъ чествованія съ угощеніемъ, играми и пляскою. Праздничные хороводы, преимущественно тѣ, которые совпадали съ празднованіемъ нынче Иванова дня, Рождества Христова и «бабьяго лѣта»,—самые древніе. Трудно достовѣрно сказать, откуда происходитъ и самое слово *хороводъ*. Многіе ученые производятъ его отъ греческаго слова χοροβανέω, т. е. *стою въ хорѣ*, или буквально χόρος—поющіе и пляшущіе и ονω—веду;

другіе—отъ латинскаго слова chorus. Вѣрно ли, что это слово заимствовано у древнихъ? Не имѣло ли оно самостоятельнаго происхожденія въ корнѣ своего языка и не затеряли ли только этотъ корень? Слово хороводъ и самое понятіе о хороводѣ существуетъ у всѣхъ славянъ: сербы и хорваты водятъ коло (kolo), литовцы корогодъ (korohod) и т. д. Хороводы раздѣляются по временамъ года и въ прежнія времена строго соблюдался долженствующій порядокъ въ веденіи хороводовъ. На сколько серьезно относились къ веденію хоровода, видно ужь изъ того, что старшія хороводницы издревле пользовались на Руси почетомъ въ своемъ кругу и ни одинъ праздникъ не обходился безъ ихъ вѣдома, безъ ихъ распоряженія. Различные хороводы исполнялись, какъ мы уже говорили, на приличествующихъ пѣсни и празднику мѣстахъ: на рѣкѣ, на дорогѣ, на лугу, на кладбищѣ, около лѣса. Для праздничныхъ хороводовъ встарину приготовлялись крашеныя яйца.

Первые по порядку хороводы—весенніе; они начинаются съ пѣнія кукушки и тянутся до времени лѣтнихъ полевыхъ работъ.

Встрѣча весны открывалась празднествомъ на могилахъ родителей, которыхъ ублажали, ожидая отъ нихъ въ награду *сытаго лѣта*. Позднѣе въ Москвѣ стали праздновать въ этотъ день «красную горку» и первый весенній хороводъ на холмѣ, куда приносили закуски, хлѣбъ, пироги, былъ: *«а мы просо сѣяли»*. Въ этотъ день молодцы высматривали невѣстъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ весну изображали въ видѣ деревянной куклы, которую дѣвушка выносила на середину хоровода. Въ иныхъ мѣстахъ куклу эту звали *ласточкой* и такъ и величали ее въ пѣснѣ, а въ средней полосѣ Россіи звали ее *костромой*. Послѣднее названіе сохранилось и доселѣ,—водить весенніе хороводы и до сихъ поръ называется *величать кострому*.

Въ Пензенской губерніи костромой назывался другой обрядъ—обрядъ купанья красныхъ дѣвушекъ въ Троицынъ день. Дѣвушки поочередно носили другъ друга на носилкахъ на рѣку, или на прудъ, а когда всѣ перекупаются, шли заплетать березы. Мущины же дѣлали соломеннаго болвана и въ полночь уносили его въ поле, гдѣ дѣлали надъ нимъ палатку. На другой день вокругъ этой палатки плясали и водили съ дѣвушками хороводы; затѣмъ шли на могилы родителей и убирали ихъ свѣжимъ дерномъ. Въ Ярославлѣ подобныя гулянья назывались *соломина*, а въ Костромѣ и Твери *ярилы*. Заканчивались весенніе хороводы

послѣ Троицына дня сожиганіемъ костромы, а въ другихъ мѣстахъ кострому, то-есть весну, хоронили. Дѣлалось это такъ: берутъ опять ту же куклу и послѣ заключающихъ весну пѣсенъ поручаютъ дѣвушкѣ схоронить кострому, такъ чтобы мѣсто, куда она заброшена, не было никому, кромѣ ея, извѣстно. Послѣ того, какъ весну схоронятъ, пѣсни весеннія болѣе не поются.

Всѣ хороводы, какъ-то: петровскіе, ивановскіе и другіе, имѣютъ свои особенности. Ивановскіе начинались купаньемъ и прыганьемъ черезъ костры при пѣніи купальныхъ пѣсенъ. Въ полночь (этотъ обычай сохранился и до нынѣ) отправлялись отыскивать цвѣтъ папоротника, который, по повѣрью народному, цвѣтетъ только въ эту ночь, и на мѣстѣ найденнаго цвѣта папоротника вырывали клады. Вѣдьмы тоже бродятъ въ эту ночь, обираютъ цвѣтъ, пугаютъ и показываютъ всякіе ужасы тѣмъ дерзкимъ, которые осмѣливаются тягаться съ ними въ отысканіи чародѣйнаго цвѣтка. Этотъ праздникъ остался отъ языческихъ временъ. Еще игуменъ Елеазаръ писалъ къ князю Димитрію Ростовскому объ уничтоженіи этого обычая, а между тѣмъ праздникъ этотъ празднуется подобнымъ образомъ не въ одной Россіи. Въ Германіи (не говоря о славянскихъ земляхъ, гдѣ онъ празднуется повсемѣстно) онъ соединенъ съ подобными же суевѣріями. Для зажиганія костровъ добываютъ огонь изъ сухаго дерева и начинаютъ прыгать черезъ костры не только сами, но гоняютъ черезъ нихъ и скотъ. У южныхъ славянъ есть повѣрье, въ которое народъ глубоко вѣритъ до сихъ поръ, *что солнце нѣсколько разъ останавливаетъ свой путь въ этотъ день и день дѣлается длиннѣе.*

Петровскіе хороводы начинаются съ вечера и продолжаются до восхода солнца. Ихъ непремѣнные спутники — качели. Семеновъ день (когда этотъ день былъ первымъ днемъ въ году) сходились праздновать на посидѣлкахъ и играли въ игры по домамъ. Въ Кіевской губерніи до сихъ поръ осталась въ народѣ поговорка: «*а вотъ, когда женимъ Семена*» (отъ Семенова дня), самый же праздникъ назывался «семенинами». Къ этому же времени подходитъ празднованіе и бабьяго лѣта, праздника, извѣстнаго всѣмъ славянамъ. Этотъ напоминаетъ мнѣ празднованіе во Флоренціи и въ другихъ городахъ Италіи *праздника сверчковъ* въ самый день Вознесенія Господня. Этотъ обычай теряется во временахъ языческихъ и трудно рѣшить, почему онъ совпадаетъ съ христіанскимъ праздникомъ. Не задолго до праздника бѣдные люди и

преимущественно дѣти ловятъ сверчковъ и сажаютъ ихъ попарно въ клѣточки. Послѣ полудня Кашины (общественный садъ во Флоренціи) наполняется публикой въ экипажахъ, украшенныхъ цвѣтами и запряженныхъ не рѣдко пятью-шестью парами цугомъ, а также и пѣшеходами въ праздничныхъ нарядахъ. Всякій изъ публики считаетъ себя обязаннымъ купить одну или двѣ пары сверчковъ, которыхъ потомъ выпускаетъ въ комнатахъ на волю и всѣ дома одновременно оглашаются щелканьемъ сверчковъ. Черезъ три-четыре дня ихъ снова ловятъ и убиваютъ.

Передъ празднованіемъ бабьяго лѣта тоже дѣвушки ловятъ мухъ и тараканогъ и въ самый день праздника хоронятъ ихъ въ садахъ и огородахъ подъ деревьями или кустами, въ гробикахъ, сдѣланныхъ изъ береста или щепочекъ. Въ этотъ день—смотрины невѣстъ и жениховъ.

Капустинскіе хороводы бываютъ, когда рубятъ капусту. Парни заманиваютъ дѣвушекъ гостинцами; эти хороводныя игры—новѣйшія. Но едва ли не интереснѣе всего празднованіе «колядокъ». Коляду мы заимствовали отъ славянъ, бывшихъ подъ римскимъ владычествомъ, а тѣ заимствовали коляду отъ римскихъ календъ, которыя праздновались ежемѣсячно въ честь бога въ двухъ лицахъ—Януса. У насъ же коляда начала совершаться въ честь Дажбога и Перуна, передъ которыми неистово кричали и плясали, принося имъ въ даръ золото и драгоцѣнности. Пѣсня *«Ужь я золото хороню»*, нынче гадальная святочная, заимствована изъ этого древняго обычая приносить въ даръ золото. Позднѣе, во времена тоже еще языческія, русы славили этимъ праздникомъ Коляду: такъ назывался богъ торжества и мира. День ихъ празднованія совпадаетъ съ 24-го декабря. Колядованіе въ сѣверной Россіи почти совсѣмъ вывелось, но въ Малороссіи до сихъ поръ существуетъ. Колядуютъ нищіе, дѣти и молодежь; послѣдняя ради шутки. Дѣлается это такимъ образомъ: передъ Рождествомъ достаточные люди дѣлаютъ изъ свиныхъ кишокъ колбасы *«холядесъ»*, а менѣе достаточные ходятъ колядовать вечеромъ въ сочельникъ подъ окнами, выпрашивая колбасъ. Вотъ образецъ колядовской пѣсни:

Шедрикъ, ведрикъ,
Дайте вареникъ,
Грудочку кашки
Кильцо килбаскы.

Послѣ выпрашиванія килбаски и даже денегъ колядующіе прославляютъ хозяевъ и поютъ другія колядовскія пѣсни. Напр.

Коляда, коляда!
Пришла коляда
Наканунѣ Рождества.
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всѣмъ по дворамъ, по проулочкамъ.
Нашли коляду
У Петрова-то двора.
Петровъ-то дворъ—желѣзный тынъ;
Среди двора три терема стоятъ:
Въ первомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Въ другомъ терему красно солнце,
А въ третьемъ терему частыя звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ—Петръ, сударь
Свѣтъ Ивановичъ;
Красно солнце Анна Яковлевна;
Частыя звѣзды—то дѣти ихъ.
Здравствуй хозяинъ съ хозяюшкой
На многіе вѣки, на долгія лѣта!

По Дунаю, по рѣкѣ,
По бережку по крутому,
Лежатъ гусли неналаженныя.
Коляда!

Наладить гусли
Зензевею Андреяновичу.
Коляда!

Зензевея дома нѣтъ:
Онъ уѣхалъ въ Царь-городъ
Суды судить, ряды рядить.
Коляда!

Онъ женѣ-то шлетъ
Кунью шубу.
Коляда!

Сыновьямъ-то шлетъ
По добру коню.
Коляда!

Дочерямъ-то шлетъ
По черну соболю.
Коляда!

Пѣсни эти—великорусскія, но онѣ совершенно у насъ вывелись и даже самое понятіе о колядѣ утратилось; развѣ нѣкоторыя отрывочныя пѣсни остались только въ устахъ убогихъ стариковъ и старухъ. Въ Малороссіи же до сихъ поръ народъ вѣритъ въ существованіе бога *Коляды*, а также и сербы, и болгары. Настоящее колядованіе въ Малороссіи, а также и повсемѣстныя гаданья и игрища святочныя—все это остатки этого языческаго праздника въ честь Коляды. Обычай колядовать въ сочельникъ существовалъ также у всѣхъ западныхъ и южныхъ славянъ, а словаки и богемцы до сихъ поръ празднуютъ коляду и имѣютъ очень много колядовскихъ пѣсенъ. Сообщаю для примѣра извѣстную мнѣ словацкую:

Пасли овцы велесы
При Бетлемскомъ салашѣ.
Ангелъ ея имъ оказавъ,
До Бетлема разсказавъ:
Станьте горѣ и подьте,
Пана Христа найдете.
Найдете его въ ясличкахъ,
Повинута въ плѣночкахъ;
Марія го колебе,
«Нини, нини, нинички!
Спи, мой сынку, малечкій!»

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Богеміи, также какъ и въ Тиролѣ, до сихъ поръ празднованіе коляды сопровождаютъ торжественными процессіями и разыгрываніями представленій въ костюмахъ на улицахъ и въ домахъ. Сюжетъ представленій соотвѣтствуетъ празднику: являются три замаскированныхъ старика, изображающіе трехъ волхвовъ, явившихся на поклоненіе родившемуся Божественному Младенцу, а во многихъ мѣстахъ дѣлаютъ также статуи, изображающія Богоматерь и Младенца въ ясляхъ. Обычай зажигать въ сочельникъ свѣчи на ёлкѣ вытекаетъ изъ того же источника и первая зажженная свѣча означаетъ *звѣзду*, возвѣстившую о рожденіи Божественнаго Младенца. Вообще ни одинъ праздникъ не празднуется до сихъ поръ съ большею тор-

жественностью, чѣмъ Рождество Христово, и никакія хороводныя пѣсни и игры въ привлекательности и занимательности не могутъ тягаться съ рождественскими обрядовыми, гадальными, игральными, подблюдными и ихъ родоначальными языческими колядовскими. Ряженые играли весьма важную роль въ эти торжественные дни и угощались не менѣе дорогихъ званыхъ гостей. Медвѣдь, коза, слѣпой Лазарь, бойцы—все это имѣло свое мѣсто и свой почетъ и не было лишнимъ нигдѣ, начиная съ пышныхъ великокняжескихъ хоромъ. Почетная сваха заправляла играми и ворожбой. Игры всѣ вертѣлись на отгадываніи судьбы. Начиналось такъ: нянюшка-матушка приносила нѣсколько кусочковъ хлѣба, соли и три уголька, а сваха запѣвала первую пѣснь: «*Хлѣбу да соли*», причемъ опускала эти вещи въ блюдо, всѣ подтягивали свахѣ и клали въ блюдо свои вещи. Потомъ при пѣніи подблюдныхъ пѣсенъ гадающія дѣвушки вынимали изъ накрытаго блюда положенныя туда вещи, а сваха объясняла ихъ значеніе. Припѣвъ пѣсни, спѣтой каждому гадающему, слѣдующій:

Да кому мы спѣли, тому добро.
Слава!
Кому вынется, тому сбудется.
Слава!
Скоро сбудется, не минуется.
Слава!

Послѣднее вынутое кольцо означало замужство. Въ Вологодской губерніи въ блюдо кладутъ въ узелочкахъ хлѣбъ, уголь и золу, а гадающіе дѣлаютъ изъ полотна, или изъ полотняныхъ вещей разныя фигуры: дѣтей, птицъ, звѣрей и т. п., и опускаютъ эти вещи въ блюдо, затѣмъ поютъ подблюдныя пѣсни, притопывая ногой при концѣ каждаго стиха, и по окончаніи пѣнія вынимаютъ вещи изъ блюда, предварительно завязавши глаза. Когда всѣ вещи вынутся и останется одно послѣднее кольцо, *то его хоронятъ*. Дѣлается это такъ: та дѣвушка, которая вынула послѣднее кольцо, должна обойти всѣхъ дѣвушекъ и незамѣтно положить которой-нибудь изъ нихъ въ руки кольцо, а когда это кольцо нѣсколько разъ перейдетъ изъ рукъ въ руки, отгадать, у кого оно. Когда она отгадаетъ, игрѣ конецъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многія подблюдныя пѣсни перешли къ намъ изъ Греціи. У грековъ была игра и пѣсня по имени *клидона*, въ

которую играли всѣ желающіе узнать будущее, и не одна молодежь, а также замужнія женщины. Точно также въ сосудъ клались вещи и вынимались при пѣніи пѣсенъ, рѣшавшихъ судьбу, судя по вынутой вещи. Припѣва «слава» у пѣсенъ въ Греціи не было.

Въ то время, какъ богатые собирались по домамъ, бѣдный людъ потѣшалъ уличную публику чудовищными и шутовскими нарядами и выходками. Эти святочные потѣшники во многихъ мѣстахъ назывались «окрутниками». Пробираясь на городскія улицы, они выглядывали свѣчи на окнахъ домовъ, что было знакомъ приглашенія имъ зайти въ домъ позабавить честныхъ гостей. Въ Полтавской губерніи святки назывались (и доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранилось это названіе) субботками, что очень напоминаетъ чешское слово sobota, sobotnik, означающее святки. Тамъ святками распоряжается скромная вдовушка, у которой собираются всѣ дѣвушки. По срединѣ комнаты виситъ фонарь, въ который каждая дѣвушка, входя, вставляетъ свою свѣчку. Участь каждой дѣвушки рѣшается судя по тому, какъ горитъ свѣча одна сравнительно съ другой. Прежде, говорятъ, на этихъ вечерахъ не участвовалъ замужній людъ, а только молодежь, теперь же могутъ присутствовать всѣ.

Складъ старинныхъ пѣсенъ, безъ сомнѣнія, постепенно измѣнялся и едва ли какая-либо пѣсня дошла до насъ въ первоначальномъ видѣ. Размѣръ старинныхъ стиховъ былъ слоговой и преимущественно хореическое окончаніе, также какъ и въ позднѣйшихъ пѣсняхъ.

1) А мы̆ | про̆со̆ | сѣ̆ялй (bis).

Это—дактило-хореическій.

2) Зӑплё̆тй | ся̆ плё̆тё̆нь | зӑплё̆тйся̆.

Это—трехстопный анапестъ. Окончаніе—хореическое.

3) Во̄ по̆лѣ̆ бё̆ | рё̄зӑ сто̆ | я̆лӑ.

Это—пеонъ трехстопный. Окончаніе—опять хореическое.

4) Кӑкъ на̄ го̆рѣ̆ | кӑлйнӑ.

Пеонъ двухстопный. Первый стихъ 2-го пеона, 2-й пеонъ и дактиль.

5) Что̆ по̆дъ дё̆рё̆ | во̆мъ тӑкимъ, ӑхъ!

Опять двухстопный пеоническій размѣръ, а окончаніе—хореическое.

6) Кӑкъ ў нӑсъ | во̆ дё̆рё̄внѣ̆.

Двухстопный анапестъ, опять хореическое окончаніе.

7) По̆ го̆ | ра̄мъ, го̆ | ра̄мъ, | по̆ крӯтымъ | го̆ | ра̄мъ!

Анапестическій хорей.

8) Про̆тйвъ жа̄р | кӑго̆ со̆лнцӑ.

Анапестъ, окончаніе хореическое.

Чтобъ открыть исконную старину нашего пѣнія, не мѣшаетъ коснуться древняго духовнаго напѣва. Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ покойнаго князя Одоевскаго, что между древнѣйшими пѣснями и старинныхъ церковнымъ крюковымъ пѣніемъ есть связь, и связь весьма тѣсная, что духовное пѣніе только обособилось отъ свѣтскаго, а начало—одно, корень одинъ. *Происхожденіе* церковныхъ мелодій изъ Греціи сомнительно. Случайно же заимствованныхъ мелодій, вслѣдствіе столкновеній съ другими народами, переселенія народовъ, подданства и т. д., не мало; но тутъ-то изъ сродства старинныхъ пѣсенъ двухъ отдаленныхъ народовъ видно опять-таки тождество корня нашихъ свѣтскихъ и духовныхъ пѣсенъ. Такъ, наша *хороводная* пѣсня, нѣкогда *обрядовая* «Мы просо сѣяли» имѣетъ напѣвъ, до сихъ поръ существующій въ Индіи, въ гимнахъ Брамѣ; наше «Слава» тоже былъ прежде религіозно-обрядовый гимнъ и отчасти заимствованъ изъ Греціи, также какъ и наша народная пѣсня «Во полѣ береза стояла». Съ точки зрѣнія народно-образовательной слѣдуетъ серьезно заняться источникомъ нашего пѣнія, но охотниковъ до этого труднаго дѣла мало. Публика наша такъ мало еще знакома не только со славянскою, но даже и съ русскою пѣснею, да и не мудрено: давно ли стали считать нужнымъ ввести изученіе ея, хотя поверхностное, въ программу нашего образованія. Мудрено ли и то, что мы, при такомъ образованіи, сдѣлались отщепенцами отъ народа, чуждыми его душевныхъ настроеній и всей обстановки его жизни, бѣдной внѣшностью, но богатой внутреннимъ содержаніемъ, и до того изолировались отъ народа, что создали себѣ музыку чуждую народу, паразиту на исторической почвѣ, и силой хотѣли заглушить слово, вопль, отповѣдь, вѣками лившіеся изъ устъ великана-народа. Теперь еще, когда мы стремимся вернуть утраченное, мы не можемъ не сознаться, что *нашему русскому уху* иногда *фальшиво* звучитъ иное слово въ простонародной пѣснѣ, а вѣдь слова изъ пѣсни не выкинешь. Да, чтобы воспринять и прочувствовать каждое слово пѣсни, каждый звукъ ея, нужно глубоко быть проникнутымъ уваженіемъ къ жизни народа, къ его традиціямъ,—понять и пережить душою всѣ

радости и печали этой родной русской сермяги, подъ которой бьется неподкупное русское сердце.

Во всякомъ цивилизованномъ народѣ народная поэзія и пѣсня всегда составляли предметъ изученія. На Западѣ ее лелѣяли какъ младенца, изъ котораго выростетъ человѣкъ,—ее лелѣяли для народнаго сознанія, для развитія національнаго чутья, для самопознанія. «Познай самого себя», тогда разовьется способность познавать другихъ. Можно ли безъ знанія азбуки изучать литературу? Познаемъ же свою музыкальную азбуку и тогда займемся музыкальною философіей. Поэтому, заботясь о развитіи народной поэзіи и пѣсни, мы не идемъ противъ музыкальнаго классицизма,—напротивъ, мы приготовляемъ для его представителей прочные матеріалы для классической разработки. Честь тѣмъ посредникамъ между народомъ и высшимъ обществомъ, которые открываютъ передъ послѣдними сокровищницу, изъ которой можно черпать богатство народное, добывать пищу для вдохновенія. Познаемъ же самихъ себя, свое родное творчество въ связи съ тѣсно связаннымъ съ нами славянскимъ міромъ. У южныхъ славянъ историческіе дѣятели неразлучны съ пѣсней: всякое совершающееся историческое событіе идетъ рука объ руку съ произведеніемъ самобытной народной поэзіи.

Достоинство славянскихъ мелодій вообще давно признано въ музыкальномъ мірѣ и многіе композиторы уже черпали изъ этого богатаго источника. Русская мелодія введена въ финалъ «Севильскаго Цирюльника», а польская—въ финалъ «Моисея»; во многихъ мѣстахъ «Донъ-Жуана» Моцарта слышатся чешскія мелодіи; въ квартетѣ Гайдена взята словацкая пѣсня и еще въ двухъ квартетахъ Бетховена наши русскіе напѣвы, а въ его же концертѣ для скрипки знаменитая чешская пѣсня «Horo, horo, visoka jsi». Пріятно, но странно, неожиданно звучатъ эти мелодіи въ обработанныхъ иностранныхъ музыкальныхъ произведеніяхъ. Слышно, что онѣ тутъ чужія, залетныя.

Что значитъ элементъ національности! Въ мелодіяхъ славянскихъ намъ, русскимъ, сжившимся съ народною жизнью, звучатъ родныя струны, точно это наши родныя, наши собственныя пѣсни, только давно забытыя нами, утерянныя преданіемъ.

Не лучше ли сказывается въ пѣснѣ единство славянскихъ племенъ? Человѣкъ даже не посвященный въ тайны народной поэзіи, слушая пѣсни разныхъ славянскихъ племенъ, чувствуетъ ихъ родство, ихъ происхожденіе изъ одной среды,—сознаетъ, что

онѣ принадлежатъ *одному народу*. Изученіе славянскихъ мелодій такимъ образомъ вводитъ насъ въ родную среду, не изгладившуюся изъ нашего сердца. Бытъ и нравы всѣхъ славянскихъ племенъ имѣютъ, кромѣ своихъ отличительныхъ чертъ, общую всему славянскому міру печать, одинъ духъ животворитъ ихъ пѣсни. Общія ихъ черты, вѣроятно, составляли элементъ первоначальной народной поэзіи, родоначальницы разрозненныхъ нынѣ племенъ; а частныя черты—это плоды позднѣйшаго самостоятельнаго развитія каждаго племени. Даже существуютъ такія пѣсни, которыя поются почти безъ всякаго различія у русскихъ и у какого-нибудь другаго славянскаго племени; напримѣръ, «Лучинушку», нашу коренную, мы можемъ встрѣтить въ Галиціи и никто не увѣритъ галичанина, что это не его природная пѣсня.

Музыкально-народное движеніе замѣтно въ настоящее время усиливается во всѣхъ славянскихъ земляхъ, повсемѣстно образуются общества или бесѣды, гдѣ фигурируетъ народный хоръ (sbor). У южныхъ славянъ движеніе это сравнительно слабо, но уже присутствіе въ Сербіи, Герцеговинѣ и Босніи оригинальнаго акомпанимента на гусляхъ показываетъ развитіе музыкальныхъ инстинктовъ. Въ Бѣлградѣ есть даже общество любителей народнаго пѣнія. Въ Загребѣ существуетъ обширное общество «Коло», которое развѣтвляется по всему Тріединому королевству. Въ 1864 году былъ знаменитый съѣздъ всѣхъ обществъ этого края въ Загребѣ. У лужичанъ общество музыкальное называется «Lumir», а въ Прагѣ «Hlahol», которое руководитъ музыкальными обществами всей Чехіи. Ничто болѣе этихъ обществъ не служитъ національно-патріотическимъ цѣлямъ.

Въ земляхъ, несшихъ или несущихъ на себѣ чужеземное иго, постороннее вліяніе незамѣтно вкрадывается въ народное творчество. Но есть извѣстныя данныя, которыми руководствуются, чтобъ отличить самобытныя мелодіи отъ вышедшихъ изъ подъ чужаго вліянія. Начнемъ съ чеховъ, народная поэзія и пѣсня которыхъ болѣе всего пострадали отъ нѣмецкаго вліянія. Въ 1620 году Австрія наложила цѣпи на свободу чеховъ послѣ битвы при Бѣлой-Горѣ: «Horo, horo! horo bila! na tia shnila nacha sila!» Это былъ послѣдній вопль народа, свободѣ котораго пришелъ смертный часъ. Пѣсни чешскія до эпохи Бѣлой-Горы носятъ характеръ вполнѣ народный; онѣ никогда не выходятъ изъ послѣдовательныхъ семи тоновъ, изрѣдка до девяти нотъ. Амбрашъ, извѣстный изслѣдователь, раздѣляетъ ихъ на двѣ ка-

тегоріи: первая носитъ отпечатокъ духовный и мелодія пѣсенъ этой категоріи мрачна и величественна. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ ея сохранились на пергаментѣ и доселѣ поются въ церквахъ, по праздничнымъ днямъ, всею массой народа, напримѣръ, «Тешмесе благоу надѣи». Вторая носитъ характеръ свѣтскій и имѣетъ напѣвъ легкій, текстъ веселый. Первыя пѣсни—эпическія, вторыя лирическія. Эпическія порождены историческою жизнью народа, а лирическія его свободнымъ домашнимъ бытомъ. Пѣсни же сложившіяся послѣ Бѣлой-Горы постепенно до нашего времени все болѣе и болѣе утрачиваютъ свой національный характеръ и регистръ ихъ уже постепенно выходитъ изъ девяти нотъ. Всѣ онѣ, преимущественно тѣ, которыя написаны вскорѣ послѣ событія Бѣлой-Горы, грустнаго, тяжелаго напѣва и выражающаго отчаяніе содержанія; такова пѣсня «Боже муой». Пѣсни же: «Лука широка», «Старался худый съ худоу», «Хитились лосося» и другія старыя бытовыя пѣсни—счастливаго, независимаго времени. Эпическія старинныя пѣсни всѣ имѣютъ свою исторію. Возьмемъ для примѣра самую чудную и интересную изъ нихъ «Teŝhme se blahou nadeji». Приведемъ слова ея въ русскомъ переводѣ: «Мы ласкаемъ себя счастливою надеждой, что возвратится золотое время, когда снова передъ нами заяснѣютъ чешскія горы и услышимъ мы чешскій разговоръ. Будемъ же всѣ носить чешскую національную одежду, будемъ отстаивать храбро наши древніе обычаи. Право наше сильно въ глазахъ всѣхъ» (припѣвъ: «Возлюбимъ другъ друга, не поддадимся врагу. Пойдемъ драться, но прежде напьемся» (причастимся). Мелодія этой половины воинственная. Затѣмъ слѣдуетъ молитва: «Аминь. Подай намъ Господи! Заступись за насъ ты, святой Вячеславе, воевода земли Чешской!» Это чисто напѣвъ церковно-торжественный. Къ нему опять припѣвъ: «Возлюбимъ...» и т. д. Второй куплетъ: «До тѣхъ поръ, пока кровь отцовъ нашихъ бьется въ нашихъ жилахъ, пока горитъ жаръ въ груди нашей, не оскудѣетъ рука наша и не погибнетъ чешская слава. Бѣлый левъ нашъ поднимаетъ голову, а мы, какъ медвѣдь въ лѣсу, будемъ играть съ врагами. И запляшетъ онъ у насъ, а мы будемъ пѣть ему: возлюбимъ другъ друга...» и т. д. Затѣмъ опять молитва: «Аминь» и т. д. и опять въ заключеніе: «Возлюбимъ» и т. д.

Эта пѣсня принадлежитъ XI столѣтію, т.-е. времени Іоанна Гуса, и состоитъ, какъ мы указали, изъ двухъ частей: изъ хорала: «аминь» и т. д., отъ котораго вѣетъ строгимъ характе-

ромъ гуситскаго благочестія,—и изъ двухъ стиховъ съ припѣвомъ. Выраженіе «напьемся» относится къ одному изъ догматовъ гуситскаго ученія. Іоаннъ Гусъ, какъ это извѣстно, требовалъ для своихъ вѣрныхъ причащенія въ обоихъ видахъ, т.-е. хлѣбомъ и виномъ. Табориты при Жижкѣ и Прокопѣ Великомъ носили передъ своими полчищами чашу и ихъ воинскій крикъ былъ: «чашу всѣмъ!» Это понималось двояко: въ смыслѣ религіознаго, а также и демократическаго протеста. Слово «напьемся» въ гуситской пѣснѣ относится къ этому обстоятельству. При исполненіи этой пѣсни чувствуется въ иныхъ переходахъ подлогъ мелодіи начальной по отношенію къ хоралу и это объясняется тѣмъ, что одинъ только хоралъ сохраненъ на пергаментѣ и понынѣ, а остальное возобновлено. Случилось это такъ: въ Пражскомъ замкѣ, въ архивѣ при каплицѣ Святаго Вячеслава, или по-чешски Вацлава, сохранялись древнія рукописи, между прочимъ и многія гуситскія пѣсни. Во времена Владислава архивъ сгорѣлъ и только немногія рукописи уцѣлѣли вполнѣ, большинство же обгорѣло. Въ числѣ уцѣлѣвшихъ извѣстны: «Хоралъ Св. Войцѣху X столѣтія, гусится пѣсня: «Doź jeste boźi bojovnići», а отъ пѣсни« Teśhme se blahou nadeji» XIV столѣтія уцѣлѣлъ одинъ хоралъ: «Amen, raï to Boze dati», начальные же стихи и припѣвъ на половину обгорѣли. Надо было возстановить утраченныя строки, и занялся этимъ Кровъ, чешскій композиторъ. Онъ отправился въ мѣстечко Роуднице, гдѣ исповѣданіе гуситовъ сохранилось еще втайнѣ, и провѣрилъ сохранившуюся отъ пожара часть рукописи по голосу народа. Убѣдившись, что разницы никакой нѣтъ, онъ записалъ тогда утраченную часть по народному голосу и распространилъ затѣмъ эту пѣсню между народомъ въ Прагѣ. Въ такомъ видѣ пѣсня сохранилась и до сего времени. «Боже муой», словенская пѣсня, относится ко времени тотчасъ же послѣ Бѣлой-Горы; характеръ ея грандіозный, мрачный, напѣвъ величественно-церковный. Воинственнаго въ пѣснѣ этой ничего нѣтъ, а слышится въ ней отдаленная гроза подспудной народной бури, готовящейся только еще въ угнетенномъ, не видящемъ передъ собою исхода, племени и подготовляющей въ будущемъ энергическій протестъ. Кровью народа написаны въ ней жалобы дважды угнетеннаго словенскаго племени противъ своихъ *владыкъ*, но все-таки отъ начала до конца слезы отерты чувствомъ безконечнаго христіанскаго терпѣнія: «Vśak mi budet v sire seme srovnani!» Чувство производимое этою пѣсней потрясающее. «Gde domov muj»,

чешскій народный гимнъ, отъ котораго должно было бы ожидать многаго, далеко не проникнутъ народнымъ духомъ; впрочемъ изъ всѣхъ славянскихъ народныхъ гимновъ едва ли не одинъ только сербскій «Padо ude» и отчасти черногорскій «Онамо» (хотя онъ сочиненъ только нѣсколько лѣтъ тому назадъ княземъ Николаемъ черногорскимъ, но совершенно въ духѣ народномъ) носятъ характеръ близкій къ своему народу, остальные же внѣ всякой почвы. Мелодія гимна «Gde domov muj» преимущественно передъ другими носитъ характеръ германскій и кудреватость слога мало шевелитъ національное чувство, ибо не вытекаетъ изъ него. Вотъ слова его: «Гдѣ ты, моя родина? Гдѣ ручьи бѣгутъ въ горахъ, гдѣ зеленѣетъ лѣсъ по скаламъ, гдѣ весной цвѣтущій садъ, а на взглядъ земной рай? Тамъ въ той прекрасной землѣ, землѣ Чешской, моя родина! Гдѣ моя родина? Знаешь ли ты благословенный край, гдѣ живутъ люди съ нѣжной душой въ сильномъ тѣлѣ, гдѣ родятся и осуществляются свѣтлыя мысли, но *гдѣ силѣ народа противодѣйствуютъ?* Тамъ славное племя чеховъ, а среди чеховъ—моя родина!» Фраза «силѣ народа противодѣйствуютъ» лишена всякаго смысла и не производитъ должнаго впечатлѣнія, такъ какъ во всемъ гимнѣ кромѣ похвалъ мѣстности Чешской земли ничего не видно: нѣтъ ни борьбы, ни силы, которой можно противодѣйствовать, ни самаго этого противодѣйствія, а самохвальное довольство собой. «Бивали чехове» хотя написана въ позднѣйшее время, но носитъ характеръ сильный, воинственный, напоминающій періодъ до Бѣлой-Горы. Это—отголосокъ прежняго доблестнаго времени, это панегирикъ не самимъ себѣ, а прежнимъ героямъ, смѣшанный съ горькимъ чувствомъ настоящаго своего ничтожества и безысходности. Тутъ есть мысль, и мысль глубокая: воскресить въ памяти каждаго чеха золотое время чешской славы, вдохновить ихъ этимъ представленіемъ и пристыдить ихъ за ихъ настоящую слабость.

«Весь свѣтъ зналъ, какіе были чехи! А нынче?... Чехи! гдѣ вы? Зачѣмъ измѣнились вы такъ?... Дайте изъ среды васъ такихъ героевъ, какіе были прежде, и стремитесь къ самостоятельности и славѣ своего отечества!» Къ характеристическимъ чешскимъ пѣснямъ относится «Ja jsem Slovan!» Уже первый возгласъ: «Я славянинъ душою и тѣломъ»—заставляетъ дрогнуть сердце каждаго истиннаго славянина. Это звукъ призывнаго колокола. «Отъ широкой Эльбы (Лабы) до бурнаго Балтійскаго моря (Бальда) словакъ имѣетъ братьевъ» (Slovan tam sve bratri ma).

А мы прибавимъ: отъ береговъ Чернаго и Средиземнаго морей до Урала и Балтійскаго моря всюду у славянина есть братья. Хорошо бы, еслибы дружба славянъ была настолько *тѣсна*, на сколько *обширны* границы ихъ земель... Образцомъ словацкихъ пѣсенъ возьмемъ чудную пѣсню «Aj, čo by bola drobna jatelinka». Эта пѣсня старая, семейная; это—стонъ, вопль покинутой любящимъ человѣкомъ дѣвушки. Легкость нравовъ была одной изъ отличительныхъ чертъ славянскаго характера. Содержаніе пѣсни слѣдующее: молодецъ сначала проситъ дѣвушку сберечь себя для него и, ожидая съ нетерпѣніемъ весны, когда назначена свадьба, восклицаетъ: «Aj šupaj, supaj, drobna jatetinka (то-есть рости, рости, мелкая травочка), hovoj ti sia pro mnia, ma slata panenka» (береги себя для меня, моя золотая дѣвушка) и т. д. Она же отвѣчаетъ: «Какъ же измѣню тебѣ, когда тебѣ присягала моя душа—prisiahala vernost na večnu večnost!» Когда же, наконецъ, подрастаетъ мелкая травочка, напрасно ждетъ она своего милаго и, чувствуя, что въ ея разбитомъ сердцѣ замираютъ послѣдніе стоны любви, она молитъ его со слезами: «Ach, spechaj, spechaj, na lico mne dichaj, dichaj, by sia usdrovila ot tvoho dichanja duša moja» (Ахъ спѣши, спѣши, на лицо мнѣ дыши, чтобы отъ твоего дыханья душа моя...). Въ этой пѣснѣ два любящихъ существа сговариваются на совмѣстную жизнь; такихъ же сговорныхъ и свадебныхъ пѣсенъ, подобныхъ нашимъ русскимъ, нѣтъ ни у кого изъ славянскихъ племенъ, такъ какъ семейная жизнь ихъ народа вовсе не похожа на нашу русскую. У нихъ люди сходятся добровольно и принужденія въ бракѣ нѣтъ; отношенія между женихомъ и невѣстой и потомъ отношенія ихъ къ родителямъ обѣихъ сторонъ вовсе не похожи на наши. Дѣвушка сама рѣшаетъ свою участь, сама сознательно обѣщаетъ беречь себя для своего милаго, а тамъ, гдѣ нѣтъ принужденія и насилія, всегда есть любовь и взаимность, а у насъ о любви въ бракѣ и помину нѣтъ у народа. Моравская пѣсня «Dubra» по смыслу близко подходитъ къ этой и такъ же симпатична, какъ и она. Содержаніе ея—опять-таки союзъ двухъ любящихъ сердецъ. «Дѣвушка, дѣвушка, ласточка, — взываетъ юноша къ предмету своей любви, — я знаю тебя съ дѣтства; когда еще колебали тебя (качали въ люлькѣ), я полюбилъ тебя». Но тутъ измѣнницей оказывается дѣвушка; она отвѣчаетъ: «Юноша, юноша, ласточка, отпалъ ты отъ моего сердца (otpadels mi ot srdečka),—какъ отъ сердца, такъ отъ ласки, какъ яблоко отъ вѣтки (jak to jabko

ot haluscy)». «Сложно, сложно!» хорватскій гимнъ сзываетъ на месть весь славянскій людъ. Если больше всего гнетъ чувствуется на Тріединомъ королевствѣ, то и отчаяніе ихъ равняется этому гнету. За то сербскій гимнъ «Pado ide Srbin u vojnice»—смѣлый и воинственный. Каждое слово дышетъ восторгомъ, съ которымъ сербъ идетъ на битву (vojnice) съ врагами.

Болгарскія пѣсни по своему содержанію однообразны и грустны, а по мелодіи напоминаютъ духовную музыку; это или вопли матери, провожающей сына на смерть, или плачъ объ украденной дочери, тоска о раззоренномъ врагами домашнемъ очагѣ,—однимъ словомъ, вѣчное опасеніе за судьбу дорогихъ сердцу, что такъ наглядно въ пѣснѣ «Мать болгарина». Мало доставалось имъ радостей въ домашней жизни подъ тяжелымъ игомъ турокъ, и это отразилось на характерѣ народа, а характеръ перешелъ въ пѣсню. Черногорскія же пѣсни, напротивъ, воинственны, полны огня и ненависти къ врагу,—ненависти непреклонной, какъ сами горцы. Прекрасный гимнъ, положенный на музыку самимъ княземъ Николаемъ, прекрасно характеризуетъ это племя и имѣетъ политическое значеніе. «Туда, туда!... Тамъ, за горами, есть, говорятъ, разрушенный дворецъ моего царя былаго; тамъ, по разсказамъ, собирались нѣкогда молодцы-юнаки. Туда, туда! Хочу взглянуть на Призренъ (городъ Новый-Базаръ), тамъ мнѣ все родное... Я войду въ свой домъ... Туда манитъ меня древность... Мой долгъ идти съ оружіемъ въ рукѣ. И тамъ—о, тамъ, съ развалинъ царскихъ палатъ—я скажу врагу: «Прочь съ милаго огнища. Ты, зараза, прочь! Я не уйду, пока не уплачу тебѣ, врагу, свой долгъ, *нашъ* долгъ»... Скорѣй туда! Тамъ, за горами, есть, говорятъ, зеленый лѣсъ, въ тѣни котораго воздвигнутъ былъ святой пріютъ *Дечане*, гдѣ молитва принимается небомъ. Туда, туда! Тамъ, за горами, за голубымъ небеснымъ сводомъ,—земля Сербская, сербскія поля... поля битвы... Туда направимся, братья! Туда, туда! Тамъ, за горами, я слышу вопль растоптаннаго конями Юга... На помощь имъ, братья! На помощь, сыновья и отцы! На помощь, дѣти, отмстимъ за старика Юга, отца нашего,—это нашъ долгъ! Туда, туда!... Иступимъ остріе нашихъ орудій о ребра турокъ въ отмщеніе за старыя ребра нашего Богдановича и разсѣчемъ этой самой саблей цѣпи на рукахъ бѣдной райи (*райя*—такъ называются подданные Турціи христіане). Туда, туда, гдѣ за горами нашъ Милошъ (Милошъ Обиличъ). Туда! Душа моя обрѣтетъ покой лишь тогда, когда сербъ не будетъ рабомъ!»

Есть еще гимнъ, весьма распространенный во всѣхъ славянскихъ земляхъ и потому называемый общеславянскимъ: это—тоже призывный крикъ. Вотъ слова его: «Гей, славяне! еще не замолкла наша славянская рѣчь и будетъ жить въ насъ, пока бьется наше сердце! Пусть же живетъ духъ славянскій въ сердцахъ нашихъ во вѣки, пусть крѣпнетъ и противостоитъ адской злобѣ враговъ нашихъ! Кто посмѣетъ подавить нашу мысль и слово наше? Богъ далъ намъ эти дары. Пускай же враги наши въ количествѣ адскихъ демоновъ возстаютъ на насъ,—Богъ за насъ и погубитъ всѣхъ, кто противъ насъ.

Галицко-русскія пѣсни—что-то среднее между русскими и малороссійскими: рядомъ съ плавнымъ ритмомъ и задушевностью русской пѣсни въ нихъ сила страсти и причудливость мысли малороссійскихъ думокъ; но глубины мысли ни тѣхъ, ни другихъ нѣтъ въ нихъ,—онѣ всѣ почти легкаго содержанія. Напримѣръ, «Стоитъ яворъ надъ водою» и «Ой тамъ, на гори», какъ и большинство ихъ пѣсенъ, легкіе очерки или комическіе эпизоды изъ будничной жизни, иногда же просто отвлеченныя описанія извѣстной обстановки. Чтобы показать, какъ близокъ галицкій языкъ къ русскому, привожу одну пѣсню въ оригиналѣ:

Ой тамъ, на гори,
Мальовали маляры,
Мальовали черевычки,
Для хорошей молодычки,
Тай не знаты для которой...

Ой мати-жъ моя,
Позычь меня маляра;
Пойду соби выберу,
Черевички выкуплю,
У молодаго маляра.

За то вполнѣ оригинальны и выразительны и по содержанію пѣсни сербскія. Диссонансовые переходы и заключительные аккорды на субдоминантѣ дѣлаютъ иногда невозможнымъ подчинить пѣсню какой-либо гаммѣ, какъ, напримѣръ, «Сунце ярко не сіяшь еднако!»—старинная пѣсня, временъ владычества турокъ. Эта пѣсня, а также и «Коло Перо»—мрачны и торжественны. Веселыя же пѣсни тоже всѣ, какъ галицкія, легкаго содержанія, напримѣръ «Дѣвойка се у древовцу купа». Замѣчательно ориги-

9*

нально сербское многолѣтіе. Оно не имѣетъ мелодіи, а идетъ протяжно сплошными аккордами, безъ модуляціи главныхъ голосовъ. Въ первый разъ оно уже поражаетъ васъ отсутствіемъ мелодіи и мрачностью характера, совершенною безпримѣрностью такого произведенія у кого-либо. Вотъ этотъ-то полудикій характеръ сербскихъ пѣсенъ составляетъ рѣзкій контрастъ съ пѣснями хорватскими; несмотря на одинъ языкъ, онѣ ничего не имѣютъ общаго. Хорватскія пѣсни, вслѣдствіе вліянія ихъ музыкальныхъ сосѣдей, далеко не характеристичны по мелодіи, но за то чрезвычайно музыкальны: онѣ напоминаютъ итальянскія баркароллы, хотя бы напр. пѣсня «Oj talasi, mili ajte ćamac dale moj teriaite», т. е. милыя волны, гоните мой челнокъ дальше, и т. д. Но, неоспоримо, самая богатая, самая нетронутая сокровищница — русскія народныя пѣсни, причисляя къ нимъ и украинскія думки. Послѣднія весьма разнообразны, полны юмора и самыхъ причудливыхъ оттѣнковъ въ переходахъ; мелодія ихъ, вслѣдствіе ранняго введенія инструментовъ, гибка, полна огня, страсти, но по глубинѣ мысли и цѣлости картины бытовой жизни далеко уступаетъ великорусской поэзіи и пѣснѣ. Нѣкоторыя малороссійскія пѣсни сохранились съ XII вѣка, напр. характеристическая пѣсня «У Кіеви на ринку пьють козаки горілку» — это полная драматизма и прелести легенда о происхожденіи цвѣтка Иванъ-да-Марья: двое сиротъ, братъ и сестра, разошлись послѣ смерти родителей въ разныя стороны на чужбину и, потомъ случайно встрѣтившись и не узнавши другъ друга, слюбились; когда же тайна открылась, они сами осудили себя на смерть. Ихъ похоронили въ одной могилѣ и изъ праха ихъ выросъ цвѣтокъ двухцвѣтный, который по имени ихъ названъ «Иванъ-да-Марья». «Повстала Украина» — пѣсня временъ Іоанна Грознаго — носитъ чисто-воинственный характеръ; это типъ казацкой пѣсни. «Скигле чайка» есть плачъ о потерянной независимости Украйны; эта уже изъ позднѣйшихъ пѣсенъ. Она заключается энергическими жалобами: «Не вернетця Украина, не придуть гетмани, не покріють Украину червенки жупани!» Кромѣ періода пѣсенъ украинскихъ есть пѣсни временъ владычества пановъ-ляховъ; это было едва ли не самое тяжелое время для Малороссіи. Кромѣ того, въ Малороссіи много пѣлось, и поется нынѣ еще нищими, стиховъ духовнаго напѣва и содержанія; это просто цѣлая священная исторія въ пѣсняхъ: поется и объ Адамѣ и Евѣ, и объ искушеніи діавола, и о Дѣвѣ Маріи и т. п.

Позднѣйшія пѣсни—всѣ изъ быта народнаго; къ послѣднимъ относятся пѣсни чумацкія, а равно и колядовскія. Вліяніе Россіи вовсе не отразилось на пѣснѣ малороссійской, но за то русскія коренныя народныя пѣсни цѣликомъ поются во многихъ губерніяхъ, даже Харьковской и Полтавской. Этимъ обязаны русскимъ плотникамъ, которые съ сѣвера отправляются на заработки во всѣ стороны и разносятъ за собой и русскую пѣсню. Чѣмъ же богаче другихъ славянскихъ племенъ наша русская поэзія и пѣсня?—Разнообразіемъ содержанія. Народная поэзія находится въ тѣсной связи съ исторіей народа, исторія же Россіи преимущественно передъ другими славянскими государствами богата событіями и всѣ эти событія калейдоскопически отразились въ народной пѣснѣ. Преимущественно высоко-художественны русскія свадебныя пѣсни. Старинная эпическая пѣсня-былина отличается отъ позднѣе сложенной пѣсни, во-первыхъ, по содержанію: въ ней воспѣваются преимущественно герои дѣйствительные или сказочные,—и, во-вторыхъ, по напѣву. Напѣвъ былины самый монотонный и не обширный по регистру; кромѣ того, былина всегда состоитъ изъ двухъ рѣзко разграниченныхъ частей: первая часть и есть самый разсказъ одного лица, а вторая—повтореніе слушателями сказаннаго съ выраженіемъ удивленія, восторга, или одобренія разсказу. Былина съ теченіемъ времени начала измѣняться и потеряла свой отличительный характеръ, такъ что въ позднѣйшихъ былинахъ уже нѣтъ того замѣтнаго разграниченія, какъ въ старинныхъ. Въ такомъ видѣ она носитъ названіе *старины*, напр. «О Ермакѣ Тимоѳеевѣ», «О Бѣлокаменной Москвѣ», которая начинается такъ: «Зачиналась каменна Москва, зачинался въ ней и Грозный царь». Мало того, былина видоизмѣняется до того, что воспѣваетъ не однѣ доблести героевъ, но и отвлеченные предметы, что видно изъ знаменитой старины «о заморскихъ птицахъ», полной остроумія и юмора. Старина въ распространенномъ регистрѣ преобразовалась въ пѣсни. Пѣсни русскія раздѣляются на бытовыя, семейныя, разговорныя, бесѣдныя, шуточныя, полевыя, хороводныя, или игровыя, плясовыя, рекрутскія, обрядныя, величальныя, сговорныя, свадебныя, свадебно-шуточныя и завывальныя, къ которымъ относятся всѣ причитанія. Глубокая задушевность есть главная черта всѣхъ протяжныхъ пѣсенъ, неудержимая удаль—всѣхъ веселыхъ. Русскій человѣкъ все дѣлаетъ не въ мѣру,—у него все или густо, или пусто,—и эта черта тоже отразилась на пѣснѣ: онъ и ѣстъ, и

пьетъ, и голодаетъ, и радуется, и печалится—все не въ мѣру; его широкая, размашистая натура не можетъ держаться въ узкихъ предѣлахъ нѣмецкой умѣренности и аккуратности. По нѣскольку дней лежитъ онъ на печи зимой отъ нечего дѣлать и не чувствуетъ скуки, но за то, когда онъ работаетъ лѣтомъ въ потѣ лица на полѣ, спросите его, чувствуетъ ли онъ усталость? Нѣтъ, онъ еще затягиваетъ свою безконечно-протяжную полевую пѣсню, видя захожденіе солнца, и сѣтуетъ на необходимость покончить на сегодня съ работой. «Зачѣмъ ты, зорюшка, потухла ранымъ-ранешенько? Зачѣмъ ты зашло красное солнышко? Закатясь ты въ быстру рѣченьку, за лѣсъ спряталось. Не дала ты мнѣ, зорюшка, убраться съ поля-полюшка!» При звукахъ этой пѣсни передъ умственными взорами слушателя раскидываются обширныя поля, засѣянныя хлѣбомъ и орошенныя пóтомъ и кровью земледѣльца... И долго, долго слышится въ ушахъ послѣдній пропадающій звукъ, сопровождаемый по обыкновенію взмахомъ руки, который можно перевести такъ: «Э, да ну ихъ! Домой пора!» А у кого изъ славянъ найдете вы такую необъятную ширь, которая такъ ясно воспроизводится въ чудной пѣснѣ: «Ахъ, ты, степь моя, степь Моздокская, широко ты степь пораскинулась, къ морю Черному понадвинулась!» При звукахъ этой пѣсни дышется такъ полно, свободно и кажется, что нѣтъ конца ни степи, ни пѣснѣ... Безконечнымъ отчаяніемъ дышатъ рекрутскія пѣсни,—никто добровольно не идетъ на службу ратную, развѣ бобыль какой, такъ какъ приходится покидать семью, жену, малыхъ дѣтушекъ. И это безысходное горе остающейся въ чужой семьѣ молодушки, отправляющей мужа съ бóльшимъ отчаяніемъ, чѣмъ на смерть, эти напутственныя проклятія семьи—высказались въ пѣснѣ:

«Ужь никто-то по мнѣ, добромъ молодцѣ,
«Никто не потужитъ...
«Только тужитъ одна матушка,
«Мать родная...»

Молодая жена хоронитъ свое горе и только въ пѣсню изливаетъ свое душевное настроеніе:

«Не сама-то я плачу, плачутъ оченьки,
«Плачутъ очи ясныя...
«По неволюшкѣ изъ глазъ слезы катятся!»

Разбирать подробно всѣ лучшія пѣсни взяло бы слишкомъ много времени и заняло бы нѣсколько томовъ. Возьмемъ на выдержку по одной изъ каждаго рода. Свадебныя и сговорныя пѣсни можетъ-быть самыя прекрасныя изъ всѣхъ. Говоря о нихъ, невольно вспоминаешь чудную пѣсню: «Матушка, что во полѣ пыльно». Это разговоръ матери съ дочерью, родители которой уже *обѣщали* ее, а дочь и не вѣдаетъ про то. Ея безпокойное состояніе показываетъ однако, что она предвидитъ эту бѣду и, увидавши вдали на дорогѣ пыль, тревожно, но вмѣстѣ съ тѣмъ пытливо допрашиваетъ мать: «Матушка, что во полѣ пыльно?» И вотъ мать начинаетъ обманывать любимую свою дочь: — «Дитятко, кони разыгрались». — Но дочь не успокоивается: «Матушка, во дворъ гости ѣдутъ!... Во горенку идутъ!... За столы садятся!...» Не находитъ мать въ умѣ своемъ другихъ словъ, кромѣ: — «Дитятко, не бось, не пужайся!» — Но дочь все поняла. Молніей пробѣжала въ головѣ дѣвушки мысль о неизвѣстномъ будущемъ въ чужой семьѣ, далеко отъ дома: не пожалѣла ее родная матушка, продала во чужіе люди дочку милую, излюбленную. «Матушка, со стѣны образъ снимаютъ!... Меня благословляютъ!...» — уже, неудержно рыдая, вскрикиваетъ она. — «Моя дитятко, свѣтъ милое... Господь Богъ съ тобою!» — шепчетъ мать. Какая разница между этою пѣснью и сговорною словацкой «Ай чо бы бола». Въ послѣдней — свободная воля, самостоятельный выборъ, а тутъ — приневоливанье, рабство, страхъ неизвѣстности. Мать, любящая дочь, продаетъ ее, не считая нужнымъ имѣть ея согласіе на перемѣну жизни, и опытъ ея собственной судьбы не научилъ ее ничему, не остановилъ ея руку съ мечомъ надъ головой дочери. Вотъ это-то драматическое положеніе дѣйствующихъ лицъ въ пѣснѣ и придаетъ ей ту исключительную, обаятельную прелесть, тотъ художественный колоритъ, котораго нѣтъ и не можетъ быть въ пѣснѣ сговорной словацкой.

Разговорныя пѣсни очень распространены на сибирскихъ заводахъ и хотя на видъ кажутся наборомъ словъ, но имѣютъ въ дѣйствительности много скрытаго смысла. Одна изъ наиболѣе интересныхъ это «Дрёма». Сидитъ, видите ли, дрёма и дремлетъ и ничто не можетъ пробудить ее отъ дремоты. Ее будятъ: «Пора, дрёмушка, вставати, пора дрёмушкѣ играти!» Все напрасно. Наконецъ ее посылаютъ къ дѣвицамъ: «Иди, дрёма, по дѣвицамъ, цѣлуй, дрёма, до любови, бери, дрёма, кого хочешь». Тогда она встрепенулась, но не надолго, и затѣмъ «снова

дрёма задремала» и ничто не въ состояніи ее серьезно расшевелить... Не образъ ли это русскаго человѣка?

«Сударево дитятко», тоже разговорная пѣсня, какъ нельзя лучше изображаетъ русскую простонародную кумушку-побирушку, живущую Богъ вѣсть чѣмъ. Дѣтушекъ у нея семеро и ковригъ семеро... «Чѣмъ же будешь ты жить?»—спрашиваютъ ее. Но она не унываетъ: и лапотки будутъ, и все будетъ,—все люди дадутъ.—«Ну, а какъ люди не дадутъ?»—Украду, украду, батюшка, украду, родименькій! —«А воровъ-то у насъ больно бьютъ?»—Убѣгу, убѣгу, батюшка, убѣгу родименькій.

Какъ проста бытовая пѣсня «Спится мнѣ младешенькой», а какъ много говоритъ она сердцу. Правду сказалъ кто-то про нее, что она написана *слезами русской женщины*. Горька жизнь молодой бабы, оторванной отъ роднаго гнѣздышка, при условіяхъ замужства, изложенныхъ въ пѣснѣ: «Матушка, что во полѣ пыльно»... «Спится мнѣ младешенькой, дремлется!» И въ словахъ, и въ мелодіи столько нѣги, столько силы: это—сила сна для юной натуры, не въ конецъ еще забитой. Но противодѣйствіе этой силѣ живо является въ образѣ сердитаго свекора-батюшки, постукивающаго грозно по сѣничкамъ, и еще болѣе сердитой, неумолимой въ своемъ бабьемъ деспотизмѣ, свекрови-матушки, съ вѣчно несправедливымъ упрекомъ: «сонливая, дремливая, неурядливая!» Вотъ цѣлая картина русской семейной крестьянской жизни, полная слезъ и неподдѣльнаго чувства. Гдѣ же мужъ, жена котораго подвергается такому деспотизму отъ кровныхъ его отца и матери? Да вѣдь всякое понятіе—относительно, а въ крестьянской семьѣ это—не деспотизмъ, а настоящій порядокъ вещей, существующій и передающійся изъ рода въ родъ: мужъ въ отношеніи къ положенію жены передъ свекоромъ и свекровью ея играетъ пассивную роль, да и онъ самъ вѣчный несовершеннолѣтній, пока живетъ съ родителями и права голоса передъ ними *не долженъ имѣть*. Прерывается сонъ молодой бабы и тупо озирается она по сторонамъ, пока все ея безысходное горе снова не придетъ ей на умъ. Промелькнетъ у нея въ умѣ воспоминаніе о счастливой жизни ея у себя въ деревнѣ, въ домѣ батюшки и матушки, когда она была въ дѣвушкахъ. Тамъ ее жалѣли, тамъ она была первой пѣвуньей и плясуньей, а теперь?... Гдѣ беззаботность и радости прежнихъ лѣтъ?... Горе, трудъ и горючія слезы живо изроютъ морщины на ея уже поблѣднѣвшихъ щекахъ. Это бабье владычество свекрови до того невыносимо, что

вызываетъ въ молодомъ, кроткомъ существѣ протестъ и порождаетъ тотъ отчаянный моментъ, когда молодая, полная жизни натура срываетъ цѣпи съ своей свободы, или вѣрнѣе—съ свободы своего сердца, и вся отдается чувству свободной любви... И снова тихъ и успокоителенъ ея сонъ, снова легко дышется ей и играетъ улыбка на ея полуоткрытыхъ губахъ, потому что она чувствуетъ, что не свекоръ-батюшка, не свекровь-матушка, а «милъ-сердеченъ другъ по сѣничкамъ похаживаетъ»... и тихо, нѣжно шепчетъ ей на ухо: «Спи, спи, спи ты, моя умница! Спи, спи, спи ты, разумница... Загонена, забронена, рано выдадена!»

Кто броситъ камнемъ въ женщину за то, что любви проситъ ея сердце?... Развѣ не любила бы она такъ своего мужа, еслибы его выбрало ея сердце, еслибы, наконецъ, онъ стоилъ любви? Эта пѣсня цѣликомъ просится въ драмму, въ оперу,—зачѣмъ же пренебрегаютъ композиторы такими богатыми матеріалами? Пѣсня эта старинная,—она должна была существовать, когда не было Россіи и Малороссіи; она распространена не только въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ Россіи (преимущественно въ Тверской), но и въ губерніяхъ Кіевской и Черниговской, гдѣ она поется съ слѣдующими малороссійскими словами, очень близко подходящими къ русскимъ:

1) «Ой піду́ я у садочòкъ,
Въ зеленій барвиночокъ,
Тай лягу спаты;
А свекоръ іде,
Тай буде мині:
«Сонливая, дремливая,
«Тай ще ледащая,
«Невістко моя».

2) Ой піду́ я у садочòкъ,
Въ зеленій барвиночокъ,
Тай лягу спаты;
А свекровь іде,
Тай буде мині:
«Сонливая, дремливая,
«Тай ще ледащая,
«Невістко моя».

3) Ой піду́ я у садочòкъ,
Въ зеленій барвиночокъ,

Тай лягу спаты;
А миленькій іде,
Тай хвалыть мене:
«Втомылася, хвалывая,
«Серденько мое!
«Тыхше, діты,
«Не гудіте
«И маты свою
«Не будіте,
«Нехай вона спыть».

Образцомъ свадебно-шуточныхъ пѣсенъ можетъ служить пѣсня: «Какъ на сватушкѣ кафтанъ изъ рогожи весь сотканъ, какъ на сватѣ сапоги всѣ дырявыи». Пѣсню эту поютъ дѣвушки, если сватушка на блюдечко положитъ имъ полушку, или пуговицу—для смѣха; если же онъ раскошелится и положитъ серебряную монету, то онѣ поютъ ему: «Какъ на сватушкѣ кафтанъ весь изъ золота сотканъ, какъ на сватѣ сапоги да сафьяновыи». Просто шуточныхъ пѣсенъ много, также какъ и уличныхъ, отъ которыхъ нельзя почти отдѣлить ихъ. Въ этихъ краснорѣчіе идетъ въ pendant къ представленію *райка*; это — краснорѣчіе иногда даже подвыпившаго краснобая, который въ трезвомъ видѣ держитъ языкъ за зубами, а тутъ и удержи на него нѣтъ: напримѣръ, «Что подъ деревомъ такимъ», «Заиграй, моя волына», «Тпруська». Послѣдняя очень характеристична и замѣчательна тѣмъ, что М. И. Глинка взялъ мотивъ этой пѣсни для знаменитой «камаринской». Подъ эту пѣсню пляшутъ *трепака*. Что же касается до «Тереньки», то ее скорѣе можно отнести къ бытовымъ, и хотя ея обладающій элементъ—юморъ, но она не лишена драматизма. Пѣсня эта съ недлиннымъ текстомъ и самой незатѣйливою мелодіей, но тѣмъ не менѣе положеніе дѣйствующаго лица весьма отчетливо передано въ ней, и положеніе весьма курьезное, такъ что бѣдный Теренька въ одно и то же время возбуждаетъ и смѣхъ, и состраданіе. Хочетъ, видите ли, Теренька жениться. Чего бы, кажется, проще? Анъ не тутъ-то было. Рисуется въ его головѣ масса невеселыхъ картинъ: впереди всѣхъ встаетъ злая тетка Домна, которая *сама* женить его хочетъ. Наконецъ, онъ рѣшается преодолѣть это препятствіе, какъ вдругъ ему страшно дѣлается за свою воображаемую еще супружескую жизнь, такъ какъ «нынче куры поютъ пѣтухами, а жены стали

больше надъ мужьями». Передъ этимъ аргументомъ, говорящимъ противъ супружескихъ узъ, Теренька становится въ тупикъ и безсмысленно бормочетъ: «Или, или? Да или-или?» То-есть *такъ* поступить, или *этакъ*? Этотъ однообразный припѣвъ до того характеристиченъ, что чувствуешь борьбу въ душѣ Тереньки, которая для него то же Гамлетовское—«быть, или не быть».

Рабочія пѣсни доказываютъ, что какъ ни тяжела работа, но если она способна воодушевить человѣка, то гнета въ пѣснѣ не чувствуется,—напротивъ, она полна юмора и игривости. Кто не знаетъ пѣсни «Ой, дубинушка, охни!» Поется эта пѣсня по всей Россіи,—вездѣ, гдѣ только есть плотничья работа, и спорится отъ этой пѣсни работа. Работа плотничья тяжела, но не лишена поэзіи. Когда же напрасны оказываются ихъ старанія стащить *бабу*, не повѣсятъ они носовъ, потому что запѣвало затянетъ безконечную «Дубинушку» и какъ дойдетъ до куплета: «Что ты сваюшка встала, аль на камушекъ попала»,—глядь, ужь незамѣтно и подняли ребята упрямую бабу. Весело станетъ всякому, что прошла тяжелая минута, и начнутся подъ тотъ же напѣвъ прибауточки. Въ этой пѣснѣ свободная воля дается фантазіи и каждый силится перещеголять другаго краснорѣчіемъ. Кого-кого не переберутъ они по косточкамъ: и баръ, и макарьевскихъ мѣщанъ, и своего благочиннаго, потерявшаго тулупъ овчинный, и питерскихъ модистокъ (дѣвокъ модныхъ), и чернобровую Дуняшу. Припѣвъ «Ой, дубинушка, охни» какъ нельзя болѣе идетъ къ ударамъ топора, свисту пилы и стону обработываемаго лѣса. Впечатлѣніе этой пѣсни пріятное: слышна мощь и сознательный, производительный трудъ. Стѣны предмѣстья Варшавы «Воля» пали при звукахъ пѣсни: «Ахъ на что бы огородъ городить», при звукахъ же дубинушки должны бы были по-нашему пасть болѣе неприступныя стѣны,—до того эта пѣсня способна воодушевить всѣхъ. Не таково впечатлѣніе, оставляемое бурлацкою пѣсней: «Ой, ухнемъ! Еще разъ, еще разикъ!» Не сложна эта пѣсня, всего-то три, или четыре стиха и припѣвъ «ай-да, да ай-да», но сколько глубоко-скрытаго смысла, затаеннаго горя, безвыходной печали слышится въ этой, повидимому малозначительной, пѣснѣ. Слушаешь ее и видишь передъ собой всю эту отдѣльную касту безпредѣльныхъ тружениковъ-паріевъ, этихъ людей-машинъ, для которыхъ единственная задача въ жизни *идти* въ ногу. Вотъ тянется лямка, перекинутая черезъ плечо этой полуобнаженной, измученной толпы, въ тактъ идущей пустыннымъ

берегомъ Волги одинъ за другимъ. Солнце безжалостно печетъ обнаженныя головы бурлаковъ, опущенныя на грудь; босыя ноги уходятъ по колѣна въ сыпучій горячій песокъ, или вязнутъ въ землѣ, не обсохшей отъ разлива, а они все мѣрно, въ ногу, напряженно идутъ, идутъ... Думаютъ ли они, куда и зачѣмъ они идутъ?... Жалуются ли они, ропщутъ ли на судьбу?... Безполезно! Да и кому?—Всѣ идущіе въ той же вереницѣ чувствуютъ то же и не анализируютъ болѣе своего чувства. Крайность, одна крайность свела ихъ всѣхъ сюда, подъ знамя нечеловѣческаго труда. Худшаго для нихъ быть не можетъ, а лучшее все оставлено позади. Попраны всѣ человѣческія права. Но забыто ли все лучшее прошлое?—Едва ли!... Слишкомъ ясно чувствуется въ пѣснѣ скорбь: это—скорбь о лучшихъ дняхъ, потерянныхъ, можетъ-быть, безвозвратно, и она давитъ, пуще лямки, сердце бѣднаго бурлака. Да, правъ Некрасовъ: не пѣсня то, а стонъ, стонъ надломленной страданіями души.

Общій удѣлъ народныхъ импровизаторовъ, слагателей этихъ чудныхъ пѣсенъ, быть неизвѣстными. Эти самородки-геніи не думали о томъ, какое импровизація ихъ будетъ имѣть значеніе впослѣдствіи. Многіе пробовали *сочинять* народную поэзію, то-есть писать поддѣлываясь подъ народный духъ, какъ, напримѣръ, Карамзинъ въ своемъ «Муромцѣ». Кольцовъ, Никитинъ преимущественно писали въ духѣ простой, безыскусственной пѣсни, но все-таки пѣсни ихъ всегда отличишь отъ тѣхъ, которыя родились въ устахъ самого народа, его *невѣдующихъ*, *что творятъ*, великихъ импровизаторовъ. Записывать мелодіи коренныхъ народныхъ пѣсенъ такъ же трудно, какъ написать высоко-художественное музыкальное произведеніе; исполнить ее со всѣми ея мельчайшими оттѣнками, безъ которыхъ утрачивается характеръ пѣсни, еще труднѣе. За такое дѣло не можетъ браться человѣкъ мало знакомый съ народною жизнью,—не уловить ему секрета народнаго творчества. Поэтому исполнитель играетъ роль наравнѣ съ импровизаторомъ, если онъ изучилъ, постигъ духъ жизни народа, пѣсни котораго онъ поетъ, и глубоко проникнулся имъ, прочувствовалъ всякую букву пѣсни. Какъ бы ни было высоко-художественно драматическое произведеніе, поставленное на сцену, оно не произведетъ должнаго впечатлѣнія, если исполнители не поймутъ созданныхъ художникомъ типовъ и не воспроизведутъ ихъ со всѣми ихъ особенностями передъ публикой. Такіе же посредники должны быть между нами и нашимъ народомъ съ его

поэзіей. Первый изъ извѣстныхъ намъ артистовъ, посвятившихъ себя дѣлу такого посредничества, былъ Хантошкинъ, жившій во времена императрицы Екатерины. Духъ русскаго народнаго пѣснопѣнія былъ у него въ плоти и крови, онъ родился съ нимъ. Началъ онъ съ того, что игралъ народныя пѣсни на площадяхъ и на улицахъ, впослѣдствіи же обратилъ на себя вниманіе бояръ и дошелъ до дворца Екатерины, которая, какъ геніальная женщина, оцѣнила перваго русскаго народнаго музыканта. Удивительно, что Прачь, въ то же время составлявшій въ Петербургѣ свой сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, такъ мало заимствовалъ у Хантошкина, или вѣрнѣе—показывалъ видъ, что игнорируетъ его, отъ чего, конечно, пострадалъ его же сборникъ. Между тѣмъ потребность къ русской пѣснѣ уже была и съ 1770 года до нашего времени появилось нѣсколько сотъ изданій русскихъ народныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ впрочемъ большинство ограничивались однимъ текстомъ и цѣль большинствомъ изъ нихъ не достигалась. Первая честь собранія и изданія пѣсенъ принадлежитъ П. А. Демидову, жившему въ Тулѣ во второй половинѣ XVIII столѣтія. Затѣмъ пѣсни были просто перепечатаны съ его сборника Якубовичемъ и Калайдовичемъ.

Карамзинъ, искренно любившій народную поэзію, собиралъ пѣсни съ цѣлью издать сборникъ, но неизвѣстно, почему не сдѣлалъ этого. Изъ старинныхъ сборниковъ съ мелодіей и текстомъ наилучшіе—Кирши Данилова (былины), Стаховича и Кашина. Какъ ни полезны сборники народныхъ пѣсенъ, но они все-таки далеко не могутъ быть такъ полезны для ознакомленія съ пѣсней, какъ передача послѣднихъ инструментомъ, или живымъ инструментомъ—голосомъ. На этомъ поприщѣ несравненно меньше было дѣятелей. Правда, у насъ были композиторы, какъ Верстовскій, Глинка, Сѣровъ, которые черпали матеріалы для своихъ сочиненій въ богатствѣ народномъ, но они далеко не исчерпали его до дна. Какъ исполнитель временъ Верстовскаго и Глинки, извѣстенъ Бантышевъ. Ему не чуждъ былъ русскій духъ, но онъ не изучилъ глубоко народную поэзію, какъ, наприм., Хантошкинъ, а скорѣе исполнялъ только то, что случайно попадалось ему на глаза. Причиной того можетъ-быть была его служба при театрѣ, отнимавшая у него много времени, и отсутствіе самостоятельныхъ средствъ для того, чтобъ отказаться отъ нея. Въ позднѣйшее время хоровое пѣніе русскихъ народныхъ пѣсенъ введено было въ программу концертовъ, съ большимъ смысломъ и знаніемъ дѣла, из-

вѣстнымъ княземъ Ю. Н. Голицинымъ и имѣло громадный успѣхъ. Въ началѣ, можетъ-быть, прихотью помѣщика прежнихъ временъ былъ для него его крѣпостной хоръ, прекрасно исполнявшій, кромѣ народныхъ пѣсенъ, и духовныя сочиненія, но впослѣдствіи онъ совершенно посвятилъ себя этому дѣлу и сознательно, желая сдѣлаться посредникомъ между народомъ и обществомъ, вышелъ на эстраду, окруженный пѣвческимъ людомъ. Хоръ этотъ подъ мановеніемъ его руки, руководимый въ свою очередь его русскою душой, проникалъ въ душу слушателей, а въ нихъ не было недостатка въ концертахъ Голицына. Жаль, что ранняя смерть лишила насъ такого дѣятельнаго поборника русской народной поэзіи, русской народной пѣсни. Какъ ни малочисленны были попытки сближенія народа съ образованнымъ сословіемъ и посвященія послѣдняго въ историческія тайны перваго черезъ посредство пѣсни, но онѣ все-таки не пропали безслѣдно,—напротивъ, онѣ породили наконецъ въ средѣ нашей человѣка не частью, а всецѣло посвятившаго себя этому дѣлу. Мы говоримъ о нашемъ, такъ любимомъ публикой, извѣстномъ народномъ пѣвцѣ Д. А. Славянскомъ, который занялся *дѣльнымъ дѣломъ*.

Не было бы Хантошкина, Бантышева, Голицына, можетъ-быть не было бы и Славянскаго,—они проложили ему путь и онъ неуклонно идетъ по этому пути. Неусыпность, съ которою онъ, единственный въ настоящее время представитель народной пѣсни, служитъ своему дѣлу, дѣлу своего народа, даетъ намъ право сказать о немъ нѣсколько правдивыхъ словъ.

Всѣ очень хорошо знаютъ, что сухіе ученые трактаты о народной поэзіи недоступны массѣ и далеко не достигаютъ той цѣли, которая достигается звуками голоса, а пѣніе пѣсенъ Славянскаго проникаетъ въ душу каждаго, отъ сферъ поддевки до салоновъ, и апатичный ко всему людъ этихъ послѣднихъ оказываетъ живое сочувствіе пѣснѣ, исходящей изъ его устъ. Приведемъ слова одного музыкальнаго рецензента во время его концертовъ въ Москвѣ: «Дѣвственный покровъ снятъ съ русской пѣсни; завѣса, скрывавшая отъ насъ русскаго человѣка, прорвана; блеснулъ свѣтлый лучъ сквозь непонятный, но давящій насъ туманъ чужеземнаго. Это—не мертвечина, ничего не имѣющая общаго съ нами, ласкающая только нашъ слухъ, это—пѣсня идущая отъ души въ душу. Такой пѣвецъ—не простой воспроизводитель, онъ отчасти и творецъ; его пѣніе идетъ объ руку съ

вдохновеніемъ и вдохновеніе это сообщается слушателямъ. Толчокъ къ изученію народа данъ, надо только поддерживать его; теоретическіе же изслѣдователи не способны поддержать его, какъ неспособны и возбудить. Для массы важно прежде всего художественное исполненіе и толковая передача пѣсни, рисующая въ воображеніи картины народнаго быта. Цѣлый курсъ исторіи можетъ быть преподанъ рядомъ пѣсенъ. Картина русской природы со всѣмъ ея разнообразіемъ просится въ пѣсню, которая не оставила ни временъ года, ни разнообразія климата, наравнѣ съ историческими событіями, безъ того, чтобы не воспѣть ихъ. А бытъ?... Начиная съ родинъ, свадебъ, похоронъ, вся жизнь семейная, промышленная, общественная—въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, жизнь духовная наконецъ—все воспѣто. Куски готоваго матеріала лежатъ въ неисчисленномъ множествѣ; они только ждутъ зодчаго, который бы сложилъ изъ нихъ—и притомъ не одно цѣлое, но нѣсколько цѣлыхъ, обширныхъ произведеній, называя ихъ, какъ угодно, драмой, или оперой. Здѣсь начало цѣлаго курса народо-образовательнаго, столь обильнаго послѣдствіями дальнѣйшаго развитія, что ихъ ни предвидѣть, ни исчислить нельзя. Дайте намъ театръ, — театръ чисто-народный, основою котораго служила бы русская пѣсня съ одной и русская игра, мимика,—однимъ словомъ, русская пляска—съ другой стороны. Мы не безъ основанія причисляемъ сюда пляску. Пляска русская есть тоже драма, безконечно разнообразная и притомъ точно также не отдѣльная отъ пѣсни, какъ сама пѣсня своими звуками неотдѣлима отъ своего текста и того бытоваго смысла, который въ ней изображается. Пляска русская еще ждетъ для себя своего Славянскаго. Русская пѣсня, умно выбранная изъ безконечнаго репертуара,—русская пляска, умно составленная изъ безконечнаго разнообразія, къ которому способна, и умно приложенная и къ тексту, и къ мотивамъ,—это сочетаніе будетъ не просто развлеченіемъ для народа, но школой его общественнаго воспитанія, зеркаломъ его жизни, просвѣтленіемъ его самосознанія,—нитью, которая свяжетъ отбѣжавшій высшій классъ и отставшій низшій взаимно между собою новыми и тѣснѣйшими узами. Ободрится и выростетъ народъ и получитъ новыя побужденія къ дальнѣйшему творчеству черезъ воспроизводимыя передъ нимъ, очищенныя выборомъ и художественнымъ исполненіемъ, собственныя произведенія; полюбимъ еще болѣе свой народъ и мы, отведенные было отъ него рукою исторіи; освѣжимся и по-

черпнемъ новыя силы въ ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ; дополнитъ остальное взаимный обмѣнъ, но обмѣнъ на болѣе разумныхъ основаніяхъ и въ болѣе осмысленномъ видѣ, чѣмъ онъ происходитъ теперь, когда народъ подбираетъ себѣ отъ насъ романсы и аріи черезъ переднія изъ домовъ и шарманки съ улицъ, и когда мы принимаемъ отъ него тоже какую-нибудь *Лучинушку*, или *Не бѣлы снѣжки*—тоже чуть не исключительно черезъ шарманки и людскія. Вотъ съ этой-то точки зрѣнія и полезны концерты Славянскаго. Онъ придаетъ волшебную прелесть русской народной пѣснѣ, придавая ей характеристическіе, художественные оттѣнки, вполнѣ совпадающіе съ народнымъ духомъ. Слушая пѣніе Славянскаго и его капеллы, чувствуешь себя какъ бы среди громадной родной семьи. Эта семья—русскій народъ, эта семья—всѣ славяне. Что-то слышится родное въ этихъ знакомыхъ звукахъ, въ этихъ *не чужихъ* пѣсняхъ, въ этихъ не ломающихся на сентиментальный ладъ мелодіяхъ. На душѣ становится то тяжело, то легко, то грустно, то весело, то чего-то жалко; становится тѣсно среди слишкомъ искусственной обстановки и душа проситъ природы, проситъ простора. Въ воображеніи воскресаютъ лѣса, поля, луга, рѣки и вся, полная жизни, природа. Картины замѣняются картинами: то чувствуешь себя въ далекомъ прошедшемъ, то ожидаешь живаго будущаго, но съ любовью приникаешь къ хорошему въ настоящемъ. Одни ощущенія смѣняются другими и всѣ они искренни и глубоки: слушаешь пѣніе, слушаешь—и снова упиваешься роднымъ словомъ и роднымъ звукомъ, и не знаешь, звуки ли это, обращенные въ слова, или слова, обращенныя въ звуки, или, наконецъ, сама душа человѣка, воплотившаяся въ звуки и слова. Да, всѣ геніи черпали свое вдохновеніе изъ народнаго источника и важную услугу дѣлаетъ тотъ, кто воспроизводитъ народность въ какой бы то ни было художественной формѣ — въ музыкѣ, литературѣ, ваяніи, живописи. А пѣніе Славянскаго, по мнѣнію корреспондента Львовскаго *Слова*, «камню даетъ слово». Чтобъ уловить и передать до такой степени отчетливо глубокій смыслъ пѣсни, надо имѣть сердце, бьющееся за-одно съ творцомъ пѣсенъ—народомъ, знать вполнѣ его горе и радости и имѣть въ душѣ много собственнаго божественнаго огня, чтобы создать передъ слушателями полную иллюзію, проникнуть въ сердца и затронуть въ нихъ до боли русскую жилку. Москва—сердце Россіи, Москва—мать городовъ русскихъ, она любитъ все родное, и съ тѣхъ поръ, какъ былины

сдѣлались предметомъ изученія, уже былины были исполнены въ концертахъ Славянскаго. 1872 года онъ воспроизвелъ передъ слушателями впервые сѣдую старину, впервые Бѣлокаменная матушка наша огласилась звуками былины «О ласковомъ князѣ Владимірѣ и о бабьемъ прелестникѣ Чурилѣ Плѣнковичѣ». Воскресла мертвая древность, вышли изъ гробовъ дѣйствительные и сказочные герои—развѣ это не заслуга? Когда же мы услышимъ еще двѣ былины, исполненныя уже въ нѣкоторыхъ городахъ: «О Ермакѣ Тимоѳеевичѣ» и о «Бѣлокаменной, Москвѣ?» Пусть Славянскій не оставляетъ своей задачи облечь въ звуки душу народа и вдохновляетъ слова пѣсни такимъ чувствомъ, передъ которымъ не устояло бы ни одно русское сердце».

Много значитъ сжиться съ народомъ, сдѣлать для себя доступными его интересы; тогда только искренностью могутъ звучать въ каждомъ звукѣ и тяжелая, гнетомъ гнетущая, вѣками накопившаяся, грусть, и залихватская, ничѣмъ неудержимая удаль, и краснобайство природнаго русскаго ума, и неподдѣльная грація юной и свѣжей Малороссіи, и вопль чеха, и сосредоточенная ненависть серба... Славянскій хорошо усвоилъ себѣ это свойственное русскому мужичку затягиваніе и замираніе звука, что очень красиво въ пѣснѣ «Эй, ухнемъ!» Тамъ это замираніе звука изображаетъ удаляющуюся лямку, а съ нею и уходящіе въ необъятную даль звуки. Характеристично также детонированіе на слохѣ *ух* (ухнемъ), указывающее на физическое усиліе, дѣлаемое бурлаками. Не нравиться, или не производить никакого впечатлѣнія могутъ только на того русскія пѣсни, чье сердце не бьется подъ ритмъ народнаго стиха, чье чувство оторвано отъ матери-родины, кто—паразитъ на русской родной почвѣ!

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Дѣтство и первая юность.

(Посвящается памяти Люши Висковатова.)

ГЛАВА II *).

Переселеніе въ Москву и воспитатель Жандро.—Былые разсказы.—Вліяніе наполеоновскихъ войнъ.—Жандро и Ле-Гранъ.—Патріотическія чувства. — Недовольство положеніемъ дѣлъ послѣ 25-го года отражается на музѣ Лермонтова.—Новые наставники; приготовленіе къ вступительному экзамену благороднаго университетскаго пансіона.—Историческій очеркъ пансіона.—Положеніе пансіона въ бытность въ немъ Лермонтова.—Наставники: Зиновьевъ, Мерзляковъ и другіе.

Когда Лермонтову минуло 13 лѣтъ, рѣшено было продолжать его воспитаніе въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ. Бабушка повезла внука въ Москву и наняла квартиру на Поварской. Лермонтова сопровождалъ, замѣнившій прежняго гувернера Кана, французъ Жандро. Жандро былъ полковникомъ наполеоновской гвардіи. Раненымъ попался онъ въ плѣнъ. Добрые люди ходили за нимъ и поставили его на ноги. Онъ однакоже оставался хворымъ, не могъ привыкнуть къ климату, но, полюбивъ Россію и найдя въ ней кусокъ хлѣба, свыкся и глядѣлъ на нее какъ на вторую свою родину. И послужилъ же онъ ей, ставъ наставникомъ великаго ея поэта.

Лермонтовъ очень любилъ Жандро, о коемъ сохранилась добрая память и между старожилами села Тарханы; любилъ онъ его больше всѣхъ других своихъ воспитателей. И если бывшій офицеръ наполеоновской гвардіи не успѣлъ вселить въ питомцѣ своемъ особенной любви къ французской литературѣ, то онъ научилъ его тепло относиться къ генію Наполеона, котораго Лер-

*) *Русская Мысль*, кн. X.

монтовъ идеализировалъ и не разъ воспѣвалъ. Можетъ быть также, что военные разсказы Жандро не мало способствовали развитію въ мальчикѣ любви къ боевой жизни и военнымъ подвигамъ. Эта любовь къ браннымъ похожденіямъ вязалась въ воображеніи мальчика съ Кавказомъ, уже поразившимъ его во время пребыванія тамъ, и съ разсказами о немъ родни его. Одна изъ сестеръ бабушки поэта, Екатерина Алексѣевна Столыпина, была замужемъ за Хостатовымъ, жившимъ въ своемъ имѣніи близъ Пятигорска. Имѣніе это было на Терекѣ и именовалось Шелковицей (Шелкозаводскъ), или «земной рай», какъ называли его по превосходному мѣстоположенію. Съ такимъ названіемъ еще можно было примириться, принимая въ соображеніе несовершенство всего земнаго. Назвать имѣніе «раемъ небеснымъ» нельзя было уже потому, что небесное намъ представляется мирнымъ, а мира-то въ этой мѣстности тогда именно и не было: имѣніе подвергалось частымъ нападеніямъ горцевъ; кругомъ шла постоянная мелкая война. Однако Екатерина Алексѣевна такъ привыкла къ ней, что мало обращала вниманія на опасность. Если тревога пробуждала ее отъ ночнаго сна, она спрашивала о причинѣ звуковъ набата: «Не пожаръ ли?» Когда же ей доносили, что это не пожаръ, а набѣгъ, то она спокойно поворачивалась на другую сторону и продолжала прерванный сонъ. Безстрашіе ея доставило ей въ кругу родни и знакомыхъ шуточное названіе «авангардной помѣщицы» [17]).

Хостатовы навѣщали Арсеньеву въ Тарханахъ, живя мѣсяцами въ сосѣднемъ имѣніи своемъ Апалихѣ [18]). Мальчикъ Лермонтовъ жадно прислушивался къ волновавшимъ его фантазію разсказамъ и дѣлился своими впечатлѣніями съ Жандро.

То было на Руси время удивительное—эти годы послѣ отечественной войны. Давно Россія на землѣ своей не видала враговъ. Долгій и крѣпкій сонъ, которымъ спала особенно провинція, былъ нарушенъ. Очнувшійся богатырь разомъ почувствовалъ свою мощь, позналъ любовь свою къ родинѣ такъ, какъ сказалась она въ немъ развѣ два вѣка назадъ, въ 1612 году. Стихійныя чувства пробудились, смолкла взаимная вражда мелкихъ интересовъ, перестали существовать сословные предразсудки, забылись привилегіи классовъ, отупились чувства собствен-

---

[17]) Изъ разсказовъ о Лермонтовѣ Аркадія Дмитріевича Столыпина, записанныхъ мною въ Орлѣ со словъ его въ октябрѣ 1880 г. Сравни то же, что говорилъ Лонгиновъ. *Р. Старина*, 1873 г., т. VII, стр. 391.

[18]) См. гл. I, стр. 14, прим. 4.

ности и каждый, въ коемъ не изсохла душа,—а такихъ людей, слава Богу, было много,—каждый чувствовалъ, что все его достояніе, весь онъ самъ, все его я, принадлежитъ народу и землѣ родной. Этому народу, этой землѣ приносилось въ даръ достояніе, какъ легко добытое, такъ и трудами накопленное. Оно приносилось въ даръ или прямо родинѣ, или уничтожалось, чтобы не попалось въ руки врага и черезъ то не послужило бы во вредъ родной землѣ.

Весь существовавшій до той поры порядокъ былъ нарушенъ. Соціальный строй общества измѣнился. Понятія *мое* и *твое* перестали существовать; всѣ были поглощены заботами объ общемъ достояніи народа. Въ общественномъ понятіи воцарились равенство и братство, а за достиженіе свободы всѣ равно бились и умирали. Въ Россіи заговорили тѣ же поднимающія духъ истины, которыя электризовали французскій народъ въ эпоху великой революціи. Вотъ почему, несмотря на вражду, эти два народа, именно въ эту годину бѣдъ, ближе познали другъ друга и преклонились, въ лучшихъ людяхъ своихъ, передъ одними и тѣми же идеалами. Взаимныя симпатіи и удивленіе великодушнымъ чертамъ характера держались упорно, несмотря на проснувшійся патріотизмъ. Удивительно, что пробудившееся у насъ самоуваженіе, забытое-было среди лжи поклоненія всему иноземному, никогда не доводило русскихъ до ослѣпляющаго самомнѣнія. Еще Петръ побѣдителемъ подъ Полтавой въ шатрѣ своемъ

«За учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ».

Пожегшій добро свое, русскій, голодный и безпріютный, дружески относится къ плѣнному французу. Говорятъ, Наполеонъ подъ Аустерлицемъ съ соболѣзнованіемъ и симпатіей глядѣлъ на храбро гибнувшихъ русскихъ.

Однако зачѣмъ же превозносить русскихъ? Не было ли того же одушевленія и въ Германіи?—скажутъ мнѣ.—Да, и тамъ было оно, и тамъ были люди, которые жертвовали послѣдними грошами своими въ войну за освобожденіе. Да это было не то,—собственность свою вообще тамъ не забывали. Гдѣ же уничтожали передъ врагомъ свое добро? Гдѣ тамъ горожане жгли города свои, крестьяне—избы и жатву, купцы—свои запасы? Гдѣ же горѣла Москва, Смоленскъ? Гдѣ купецъ Ѳерапонтовъ, увидавъ въ своей лавкѣ солдатъ, расхищавшихъ добро его и насыпавшихъ пше-

ничную муку въ ранцы свои, кричалъ имъ: «Тащи все, ребята! Не доставайся дьяволамъ... Рѣшилась Россія, рѣшилась! Самъ запалю» *).

«А развѣ мы не доказали въ 12-мъ году, что мы—русскіе? Такого примѣра не было отъ начала міра... Мы—современники и вполнѣ не понимаемъ великаго пожара въ Москвѣ; мы не можемъ удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родились вмѣстѣ съ русскими. Мы должны гордиться, а оставить удивленіе потомкомъ и чужестранцамъ»—такъ разсуждаетъ 17-тилѣтній Лермонтовъ [19]).

Трудно провести параллель между тогдашнею Россіей и Германіей. Тамъ сожженіе своей собственности русскими казалось признакомъ варварства: «русскіе не доросли еще до Eigenthumsgefühl'а» (чувства уваженія къ *своей* собственности), поясняли тогда, да и теперь это услышишь. Можетъ-быть это и недостатокъ культуры. Можетъ-быть «культуртрегеры» нѣмцы и обучатъ насъ иному, но только фактъ остается фактомъ и идеи общаго человѣческаго достоинства, идеи французской революціи, разнесенныя по лицу Европы наполеоновскими войнами, коснулись насъ сильнѣе и отозвались въ лучшихъ умахъ нашихъ, запечатлѣвшихъ 25-ти-лѣтнимъ страданіемъ въ Сибири свои декабрскія заблужденія.

Пусть декабристы наши повлекли за собою гоненіе на многія молодыя, увлекавшіяся силы, погибшія рано, безъ прямой пользы родинѣ, все же отъ нихъ мы считаемъ новую эру умственнаго нашего развитія. Это была наша первая эпоха возрожденія умовъ, а эти умы воспитали наполеоновскіе походы. Не ровнять тогдашнюю Россію съ Германіей по культурѣ и общему развитію, но только мы, или то немногое, что среди насъ было тогда культурнаго, сильнѣе восприняло въ себя идеалы добра и человѣколюбія. Правительство русское еще боролось противъ подавляющей меттерниховской системы, и когда вся Германія склонила подъ нее выю свою, Россія послѣдняя бросилась въ объятія печальной реакціи, отъ которой не могли отвратить ее утописты-мечтатели «союза благоденствія».

Удивительно, какъ лучшіе люди смотрѣли тогда на Наполеона. Поражала своимъ величіемъ эта мощь человѣка, поднявшагося,

---

*) Толстой, «Война и миръ.—Сожженіе Смоленска».

[19]) «Юношескія драмы» М. Ю. Лермонтова. С.-Петербургъ, 1880 г., изд. Ефремова, стр. 225.

благодаря только собственной своей силѣ, до величайшей власти, умѣвшаго подавить многоголовую гидру анархіи и междоусобія французскаго народа. Тутъ было что-то роковое, все сокрушающее и сокрушившееся само о другую, неизвѣстную ей, тоже роковую силу.

Пошелъ великанъ чужой земли на русскаго великана, пошелъ на дерзкій бой съ невѣдомою ему силой. Да и самъ-то русскій великанъ сознавалъ ли свою силу, зналъ ли, гдѣ она у него таилась? Можетъ-быть вслѣдствіе этого незнанія и были такъ дерзки притязанія роковаго витязя чужой намъ земли. Сошлись витязи;

«Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ,
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій и упалъ» *).

Съ удивленіемъ, если не съ благоговѣніемъ относились умы къ личности Наполеона, и не было рабочаго кабинета, гдѣ бы не находился столбикъ съ куклою чугунной:

«Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками сжатыми крестомъ».

Войны съ Франціей не охладили симпатіи русскихъ къ французамъ, а напротивъ усилили ее. Удивительно, что не только семьи наводнились воспитателями-французами, но даже въ казенныхъ заведеніяхъ можно было встрѣтить французовъ-наставниковъ, съ полною симпатіей относившихся къ идеаламъ французской революціи. Такъ въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ профессоромъ французской словесности былъ братъ Марата, *весьма уважавшій память извѣстнаго французскаго террориста* и пріязненно относившійся къ демократическимъ идеямъ [20]).

Разсказы Жандро, повидимому, имѣли на Лермонтова вліяніе подобное тому, какое на Гейне-ребенка имѣлъ вліяніе Ле-Гранъ, солдатъ-барабанщикъ наполеоновской арміи, стоявшій въ домѣ родителей поэта въ Дюссельдорфѣ [21]). «Когда я не понималъ

*) „Соч. Лермонт.", т. I, стр. 78.

[20]) Анненковъ: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, въ Александровскую эпоху», стр. 34.

[21]) Heinrich Heine „Sämtliche Werke. Reisebilder: Das Buch „Le Grand", cap. VII — X. Сравни тоже „Statsmann H. Heine Leben und Werke", т. I, стр. 19 и д.

слова «liberté»,—разсказываетъ Гейне,—онъ билъ маршъ «Марсельезы» и я схватывалъ значеніе слова. Когда я не понималъ, что значитъ égalité», онъ билъ маршъ ça-ira, ça-ira..., и я понималъ»... Внимая Ле-Грану, Гейне научился любить Наполеона. «Я видѣлъ переходъ черезъ Симплонъ: впереди всѣхъ императоръ, а за нимъ лѣзли, цѣплялись храбрые гренадеры. Испуганныя птицы съ крикомъ кружились надъ ними, а вдали слышится громъ обваловъ.—Я видѣлъ императора на Лодіевскомъ мосту съ знаменемъ въ рукахъ.—Я видѣлъ императора въ сѣрой шинели въ битвѣ при Маренго.—Я видѣлъ императора на лошади, въ бою, у подножія пирамидъ, окружённаго пороховымъ дымомъ и мамелюками.—Я видѣлъ императора подъ Аустерлицемъ и слышалъ, какъ свистѣли пули надъ ледяною равниной.—Я видѣлъ, я слышалъ бой подъ Іеною, подъ Эйлау, подъ Ваграмомъ».

Объ императорѣ и войнахъ его разсказывалъ своему питомцу конечно и Жандро, въ особенности же о Бородинскомъ сраженіи. Толки объ этомъ кровавомъ днѣ не разъ приходилось слышать Лермонтову и отъ русскихъ: разсказывали и старъ и младъ,—и тѣ, которые бились начальниками, и тѣ, что сражались воинами-ратниками,—всѣ эти восторженные патріоты, готовившіеся къ смерти, чаявшіе пасть за родину и наканунѣ великой битвы облекавшіеся въ чистыя, бѣлыя рубахи, чтобы въ нихъ встрѣтить славный конецъ. Да,

«Все громче Рымника, Полтавы
Гремитъ Бородино» *)—

восклицаетъ въ патріотическомъ восторгѣ 17-ти-лѣтній Лермонтовъ, набрасывая въ 1831 году первый очеркъ стихотворенія, изъ котораго позднѣе выработалось знаменитое «Бородино».

Патріотизмъ, охватившій Германію во время французскихъ войнъ, выработалъ ненависть къ націи,—ненависть, за весьма небольшими исключеніями, общую. Въ Россіи этого не было.

Даже освободивъ Европу и поборовъ французовъ, Россія, какъ Петръ за побѣжденныхъ шведовъ, поднимала заздравный кубокъ за «учителей своихъ». Но, замѣчательно, прежде было поклоненіе французамъ, теперь же отношеніе къ нимъ измѣнилось. Благоговѣя передъ идеями, коихъ они были носителями, или удивля-

---

*) „Соч. Лермонт.", т. II, стр. 133.

ясь имъ, все же стали ко многому относиться критически. Лермонтовъ съ 30 года и до 41, до конца своей дѣятельности, постоянно занимается то Наполеономъ, то Франціей [22]). Сужденіе его о нихъ видимо измѣняется и зрѣетъ, но любовь къ импера-

[22]) Еще въ первой юношеской тетради, писанной въ пансіонѣ 1829 г. подъ № 27, мы встрѣчаемъ стихотвореніе «Наполеонъ», въ коемъ борятся симпатіи къ Наполеону съ чувствомъ непріязненности къ нему, коимъ дышали еще разсказы русскихъ, хорошо помнившихъ годину французскаго нашествія.

Молодой пѣвецъ въ полночь попадаетъ на островъ Св. Елены,

Гдѣ бьетъ волна о брегъ высокій,
Гдѣ дикій памятникъ небрежно положенъ,—
Въ сырой землѣ, и въ ямѣ неглубокой,
Тамъ спитъ герой, друзья, Наполеонъ.

Пѣвецъ, восхищаясь «героемъ дивнымъ», все же упрекаетъ его, «зачѣмъ онъ такъ за славою гонялся»,

Для чести славу презиралъ,
Съ невинными народами сражался
И скипетромъ стальнымъ короны разбивалъ...

. . . .

Длинный рядъ упрековъ и поэтическихъ изліяній перерывается появленіемъ тѣни Наполеона.

Умолкъ пѣвецъ. Струится въ жилахъ хладъ,—
Онъ тайнымъ ужасомъ объятъ,
И струны лопнули, и тѣнь ему предстала.
«Умолкни,—о пѣвецъ!—спѣши отсюда прочь,
Съ хвалой иль язвою упрека,—
Мнѣ все равно,—въ могилѣ вѣчно ночь;
Тамъ нѣтъ ни почестей, ни счастія, ни рока.
Пускай исторію страстей
И дѣлъ моихъ хранятъ далекіе потомки:
Я презрю пѣснопѣнья громки,—
Я выше и похвалъ, и славы, и людей».

Въ тетрадяхъ 1830 года мы находимъ тоже стихотвореніе „Наполеонъ“. Оно значительно зрѣлѣе перваго.

Наполеонъ.

(Дума.)

Въ невѣрный часъ, межъ днемъ и темнотой,
Когда туманъ синѣетъ надъ водой,—
Въ часъ грѣшныхъ думъ, видѣній, тайнъ и дѣлъ,
Которыхъ лучъ узрѣть бы не хотѣлъ,
А тьма укрыть,—чья тѣнь, чей образъ тамъ,

тору остается все та же. Да съ годами можетъ-быть еще увеличивается, и увеличивается именно тогда, когда онъ бичуетъ французовъ.

«Мнѣ хочется сказать великому народу:
Ты—жалкій и пустой народъ»,—

жалкій до того, что духъ Наполеона, примчавшійся въ Парижъ, на свиданіе съ новою гробницей, гдѣ прахъ его лежитъ, пожалѣетъ

На берегу, склонивши взоръ къ волнамъ,
Стоитъ вблизи нагбеннаго креста?
Онъ—не живой, но также не мечта:
Сей острый взглядъ, съ возвышеннымъ челомъ,
И двѣ руки, сложенныя крестомъ.

Предъ нимъ лепечутъ волны и бѣгутъ,
И вновь приходятъ и о скалы бьютъ;
Какъ легкія вѣтрины, облака,
Надъ моремъ носятся издалека.
И вотъ глядитъ невѣдомая тѣнь
На тотъ востокъ, гдѣ новый брезжетъ день:
Тамъ—Франція, тамъ край ея родной
И славы слѣдъ, быть-можетъ, скрытый иглой;
Тамъ средь войны ея неслися дни...
О, для чего такъ кончились они!?

Прошли... О, слава, обманувшій другъ!
Опасный ты, но чудный, мощный звукъ.
О, скиптръ!... О васъ забылъ Наполеонъ.
Хотя давно умершій, любитъ онъ
Сей малый островъ, брошенный въ моряхъ,
Гдѣ сгнилъ его и червемъ съѣденъ прахъ;
Гдѣ онъ страдалъ, покинутъ отъ друзей,
Презрѣвъ судьбу съ гордыней прежнихъ дней;
Гдѣ стаивалъ на берегу морскомъ,
Какъ нынѣ, грустенъ, руки сжавъ крестомъ.

О, какъ въ лицѣ его еще видны
Слѣды заботъ и внутренней войны,
И быстрый взоръ, давящій слабый умъ,
Хоть чуждъ страстей, все полонъ прежнихъ думъ!
Сей взоръ, какъ трепетъ, въ сердце проникалъ
И тайныя желанья узнавалъ.

«О дальнемъ островѣ, подъ небомъ южныхъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ, непобѣдимый,
Какъ онъ, великій океанъ».

Лермонтовъ, конечно, не разъ слышалъ разсказы людей, испытавшихъ славное время на Руси и въ концѣ 20 годовъ уже чувствовавшихъ гнетъ реакціи.

Въ Москвѣ, куда перебралась Арсеньева на постоянное жительство, онъ могъ ихъ видѣть довольно, и что онъ чутокъ былъ къ жалобамъ ихъ, что соціальные вопросы и мысли о положе-

---

Онъ тотъ же все, и той же шляпой онъ,
Сопутницею жизни, осѣненъ.
Но посмотри, ужь день блеснулъ въ струяхъ,
Нѣтъ призрака,—всё пусто на скалахъ.

Нерѣдко внемлетъ житель сихъ бреговъ
Чудесные разсказы рыбаковъ,
Когда гроза бунтуетъ и шумитъ,
И блещетъ молнія, и громъ гремитъ,
Мгновенный лучъ нерѣдко озарялъ
Печальну тѣнь, стоящую межъ скалъ.
Одинъ изъ нихъ, какъ ни былъ страхъ великъ,
Могъ различить недвижный смуглый ликъ
Подъ шляпою, съ нахмуреннымъ челомъ,
И двѣ руки, сложенныя крестомъ.

Вслѣдъ за этимъ стихотвореніемъ написана «эпитафія Наполеону»:

Да, тѣнь твою никто не порицаетъ,
Мужъ рока! Ты съ людьми, что надъ тобою рокъ.
Кто могъ тебя вознесть, лишь тотъ низвергнуть могъ,
Великое-жь никто не измѣняетъ.

Затѣмъ въ 1831 г. пишетъ онъ:

Хоть побѣжденный, но герой!
Родился онъ игрой судьбы случайной
И пролетѣлъ какъ буря между скалъ;
Онъ міру чуждъ былъ. Все въ немъ было тайной:
День возвышенья — и паденья часъ!

Наполеонъ, этотъ, по выраженію Пушкина, „мужъ рока“, долго занималъ Лермонтова. Въ 1836 г. онъ изображаетъ столкновеніе французскихъ полчищъ съ русскими, иноземнаго великана съ русскимъ (соч. т. I, стр. 78). Дальше уже вполнѣ выясняется отношеніе Лермонтова къ самому Наполеону: личная симпатія его къ французск. герою—„Воздушный корабль“ въ 1840 г. (соч. т. I, стр. 189) и послѣднее „Новоселье“ въ 1841 г. (соч. т. I, стр. 208), гдѣ поэтъ открываетъ взглядъ свой и на французскій народъ.

нія дѣлъ начинали его заинтересовывать, мы видимъ изъ стихотворенія его, написаннаго еще въ 29 году въ пансіонѣ, гдѣ, подъ заглавіемъ «Жалобы турка», видно сѣтованіе на положеніе дѣлъ въ родной странѣ.

«. . . . . где являются порой
Умы холодные и твердые, какъ камень,
Но мощь ихъ давится безвременной тоской
И рано гаснетъ въ нихъ добра спокойный пламень.
Тамъ рано жизнь тяжка бываетъ для людей,
Тамъ за успѣхами несется укоризна,
Тамъ стонетъ человѣкъ отъ рабства и цѣпей...
Другъ, этотъ край—моя отчизна!» *).

Не знаю, чувствовалъ ли такъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, но что онъ могъ серьезно задумываться надъ тѣмъ, что слышалъ вокругъ себя, это не подлежитъ сомнѣнію, хотя бы приходилось судить по одному этому стихотворенію.

Но я забѣжалъ впередъ. Возвращаюсь къ Жандро и воспоминаніямъ о войнахъ 1812 и 1815 годовъ, имѣвшихъ вліяніе на молодаго поэта. Замѣчательно, что жители Тарханъ изъ многихъ наставниковъ Михаила Юрьевича сохранили только воспоминаніе о Жандро и о нѣмкѣ Ремеръ, что они знаютъ, какъ «молодой баринъ» любилъ учителя-француза и что объ этой любви Лермонтова къ нему и о вліяніи на него стараго наполеоновскаго офицера говорилъ и наставникъ Лермонтова, Зиновьевъ.

Жандро однако не долго послѣ переселенія въ Москву оставался руководителемъ Мишеля,—онъ простудился и умеръ отъ чахотки. Мальчикъ не скоро утѣшился, и взятый въ домъ на мѣсто покойнаго весьма ученый еврей Леви встрѣтилъ недоброжелательный пріемъ со стороны своего питомца, котораго знакомилъ съ нѣмецкою словесностью. Онъ не ужился и долженъ былъ уступить мѣсто англичанину Виндсону, бывшему гувернеру въ домѣ графа Уварова. Этотъ Виндсонъ оставался у Арсеньевой нѣсколько лѣтъ. Имъ очень дорожили, платили большое для того времени жалованье—3.000 руб.—и помѣстили съ семьею (жена его была русская) въ особомъ флигелѣ. Однако же и къ нему Мишель не привязался, хотя отъ него пріобрѣлъ знаніе англійскаго языка и впервые въ оригиналѣ познакомился съ Байрономъ и Шекспиромъ.

*) «Соч. Лермонт.», т. II, стр. 24.

Между тѣмъ шло приготовленіе къ экзамену для поступленія въ благородный университетскій пансіонъ. Занятіями Мишеля руководилъ Александръ Зиновьевичъ Зиновьевъ, занимавшій въ пансіонѣ должность надзирателя и учителя русскаго и латинскаго языковъ. Онъ пользовался репутаціей отличнаго педагога, и родители особенно охотно довѣряли дѣтей своихъ его руководству. Въ благородномъ пансіонѣ считалось полезнымъ, чтобы каждый ученикъ отдавался на попеченіе одного изъ наставниковъ. Выборъ предоставляли самимъ родителямъ. Родственники пріѣхавшей въ Москву Арсеньевой, Мещериновы, рекомендовали Зиновьева и такимъ образомъ Лермонтовъ сталъ, по принятому выраженію, «кліентомъ» г. Зиновьева и оставался имъ во всю бытность свою въ пансіонѣ [23]).

Пансіонъ помѣщался тогда на Тверской (нынѣ домъ Базилевскаго); онъ состоялъ изъ шести классовъ, въ коихъ обучалось до 300 воспитанниковъ. Лермонтовъ поступилъ въ него въ 1828 году, но разстаться съ своимъ любимцемъ бабушка не захотѣла и потому рѣшили, чтобы Мишель былъ зачисленъ полупансіонеромъ, слѣдовательно каждый вечеръ возвращался бы домой къ бабушкѣ.

Справедливое замѣчаніе одного изъ лучшихъ публицистовъ нашихъ, что «въ исторіи русскаго образованія Московскій университетъ и Царскосельскій лицей играютъ значительную роль», само собой касается и благороднаго университетскаго пансіона, существованіе коего неразрывно связано съ Московскимъ университетомъ. Пансіонъ этотъ съ самаго своего основанія надѣлялъ Россію людьми, послужившими ей и пріобрѣтшими право на вниманіе потомства. Упомянемъ для примѣра имена Фонвизина, В. А. Жуковскаго, Дашкова, Александра Ивановича Тургенева, князя Одоевскаго, Грибоѣдова, Инзова (кишеневскаго покровителя Пушкина), братьевъ Николая и Дмитрія Алексѣевичей Милютиныхъ и, наконецъ, М. Ю. Лермонтова.

Можно смѣло сказать, что добрая часть дѣятелей нашихъ первой половины XIX вѣка вышла изъ стѣнъ пансіона. Поэтому считаю не лишнимъ представить читателю краткій историческій очеркъ этого заведенія, прерывая разсказъ о пребываніи въ немъ Лермонтова *).

---

[23]) Свѣдѣнія о времени пребыванія Лермонтова въ москов. благородномъ пансіонѣ и учителяхъ его почерпнулъ я главнымъ образомъ изъ разсказовъ г. Зиновьева, записанныхъ мною со словъ его въ сентябрѣ 1880 г. въ Москвѣ. Нѣкоторыя свѣдѣнія находятся въ бумагахъ Лермонтова, хранящихся въ архивѣ Московскаго университета (см. приб. I).

*) Продолженіе разсказа см. далѣе, на стр. 162.

Историческій очеркъ судьбы благороднаго университетскаго пансіона въ Москвѣ [24]).

Когда въ 1755 году былъ открытъ Московскій университетъ, Шуваловъ учредилъ при университетѣ двѣ приготовительныя гимназіи: одну для дворянъ, другую для разночинцевъ. Ихъ открытіе послѣдовало въ одинъ день съ отрытіемъ университета, 26 апрѣля 1755 года. Въ 1779 году, одновременно почти съ учрежденіемъ «педагогической семинаріи», при разночинской гимназіи, поэтъ Херасковъ, одинъ изъ трехъ кураторовъ университета (Шувалова и Мелиссино не было въ Москвѣ), открылъ особые для воспитанниковъ дворянскаго происхожденія классы, а въ 1783 году вывелъ ихъ въ отдѣльное зданіе. Такъ образовался знаменитый «вольный благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ». Объявленіе объ открытіи пансіона давало довольно подробную программу занятій и распредѣленіе дня. Главною цѣлю пансіонъ ставилъ себѣ—*просвѣтить разумъ дѣтей*, *вкоренить въ сердца ихъ благонравіе и сохранить ихъ здравіе*. Сообразно предъизбранному роду жизни отдаваемыхъ въ пансіонъ питомцевъ, предписывались языки и науки историческія и даже военныя. Обѣщалось приставлять къ воспитанникамъ лучшихъ наставниковъ и надзирателей, которые должны были руководить играми дѣтей въ свободное отъ занятій время. «Искусные медики» должны были пользовать заболѣвавшихъ питомцевъ, а для прочнаго развитія физическихъ силъ обѣщали питательный столъ изъ «свѣжихъ припасовъ» и уроки «танцованья и фехтованья» [25]).

Несмотря на обѣщанія эти, сдѣланныя отъ лица ректора университа, преподаваніе въ пансіонѣ велось весьма безпорядочно.

---

[24]) Матеріалы къ „Исторіи московскаго университетскаго благороднаго пансіона" собраны въ трудѣ Н. В. Сушкова: „Московскій университетскій благородный пансіонъ", Москва. 1858 г. Я пользовался II изданіемъ (перв. 1848 г. изд. Импер. Общ. истор. и древностей). „Исторія Императорскаго Московск. университета" Шевырева. Москва. 1855 г. „Біографическій словарь профессоровъ Московскаго университета". Москва. 1855 г. Въ сочин. Сушкова, на стр. 718 и д., перечень ознаменовавшихъ себя бывшихъ воспитанниковъ пансіона. См. тоже Шевырева: стр. 381, 399 и 411.

[25]) Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1783 г. августа 30, подъ № 69, было помѣщено объявленіе о дворянскомъ воспитательномъ пансіонѣ, учрежденномъ при Императорскомъ Москов. университетѣ, подъ именемъ: „Вольнаго благороднаго пансіона". Шевыревъ въ „Истор. Москов. университ." говоритъ, что мысль учрежденія пансіона принадлежитъ Хераскову и что первое о томъ объявленіе сдѣлано еще въ 1778 г. 15 декабря, а во второй разъ повторено 5 января 1779 г. въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

Наставники являлись въ классы не регулярно, многіе испивали горькую, такъ что и добудиться ихъ нельзя было по цѣлымъ недѣлямъ, иные просто предавались лѣни и нерадѣнію, подчасъ, въ свое обезпеченіе, сами научая учениковъ обходить зоркость начальства. Начальство съ трудомъ справлялось съ кучею разнородныхъ и разноязычныхъ преподавателей, которымъ жалованье не платилось во-время, отчего они иногда бѣдствовали по цѣлымъ мѣсяцамъ [26]). Однако и тогда уже были люди, умѣвшіе вложить въ душу учениковъ доброе сѣмя.

Развитію и хорошему направленію въ ученикахъ, конечно, не мало способствовало взаимное ихъ общеніе между собою. Уже въ 1799 году ученики пансіона получаютъ формальное разрѣшеніе составить общество и имѣть очередныя и экстренныя собранія. Цѣль этихъ собраній была: «общеніе между молодыми людьми для взаимнаго развитія и обмѣнъ мыслей для исправленія сердца, очищеніе ума и вообще обработываніе вкуса», какъ сказано въ уставѣ [27]). Дѣйствительными членами, равно какъ и предсѣдателями общества могли быть только одни воспитанники (§ 15); впрочемъ не возбранялось приглашать почетными членами и постороннихъ лицъ. Главнымъ занятіемъ общества было чтеніе или произношеніе рѣчей изъ разныхъ областей знанія, подвергавшихся затѣмъ разбору, среди оживленныхъ преній присутствующихъ. Общество имѣло свою библіотеку и библіотекаря. Извѣстно, что такого рода собранія учениковъ, составленіе статей, иногда рукописныхъ журналовъ, распространяющихся въ стѣнахъ заведенія, и ученическія библіотеки, составляемыя и управляемыя самими воспитанниками, были въ ходу у насъ долгое время. Мы знаемъ о нихъ изъ біографій лучшихъ людей нашихъ,—знаемъ, какую роль играли эти товарищескія собранія въ исторіи развитія Пушкина, Гоголя и другихъ. Но въ 30-хъ годахъ и въ особенности въ 40-хъ начальство нашихъ учебныхъ заведеній, подчиняясь направленію правительства, начинаетъ стѣснять развитіе этихъ обществъ и наконецъ устанавливаетъ взглядъ о вредѣ ихъ, такъ

---

[26]) См. описаніе, сдѣланное Фонвизинымъ, бывшимъ воспитанникомъ пансіона въ первое время его существованія: „Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ". Сочин. и письма Фонвизина, изд. 1866 г., стр. 533—537; Шевыревъ, стр. 46 и 133.

[27]) Приложеніе IX къ соч. Сушкова: „Московск. благотворительный пансіонъ". Таковыя собранія были и между студентами университета. Шевыревъ, стр. 269.

что на всякое общеніе товарищеское стали смотрѣть какъ на опасное и даже преступное направленіе.

Жизнь пансіона съ первыхъ дней существованія слилась съ жизнью университета. Ученики пансіона вмѣстѣ съ учениками гимназій присутствовали на актахъ университета. На актахъ и экзаменахъ пансіона присутствовали попечители и дѣятели университета, равно какъ и избранное общество Москвы. Въ началѣ существованія университета, жившіе на казенномъ иждивеніи студенты, и гимназисты даже, помѣщались вмѣстѣ и «сближеніе студентовъ съ учениками приносило имъ, по свидѣтельству очевидцевъ, взаимную пользу. Студенты помогали ученикамъ въ приготовленіи уроковъ и объясняли трудное въ наукахъ и языкахъ». Лучшимъ изъ нихъ поручалось смотрѣть за младшими.

Дѣятельность Новикова и друга его Шварца, основавшихъ «Дружеское ученое Общество» и журналъ *Древнюю Россійскую Вивліоѳику* и издававшихъ множество полезныхъ книгъ философскаго и литературнаго содержанія, сильно отразилась на университетской жизни. Русскіе впервые въ переводахъ на родной языкъ увидѣли Лессингову «Эмилію Галотти», Шекспировскаго «Юлія Цезаря» и др., и интересъ къ литературѣ росъ. Уже въ 1771 году при Московскомъ университетѣ было основано учено-литературное общество подъ названіемъ «Вольнаго Россійскаго Собранія» и стали выходить въ свѣтъ журналы, въ коихъ участвовали работами своими студенты. Подражая литературной дѣятельности питомцевъ университета, воспитанники «Вольнаго благороднаго пансіона» въ 1787 году издали собраніе своихъ сочиненій подъ заглавіемъ: «Распускающійся Цвѣтъ», а въ 1800 году подъ именемъ «Утренней Зари».

Дѣля съ воспитанниками пансіона научныя занятія, студенты дѣлили съ ними и досугъ. Зимою, особенно на Святкахъ, театръ составлялъ общее развлеченіе и университетъ имѣлъ въ стѣнахъ своихъ полный запасъ кулисъ и гардероба, пріобрѣтенныхъ или пожертвованіями частныхъ лицъ, или складчиною участниковъ. Въ столовой залѣ и въ смежныхъ съ нею камерахъ бывали танцевальные вечера и маскарады. На нихъ и на театральныя представленія съѣзжались семьи профессоровъ, начальства и воспитанниковъ [28]). Передъ нашествіемъ на Россію внѣшняго врага, въ 1812 году, Московскій университетъ считалъ уже 57

[28]) Шевыревъ: „Ист. Москов. унив.“, стр. 263, 277 и 305.

лѣтъ своему существованію и пріобрѣлъ уваженіе и извѣстность, такъ что дворянство Прибалтійскаго края высылало сыновей своихъ въ Москву, несмотря на то, что тогда уже былъ учрежденъ Дерптскій университетъ, основанный правительствомъ съ цѣлью дать возможность лифляндскому, эстляндскому и курляндскому дворянству образовывать дѣтей своихъ у себя, не прибѣгая къ университетамъ заграничнымъ [29]).

Жизнь университета такимъ образомъ сливалась съ жизнью московскаго общества, и чтобъ еще болѣе возбудить въ послѣднемъ интересъ къ умственной жизни, попечительство университета озаботилось объ учрежденіи публичныхъ лекцій, читавшихся профессорами университета. Особенный интересъ возбуждали лекціи по русской словесности, читавшіяся Мерзляковымъ. Наплывъ публики былъ значительный, такъ что для вмѣщенія числа слушателей князь Борисъ Владиміровичъ Голицынъ предложилъ обширную залу въ своемъ домѣ на Басманной. Это было въ началѣ 1812 года, а къ концу его все перемѣнилось. Августа 31, за день до вступленія Наполеона въ Москву, ректоръ и члены университета съ драгоцѣннѣйшими предметами изъ музея и библіотеки отправились въ Нижній-Новгородъ. Уже 6 сентября запылала Москва и огонь не пощадилъ университетскихъ зданій. Въ пожарѣ погибъ музей «естественныхъ произведеній», тогда одинъ изъ первыхъ въ Европѣ, и 20.000 книгъ библіотеки стали жертвою пламени, не говоря о частныхъ собраніяхъ профессоровъ. Въ январѣ 1813 года особая коммиссія изъ попечителя округа и профессоровъ уже взялась за приведеніе въ порядокъ дѣлъ округа и университета, а 17 августа вновь открыты были лекціи [30]).

Указомъ правительствующему сенату 14 февраля 1818 г. дарованы были особыя преимущества благородному пансіону при университетѣ, наравнѣ съ пансіономъ главнаго педагогическаго института. Съ этого времени пансіонъ получилъ уже бытіе независимое отъ университета и выпускалъ своихъ воспитанниковъ съ правами на чины 10, 12 и 14 классовъ.

Положеніе дѣлъ въ пансіонѣ стало измѣняться, когда императоръ Николай Павловичъ задумалъ привести къ единству обра-

---

[29]) Указы 9-го апрѣля 1798 г. и 4-го мая 1799 г.

[30]) Шевыревъ (стр. 408, 419, 420 и 421): прерванныя вслѣдствіе военнаго времени публичныя лекціи Мерзлякова были возобновлены въ 1816 году въ домѣ А. Ѳ. Какошкиной, стр. 453.

зованіе юношества, готовящаго себя на службу государства. Мысль эта была выражена рескриптомъ, даннымъ 14 мая 1826 года, на имя министра народнаго просвѣщенія Шишкова [31]). Этимъ рескриптомъ назначенъ былъ особый комитетъ для устройства учебныхъ заведеній. Пока комитетъ этотъ обдумывалъ новые порядки, совершались министерскія распоряженія, коими подготовлялась возможность введенія новыхъ порядковъ. Студенческія собранія и общества послѣдовательно стали подвергаться стѣсненію. Лекціи профессоровъ подверглись контролю и уже въ 1827 году они были вынуждены напечатать конспекты своихъ лекцій, разсмотрѣнные и утвержденные начальствомъ. Эти конспекты служили имъ для руководства при чтеніяхъ. Новое направленіе отразилось и на университетскомъ пансіонѣ, права и привилегіи коего все болѣе стѣснялись.

Наконецъ, въ началѣ 1830 года императоръ Николай Павловичъ лично посѣтилъ пансіонъ. «Мы, дѣти,—разсказывалъ очевидецъ [32]),—не слыхали, что говорилъ Государь, но видѣли, что онъ имѣлъ видъ недовольный, который сохранялъ во все время своего посѣщенія. Государь, предшествуемый блѣднымъ и трепещущимъ директоромъ, шелъ между кроватями (по приказанію его, всѣ воспитанники были отведены въ дортуаръ); онъ вдругъ, остановясь противъ одного изъ воспитанниковъ, помнится Желтухина, приказалъ ему раздѣться и осмотрѣлъ на немъ бѣлье. На бѣду, оно оказалось неисправнымъ. Очевидно, строгій выговоръ былъ сдѣланъ начальникамъ, на лицахъ которыхъ выразилось отчаяніе. Бѣлье втораго воспитанника, Татаринова, раздѣвшагося по приказанію Государя, оказалось удовлетворительнымъ, но не исправило перваго впечатлѣнія». Слѣдствіемъ Высочайшаго посѣщенія было закрытіе университетскаго пансіона 29 марта 1830 года,—закрытіе, поразившее заведеніе, пользовавшееся «блестящею репутаціей». Оно было переименовано сначала въ гимназію, а потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, въ «дворянскій институтъ» съ правами гимназіи, но съ особою программою. Это заведеніе скоро достигло такой высоты, какой не достигало ни одно учебное заведеніе въ Россіи. Оно помѣщалось тогда уже не на Тверской,

---

[31]) Шевыревъ, стр. 475.

[32]) Отрывокъ изъ воспоминаній Г. Ф. Головачева, *Русскій Вѣстн.* 1880 г., октябрь, стр. 698—702.

а въ домѣ Пашкова, гдѣ нынѣ Румянцевскій музей. Но и это заведеніе не пользовалось расположеніемъ императора Николая I.

Въ 1848 году институтъ былъ закрытъ. Тотъ же очевидецъ, тогда уже въ качествѣ преподавателя, а не воспитанника, разсказываетъ: «Представительнѣе этого заведенія найти было невозможно и опала, поразившая его, можетъ быть объяснена не безпорядкомъ, поразившимъ Его Величество, но заранѣе принятымъ рѣшеніемъ, что заведенію слѣдуетъ положить конецъ. Меня сильно поразило то же самое выраженіе Высочайшаго лица, которое такъ твердо сохранилось у меня въ памяти съ 1830 года, и я невольно подумалъ: не быть добру... Пробылъ Государь въ институтѣ не долго, обошелъ только классы, говоря тихо, но съ явными признаками неудовольствія. Что было причиной его, такъ и осталось неизвѣстно. Фактъ тотъ, что, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, дворянскій институтъ былъ закрытъ, весь служащій персоналъ остался за штатомъ и на мѣстѣ института явилась 4-я гимназія, что нынѣ у Покровскихъ воротъ».

Таковъ былъ конецъ благороднаго университетскаго пансіона и образовавшагося изъ него дворянскаго института.

Когда въ 1828 году Лермонтовъ поступилъ въ университетскій пансіонъ, старыя его традиціи еще не совершенно исчезли. Между учащимися и учащими отношенія были добрыя. Холодный формализмъ не раздѣлялъ ихъ. Интересъ къ литературнымъ занятіямъ не ослабъ. Воспитанники собирались на общее чтеніе и издавался рукописный журналъ, въ которомъ многіе изъ нихъ принимали посильное участіе. Преподаваніе было живое, имѣлось въ виду изученіе славныхъ писателей древнихъ и новыхъ народовъ, а не грамматическаго балласта, подъ коимъ въ наши дни разумѣютъ изученіе языковъ *).

Лермонтовъ принималъ живое участіе въ литературныхъ трудахъ товарищей и являлся въ качествѣ дѣятельнаго сотрудника

---

*) Когда я спросилъ у А. З. Зиновьева, зналъ ли Лермонтовъ классическіе языки, онъ отвѣчалъ мнѣ: „Лермонтовъ зналъ порядочно латинскій языкъ, не хуже другихъ, а пансіонеры знали классическіе языки очень порядочно. Происходило это отъ того, что у насъ изучали не языкъ, а авторовъ. Языку можно научиться въ полгода на столько, чтобы читать на немъ, а хорошо познакомясь съ авторами, узнаешь хорошо и языкъ. Если же все напирать на грамматику, то и будешь изучать ее, а языкъ-то все же не узнаешь, не зная и не любя авторовъ“.

школьнаго журнала. Имъ тогда же писались стихотворенія, на которыя было обращено вниманіе учителей. Такъ Лермонтовъ показывалъ свои переводы изъ Шиллера и Зиновьевъ полагаетъ даже, что переводъ баллады Шиллера «Перчатка» (т. II, стр. 36) былъ первымъ стихотворнымъ опытомъ, что однако невѣрно. Любимому имъ учителю рисованія, Александру Степановичу Солонецкому, Лермонтовъ передалъ тщательно переписанную тетрадку своихъ стихотвореній *).

Подавали свои стихотворные опыты учителямъ и другіе воспитанники. Такъ учителю Раичу другъ и товарищъ Лермонтова Дурново подалъ пьесу: «Русская мелодія»,—подалъ ее за свою, хотя она и была писана Лермонтовымъ, вѣроятно шутки ради, потому что Лермонтовъ, говоря объ этомъ, отзывается о товарищѣ задушевно [33]). Инспекторъ пансіона, Михаилъ Григорьевичъ Павловъ, профессоръ физики при Московскомъ университетѣ, отличавшійся живостью преподаванія и вносившій въ область естествознанія философію Шеллинга, поощрялъ литературные вкусы молодежи и задумалъ даже собрать лучшіе изъ опытовъ ихъ въ особое изданіе. Этотъ проектъ остался невыполненнымъ, но Лермонтовъ въ 1829 (?) году, въ письмѣ въ Апалиху, къ теткѣ своей Екатеринѣ Алексѣевнѣ (т. II, стр. 506), съ истинно-дѣтскою восторженностью упоминаетъ объ этомъ фактѣ. «Инспекторъ хочетъ издавать журналъ *Калліопу* (подражая мнѣ), гдѣ будутъ помѣщаться сочиненія воспитанниковъ. Каково вамъ покажется: Павловъ мнѣ подражаетъ, перенимаетъ у... меня!... Стало-быть... стало-быть... Но выводите заключенія какія вамъ угодно».

Этотъ же инспекторъ интересовался успѣхами Лермонтова въ рисованіи и хранилъ у себя удачные рисунки его. «Умственное воспитаніе Лермонтова было по преимуществу литературное», замѣчаетъ А. Н. Пыпинъ въ біографическомъ очеркѣ поэта (изд. 1873 г., т. I, стр. XXII). Я полагаю, что относительно воспитанія поэта можно сказать: любовь ко всѣмъ искусствамъ развивалась въ немъ и всѣ искусства были близки душѣ его. Онъ не только отлично рисовалъ, но хорошо игралъ на скрипкѣ и

*) Находится нынѣ у Н. С. Тихонравова.

[33]) „Собраніе соч.“, т. II, стр. 20 и 610. Что Лермонтовъ показывалъ свои сочиненія наставникамъ, видно изъ собственныхъ его помѣтокъ. Такъ, на поляхъ тетради, на которой написаны „Черкесы“, противъ VI строфы онъ замѣчаетъ: „Зиновьевъ нашелъ, что эти стихи хороши“, и далѣе, немного ниже: „тоже“; на поляхъ другаго стихотворенія („Два брата“, см. прил. 51) замѣч. не Лерм. почеркомъ: „contre la morale“.

на фортепіано. А. З. Зиновьевъ, учившій старшихъ воспитанниковъ декламаціи, особенно обращалъ вниманіе на дикцію любимаго имъ ученика. «Какъ теперь смотрю на милаго моего питомца,—разсказываетъ этотъ наставникъ,—отличившагося на пансіонскомъ актѣ, кажется, 1829 года. Среди блестящаго собранія онъ прекрасно произнесъ стихи Жуковскаго «Къ морю» и заслужилъ громкія рукоплесканія. Тутъ же Лермонтовъ удачно исполнилъ на скрипкѣ пьесу и вообще на этомъ экзаменѣ обратилъ на себя вниманіе, получивъ первый призъ въ особенности за сочиненіе на русскомъ языкѣ» [34]).

Лермонтовъ учился хорошо. Изъ упомянутаго письма къ теткѣ мы видимъ, что онъ считался вторымъ ученикомъ. Поступилъ Лермонтовъ, кажется, въ 4 или 5 классъ. Всѣхъ классовъ было шесть и высшій подраздѣлялся на младшее и старшее отдѣленія. Директоромъ былъ Петръ Александровичъ Курбатовъ, а кромѣ названныхъ учителей въ пансіонѣ преподавалъ еще Д. И. Дубенскій (извѣстный своими примѣчаніями на «Слово о полку Игоревѣ), латинскому языку адъюнктъ университета Кубаревъ и математикѣ Кацауровъ. Въ старшемъ же классѣ русскому языку и словесности преподавалъ профессоръ университета Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ и Дмитрій Матвѣевичъ Перевощиковъ.

Мерзляковъ имѣлъ большое вліяніе на слушателей. Онъ отличался живою бесѣдой при критическихъ разборахъ русскихъ писателей и не дурно, съ увлеченіемъ, читалъ стихи и прозу. Приземистый, широкоплечій, съ свѣжимъ, открытымъ лицомъ, съ доброй улыбкой, съ приглаженными въ кружокъ волосами, съ проборомъ вдоль головы, горячій душой и кроткій сердцемъ, Алексѣй Ѳедоровичъ возбуждалъ любовь учениковъ своихъ. Его любили послушать въ классѣ, съ университетской каѳедры, въ литературномъ собраніи пансіона. Но чтобы вполнѣ оцѣнить его краснорѣчіе и добродушіе, простоту обращенія и братскую любовь къ ближнему, надо было встрѣчаться съ нимъ въ дружескихъ бесѣдахъ, за круговою чашей или въ небольшомъ обще-

---

[34]) „Біограф. очеркъ Пыпина", изд. 1873 г., стр. XIX. Догадка Пыпина, что эта пьеса была не „Къ морю", а элегія Жуковскаго „Море" (изд. 1878 г., т. II, стр. 388), оправдалась. Мнѣ подтвердилъ ее Зиновьевъ, продекламировавъ первый стихъ: „Безмолвное море, лазурное море". О счастливомъ настроеніи въ день публичнаго экзамена говорила и Е. А. Хвостова („Записки", стр. 97), утверждая, впрочемъ, что это было въ 1830 г., по возвращеніи изъ Середникова, слѣдовательно, въ концѣ августа. Но это сомнительно, потому что Лермонтовъ вышелъ изъ универс. пансіона уже въ апрѣлѣ 1830 года.

ствѣ коротко знакомыхъ людей; тогда разговоръ его былъ живъ и свободенъ. Мерзляковъ тѣмъ болѣе долженъ былъ повліять на Лермонтова, что давалъ ему частные уроки и былъ вхожъ въ домъ Арсеньевой. Конечно, мы не можемъ судить теперь, насколько вѣско было это вліяніе. Самъ Лермонтовъ не высказывается объ этомъ, но явствовать может это изъ возгласа бабушки, когда надъ внукомъ ея стряслась бѣда по поводу стихотворенія его на смерть Пушкина: «И зачѣмъ это я на бѣду свою еще брала Мерзлякова, чтобъ учить Мишу литературѣ! Вотъ до чего онъ довелъ меня» [35]).

Объ отношеніяхъ Лермонтова къ пансіонскимъ товарищамъ мы знаемъ очень мало, но въ одной его тетради, перебѣленной въ 1829 году, мы встрѣчаемся съ стихотворными посланіями къ нѣкоторымъ изъ нихъ, проливающими свѣтъ на эти отношенія. Въ пансіонѣ, въ кругу товарищескомъ, началась поэтическая дѣятельность Лермонтова и по свидѣтельству наставника его Зиновьева, и по собственному признанію поэта (т. II, стр. 611). Но эта поэтическая дѣятельность подготовлялась въ душѣ мальчика еще раньше. Интересно заглянуть въ самый процессъ перваго развитія ея.

Пав. Висковатый.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

---

[35]) См. біограф. Мерзлякова въ «Біогр. Словарѣ» москов. профессоровъ и въ книгѣ Сушкова: „Матеріалъ къ исторіи московскаго благороднаго пансіона", стр. 88, 89 и 94. М. А. Дмитріевъ разсказывалъ о происхожденіи извѣстной пѣсни „Среди долины ровныя". Въ пріятельскомъ кругу Мерзляковъ, пригорюнившись, заговорилъ о своемъ одиночествѣ. Внезапно схвативъ мѣлъ на открытомъ ломберномъ столѣ, написалъ начало названной пѣсни. Ему положили перо и бумагу. Онъ переписалъ написанное и кончилъ тутъ же всю пьесу. Большинство своихъ произведеній писалъ онъ въ «Ждагахъ», имѣніи Веньяминовыхъ-Зерновыхъ. Мы до сихъ поръ не имѣемъ ни полнаго собранія его произведеній, разсѣянныхъ по журналамъ, ни сносной его біографіи.

Мерзляковъ скончался 26 іюля 1830 г., на дачѣ въ Сокольникахъ, въ скромномъ небольшомъ домикѣ. День былъ тихій, прекрасный, когда изъ небольшой церкви понесли поэта среди ясныхъ сельскихъ видовъ на Ваганьковское кладбище. Между присутствовавшими находился ученикъ его, извѣстный послѣ профессоръ университета, Кудрявцевъ. По поводу возгласа бабушки о Мерзляковѣ см. замѣтки Лонгинова. *Р. Стар.* 1873 г., т. VII, стр. 484. *Библіограф. Записки* 1861 г., т. III, стр. 488, примѣч.

ПРИБАВЛЕНІЕ I *).

Стр. 1.

а) О принятіи въ студенты Михаила Лермонтова.

(Дѣло за № 43-мъ, 1830 года, на 6 листахъ).

б) Пам. № 323-й 21 августа 1830 года.

Въ Правленіе Императорскаго Московскаго Университета.

От пансіонера Университетскаго Благороднаго Пансіона Михаила Лермантова

ПРОШЕНІЕ.

Родомъ я изъ дворянъ, сынъ капитана Юрія Петровича Лермантова; имѣю отъ роду 16 лѣтъ; обучался въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ разнымъ языкамъ и наукамъ въ старшемъ отдѣленіи высшаго класса; нынѣ же желаю продолжать ученіе мое въ Императорскомъ университетѣ, почему Правленіе онаго покорнѣйше прошу, включивъ меня въ число своекоштныхъ студентовъ Нравственно-Политическаго Отдѣленія, допустить къ слушанію профессорскихъ лекцій. Свидѣтельства о родѣ и ученіи моемъ при семъ прилагаю (къ сему прошенію Михаилъ Лермантовъ руку приложилъ).

Слуш. 21 августа
1830 года.

Стр. 2.

СВИДѢТЕЛЬСТВО

№ 221.

изъ Благороднаго Пансіона Императорскаго Московскаго Университета пансіонеру Михаилу Лермантову въ томъ, что онъ въ 1828 году былъ принятъ въ Пансіонъ, обучался въ старшемъ отдѣленіи высшаго класса разнымъ языкамъ и искусствамъ и преподаваемымъ въономъ нравственнымъ, математическимъ и словеснымъ наукамъ, съ *отличнымъ* прилежаніемъ, съ *похвальнымъ* поведеніемъ и съ *весьма хорошими* успѣхами; нынѣ онъ по прошенію его отъ Пансіона съ симъ уволенъ.

Дано въ Москвѣ за подписаніемъ директора онаго Пансіона, статскаго совѣтника и кавалера, съ приложеніемъ пансіонской печати.

Апрѣля 16 дня
1830 года.

Петръ Курбатовъ.

Печать Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона.

---

*) Баронъ Бюлеръ на основаніи справки, сдѣланной тогдашнимъ ректоромъ университета, С. М. Соловьевымъ, сообщилъ редакціи *Русской Старины* (1876

Стр. 3 и 4.

СВИДѢТЕЛЬСТВО

изъ Московской Духовной Консисторіи вдовѣ гвардіи поручицѣ Елизаветѣ Алексѣевой Арсеньевой въ томъ, что вы, Арсеньева, просили дать вамъ свидѣтельство о рожденіи и крещеніи внука вашего роднаго, капитана Юрія Петровича Лермантова сына Михаила, прижитаго имъ отъ законнаго брака, для отдачи его къ наукамъ и воспитанію въ казенное заведеніе, а потомъ и въ службу, гдѣ принять быть можетъ, объявя, что родился онъ въ Москвѣ, въ приходѣ церкви Трехъ Святителей, что у Красныхъ воротъ, 1814 года октября 2 дня. По справкѣ въ Консисторіи оказалось, въ метрической упоминаемой Трехъ-Святительской, что у Красныхъ воротъ, церкви тысячу восемьсотъ четырнадцатаго года книгахъ написано такъ: «Октября 2-го въ домѣ господина покойнаго генералъ-маіора и кавалера Θедора Николаевича Толя у живущаго капитана Юрія Петровича Лермантова родился сынъ Михаилъ. Молитвовалъ протоіерей Николай Петровъ, съ дьячкомъ Яковымъ Θедоровымъ, крещенъ того же октября 11 дня, воспріемникомъ былъ господинъ колежскій асессоръ Васильевъ-Хотяинцовъ, воспріемницею была вдовствующая госпожа гвардіи поручица Елизавета Алексѣевна Арсеньева, оное крещеніе исправляли протоіерей Николай Петровъ, дьяконъ Петръ Θедоровъ, дьячекъ Яковъ Θедоровъ, пономарь Алексѣй Никифоровъ. Почему Московскою Духовною Консисторіей опредѣлено вамъ вдовѣ гвардіи поручицѣ Арсеньевой съ прописаніемъ явствующей справки дать (и дано) сіе свидѣтельство для прописанной надобности: октября 25 дня 1827 года.

№ 6503.

На подлинномъ подписали: Николо-Лѣсновскій протоіерей Іоаннъ Іоанновъ, секретарь Савва Смиреновъ, повытчикъ Александръ (нельзя разобрать).

Съ подлиннымъ вѣрно: коллежскій регистраторъ *Борисовъ*.

Подлинное свидѣтельство получилъ обратно студентъ *Михаилъ Лермантовъ*.

У сего свидѣтельства Его Императорскаго Величества Московской Духовной Консисторіи печать.

1 сентября 1830 года.

года т. XV, стр. 221), что въ университетскомъ архивѣ нѣтъ ничего кромѣ прошенія Лермонтова объ увольненіи изъ университета, для перемѣщенія въ Петербургскій. Дѣйствительно, въ бумагахъ 1832 года за № 48 нѣтъ ничего кромѣ упомянутой просьбы и затѣмъ черноваго свидѣтельства объ увольненіи; за то въ бумагахъ 1830 года за № 43 находятся бумаги, касающіяся пребыванія Лермонтова въ пансіонѣ и потомъ поступленія его въ университетъ. Онѣ были обязательно сообщены мнѣ нынѣшнимъ ректоромъ университета, Н. С. Тихонравовымъ.

Стр. 5.

Въ Правленіе Императорскаго Московскаго Университета.

Отъ ординарныхъ профессоровъ Снегирева, Ивашковскаго, экстра-ординарнаго Побѣдоносцева, адъюнктовъ: Погодина, Кацаурова, лекторовъ: Кистера и Декампа

ДОНЕСЕНІЕ.

№ 3579. По назначенію господина ректора Университета, мы испытывали Михаила Лермантова, сына капитана Юрія Лермантова, въ языкахъ и наукахъ, требуемыхъ отъ вступающаго въ университетъ въ званіе студена и нашли его способнымъ къ слушанію профессорскихъ лекцій въ семъ званіи. О чемъ и имѣемъ честь донести Правленію Университета.

Семенъ Ивашковскій
Иванъ Снегиревъ.
Петръ Побѣдоносцевъ.
Михаилъ Погодинъ.
Николай Кацауровъ.
Ѳедоръ Кистеръ.
Amédée Decampe.

Августа « » дня
1830 года.

Журналъ подъ № 46.

Слуш. 1 сентября.

Стр. 5.

Въ Правленіе Императорскаго Московскаго Университета.

Отъ своекоштнаго студента Михаила Лермантова

ПРОШЕНІЕ.

№ 1370. Въ прошломъ 1830 году, при вступленіи моемъ въ Университетъ, представлено было мною свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, въ коемъ я нынѣ имѣю нужду; почему и покорнѣйше прошу Правленіе Университета оное свидѣтельство мнѣ возвратить. Императорскаго Московскаго Университета своекоштный студентъ Михаилъ Лермантовъ.

Апрѣля « » дня
1832 года.

(Порѣшено было свидѣтельство о рожденіи выдать, снявъ съ онаго копію.)

Слуш. апрѣля 22.

КЕСАРЬ.

РОМАНЪ

Георга Эберса.

Глава девятая *).

Дѣйствительно, появленіе Сабины изгнало добрыхъ геніевъ изъ дворца на Лохіи.

Грозное повелѣніе императора подѣйствовало на мирныхъ обитателей сторожеваго домика, какъ вихрь на кучу сухихъ листьевъ. Имъ некогда было обдумать свое положеніе,—приходилось дѣйствовать рѣшительно и быстро.

Столы и стулья, скамьи и лиры, горшки съ цвѣтами и клѣтки съ птицами, кухонная посуда и одѣяніе семьи—все лежало кучами посреди дворика и Дорида съ помощью рабовъ, присланныхъ ей Масторомъ, распоряжалась выноскою всего этого изъ домика такъ же ловко и проворно, какъ еслибы дѣло шло объ обыкновенномъ добровольномъ переходѣ изъ одного жилища въ другое.

Лучъ прежняго солнечно-яснаго настроенія ласковой старушки засвѣтился въ ея глазахъ при мысли, что все случившееся стало уже неизбѣжнымъ и что лучше помышлять о будущемъ, чѣмъ горевать о безвозвратно-прошедшемъ.

Усиленный трудъ возвратилъ ей всю ея бодрость и, взглянувъ на Эвфоріона, который сидѣлъ на обычной своей скамьѣ, вперивъ глаза въ землю съ видомъ человѣка, совершенно сломленнаго судьбой, она весело крикнула ему:

— Знаешь, Эвфоріонъ, послѣ плохихъ дней всегда настаютъ свѣтлые. Пусть стараются огорчить насъ. Если только мы сами

*) *Русская Мысль*, кн. X.

не считаемъ себя несчастными, то и не будемъ несчастны. Держи бодрѣе голову, старикъ! Вставай! Ступай къ нашей Діотимѣ и попроси ее пріютить насъ на нѣсколько дней со всѣмъ этимъ скарбомъ.

— А что будетъ съ нами, если императоръ не сдержитъ своего обѣщанія?

— Тогда настанетъ плохая, собачья жизнь. Пока насладимся тѣмъ, что у насъ есть. Поллуксъ, налей намъ, мнѣ и отцу твоему, по чашѣ вина. Да не вздумай разбавлять его водой.

— Я не могу ничего проглотить,—сказалъ со вздохомъ бѣдный пѣвецъ.

— Ну, такъ я выпью и твою долю.

— Матушка!...—взмолился укоризненно Поллуксъ.

— Ну, такъ и быть, подлей, пожалуй, воды, только немного, какъ можно меньше, а главное—не дѣлай такого кислаго лица. Подумай, такой ли видъ долженъ быть у сильнаго, даровитаго молодца, обладающаго сердцемъ такой милой дѣвушки?

— Я забочусь не о себѣ, матушка. Но какъ стану я отыскивать Арсиною во дворцѣ и какъ поладить съ Керавномъ?

— Само время дастъ тебѣ отвѣтъ.

— У времени бываетъ много добрыхъ, но много и плохихъ отвѣтовъ.

— Лучшіе даются терпѣливымъ людямъ, умѣющимъ ждать.

— Все это неутѣшительно.

— Что же дѣлать, потерпи, а въ ожиданіи отвѣта дѣлай только то, что отъ тебя зависитъ. Ну, а теперь скажи рабамъ, чтобъ они бережнѣе несли нашу статую Аполлона.

«Хорошо тебѣ, матушка, такъ разсуждать,—думалъ про себя Поллуксъ, исполняя приказанія матери,—ты не оставляешь за собой своей Арсинои... Еслибы можно было по крайней мѣрѣ условиться съ Антиноемъ насчетъ свиданій съ нею... Но красиваго юношу словно пришибло распоряженіе императора и онъ ушелъ, пошатываясь, какъ будто несъ свою голову на плаху.

Увѣренность Дориды въ быстромъ поворотѣ къ лучшему на этотъ разъ не обманула ее. Вскорѣ подошелъ къ ней тайный секретарь кесаря, Флегонтъ, и объявилъ ей, что Адріанъ велѣлъ отпустить Эвфоріону единовременно полталанта и впредь выдавать ему прежнее жалованье.

— Ну, видишь?—крикнула Дорида мужу, когда удалился вѣстникъ царской милости.—Вотъ ужь снова начинаетъ намъ

свѣтить солнце прежнихъ счастливыхъ дней. Пол-та-ла-нта! Ну, скажи, что подѣлаетъ теперь нужда съ такими богачами, какъ мы съ тобой? Какъ думаешь, не возлить ли намъ теперь же полчаши вина богамъ и не выпить ли намъ самимъ остальную половину?

И Дорида, развеселившись окончательно, принялась за дѣло такъ проворно, какъ будто хлопотала о свадьбѣ. Ея веселое настроеніе сообщилось и сыну при мысли, что щедрый даръ императора навсегда избавляетъ его отъ заботъ о поддержаніи родителей и сестры и позволяетъ ему, наконецъ, отдать все свое время искусству.

Прежде всего, думалъ онъ, слѣдуетъ приняться за такъ удачно уже слѣпленную статую Антиноя. Съ этою мыслью молодой ваятель взошелъ въ домикъ, чтобы приказать призванному имъ рабу какъ можно бережнѣе перенести восковое изваяніе въ новое ихъ жилище; въ это самое время въ дворцовыя ворота входилъ бывшій хозяинъ Поллукса, Паппій. Онъ шелъ во дворецъ, чтобы довершить собственноручно работы, взятыя имъ на свое имя, а главное, чтобы попытаться еще разъ привлечь на себя милости человѣка, въ которомъ онъ узналъ всесильнаго императора. Болѣе всего однако озабочивалъ Паппія страхъ, чтобы Поллуксъ, такъ или иначе, не довелъ до свѣдѣнія Адріана, какъ мало участвовалъ онъ самъ, Паппій, въ тѣхъ художественныхъ работахъ на Лохіи, которыя уже доставили ему болѣе славы и денегъ, чѣмъ всѣ другія произведенія, выходившія изъ его мастерской.

«Всего лучше,—думалъ онъ,—было бы смирить на время гордость и громкими обѣщаніями привлечь къ себѣ снова бывшаго ученика; къ несчастію, это было немыслимо послѣ того, какъ Паппій такъ усиленно жаловался кесарю на мнимые недостатки молодаго ваятеля и такъ громко радовался возможности освободиться отъ него. Оставалось одно: либо удалить Поллукса изъ Александріи, либо навлечь на него гнѣвъ императора и тѣмъ самымъ сдѣлать его для себя безвреднымъ.

Ему приходило на мысль избавиться отъ соперника еще инымъ путемъ, а именно—нанять египетскаго убійцу; но Паппій былъ прежде всего мирнымъ гражданиномъ и ему претило всякое явное нарушеніе законовъ.

Случалось, однако, что онъ не стѣснялся выборомъ средствъ. Онъ зналъ людей, умѣлъ подлаживаться къ сильнымъ, искусно чернить своихъ соперниковъ и такимъ образомъ одерживать по-

бѣду надъ людьми, уже составившими себѣ положеніе; подставить такимъ же путемъ ногу юношѣ, еще ничѣмъ себя не заявившему, казалось ему дѣломъ сравнительно легкимъ.

Но вотъ, проходя мимо домика Эвфоріона, онъ замѣтилъ рабовъ, выносившихъ на улицу пожитки изгнанниковъ. Онъ немедленно разузналъ о случившемся и душевно порадовался гнѣву императора на родителей своего соперника.

Постоявъ немного въ раздумьѣ у воротъ, Паппій приказалъ одному изъ рабовъ вызвать къ себѣ Поллукса.

Ученикъ и хозяинъ встрѣтились, повидимому, равнодушно.

— Ты позабылъ принести обратно вещи, взятыя тобой изъ кладовой моей безъ моего вѣдома. Я требую, чтобъ онѣ были возвращены сегодня же,—холодно сказалъ Паппій.

— Взялъ я ихъ, какъ тебѣ извѣстно, не для себя, а для высокаго посѣтителя дворца и для его спутника. Онъ и уплатитъ тебѣ все, что могло пропасть во время праздника. Я взялъ у тебя серебряный колчанъ твой и, къ несчастію, Антиной потерялъ его. Какъ только управлюсь съ переноской вещей, такъ пойду во дворецъ, соберу твои вещи и немедленно принесу ихъ тебѣ, а самъ возьму изъ твоей мастерской свое добро; его не мало тамъ.

— Хорошо. Буду ждать тебя за часъ до заката солнца и все между нами будетъ приведено въ порядокъ.

И, не удостоивъ бывшаго ученика поклономъ, Паппій быстро повернулся къ нему спиной и направился во дворецъ.

По словамъ самого Поллукса, пропалъ довольно цѣнный предметъ изъ вещей, взятыхъ имъ у хозяина, и это давало лукавому Паппію случай уничтожить своего соперника.

Пробывъ во дворцѣ не болѣе получаса, Паппій отправился къ начальнику ночной стражи, наблюдавшей за спокойствіемъ и безопасностью города. Онъ былъ въ довольно хорошихъ отношеніяхъ съ этимъ важнымъ лицомъ, успѣвъ когда-то доставить ему очень дешево саркофагъ для его покойной супруги и еще нѣсколько произведеній своей мастерской. Это давало Паппію право надѣяться на нѣкоторое снисхожденіе со стороны сановника къ его просьбамъ. И дѣйствительно, выходя изъ дома стратега, Паппій уже держалъ въ рукахъ приказъ о взятіи подъ стражу одного изъ своихъ подмастерій, покусившагося на его собственность и успѣвшаго присвоить себѣ колчанъ изъ массивнаго серебра. Стратегъ кромѣ того обѣщалъ прислать въ мастерскую Паппія ликторовъ

для выполненія этого приказа. Не мудрено, что на душѣ Паппія было теперь легко и беззаботно.

Между тѣмъ Поллуксъ, покончивъ съ переборкой вещей, отправился во дворецъ и съ помощью Мастора собралъ всѣ вещи, взятыя наканунѣ для Адріана и Антиноя.

Масторъ со слезами на глазахъ разсказалъ Поллуксу о новыхъ несчастіяхъ, происшедшихъ во дворцѣ за это утро. Пораженный до глубины души, ваятель хотѣлъ немедленно, хотя бы и съ опасностью для своей жизни, идти во дворецъ, но удержался, вполнѣ сознавая необходимость быть въ назначенный часъ у Паппія, чтобъ условиться съ нимъ насчетъ уплаты за потерянныя вещи.

Паппій удалилъ изъ своего дома не только рабочихъ, но и всѣхъ домочадцевъ, чтобы встрѣтить Поллукса безъ докучливыхъ свидѣтелей. Когда молодой ваятель явился въ назначенный часъ, Паппій перечислилъ недостающія вещи, требуя немедленнаго ихъ возвращенія.

— Я уже говорилъ тебѣ,—кротко замѣтилъ Поллуксъ,—что за серебряный колчанъ и разорванный хитонъ заплатитъ тебѣ тотъ знатный римлянинъ. Ты вѣдь знаешь теперь, кто онъ?

Но Паппій не переставалъ требовать немедленной уплаты за вещи, цѣнность которыхъ, по его словамъ, превосходила двухлѣтніе заработки Поллукса.

Молодой ваятель попробовалъ упросить хозяина подождать до слѣдующаго утра, а пока онъ переговорилъ бы съ важными римлянами и они, конечно, удовлетворили бы Паппія. Но послѣдній не переставалъ волноваться и кричать, такъ что кровь, наконецъ, бросилась Поллуксу въ голову и онъ началъ отвѣчать на дерзости столь же дерзкими словами.

Паппій намекнулъ, что есть люди, ошибкой завладѣвающіе чужими вещами, на что Поллуксъ возразилъ, что и онъ знаетъ людей, которые пользуются чужими трудами, выдавая ихъ за свои собственные.

Взбѣшенный этими словами, Паппій ударилъ по столу кулакомъ и, отбѣгая къ двери, подальше отъ огромныхъ рукъ ваятеля, крикнулъ ему: «Ахъ ты воръ! Я покажу тебѣ, какъ справляются въ Александріи съ людьми, подобными тебѣ!»

Поблѣднѣвъ отъ гнѣва, Поллуксъ бросился было за бѣжавшимъ отъ него хозяиномъ, но тотъ укрылся въ пріемной за посланными отъ стратега.

— Хватайте вора! Держите мошенника!—приказывалъ Паппій.— Онъ укралъ мое серебро, да еще хочетъ поднять на меня руку.

Ошеломленный, Поллуксъ не могъ ничего понять изъ происходившаго вокругъ.

Какъ медвѣдь, окруженный ловчими, онъ стоялъ, недоумѣвая, что ему предпринять: броситься ли на преслѣдующихъ его и повалить ихъ, или выждать спокойно, что выйдетъ изъ этой путаницы. Въ домѣ своего хозяина онъ зналъ каждый камень; онъ зналъ, что пріемная, какъ и вся квартира, была въ уровень съ землей. Думая только о томъ, какъ бы скорѣе освободиться и бѣжать на Лохію, гдѣ ждетъ его Арсиноя, онъ въ нерѣшительности озирался кругомъ. Глаза его остановились на окнѣ, выходившемъ на улицу; онъ бросился къ нему и выскочилъ на мостовую.

— Воръ! Держите вора!—закричали ему вслѣдъ ликторы.

Со всѣхъ сторонъ сыпались на него ужасные, безсмысленные, лишавшіе его всякаго сознанія, крики: «Воръ! Держите вора!»

Но внутри его самого слышался другой, страстный, заглушавшій для него весь этотъ гамъ, вопль: «На Лохію! Къ Арсиноѣ! Только бы убѣжать и помочь ей тамъ!»

И, полный мыслью о любимой дѣвушкѣ, онъ бѣжалъ все дальше и дальше по улицамъ, ведущимъ ко дворцу.

Ужь свѣжее морское дыханіе касалось его пылавшихъ щекъ, уже виднѣлся узкій переулокъ, ведущій къ верфямъ, гдѣ онъ легко могъ укрыться отъ погони среди грудъ лѣса, наваленнаго на берегу.

Онъ уже почти достигъ переулка, какъ вдругъ, попавшійся ему на встрѣчу, египтянинъ, погонщикъ воловъ, бросилъ ему въ ноги свою палку.

Поллуксъ споткнулся, упалъ и черезъ нѣсколько мгновеній былъ въ рукахъ своихъ преслѣдователей.

Часомъ позже онъ уже лежалъ избитый, истерзанный, на полу тюрьмы, среди воровъ и грабителей.

Настала ночь. Родители ждали его, а онъ не приходилъ.

На Лохіи же, въ той части дворца, куда стремился юноша, было много горя и слезъ, а единственный другъ бѣдной Арсинои пропалъ безъ вѣсти.

Глава десятая.

Разсказъ Мастора, растрогавшій Поллукса до глубины души и побудившій его къ безумному бѣгству изъ дома Паппія, касался семейства Керавна, которое постигло несчастіе въ то самое время, какъ Дорида выбиралась изъ своего прежняго жилища.

Утромъ того дня, въ который Сабина посѣтила старый дворецъ на Лохіи, а почтенная чета привратниковъ была такъ неожиданно изгнана изъ своего уютнаго домика, управитель, обыкновенно пасмурный, былъ въ отличномъ расположеніи духа.

Посѣтивъ Селену, Керавнъ пересталъ безпокоиться объ ея участи. Болѣзнь дочери была не опасна, уходъ за ней былъ превосходный; отсутствіе же ея не огорчало ни дѣтей, ни отца.

Керавну жилось даже привольнѣе безъ его обычной, строгой совѣтницы.

Хоть бы еще немного пожить такъ, одному съ Арсиноей и дѣтьми,—мечталъ онъ, прохаживаясь по комнатамъ, потирая руки отъ удовольствія и беззвучно посмѣиваясь себѣ въ бороду.

Когда же старая рабыня поставила рядомъ съ обычной утренней миской супу блюдо пирожковъ, купленныхъ по его приказанію, онъ расхохотался отъ радости такъ громко, что все его грузное тѣло затряслось и заколыхалось.

Въ этотъ день Керавнъ имѣлъ полное основаніе радоваться: богатый Плутархъ только-что прислалъ ему кошелекъ съ золотомъ въ уплату за купленный имъ кубокъ изъ слоновой кости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и роскошный букетъ изъ розъ для его прелестной дочери. Такимъ образомъ являлась возможность побаловать дѣтей, купить головной обручъ изъ чистаго золота и заказать Арсиноѣ такой нарядъ, по которому ее можно будетъ принять за дочь префекта.

Словомъ, въ это утро тщеславіе Керавна было вполнѣ удовлетворено.

Новопріобрѣтенный рабъ такъ красивъ и представителенъ; плечистый ѳессаліецъ, носящій бумаги за самимъ архидикастомъ, едва ли сравнится съ нимъ въ важности осанки. Онъ купленъ только вчера, и какъ дешево купленъ! Онъ умѣетъ читать и писать и станетъ обучать дѣтей; кромѣ того новый слуга умѣетъ играть на лирѣ. Были, правда, нѣкоторыя пятна въ его прошедшемъ, почему онъ и проданъ за баснословно-дешевую цѣну; онъ нѣсколько разъ обворовалъ своего прежняго хозяина, но рубцы

и клеймо прикрыты нарядным хитоном, а сам Керавн чувствует в себе довольно силы, чтобы победить дурныя наклонности раба.

Приказав дочери не оставлять ничего ценнаго на виду, он отвечал на ея возраженія все с тою же веселостью и словоохотливостью:

— Было бы несравненно лучше, еслибы новый слуга был так же честен, как тот старый остов, что пошел за него в придачу, но я разсудил так: если ему и удастся украсть что-нибудь, все же нам не придется раскаиваться в его покупке. Он уступлен мне несколькими тысячами драхм дешевле своей настоящей цены, а школьный учитель для детей обошелся бы во всяком случае дороже тех безделиц, которыя он может у нас украсть. Золото же наше я все припрячу в ящик с документами, а его не взломаешь без помощи лома. Впрочем, врядъ ли малый в скорости опять примется за кражу: прежній хозяин был не из числа кротких и, должнобыть, порядочно повыбил из него эту блажь. И как хорошо,—продолжал болтать Керавн,—что закон обязывает продавца заявлять о пороках раба под угрозой ответственности за все украденное у новаго господина.

— Но, батюшка,— настаивала Арсиноя,— будет очень непріятно жить в одном доме с заведомо нечестным человеком.

— Ты в этом ничего не смыслишь. Для нас честность, разумеется, обязательна; но для раба... Царь Антіох говаривал: «если хочешь, чтобы тебе хорошо служили, окружи себя мошенниками».

Даже когда Арсиноя вышла на балкон, вызванная пеніем своего возлюбленнаго, отец хотя и воротил ее, но не с упреками, а ласково трепля по щеке и продолжая с нею пошучивать.

— Сынок сторожа, которому я уже раз указал дверь, начинает, кажется, засматриваться на тебя с тех пор, как ты избрана в Роксаны. Но у нас с тобой, милочка, должны быть теперь виды на совсем иных женихов. Что бы ты сказала, милая, еслибы старый Плутарх прислал тебе букет не от своего имени, а от имени сына? Он, говорят, очень желает его женить, но для разборчиваго жениха все александрійскія невесты недостаточно хороши собой.

— Я его не знаю, да и он обо мне, бедненькой, не помышляет.

— Ты думаешь?—переспросилъ Керавнъ, широко улыбаясь.— А понравилось бы тебѣ длинное, волнистое пурпуровое платье и колесница съ сѣрыми конями и скороходами впереди?

За завтракомъ размечтавшійся управитель выпилъ залпомъ два кубка крѣпкаго вина, почти не разбавленнаго водой. Влетѣвшая въ комнату ласточка, счастливое предзнаменованіе, еще болѣе окрылила стараго толстяка.

Керавнъ собрался было идти въ совѣтъ съ новымъ осанистымъ тѣлохранителемъ позади себя, но пришелъ женскій портной Софиллъ съ своею помощницей и Арсиноя должна была примѣрять костюмъ Роксаны, заказанный для нея женой префекта.

Она охотно уступила бы свою роль другой дѣвушкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ей очень хотѣлось посмотрѣть на пышныя платья, приготовленныя для нея.

Портной замѣтилъ, что горничной Арсинои не худо бы присутствовать при одѣваніи своей госпожи, иначе она не съумѣетъ ей помочь въ день. представленія, такъ какъ костюмъ Роксаны сшитъ по образцу азіятскихъ, а не греческихъ.

— Горничной моей дочери, къ сожалѣнію, нѣтъ дома,—прервалъ Керавнъ, лукаво подмигнувъ Арсиноѣ.

— Все равно, — сказала помощница портнаго, — я одна справлюсь и охотно послужу такой красавицѣ и нынче, и въ день представленія.

— Работать для твоей дочери,—прибавилъ портной,—истинное наслажденіе. Другихъ приходится украшать нарядами, а дочь твоя сама украшаетъ всякій нарядъ.

— Ты, я вижу, учтивый малый,—замѣтилъ Керавнъ, когда Арсиноя ушла во внутреннія комнаты.

— Знатныя матроны, удостоивающія меня своими заказами, любятъ не только видѣть дѣйствіе своей красоты, но и слышать о ней. Къ несчастію, тѣ изъ нихъ, которыхъ боги обидѣли въ этомъ отношеніи, всего требовательнѣе на льстивыя рѣчи. Такъ толки о состояніи еще болѣе радуютъ бѣдныхъ, чѣмъ богатыхъ.

— Хорошо сказано, другъ, — глубокомысленно молвилъ Керавнъ.—Я самъ не такъ богатъ, какъ бы слѣдовало по знатности моего происхожденія, однако для дочери...

— Благородная Юлія уже выбрала сама блестящія матеріи...

— Это хорошо, но вѣдь и по окончаніи праздника дочери моей, теперь уже взрослой, потребуются для дома и для выѣздовъ приличныя платья, хотя и не столь дорогія...

— Настоящая красота, повторяю, вовсе не требуетъ блестящихъ одеждъ.

— Согласишься ли ты работать по болѣе умѣреннымъ цѣнамъ?

— Съ удовольствіемъ. Я уже сказалъ, что обязанъ твоей дочери за то, что она надѣнетъ мою работу. Прельщаясь ея красотой, всякій, естественно, спроситъ, кто ея портной.

— Сколько же ты возьмешь?

— Объ этомъ мы успѣемъ уговориться послѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, порѣшимъ теперь же.

— Позволь мнѣ немного подумать. Если платье очень просто, то тутъ еще труднѣе угодить. Женщинамъ не растолкуешь, что онѣ красивѣе въ простенькихъ платьяхъ.

Пока ста́рики разговаривали такимъ образомъ, закройщица украшала прелестные волосы Арсинои фальшивыми жемчугами, принесенными ею изъ дома, и примѣряла дѣвушкѣ, съ помощью булавокъ, голубыя и бѣлыя одежды азіятской царицы.

Арсиноя очень неохотно начала одѣваться; но ловкая портниха такъ съумѣла развеселить ее то шуткой, то какъ бы невольно вырвавшимся восклицаніемъ удивленія ея красотѣ, что молодая дѣвушка мало-по-малу втянулась въ дѣло и начала уже наряжаться съ видимымъ удовольствіемъ.

Весной каждый кустикъ радуется своему пышному убранству, какъ же было простенькой дѣвушкѣ, полу-ребенку, не радоваться своему чудному наряду и своей красотѣ, все увеличивавшейся подъ руками опытной швеи?

Восхищенная Арсиноя то хлопала въ ладоши, то требовала зеркало, чтобъ еще и еще полюбоваться собой.

Закройщица портнаго была отъ нея въ восторгѣ; она радовалась все возраставшей ея прелести и наконецъ попросила позволенія запечатлѣть смиренный поцѣлуй на бѣленькой, дивно-округленной шейкѣ дѣвушки.

«Ахъ, зачѣмъ здѣсь нѣтъ Поллукса, чтобы взглянуть на меня! — со вздохомъ подумала Арсиноя. — Ахъ, еслибъ я могла послѣ представленія забѣжать къ Селенѣ и показать ей мой нарядъ! Тогда бы она можетъ-быть извинила мое желаніе играть Роксану. Чѣмъ же я, въ самомъ дѣлѣ, виновата въ томъ, что хороша собой?»

Дѣти окружали сестру и при каждомъ налагаемомъ на нее украшеніи вскрикивали въ одинъ голосъ отъ восхищенія. Даже слѣпой Геліосъ умолялъ, чтобъ ему дали прикоснуться къ ея

одеждѣ. Осмотрѣвъ тщательно его ручки и увѣрившись, что онѣ чисты, Арсиноя провела ими по шелковисто-мягкой ткани своего костюма.

Когда все было готово, Арсиноя, величаво выпрямивъ шейку, какъ настоящая царевна, прошлась по комнатѣ и подошла ужь къ двери, чтобы позвать отца, какъ вдругъ отшатнулась.

— Постой,—сказала она шедшей за ней рабѣ,—у отца гости.

Прильнувъ ухомъ къ замочной скважинѣ, Арсиноя стала прислушиваться.

Сначала она ничего не понимала изъ происходившаго въ сосѣдней комнатѣ; но вдругъ ей все стало ясно.

Керавнъ только-что заказалъ было два новыхъ платья для своей дочери, условившись окончательно въ цѣнѣ и обѣщавъ Софиллу расплатиться немедленно, какъ въ комнату вошелъ Масторъ. Рабъ доложилъ управителю, что господинъ его проситъ позволенія войти къ нему вмѣстѣ съ продавцомъ рѣдкостей, Габиніемъ.

— Пускай твой господинъ войдетъ, — отвѣчалъ гордо Керавнъ. — Но Габиній никогда не переступитъ моего порога, потому что онъ—мошенникъ.

— Попросилъ бы ты этого человѣка выйти, — продолжалъ Масторъ, указывая на портнаго.

— Кому угодно посѣтить меня,—гордо отвѣчалъ Керавнъ,—тотъ долженъ встрѣчаться въ моемъ домѣ со всякимъ, кому я дозволяю входъ въ него.

— О нѣтъ, нѣтъ! — настаивалъ рабъ. — Это ты говоришь только потому, что не знаешь, кто мой господинъ.

— Знаю, очень знаю!—продолжалъ снисходительнымъ голосомъ Керавнъ.—Онъ знакомъ кесарю, но вѣдь еще неизвѣстно, чью сторону возьметъ Адріанъ послѣ того представленія, которое мы ему готовимъ. Человѣкъ же этотъ—портной; у него здѣсь есть дѣло и онъ останется.

— Портной? — въ ужасѣ воскликнулъ рабъ. — Онъ долженъ уйти!

— Долженъ?—переспросилъ раздраженный Керавнъ.—Въ моемъ домѣ рабъ отдаетъ мнѣ приказанія? Посмотримъ!

— Я ухожу,—прервалъ его разсудительный портной,—и возвращусь черезъ четверть часа; изъ-за меня не должно быть ссоры.

— Ты останешься,—настаивалъ Керавнъ. — Дерзкій римлянинъ думаетъ, кажется, что весь Лохій принадлежитъ ему. Но мы еще увидимъ, кто здѣсь повелѣваетъ.

Мастора не смутили ни эти слова, ни голосъ, которымъ они были произнесены; онъ схватилъ портнаго за руку и увлекъ его за собой.

Керавнъ разсудилъ, что и въ самомъ дѣлѣ присутствіе портнаго не принесло бы ему чести. Онъ хотѣлъ показать себя надменному зодчему во всемъ блескѣ своего величія, но вспомнилъ во-время, что нетактично раздражать безъ нужды такого бородача, да еще съ огромнымъ псомъ.

Озабоченный ходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Чтобы придать себѣ духу, управитель выпилъ одинъ за другимъ два кубка вина и съ вишнево-красными щеками сталъ ожидать своего противника.

Императоръ вошелъ въ сопровожденіи Габинія.

Керавнъ, не кланяясь, ожидалъ привѣтствія со стороны гостей, но Адріанъ не удостоилъ его ни единымъ словомъ, а только бросилъ ему взглядъ, исполненный презрѣнія.

Кровь бросилась управляющему въ голову и онъ въ теченіе минуты только беззвучно шевелилъ губами.

Габиній, не обративъ на хозяина дома также никакого вниманія, повелъ Адріана прямо къ злополучной картинѣ, за которую онъ предлагалъ высокую цѣну и былъ такъ отдѣланъ Керавномъ нѣсколько дней тому назадъ.

Едва успѣлъ императоръ углубиться въ созерцаніе картины, какъ за нимъ раздался хриплый голосъ управителя, изъ судорожно сжатой груди котораго съ трудомъ вырывалось слово за словомъ.

— Въ Александріи у насъ кланяются... кланяются тѣмъ, кого посѣщаютъ.

— И у насъ въ Римѣ кланяются честнымъ людямъ, — сказалъ Адріанъ съ обиднымъ равнодушіемъ, не смотря ни на кого.

Затѣмъ онъ опять сосредоточилъ все свое вниманіе на картинѣ и только восклицалъ: «безцѣнное, чудное твореніе!»

Глаза Керавна готовы были выскочить изъ орбитъ.

— Что означаютъ твои слова?—прохрипѣлъ онъ, приблизивъ къ императору свое вишнево-красное лицо съ поблѣднѣвшими губами.

Адріанъ внезапнымъ и быстрымъ движеніемъ поворотился къ нему. Изъ глазъ его сверкало то всеуничтожающее пламя, которое могли переносить немногіе.

— Я хочу сказать,—прокричалъ онъ громовымъ голосомъ,— что ты нечестный управитель! Мнѣ извѣстно, какъ ты обращаешься съ ввѣреннымъ тебѣ добромъ.

— Я, я?—переспросилъ Керавнъ, наступая на императора.

— Ты!—крикнулъ ему въ упоръ Адріанъ.—Ты хотѣлъ продать вотъ этому торговцу мозаику, что у нашихъ ногъ! Ты умудрился быть заразъ и простакомъ, и мошенникомъ!

— Я, я? — хрипѣлъ, задыхаясь, старикъ, ударяя себя въ грудь.—Я могъ... Ты мнѣ отвѣтишь за эти слова...

Адріанъ отвернулся, захохоталъ холоднымъ, презрительнымъ смѣхомъ.

Тогда Керавнъ съ несвойственною ему быстротой бросился къ Габинію, схватилъ его за воротъ хитона и началъ трясти, какъ молодое деревцо.

— Я заставлю тебя подавиться твоею клеветой, змѣя, лукавое чудовище!—шипѣлъ онъ, скрежеща зубами.

— Безумный! оставь лигурійца или, клянусь собакой, ты покаешься...

— Покаюсь?—вопилъ управитель.—Тебѣ придется каяться, когда здѣсь будетъ императоръ. Тогда сведу мои счеты и съ гнуснымъ клеветникомъ, и съ легковѣрнымъ простофилей.

— Замолчи!—сказалъ Адріанъ медленно и грозно.—Не знаешь ты, съ кѣмъ говоришь?

— О, я знаю тебя, знаю слишкомъ хорошо! Но я, я... знаешь ли ты, кто я?

— Ты?—сказалъ императоръ, пожимая плечами,—ты дуракъ!

И, помолчавъ немного, онъ прибавилъ холодно, почти равнодушно:

— Я—кесарь.

Рука управителя выпустила при этихъ словахъ хитонъ полузадушеннаго Габинія.

Безсмысленными глазами смотрѣлъ Керавнъ нѣсколько минутъ прямо въ лицо Адріану и вдругъ началъ опускаться. Онъ весь перегнулся назадъ, испуская какой-то нечеловѣческій, заклокотавшій въ его груди, крикъ и рухнулъ на полъ, какъ падаетъ во время землетрясенія скала, лишенная своего вѣковаго основанія.

Стѣны комнаты дрогнули отъ его паденія.

Адріанъ испугался, увидавъ Керавна у ногъ своихъ, и нагнулся къ нему не изъ жалости, впрочемъ, а изъ желанія удостовѣриться, все ли съ нимъ покончено.

Въ ту самую минуту, какъ императоръ поднималъ руку упавшаго управителя, чтобъ ощупать пульсъ, въ комнату ворвалась

Арсиноя. Она услыхала изъ-за двери грохотъ отъ упавшаго тѣла. Увидавъ отца своего лежащимъ на полу, она распростерлась у ногъ Адріана, рядомъ съ безжизненнымъ трупомъ.

Взглянувъ на его синеватое, уже обезображенное смертью лицо, дѣвушка поняла все случившееся и разразилась горькими рыданіями покинутаго ребенка.

Слѣдомъ за Арсиноей вбѣжали въ комнату ея маленькія сестры и братья и присоединили свой плачъ къ ея воплямъ.

У императора никогда не было ни сына, ни дочери и онъ ненавидѣлъ крикъ дѣтей. Тѣмъ не менѣе онъ молча вытерпѣлъ окружавшій его визгъ, пока не удостовѣрился, какъ врачъ, въ смерти своего управителя.

— Умеръ! — проговорилъ онъ.— Масторъ, накрой ему лицо платкомъ.

При этихъ словахъ незнакомаго господина дѣти и Арсиноя взвыли еще громче и Адріанъ досадливо оглянулся на нихъ. Ему прежде всего бросилась въ глаза бѣдная дѣвушка, едва сметанныя одежды которой, полопавшись отъ ея судорожныхъ рыданій, висѣли пестрыми лохмотьями. Роскошь и вмѣстѣ безпорядокъ ея костюма плохо гармонировали съ ея искаженною плачемъ наружностью и съ ужасомъ отъ потери отца и Адріанъ поспѣшилъ удалиться изъ этой обители слезъ и стенаній.

Габиній послѣдовалъ за своимъ повелителемъ.

На чудную мозаику, пропадавшую въ жилищѣ управителя, указалъ императору самъ антикварій, обвинивъ честнаго Керавна въ намѣреніи тайно продать ее.

Въ настоящую минуту оклеветанный былъ уже мертвъ и лживость словъ торговца не могла, казалось, быть обнаружена. Это успокоило клеветника; кромѣ того его радовала мысль, что роль Роксаны передана будетъ его дочери, такъ какъ Арсиноѣ уже невозможно теперь ее выполнить.

Адріанъ шелъ въ глубокомъ молчаніи. Габиній вошелъ за нимъ въ его рабочую комнату и сказалъ съ видомъ глубокой набожности:

— Да, великій государь, такъ наказываютъ боги тайное преступленіе!

Адріанъ далъ ему договорить.

— Мнѣ кажется, — сказалъ онъ, пристально посмотрѣвъ на антикварія своимъ умнымъ, проницательнымъ взоромъ,—я сдѣ-

лаю хорошо, если прекращу всякое сношеніе съ тобой и отдамъ другому тѣ порученія, которыя хотѣлъ довѣрить тебѣ.

— Но, государь!—лепеталъ Габиній.—Не знаю, что могло...

— Я знаю,—прервалъ его повелитель,—что ты хотѣлъ меня провести и свалить собственную вину на чужія плечи.

— Я, великій кесарь? Какъ могъ я...

— Ты хотѣлъ обвинить покойнаго управителя въ мошенничествѣ. Но я знаю людей и ни одинъ воръ, думаю, еще не умиралъ отъ ужаса, что его назвали мошенникомъ. Только незаслуженное оскорбленіе можетъ сразить до смерти.

— Керавнъ былъ человѣкъ тучный. Испугъ при мысли, что онъ говоритъ съ самимъ императоромъ...

— Испугъ могъ ускорить его смерть. Но мозаика, изъ-за которой все это случилось, стоитъ болѣе милліона сестерцій, а ты, какъ ясно вижу я съ тѣхъ поръ, какъ внимательно поглядѣлъ тебѣ въ глаза, не такой человѣкъ, чтобъ отказаться такъ или иначе отъ покупки столь драгоцѣннаго произведенія. Керавнъ, какъ я теперь понялъ, отказывалъ тебѣ въ продажѣ сокровища, скрытаго въ его жилищѣ... Уйди теперь. Я хочу остаться одинъ.

Габиній вышелъ изъ комнаты, пятясь и отвѣшивая низкіе поклоны. Очутившись за дверью, онъ началъ бормотать себѣ подъ носъ проклятія.

Между тѣмъ новокупленный тѣлохранитель покойнаго Керавна, старая рабыня, Масторъ и портной съ его помощницей помогли бѣдной Арсиноѣ положить на постель тѣло ея отца.

Рабъ закрылъ хозяину глаза.

Арсиноя все еще не хотѣла вѣрить, что отецъ ея умеръ. Оставшись наединѣ съ покойникомъ и старою рабыней, она съ усиліемъ подняла его руку, но рука эта упала на ложе, какъ свинцовая гиря. Она приподняла платокъ съ его лица и съ ужасомъ опустила его.

Тогда она съ любовью облобызала холодную руку покойнаго и заставила дѣтей поочередно прикладываться къ ней.

— Теперь у насъ нѣтъ болѣе отца! — говорила она имъ, всхлипывая.—Мы его никогда, никогда не увидимъ больше.

— Развѣ онъ не встанетъ завтра утромъ?—спросилъ слѣпой Геліосъ, проводя ручонками по тѣлу отца. — Развѣ онъ не велитъ тебѣ завить ему кудри? Развѣ не подниметъ на руки своего Геліоса?

— Никогда, никогда!... Съ нимъ все покончено, все, все!...

При этихъ словахъ въ комнату входилъ Масторъ съ порученіемъ отъ своего господина.

Только наканунѣ узналъ онъ отъ начальника мостовщиковъ о воскресеніи всѣхъ послѣ земной жизни, полной мукъ и страданій, къ жизни новой, свѣтлой, вѣчной.

Ему нетерпѣлось сообщить это и бѣднымъ сиротамъ.

Подойдя къ Арсиноѣ, онъ ласково возразилъ ей:

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣти, послѣ смерти мы всѣ станемъ ангелами съ радужными крыльями и встрѣтимъ тамъ, на небесахъ, въ объятіяхъ добраго Небеснаго Отца всѣхъ тѣхъ, кого мы здѣсь любили.

— Къ чему морочишь ты пустыми сказками этихъ бѣдныхъ дѣтей?—сурово сказала Арсиноя.—Отецъ нашъ совсѣмъ умеръ и все для него кончено. Намъ остается только стараться не забывать его.

— Стало-быть, на небесахъ нѣтъ ангеловъ съ цвѣтными крыльями?—уныло переспросила Арсиною ея меньшая сестренка.

— Я, я хочу быть ангеломъ!—закричалъ Геліосъ.—Ангелы могутъ видѣть?

— Они все видятъ и зрѣніе ихъ лучше нашего. Они видятъ прекрасное и свѣтлое,—отвѣчалъ Масторъ.

— Прошу тебя, не мучь насъ теперь всѣмъ этимъ христіанскимъ вздоромъ!—взмолилась бѣдная Арсиноя.—Завтра, дѣти,—продолжала она,—нашего отца сожгутъ и отъ него ничего не останется кромѣ нѣсколькихъ горстей пепла.

Масторъ поднялъ Геліоса и шепнулъ ему на ухо:

— Повѣрь мнѣ, ты увидишь своего отца на небесахъ!

И опустивъ на землю слѣпаго мальчика, онъ вручилъ Арсиноѣ кошелекъ съ золотыми, присланный ей императоромъ, и сообщилъ дѣвушкѣ тяжелое приказаніе Адріана. Ей велѣно было оставить теперешнее жилище немедленно послѣ сожженія трупа отца, т. е. на слѣдующій же день, и отыскать себѣ съ дѣтьми новое помѣщеніе.

По уходѣ Мастора, Арсиноя открыла ящикъ съ документами, гдѣ лежалъ кошелекъ Плутарха, припрятанный еще покойникомъ, и бережно положила туда деньги, подаренныя кесаремъ, радуясь сквозь горькія слезы, что дѣти, хотя на первое время, избавлены отъ нищеты.

Но куда же она дѣнется завтра съ дѣтьми? Какъ найти для нихъ убѣжище и что будетъ съ ними, когда выйдутъ деньги?

Но, благодареніе богамъ, у нея есть друзья.

У Поллукса она найдетъ любовь и покровительство, у Дориды—материнскую ласку и совѣтъ. Еще нѣсколько минутъ—и она выплачетъ свое горе на груди милаго...

Арсиноя утерла глаза, сняла съ плечъ остатки пышнаго убранства, выплела изъ волосъ поддѣльный жемчугъ и, надѣвъ тѣ темныя одежды, въ которыхъ хаживала на папирусную фабрику, пошла къ сторожевому домику.

Уже ей оставалось до него только нѣсколько шаговъ. Но... что же это?... Почему не выпрыгиваютъ ей на встрѣчу «граціи»? Почему не видно на окнахъ ни цвѣтовъ, ни птицъ? Глаза ли ее обманываютъ, или видитъ она все это во снѣ? Или, можетъ-быть, злые духи играютъ съ ней?...

Дверь маленькаго уютнаго домика отворена настежъ и передняя стоитъ пустая. Не видать нигдѣ ни брошенной посуды, ни даже листка, упавшаго съ вынесенныхъ растеній. Дорида, уходя, все вымела и вычистила, по своему обыкновенію, въ тѣхъ немногихъ комнаткахъ, гдѣ она дожила до сѣдыхъ волосъ.

Что же случилось и куда ушли друзья бѣдной Арсинои?

Горькое чувство полнѣйшаго одиночества охватило ее съ новою силой и когда она опустилась на каменную скамью передъ сторожкой, чтобы выжидать возвращеніе своихъ друзей, слезы опять наполнили ея глаза и тяжелыми каплями падали ей на руки, сложенныя на груди.

Она все еще сидѣла на скамьѣ, припоминая съ усиленнымъ біеніемъ сердца подробности вчерашняго еще радостнаго свиданія съ Поллуксомъ, когда къ опустѣвшему жилищу подошла толпа черныхъ рабовъ.

Начальникъ ихъ попросилъ Арсиною встать со скамьи и на ея распросы отвѣчалъ, что сторожъ съ семьей высланы императоромъ изъ дворца, а сторожку велѣно немедленно срыть до основанія.

Куда удалились ея друзья—этого никто не могъ сказать.

У Арсинои помутилось въ глазахъ, какъ у мореходца, когда ладья его разбивается о скалу и подъ ногами расходятся и уплываютъ доски.

Какъ бывало въ дѣтствѣ она въ минуту страха или горя бѣжала къ своей Селенѣ, такъ и теперь вспомнила она о стар-

шей сестрѣ и рѣшилась идти къ ней за совѣтомъ. Уже смеркалось.

Утирая концомъ пеплума набѣгавшія на глаза слезы, Арсиноя поспѣшила домой, чтобы взять покрывало, безъ котораго ей было неприлично выходить на улицу въ такую позднюю пору.

На лѣстницѣ, на той самой, съ которой молоссъ столкнулъ недавно бѣдную Селену, ей повстрѣчался какой-то человѣкъ.

Въ полумракѣ онъ показался ей похожимъ на раба, только-что купленнаго ея покойнымъ отцомъ, но, озабоченная своими горестными мыслями, Арсиноя не обратила на него вниманія.

Въ кухнѣ, подлѣ лампады, уныло сидѣла черная рабыня, а подлѣ очага стояли булочникъ и мясникъ, кредиторы покойнаго Керавна. Дурныя вѣсти распространяются быстрѣе радостныхъ и оба лавочника уже знали о смерти своего должника.

Арсиноя велѣла себѣ посвѣтить, попросила купцовъ подождать и съ невольнымъ трепетомъ вступила въ ту комнату, гдѣ лежалъ холодный трупъ отца, котораго она еще такъ недавно ласкала.

Но и въ эту страшную минуту она радовалась мысли, что можетъ заплатить долги покойнаго и не оставить пятна на его имени.

Съ ключомъ въ рукахъ она быстро подошла къ ящику.

Но... что-жь это такое?...

Уходя, она бережно заперла сундукъ, а теперь открытая крышка виситъ на одной петлѣ.

Ужасъ страшнаго подозрѣнія оледенилъ въ ней молодую кровь.

Древніе пергаменты, тщательно свитые, лежали рядами на днѣ сундука, но кошельковъ съ золотомъ уже не было.

Новокупленный рабъ, очевидно, взломалъ сундукъ въ отсутствіе Арсинои и укралъ все состояніе сиротъ человѣка, купившаго его изъ пустаго тщеславія.

Громко вскрикнувъ, бѣдная дѣвушка позвала лавочниковъ и разсказала имъ о своемъ несчастіи. Но они только пожимали плечами, видимо не довѣряя словамъ сироты.

Тогда она начала клятвенно завѣрять ихъ въ правдѣ своихъ словъ, умоляя помочь ей отыскать бѣжавшаго раба. Она обѣщала во всякомъ случаѣ заплатить имъ долги какъ вещами своего отца, такъ и своими собственными.

Арсиноя помнила имя торговца невольниками, у котораго былъ купленъ молодой ѳессаліецъ, и сообщила его купцамъ, которые

наконецъ рѣшились оставить ее и преслѣдовать бѣжавшаго вора.

Съ сухими глазами и лихорадочною дрожью накинула дѣвушка на голову покрывало и побѣжала по двору и по улицамъ къ сестрѣ своей.

Да, послѣ посѣщенія Сабины, изъ стараго дворца улетѣли всѣ добрые геніи.

Глава одиннадцатая.

Около стѣны, окружавшей садъ вдовы Пудента, стоялъ въ совершенной темнотѣ циникъ.

Онъ не громко, но оживленно спорилъ съ человѣкомъ, который былъ, также какъ и онъ, въ изорванномъ плащѣ съ нищенскою сумой.

— Не отрицай, что ты сочувствуешь христіанамъ,—говорилъ послѣдній.

— Но... послушай,—съ жаромъ перебилъ циникъ.

— Нечего мнѣ тебя слушать,—я уже десятый разъ вижу, какъ ты тайкомъ пробираешься въ ихъ собраніе.

— Развѣ я это отрицаю? Развѣ я не признаюсь откровенно, что готовъ искать правду вездѣ, гдѣ только есть малѣйшая надежда найти ее?

— Какъ тотъ египтянинъ, который, желая поймать чудную рыбу, началъ наконецъ закидывать удочку въ песокъ?

— Что-жь?—онъ поступалъ благоразумно.

— Ты думаешь?

— Чудное находится какъ разъ не тамъ, гдѣ его ищутъ, а въ поискахъ за правдою не слѣдуетъ пренебрегать и болотомъ.

— А христіанское ученіе и есть, вѣроятно, такая топь?

— Пусть будетъ по-твоему.

— Въ такомъ случаѣ берегись, чтобы не застрять въ трясинѣ.

— Буду остороженъ.

— Ты недавно говорилъ, что между христіанами есть и порядочные люди.

— Есть нѣсколько, но за то остальные... вѣчные боги!— рабы, нищіе, обѣднѣвшіе мастеровые, простой народъ, тупыя, не философскія головы и цѣлыя массы женщинъ.

— Такъ избѣгай ихъ!

— Тебѣ бы не слѣдовало мнѣ это совѣтовать.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

Циникъ близко подошелъ къ своему собрату и спросилъ его шепотомъ:

— Откуда, думаешь ты, беру я деньги для нашего существованія?

— Если только ты ихъ не крадешь, то для меня это безразлично.

— Но когда выйдутъ всѣ деньги, тебѣ придется быть полюбопытнѣе.

— Ни мало. Мы, стремящіеся къ добродѣтели, должны сдѣлать себя независимыми отъ нуждъ природы и ея требованій. Разумѣется, иной разъ и природа торжествуетъ надъ нами. Если уже разсказывать, однако, то говори скорѣе: откуда берешь ты средства къ жизни?

— У христіанъ деньги, должно-быть, прожигаютъ кошельки: отдать ихъ бѣднымъ имъ кажется не только обязанностью, но даже дѣйствительнымъ наслажденіемъ. И вотъ они даютъ мнѣ каждую недѣлю нѣсколько драхмъ для моего нуждающагося брата.

— Какъ тебѣ не совѣстно? Вѣдь ты единственный сынъ своего покойнаго отца.

— По словамъ христіанъ, всѣ люди—братья, и потому я могу назвать тебя своимъ братомъ безо всякой лжи.

— Что-жь, пожалуй, ступай себѣ туда!—рѣшилъ товарищъ циника, толкая его.—Не пойти ли и мнѣ съ тобой? Христіане, можетъ-быть, дадутъ и мнѣ денегъ на пропитаніе моего голоднаго брата, тогда мы съ тобой и будемъ покупать себѣ двойные обѣды.

Циники-философы громко расхохотались и разошлись въ разныя стороны. Одинъ пошелъ въ городъ, другой направился къ саду вдовы.

Арсиноя достигла сада Ганны ранѣе нечестнаго философа и вошла въ него, не остановленная привратникомъ.

Чѣмъ болѣе приближалась бѣдная дѣвушка къ цѣли, тѣмъ старательнѣе пыталась она обдумать, какъ сообщить больной сестрѣ, не испугавъ ея, тѣ ужасныя вѣсти, которыя Селена рано или поздно должна была узнать.

Страхъ Арсинои почти равнялся ея горю.

Вспоминая все случившееся за послѣдніе дни, она считала себя почему-то виновницей семейныхъ несчастій. Уже не плача, а съ тихими стенаніями шла она къ домику.

На полпути Арсиноя остановилась въ раздумьѣ, не лучше ли ей разыскать Поллукса и просить у него защиты. Мысль о возлюбленномъ невольно приплеталась къ ея заботамъ и горестямъ, къ ея планамъ на будущее, которые она старалась составить въ своей, не привыкшей къ серьезному мышленію, головкѣ. Поллуксъ, конечно, добръ и охотно окажетъ ей помощь, но дѣвичья робость мѣшала Арсиноѣ отыскивать его ночью.

Достигнувъ домика вдовы, она слегка постучалась въ дверь.

Въ это время въ саду вдовы Пудента прохаживались взадъ и впередъ, по-одиночкѣ и группами, мужчины и закутанныя въ покрывала женщины.

Одни пришли сюда изъ мастерскихъ, изъ сосѣднихъ домиковъ и конторъ, другіе—изъ величественныхъ зданій и дворцовъ на главныхъ улицахъ города. У каждаго изъ приходившихъ, начиная съ богатаго торговца и кончая рабомъ, была какая-то важная, свѣтлая мысль на челѣ. Каждый, встрѣчая другаго, привѣтствовалъ его, какъ друга; господинъ братски обнимался съ слугою, рабъ съ своимъ повелителемъ, такъ какъ община, къ которой они всѣ принадлежали, составляла одно тѣло и проповѣдывала равенство предъ лицомъ Бога.

Тѣмъ не менѣе члены этой общины глубоко преклонялись передъ тѣми изъ христіанъ, которыхъ Господь украшалъ особыми дарами своего духа.

Въ воскресенье всѣ христіане безъ исключенія собирались на общественное богослуженіе.

Но сегодня, въ среду, была вечеря любви въ загородномъ домѣ Паулины и на нее приходилъ только тотъ, кто желалъ.

Сама вдова жила въ городѣ, предоставляя единовѣрцамъ своей части города залу пиршествъ на своей виллѣ, которая могла вмѣстить нѣсколько сотенъ людей.

Паулина, вдова Пудента и сестра архитектора Понтія, была женщина съ большимъ состояніемъ; но она всячески остерегалась излишнихъ расходовъ по домашнему хозяйству, не считая себя въ правѣ наносить значительнаго ущерба наслѣдственному достоянію своего сына. Этотъ сынъ участвовалъ въ торговыхъ дѣлахъ своего дяди и жилъ въ Смирнѣ; Александрію онъ оставилъ отчасти потому, что не одобрялъ сношеній своей матери съ христіанами.

Принимая своихъ единовѣрцевъ со всевозможнымъ радушіемъ, Паулина умѣла устроиться такъ, что угощеніе обходилось ей не

дороже, чѣмъ другимъ богатымъ членамъ общины, собиравшимся въ ея домѣ. Достаточные христіане приносили на трапезу гораздо болѣе, чѣмъ требовалось для нихъ самихъ; излишекъ шелъ на долю бѣдныхъ, которые однако не чувствовали ни малѣйшаго униженія, такъ какъ въ собраніяхъ неоднократно говорилось, что невидимый хозяинъ на вечери не человѣкъ, а самъ Христосъ-Богъ, для котораго всякій вѣрующій—желанный гость.

Ганна принадлежала къ числу діакониссъ, занимавшихся раздачей милостыни и лѣченіемъ больныхъ.

Когда насталъ часъ вечери, она стала готовиться къ уходу изъ дому, поставила лампу за кружку съ водой, чтобы свѣтъ не безпокоилъ Селены, и поручила Маріи давать ей лѣкарство въ назначенное время.

Ганна знала, что больная, за которой она ходила, пыталась еще вчера лишить себя жизни, но она не разспрашивала и по возможности не тревожила бѣдную дѣвушку, которая то спала, то бредила съ открытыми глазами.

Старикъ-врачъ удивлялся крѣпости ея организма, такъ какъ послѣ вчерашняго паденія въ воду у нея не только не было лихорадки, но и нога ея начала понемногу выздоравливать.

Вообще Ганна могла ожидать, что Селена вскорѣ поправится, если только непредвидѣнный случай не остановитъ ея выздоровленія.

Собраніе старѣйшинъ, предшествовавшее вечери любви, уже началось, когда Ганна взяла навощенную дощечку, на которой была обозначена раздача денегъ бѣднымъ изъ ввѣренныхъ ей суммъ. Ласковымъ взглядомъ простилась она съ больной и Маріей.

— Я помяну тебя въ своихъ молитвахъ, добрая душа,— шепнула вдова послѣдней.—Въ шкафу оставлено тебѣ, что поѣсть. Извини, что такъ мало. Намъ приходится соблюдать экономію,—послѣднее лѣкарство было такъ дорого.

Въ маленькой передней горѣла лампочка, зажженная Маріей при наступленіи темноты. Вдова остановилась передъ ней въ раздумьѣ, не потушить ли ее ради сбереженія масла. Она только-что хотѣла потушить огонь, какъ вдругъ послышался легкій стукъ въ дверь и въ комнату вошла Арсиноя.

Ея глаза были полны слезъ и она нѣкоторое время стояла безмолвно, не будучи въ состояніи что-либо сказать.

Наконецъ дѣвушка собрала остатокъ силъ и воскликнула голосомъ, прерывавшимся отъ слезъ:

— Ахъ, Ганна, теперь все пропало! Нашъ отецъ... нашъ бѣдный отецъ...

Вдова предчувствовала, какое несчастіе постигло сестеръ.

— Тише, тише, дитя мое!—сказала она Арсиноѣ.—Сестра твоя ничего не должна знать объ этомъ. Пойдемъ въ садъ, тамъ ты мнѣ все разскажешь.

Когда онѣ вышли изъ дому, Ганна обняла дѣвушку и сказала, цѣлуя ее:

— Теперь разскажи мнѣ все; представь себѣ, что я твоя мать или сестра. Бѣдная Селена еще слишкомъ слаба, чтобы дать тебѣ совѣтъ или оказать помощь. Разскажи же мнѣ, какое несчастіе васъ постигло.

— Нашъ отецъ умеръ ударомъ.

— Бѣдное, дорогое дитя!—сказала вдова, снова крѣпко обнимая Арсиною.

Нѣкоторое время она съ безмолвною грустью смотрѣла на дѣвушку, тихо плакавшую на ея груди.

— Дай мнѣ теперь руку, дочь моя,—проговорила Ганна наконецъ,—и разскажи, какъ все это такъ быстро случилось,—вчера еще твой отецъ былъ живъ. Да, жизнь—тяжелое дѣло и вамъ приходится узнать это еще въ молодыхъ годахъ. У васъ шесть малютокъ въ домѣ, такъ что скоро можетъ оказаться недостатокъ въ самомъ необходимомъ, и тутъ стыдиться нечего. Я, конечно, еще бѣднѣе васъ, но надѣюсь, при помощи Божіей, помочь вамъ не только совѣтомъ, но и дѣломъ. Все, что возможно, будетъ устроено; но мнѣ надо сперва знать, въ чемъ вы нуждаетесь.

Сначала гордость удерживала Арсиною открыть вдовѣ всю плачевность ихъ положенія; но въ словахъ и голосѣ христіанки было столько участія и дружбы, что дѣвушка мало-по-малу разсказала всю правду,—ей и самой хотѣлось облегчить наболѣвшую душу, подѣлившись съ кѣмъ-нибудь своимъ горемъ.

Когда Ганна узнала, что надзоръ за дѣтьми порученъ, за отсутствіемъ Арсинои, старой, полуслѣпой рабынѣ, она озабоченно покачала головой.

— Здѣсь нужна скорая помощь,—сказала она рѣшительно.— Ты должна теперь идти къ дѣтямъ, не говоря ни слова Селенѣ. Когда ея силы окрѣпнутъ, мы ее понемногу приготовимъ къ случившемуся. По Божьему усмотрѣнію, ты пришла какъ разъ во-время.

Ганна повела Арсиною въ загородный домъ Паулины и оставила ее въ маленькой комнаткѣ, рядомъ съ форумомъ, гдѣ діа-

конисса оставила свои покрывала. Здѣсь дѣвушка была обезпечена отъ любопытныхъ вопросовъ и взглядовъ незнакомыхъ ей людей.

Вдова просила подождать ее, а сама отправилась къ собравшимся діакониссамъ, при чемъ ей пришлось пройти черезъ ту комнату, гдѣ происходило совѣщаніе діаконовъ и старѣйшинъ. Ганна почтительно поклонилась присутствовавшимъ.

Глава пресвитеровъ, епископъ, сидѣлъ на своемъ возвышенномъ мѣстѣ во главѣ стола; по правую и по лѣвую его стороны сидѣли старѣйшины. Нѣкоторые изъ нихъ казались іудейскаго и египетскаго происхожденія, но большинство — греческаго. Шли оживленныя пренія о важнѣйшихъ дѣлахъ возникающей христіанской церкви.

Разрѣшивъ главные вопросы и недоразумѣнія, епископъ велѣлъ позвать женщинъ, чтобы приступить къ раздачѣ милостыни бѣднымъ.

Вошли діакониссы и помѣстились на нижнемъ концѣ стола. Паулина заняла мѣсто противъ епископа посреди другихъ женщинъ. Вдова уже знала отъ Ганны о печальной судьбѣ семейства Керавна.

Когда діакониссы представили отчеты о своей дѣятельности въ пользу бѣдныхъ, она тихо подняла глаза и, устремивъ ихъ на епископа, проговорила:

— Вдова Ганна хочетъ разсказать вамъ очень горестное событіе,—я прошу для нея вниманія.

Паулина, казалось, чувствовала себя хозяйкой собранія своихъ единовѣрцевъ. Хотя лицо вдовы имѣло болѣзненный и страдальческій видъ, но голосъ звучалъ рѣшительно и твердо, а взглядъ ея прекрасныхъ глазъ былъ необыкновенно нѣженъ и привѣтливъ.

Послѣ воззванія Паулины начался трогательный разсказъ Ганны. Какою любовью дышали ея слова, когда она описывала несчастное положеніе сестеръ! Казалось, это были ея собственныя дѣти. Съ какимъ участіемъ въ голосѣ говорила она о беззащитныхъ, маленькихъ созданіяхъ, обреченныхъ въ жертву нищетѣ!

— Вся тяжесть ухода и пропитанія малолѣтнихъ,—закончила она,—лежитъ на второй дочери покойнаго управителя. Ей всего шестнадцать лѣтъ и она такъ хороша собой, что страшно подумать, какимъ искушеніямъ можетъ быть подвержена эта дѣвушка. Неужели мы не протянемъ ей руку помощи? Нѣтъ, нѣтъ! Если мы только любимъ Спасителя, то не будемъ къ ней жестокосерды.

Согласны ли вы? Ради Бога, не будемъ медлить своею помощью. Вторая дочь покойнаго Керавна теперь здѣсь, въ этомъ домѣ. Завтра она должна вмѣстѣ съ дѣтьми покинуть дворецъ на Лохіи. Отъ васъ зависитъ рѣшеніе ихъ участи.

Горячія слова христіанки вызвали искреннее участіе; епископъ и діаконы рѣшили предложить христіанамъ, собравшимся на вечерю любви, помочь бѣднымъ сиротамъ.

Между тѣмъ Ганна отвела Паулину къ Арсиноѣ, которая съ возрастающимъ страхомъ ожидала рѣшенія своей судьбы. Она казалась блѣднѣе обыкновеннаго; но, несмотря на заплаканные и потупленные глазки, была все-таки такъ хороша, такъ поразительно хороша, что видъ ея глубоко поразилъ Паулину.

Арсиноя напомнила вдовѣ ея покойную дочь, погибшую въ цвѣтѣ только-что развившейся красоты. Дочь Паулины умерла въ язычествѣ и ничто такъ не пугало бѣдную женщину, какъ мысль, что она не свидится съ ней на небесахъ. Чтобы вымолить у Бога это свиданіе, вдова готова была на какую угодно жертву. Она давно желала привязать къ себѣ какую-нибудь дѣвушку, воспитать въ христіанствѣ и принести ея спасенную душу въ даръ Спасителю.

— Ты всѣми оставлена?—спросила Паулина у стоявшей передъ ней дѣвушки.—У тебя нѣтъ родныхъ?

Арсиноя отрицательно покачала головой.

— Со смиреніемъ ли переносишь ты эту утрату?

Дѣвушка съ недоумѣніемъ взглянула на вдову.

— Она язычница,—шепнула Паулинѣ Ганна.

— Знаю,—коротко и рѣзко отвѣтила вдова и продолжала, обращаясь къ Арсиноѣ:—Со смертію отца ты потеряла все—родной кровъ и состояніе; въ домѣ моемъ ты найдешь все утраченное и взамѣнъ я не требую ничего, кромѣ твоей любви.

Послѣ этого женщины разстались.

Черезъ полчаса Арсиноя съ покорностью выслушала распоряженія христіанъ о своей семьѣ. Всѣ дѣти покойнаго управителя были пристроены. Арсиною брала къ себѣ Паулина.

Ганна выпросила, какъ милости, чтобъ ей отдали на воспитаніе слѣпого Геліоса. Она знала привязанность Селены къ этому ребенку и надѣялась, что захолодѣлая и унылая душа ея оттаетъ въ его присутствіи.

Глава двѣнадцатая.

Къ Кесареуму, дворцу, въ которомъ жила Сабина, примыкалъ прекрасный садъ.

Это было любимое мѣстопребываніе Бальбиллы и сегодня ей особенно хотѣлось насладиться въ саду яркимъ солнечнымъ утромъ двадцать перваго декабря. Небо и безграничное его зеркало—море—сіяли въ этотъ день поразительно-темною синевой. Ароматъ цвѣтущихъ кустовъ врывался къ ней въ окно, какъ бы вызывая ее оставить стѣны комнаты. Поддаваясь этому невинному искушенію, дѣвушка вышла и отыскала въ саду скамейку на солнечномъ мѣстѣ подъ тѣнью акацій. Это мѣсто отдохновенія было отдѣлено отъ болѣе посѣщаемыхъ дорожекъ живою изгородью. Гуляющіе, если только они не искали Бальбиллу, не могли ее здѣсь замѣтить; она же, напротивъ того, могла все видѣть сквозь просвѣты между вѣтвями.

Но юная дѣвушка-поэтъ была сегодня совсѣмъ не любопытна. Вмѣсто того, чтобы любоваться на оживленную стаями разныхъ птичекъ зелень, на чистое небо или на необъятную равнину моря, она устремила задумчивый взглядъ на пожелтѣвшій свитокъ папируса, видимо стараясь запечатлѣть въ памяти его сухое содержаніе.

Бальбилла поставила себѣ задачей выучиться говорить, писать и слагать стихи на эолійскомъ нарѣчіи греческаго языка.

Въ учителя она выбрала себѣ великаго грамматика Аполлонія, котораго ученики называли «темнымъ». Ученое сочиненіе, съ помощью котораго дѣвушка намѣревалась достигнуть своей цѣли, принадлежало когда-то знаменитой библіотекѣ храма Сераписа. По преданію, библіотека эта была несравненно полнѣе, чѣмъ даже знаменитое книгохранилище музея въ Брухіумѣ, сгорѣвшее при осадѣ, выдержанной Юліемъ-кесаремъ въ стѣнахъ этого города.

Никто бы не подумалъ, увидавъ Бальбиллу въ настоящую минуту, что она что-либо изучаетъ. Ни въ глазахъ, ни на лбу нельзя было замѣтить ни малѣйшаго признака напряженія; а между тѣмъ она внимательно читала строку за строкой, не пропуская ни единаго слова.

Она не походила при этомъ на человѣка, въ потѣ лица восходящаго на гору, но скорѣе на человѣка, гуляющаго по главной улицѣ большаго города и отъ души радующагося всему новому и диковинному, попадающемуся ему на пути.

Вычитавъ въ книгѣ незнакомый оборотъ рѣчи, Бальбилла выражала свое удовольствіе хлопаньемъ въ ладоши и тихимъ смѣхомъ.

Никогда не встрѣчалъ глубокомысленный ея учитель въ ученикахъ своихъ такого веселаго отношенія къ наукѣ и это его сердило. Для него наука была дѣломъ серьезнымъ, а эта причудливая дѣвушка, читая вѣщія изреченія философовъ, играла ими такъ же, какъ всѣмъ, что ей попадало подъ руку.

Просидѣвъ около часу на скамьѣ за своимъ своеобразнымъ ученьемъ, она встала, чтобы нѣсколько отдохнуть. Зная, что никто ее не видитъ, она сладко потянулась, радуясь оконченному труду, и, подойдя къ просвѣту въ листьяхъ, стала смотрѣть наружу. Ей хотѣлось знать, кто былъ этотъ мужчина въ высокой, мягкой обуви, который ходилъ взадъ и впередъ по широкой дорожкѣ передъ ея глазами.

Это былъ преторъ и въ то же время это былъ вовсе не онъ.

Такимъ она впервые видѣла Вера.

На лицѣ его не было и тѣни той улыбки, которая обыкновенно играла вокругъ его надменныхъ устъ и свѣтилась блескомъ алмаза въ его веселомъ взглядѣ.

Куда дѣвалась безпечная ясность его чела и вызывающе-надменная осанка его изящнаго стана?

Съ мрачно-горящимъ взглядомъ, нахмуреннымъ лбомъ и поникшею головой шагалъ онъ медленно взадъ и впередъ, видимо находясь подъ гнетомъ какого-то тяжелаго чувства. Чувство это, однако, не было горе.

Да, безъ сомнѣнія, не горе удручало его, иначе могъ ли онъ, проходя мимо дѣвушки, вскинуть вверхъ руку и щелкнуть пальцами въ воздухѣ, какъ бы желая сказать: «будь, что будетъ; сегодня я все-таки улыбаюсь будущему». Но эта вспышка неукротимаго легкомыслія тотчасъ же исчезла, какъ скоро разошлись пальцы, сложившіеся для этого веселаго порыва.

Вторично проходя мимо Бальбиллы, Веръ показался ей еще мрачнѣе, чѣмъ за минуту передъ тѣмъ.

Ясно было, что съ вѣтренымъ супругомъ ея подруги приключилось нѣчто очень непріятное, испортивъ его обычно-веселое настроеніе.

Это огорчило дѣвушку. Хотя ей и приходилось часто терпѣть отъ надменности претора, но онъ всегда облекалъ свои дерзкія выходки въ такую привлекательную форму, что она не въ силахъ была на него сердиться.

Бальбиллѣ захотѣлось возвратить Веру его веселость и она вышла изъ своей засады.

При видѣ ея, лицо претора просвѣтлѣло и, веселый, какъ всегда, онъ воскликнулъ, обращаясь къ ней:

— Добро пожаловать, красавица несравненная!

Дѣвушка прикинулась, что не узнала его, опустила свою кудрявую головку и проговорила торжественно, хотя и въ полголоса:

— Здравствуй, Тимонъ.

— Тимонъ?—переспросилъ преторъ, взявъ ее за руку.

— Ахъ, это ты, Веръ! — воскликнула Бальбилла голосомъ, въ которомъ звучало удивленіе. — А я думала, что знаменитый аѳинскій мизантропъ покинулъ мрачное царство тѣней и прогуливается здѣсь въ саду.

— Ты не ошиблась,—согласился преторъ.—Но когда Орфей поетъ, деревья увлекаются пляской, неповоротливый камень становится вакханкой... Такъ и Тимонъ при появленіи Бальбиллы становится вновь счастливымъ Веромъ.

— Это чудо меня вовсе не удивляетъ,—замѣтила смѣясь дѣвушка.—Но нельзя ли узнать, какой злой духъ такъ удачно превратилъ въ мрачнаго Тимона счастливаго супруга прекрасной Люциллы?

— Мнѣ страшно показать тебѣ это чудовище,—ну, какъ прекрасная муза станетъ при видѣ его грозною Гекатой? А коварный демонъ недалеко: онъ вотъ здѣсь, въ этомъ карманѣ.

— Письмо отъ кесаря?

— О, нѣтъ, письмо нѣкоего жида.

— Отца, быть-можетъ, хорошенькой дочери?

— Плохо угадала, плохо.

— Это однако прелюбопытно.

— Мое любопытство, увы, удовлетворилось этимъ сверткомъ. Мудро говоритъ Горацій, что не слѣдуетъ предузнавать будущее.

— Ужь не изреченье ли оракула у тебя въ рукахъ?

— Да, нѣчто въ этомъ родѣ.

— И это предсказаніе мѣшаетъ тебѣ цѣнить прелесть этого утра? Послушай, видалъ ли ты меня когда-нибудь грустной, а между тѣмъ будущности моей грозитъ предсказаніе. О, это ужасное предсказаніе!

— Судьба мужчинъ не одинакова съ судьбою женщинъ.

— Хочешь слышать предсказаніе обо мнѣ?

— Что за вопросъ!

— Ну, такъ слушай. Пророчество это мнѣ пришлось услышать не отъ кого-нибудь и не гдѣ-нибудь, а отъ самой Пиѳіи въ Дельфахъ. Вотъ оно:

«То, что доселѣ высоко ты цѣнила, внезапно утратишь
И съ олимпійскихъ высотъ къ пыльной землѣ снизойдешь...»

— И это все?

— Нѣтъ, еще два утѣшительные стиха.

— А именно?

«Но испытующій взглядъ подъ грудами праха и пыли
Крѣпкія стѣны найдетъ, мраморъ и прочій гранитъ».

— И ты можешь считать это предсказаніе плачевнымъ?

— А какъ же? Развѣ пріятно будетъ копаться въ мусорѣ?

— Что-жь говорятъ толкователи?

— Да ничего, кромѣ глупостей.

— Стало-быть тебѣ не пришлось напасть на настоящаго толкователя. Вотъ я, напримѣръ, провижу смыслъ изреченія.

— Ты?

— Да, я. Строгая Бальбилла сойдетъ наконецъ съ высотъ Олимпа, своей женской спѣсивости, и не станетъ долѣе презирать незыблемыя твердыни преданнаго ей сердца — сердца Вера.

— Твердыни?... Я скорѣе соглашусь прогуляться по морской поверхности, чѣмъ опереться на эти твердыни.

— Попробуй,—попытка не бѣда.

— Не вижу надобности. Люцилла сдѣлала этотъ опытъ вмѣсто меня... Плохо, однако, твое толкованіе. Императоръ угадалъ много лучше.

— Что же онъ тебѣ сказалъ?

— Что я оставлю поэзію и буду заниматься наукой. Онъ рекомендовалъ мнѣ заняться астрономіей.

— Звѣздочетствомъ!—пробормоталъ Веръ и улыбка исчезла съ его лица.—Однако, прощай, красавица! Спѣшу къ императору.

— Кстати: мы вчера были у него на Лохіи. Какъ все измѣнилось тамъ. Хорошенькая сторожка у воротъ срыта до основанія. Во дворцѣ уже не слышно болѣе веселой возни мастеровыхъ и художниковъ и оживленныя прежде мастерскія обратились въ обыкновенныя, скучныя дворцовыя залы. Ширмы въ залѣ музъ, разумѣется, куда-то исчезли, а вмѣстѣ съ ними и мой начатый бюстъ и тотъ молодой вѣтрогонъ, который такъ возставалъ противъ моихъ кудрей, что я ихъ чуть было не остригла.

— Безъ кудрей ты была бы уже не Бальбиллой,—замѣтилъ Веръ. — Хорошо художникамъ отвергать все, что не отвѣчаетъ идеѣ вѣчной красоты; но мы, простые смертные, любуемся и тѣмъ, что просто миловидно въ женщинахъ нашего времени. Богинь своихъ пусть художникъ одѣваетъ по законамъ своего искусства, но разумная женщина должна слѣдовать временной модѣ. Мнѣ, впрочемъ, всею душой жаль молодаго художника, такого искуснаго, свѣжаго молодца. Онъ какъ-то обидѣлъ императора, его прогнали и теперь онъ пропалъ безъ вѣсти.

— Бѣдный юноша!—воскликнула Бальбилла. —Но куда же дѣвался мой бюстъ? Надо его отыскать. При первомъ случаѣ я скажу императору про Поллукса.

— Адріанъ не велѣлъ произносить при немъ его имени. Художникъ глубоко обидѣлъ его.

— Черезъ кого же ты все это знаешь?

— Черезъ Антиноя.

— Этого мы тоже видѣли вчера. Если божество когда-либо могло явиться въ образѣ человѣка, то оно должно было принять черты этого юноши.

— Мечтательница!

— Никто не можетъ его видѣть равнодушно. Онъ тоже прелестный мечтатель и то облачко грусти, которое мы недавно замѣтили на его милыхъ чертахъ, выражаетъ вѣроятно молчаливую печаль всего совершеннаго о томъ, что уже нельзя идти далѣе достигнутаго идеала.

Поэтесса произнесла слова эти съ такимъ вдохновеніемъ, словно видѣла передъ собою дивныя формы божества.

— Поэтъ, философъ, прелестнѣйшая изъ дѣвъ!—воскликнулъ Веръ, грозя пальцемъ.—Какъ бы не сойти тебѣ съ высоты своего Олимпа ради этого красавца!... Но когда фантазія и мечтательность сходятся вмѣстѣ, то такая парочка врядъ ли спустится когда изъ заоблачнаго пространства и едва ли увидитъ иначе, какъ въ туманной дали, ту твердую почву, о которой гласитъ твой оракулъ.

— Вздоръ!—крикнула Бальбилла съ недовольнымъ видомъ.— Въ такое безупречное изваяніе можно влюбиться развѣ тогда, когда другъ боговъ Пигмаліонъ оживитъ его своимъ огнемъ и духомъ.

— Эротъ въ подобныхъ случаяхъ выполняетъ иногда эту роль друга боговъ.

— Настоящій или ложный?

— Разумѣется, настоящій. Ложный съумѣлъ бы только предостеречь во время, занять на минуту мѣсто того зодчаго, Понтія, котораго такъ боится стерегущая тебя матрона. Говорятъ, на праздникѣ Діониса вы, несмотря на шумъ и гамъ, вели серьезные разговоры, какіе могутъ вести только сѣдѣющіе философы.

— Съ людьми разумными и говорятъ разумно.

— А съ неразумными говорятъ весело. Въ настоящемъ случаѣ радуюсь, что принадлежу къ послѣднимъ... До свиданья, прелестная Бальбилла!

И преторъ поспѣшно удалился.

У воротъ Кесареума онъ взошелъ на свою колесницу и велѣлъ возницѣ ѣхать на Лохію.

Дорогой Веръ задумчиво разглядывалъ рукопись, лежавшую у него на колѣняхъ. На пергаментѣ начертаны были выводы изъ вычисленій, составленныхъ астрономомъ-раввиномъ Симеономъ Бенъ-Іохаи, и выводы эти могли дѣйствительно возмутить настроеніе легкомысленнѣйшаго изъ людей.

Оказывалось, что если императоръ въ настоящую ночь, канунъ дня рожденія Вера, будетъ въ отношеніи къ нему наблюдать движеніе звѣздъ, то онѣ до втораго часу ночи будутъ предсказывать претору удачи, счастіе и величіе. Съ наступленіемъ же третьяго часа,—увѣрялъ Бенъ-Іохаи,—въ звѣздный домъ его судьбы ворвется несчастіе и смерть. Въ четвертомъ же часу звѣзда Вера вовсе скроется и на небѣ не останется ничего, имѣющаго отношеніе къ нему и его судьбѣ. Звѣзда императора побѣдитъ звѣзду претора.

Изъ таблицъ, приложенныхъ евреемъ къ рукописи, Веръ понималъ немного, но это немногое подтверждало писанное.

Преторъ не зналъ, что предпринять, чтобы не отказаться навсегда отъ конечной цѣли своихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Если въ эту ночь на небѣ все будетъ обстоять по завѣреніямъ еврея,—а въ этомъ Веръ не могъ сомнѣваться,—то онъ терялъ всякую надежду на усыновленіе, несмотря на всѣ старанія Сабины.

«Могъ ли Адріанъ избрать себѣ въ сыновья и наслѣдники человѣка, которому суждено умереть прежде него?» Эти размышленія были прерваны внезапной остановкой колесницы: надо было пропустить торжественное шествіе жреческихъ депутатовъ, направлявшихся ко дворцу на Лохіи.

Сильная осадка возжами, при помощи которой возница остановилъ бѣгъ коней, возбудила одобреніе Вера и вмѣстѣ съ тѣмъ подала ему мысль дерзко захватить въ руки бразды своей судьбы. Когда шествіе прошло, преторъ велѣлъ возницѣ ѣхать тише, чтобъ имѣть время на размышленіе.

«До третьяго часа,—повторялъ онъ самъ себѣ,—все на небѣ будетъ мнѣ предсказывать величіе и почести; но затѣмъ начнутся для меня дурныя предсказанія. Всѣ злыя предвѣщанія столпятся, слѣдовательно, между третьимъ и четвертымъ часомъ. Измѣнить этого нельзя... Но почему же необходимо императору наблюдать все это?»

Претора точно озарило внезапнымъ свѣтомъ.

Веръ никогда не прибѣгалъ къ происвамъ. Своимъ легкимъ, беззаботнымъ шагомъ онъ входилъ всюду въ главныя ворота, минуя постоянно всѣ задніе ходы и уловки. Но ради величайшей цѣли своей жизни онъ готовъ былъ пожертвовать и своими наклонностями, и покоемъ, и даже гордостью.

Преторъ рѣшился удержать Адріана на одинъ часъ отъ наблюденій звѣзднаго неба нынѣшнею ночью. Помочь ему въ этомъ могли только двое людей: Антиной и рабъ Масторъ.

Веръ прежде всего вспомнилъ о Масторѣ; но язигъ слишкомъ вѣрно преданъ своему господину, чтобы былъ возможенъ подкупъ. И притомъ что за охота имѣть сообщникомъ раба! На содѣйствіе Антиноя также нельзя было разсчитывать: Сабина ненавидѣла любимца своего мужа и потому преторъ до сихъ поръ долженъ былъ избѣгать близкихъ сношеній съ нимъ. Одно время Веру даже казалось, что молчаливый, вѣчно мечтающій юноша отчасти стоитъ ему поперекъ дороги.

Стало-быть заставить красавца помогать себѣ можно было только какимъ-нибудь запугивающимъ средствомъ.

Во всякомъ случаѣ слѣдовало прежде всего побывать на Лохіи.

До ночи еще было далеко и могъ выпасть не одинъ благопріятный случай. Вѣдь по вычисленіямъ раввина ему предстоитъ за эти годы много удачъ.

Безпечно и уже съ яснымъ челомъ, какъ будто его ожидало солнечно-свѣтлое, безоблачное будущее, сошелъ Веръ съ колесницы среди вымощеннаго каменными плитами двора и вошелъ въ пріемную комнату императора.

Уже не зодчимъ изъ Рима, а повелителемъ вселенной жилъ Адріанъ въ палатахъ возобновленнаго дворца.

Онъ уже являлся жителямъ Александріи и повсюду былъ встрѣчаемъ радостными криками и чествованіями.

Совѣтъ города даже хотѣлъ назвать мѣсяцъ декабрь, среди котораго императоръ осчастливѣлъ александрійцевъ своимъ пріѣздомъ, именемъ Адріана.

Императору приходилось принимать депутацію за депутаціей и соглашаться на безчисленныя аудіенціи.

Со слѣдующаго дня долженъ былъ начаться рядъ представленій, пиршествъ и игръ, которыя будутъ продолжаться нѣсколько дней и, по выраженію Адріана, отнимутъ у него нѣсколько сотенъ добрыхъ часовъ.

Дворецъ на Лохіи за послѣднее время выглядѣлъ иначе.

На мѣстѣ свѣтленькаго сторожеваго домика былъ раскинутъ пурпуровый шатеръ, въ которомъ находились императорскіе тѣлохранители. Противъ шатра была палатка для ликторовъ и дворцовыхъ вѣстниковъ.

Конюшни переполнены были лошадьми. Собственный конь кесаря, Борисѳенъ, нетерпѣливо билъ копытами землю въ особоустроенномъ для него помѣщеніи.

Далѣе были устроены конуры для гончихъ собакъ императора.

На широкомъ пространствѣ втораго двора стояли лагеремъ воины; вдоль стѣнъ тѣснились просители, какъ мужчины, такъ и женщины, желавшіе собственноручно вручить кесарю прошеніе.

Въ воротахъ постоянно сновали колесницы съ придворными и носилки съ знатными матронами. Пріемныя комнаты переполнены были именитѣйшими изъ гражданъ, толпившимися тамъ въ надеждѣ на милостивый пріемъ. Чиновники со свитками рукописей въ рукахъ то входили во внутренніе покои, то выходили изъ дворца для выполненія порученій.

Зала музъ была обращена въ блестящую палату пиршествъ. Между изваяніями стояли скамьи и стулья, а въ глубинѣ залы возвышался тронъ подъ балдахиномъ, на которомъ императоръ принималъ посѣтителей. Для этихъ случаевъ онъ надѣвалъ пурпуровую мантію; въ обыкновенное же время онъ былъ одѣтъ не пышнѣе прежняго зодчаго Клавдія Венатора.

Мѣсто покойнаго Керавна занялъ холостой египтянинъ, строгій, осмотрительный человѣкъ, уже не разъ имѣвшій случай дѣльно послужить префекту Тиціану.

Въ главной комнатѣ изгнанной семьи было теперь безлюдно и пусто.

Мозаика, причинившая смерть бѣдному Керавну, была отослана въ Римъ; бугристое мѣсто, покрытое пылью, указывало, гдѣ находилось чудное произведеніе. Около жилища покойнаго Керавна не слыхать было теперь ни одного веселаго звука, кромѣ щебетанія птицъ, все еще прилетавшихъ на балконъ, гдѣ ихъ такъ щедро, бывало, кормили дѣти крошками хлѣба.

Все, что было веселаго, привлекательнаго въ старомъ дворцѣ, все улетучилось со дня посѣщенія Сабины и самъ Адріанъ сталъ вовсе инымъ, чѣмъ былъ нѣсколько дней тому назадъ.

Неприступнымъ кесаремъ смотрѣлъ онъ въ тѣ дни, когда являлся народу. Даже во внутреннихъ своихъ покояхъ, бесѣдуя съ приближенными, Адріанъ казался строгимъ и мрачнымъ.

Оракулъ, звѣзды и другія предзнаменованія—все пророчило ему горе въ теченіе слѣдующаго года.

Сабина требовала немедленнаго усыновленія Вера. Ея обращеніе, угловатыя манеры казались Адріану еще болѣе отталкивающими въ сравненіи съ живыми и привлекательными пріемами александрійцевъ.

Императоръ былъ озабоченъ и безпокоенъ.

Заглядывая въ свою душу, онъ видѣлъ тамъ пустоту; обращая свой взглядъ на окружающее, онъ находилъ всюду одно ничтожество, способное только мѣшать его страсти къ дѣятельной жизни.

Даже, не затронутое до сихъ поръ ни горестями, ни радостями жизни, полурастительное существованіе красиваго Антиноя, дѣйствовавшее прежде успокоительнымъ образомъ на его душу, теперь какъ будто подпало какому-то измѣненію. Юноша казался часто смущеннымъ, огорченнымъ. Его уже не удовлетворяло болѣе слѣдовать вѣчною тѣнью за императоромъ; онъ жаждалъ свободы, убѣгая иногда въ городъ ради тѣхъ удовольствій своего возраста, которыхъ прежде такъ тщательно избѣгалъ.

Даже съ веселымъ, услужливымъ рабомъ Мастором случилась какая-то перемѣна.

Только молоссъ оставался тѣмъ же, неизмѣнно послушнымъ своему господину.

А самъ Адріанъ?... Непостоянный и измѣнчивый, онъ какъ десять лѣтъ назадъ, такъ и теперь безпрестанно какъ бы перерождался въ другаго человѣка.

Глава тринадцатая.

Когда Веръ вошелъ во дворецъ, императоръ только-что вернулся изъ города. Претора провели черезъ рядъ пріемныхъ во внутренніе покои, гдѣ ему не пришлось долго ждать, такъ какъ Адріанъ желалъ видѣть его немедленно.

Кесарь былъ въ дурномъ расположеніи духа и безпокойно ходилъ взадъ и впередъ, выслушивая сообщенія Вера о послѣднихъ совѣщаніяхъ въ римскомъ сенатѣ.

По временамъ онъ прерывалъ свое хожденіе и заглядывалъ въ сосѣднюю комнату.

Едва окончилъ преторъ свой докладъ, какъ раздался радостный лай аргуса и въ комнату вошелъ Антиной.

Веръ тотчасъ же отошелъ къ широкому окну, какъ будто привлеченный живописнымъ видомъ на гавань.

— Гдѣ ты былъ?—спросилъ кесарь своего любимца, не обращая вниманіе на присутствіе претора.

— Гулялъ по городу,—отвѣчалъ виѳинянинъ.

— Ты знаешь, что мнѣ непріятно, когда я, возвращаясь, не нахожу тебя дома.

— Я не думалъ, что ты вернешься такъ скоро.

— На будущее время устройся такъ, чтобы быть на-лицо, когда бы я ни пожелалъ тебя видѣть. Не правда ли, вѣдь ты не любишь видѣть меня недовольнымъ?

— Нѣтъ, государь! — возразилъ юноша, поднимая руки и устремляя на Адріана умоляющій взглядъ.

— Ну, довольно, поговоримъ о другомъ. Какъ попалъ этотъ флакончикъ въ антикварію Гирому?

Говоря это, кесарь взялъ со стола маленькій сосудъ изъ vasa murrhina, подаренный юношей Арсиноѣ и проданный тою финикіянину.

Антиной поблѣднѣлъ и смутился.

— Это непонятно... Я не припомню,—бормоталъ онъ.

— Такъ я помогу тебѣ вспомнить, — сказалъ кесарь рѣшительно.—Этотъ финикіянинъ кажется мнѣ честнѣе плута Габинія. Въ его коллекціи, которую я сегодня осматривалъ, нашелъ я это сокровище, подаренное мнѣ много лѣтъ тому назадъ Плотиной,— понимаешь ли ты?—Плотиной, женой Траяна, незабвенною подругой моего сердца. Эта вещь была мнѣ особенно дорога и тѣмъ не менѣе я не пожелѣлъ подарить тебѣ ее ко дню твоего рожденія.

— О, государь, добрый государь!—тихо воскликнулъ Антиной, снова простирая къ нему руки.

— Я спрашиваю тебя, — продолжалъ Адріанъ строго и не трогаясь умоляющимъ взглядомъ своего любимца, — какъ могъ этотъ сосудъ попасть въ руки одной изъ дочерей жалкаго управителя Керавна, отъ которой Гиромъ, какъ онъ увѣряетъ, купилъ его?

Антиной не могъ произнести ни одного слова въ отвѣтъ.

— Эта дѣвушка украла его у тебя?... Говори правду!—раздраженнѣе прежняго настаивалъ Адріанъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — быстро и рѣшительно отвѣтилъ виѳинянинъ.—Конечно, нѣтъ. Я припоминаю... Да, погоди, вотъ какъ это случилось. Ты знаешь, я налилъ въ этотъ флаконъ цѣлительный бальзамъ и когда молоссъ столкнулъ съ лѣстницы Селену, — Селеной зовутъ старшую дочь управителя,—и когда она лежала раненая безъ чувствъ, я взялъ флакончикъ и отдалъ ей бальзамъ.

— Вмѣстѣ съ сосудомъ? — спросилъ кесарь, мрачно взглянувъ на Антиноя.

— Да, государь,—у меня не было другаго.

— И она оставила его у себя съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же продать?

— Ты вѣдь знаешь ея отца...

— Мошенника!...—закричалъ Адріанъ.—Тебѣ извѣсто, куда дѣлась эта дѣвчонка?

— О, государь!—воскликнунъ Антиной, дрожа отъ страха.

— Я велю ликторамъ схватить ее!—продолжалъ разгнѣванный повелитель.

— Нѣтъ!—рѣшительно возразилъ юноша.—Ты этого не сдѣлаешь.

— Не сдѣлаю?... Посмотримъ.

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ! Знай, что дочь Керавна Селена...

— Ну?

— Бросилась съ отчаянія въ воду... ночью... въ море...

— Ну, это, конечно, измѣняетъ дѣло,—нѣсколько мягче заговорилъ Адріанъ. — Тѣней ликторы преслѣдовать не могутъ, а дѣвушка понесла наиболѣе тяжкое наказаніе. Но ты... Что долженъ я думать о твоемъ поведеніи? Ты вѣдь зналъ цѣнность этого сокровища,—ты зналъ, какъ я дорожилъ имъ,—и все-таки оставилъ его въ такихъ рукахъ?

— Въ немъ вѣдь было лѣкарство,—лепеталъ юноша.—Развѣ я могъ думать...

Императоръ прервалъ своего любимца и сказалъ, ударяя себя по лбу:

— Да, это думанье... Я, къ несчастью, долженъ бы давно знать, что это не твоего ума дѣло... Этотъ флакончикъ стоилъ мнѣ порядочную сумму денегъ... Впрочемъ, такъ какъ онъ уже разъ принадлежалъ тебѣ, то я возвращаю его тебѣ назадъ; но требую, чтобы въ будущемъ ты хранилъ его лучше. Я не премину справиться, цѣлъ ли онъ.... Великіе боги! Дитя, на что ты похожъ? Развѣ я такъ страшенъ и неужели достаточно одного моего вопроса, чтобы заставить тебя такъ поблѣднѣть? Право, еслибъ эта бездѣлушка не принадлежала нѣкогда Плотинѣ, я оставилъ бы ее у финикіянина и не поднялъ бы такого шума.

Антиной бросился цѣловать руки кесаря, но тотъ не допустилъ этого и обнялъ его съ отеческою нѣжностью.

— Глупенькій!—сказалъ онъ.—Если хочешь, чтобъ я былъ тобой доволенъ, будь снова такимъ, какимъ ты былъ до нашего пріѣзда въ Александрію! Предоставь другимъ причинять мнѣ досаду,—тебя боги создали, чтобы меня радовать.

При послѣднихъ словахъ Адріана въ комнату вошелъ одинъ изъ дворцовыхъ чиновниковъ и доложилъ, что депутація отъ египетскихъ жрецовъ проситъ чести быть ему представленной.

Императоръ тотчасъ же велѣлъ облечь себя въ пурпуръ и направился въ залу музъ, чтобы тамъ, среди придворныхъ, привѣтствовать пророковъ и святыхъ отцовъ изъ различныхъ храмовъ Нильской долины, принять ихъ поклоненіе, приносимое ему, какъ сыну бога Солнца, и подтвердить свое неизмѣнное покровительство какъ имъ, такъ и охраняемой ими религіи. На просьбу депутатовъ освятить и осчастливить своимъ посѣщеніемъ храмы ихъ боговъ онъ милостиво выразилъ согласіе, а вопросъ о будущемъ мѣстопребываніи недавно найденнаго Аписа оставилъ пока неразрѣшеннымъ.

Аудіенція эта длилась нѣсколько часовъ.

Веръ, уклонившись отъ обязанности присутствовать на ней вмѣстѣ съ префектомъ Тиціаномъ и другими сановниками, продолжалъ неподвижно стоять у окна.

Это не ускользнуло отъ Антиноя, который вышелъ вслѣдъ за императоромъ, не желая оставаться съ глазу на глазъ съ насмѣшливымъ гордецомъ. Къ тому же только-что испытанный имъ

страхъ и сознаніе, что онъ солгалъ и нагло обманулъ своего добраго государя, потрясли его душу, еще не запятнанную никакимъ низкимъ поступкомъ, и вывели ее изъ обычнаго спокойствія.

Ему хотѣлось быть одному; ему было бы тяжело говорить въ эту минуту о ничтожныхъ вещахъ и притворяться веселымъ и любезнымъ.

Онъ усѣлся у стола въ своей комнатѣ и, положивъ на него локти, закрылъ лицо руками.

Веръ не тотчасъ послѣдовалъ за нимъ, такъ какъ догадывался, что происходило въ душѣ юноши, и зналъ, что здѣсь последній отъ него не уйдетъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ въ большомъ кабинетѣ императора и сосѣдней комнаткѣ его любимца царила глубокая тишина. Потомъ преторъ услыхалъ шумъ быстро отворенной двери, которая вела изъ помѣщенія Антиноя въ галлерею, и вслѣдъ затѣмъ восклицаніе виѳинянина:

— Наконецъ-то Масторъ! Ты видѣлъ Селену?

Веръ неслышными шагами тотчасъ же подкрался къ двери и сталъ прислушиваться къ отвѣту раба, изъ котораго, впрочемъ, даже менѣе чуткое ухо не проронило бы ни единаго слова.

— Какъ же я могъ не видѣть,—неохотно отвѣчалъ язигъ.— Вѣдь она все еще больна и лежитъ въ постели. Букетъ твой я отдалъ горбатой дѣвушкѣ, которая за ней ходитъ. Но въ другой разъ я этого не сдѣлаю, ни за что не сдѣлаю, хотя бы ты былъ со мною еще ласковѣе, чѣмъ вчера, и обѣщалъ мнѣ всѣ сокровища кесаря. И чего тебѣ надо отъ этого слабаго, блѣднаго, невиннаго созданія? Я вотъ только бѣдный рабъ, а все-таки могу тебѣ сказать...

Здѣсь рѣчь Мастора внезапно оборвалась и Веръ не безъ основанія предположилъ, что Антиной вспомнилъ объ его присутствіи въ кабинетѣ кесаря и потому заставилъ язига замолчать. Но претору было довольно и того, что онъ слышалъ.

Было ясно, что Антиной обманулъ своего повелителя и что самоубійство дочери Керавна—вымыселъ.

Кто бы, казалось, могъ ожидать такого присутствія духа и такой хитрой находчивости отъ тихаго мечтателя?

Красивое лицо претора озарилось улыбкой удовольствія: теперь виѳинянинъ былъ въ его рукахъ,—теперь онъ зналъ, какъ заставить его служить своей цѣли.

Антиной самъ указалъ ему настоящій путь, когда съ неподдѣльною нѣжностью бросился цѣловать руку императора. Юноша несомнѣнно любилъ своего господина и этой-то любовью Веръ могъ воспользоваться, не выдавая себя и не имѣя надобности страшиться, въ случаѣ измѣны, карающей десницы кесаря.

Смѣлою рукой постучался преторъ въ дверь сосѣдней комнаты, спокойно и самоувѣренно вошелъ къ виѳинянину и, объявивъ, что имѣетъ до него важное дѣло, попросилъ послѣдовать за нимъ въ комнату Адріана.

— Къ несчастію,—сказалъ онъ, когда они очутились одни,—я не пользуюсь твоимъ особеннымъ расположеніемъ, но насъ связываетъ одно великое чувство: мы оба любимъ кесаря.

— Конечно, я его люблю,—возразилъ Антиной.

— Прекрасно; въ такомъ случаѣ ты долженъ такъ же, какъ и я, стараться охранять его отъ тяжкихъ заботъ и стремиться къ тому, чтобы тревожныя опасенія не останавливали орлинаго полета его великаго и свободнаго духа.

— Безъ сомнѣнія, да.

— Я зналъ, что найду въ тебѣ союзника. Взгляни на этотъ свертокъ: это—вычисленія и чертежи величайшаго астролога нашихъ дней. Изъ нихъ явствуетъ, что нынѣшнею ночью, и именно отъ конца втораго до начала четвертаго часа утра, созвѣздія будутъ возвѣщать самыя ужасныя несчастія. Ты понялъ меня?

— Къ несчатію, понялъ.

— Позднѣе эти зловѣщія предзнаменованія исчезнутъ. Еслибы удалось удержать Адріана только въ продолженіе третьяго часа пополуночи отъ наблюденія звѣзднаго неба, онъ былъ бы избавленъ отъ мучительныхъ, отравляющихъ жизнь, опасеній. Кто знаетъ, можетъ-быть звѣзды и лгутъ... Если же онѣ и правду говорятъ, то во всякомъ случаѣ ему лучше не знать заранѣе о несчастіи, котораго нельзя избѣгнуть. Согласенъ ты со мной?

— Твое предложеніе кажется разумнымъ. Но мнѣ думается...

— Оно разумно и мудро,—твердо и рѣшительно перебилъ юношу преторъ.—Отъ тебя зависитъ теперь помѣшать Адріану слѣдить за теченіемъ звѣздъ отъ исхода втораго до начала четвертаго часа пополуночи.

— Отъ меня?—испуганно воскликнулъ Антиной.

— Отъ тебя, потому что только ты можешь это сдѣлать.

— Я?—въ сильномъ безпокойствѣ спросилъ виѳинянинъ,—я долженъ оторвать кесаря отъ его наблюденій?

— Это твоя обязанность.

— Но онъ не позволяетъ мѣшать себѣ во время занятій и мнѣ плохо досталось бы за одну попытку... Нѣтъ, нѣтъ, то, чего ты требуешь, невозможно.

— Не только возможно, но и необходимо.

— Едва ли,—возразилъ Антиной, хватаясь за лобъ. —Выслушай меня! Адріанъ уже нѣсколько дней знаетъ, что ему угрожаетъ тяжелое несчастіе. Я слышалъ это изъ его собственныхъ устъ. Тебѣ, конечно, извѣстно, что онъ смотритъ на звѣзды не только для того, чтобы радоваться ожидающему его счастію, но и чтобы вооружаться противъ бѣдствій, угрожающихъ ему или государству. То, что убило бы болѣе слабаго, служитъ оружіемъ для его мощнаго духа. Онъ можетъ все вынести и было бы дурно его обманывать...

— Еще хуже дозволить его духу омрачиться отчаяніемъ,— отвѣтилъ Веръ.—Придумай средство отвлечь его на одинъ часъ отъ наблюденій.

— Не могу! Даже если я попытаюсь, ничего не выйдетъ. Развѣ ты думаешь, что онъ обратитъ вниманіе на мой зовъ?

— Ты его знаешь. Придумай что-нибудь такое, что заставило бы его непремѣнно покинуть свой наблюдательный постъ.

— Я не въ состояніи ничего придумать.

— Ничего?—переспросилъ Веръ и ближе подошелъ къ виѳинянину.—Еще недавно ты блестящимъ образомъ доказалъ противное.

Антиной поблѣднѣлъ.

— Когда надо было спасти Селену отъ ликторовъ,—продолжалъ преторъ,—твоя богатая фантазія не замедлила утопить ее въ морѣ.

— Она дѣйствительно бросилась въ море, и пусть великіе боги...

— Постой, постой!—перебилъ его преторъ.—Не произноси ложной клятвы! Селена жива, —ты посылаешь ей букеты, — и еслибъ мнѣ вздумалось свести Адріана въ домъ вдовы Пудента...

— О!—жалобно воскликнулъ Антиной, хватая римлянина за руку.—Ты этого не сдѣлаешь, Веръ! Ты не можешь этого сдѣлать!

— Глупый,—сказалъ его собесѣдникъ, смѣясь и трепля испуганнаго юношу по плечу.—Какая мнѣ выгода погубить тебя? Единственное мое желаніе—спасти императора отъ горя и заботъ. Займи его чѣмъ-нибудь въ продолженіе третьяго часа—и ты мо-

жешь разсчитывать на мою дружбу. Но если, изъ боязни или нежеланія, ты откажешь мнѣ въ своемъ содѣйствіи, значитъ ты не достоинъ милости своего господина и я буду вынужденъ...

— Довольно, довольно!—перебилъ Антиной, въ сильномъ испугѣ, своего притѣснителя.

— Такъ ты обѣщаешься исполнить мое желаніе?

— Да, клянусь Геркулесомъ, да! Я сдѣлаю все, что ты требуешь. Но, вѣчные боги, какъ же мнѣ устроиться такъ, чтобъ императоръ...

— Это, мой юный другъ, я съ полнымъ довѣріемъ предоставляю тебѣ и твоему уму.

— Я не уменъ, я ничего не могу выдумать,—стоналъ юноша.

— То, что тебѣ удалось изъ страха передъ своимъ повелителемъ, тѣмъ лучше удастся изъ любви къ нему,—возразилъ преторъ.—Задача твоя легка. Если же ты все-таки ее не выполнишь, то я сочту долгомъ показать Адріану, какъ хорошо умѣетъ Антиной заботиться о себѣ и какъ плохо—о счастіи своего господина. До-завтра, мой прекрасный другъ! Если тебѣ потребуется посылать еще букеты, рабы мои къ твоимъ услугамъ.

Съ этими словами преторъ покинулъ комнату, оставивъ Антиноя съ разбитымъ сердцемъ. Бѣдный юноша прижался головой къ холодной порфировой колоннѣ у окна и сталъ размышлять.

То, что требовалъ отъ него Веръ, не было, казалось, зломъ, но все же не было и честнымъ. Это значило измѣнить благородному человѣку, котораго онъ горячо любилъ, какъ отца, какъ добраго друга и наставника, и котораго боялся, какъ божества.

Предательски скрыть отъ него волю судебъ, словно онъ не мужъ, а слабая женщина, было противно здравому смыслу, было постыдно и могло пагубно отразиться на планахъ и намѣреніяхъ его повелителя.

Много и другихъ возраженій на требованіе претора возникало мало-по-малу въ головѣ юноши и заставляло его проклинать свою несообразительность.

Антиной долженъ былъ вторично обмануть кесаря.

Онъ негодовалъ на самого себя, ударялъ себя кулакомъ въ лобъ, тяжело вздыхалъ, хотя и не плакалъ. Порой тайный голосъ нашептывалъ ему, что дѣло идетъ только о предохраненіи государя отъ печали и горя, а тутъ не можетъ быть ничего предосудительнаго. Тогда юноша старался придумать средство от-

влечь императора въ назначенный часъ отъ астрологическихъ наблюденій; но старанія его были тщетны.

Антиной былъ готовъ признаться Адріану, что замышляетъ обмануть его; но чтобы предупредить угрозу Вера, юноша долженъ былъ въ то же время открыть своему господину, что Селена жива, и тогда дочери бѣднаго Керавна неминуемо подверглись бы стыду и преслѣдованію, тогда погибла бы дѣвушка, любимая имъ со всѣмъ пыломъ первой любви. Признаніе было невозможно.

Чѣмъ дальше онъ думалъ и мучился, отыскивая исходъ, тѣмъ запутаннѣе становились его мысли и тѣмъ слабѣе сила воли.

Преторъ опуталъ его сѣтями и онъ напрасно старался изъ нихъ высвободиться.

Голова его начинала болѣть, а кесарь все не приходилъ. Юноша съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія своего повелителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и страшился его.

Когда Адріанъ наконецъ явился и приказалъ Мастору снять съ себя мантію, Антиной отстранилъ раба и съ заботливостью исполнилъ молча его обязанности.

За обѣдомъ юноша сидѣлъ, какъ и всегда, противъ императора и старался казаться веселымъ, несмотря на то, что былъ сильно озабоченъ и безпокоенъ.

Незадолго до полуночи Адріанъ отправился на свою обсерваторію. Когда Антиной предложилъ нести его инструменты, императоръ ласково погладилъ любимца по кудрямъ.

— Ты все такой же милый, вѣрный товарищъ, — сказалъ онъ. — Юности можно извинить заблужденія, если она все-таки не забываетъ пути, по которому должна слѣдовать.

У Антиноя при этихъ словахъ сжалось сердце и онъ тихонько прильнулъ губами къ тогѣ Адріана, который шелъ впереди. Его мучила совѣсть, хотя онъ еще не совершилъ никакого преступленія.

До конца перваго часа по полуночи виѳинянинъ не отходилъ отъ императора. Свѣжій сѣверный вѣтеръ облегчилъ его головную боль и онъ безъ устали, неуклонно искалъ предлога, чтобъ отвлечь Адріана отъ наблюденій.

Его бѣдный мозгъ походилъ на изсохшій колодезь. Ничего, ровно ничего не приходило ему на умъ.

Антиной приблизился къ кесарю и воскликнулъ умоляющимъ голосомъ:

— Государь, ты причиняешь вредъ своему здоровью, ты не даешь себѣ отдыха! Не занимайся сегодня такъ долго.

— Я сплю по утрамъ,—отвѣтилъ Адріанъ.—Если ты усталъ, то иди спать.

Но юноша не трогался съ мѣста. Онъ также, какъ и его повелитель, разсматривалъ звѣздное небо. Антиной зналъ мало звѣздъ по именамъ, но нѣкоторыя изъ нихъ ему очень нравились; особенно любилъ онъ плеяды, которыя ему указалъ еще отецъ, и это напомнило юношѣ родину. Какъ мирно и тихо протекала тамъ его жизнь и какъ бурно было теперь въ его смятенномъ сердцѣ!

— Тебѣ пора ложиться,—сказалъ кесарь.—Второй часъ.

— Уже второй?—переспросилъ Антиной.

При мысли, что онъ долженъ скоро исполнить обѣщаніе, данное Веру, все помутилось въ его глазахъ. Въ сильномъ волненіи юноша простился съ Адріаномъ, зажегъ факелъ и сошелъ при его мерцающемъ свѣтѣ съ обсерваторіи.

Спускаясь по лѣстницѣ, Антиной присѣлъ на ступеньку, чтобы собраться съ мыслями и дать своему сильно бьющемуся сердцу немного успокоиться.

Время летѣло. Скоро долженъ былъ наступить третій часъ. Антиною внезапно пришла мысль прикинуться больнымъ и позвать императора къ своему ложу.

Но Адріанъ былъ врачъ и сейчасъ бы замѣтилъ, что онъ здоровъ; еслибы даже кесарь ошибся и повѣрилъ, что его любимецъ боленъ, то Антиной все-таки былъ бы обманщикомъ.

Виѳинянинъ почувствовалъ глубокое отвращеніе къ самому себѣ и страхъ за будущее, а между тѣмъ мысль, которая ему только-что пришла, одна подавала надежду на успѣхъ. Уже до третьяго часа оставалось нѣсколько минутъ. Онъ долженъ былъ скорѣе бѣжать во дворецъ, броситься на постель и позвать Мастора. Схвативъ факелъ, Антиной въ послѣдній разъ взглянулъ на каменную лѣстницу, по которой спустился. Какъ молнія блеснуло въ его измученной головѣ—снова подняться по ней и броситься внизъ. Что ему дорожить своей бѣдною жизнью!

Его паденіе и крикъ должны были привлечь императора.

Адріанъ не оставилъ бы своего окровавленнаго любимца, не перевязавъ ему раны, и самъ сталъ бы за нимъ заботливо ухаживать. Тогда императоръ былъ бы у ложа умирающаго, но не обманщика.

Но прежде, чѣмъ лишить себя жизни, Антиной еще разъ взглянулъ на небо, чтобы видѣть, который часъ. Онъ замѣтилъ узкій серпъ луны, той самой, которая отражалась въ морѣ, когда онъ спасалъ Селену. Ему такъ живо представился образъ блѣдной дѣвушки, что, казалось, онъ снова держитъ ее въ своихъ объятіяхъ, снова цѣлуетъ ея холодный лобъ.

Видѣніе исчезло, уступивъ мѣсто жгучему желанію увидать Селену, хоть одинъ разъ, прежде, чѣмъ умереть.

Антиной въ нерѣшительности озирался кругомъ.

Около обсерваторіи находился рядъ сараевъ; въ нихъ лежали массы ящиковъ, кучи соломы и пакли, снятой съ утвари и съ разныхъ статуй, привезенныхъ для украшенія дворца.

Ужасная мысль озарила любимца кесаря. Не думая о послѣдствіяхъ, Антиной бросилъ факелъ въ ближайшій сарай, до верху наполненный горючими веществами, и сталъ спокойно смотрѣть на разгорающееся пламя, на клубы чернаго дыма. Когда пожаръ достигъ значительныхъ размѣровъ, юноша бросился къ башнѣ, гдѣ находился императоръ.

— Горимъ, горимъ!—громко кричалъ онъ.

Глава четырнадцатая.

Въ началѣ третьяго часа, пиръ, даваемый Веромъ по случаю его наступавшаго дня рожденія, былъ еще въ самомъ разгарѣ.

Кромѣ знатныхъ и ученыхъ римлянъ, прибывшихъ въ Александрію вслѣдъ за императоромъ, въ числѣ гостей претора было также много именитыхъ александрійцевъ.

Блестящій ужинъ давно кончился, но чаши съ виномъ еще обходили столъ.

Веръ былъ единодушно провозглашенъ царемъ пиршества. Онъ лежалъ на подушкахъ, усыпанныхъ розами. Флёровая занавѣска защищала его отъ мухъ и комаровъ, а коврикъ, сплетенный изъ цвѣтовъ и стеблей лилій, прикрывалъ ему ноги и пріятно благоухалъ. Подлѣ претора сидѣла прелестная пѣвица.

Хорошенькіе мальчики, одѣтые амурами, ожидали приказаній «коварнаго Эрота».

Веръ безпечно покоился на своемъ ложѣ.

А между тѣмъ онъ все видѣлъ, все успѣлъ разсчитать, устраивая свой праздникъ, и распоряжался на немъ съ большой осмотрительностью.

Какъ на пиршествахъ, даваемыхъ Адріаномъ въ Римѣ, такъ и здѣсь прочтены были сначала небольшіе отрывки изъ новѣйшихъ сочиненій и стихотвореній; потомъ была разыграна веселая комедія; затѣмъ Глицера, первая пѣвица города, спѣла звонкимъ голосомъ диѳирамбъ съ акомпаниментомъ арфы, а виртуозъ Александръ исполнилъ пьесу на тригононѣ.

Наконецъ въ комнату влетѣла труппа танцовщицъ при звукахъ тамбуриновъ и флейтъ.

Въ залѣ раздались возгласы одобренія; вино все болѣе и болѣе увеличивало веселость гостей.

По каменнымъ плитамъ пола струились потоки вина, возлитаго богамъ; крики стали заглушать музыку и пѣніе,— веселое пиршество обратилось въ безпорядочную оргію.

Вдругъ въ залу вбѣжалъ одинъ изъ слугъ Вера.

— Пожаръ! Огонь во дворцѣ на Лохіи!—кричалъ онъ, съ трудомъ переводя дыханіе.

Веръ сбросилъ коверъ изъ лилій, разорвалъ занавѣску и приказалъ немедленно подавать себѣ колесницу.

— До свиданья, друзья! Благодарю васъ за честь!—сказалъ онъ, обращаясь къ присутствовавшимъ.—Я долженъ спѣшить на Лохій.

Вмѣстѣ съ Веромъ бросилось на пожаръ и большинство гостей, не съ желаніемъ помочь горожанамъ, а просто чтобы посмотрѣть на пламя да послушать толки. Многіе не могли встать съ мѣста,— до того были отуманены виномъ,—а одинъ изъ присутствовавшихъ, Флоръ, громко заявилъ, что не только пожаръ города, но и пожаръ цѣлаго свѣта не заставитъ его покинуть своего ложа и оставить недопитой чашу.

Покинувъ залу, Веръ поспѣшилъ къ Сабинѣ, чтобъ увѣдомить ее о случившемся.

Бальбилла первая увидала огонь, когда она, покончивъ свои занятія и собираясь ложиться, въ послѣдній разъ взглянула на море. Дѣвушка сейчасъ же выбѣжала наружу, объявила всѣмъ, кого встрѣтила, что во дворцѣ пожаръ, и искала теперь дежурную матрону, чтобы велѣть разбудить Сабину.

Весь Лохій представлялъ сплошное, яркое полымя.

Преторъ встрѣтилъ поэтессу въ дверяхъ, которыя вели изъ покоевъ императрицы въ садъ.

— Увѣдомлена ли Сабина?—спросилъ онъ поспѣшно, не привѣтствуя дѣвушку даже поклономъ.

— Я думаю, что еще нѣтъ.

— Такъ вели ее разбудить. Поклонись ей отъ меня. Мнѣ надо скорѣй на Лохій.

— Мы тебя догонимъ.

— Оставайтесь дома,—вы будете только мѣшать.

— Я не займу много мѣста и непремѣнно пріѣду. Какое чудное зрѣлище!

— Вѣчные боги! уже за дворцомъ, ближе къ гавани, показывается пламя. Что же нѣтъ до сихъ поръ колесницъ?

— Возьми меня съ собой.

— Нѣтъ, ты должна разбудить императрицу.

— А Люциллу возьмешь?

— Вамъ, женщинамъ, лучше остаться дома.

— Что до меня касается, я не останусь. Надѣюсь, кесарю не угрожаетъ опасность?

— Не думаю.

— Взгляни, какая прелесть! Небо похоже на огненный шатеръ. Прошу тебя, Веръ, позволь мнѣ доѣхать съ тобой.

— Нѣтъ, милая, тамъ нужны мужчины.

— Какъ ты нелюбезенъ!...

— Наконецъ-то подаютъ колесницу. Вы, женщины, остаетесь.

— Я не позволю себѣ приказывать и отправлюсь на Лохій.

— Чтобъ видѣть Антиноя среди пламени?—насмѣшливо спросилъ преторъ, вскакивая на колесницу и хватая вожжи.—Такое чудное зрѣлище не всегда можетъ представиться.

Дѣвушка сердито топнула ногой, направилась въ покои государыни и рѣшилась во что бы ни стало побывать на пожарищѣ.

Сабина еще не была одѣта и никого не принимала. Камеристка сообщила Бальбиллѣ, что императрица встаетъ, но что разстроенное здоровье не позволитъ ей выйти на воздухъ среди ночи.

Поэтесса отыскала Люциллу, но та не рѣшилась ослушаться мужа и пыталась удержать и Бальбиллу. Но кудрявая головка настаивала на своемъ, тѣмъ болѣе, что Веръ насмѣшливыми словами запретилъ ей исполнить свою волю.

Тогда дѣвушка обратилась къ своей компаньонкѣ и рѣшилась захватить съ собой Клавдію, несмотря на ея возраженія.

Черезъ полтора часа послѣ ухода претора колесница подвозила ихъ къ пылавшему Лохію.

Глазамъ Бальбиллы представилась необозримая, многоголовая толпа, которая кишила на мысу и въ гавани.

Нѣкоторыя верфи уже загорались и надо было спасать корабли, стоявшіе на якорѣ. Сѣверный вѣтеръ раздувалъ пламя, мѣшая людямъ тушить его. Складочные амбары похожи были на гигантскіе факелы и освѣщали все большее и большее пространство кругомъ.

Темныя массы кораблей, лодки, люди—все было озарено яркимъ, красноватымъ блескомъ пожара, который, какъ въ зеркалѣ, отражался на спокойной поверхности моря.

Вслѣдствіе страшной тѣсноты, колесница Бальбиллы съ трудомъ подвигалась впередъ и дѣвушка вполнѣ могла насладиться восхитительнымъ зрѣлищемъ.

На улицѣ, ведшей отъ гавани ко дворцу, надо было остановиться, такъ какъ не было возможности ѣхать дальше. Напуганные огнемъ и шумомъ, кони вставали на дыбы и бросались въ стороoу, такъ что возница едва могъ сдерживать ихъ. На Бальбиллу и ея спутницу посыпались укоризненныя восклицанія толпы. Дѣвушка уже приказала возницѣ повернуть колесницу и ѣхать назадъ; но это было еще труднѣе. Одна изъ лошадей оторвалась отъ дышла и кинулась въ народъ; раздались крики, брань. Бальбилла хотѣла соскочить съ колесницы, но Клавдія уцѣпилась за нее, умоляя не покидать ее одну. Упрямая дѣвушка не была боязлива, но на этотъ разъ жалѣла, что не послушалась Вера. Сначала ей все казалось забавнымъ, но затѣмъ ея отважное предпріятіе потеряло всю свою прелесть,—Бальбилла была скорѣе готова плакать, чѣмъ смѣяться.

— Пропустите пожарныя трубы!... Прочь съ дороги!—раздалось вдругъ въ толпѣ.

При этихъ грозныхъ словахъ Клавдія упала на колѣни, а Бальбилла, напротивъ того, ободрилась. Она узнала голосъ архитектора Понтія, который стоялъ позади ея колесницы верхомъ на конѣ, и обернулась къ нему. Онъ улыбнулся ей и покачалъ головой. «Вотъ бѣшеная голова, которую слѣдуетъ пожурить. Но кто же въ состояніи на нее сердиться?»—казалось хотѣлъ онъ сказать.

Потомъ Понтій обратился къ слѣдовавшей за нимъ охранительной стражѣ:

— Отпрягайте коней,—приказывалъ онъ,—мы можемъ на нихъ возить воду! Помогите женщинамъ сойти съ колесницы! Оттолкните экипажъ въ сторону! Дайте дорогу нашимъ снарядамъ!

Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія съ поспѣшностью полководца, командующаго солдатами, архитекторъ подъѣхалъ къ Бальбиллѣ и сообщилъ ей, что императоръ внѣ опасности.

— Мнѣ теперь некогда проводить тебя до Кесареума, а если хочешь любоваться пожаромъ вблизи, такъ пойди въ домъ сторожа гавани; съ крыши ты увидишь весь Лохій. Зрѣлище поистинѣ великолѣпное. Но ты не должна забывать, сколько при этомъ погибаетъ богатства, пріобрѣтеннаго честнымъ трудомъ. То, чѣмъ ты будешь восхищаться, принесетъ много горькихъ слезъ. Надо надѣяться, что величественная картина пожара не долго будетъ представляться вашимъ взорамъ.

— О, да! Я надѣюсь всѣмъ сердцемъ,—воскликнула дѣвушка.

— Я это зналъ. Какъ только будетъ возможно, я провѣдаю васъ, а пока до свиданья. Поручивъ охрану женщинъ двумъ изъ своихъ помощниковъ, Понтій далъ волю коню и протѣснился сквозь толпу народа.

Четверть часа спустя Бальбилла стояла на крышѣ каменнаго домика. Клавдія осталась въ душной комнатѣ сторожа гавани и не могла отъ утомленія произнести ни одного слова.

Послѣ разговора съ Понтіемъ молодая римлянка глядѣла на пожаръ далеко не съ прежнимъ беззаботнымъ, почти веселымъ, чувствомъ.

Огненные языки начинали постепенно уменьшаться и съ замѣтнымъ трудомъ боролись съ густымъ дымомъ.

Бальбилла вскорѣ отыскала глазами архитектора, такъ какъ всадникъ возвышался надъ толпой.

Понтій подъѣзжалъ то къ одному горящему строенію, то къ другому, и всюду, гдѣ онъ ни показывался, утихала разъяренная стихія.

Дѣвушка не замѣтила, что вѣтеръ перемѣнился и мало-помалу даже вовсе успокоился, а отъ этого зависѣлъ, главнымъ образомъ, успѣхъ ея друга.

Слѣдя за Понтіемъ, она видѣла, какъ онъ велѣлъ разломать горящій амбаръ, чтобы пересѣчь дальнѣйшій путь пламени,—видѣла, какъ онъ въ другой разъ хлопоталъ около пылавшаго склада дегтя и смолы, не теряя присутствія духа.

Бальбилла страшилась за него, но вмѣстѣ съ тѣмъ любовалась его стройною фигурой на горячемъ конѣ, освѣщенною пламенемъ. Въ то же время живое воображеніе рисовало ей образъ

другаго, юноши, не менѣе прекраснаго, и юноша этотъ былъ Антиной.

Благодаря неимовѣрнымъ усиліямъ гражданъ, пожаръ былъ почти потушенъ; отъ обгорѣлыхъ строеній поднимался теперь только дымъ, перемѣшанный съ искрами, а Понтій все не приходилъ за Бальбиллой и это начинало сердить ее.

Начинало разсвѣтать, но слабо, такъ какъ небо сплошь было покрыто тучами. Когда же сталъ накрапывать дождь, дѣвушка спустилась по лѣстницѣ во внутреннія комнаты домика и усѣлась возлѣ своей задремавшей спутницы.

Прошло около получаса, когда послышался наконецъ топотъ конскихъ копытъ и на порогѣ показался Понтій. Лицо его было покрыто копотью, голосъ охрипъ отъ неустанныхъ распоряженій.

Бальбилла забыла минутную досаду и ласково привѣтствовала своего друга. Услыхавъ, что его мучитъ жажда, она собственноручно зачерпнула въ чашу воды изъ стоявшей въ углу глиняной кружки и подала ему.

Онъ жадно выпилъ освѣжительную влагу, а дѣвушка приняла изъ его рукъ пустую чашу и снова наполнила ее водой.

Наблюдая за необычнымъ занятіемъ своей воспитанницы, Клавдія только въ недоумѣніи качала головой.

— Вотъ такъ питье!—сказалъ Понтій, выпивая уже третью чашу и съ трудомъ переводя дыханіе.

— Мутная вода, стоявшая въ земляной посудинѣ,—возразила дѣвушка.

— А все-таки она была вкуснѣе вина, поданнаго въ золотомъ бокалѣ.

— Жажда дѣлаетъ всякій напитокъ пріятнымъ.

— Ты забываешь, какая рука подавала его,—съ чувствомъ отвѣтилъ архитекторъ.

Бальбилла покраснѣла и потупилась.

— Теперь,—продолжала она послѣ минутнаго смущенія,—ты утолилъ свою жажду и можешь отправиться домой, чтобъ обратиться изъ трубочиста снова въ великаго архитектора. Но прежде разскажи, какъ ты попалъ сюда изъ Пелузіума, гдѣ былъ до сихъ поръ, и какой видъ имѣетъ теперь дворецъ.

— У меня очень мало времени,—возразилъ Понтій,—и я могу тебѣ все разсказать только вкратцѣ. Окончивъ въ Пелузіумѣ начатыя работы, я возвращался съ императорскою почтой въ Александрію. Подъѣзжая къ городу, я замѣтилъ зарево надъ моремъ.

Узнавъ отъ одного раба, что горитъ на Лохіи, я взялъ одну изъ лучшихъ почтовыхъ лошадей и поскакалъ прямо во дворецъ. Причина пожара до сихъ поръ неизвѣстна. Я знаю только, что кесарь наблюдалъ звѣзды въ ту минуту, когда загорѣлся одинъ изъ сосѣднихъ съ обсерваторіей сараевъ. Антиной первый увидалъ пламя и предостерегъ государя. Я нашелъ Адріана въ сильномъ волненіи; онъ поручилъ мнѣ наблюдать, чтобъ исправнѣе тушили пожаръ, а самъ остался во дворцѣ съ своимъ любимцемъ; бѣдный мальчикъ обжегъ себѣ руки.

— Какъ же это случилось?—воскликнула Бальбилла съ живымъ участіемъ.

— Когда Адріанъ съ Антиноемъ спускались съ обсерваторіи, они захватили съ собой находившіеся на ней инструменты и бумаги. Спустившись съ лѣстницы, императоръ замѣтилъ, что забылъ на верху таблички съ важными вычисленіями, и громко выразилъ по этому поводу свое сожалѣніе. Пламя уже охватило башню, но, несмотря на это, Антиной мигомъ взбѣжалъ туда по лѣстницѣ, сбросилъ таблички съ вершины обсерваторіи и началъ поспѣшно спускаться. Но на срединѣ лѣстницы онъ сталъ задыхаться и упалъ въ обморокъ. Къ счастію, подоспѣлъ во-время рабъ Масторъ и вынесъ его полумертвымъ на свѣжій воздухъ.

— Но вѣдь онъ живъ, этотъ прекрасный, божественный юноша?—озабоченно спрашивала Бальбилла.

— Да, только руки его пострадали, да волосы слегка опалились.

— Прелестные, мягкіе локоны!—снова воскликнула дѣвушка.—Я пойду сейчасъ домой и велю садовнику нарвать прекрасный букетъ изъ розъ; мы пошлемъ его Антиною; это вниманіе порадуетъ юношу.

— Какъ, ты хочешь послать цвѣты человѣку, который, можетъ-быть, ихъ вовсе не желаетъ?—спросилъ Понтій серьезно.

— Какъ же намъ иначе почтить добродѣтель и красоту мужчины?—спросила Бальбилла.

— Собственное сознаніе честнаго поступка—лучшая награда.

— А красота?

— Женская красота возбуждаетъ удивленіе, можетъ-быть даже любовь, и ей подобаютъ цвѣты; и мужская красота радуетъ взоры, но задача восхвалять ее не принадлежитъ смертной женщинѣ.

— Кому же въ такомъ случаѣ?

— Искусству, которое ее увѣковѣчиваетъ.

— Но розы могутъ порадовать и утѣшить бѣднаго юношу.

— Такъ пошли ихъ ради его болѣзни, а не ради красоты,— отвѣтилъ Понтій.

Бальбилла замолчала и вмѣстѣ съ Клавдіей послѣдовала за архитекторомъ въ гавань. Здѣсь онъ простился съ ними, усадивъ въ лодку, которая должна была доставить ихъ въ Кесареумъ.

— Послѣ разговора съ Понтіемъ,—сказала дѣвушка дорогой, обращаясь къ своей компаньонкѣ,—у меня пропала охота посылать Антиною цвѣты; но онъ все-таки остался въ моемъ воображеніи не больнымъ юношей, а красавцемъ Антиноемъ.

Глава пятнадцатая.

Городъ находился внѣ опасности,—пожаръ былъ потушенъ. Архитекторъ Понтій работалъ безъ устали; подъ нимъ пали три лошади, но его желѣзное здоровье и крѣпкій, бодрый духъ все вынесли.

Окончивъ свои труды, Понтій отправился домой, чтобы немного отдохнуть; но въ передней его осадила цѣлая толпа желавшихъ говорить съ нимъ.

Чувствуя, что силы оставляютъ его, разсудительный и серьезный въ обыкновенное время, архитекторъ вышелъ изъ терпѣнія.

— Завтра, завтра!—гнѣвно кричалъ онъ обступившимъ его просителямъ.—Если же дѣла очень спѣшныя, то нынче вечеромъ! Теперь мнѣ необходимъ отдыхъ. Вы сами видите, на что я похожъ.

При этихъ рѣшительныхъ словахъ толпа, состоявшая изъ плотниковъ, мастеровыхъ и подрядчиковъ, быстро разошлась. Остался одинъ только старикъ, управляющій сестры Понтія, Паулины; онъ подошелъ къ архитектору и поспѣшно шепнулъ ему:

— Моя госпожа тебѣ кланяется; у нея до тебя важное дѣло, не терпящее отлагательства. Я не уйду прежде, чѣмъ ты мнѣ обѣщаешь нынче навѣстить ее. Наша колесница дожидается тебя у воротъ сада.

— Такъ отошли ее назадъ,—довольно нелюбезно отвѣчалъ Понтій.—Паулинѣ придется подождать.

— Мнѣ приказано немедленно привезти тебя къ ней.

— Но я не могу ѣхать въ такомъ видѣ! Войдите въ мое положеніе,—вскричалъ архитекторъ.—И что могло тамъ случиться?... Скажи, что я буду черезъ два часа.

Отдѣлавшись отъ управляющаго, Понтій принялъ ванну, а потомъ сѣлъ обѣдать. За столомъ онъ просматривалъ бумаги, накопившіяся за время его пребыванія въ Пелузіумѣ, и разные чертежи, сдѣланные его сотрудниками.

— Отдохни немного,—начала упрашивать его старушка-экономка; она была кормилицей Понтія и любила его, какъ роднаго сына.

— Не могу,—отвѣчалъ архитекторъ,—я долженъ ѣхать къ сестрѣ.

— И навѣрное изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ!—возразила старуха.—А между тѣмъ тебѣ такъ необходимъ покой. Ты работаешь какъ послѣдній каменьщикъ, тебѣ некогда даже пообѣдать; и днемъ, и ночью ты вѣчно занятъ, вѣчно трудишься. И для кого, подумаешь?

— Для кого?—со вздохомъ переспросилъ Понтій.—Видишь, старая, за работой долженъ слѣдовать отдыхъ, также какъ за днемъ слѣдуетъ ночь, за лѣтомъ—зима. Тотъ, у кого есть дома милыя сердцу существа,—я подразумѣваю жену и веселыхъ дѣтей,—которыя ему услаждаютъ часы отдыха, тотъ, говорю я, естественно будетъ стараться продлить время отдохновенія. Но я нахожусь при другихъ условіяхъ.

— Отчего же такъ, дорогой Понтій?

— Дай мнѣ кончить. Ты знаешь, я одинаково не люблю какъ болтать въ баняхъ, такъ и возлежать за столомъ во время обѣда. Въ промежутки между занятіями я нахожусь въ обществѣ самого себя и моей любезной старушки, Леокипы. Часы моего отдыха отличаются пустотой и однообразіемъ и никто меня не осудитъ за то, что я всячески стараюсь сократить ихъ.

— А что же теперь слѣдуетъ изъ твоихъ словъ? Ты долженъ жениться—вотъ и все.

Архитекторъ вздохнулъ.

— Тебѣ не придется искать невѣсту,—съ жаромъ продолжала старушка.—Отцы и матери знатнѣйшихъ семействъ съ радостью отдадутъ за тебя лучшее дитя свое.

— Дитя, котораго я не знаю,—возразилъ Понтій,—и которое быть-можетъ отравитъ мнѣ жизнь.

— Надо быть осмотрительнымъ. Надо выбирать дѣвушку, выросшую въ семьѣ добрыхъ, честныхъ правилъ.

— Если только въ этомъ городѣ найдется такая семья...

Нѣтъ, нѣтъ, Леокипа, все должно остаться по-прежнему!... Мы исполняемъ наши обязанности, довольны другъ другомъ.

— А время между тѣмъ летитъ,—прервала экономка своего господина.—Тебѣ скоро тридцать пять лѣтъ, а дѣвушки...

— Оставь ихъ, онѣ найдутъ себѣ другихъ мужей! А теперь вели Сирусу подать мнѣ паллій и приготовить носилки,—мнѣ пора къ Паулинѣ.

Дорогой Понтій старался не думать о совѣтѣ, данномъ ему старою Леокипой, а между тѣмъ въ его воображеніи вставалъ знакомый образъ дѣвушки: дѣвушка эта была Бальбилла. Какъ ни привлекательна казалась она ему, онъ всячески хотѣлъ найти въ ней что-нибудь не удовлетворяющее идеалу женщины. Въ молодой римлянкѣ не трудно было найти нѣсколько недостатковъ, но архитекторъ долженъ былъ въ концѣ концовъ согласиться, что они составляютъ ея неотъемлемую принадлежность и даже имѣютъ свою прелесть.

Понтій зналъ, что горести и невзгоды омрачаютъ жизнь людей; но ему казалось, что тотъ, кто будетъ обладать этимъ беззаботнымъ, веселымъ ребенкомъ, увидитъ одно только свѣтлое счастье.

Бальбиллой давно были заняты мысли архитектора и встрѣтить ее онъ считалъ уже за счастье; но Понтій никогда бы не дерзнулъ просить ея руки, хотя зналъ и себѣ цѣну,—зналъ, что въ правѣ гордиться своимъ положеніемъ, котораго добился собственными силами. Быть другомъ молодой поэтессы, пользоваться ея уваженіемъ и благосклонностью казалось Понтію верхомъ блаженства; эту дружбу онъ бы не промѣнялъ за обладаніе другою дѣвушкой.

Среди этихъ размышленій архитекторъ незамѣтно достигъ дома сестры и, сходя съ носилокъ, улыбнулся при мысли, что занятъ былъ всю дорогу одной Бальбиллой.

Изъ украшеннаго вьющимися растеніями окошечка въ боковой стѣнѣ дома выглядывала прелестная женская головка, которая съ любопытствомъ наблюдала за тѣмъ, что происходило на улицѣ.

Понтій не замѣтилъ этого. Но Арсиноя, которой принадлежала хорошенькая головка, сейчасъ же узнала архитектора, такъ какъ видѣла его нѣсколько разъ на Лохіи и много слышала о немъ отъ Поллукса.

Дѣвушка уже съ недѣлю находилась въ богатомъ домѣ вдовы Пудента.

Она жила въ довольствѣ, ни въ чемъ не нуждалась, а между тѣмъ ее всею душой тянуло въ городъ, чтобы разыскать Поллукса и его родителей, про которыхъ она ничего не знала со дня смерти отца.

Три дня спустя послѣ пріѣзда въ жилище Паулины, Арсиноя нашла себѣ окошечко, которое выходило на улицу; улица эта вела къ гипподрому и потому на ней всегда было видно множество народу.

Дѣвушка любовалась роскошными конями и колесницами, увѣнчанными цвѣтами юношами, но въ то же время надѣялась увидать въ толпѣ Поллукса, его отца, или мать, или, наконецъ, кого-нибудь изъ знакомыхъ. Знакомые, еслибы только ей удалось подозвать ихъ, могли бы разсказать ей, что сталось съ ея друзьями.

Паулина уже два раза застала Арсиною у окна и строго запретила ей смотрѣть на улицу. Дѣвушка не возражала и послушно ушла во внутреннія комнаты; но едва успѣла вдова выйти изъ дому, какъ Арсиноя снова прокралась къ окну, отыскивая глазами тѣхъ, которые не шли у нея съ ума.

Дѣвушка не была счастлива среди новой роскошной обстановки.

Сначала ей было пріятно сидѣть сложа руки на мягкихъ подушкахъ и ѣсть вкусные обѣды вмѣсто того, чтобы заботиться о дѣтяхъ и ходить на противную папирусную фабрику; но уже на третій день она начала скучать и стремиться увидать своихъ сестеръ, братьевъ и особенно Поллукса.

Воспитательница Арсинои была съ нею добра, никогда не выходила изъ себя, одѣвала дѣвушку какъ родную дочь, цѣловала ее утромъ и вечеромъ, а та ни разу не вспомнила, что Паулина требовала и отъ нея любви.

Она чувствовала себя подъ надзоромъ и даже во власти этой гордой, холодной, хотя и привѣтливой, женщины. Вдова Пудента казалась Арсиноѣ совсѣмъ чужою и она хоронила отъ нея свои лучшія чувства.

Разъ Паулина со слезами на глазахъ разсказывала про свою покойную дочь и дѣвушка въ порывѣ нѣжности открылась ей, что любитъ ваятеля Поллукса и надѣется быть его женой.

— Женой ваятеля? — спросила вдова съ такимъ отвращеніемъ, словно увидала жабу.—Нѣтъ, дитя,—продолжала она,— ты должна все это выкинуть изъ головы. У меня есть для тебя

отличный женихъ. Когда ты его узнаешь, то сама откажешься отъ только-что произнесенныхъ тобой словъ. Видала ли ты въ моемъ домѣ хоть одну статую?

— Нѣтъ, — отвѣчала Арсиноя. — Но что касается до Поллукса...

— Послушай,—перебила ее вдова,—развѣ я тебѣ не говорила про благаго Отца на небесахъ? Развѣ я тебѣ не сказала, что языческіе боги не что иное, какъ выдуманные призраки, которымъ безумные глупцы придали слабости и пороки, свойственные грѣшнымъ людямъ? Неужели ты не понимаешь, что нелѣпо молиться камнямъ? Можетъ ли быть сила и могущество въ мраморныхъ изваяніяхъ, которыя ничего не стоитъ разбить? Мы называемъ ихъ идолами. Тотъ, кто ихъ творитъ, служитъ имъ, принося въ жертву свои лучшія силы, какъ тѣлесныя, такъ и духовныя. Понимаешь ли ты это?

— Нѣтъ, искусство—нѣчто очень высокое, а Поллуксъ—хорошій человѣкъ, который во время своего творчества вдохновляемъ божествомъ.

— Подожди, ты все поймешь,—возразила Паулина, ласково притягивая къ себѣ Арсиною.—А теперь,—прибавила она строже,—иди спать, да помолись хорошенько Отцу небесному, чтобъ Онъ просвѣтилъ твой умъ. Ваятеля ты должна забыть и болѣе не заикаться о немъ въ моемъ присутствіи.

Арсиноя была воспитана въ язычествѣ, покланялась богамъ своихъ отцовъ и надѣялась на счастливые дни въ будущемъ, когда она освоится съ горькою мыслью о потерѣ отца и о разлукѣ съ дѣтьми. Дѣвушка не хотѣла промѣнять свою любовь и земное счастье на духовныя блага, которыхъ не постигала.

Ея покойный отецъ всегда говорилъ про христіанъ съ отвращеніемъ и ненавистью. Теперь она видѣла, что между ними были и добрые, готовые оказать помощь, а ученіе, что на небесахъ есть милосердый Отецъ, пришлось ей по сердцу; но прощать врагамъ, вѣчно скорбѣть о грѣхахъ своихъ и строго воздерживаться отъ всякихъ удовольствій — это казалось Арсиноѣ безсмысленнымъ и глупымъ.

И какіе могли быть у нея грѣхи?

Могла ли она прогнѣвить Отца небеснаго тѣмъ, что, будучи еще ребенкомъ, тихонько полакомилась пирогомъ, или тѣмъ, что была иногда упряма и непослушна?

Конечно, нѣтъ!

И могъ ли такой отличный, честный человѣкъ, какъ ея долговязый Поллуксъ, быть ненавистнымъ Богу за то, что умѣлъ лѣпить такія чудныя вещи, какъ бюстъ ея матери?

Если такъ, она тысячу разъ охотнѣе станетъ молиться своимъ, языческимъ, богамъ, чѣмъ Ему. Арсиноя начинала чувствовать непріязнь къ холодной женщинѣ, которую она плохо понимала и которая ее безпрестанно стѣсняла своею строгостью.

Паулина еще ни разу не брала свою воспитанницу на собранія христіанъ.

Она прежде желала приготовить ее и направить на путь къ спасенію. Она хотѣла одна, безъ помощниковъ, обратить ко Христу-Спасителю душу этого прекраснаго существа, такъ крѣпко свыкшагося съ языческими вѣрованіями. Цѣною этого труда Паулина надѣялась купить спасеніе своей дочери.

Изо дня въ день вдова брала Арсиною въ свою, украшенную цвѣтами и христіанскими символами, комнату и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ проповѣдывала ей новое ученіе. Но ученица Паулины съ каждымъ днемъ становилась непонятливѣе и разсѣяннѣе. Вмѣсто того, чтобы слушать наставленія своей воспитательницы, дѣвушка думала о Поллуксѣ, о дѣтяхъ, о предстоящихъ по случаю пріѣзда императора торжествахъ, чудномъ нарядѣ, который она должна была надѣть для роли Роксаны, о томъ, какая дѣвушка замѣнитъ ее и какъ бы ей повидаться съ возлюбленнымъ.

Паулина замѣтила, что Арсиноя часто смотритъ на улицу, и она ждала только возвращенія своего брата, чтобы велѣть уничтожить маленькое окошко, которое такъ развлекало ея воспитанницу.

Едва успѣлъ архитекторъ вступить въ залу сестрина дома, какъ на встрѣчу ему выбѣжала Арсиноя. Увидавъ Понтія изъ окошечка, она поспѣшила въ нижній этажъ, чтобы видѣть архитектора прежде, чѣмъ онъ пройдетъ во внутренніе покои къ Паулинѣ.

Отъ быстрой ходьбы дѣвушка раскраснѣлась и казалась еще красивѣе.

Понтій глядѣлъ на нее съ удовольствіемъ.

Онъ зналъ, что уже видалъ это милое личико, но не могъ припомнить, гдѣ именно.

Арсиноя первая заговорила съ нимъ.

— Ты меня не узнаешь?—робко спросила она.

— Постой... если я не ошибаюсь...

— Я дочь дворцоваго управителя Керавна.

— Такъ, такъ; тебя зовутъ Арсиноей? Я справлялся нынче о твоемъ отцѣ и къ моему прискорбію узналъ...

— Онъ умеръ.

— Бѣдное дитя!—воскликнулъ Понтій.—Какъ все измѣнилось въ старомъ дворцѣ во время моего отсутствія! Сторожка срыта, на мѣсто твоего отца новый управитель и потомъ... Но скажи прежде, какъ ты сюда попала?

— Мой отецъ не оставилъ никакого состоянія и христіане взяли насъ къ себѣ. Насъ было восемь.

— И моя сестра всѣхъ васъ пріютила?

— Нѣтъ, нѣтъ, мы размѣщены по разнымъ домамъ. Мы навсегда разлучены.

При этихъ словахъ слезы ручьями потекли изъ глазъ Арсинои, но она сейчасъ же овладѣла собой.

— У меня до тебя просьба; позволь мнѣ ее передать тебѣ, пока намъ никто не мѣшаетъ.

— Говори, дитя, я слушаю.

— Ты вѣдь знаешь Поллукса, ваятеля Поллукса?

— Конечно.

— И ты, кажется, всегда былъ къ нему расположенъ?

— Онъ хорошій человѣкъ и прекрасный художникъ.

— Да, онъ дѣйствительно таковъ. И кромѣ того... Могу я тебѣ все разсказать и разсчитывать на помощь съ твоей стороны?

— Я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ.

Арсиноя въ смущеніи потупилась и тихо проговорила:

— Мы любимъ другъ друга; я его невѣста.

— Позволь тебя поздравить.

— Къ сожалѣнію, пока еще не съ чѣмъ. Послѣ смерти отца мы не видались ни разу. Я не знаю, ни гдѣ онъ, ни гдѣ его родители, а онъ и подавно меня не отыщетъ.

— Такъ напиши ему.

— Я плохо пишу, а еслибъ и написала, то посланный...

— Развѣ сестра моя не велѣла навести справокъ о твоемъ женихѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я даже не смѣю при ней произносить его имени. Она хочетъ меня выдать за другаго и говоритъ, что ваятельное искусство противно христіанскому Богу.

— Вотъ какъ! Въ такомъ случаѣ я отыщу Поллукса, если хочешь.

— Да, да, будь такъ добръ! И если ты его найдешь, то скажи ему, что рано утромъ и вечеромъ я всегда одна, такъ какъ сестра твоя уѣзжаетъ па богослуженіе въ свой загородный домъ.

— Итакъ, я долженъ быть вѣстникомъ любви?

— О, благородный Понтій, если у тебя есть сердце...

— Дай же мнѣ высказаться, дитя! Я согласенъ отыскать твоего жениха и указать ему твое мѣстопребываніе; но не могу допустить, чтобы вы видѣлись безъ вѣдома моей сестры. Поллуксъ долженъ открыто вступить въ домъ Паулины и просить у нея твоей руки. Если же она воспротивится этому браку, я берусь устроить ваше дѣло. Довольна ли ты этимъ?

— Да, приходится довольствоваться. Но вѣдь ты мнѣ сообщишь, гдѣ находятся Поллуксъ и его родители?

— Это я тебѣ обѣщаю. Но скажи мнѣ, однако, хорошо ли тебѣ здѣсь живется?

Арсиноя смутилась, потомъ отрицательно покачала головой и поспѣшно удалилась.

— Бѣдное, прекрасное созданіе!—пробормоталъ Понтій и направился въ покои сестры.

Управляющій Паулины доложилъ о приходѣ архитектора и вдова встрѣтила брата на порогѣ своей комнаты. Понтій засталъ у нея епископа Евменія, почтеннаго старца, съ ясными, кроткими глазами.

— Твое имя произносится сегодня всѣми,—сказала Паулина послѣ обычныхъ привѣтствій.—Ты, говорятъ, творилъ чудеса нынѣшнею ночью?

— Я возвратился домой, сильно утомленный,—отвѣчалъ Понтій;—но такъ какъ ты непремѣнно желала со мной переговорить, то я поспѣшилъ къ тебѣ, еще не успѣвъ хорошенько отдохнуть.

— Мнѣ это очень досадно!—воскликнула вдова.

Епископъ хотѣлъ удалиться, боясь помѣшать разговору сестры съ братомъ; но Паулина удержала его.

— Дѣло идетъ о моей пріемной дочери,—сказала она,—которая, къ сожалѣнію, только и думаетъ, что о пустякахъ. Она говоритъ, милый Понтій, что видѣла тебя на Лохіи?

— Да, я знаю этого прекраснаго ребенка.

— Эта дѣвушка, безспорно, очень миловидна; но умъ ея и сердце вполнѣ не развиты и ученіе не производитъ на нее никакого благотворнаго вліянія. Она пользуется каждымъ свободнымъ часомъ, чтобы смотрѣть изъ окна на проѣзжающихъ и на прохожихъ и развлекается этимъ пустымъ занятіемъ. Такъ какъ я отлучаюсь иногда изъ дому, то всего лучше задѣлать это патубное окно.

— И только ради этого ты меня безпокоила?—спросилъ Понтій раздраженно.—Я думаю, твои рабы могли бы и безъ меня справиться съ такою бездѣлицей.

— Можетъ-быть. Но стѣну придется заново выбѣлить и притомъ я разсчитывала на твою любезность.

— Мнѣ очень лестно это слышать. Завтра я пришлю тебѣ двухъ хорошихъ рабочихъ.

— Мнѣ бы хотѣлось покончить все нынче же.

— Неужели нужна такая поспѣшность, чтобъ отравить бѣдному ребенку его невинную забаву? Къ тому же дѣвушка, вѣроятно, не обращаетъ большаго вниманія на всадниковъ и пышныя колесницы, а смотритъ въ окно въ надеждѣ увидать своего жениха.

— Тѣмъ хуже. Я уже говорила тебѣ, Евменій, что за нее сватается какой-то ваятель.

— Она язычница,—возразилъ епископъ.

— Но уже стоитъ на пути къ спасенію. Объ этомъ мы, впрочемъ, послѣ поговоримъ,—замѣтила Паулина.—У меня до тебя еще просьба,—продолжала вдова, обращаясь къ Понтію.—Зала въ моей загородной виллѣ оказывается слишкомъ тѣсной; надо ее увеличить.

— Хорошо, пришли мнѣ планы.

— Они лежатъ вмѣстѣ съ бумагами моего покойнаго мужа.

Понтій отправился въ хорошо знакомый ему кабинетъ покойнаго Пудента.

— Мнѣ кажется,—сказалъ епископъ, оставшись наединѣ съ Паулиной,—что ты ошибаешься относительно направленія ввѣреннаго тебѣ ребенка. Не всѣ призваны ко спасенію, а съ непокорными сердцами надо обращаться ласково и не прибѣгать къ насилію. Почему хочешь ты устранить отъ дѣвушки, еще всецѣло поглощенной суетною жизнью, всѣ удовольствія и забавы? Зачѣмъ лишаешь ты ее радостей, которыя свойственны ея возрасту? Не огорчай Арсиною понапрасну и старайся, чтобъ она

не чувствовала руководящей ею руки. Дѣлай все, чтобы привязать ее къ себѣ, и когда она полюбитъ тебя, то будетъ слушаться безъ крутыхъ мѣръ.

— Мое единственное желаніе пріобрѣсти ея любовь,—перебила вдова епископа.

— Но пыталась ли ты узнать, на что она способна? Есть ли въ ней стремленіе къ истинѣ? Провидишь ли ты въ ея сердцѣ искру, готовую обратиться въ пламенную любовь къ Спасителю?

— Ты говорилъ, что во всякомъ человѣкѣ есть доброе начало.

— Да, но въ язычникахъ зародышъ добра часто глубоко зарытъ въ сердцѣ и его трудно отыскать. Вѣдь и плодородная земля бываетъ иногда покрыта пескомъ и сорными травами, которыя надо прежде снять, а потомъ ужъ начинать сѣять.

— Я понимаю мою задачу и чувствую въ себѣ силы выполнить ее!—рѣшительно воскликнула вдова.

Тутъ разговоръ былъ прерванъ вошедшимъ въ комнату архитекторомъ. Онъ нѣсколько времени бесѣдовалъ съ сестрой о предстоящей перестройкѣ дома, потомъ, простившись, вышелъ вмѣстѣ съ епископомъ и отправился на пожарище около стараго дворца.

Глава шестнадцатая.

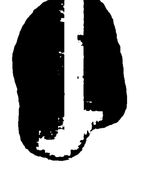
Понтій уже не засталъ императора на Лохіи, такъ какъ Адріанъ послѣ обѣда переѣхалъ въ Кесареумъ. Ему противенъ былъ запахъ гари, наполнявшій покои стараго дворца, который принесъ столько несчастій.

Архитектора ожидали съ нетерпѣніемъ. Онъ долженъ былъ скорѣе привести въ порядокъ императорскіе покои въ Кесареумѣ, которые были лишены всякихъ украшеній ради убранства залъ стараго дворца.

За Понтіемъ была выслана колесница, которая и доставила его въ новую резиденцію Адріана, гдѣ онъ немедленно, съ помощью многочисленныхъ рабовъ, принялся за дѣло и проработалъ вплоть до ночи.

Кесарь былъ въ мрачномъ настроеніи духа.

Когда Адріану доложили о приходѣ префекта Тиціана, онъ велѣлъ ему подождать, пока не перемѣнилъ собственноручно компрессъ на ранахъ своего любимца.



Когда императоръ съ ловкостью хирурга окончилъ свою работу, Антиной началъ торопить его, говоря, что префектъ ждетъ уже болѣе четверти часа.

— Пускай подождетъ!—возразилъ повелитель.—Еслибы весь міръ звалъ меня и тогда бы я не двинулся съ мѣста, не отдавъ должнаго этимъ честнымъ, преданнымъ рукамъ. Да, мой милый мальчикъ, мы вѣрные товарищи на всю жизнь. И другимъ тоже случается находить себѣ спутниковъ, чтобы дѣлить горе и радости, и всякій твердо убѣжденъ, что знаетъ своего товарища, какъ самого себя; но вдругъ судьба посылаетъ бурю, которая срываетъ покровъ съ души друга и она является въ совершенно новомъ свѣтѣ. Такая буря была нынѣшнею ночью и она дала мнѣ возможность заглянуть въ сердце моего Антиноя, такъ же, какъ я смотрю теперь на мою руку!... Да, тотъ, кто рискуетъ своей цвѣтущею жизнью ради одной вещи своего друга, тотъ отдалъ бы десять жизней за спасеніе его самого, еслибъ это только было возможно... Эта ночь должна быть тебѣ памятна. Она поставила твое имя во главѣ тѣхъ, кому я обязанъ благодарностью, а такихъ немного.

Съ этими словами Адріанъ протянулъ Антиною руку.

Юноша, стоявшій до тѣхъ поръ въ сильномъ замѣшательствѣ, порывисто прильнулъ къ ней губами.

— Не говори больше со мной,—я недостоинъ такой милости!—сказалъ Антиной умоляющимъ голосомъ, поднимая на Адріана свои большіе глаза.—Что такое моя жизнь? Я бы безъ сожалѣнія разстался съ ней, еслибы могъ этимъ избавить тебя хоть отъ одного тяжелаго дня.

— Я это знаю,—возразилъ съ увѣренностью повелитель и пошелъ въ сосѣднюю комнату къ профекту.

Тиціанъ пришелъ по приказанію импер тора.

Надлежало опредѣлить, какое вознагр жденіе долженъ получить городъ и отдѣльные домовладѣльцы, пострадавшіе во время пожара, такъ какъ Адріанъ уже объяви ъ декретомъ, что никто не потерпитъ убытка отъ несчастія, по ланнаго богами и начавшагося въ его домѣ.

Префектъ уже собралъ необходимы справки и тайнымъ секретарямъ Флегонту, Геліодору и Целеру было поручено написать заинтересованнымъ лицамъ, приглаш я ихъ, отъ имени кесаря, добросовѣстно показать цифру понес ннаго ими убытка.

Тиціанъ принесъ также извѣстіе, что греки и евреи желаютъ выразить торжественными жертвоприношеніями свою радость по случаю счастливаго спасенія императора.

— А христіане?—спросилъ Адріанъ.

— Они не приносятъ въ жертву животныхъ, а вмѣсто того соберутся для общей благодарственной молитвы.

— Ихъ признательность имъ дешево обходится!—воскликнулъ императоръ.

— Епископъ Евменій вручилъ мнѣ сумму для раздачи бѣднымъ, на которую можно бы купить сто быковъ. Онъ говоритъ, что христіанскій Богъ—существо духовное, а потому требуетъ только духовныхъ жертвъ. Самая пріятная для Него жертва—теплая, исходящая изъ глубины сердца молитва.

— Все это хорошо,—возразилъ Адріанъ,—но не годится для народа. Философскія ученія не ведутъ къ благочестію. Толпѣ нужны видимые боги и осязательныя жертвы... А что, здѣшніе христіане—хорошіе и преданные государству граждане?

— Съ ними не приходится прибѣгать къ судебной расправѣ.

— Такъ прими отъ нихъ деньги и отдай нуждающимся; но общей молитвы я не могу дозволить. Пускай они продолжаютъ въ тиши воздѣвать за меня руки къ своему великому Богу. Гласнымъ ихъ ученіе не можетъ быть, такъ какъ не лишено обаянія, а безопасность государства требуетъ, чтобы масса была вѣрна древнимъ богамъ и жертвамъ.

— Все будетъ по-твоему,—государь.

— Тебѣ извѣстно донесеніе Плинія Траяну о христіанахъ?

— Да, и отвѣтъ императора.

— Хорошо. Оставимъ христіанъ въ покоѣ, лишь бы ученіе ихъ не принимало гласности и не приходило въ столкновеніе съ государственными законами. Но какъ скоро они осмѣлятся отказывать въ подобающемъ уваженіи древнимъ богамъ, придется прибѣгнуть къ строгости и даже смертнымъ казнямъ.

Во время этого разговора въ комнату вошелъ Веръ.

Онъ сегодня всюду слѣдовалъ за императоромъ, въ надеждѣ услыхать отъ него что-нибудь насчетъ его наблюденій надъ небомъ, но не рѣшился первый спросить о ихъ результатѣ.

Увидавъ, что Адріанъ занятъ, онъ прошелъ къ Антиною.

Замѣтивъ претора, любимецъ кесаря поблѣднѣлъ, но, овладѣвъ собой, поздравилъ Вера съ днемъ его рожденія.

Отъ претора не ускользнуло, что появленіе его испугало юношу; поэтому онъ предложилъ ему нѣсколько пустыхъ вопросовъ и пересыпалъ свой разговоръ веселыми разсказами, пока виѳинянинъ наконецъ успокоился.

— Я долженъ поблагодарить тебя отъ имени государства и друзей кесаря,—сказалъ тогда Веръ.—Ты выполнилъ данное тебѣ порученіе, хотя и употребилъ черезчуръ сильныя средства.

— Прошу тебя, не упоминай объ этомъ,—перебилъ Антиной, со страхомъ оглянувшись на дверь сосѣдней комнаты.

— Чтобы сохранить ясное, хорошее расположеніе духа кесаря, я бы пожертвовалъ всей Александріей... Впрочемъ мы оба дорого поплатились за наше хорошее намѣреніе и за эти жалкіе сараи.

— Перемѣнимъ разговоръ.

— У тебя обжоги на рукахъ и волосы спалены, а мнѣ тоже нездоровится.

— Адріанъ говоритъ, ты много помогалъ спасать.

— Мнѣ стало жаль бѣдныхъ хомяковъ, у которыхъ пламя хотѣло истребить все добро, собранное съ такимъ трудомъ, и я бросился тушить. Первая моя награда состояла изъ холодной, какъ ледъ, морской воды, которой меня окатили изъ пожарной трубы. Я не вѣрю въ ученіе этики и давно готовъ считать глупцами тѣхъ писателей, въ сочиненіяхъ которыхъ добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказывается, потому что лучшими часами въ моей жизни я обязанъ дурнымъ поступкамъ, между тѣмъ какъ все хорошее, что бы я ни сдѣлалъ, приноситъ мнѣ только досаду и непріятности. Теперь я совсѣмъ охрипъ и мнѣ ужасно саднитъ горло, а все оттого, что я увлекся и дѣйствовалъ, какъ бы сказали моралисты, добродѣтельно.

— Ты кашляешь и у тебя болѣзненный видъ; ты бы легъ.

— Въ день моего рожденія?... Нѣтъ, юный другъ. А теперь не можешь ли ты мнѣ сказать, что прочелъ Адріанъ по звѣздамъ?

— Нѣтъ, не могу.

— Даже и въ томъ случаѣ, еслибъ я отдалъ въ твое распоряженіе моего Персея? Онъ хорошо знаетъ Александрію и нѣмъ, какъ рыба.

— И тогда не могу сказать, потому что ничего не знаю. Мы оба нездоровы и я опять повторяю, тебѣ надо обратить вниманіе на свое здоровье.

Послѣ этихъ словъ Веръ вскорѣ оставилъ комнату Антиноя и юноша съ облегченнымъ сердцемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

Посѣщеніе претора встревожило виѳинянина и увеличило отвращеніе, которое онъ чувствовалъ къ Веру.

Антиной зналъ теперь, что преторъ злоупотребилъ его довѣріемъ, потому что Адріанъ, какъ онъ самъ сказалъ своему любимцу, хотѣлъ прошлою ночью наблюдать звѣзды для Вера, а не для себя лично; императоръ сообщилъ это и претору.

Его поступка нельзя было ни извинить, ни представить въ лучшемъ свѣтѣ.

Въ угоду этому развратнику, этому лицемѣру, онъ измѣнилъ своему государю, поджегъ городъ и долженъ былъ теперь выслушивать похвалы и принимать выраженія благодарности отъ величайшаго и прозорливѣйшаго изъ людей. Антиной ненавидѣлъ, презиралъ самого себя и спрашивалъ: почему огонь, охватившій его со всѣхъ сторонъ, ограничился только тѣмъ, что обжогъ ему руки и опалилъ волосы.

Когда Адріанъ возвратился, юноша спросилъ у него позволенія лечь.

Императоръ охотно согласился, приказалъ Мастору не отходить отъ постели своего любимца, а самъ отправился къ Сабинѣ, которая желала видѣть его.

Императрица не была сама на мѣстѣ пожара, но каждый часъ отправляла туда посла, чтобъ имѣть извѣстіе о положеніи дѣлъ и о состояніи своего супруга. Когда Адріанъ прибылъ наконецъ въ Кесареумъ, Сабина вышла ему на встрѣчу, а потомъ снова удалилась въ свои покои.

Былъ второй часъ по полуночи, когда императоръ вошелъ въ комнату своей супруги.

Она покоилась на ложѣ и была одѣта какъ для торжественнаго обѣда, хотя и безъ дорогихъ украшеній.

— Ты желаешь говорить со мной?—спросилъ Адріанъ.

— Да, и этотъ богатый достопримѣчательными событіями день оканчивается также достопамятнымъ образомъ, потому что ты не заставилъ просить себя понапрасну.

— Ты рѣдко даешь мнѣ случай исполнять твои желанія.

— Тебѣ это непріятно?

— Пожалуй; вмѣсто того, чтобы желать и просить, ты всегда требуешь.

— Оставимъ этотъ пустой разговоръ.

— Хорошо. Но зачѣмъ ты звала меня?

— Веръ празднуетъ сегодня день своего рожденія.

— И ты бы хотѣла знать, что ему предсказываютъ звѣзды?

— И какъ тебя настроили твои наблюденія.

— Я еще не успѣлъ обдумать видѣнное... Во всякомъ случаѣ звѣзды предсказываютъ Веру блестящую будущность.

При этихъ словахъ Адріана въ глазахъ Сабины засвѣтилась радость, но она сдѣлала надъ собой усиліе казаться спокойной, и продолжала:

— И все-таки ты еще ни на что не можешь рѣшиться?

— Ты хочешь слышать мое послѣднее слово?

— Ты и самъ это знаешь.

— Хорошо. Созвѣздія Вера ярче моихъ и я долженъ его остерегаться.

— Какое малодушіе!... Ты боишься претора?

— Нѣтъ, но боюсь его счастія въ союзѣ съ тобой.

— Когда онъ будетъ нашимъ сыномъ, то его величіе станетъ и нашимъ.

— Вовсе нѣтъ. Если я поступлю по твоему желанію, то онъ постарается присвоить себѣ мое величіе. Судьба...

— Ты утверждаешь, что она ему благопріятствуетъ; но я, къ сожалѣнію, не могу съ тобой согласиться.

— Развѣ и ты пытаешься читать по звѣздамъ?

— Нѣтъ. Я предоставляю это мужчинамъ. Слыхалъ ты объ астрологѣ Аммоніи?

— Да, это очень ловкій человѣкъ. Онъ наблюдаетъ изъ башни въ Серапеумѣ и воспользовался своимъ искусствомъ, какъ и многіе ему подобные, для того, чтобы пріобрѣсти себѣ большое состояніе.

— Я обратилась къ нему по указанію астронома Клавдія Птоломея.

— Лучшая рекомендація.

— И вотъ я дала Аммонію порученіе составить прошлою ночью гороскопъ Вера. Онъ недавно принесъ мнѣ его съ объясненіемъ. Вотъ онъ.

Императоръ поспѣшно схватилъ табличку, которую ему подала Сабина, и началъ внимательно разсматривать предсказанія, распредѣленныя по часамъ.

— Такъ, совершенно вѣрно! Все согласно съ моими наблюденіями. Но постой, здѣсь начинается третій часъ, при наступленіи котораго меня прервали. Вѣчные боги! что же это такое?

Когда Адріанъ молча пробѣжалъ таблицу до конца, онъ опустилъ руку, державшую гороскопъ, и съ содроганіемъ воскликнулъ:

— Ужасная судьба! Горацій правъ. Чѣмъ выше башня, тѣмъ страшнѣе сотрясеніе при ея паденіи.

— Башня, о которой ты думаешь, это тотъ любимецъ счастія, котораго ты опасаешься,—сказала Сабина.—Подари же Веру хотя нѣсколько счастливыхъ дней, прежде чѣмъ его постигнетъ угрожающее ему несчастіе.

Адріанъ задумчиво смотрѣлъ въ землю.

— Если,—началъ онъ, обращаясь къ женѣ,—на этого человѣка не обрушится тяжелое несчастіе, то звѣзды имѣютъ такъ же мало общаго съ судьбой людей, какъ море съ пустыней. Если Аммоній и десять разъ ошибся, то все-таки на этой таблицѣ останется болѣе десяти чертъ, предсказывающихъ дурное претору. Мнѣ жаль Вера; но такъ какъ государство раздѣляетъ несчастія своего повелителя, то я не могу избрать этого человѣка себѣ въ наслѣдники.

— Не можешь? — спросила Сабина, вставая съ ложа.—Ты видѣлъ самъ, что твоя звѣзда побѣдитъ его звѣзду, а изъ этихъ таблицъ ясно, что онъ обратится въ прахъ, когда міръ еще долго будетъ слушаться твоихъ приказаній, и все-таки ты не можешь его усыновить?

— Успокойся, дай мнѣ время все обдумать, а теперь я остаюсь при своемъ.

— Даже если я стану умолять тебя,—продолжала Сабина страстно,—если я скажу, что ты и судьба лишили меня благословенія, счастія, не дали того, что составляетъ для женщины прекрасную цѣль жизни?... Но я достигну этого счастія! Я хочу, чтобы хотя на короткое время любящія уста называли меня тѣмъ именемъ, которое ставитъ послѣднюю нищую съ младенцемъ на рукахъ выше императрицы, никогда не стоявшей у колыбели своего ребенка. Я хочу быть и называться матерью; хочу имѣть право сказать: мое дитя, мой сынъ, наше дитя.

Сабина громко зарыдала и закрыла лицо руками.

Адріанъ въ изумленіи отступилъ отъ жены.

На его глазахъ совершилось чудо.

Сабина, въ глазахъ которой онъ никогда не видалъ слезинки, Сабина плакала теперь горькими слезами; у Сабины было такое же сердце, какъ у всякой другой женщины.

Пораженный и тронутый до глубины души, смотрѣлъ онъ, какъ она упала на колѣна и, вся вздрагивая отъ внутренняго волненія, спрятала лицо въ подушку.

— Встань, Сабина!—сказалъ наконецъ Адріанъ, подходя къ супругѣ.—Твое желаніе справедливо. Ты получишь сына, котораго жаждетъ твоя душа.

Императрица встала и въ ея глазахъ, еще полныхъ слезъ, выразилась глубокая благодарность.

Сабина могла улыбаться, могла быть прекрасной.

Только подобная минута могла показать это императору.

Молча пододвинулъ онъ къ ней табуретъ и опустился на него.

Продержавъ ея руку нѣкоторое время въ своей, онъ выпустилъ ее и сказалъ ласково:

— Оправдаетъ ли Веръ твои надежды?

Сабина утвердительно кивнула головой.

— И откуда въ тебѣ такая увѣренность?—спросилъ императоръ.—Положимъ, онъ—блестящій, даровитый римлянинъ, и тотъ, кто подобно ему умѣетъ постоять за себя и на полѣ битвы, и въ совѣтѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ ловко разыгрываетъ роль Эрота,—тотъ съумѣетъ носить и пурпуръ. Но въ жилахъ его течетъ кровь его легкомысленной матери и сердце его непостоянно.

— Оставь его такимъ, какимъ онъ есть. Мы понимаемъ другъ друга и онъ единственный человѣкъ, на любовь и вѣрность котораго я разсчитываю такъ же, какъ еслибъ онъ былъ мой родной сынъ.

— А на чемъ основано это довѣріе?

— Ты поймешь меня, ты самъ увидишь указанія судьбы. Есть у тебя время выслушать коротенькій разсказъ?

— Ночь только настаетъ.

— Прости, если я начну съ событій, которыя кажутся давно минувшими. Но они отзываются на мнѣ и понынѣ. Я знаю, что ты не самъ меня выбралъ въ жены. Плотина ввела меня въ твой домъ. Она любила тебя. Любилъ ли ты прекрасную женщину или супругу императора, отъ которой всего ожидалъ—это неизвѣстно.

— Я любилъ и уважалъ въ Плотинѣ женщину.

— Она избрала тебѣ въ жены меня, какъ высокую ростомъ и стало-быть годную, чтобы носить пурпуръ, но некрасивую лицомъ. Она знала, что я менѣе чѣмъ кто-либо другой способна

возбудить къ себѣ любовь. Въ родительскомъ домѣ я почти не видала ласки, а что супругъ мой не избаловалъ меня своею нѣжностью—это тебѣ хорошо извѣстно.

— Я готовъ въ этомъ раскаяться.

— Теперь уже поздно. Но въ молодости, признаюсь, я страстно желала любви и никто мнѣ не давалъ ея.

— А сама ты любила когда-либо?

— Нѣтъ; но мнѣ было больно, что я неспособна на это чувство. У Плотины я часто видала дѣтей ея родственниковъ и пыталась иногда привлечь ихъ къ себѣ; но они только пугались меня, тогда какъ съ другими женщинами играли охотно и довѣрчиво. Вскорѣ и я почувствовала непріязнь къ этимъ дѣтямъ. Только сынъ Цеонія Коммода, нашъ Веръ, всегда весело отвѣчалъ на мои вопросы и приносилъ мнѣ свои сломанныя игрушки, чтобъ я чинила ихъ. За это я полюбила мальчика.

— Это былъ прелестный ребенокъ.

— Да. Однажды мы всѣ, женщины, сидѣли въ императорскомъ саду. Вдругъ прибѣжалъ Веръ съ большимъ прекраснымъ яблокомъ въ рукахъ, которое далъ ему самъ Траянъ. Всѣ любовались румянымъ плодомъ, а Плотина взяла его изъ рукъ мальчика и спросила, шутя, не подаритъ ли онъ ей свое яблоко. Но ребенокъ удивленно вскинулъ на нее свои большіе глаза, покачалъ кудрявой головкой и подбѣжалъ ко мнѣ.

— На, Сабина, возьми его!—сказалъ онъ, подавая мнѣ яблоко и обвивъ ручонками мою шею.

— Настоящій судъ Париса.

— Не шути. Этотъ поступокъ ребенка далъ мнѣ силу переносить горести жизни. Я знала, что есть хотя одинъ человѣкъ, любящій меня, и этотъ человѣкъ вознаграждалъ меня за все, что я къ нему чувствовала, что для него дѣлала. Онъ единственный, который будетъ оплакивать мою смерть. Дай ему право назвать меня матерью и усынови его.

— Пусть будетъ такъ,—сказалъ Адріанъ съ достоинствомъ и протянулъ руку Сабинѣ.

Императрица хотѣла было поцѣловать ее, но онъ не допустилъ этого.

— Сообщи ему, что мы усыновляемъ его. Его жена—дочь Нигрина, который долженъ былъ пасть, потому что я хотѣлъ возвыситься. Ты не любишь Люциллу, но мы оба можемъ только удивляться ей, потому что по крайней мѣрѣ не знаю въ Римѣ

другой подобной женщины, за добродѣтель которой можно было бы поручиться. Я долженъ замѣнить ей отца и меня радуетъ имѣть такую дочь... Итакъ, у насъ есть дѣти. Назначу ли я Вера своимъ преемникомъ, кто будетъ послѣ меня властителемъ міра, этого я не могу теперь рѣшить,—мнѣ надо объ этомъ спокойно поразмыслить. До свиданья, Сабина! Этотъ день начался несчастіемъ; пусть то, чѣмъ мы его съ тобой закончили, принесетъ намъ счастье въ будущемъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Соловецкіе узники.

(Къ вопросу о монастырскихъ заточеніяхъ.)

I.

Вѣсть объ освобожденіи трехъ старообрядческихъ епископовъ, такъ долго томившихся въ суровомъ заточеніи монастырскихъ казематовъ, съ быстротою молніи пронеслась по Россіи, проникла въ самые глухіе, далекіе, захолустные концы и углы, вездѣ и всюду вызвавъ одно и то же отрадное чувство нравственнаго удовлетворенія...

У насъ въ послѣднее время въ извѣстной части печати не мало говорилось о розни, существующей будто бы между интересами, желаніями и симпатіями съ одной стороны лучшей части русскаго общества, «интеллигенціи», съ другой—народа, плебса, при чемъ стремленія и желанія этой части образованнаго слоя низводились на степень какихъ-то безпочвенныхъ «иллюзій», пагубныхъ и вредныхъ для всей остальной массы народа. Но вотъ передъ нами широкая, обширная область духовно-нравственной, умственной жизни, съ ея настойчивыми запросами на свободу совѣсти, свободу вѣры, свободу мысли, слова, убѣжденія. Гдѣ же тутъ рознь, гдѣ тутъ противоположность интересовъ, симпатій и стремленій? Развѣ завѣтныя желанія многомилліонной массы сѣраго люда,—массы, окрещенной кличкой сектантовъ и раскольниковъ,—не тѣ же самыя, которыя составляютъ давнишнюю горячую мечту болѣе развитой части культурнаго слоя? Развѣ эти желанія не выстраданы народомъ путемъ долгой, кровавой борьбы, рядомъ безчисленныхъ гоненій и безчеловѣчныхъ, жестокихъ преслѣдованій, вынесенныхъ имъ на его могучихъ плечахъ? Съ другой стороны, развѣ интеллигенція, въ лицѣ

своихъ лучшихъ представителей, не жертвовала всѣмъ за эти же самыя стремленія, идеи и желанія?

Мы видѣли, какъ горячо отнеслась печать, органы которой въ большинствѣ случаевъ являются отголосками той же самой интеллигенціи, къ факту освобожденія старообрядческихъ епископовъ, столь много пострадавшихъ за свои религіозные взгляды и убѣжденія. Что касается народа и, въ частности, многочисленной среды сектантовъ, то не трудно себѣ представить, какія свѣтлыя чувства вызвалъ среди ихъ этотъ «актъ гуманности». Я считаю себя въ правѣ говорить объ этомъ, такъ какъ вотъ уже шестой мѣсяцъ постоянно вращаюсь въ этой средѣ, хожу и ѣзжу изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, живу среди этихъ людей.

Но этотъ «актъ милосердія», «актъ гуманности» долженъ въ то же время напомнить обществу, что освобожденіемъ старообрядческихъ епископовъ еще далеко не исправленъ, не заглаженъ (если только объ этомъ можетъ быть рѣчь) нашъ тяжкій историческій грѣхъ, наша великая вѣковая вина: онъ долженъ напомнить намъ о горькой участи тѣхъ страдальцевъ за вѣру и убѣжденія, которые до сихъ поръ томятся за тяжелыми замками монастырскихъ казематовъ. А лицъ, стоящихъ въ подобномъ положеніи, къ сожалѣнію, не мало. Объ одномъ изъ такихъ лицъ недавно снова вспомнила и заговорила наша печать.

Недавно газеты сообщали, что въ Петербургѣ въ настоящее время находится депутація изъ жителей Пермской губерніи, пріѣхавшая ходатайствовать объ освобожденіи «нѣкоего Пушкина *), который уже четырнадцать лѣтъ, по распоряженію духовнаго начальства, находится въ заключеніи въ Соловецкомъ монастырѣ». Извѣстіе это сопровождалось сообщеніемъ нѣкоторыхъ данныхъ изъ прошлой жизни и дѣятельности Пушкина. Но такъ какъ свѣдѣнія эти во многомъ очень неточны и невѣрны, поэтому они и требуютъ существенныхъ поправокъ.

Прежде всего совершенно невѣренъ фактъ, сообщаемый газетами о томъ, что Адріанъ Пушкинъ (ошибочно названный въ газетахъ Аѳанасіемъ) «*въ 1868 году выступилъ публично съ проповѣдью*, въ которой удостовѣрялъ, что онъ—Христосъ, явившійся для спасенія міра». Ничего подобнаго не могло быть уже

---

*) Какъ извѣстно, слухъ объ этой депутаціи не подтвердился.

по одному тому, что въ 1868 году Пушкинъ сидѣлъ за семью замками въ Соловецкомъ казематѣ.

Въ ноябрѣ (19 числа) 1866 года Пушкинъ былъ внезапно арестованъ, посаженъ въ дорожную повозку и въ сопровожденіи двухъ жандармовъ немедленно отправленъ въ Соловки. Многіе пермскіе обыватели до сихъ поръ еще помнятъ эту сцену ареста, когда Пушкинъ, съ блѣднымъ, какъ смерть, лицомъ, выведенъ былъ на крыльцо жандармами. За нимъ толпились его испуганныя, плачущія дѣти и, какъ безумная, рыдала жена. У Пушкина осталось семь человѣкъ дѣтей, при чемъ старшему сыну было всего тринадцать лѣтъ, а дочери десять. Они учились въ мѣстныхъ гимназіяхъ. Послѣ ссылки Пушкина семья его осталась рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ жизни; дѣтямъ нечѣмъ было жить, не только учиться,—и вотъ ихъ взяли изъ гимназіи и отдали... въ услуженіе.

Старшій сынъ Пушкина (младшему, во время ареста отца, было не болѣе года), крайне впечатлительный мальчикъ, больше всѣхъ прочихъ былъ привязанъ къ отцу. Можно себѣ представить горе бѣднаго ребенка, столь неожиданно лишившагося горячо любимаго отца. Жена Пушкина въ письмѣ своемъ къ редактору одной изъ петербургскихъ газетъ пишетъ по этому поводу:

«Я не могу теперь сказать, потому что не помню, что было съ нимъ (ребенкомъ) въ день высылки его отца, а моего мужа: я сама была тогда въ какомъ-то безчувственномъ состояніи, ходила точно въ чаду. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ высылки отца у мальчика обнаружились первые признаки болѣзни, выразившіеся въ подергиваніяхъ лица и рукъ. Впослѣдствіи, когда, не будучи въ силахъ пропитывать своихъ дѣтей, я отдала подроставшихъ сыновей въ услуженіе, болѣзнь у этого несчастнаго мальчика еще больше развилась среди чужихъ людей, такъ что, когда онъ сталъ взрослымъ юношей 18—19 лѣтъ, ему уже всюду отказывали отъ службы, вслѣдствіе припадковъ, и онъ долженъ былъ влачить цвѣтущіе годы жизни по больницамъ» *). Въ прошломъ году онъ умеръ въ Петербургской больницѣ «Всѣхъ скорбящихъ радость».

«Вообще,—замѣчаетъ г-жа Пушкина,—высылка мужа крайне тяжело отозвалась на всей семьѣ. Я даже считаю, что въ смерти

*) *Новости* 1881 года, № 249.

остальныхъ трехъ моихъ дочерей виновата болѣе или менѣе та же высылка мужа: безъ него вся семья терпѣла и горе, и голодъ, и холодъ»... Такъ было попрано, разбито счастіе цѣлой семьи... А за что?...

Необходимо замѣтить, что Пушкинъ вообще «никогда не выступалъ публично со своею проповѣдью», какъ увѣряютъ теперь нѣкоторыя газетныя сообщенія. Всѣ свои воззрѣнія Пушкинъ проводилъ *исключительно* въ правительственныхъ сферахъ, держа ихъ въ строгомъ секретѣ отъ общества и народа. Въ виду этого является весьма сомнительнымъ сообщеніе газетъ о томъ, что «секта Пушкина» (которой въ сущности никогда не было), благодаря пропагандѣ его послѣдователей, разросталась будто бы «все больше и больше». Еще вопросъ: были ли у Пушкина послѣдователи, кромѣ доктора Коробова, который, служа въ Перми, былъ домашнимъ врачомъ въ семействѣ Пушкиныхъ?

Г-жа Пушкина говоритъ, что она по крайней мѣрѣ никого не знаетъ изъ послѣдователей своего мужа, кромѣ опять-таки того же доктора Коробова, который еще въ 1867 году, вслѣдъ за ссылкой Пушкина, оставилъ Пермь и уѣхалъ въ Петербургъ хлопотать за своего друга. Однако его горячее заступничество за опальнаго не только не помогло этому послѣднему, а навлекло лишь преслѣдованія на самого ходатая: Коробовъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ г. Вологду, подъ надзоръ полиціи. Здѣсь онъ прожилъ около восьми лѣтъ, занимаясь врачебною практикой.

Своею доступностью, внимательнымъ, сердечнымъ отношеніемъ къ бѣдному люду и полнымъ отсутствіемъ всякаго корыстолюбія г. Коробовъ заслужилъ всеобщую любовь вологжанъ. Особенный успѣхъ имѣла учрежденная имъ безплатная лѣчебница для приходящихъ больныхъ. По ходатайству вологодскаго общества, съ него былъ снятъ надзоръ полиціи и г. Коробовъ получилъ свободу. Вскорѣ послѣ этого однако онъ оставилъ Россію, поселился въ Женевѣ и началъ издавать тамъ журналъ «*Вѣстникъ Правды*», въ которомъ принялся развивать и пропагандировать религіозныя воззрѣнія своего друга Пушкина, безъ вѣдома и согласія послѣдняго.

Сущность этихъ воззрѣній, кромѣ Коробова, могли, по словамъ г-жи Пушкиной, знать еще два человѣка, помогавшіе ея мужу въ качествѣ переписчиковъ и рисовальщиковъ на-бѣло его докладныхъ записокъ, чертежей и рисунковъ, въ которыхъ онъ

изъяснялъ правительству свою идею. На сколько вообще секретно велъ онъ свое дѣло, можно судить уже по тому, что даже жена его, какъ она сознается, знала «только малую часть его записокъ...»

Приведемъ здѣсь нѣсколько краткихъ данныхъ о жизни этого человѣка, печальная, необыкновенная судьба котораго невольно вызываетъ общее участіе.

Адріанъ Пушкинъ, пермскій уроженецъ, былъ крѣпостнымъ человѣкомъ графа Строганова и повѣреннымъ по его дѣламъ въ одномъ изъ имѣній графа въ Пермской губерніи. Въ 1853 году онъ выкупился изъ крѣпостной зависимости, оставилъ службу у Строганова и записался въ пермскіе купцы второй гильдіи. Но Пушкинъ никогда не былъ человѣкомъ съ капиталомъ; оставляя должность повѣреннаго у гр. Строганова, онъ располагалъ только нѣсколькими сотнями рублей; за то, пользуясь довѣріемъ къ себѣ многихъ богатыхъ лицъ, онъ имѣлъ возможность всегда выйдти изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ.

Пушкинъ былъ виднымъ общественнымъ дѣятелемъ въ своемъ городѣ. Будучи купцомъ, онъ главнымъ образомъ занимался дѣлами, какъ повѣренный, ходатайствуя отъ имени разныхъ частныхъ лицъ въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ. Безукоризненно-честнымъ веденіемъ этихъ дѣлъ онъ снискалъ всеобщую любовь, довѣріе и популярность. Между прочимъ пермское общество возложило на него веденіе спорнаго дѣла о принадлежности городу земель внѣ городской черты, о чемъ вопросъ оставался открытымъ въ теченіе 50 лѣтъ. Потомъ Пушкинъ былъ избранъ обществомъ въ члены коммиссіи для изслѣдованія причинъ огромныхъ пожаровъ, бывшихъ въ то время въ Перми.

Въ 1858 году Пушкинъ сдѣлалъ первый шагъ по тому пути, который впослѣдствіи привелъ его въ казематъ Соловецкаго монастыря. Около этого времени онъ страдалъ усиленными сердцебіеніями и сильнымъ нервнымъ возбужденіемъ; результатомъ такого психическаго состоянія были галлюцинаціи и разные тревожные, необыкновенные сны. Такъ, напримѣръ, однажды ему явился во снѣ Спаситель въ томъ видѣ, какъ изображаютъ его на иконахъ, и сказалъ ему: «Меня не узнали!»

Все это вмѣстѣ породило въ его головѣ впослѣдствіи особую идею, которую онъ пытался выразить аллегорически въ большой картинѣ, подъ названіемъ: «Знаменіе царствующей вѣры». Первый экземпляръ этой картины онъ послалъ въ 1858 году на

храненіе въ Успенскій соборъ отъ имени неизвѣстнаго. Картина очень сложная. На первомъ планѣ ея было изображено извѣстное сказаніе о Св. Георгіи и царицѣ Александрѣ. Въ заголовкѣ картины была такая надпись: «Сердце царево въ руцѣ Божіей, и законъ Бога его въ сердцѣ его». Въ верхнихъ углахъ картины были поставлены, какъ эпиграфы, слѣдующія двѣ надписи: 1) «И сіе есть первое и живѣйшее желаніе наше — свѣтъ спасительной вѣры» (изъ Высочайшаго манифеста) и 2) «Дая законы моя въ мысли ихъ и на сердцахъ ихъ напишу и буду имъ въ Бога, и тіи будутъ ми въ люди» (Іерем., 31—33). Картина эта была написана впослѣдствіи во многихъ экземплярахъ и поднесена многимъ высокопоставленнымъ лицамъ.

Въ 1861 году, когда Пушкинъ ѣздилъ изъ Перми въ Петербургъ, картина его была, вмѣстѣ съ объяснительною рукописью, подъ заглавіемъ «Великая радость», передана на разсмотрѣніе святѣйшаго синода, который далъ отзывъ, что картина, «по странному и непонятному сочетанію предметовъ, не заслуживаетъ одобренія и подлежитъ къ возвращенію автору». Рукопись же синодъ задержалъ, находя, что она содержитъ въ себѣ воззрѣнія, несогласныя съ ученіемъ православной церкви.

Эта неудача не обезкуражила однако Пушкина. Спустя два года, въ 1863 г., онъ снова ѣдетъ въ Петербургъ и снова ходатайствуетъ въ разныхъ вѣдомствахъ и у разныхъ лицъ высшей администраціи о разсмотрѣніи тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ написана имъ рукопись—«Великая радость». Онъ обращается къ министру двора, графу Адлербергу, къ оберъ-прокурору синода графу Толстому, въ коммиссію прошеній, къ князю Суворову и ко многимъ другимъ высокопоставленнымъ особамъ. Въ это же время Пушкинъ передалъ черезъ оберъ-прокурора въ синодъ новую рукопись подъ заглавіемъ: «Судъ Божій». Однако всѣ его ходатайства остались безъ успѣха: ни одно изъ высокопоставленныхъ лицъ не дало себѣ труда повнимательнѣе отнестись къ просьбамъ и сочиненіямъ этого страннаго религіянта.

«Долго работалъ я надъ рукописями, въ которыхъ изложилъ свои взгляды на пришествіе Мессіи,—говорилъ мнѣ Пушкинъ лѣтомъ 1879 года, когда, благодаря особенно счастливому стеченію обстоятельствъ, мнѣ удалось увидѣться съ нимъ на дворѣ соловецкой тюрьмы.—Когда онѣ были окончены, я передавалъ ихъ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, просилъ ихъ, умолялъ ихъ разсмотрѣть мои труды. Но я вездѣ и всюду встрѣтилъ

отказъ. Никто изъ нихъ не хотѣлъ вникнуть, хотя сколько-нибудь, въ мое дѣло; никто не хотѣлъ выслушать меня. Я не зналъ, что̀ мнѣ дѣлать. Мнѣ хотѣлось, чтобы сама власть занялась этимъ. Тогда я подалъ прошеніе въ пермское губернское правленіе, приложилъ всѣ свои записки и рукописи, и просилъ, чтобы правленіе отправило ихъ въ сенатъ, на его разсмотрѣніе... Губернаторъ призвалъ меня и говоритъ: «бросьте это дѣло...» То же говорилъ и Строгановъ... Когда же я не согласился на это, онъ поссорился со мною... Но могъ ли я послушать ихъ?... Другіе смѣялись надо мной. Я же просилъ только объ одномъ: назначить ученыхъ, на мои средства,—пусть они разсмотрятъ мои бумаги и рѣшатъ мое дѣло: кто правъ... Стали говорить, что я сумасшедшій. Назначили освидѣтельствованіе. Приводятъ въ губернское правленіе. Торжественное засѣданіе: губернаторъ, всѣ члены, городской голова, протоіерей, пять врачей. Задаютъ мнѣ 200 вопросовъ и заставляютъ отвѣчать письменно... Два раза собирались. Потомъ отправили меня въ больницу. Здѣсь держали нѣсколько мѣсяцевъ... Четверо изъ врачей признали меня больнымъ, помѣшаннымъ. Только одинъ изъ нихъ сказалъ: «Нѣтъ, онъ здоровъ! Если считаете его вреднымъ, пошлите его въ тюрьму, но не въ сумасшедшій домъ...» Этотъ врачъ былъ Коробовъ... (*Голосъ* 1880 г., № 234).

Врачъ, наблюдавшій за Пушкинымъ въ больницѣ, далъ о немъ такой отзывъ, что Пушкинъ—человѣкъ скромный, невзыскательный, вѣжливый, но что у него есть религіозная idée fixe, такъ какъ онъ постоянно читаетъ Библію. Такъ какъ прямаго указанія на душевную болѣзнь Пушкина не было, то онъ былъ назначенъ къ высылкѣ въ Соловецкій монастырь, безъ опредѣленія срока содержанія. На оффиціальной почвѣ дѣло высылки Пушкина было мотивировано тѣмъ, что онъ—сектантъ и что съ удаленіемъ его будетъ пресѣчено въ корнѣ развитіе пропаганды... Мы видѣли уже, что онъ былъ совершенно чуждъ всякой пропагандѣ. Тѣмъ не менѣе, по ходатайству духовнаго вѣдомства, состоялось Высочайшее повелѣніе о ссылкѣ и заточеніи Пушкина. Такимъ образомъ онъ очутился въ соловецкой тюрьмѣ, въ холодной и сырой комнатѣ, въ которой онъ содержался до слѣдующаго лѣта, когда пріѣхавшая въ монастырь жена его упросила о. архимандрита, чтобъ ея мужа перевели въ болѣе сносное помѣщеніе. И *вотъ* съ той поры и до сихъ поръ, въ теченіе четырнадцати лѣтъ, Пушкинъ томится въ крѣпкихъ стѣнахъ монастырской тюрьмы, подъ

замкомъ и карауломъ часоваго. Но у этого узника нѣтъ и мысли о побѣгѣ,—это по-истинѣ человѣкъ не отъ міра сего.

«Теперь онъ всѣми забытъ!—говоритъ о немъ его жена.— Я одна ходатайствую за него. До сихъ поръ, т. е. въ теченіе 14 лѣтъ, я не смѣла утруждать властей просьбой объ освобожденіи моего мужа. Теперь, когда преслѣдованія за религіозныя убѣжденія перестали, кажется, имѣть мѣсто и когда пятнадцатилѣтнее одиночное заключеніе, казалось, можно бы было зачесть въ наказаніе моему мужу за вину писанія докладныхъ записокъ,—я рѣшилась просить объ освобожденіи мужа, чтобы возвратили мнѣ его хотя пятидесяти-шести-лѣтнимъ старикомъ...»

II.

Что же это за «записки», которыми безпокоилъ Пушкинъ русскихъ сановниковъ и которыя наконецъ довели его до каземата? Въ чемъ, наконецъ, состояло то ученіе, тѣ главныя идеи и положенія, которыя потребовали столь тяжелой кары противъ лица, исповѣдывающаго это ученіе?

Объ основной, главной идеѣ этихъ записокъ можно судить между прочимъ по тому общему заглавію, какое далъ самъ авторъ сборнику, составленному изъ всѣхъ его статей и записокъ; сборникъ этотъ названъ такъ: «Матеріалы къ доказательству пришествія Мессіи (Христа) только нынѣ, или основанія къ соединенію всѣхъ церквей».

При разговорѣ со мною въ Соловкахъ въ 1879 году, Пушкинъ слѣдующимъ образомъ развивалъ главную идею своего ученія:

«Міръ еще не спасенъ... Да, до сихъ поръ еще не спасенъ. Посмотрите, сколько грѣха, сколько несчастій, страданій—вездѣ, кругомъ... Гдѣ же спасеніе? Мессія еще не явился... Христосъ не былъ богочеловѣкомъ, потому что онъ не спасъ людей, не спасъ человѣка отъ грѣха, неправды и горя... Многое сдѣлалъ Христосъ, очень многое, но еще больше остается сдѣлать... Да, искупитель міра и людей долженъ явиться, и мы должны ожидать его и приготовиться встрѣтить его. А развѣ мы знаемъ, какъ явится между нами искупитель? Какъ мы узнаемъ его и кто поручится, что мы достойно встрѣтимъ его? Кто поручится, что Богочеловѣкъ не будетъ ввержень въ тюрьму, битъ плетьми?... А горе все растетъ на землѣ и съ каждымъ днемъ растетъ людская скорбь все больше и больше... Народы, какъ звѣри, дерутся

другъ съ другомъ и люди живутъ какъ враги... Скоро, скоро настанетъ крайній предѣлъ, настанетъ время суда, время возрожденія человѣка. И тогда-то явится новое небо и новая земля, духъ истины воцарится на землѣ, настанетъ миръ и правда, настанетъ на землѣ царство Божіе, еже есть правда и миръ и радость о дусѣ святомъ... Успокоятся умъ и сердце человѣка,—они будутъ удовлетворены; потому что чего жаждетъ теперь нашъ умъ, наше сердце?—Найти истину!... А тогда духъ истины воплотится въ жизни и въ людяхъ...»

Слушая этого человѣка, перенесшаго долгіе годы тяжелой тюремной неволи, и, несмотря на всѣ невзгоды, до сихъ поръ сохранившаго пылъ и горячность молодости, невольно думалось: «Что это: фанатикъ идеи, съ желѣзнымъ, непреклоннымъ характеромъ, сильный волею человѣкъ, или же душевно-больной, которому нужна разумная помощь психіатра, вмѣсто одиночнаго заключенія, развивающаго еще болѣе его психическое разстройство?»

Въ теченіе нашего разговора Пушкинъ нѣсколько разъ возвращался къ мысли о томъ, что вскорѣ долженъ явиться новый искупитель міра, которому предстоитъ докончить начатое Христомъ дѣло избавленія людей отъ страданій, что въ Библіи, будто бы, находится безчисленное множество указаній на то, что міръ будетъ спасенъ не однимъ человѣкомъ (Христомъ), какъ думали до сихъ поръ, а двумя, и что теперь-то именно настаетъ время пришествія этого втораго искупителя. Въ подкрѣпленіе этой мысли предо мной произносились цѣлыя страницы, цѣлыя главы изъ Ветхаго Завѣта, изъ Посланій апостоловъ, изъ Апокалипсиса, причемъ старательно подчеркивались всѣ тѣ мѣста, которыя, по мнѣнію собесѣдника, совершенно ясно подтверждали его идею. Но при этомъ онъ ни разу даже не намекнулъ на то, что въ лицѣ его я вижу этого искупителя. Соловецкіе монахи однако говорятъ, что въ разговорѣ съ ними Пушкинъ прямо называетъ себя Христомъ, Мессіею... Насколько это справедливо, это, разумѣется, ихъ дѣло...

Но еслибы даже это было дѣйствительно вѣрно, то неужели все это такъ ужасно, такъ вредно, такъ опасно? Неужели нельзя было обойтись въ этомъ случаѣ безъ того, чтобы не похоронить человѣка заживо въ тюремной монастырской кельѣ? Вѣдь послѣ этого, чтобъ оставаться послѣдовательнымъ, нужно засадить въ монастыри и всю массу всевозможныхъ богочеловѣковъ, богоносцевъ, хлыстовскихъ богородицъ, христовъ, саваофовъ, богомиловъ и проч., и проч.

Условія, среди которыхъ содержится Пушкинъ въ Соловкахъ, были подробно описаны нами въ статьѣ: «Еретики», помѣщенной въ газетѣ *Голосъ* за прошлый 1880 годъ (№ № 227, 229 и 234). Поэтому теперь мы не будемъ повторять высказаннаго нами въ прежней статьѣ. Напомнимъ только, что Пушкинъ болѣе десяти лѣтъ безвыходно провелъ въ самомъ суровомъ одиночномъ заточеніи и только въ недавнее время ему разрѣшены въ извѣстное время дня прогулки по крошечному тюремному двору, обнесенному со всѣхъ сторонъ высокой, каменной, массивною стѣной. Тѣмъ не менѣе эти прогулки всегда происходятъ на глазахъ часовыхъ, караульныхъ солдатъ и т. п. Такимъ образомъ Пушкинъ лишенъ возможности, за исключеніемъ своихъ тюремщиковъ, видѣть живое человѣческое лицо, слышать живую человѣческую рѣчь..

Изъ всѣхъ путешественниковъ, посѣтившихъ Соловки, лишь одинъ Диксонъ имѣлъ случай видѣться и говорить съ Пушкинымъ. Въ своей книгѣ—«Свободная Россія»—Диксонъ, какъ извѣстно, посвятилъ этому свиданію особую главу подъ заглавіемъ: «Адріанъ Пушкинъ». Диксону очень хотѣлось облегчить участь Пушкина и онъ старался сдѣлать это, но ходатайства его въ то время остались безуспѣшны. Изъ русскихъ же путешественниковъ, сколько мнѣ извѣстно, никто,—кромѣ пишущаго эти строки,—до сихъ поръ не имѣлъ возможности видѣться съ этимъ интереснымъ «еретикомъ». Чтобы получить свиданіе съ нимъ, мало имѣть разрѣшеніе начальника караула, офицера, а необходимо добиться еще «особаго благословенія» архимандрита монастыря. Но въ томъ-то и дѣло, что этого «благословенія» вы уже никогда не добьетесь въ Соловкахъ.

Долгое заключеніе отняло, кажется, наконецъ у Пушкина даже надежду когда-нибудь избавиться отъ этой страшной неволи, когда-нибудь снова увидѣть свѣтъ, жизнь, людей, снова вернуться къ бѣдной семьѣ родныхъ и близкихъ... На мой вопросъ: надѣется ли онъ когда-нибудь освободиться изъ тюрьмы?—Пушкинъ съ какимъ-то неопредѣленнымъ видомъ пожалъ плечами.

— Я не знаю,—сказалъ онъ,—въ чемъ мои вины, въ чемъ меня обвиняютъ, и потому не могу оправдываться. Мнѣ говорятъ: «*ходите въ церковь*, оставьте свою ересь *и васъ сейчасъ же освободятъ*». Но развѣ я могу сдѣлать это? У меня поставлено на карту все: и состояніе, и счастье семьи, и собственная жизнь,—развѣ могу я теперь воротиться назадъ въ своихъ воззрѣніяхъ?

Время должно оправдать меня... И оно оправдаетъ,—я вѣрю въ это... Если же я заблуждаюсь, если все это только мнѣ кажется истиною, то пусть соловецкая тюрьма будетъ моею могилой...

Мнѣ невольно припоминается при этомъ разсказъ одного соловецкаго монаха о томъ, какъ «увѣщеваютъ» Пушкина соловецкіе миссіонеры.

— Бывало,—разсказывалъ монахъ,—еще прежній архимандритъ сколько разъ говаривалъ ему: «Смирись, Пушкинъ, отрекись ты отъ своей ереси поганой, *сходи въ церковь*, помолись святымъ угодникамъ Божіимъ, *и тебя*, говоритъ, *ту же минуту выпустятъ*, будешь на волѣ, поѣдешь, говоритъ, ты домой, на свою родину... Опять заживешь тамъ человѣкомъ, какъ слѣдуетъ быть... Брось ты эту самую... глупость свою... А не послушаешь,—говоритъ,—плохо тебѣ будетъ: такъ и умрешь здѣсь въ тюрьмѣ, живой сгніешь, свѣту Божьяго не увидишь!...»

Итакъ, человѣка насильно тащутъ, насильно толкаютъ въ церковь, острогомъ думаютъ разрѣшить сомнѣнія его совѣсти, тюрьмой хотятъ загнать его въ храмъ православный, и когда онъ не идетъ въ эту церковь, когда онъ отвертывается отъ этого храма (не будемъ говорить, почему),—его запираютъ въ сырой, холодный казематъ... Одно изъ двухъ, говорятъ ему: церковь, или тюрьма!... Пойдешь въ церковь—и ты свободенъ: живи и пользуйся жизнью; не пойдешь—садись подъ замокъ въ темный, мрачный казематъ, забудь все, что есть у тебя въ жизни дорогаго, завѣтнаго, милаго сердцу, простись со всѣмъ и всѣми и терпѣливо жди, пока смерть придетъ, чтобъ избавить тебя отъ одиночества, отчаянія, сумасшествія и всѣхъ мукъ и ужасовъ заточенія... «Живой сгніешь!...»

Что же это такое?...

«Когда нынѣшнимъ лѣтомъ,—разсказываетъ г-жа Пушкина,—я была въ Соловкахъ, то мужъ мой не совѣтовалъ мнѣ ѣхать сюда, въ Петербургъ, и просить за него. —«Напрасно только будешь мучить себя,—говорилъ онъ мнѣ,—вѣдь не отпустятъ меня отсюда иначе, какъ, взявъ съ меня подписку объ отказѣ отъ своихъ убѣжденій, а такой подписки я дать не могу».

Не будемъ говорить о томъ, какъ много достоинства, благородства и искренняго убѣжденія звучитъ въ этомъ отвѣтѣ несчастнаго, изстрадавшагося узника. Замѣтимъ только, что пессимизмъ, съ которымъ относится онъ къ мысли о своемъ освобожденіи, вполнѣ понятенъ, конечно, въ человѣкѣ, столь много

пострадавшемъ на своемъ вѣку. Къ тому же, будучи совершенно оторванъ отъ жизни въ теченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ, онъ не можетъ знать, насколько подвинулись мы за это время въ области религіозной терпимости.

«Но я не послушала мужа,—говоритъ г-жа Пушкина,—и пріѣхала въ Петербургъ ходатайствовать за него... Теперь, со смертію моихъ взрослыхъ дочерей, я стала чувствовать еще болѣе свое одиночество, которое я едва ли могла бы болѣе переносить, еслибы не поддерживала меня еще забота о воспитаніи моего послѣдняго сына, уже достигшаго 15-тилѣтняго возраста. Поэтому возвратъ мужа моего хотя и въ разбитой невзгодой семьѣ былъ бы для меня по-истинѣ утѣшеніемъ до забвенія всего пережитаго горя. ...Я не знаю, чѣмъ окончатся мои здѣсь ходатайства за мужа, но пусть будетъ, что будетъ!...»

III.

Мы замѣтили уже выше, что лицъ, стоящихъ въ положеніи Пушкина, до сихъ поръ не мало. Тюрьмы Соловецкаго, Спасо-Ефиміевскаго *), Свіяжскаго и нѣкоторыхъ другихъ монастырей и по сіе время служатъ мѣстами заключенія для отступниковъ отъ вѣры православной. Условія заточенія во всѣхъ этихъ монастыряхъ почти одинаковы... Бывали случаи и въ недавнее сравнительно время, когда о заключенномъ въ монастырѣ подлежащія начальства забывали. Такой случай былъ, напримѣръ, въ Соловецкомъ монастырѣ съ однимъ старикомъ-скопцомъ. Этотъ несчастный болѣе тридцати лѣтъ просидѣлъ въ монастырской тюрьмѣ, въ одиночномъ заключеніи; столѣтнимъ старикомъ онъ былъ выпущенъ оттуда. Оказалось, что, сидя въ тюрьмѣ, онъ помѣшался и когда, по освобожденіи, его вывели изъ тюремной кельи на свѣтъ Божій, то онъ уже былъ не въ состояніи разсказать: кто онъ, откуда, есть ли у него родственники и т. п. Монастырское начальство, не зная что съ нимъ дѣлать, оставило его въ монастырѣ, гдѣ онъ и умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Попадавшіе въ монастырскую тюрьму получали со временемъ свободу лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, обыкновенно же тюрьма становилась ихъ могилой. Подобную участь одинаково испытывали какъ люди простаго званія, представители народной массы, такъ и члены общества. Лѣтъ десять назадъ въ Свіяжскомъ монастырѣ умеръ подпоручикъ Лалетинъ, находившійся въ этомъ

*) Въ гор. Суздалѣ, Владимірской губерніи.

монастырѣ въ заточеніи съ начала шестидесятыхъ годовъ. Лалетинъ служилъ до ссылки при уральскомъ горномъ правленіи и попалъ въ опалу какъ членъ религіознаго общества, возникшаго на Уралѣ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и носившаго названіе «Десное братство».

Основателемъ этого «братства» былъ капитанъ артиллеріи Николай Созонтовичъ Ильинъ, а членами—чиновники и офицера уральскаго горнаго правленія, а также нѣсколько горнозаводскихъ крестьянъ. Въ 1858 году противъ Ильина и его друзей возбуждено было дѣло по обвиненію ихъ въ составленіи тайнаго религіознаго общества, отпаденіи отъ церкви и въ распространеніи ученія, явно несогласнаго съ догматами православной вѣры. Дѣлу этому было придано важное значеніе, чему главнымъ образомъ способствовали происки и личное раздраженіе противъ Ильина и его друзей главнаго начальника горнаго правленія, крупныя злоупотребленія и хищенія котораго безпощадно разоблачались Ильинымъ.

И, вотъ, не только самъ Ильинъ, но и всѣ близкія ему лица подвергаются суровому преслѣдованію. Первыми пострадали: чиновники горнаго правленія—коллежскій ассесоръ Будринъ, титулярный совѣтникъ Протопоповъ и подпоручикъ Лалетинъ, а также жена Будрина—Александра Николаевна, урожденная Ильина, и жена Лалетина. Всѣ эти лица были арестованы и содержались сначала въ мѣстной тюрьмѣ (въ Екатеринбургѣ), а затѣмъ при петербургскомъ ордонансъ-гаузѣ (въ Петропавловской крѣпости). Не мѣшаетъ замѣтить, что все это происходило въ 1859 году, слѣдовательно какъ разъ въ ту эпоху, когда всякаго рода новыя вѣянія были въ полномъ разгарѣ и русское общество болѣе чѣмъ когда-нибудь

«Въ надеждѣ славы и добра
Впередъ глядѣло безъ боязни!...

Будринъ не вынесъ долгаго заключенія и умеръ въ тюрьмѣ. Лалетинъ, какъ мы уже замѣтили, былъ сосланъ въ Свіяжскій монастырь, гдѣ и умеръ въ заточеніи лѣтъ десять назадъ... Наконецъ при этомъ пострадали даже отдаленные знакомые Ильина, ровно ничѣмъ неповинные, какъ, напримѣръ, священникъ Іоаннъ Снегиревъ.

Что касается самого г. Ильина, то ему около двадцати лѣтъ пришлось пробыть въ монастырскомъ заточеніи. Сначала, если не ошибаемся, въ 1860 году онъ былъ отправленъ въ Соловки. Полнымъ силъ и здоровья вступилъ онъ на Соловецкій островъ;

многолѣтнее одиночное заключеніе въ монастырскомъ казематѣ подкосило силы и преждевременно состарило несчастнаго узника. Въ немъ начали замѣчаться признаки душевнаго разстройства. Тогда разрѣшено было выпускать его изъ тюрьмы и позволять ему прогуливаться по монастырю. Вѣроятно, многіе изъ посѣщавшихъ въ это время Соловки помнятъ бросавшуюся въ глаза фигуру «невольника», въ сѣромъ плащѣ, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и длинной сѣдою бородой. Одиноко, какъ привидѣнье, съ гордою осанкой, которой какъ-то странно противорѣчило мечтательное, идеалистическое выраженіе глазъ, расхаживала эта фигура вдоль монастырской стѣны. Диксонъ разсказываетъ, что мѣстные береговые жители такъ и называли его привидѣніемъ.

Монастырскія власти строго слѣдили за тѣмъ, чтобъ этотъ «еретикъ» не посѣялъ плевелъ своего ученія, и зорко наблюдали за тѣмъ, чтобы ни монахи, ни пріѣзжавшіе въ монастырь богомольцы и путешественники отнюдь не сносились съ отщепенцемъ. Онъ не имѣлъ права не только заговаривать съ кѣмъ бы то нибыло, кромѣ архимандрита, но ему строго запрещалось даже отвѣчать на вопросы, въ случаѣ еслибы кто-нибудь изъ постороннихъ лицъ вздумалъ предложить ему ихъ. Однако всѣ эти мѣры не достигли цѣли: нѣсколько монаховъ и солдатъ приняли ученіе Ильина. Одинъ изъ послушниковъ бросилъ даже монастырь и ушелъ на Уралъ искать послѣдователей Ильина. Здѣсь, встрѣтившись съ семействомъ Лалетина, онъ женился на одной изъ дочерей его.

Изъ Соловецкаго монастыря Ильинъ былъ переведенъ въ Суздаль, въ Спасо-Ефиміевскій монастырь, снова въ одиночное заключеніе. Здѣсь душевное разстройство арестанта проявилось рѣзче и опредѣленнѣе. По усиленному ходатайству родственниковъ, онъ былъ наконецъ освобожденъ и въ настоящее время доживаетъ свой вѣкъ въ одномъ изъ остзейскихъ городовъ. Многіе находятъ его совсѣмъ помѣшаннымъ; это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ однако мѣстной полиціи усиленно слѣдить за нимъ...

Со временемъ, если позволятъ обстоятельства, мы намѣрены подробно разсказать исторію «Деснаго братства» *), представляющую несомнѣнный общественный интересъ и значеніе; на этотъ же разъ, по необходимости, приходится ограничиться лишь чисто внѣшними подробностями этого дѣла.

---

*) Во время своихъ послѣднихъ разъѣздовъ, намъ удалось пріобрѣсти нѣсколько важныхъ документовъ, относящихся къ этому дѣлу и проливающихъ яркій свѣтъ на всю эту поучительную исторію. *А. П.*

Во время нашего посѣщенія Соловковъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1879 года, въ тамошней тюрьмѣ находилось четверо узниковъ:

1) пермскій купецъ Адріанъ Пушкинъ,

2) крестьянинъ Новгородской губерніи Леонтьевъ,

3) какой-то іеромонахъ, имени и фамиліи котораго намъ не удалось узнать, и

4) монастырскій послушникъ, присланный сюда вмѣстѣ съ іеромонахомъ.

По разсказамъ соловецкихъ монаховъ, всегда крайне неохотно бесѣдующихъ объ этомъ предметѣ, іеромонахъ и послушникъ присланы сюда за то, что отпали отъ православія и уклонились въ какую-то вредную секту, отъ которой и до сихъ поръ не хотятъ отказаться, несмотря на всѣ доводы, убѣжденія и даже застращиванія соловецкихъ миссіонеровъ. О причинахъ ссылки и заточенія крестьянина Леонтьева ровно ничего неизвѣстно даже мѣстному начальству. Только случайно удалось узнать намъ изъ источниковъ вполнѣ достовѣрныхъ, что ссылка его состоялась по Высочайшему повелѣнію и что на содержаніе его въ монастырѣ ежемѣсячно отпускается изъ государственнаго казначейства шесть рублей серебр. Пушкинъ, въ разговорѣ съ нами, между прочимъ, высказалъ, что ссылка Леонтьева находится въ связи съ открытіемъ имъ, Леонтьевымъ, какой-то школы.

Послѣ нашего посѣщенія монастыря, осенью 1879 года, въ Архангельскѣ прошелъ слухъ, что въ Соловецкій монастырь привезены для заключенія какіе-то молодые люди подъ строгимъ конвоемъ. Говорили, что это—лица крестьянскаго званія, судившіяся и замѣшанныя въ нѣкоторыхъ изъ политическихъ процессовъ. Подобный слухъ, конечно, очень мало правдоподобенъ, тѣмъ не менѣе ему всѣ вѣрили и вѣрятъ до сихъ поръ. Этому быть-можетъ отчасти способствуетъ то обстоятельство, что въ одномъ изъ мѣстныхъ монастырей, — какъ увѣряютъ, — уже нѣсколько лѣтъ находится въ ссылкѣ одинъ изъ крестьянъ, обвинявшихся по дѣлу объ извѣстной демонстраціи на Казанской площади.

На дняхъ въ газетахъ проскользнуло извѣстіе, что въ архангельской уголовной палатѣ вскорѣ будетъ слушаться дѣло о крестьянинѣ Потаповѣ, обвиняющемся въ нанесеніи удара по головѣ архимандриту монастыря Мелетію. Что это за Потаповъ и чѣмъ могло быть вызвано столь необычайное преступленіе? При этомъ можетъ-быть не лишне будетъ припомнить, что фамилію Потапова носитъ тотъ крестьянскій мальчикъ, который держалъ въ

рукахъ красное знамя и котораго подбрасывали вверхъ участники казанской демонстраціи. Можетъ-быть здѣсь одно простое совпаденіе фамилій, а можетъ-быть и нѣтъ. Судъ,—хотя и дореформенный,—безъ сомнѣнія, разъяснитъ дѣло.

Разные, болѣе или менѣе фантастическіе слухи и толки относительно монастырскихъ тюремъ намъ пришлось слышать также и во Владимірской губерніи. Несомнѣнно, что многіе изъ подобныхъ слуховъ и разсказовъ черезчуръ преувеличены народною молвой; это всегда и неизбѣжно бываетъ тамъ, гдѣ стараются облечь все дѣло въ непроницаемую тайну и строгій секретъ. Для того, чтобы положить конецъ подобнымъ толкамъ и успокоить общество, нельзя не пожелать появленія оффиціальнаго сообщенія, которое бы точно указало цифру и имена всѣхъ лицъ, подвергшихся этой суровой мѣрѣ.

Въ заключеніе же пожелаемъ отъ всей души, чтобы монастыри — эти «обители мира, любви и прощенія» — перестали наконецъ играть роль остроговъ и тюремныхъ казематовъ, чтобы съ монаховъ сняты были наконецъ несвойственныя ихъ сану мрачныя обязанности тюремщиковъ. Будемъ надѣяться, что освобожденіе старообрядческихъ архіереевъ является лишь починомъ, первымъ шагомъ на этомъ пути гуманности и человѣколюбія; будемъ вѣрить, что этой невозможной аномаліи, уцѣлѣвшей отъ далекой эпохи инквизиціонныхъ гоненій, пытокъ и нетерпимости, въ самомъ скоромъ времени будетъ положенъ конецъ... Пора, пора, давно пора!... Будемъ вѣрить, что всѣ томящіеся теперь въ разныхъ монастырскихъ тюрьмахъ своеобразные искатели истины и «правой вѣры» не будутъ обречены на медленную, мучительную смерть въ своихъ казематахъ, не зачахнутъ, не умрутъ одиноко среди могильной тишины тюремныхъ келій и не будутъ доведены до сумашествія, подобно тысячамъ своихъ предшественниковъ. Будемъ вѣрить, что отнынѣ двери монастырскихъ казематовъ никогда уже не откроются болѣе для того, чтобы поглотить и схоронить въ своихъ стѣнахъ новую жертву, вся вина которой обыкновенно состоитъ лишь въ томъ, что она болѣе горячо, болѣе страстно принимаетъ къ сердцу вопросы религіи, нравственности и правды, чѣмъ мы, холодные, разсудительные люди...

А. Пругавинъ.

Исторія одного развода.

Романъ.

Часть II.

IV *).

Обѣдъ кончился. Дамы ушли въ заднія комнаты отдохнуть и принарядиться къ вечеру, а мущины курили и вели оживленную бесѣду въ кабинетѣ хозяина.

— Өедоръ Николаевичъ! есть люди, которыхъ нельзя купить деньгами,—доказывалъ довольно раздражительно Степановскій.—Есть люди, которые въ честь вѣрятъ... въ самомъ узкомъ, въ самомъ смѣшномъ смыслѣ этого слова!...

Господинъ, къ которому онъ обращался, былъ пресимпатичный, съ умнымъ и добрымъ лицомъ, огромнымъ животомъ, на коротенькихъ ногахъ и съ двойнымъ жирнымъ подбородкомъ такихъ почтенныхъ размѣровъ, что обладателю его приходилось волей-неволей высоко носить голову и даже слегка откидывать ее назадъ.

На заявленіе Степановскаго онъ добродушно засмѣялся.

— Слыхали мы про это, батенька,—не первый годъ на свѣтѣ живемъ.

— И не первый день этимъ товаромъ торгуемъ,—вставилъ въ его рѣчь хозяинъ.

— Однако-жь сами вы разсказывали про Ашева?—продолжалъ придирчиво настаивать Степановскій.

Знаменитый адвокатъ по бракоразводнымъ дѣламъ оживился.

— Ашевъ? Такъ изъ-за чего же онъ ломался? Тоже изъ-за денегъ. А вы думали изъ принципа? Ха-ха-ха!... Мы предлагали ему

*) *Русская Мысль*, кн. X.

извѣстный кушъ единожды и навсегда, а оставаясь съ женой, онъ разсчитывалъ заполучить и этотъ кушъ, и многіе другіе впослѣдствіи, вотъ и все... Помните эту исторію, Егоръ Александровичъ?—продолжалъ онъ, дотрогиваясь несгибавшимися отъ жиру пальцами до колѣнки Ласточкина.—Ашевское дѣло, которое сыщикъ Панфиловъ такъ чистенько обработалъ, помните?

— Какъ не помнить!—отвѣчалъ Ласточкинъ.

И съ этими словами Егоръ Александровичъ оглянулся въ противоположный уголъ своего обширнаго кабинета. Тамъ, у окна, его принципалъ Леопардовъ разговаривалъ съ какимъ-то невзрачнымъ господиномъ о томъ, какимъ способомъ лучше разводить комнатныя растенія въ Петербургѣ.

Леопардовъ, высокій, худой и блѣдный старикъ, совершенно лысый и на видъ очень болѣзненный, спрашивалъ у своего собесѣдника, почему камеліи перерождаются изъ махровыхъ въ простыя, когда ихъ переносятъ изъ оранжеріи въ комнату.

— Совѣтовали мнѣ такъ: сверху снѣжкомъ, а снизу кипяточкомъ. Пробовалъ, и первый годъ какъ будто подѣйствовало,— изъ двадцати экземпляровъ только пять штукъ потеряли цвѣтъ и густоту... Ну, а на слѣдующій годъ...

— Пересаживать надо, — авторитетно объявилъ невзрачный господинъ, повидимому тоже большой любитель и знатокъ въ садоводствѣ.

— Не всегда и пересадка дѣйствуетъ, — мягко возразилъ Леопардовъ.

Онъ говорилъ о своихъ цвѣтахъ съ большимъ чувствомъ, съ какою-то нѣжностью въ голосѣ, точно о горячо любимыхъ дѣтяхъ деликатнаго сложенія.

А у камина, между тѣмъ, знаменитый адвокатъ продолжалъ доказывать своему коллегѣ, что хотя сегоднешнее засѣданіе и прошло благополучно, однако все-таки было бы лучше, еслибы дѣло было начато при другихъ условіяхъ.

— Не съумѣли вы, батенька, къ этому чорту, Астафьеву, подъѣхать какъ слѣдуетъ, вотъ что я вамъ скажу! Вамъ слѣдовало на ребенка напирать, а объ самой умалчивать, а вы, вѣроятно, начали ему про ея печали, да горести расписывать, не поразмысливъ хорошенько, можетъ ли онъ этому сочувствовать или нѣтъ. Эхъ, мой милѣйшій! изучили бы вы человѣческую натуру такъ, какъ я ее изучилъ, тогда и знали бы, которой именно стороной надо вертѣть побрякушку передъ такимъ - то и которой

передъ другимъ, чтобы заставить людей хохотать или плакать, сердиться или благодушествовать по вашему желанію...

— А когда человѣкъ ничего не хочетъ слушать, рѣшительно *ничего*? Когда онъ какъ бѣшеный накидывается на васъ при первомъ вашемъ словѣ, не разслышавъ даже этого слова, что же тогда прикажете дѣлать?—волновался Степановскій.—Въ первый разъ онъ еще обошелся со мной по-человѣчески, хотя тоже безпрестанно прерывалъ меня и не далъ окончить ни одной фразы, но во второй разъ... Увѣряю васъ, что онъ чуть съ лѣстницы меня не столкнулъ, вотъ до чего между нами дошло! Какъ честный человѣкъ увѣряю васъ, что именно такъ и было, я ничего не преувеличиваю...

Мальвинскій какъ-то особенно, съ какой-то снисходительною жалостью, посмотрѣлъ сверху внизъ на горячившагося молодаго человѣка и, не переставая ухмыляться, произнесъ все такъ же спокойно:

— Да вы не распинайтесь, батенька, я вамъ и такъ вѣрю. И все-таки скажу, что другой на вашемъ мѣстѣ съумѣлъ бы и такимъ обстоятельствомъ воспользоваться...

— Позвольте, однако, Ѳедоръ Николаевичъ...

— Нечего тутъ позволять, батенька,—вамъ это всякій скажетъ, не я одинъ. Съ такими людьми, какъ этотъ Астафьевъ, только тогда и можно ладить, когда они въ изступленіи...

— Слуга покорный! А кто мнѣ поручится, что въ изступленіи онъ мнѣ въ физіономію не заѣдетъ?—злобно прошипѣлъ Степановскій.

Замѣчаніе это Мальвинскій пропустилъ мимо ушей. Онъ, вообще, не любилъ рѣзкостей ни въ словахъ, ни въ дѣйствіяхъ.

— Послѣ изступленія наступаетъ реакція и вотъ тутъ-то... Да нечего далеко за примѣромъ ходить: вспомните только, какъ отецъ Александръ ловко съ этимъ самымъ Астафьевымъ обошелся!—невозмутимо продолжалъ толстякъ; но, замѣтивъ, что слушатель его опять начинаетъ раздражаться, онъ ловко свернулъ разговоръ въ другую сторону.—Испортили съ одного конца, за то съ другаго поправили. Ваша сегоднешняя рѣчь вотъ...

Онъ прижалъ кончики своихъ жирныхъ пальцевъ къ губамъ и звонко ихъ чмокнулъ.

— Какъ ловко и кстати вы эту лавочницу приплели, прелесть! Мы даже и не ожидали, что выйдетъ такой эффектъ... И откуда вы ее выкопали?... Да не скромничайте, батенька, раз-

скажите, какъ васъ надоумило такую великолѣпную косвенную улику изобрѣсти?... Вѣдь это прелесть что такое, не правда ли, Егоръ Александровичъ?

Ласточкинъ молча кивнулъ головой.

— Такъ какъ же, мой милѣйшій?—продолжалъ допытываться Мальвинскій.

— Пораспросилъ кое-кого въ той мѣстности,—неохотно отвѣчалъ Степановскій.

Онъ могъ бы прибавить къ этому, что мысль приплести Настю къ дѣлу пришла ему въ голову три мѣсяца тому назадъ, когда онъ увидѣлъ ее въ Зоологическомъ саду съ Астафьевымъ, но онъ умолчалъ объ этомъ обстоятельствѣ.

Наступило маленькое молчаніе. Ласточникъ продолжалъ время отъ времени оборачиваться къ окну, у котораго Леопардовъ бесѣдовалъ съ садоводомъ. Бесѣдѣ этой скораго конца не предвидѣлось. Отъ камелій они перешли къ магноліямъ и къ пальмамъ. Леопардовъ объяснялъ расположеніе занимаемой имъ квартиры, какія окна выходятъ на востокъ, какія на полдень и на западъ. Онъ подумывалъ въ залѣ потолокъ приподнять,—такъ вытянулись у него въ нынѣшнемъ году фигусы и латаніи,—но архитекторъ увѣрялъ, что дешевле будетъ оранжерейку пристроить.

Бесѣда ихъ началась съ часъ тому назадъ, тотчасъ послѣ обѣда, и они все время разговаривали стоя, ни разу не присаживаясь въ покойныя кресла, которыя въ двухъ шагахъ отъ нихъ протягивали имъ свои мягкія, уютныя объятія. Леопардовъ никогда не садился и не ложился послѣ обѣда и увѣрялъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ придерживаться этого правила, боль въ желудкѣ, отъ которой онъ постоянно лѣчился у всѣхъ петербургскихъ знаменитостей, сдѣлалась сноснѣе.

— Все о цвѣточкахъ, — проговорилъ Мальвинскій, указывая движеніемъ головы въ тотъ уголъ, къ которому такъ часто оборачивался хозяинъ.—Экой охотникъ, право! А знаете, я ему подчасъ завидую,—продолжалъ онъ съ легкимъ вздохомъ:—страсть у него не убыточная... Это не то, что мы съ вами, мой любезнѣйшій Егоръ Александровичъ!... Какъ подумаешь, сколько я въ прошломъ мѣсяцѣ одному этому дураку Кузову просадилъ... бррр!

Ласточкина слова эти заставили, вѣроятно, тоже вспомнить нѣчто непріятное,—онъ нахмурился и, поднявшись съ мѣста, направился къ двери въ залу.

Мальвинскій лукаво подмигнулъ на него своему собесѣднику.

— У него теперь тоже свой Кузовъ завелся, ненасытная утроба!... Видѣли вы, батенька, за обѣдомъ между барышнями сидѣла? Какова синьора? И чиститъ же она нашего милаго Егора Александрыча, прелесть!... Надо и то сказать, такихъ ловкихъ барынь, какъ милѣйшая Любовь Андреевна, гдѣ же ихъ найдешь такихъ, помилуйте! Посмотрите, какъ она съумѣла себя въ домѣ своего адоратёра поставить... Сама Дарья Никитишна въ ней души не слышитъ, а эти дурочки, Таничка съ Сашенькой, такъ и льнутъ къ ней, точно мухи къ меду... Я сегодня смотрю на нихъ да и думаю: глупенькія вы, глупенькія! Вѣдь она только о томъ и думаетъ, чтобы васъ совсѣмъ голенькими по міру пустить. Не понимаете вы этого, мои дурашечки! Въ свѣтъ ихъ вывозитъ... Какъ вамъ это нравится? Нѣтъ, батенька, право же, такіе нравы нигдѣ не увидишь, — они возможны только въ такомъ татарско-нѣмецкомъ городѣ, какъ нашъ Петербургъ,—проговорилъ съ благороднымъ негодованіемъ Мальвинскій.

Но Степановскій слушалъ его разсѣянно.

— Неужели г. Леопардовъ любитъ цвѣты больше всего на свѣтѣ?—проговорилъ онъ раздумчиво, занятый другими мыслями.

— Больше всего на свѣтѣ онъ любитъ деньги, батенька, а ужь потомъ—цвѣты, жену, дочь и проч. и проч. А какъ онъ *умѣетъ* любить, я вамъ это сейчасъ докажу фактически.

Ѳедоръ Николаевичъ полѣзъ въ карманъ и вынулъ сложенный вчетверо клочокъ бумаги.

— Вотъ, извольте полюбоваться, это я моему кліенту, князю Галову, везу... Какъ видите, цифра кругленькая. Но это только еще начало, это цвѣточки, а ягодки впереди!... И замѣтьте вотъ что еще: по со-г-ла-сію!—произнесъ онъ, откидываясь на спинку крела и смѣющимися глазами посматривая на Степановскаго.

Этотъ съ большимъ интересомъ перечиталъ раза два каракули и цифры, начертанные на бумажкѣ, и повидимому отлично понялъ ихъ таинственный смыслъ:

— Ив. Т.—500. Е. А.—100. Журн.—15. Бѣл.—25. И еще Ив. Т.—500, и еще—500, и еще Ив. Т.—500, и еще... И все по 500!... Однако!—вырвалось у него невольное восклицаніе.

Онъ сдѣлался совсѣмъ серьезенъ и съ такимъ почтительнымъ изумленіемъ вскинулъ глаза на то окно, у котораго стоялъ Леопардовъ, что Мальвинскій, не перестававшій слѣдить за всѣми его движеніями, довольно громко засмѣялся.

— Что, батенька, не ожидали вы отъ него такого аппетита? Но это еще что! Это вѣдь по согласію и съ свидѣтелями *наиблагороднѣйшими*: чиновникъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, да двое гвардейцевъ, все товарищи противной стороны. Тутъ, знаете, дѣло чистое, безъ сюрпризовъ, безъ раздираній... А вотъ въ такомъ дѣлѣ, какъ ваше, гдѣ однимъ свидѣтелямъ придется отваливать неестественныя суммы, вотъ тутъ надо на г. Леопардова посмотрѣть!...

— Вы, кажется, говорили, что свидѣтели по дѣлу Редемъ потребовали по три тысячи каждый? — спросилъ Степановскій, озабоченно сдвигая брови.

— Еще бы, батенька! Вѣдь имъ пришлось цѣлое представленіе разыгрывать... Нѣтъ, это была такая потѣха, я вамъ скажу, такая потѣха, кажется всю жизнь буду помнить... Видите, намъ тутъ съ дамой пришлось имѣть дѣло... Это, я вамъ скажу, много сложнѣе и затруднительнѣе, чѣмъ съ мущиной. Да оно и понятно,—мущина ничего не теряетъ отъ подобнаго обвиненія, тогда какъ женщина... Ну, сами вы знаете, какъ общество на это смотритъ. Надо ужь быть совсѣмъ потерянной бабой, какъ Верстова, или пожертвовать собою для дѣтей, какъ Градищева, или быть такой сумасбродной фантазёркой, какъ Марисова, чтобы добровольно и безъ всякаго денежнаго интереса принять на себя такой позоръ... Возьмите въ соображеніе также и то, что съ женщиной гораздо труднѣе продѣлать такую штуку, какъ ту, которую мы продѣлали съ Ашевымъ, а вамъ предстоитъ продѣлать съ Астафьевымъ. Женщины на службу не ходятъ, а есть такія, которыя по цѣлымъ недѣлямъ не выходятъ изъ дому, къ которымъ никогда не заглядываетъ ни одинъ мущина и которыя не знаютъ даже, какъ отворяются двери въ ресторанъ или гостиницу... Наша дама была именно изъ такихъ. Можете себѣ представить ея изумленіе, когда къ ней явился священникъ съ увѣщаніемъ и объявилъ ей, что двое людей вызываются показать подъ присягой, что застали ее въ нумерѣ гостиницы съ неизвѣстнымъ мущиной!...

— Какъ же вы это сдѣлали?—съ возрастающимъ любопытствомъ спросилъ Степановскій.

— А вотъ увидите, дайте досказать. Ну, конечно, въ первую минуту, вотъ точно также какъ и вашъ Астафьевъ, такъ вознегодовала, что ничего не хотѣла слушать, но потомъ стала

помаленьку сдаваться и взяла адвоката... И кого бы вы думали? Ну, отгадайте-ка!

Степановскій подумалъ немножко.

— Михаила Дмитріевича?

— Такъ и есть. Да онъ вамъ самъ вѣрно сказалъ?... А разсказывалъ ли онъ вамъ, какъ мы тутъ съ нимъ въ первый разъ сцѣпились? Нѣтъ?—Ну, я вамъ это когда-нибудь въ лицахъ представлю, а теперь надо вамъ про Редемское дѣло кончить. Отлично защищалъ Михаилъ Дмитріевичъ свою кліентку, надо ему отдать справедливость! То-есть столько потратилъ онъ на нее краснорѣчія,—ну, вотъ, точно на настоящемъ судѣ съ присяжными. Всю ея жизнь разобралъ до ниточки, а ужь про страданія, вынесенныя ею отъ мужа, да про его развратъ, онъ расписывалъ, расписывалъ, даже досадно стало, изъ-за чего только человѣкъ усердствуетъ... И долго онъ ораторствовалъ такимъ образомъ; нашихъ старичковъ ужь ко сну начало клонить. Смолкъ наконецъ, тогда и я выступилъ съ изложеніемъ и въ пять минутъ кончилъ, заявивъ только голый фактъ въ самомъ простомъ и сухомъ его видѣ, да и вся тутъ. Такого-то мѣсяца и года, въ такой-то день и часъ, видѣли, дескать, такіе-то г-жу Редемъ въ гостиницѣ такой-то, въ такомъ-то положеніи съ неизвѣстнымъ мущиной и, позвавъ полицію, составили о видѣнномъ протоколъ. Госпожа же Редемъ, приказавъ послать за наемною каретой, уѣхала на свою квартиру, въ такую-то улицу, домъ подъ № такимъ-то. Однимъ словомъ, ничего не было упущено, даже и нумеръ кареты мы для большей точности проставили.

— И неужели же она не протестовала?

— Протестовала, батенька, какъ не протестовать! Михаилъ Дмитріевичъ и дѣло велъ. Доказывали они, что она въ тотъ мѣсяцъ мигренью страдала и рѣшительно никуда не выѣзжала, а также и то, что изъ ея гардероба украдены именно тѣ вещи, платье и шляпа, которые видѣли на ея двойникѣ въ гостиницѣ... Все это они доказывали, да вѣдь съ нашими уликами тягаться трудно... Кому же охота идти въ Сибирь за лжесвидѣтельство, судите сами... Ничего они не выиграли. Впрочемъ, надо и то сказать, еслибъ даже они и выиграли, мы отъ этого въ убыткѣ не были бы,—пострадали бы одни свидѣтели, вотъ какъ въ дѣлѣ баронессы Кузингенъ... Дѣло это вѣдь тоже я велъ. Воспользовались мы тогда болѣзнью барона, да тѣмъ обстоятельствомъ, что его какія-то амурныя дѣла задержали въ Ниццѣ, и живо обдѣлали все,

просто въ какія-нибудь три недѣли все было кончено и баронесса со своимъ возлюбленнымъ обвѣнчана. Тогда только и опомнился баронъ... Туда, сюда—и вездѣ ему, конечно, говорятъ, что ничего не подѣлаете. Однако, какъ человѣкъ съ вѣсомъ и съ деньгами, ему удалось-таки намъ много непріятностей и хлопотъ надѣлать. Всю нашу тайную механику пытались вывернуть на изнанку,—ну, кое-что удалось имъ доказать и двухъ свидѣтелей на поселеніе сослали,—а все-таки, въ концѣ концовъ, баронъ никакого нравственнаго удовлетворенія не получилъ. Для расторженія брака его супруги со вторымъ мужемъ потребовалось столько хлопотъ, издержекъ и времени, что его жажда мести успѣла застыть, и, подумавъ хорошенько, онъ кончилъ тѣмъ, что, сорвавъ съ нея приличный кушъ, бросилъ все дѣло къ чорту. Пресмѣшныя, я вамъ скажу, у насъ оказіи случаются! Вѣдь такихъ людей, которые принимали бы въ сурьезъ всю эту комедію, вотъ какъ вашъ Астафьевъ, напримѣръ, или вотъ какъ та барыня, у которой мы платье и шляпу должны были украсть, такихъ людей очень мало, потому-то я и говорю, что надо всегда стараться устраивать эти дѣла *по согласію*... Тогда никто не въ обидѣ по крайней мѣрѣ... Но при теперешнихъ порядкахъ достигнуть этого не всегда можно... Вотъ еслибы коммиссія приняла *его* проектъ,—указалъ Мальвинскій движеніемъ подбородка на Леонардова,—ну, тогда, конечно...

— Это о дозволеніи обвиненной сторонѣ вступать въ бракъ по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ?—спросилъ Степановскій.

— Именно, именно! Онъ мнѣ читалъ этотъ проектъ. Ловко написано, я вамъ скажу. Объ упадкѣ нравственности, о пагубномъ вліяніи такой кары, какъ осужденіе на вѣчное безбрачіе, столько наговорено и такъ красно, что надо большую прозорливость, чтобъ усмотрѣть, къ чему именно все это клонится. Ну, меня, конечно, не проведешь, я вѣдь травленный волкъ, и тутъ же ему сказалъ: если, говорю, вашъ проектъ будетъ принятъ, число разводовъ умножится на Руси *вдвое*, а доходы ваши—*вчетверо*, потому что вы тогда и съ той и съ другой стороны будете брать дань и каждая эпитемія у васъ будетъ таксой обложена... Такъ ли я говорю? Смѣется. «Такъ, такъ, говоритъ, дураковъ въ нашемъ отечествѣ много, и долго еще будутъ платить тысячи за то, что выѣденнаго яйца не стоитъ... Почему же, говоритъ, не брать эти тысячи, когда тебѣ ихъ на блюдѣ

подносятъ, да еще чуть ли не съ земными поклонами?»... Да и я тоже скажу, почему не брать...

— Конечно, конечно,—отвѣчалъ разсѣянно Степановскій.

Долго еще распространялся Мальвинскій, но молодой адвокатъ совсѣмъ пересталъ его слушать. Онъ припоминалъ подробности сегоднешняго засѣданія, такъ благополучно оконченнаго, по мнѣнію его друзей и совѣтчиковъ, и спрашивалъ себя, почему ему такъ трудно отдѣлаться отъ сквернаго впечатлѣнія, навѣяннаго на него этимъ засѣданіемъ. Оно даже лишило его аппетита: за обѣдомъ онъ почти ничего не ѣлъ и только пилъ, чтобы развеселиться и забыться; но нервы его были въ такомъ возбужденіи, что самыя крѣпкія вина не производили желаемаго дѣйствія и все та же тяжесть давила ему сердце. Почему это? Потому ли, что онъ еще новичокъ въ дѣлахъ подобнаго рода, или потому, что, какъ человѣкъ болѣе современной формаціи, чѣмъ Ласточкинъ, Леопардовъ и имъ подобные, ему труднѣе отрѣшиться отъ извѣстныхъ воззрѣній и предразсудковъ? Чортъ знаетъ! Но только вся эта процедура со свидѣтелями *завѣдомо-фальшивыми*, цѣлующими крестъ и евангеліе въ подтвержденіе фактовъ *завѣдомо-ложныхъ*, а также яростное негодованіе несчастной жертвы всей этой ловко сплетенной интриги, взгляды полные угрозъ и презрѣнія, которыми Астафьевъ обдавалъ его, выслушивая обвиненіе, все это вышло гораздо трагичнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ.

И напрасно представлялъ онъ себѣ всевозможные резоны, припоминалъ многочисленные случаи изъ своей практики, въ которыхъ ему приходилось выступать противъ истины, защищать людей, въ невиновности которыхъ онъ далеко не былъ убѣжденъ, какой-то внутренній голосъ ни на минуту не переставалъ кричать въ немъ, что все это еще не то, что та мерзость, которую онъ совершилъ сегодня, какая-то *особенная* мерзость, и что съ нею будетъ гораздо труднѣе примириться, чѣмъ съ прочими.

У него въ особенности остался въ памяти тотъ моментъ, когда, доказывая развратныя наклонности отвѣтчика, онъ коснулся такъ-называемыхъ *косвенныхъ* уликъ и мимоходомъ проѣхался на счетъ той молодой и красивой особы, съ которой такой-то видѣлъ Астафьева прогуливающагося по парку, другіе встрѣчали его на улицѣ, третьи—въ его квартирѣ. Въ ловко запутанной рѣчи упоминалось вскользь о ночныхъ прогулкахъ по глухимъ переулкамъ, подъ предлогомъ проводовъ до дому, гдѣ жила особа, о долгихъ бесѣдахъ подъ навѣсомъ крыльца, о продолжительныхъ

остановкахъ передъ ея прилавкомъ и всегда, будто бы, въ такое время, когда особа была одна.

Говорилось вообще,—имя Насти ни разу не упоминалось,—но личность хорошенькой племянницы купца Олухова сквозила такъ прозрачно сквозь искусно напущенный Степановскимъ туманъ, что ее нельзя было не узнать.

Всѣ эти ловко подтасованные факты довершались ехиднымъ намекомъ на то, по-истинѣ печальное, обстоятельство, что при Астафьевѣ воспитывается дочь девяти лѣтъ, которую мать лишена счастья видѣть, даже изрѣдка. И наконецъ, въ заключеніе, повѣренный истицы просилъ судъ допросить подъ присягой такихъ-то и такихъ-то свидѣтелей.

Когда Степановскій дошелъ мысленно до этого мѣста въ своей рѣчи и вспомнилъ, какъ поблѣднѣлъ Астафьевъ и какъ сверкнули у него глаза, ему опять сдѣлалось точно такъ же жутко, какъ въ той высокой мрачной комнатѣ, гдѣ за столомъ возсѣдали члены въ длинныхъ одеждахъ съ широкими рукавами и въ двухъ шагахъ отъ того человѣка, на котораго онъ такъ нагло и ловко вралъ.

— Онъ можетъ начать встрѣчный искъ, какъ вы полагаете?

Вопросъ этотъ свалился на Мальвинскаго ни къ селу, ни къ городу, среди какого-то курьезнаго разсказа изъ его практики, но почтенный Ѳедоръ Николаевичъ тотчасъ же понялъ, о комъ говоритъ Степановскій, и отвѣчалъ, что, во-первыхъ, дѣло будетъ кончено прежде, чѣмъ Астафьевъ рѣшится на что-нибудь, и, во-вторыхъ, вести процессъ противъ свидѣтелей вызванныхъ консисторіей для него будетъ весьма и весьма трудно,—нѣтъ у него ни денегъ, ни связей, ни пронырства...

— Ну, что онъ можетъ подѣлать, подумайте только?

И прислушиваясь къ шуму, говору, смѣху и звону шпоръ, которые раздавались въ сосѣдней комнатѣ все громче и громче, Мальвинскій началъ грузно приподниматься съ кресла. Въ эту минуту раздались первые аккорды знакомаго вальса.

— Молодежь-то наша ужь за дѣло принялась... Пойти посмотрѣть, чай ужь и мои пріѣхали.

У дверей онъ повернулся къ слѣдовавшему за нимъ Степановскому.

— Что, и вамъ видно не терпится, хочется въ плясъ пуститься? Попляшите, батенька, попляшите,—дѣло хорошее.

Но Степановскій взглянулъ на часы и объявилъ, что ему надо сейчасъ ѣхать.

— Я обѣщалъ Таманскому быть у него въ девять часовъ. Его превосходительство очень интересуется сегодняшнимъ засѣданіемъ.

— Правда, правда. Онъ вчера и ко мнѣ заѣзжалъ,—я совсѣмъ забылъ вамъ сказать... И уморилъ же онъ меня своими распросами, просто до сихъ поръ вспомнить не могу безъ смѣха! Присталъ, скажи я ему по совѣсти, *настоящая* та лавочница, которую вы приплели къ дѣлу, или *поддѣльная*?... Ну, вы понимаете, въ какомъ смыслѣ?... Я ему говорю: да вамъ-то какое дѣло, ваше превосходительство? Ужь если на ней рѣшеніе будетъ основано, то конечно она настоящая...

— Да вѣдь рѣшеніе вовсе не на ней будетъ основано,—прервалъ его Степановскій.

— Знаю я, батенька, отлично знаю! Самъ же я вамъ совѣтовалъ, помимо главнаго факта, побольше косвенныхъ уликъ набрать. Но какая же надобность съ такими господами, какъ его превосходительство, откровенничать, скажите на милость? Вотъ, его ужь и насчетъ лавочницы совѣсть начинаетъ пробирать, а что еслибъ онъ *все* зналъ, подумайте только?

V.

— Ты въ которомъ часу вернешься, папа?

— Не знаю, не знаю, дѣвочка, можетъ-быть къ обѣду... Впрочемъ, ты меня не жди... Заказала ты себѣ кушать?

— Заказала... А до какого мѣста мнѣ изъ географіи выучить?

— Сколько хочешь, голубчикъ. Конечно, чѣмъ больше, тѣмъ лучше... Гдѣ моя шапка?

Шапка Николая Ивановича лежала на окнѣ въ столовой; подъ нею были какія-то бумаги, а потому Марина побоялась прибрать ее въ шкафъ. Аня это знала, но ей хотѣлось, чтобъ отецъ забылъ о шапкѣ, забылъ, что ему нужно выйти, и остался бы дома.

— А изъ грамматики сколько выучить, папа? Тамъ есть одно мѣсто, которое я не понимаю... Вотъ я тебѣ покажу... о возвратныхъ глаголахъ...

— О возвратныхъ глаголахъ?... Да куда же шапка моя дѣвалась?... Я сунулъ ее вчера куда-то съ бумагами. Марина прибрала вѣрно... Марина!

Хитрость не удалась,—пришлось покориться.

— Твоя шапка въ столовой, папа, на окнѣ,—печально объявила дѣвочка.

— Что-жь ты не скажешь? А я-то ищу!... Дай мнѣ ее скорѣе...

Озабоченно сдвигая брови, онъ торопливо пересмотрѣлъ бумаги, сунулъ ихъ въ боковой карманъ и началъ поспѣшно надѣвать шубу, которую Аня подавала ему, подымаясь на цыпочки, чтобы достать руками до его плечъ.

— Ну, прощай, моя дѣвочка... Да пусти же, пусти! Задушила совсѣмъ. Экая цѣпкая!—говорилъ онъ съ улыбкой, отбиваясь отъ ея ласкъ.

Но улыбка была натянутая, а въ глазахъ стояла все та же разсѣянность. Аня отлично это замѣтила. Она такъ хорошо изучила физіономію своего отца, что онъ всякаго бы могъ надуть, но только не ее.

— Если Григорьевъ придетъ, скажи, чтобъ онъ меня не ждалъ,—сказалъ Николай Ивановичъ, спускаясь съ лѣстницы,—я самъ къ нему зайду.

— Когда?

— Прямо изъ департамента.

— А какъ же ты сказалъ, что можетъ-быть придешь къ обѣду?...

Голосъ дѣвочки дрогнулъ и оборвался. Но отецъ ея ничего не разслышалъ. Онъ былъ уже внизу и брался за ручку двери въ сѣни, когда Аня заставила его снова оглянуться на верхъ.

— Папа!

Она перевѣшивалась черезъ перила верхней площадки, пытаясь взглянуть на него еще разъ. Въ другое время Николай Ивановичъ непремѣнно обратилъ бы вниманіе на тоску, выражавшуюся въ милыхъ сѣрыхъ глазкахъ, любовно устремленныхъ на него, и вернулся бы назадъ, чтобы разцѣловать свою дѣвочку, но сегодня онъ былъ такъ озабоченъ, что приставанья Ани только раздражали его.

— Что тебѣ еще?—спросилъ онъ довольно нетерпѣливо.

— Папа, я лучше скажу Григорьеву, чтобъ онъ подождалъ, да?—проговорила она дрожащимъ отъ сдержанныхъ рыданій голосомъ.—Ты, можетъ-быть, вернешься къ обѣду?

— Дѣлай такъ, какъ я тебѣ сказалъ, дѣвочка, и не задерживай меня ради Бога! У меня дѣла,—я не могу опаздывать.

Дверь шумно за нимъ захлопнулась. Аня постояла еще съ минуту на площадкѣ и медленною походкой вернулась назадъ.

Въ маленькихъ, свѣтлыхъ отъ бѣлаго морознаго дня, комнатахъ было совсѣмъ тихо. Пока Аня провожала отца, Марина прибрала столовую и такъ чисто, что нигдѣ ни пылинки, ни соринки. На столикѣ у окна были разложены въ большомъ порядкѣ книги, тетради, все, что нужно для ученія. Даже Анины игрушки въ углу, всегда раскиданныя и кое-какъ наставленныя одна на другую, представляли изъ себя приличный видъ; сервизъ и кухня красовались въ большомъ порядкѣ на миніатюрномъ комодикѣ, который Алена Петровна подарила своей маленькой пріятельницѣ въ именины 9-го сентября; Цецилія, большая кукла въ розовомъ платьѣ, лежала на кукольной кровати, со сложенными на таліи лайковыми ручками, а другая, Бебинька, сидѣла на опрокинутомъ ящикѣ отъ сигаръ, въ томъ же самомъ положеніи, въ которомъ Аня посадила ее недѣлю назадъ. Обѣ куклы смотрѣли на Аню своими глупыми, фарфоровыми глазами, какъ будто спрашивая: «почему она такъ давно съ ними не играетъ».

Но Аня даже и не взглянула на нихъ, проходя въ кабинетъ отца. На столикѣ, у дивана, служившаго Николаю Ивановичу кроватью, лежала развернутая книжка *Отечественныхъ Записокъ*. Онъ вѣрно всю ночь ее читалъ. Марина говорила сегодня утромъ, что свѣчка вся догорѣла, надо новую вставить.

Аня взяла журналъ и начала его перелистывать. На первой страницѣ были стихи, коротенькіе и такіе звучные, что она ихъ тотчасъ же выучила наизусть. Но стихи были ужасно грустные: въ нихъ говорилось о мертвецахъ, которыхъ никто и ничего не разбудитъ, никогда, — ни щебетанье птичекъ, ни ароматъ цвѣтовъ, ни стоны, ни слезы надъ ихъ могилами... Говорилось о томъ, что теперь на нихъ могутъ клеветать, оскорблять ихъ память, но они не встанутъ, чтобы защищаться, чтобы заступиться за тѣхъ, кого они любятъ...

Анѣ сдѣлалось еще тоскливѣе отъ этихъ стиховъ. Заложивъ рукой то мѣсто, на которомъ остановился ея отецъ, она начала перевертывать страницы книги одну за другой, надѣясь найти что-нибудь понятное и забавное, но ничего не нашла. Тогда она положила ее на столъ и подошла къ окну. Морозъ подернулъ стекла красивыми бѣлыми узорами, на улицу ничего не было видно.

«Господи, какая скука!... Надо сѣсть за уроки, выучить побольше новаго, повторить кое-что изъ стараго, можно также

заняться каллиграфіей, исписать въ переплетенной тетрадкѣ нѣсколько страницъ», твердилъ голосъ благоразумія. Ну, а потомъ? Вѣдь учиться дольше двухъ часовъ сряду такой маленькой дѣвочкѣ, какъ Аня, нельзя. Что-жь она будетъ дѣлать потомъ? «И къ чему учиться? Все равно никто у нея не спроситъ урока... А когда она кончитъ, съ кѣмъ ей идти гулять?... Ужь лучше не кончать... Что-то Настя теперь дѣлаетъ?»

Аня начала считать, сколько дней онѣ не видались... «Ужасно много, даже сосчитать невозможно! Больше мѣсяца». Настя перестала ходить къ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ Астафьевъ былъ у Алены Петровны, а это случилось еще до Рождества. Анѣ очень памятенъ этотъ день; наканунѣ вечеромъ о. Александръ приходилъ къ нимъ и пока онъ говорилъ съ папой, Григорьевъ разсказывалъ Анѣ, какія видѣнія являлись ему въ облакахъ, когда онъ былъ маленькій... И вдругъ папа началъ такъ кричать на о. Александра, что Аня ужасно перепугалась, и Григорьевъ тоже, но потомъ все кончилось, ее уложили спать и она заснула прежде, чѣмъ батюшка ушелъ. На другое утро, за чаемъ, Николай Ивановичъ сказалъ своей дочкѣ:

— Спроси, пожалуйста, у Алены Петровны, могу я ее видѣть?

Аня въ одну минуту исполнила порученіе, стремглавъ слетѣла съ лѣстницы и такъ же быстро назадъ поднялась.

— Иди, иди, папочка! Она говоритъ: очень рада, милости просимъ! Да иди же,—повторила она, теребя его за рукавъ.

— Не таранти, успѣется!

И замѣтивъ, что она хочетъ слѣдовать за нимъ, Николай Ивановичъ сердито приказалъ ей оставаться дома. Ему надо было переговорить съ Аленой Петровной о такихъ вещахъ, которыя маленькія дѣвочки не должны слышать.

По мнѣнію Ани, такихъ вещей было ужасно, ужасно много, больше, чѣмъ можно вытерпѣть.

Отецъ ея не оставался долго у Алены Петровны,—не прошло и десяти минутъ, какъ голосъ его снова раздался внизу, въ сѣняхъ.

— Пусть лучше вовсе не приходитъ сюда,—говорилъ Николай Ивановичъ майоршѣ, которая вышла провожать его до лѣстницы.—Объясните ей это, пожалуйста.

— Не безпокойтесь, Николай Ивановичъ, она сама должна это понимать,—отвѣчала Алена Петровна.

Только и слышала Аня изъ разговора своего отца съ хозяйкой; но когда Настя не пришла къ нимъ ни въ этотъ день, ни

въ слѣдующій, ни послѣ, дѣвочка начала догадываться, что рѣчь шла именно объ ея пріятельницѣ.

— Алена Петровна, почему Настя къ намъ не приходитъ?

Майорша совсѣмъ растерялась отъ этого вопроса, но, къ счастью, ее выручила Варварушка.

— А потому, милая барышня, что дяденька Кузьма Трофимычъ ее приструнилъ. Полно ей таперича стрекозой по гостямъ летать, есть свой домъ,—ну, и сиди въ немъ.

Аня смолчала, но объясненіе это не удовлетворило ее, и едва только Варварушка вышла изъ комнаты, какъ она снова заговорила про Настю.

— Если ея дядя такой злой и не пускаетъ ее къ намъ,— ну, тогда я къ ней пойду,—проговорила она нерѣшительно.

— Нельзя, Аничка, нельзя,—папаша будетъ сердиться.

— Да почему же, Алена Петровна? Развѣ онъ не любитъ больше Настю? Что она сдѣлала?

Но Алена Петровна такъ рѣшительно отказалась отвѣчать на эти вопросы и такъ убѣдительно просила Аню не говорить съ нею объ этомъ, что волей-неволей пришлось покориться.

«Ну, что-жь, я у папы спрошу»,—рѣшила про себя Аня.

Но теперь и съ папой нельзя было говорить обо всемъ. Онъ совсѣмъ, совсѣмъ перемѣнился; съ нимъ всѣ боятся говорить. Прежде, при встрѣчахъ съ Аленой Петровной и съ другими, онъ всегда самъ начиналъ шутить и смѣяться, а теперь поклонится только и скорѣе идетъ дальше, большими шагами и не оглядываясь. Разговаривалъ Николай Ивановичъ только съ Григорьевымъ, а ей, Анѣ, какъ только-что она придетъ въ кабинетъ, сейчасъ: ступай, ступай, дѣвочка, намъ надо потолковать о дѣлѣ.

А куда ей идти? Вѣдь не одинъ папа, а всѣ, рѣшительно всѣ, сдѣлались какіе-то странные и обращаются съ нею не такъ, какъ прежде. Прежде Алена Петровна съ Варварушкой радовались ея посѣщеніямъ, не знали, чѣмъ занять, чѣмъ угостить маленькую гостью, чтобъ ей не скучно у нихъ было, а теперь онѣ переглядываются между собой при ея появленіи и ни о чемъ не говорятъ, только все вздыхаютъ. Аленѣ Петровнѣ не сидится на мѣстѣ при Анѣ,—она безпрестанно то въ спальню ткнется, то въ темненькую... А Варварушка каждую минуту, каждую минуту выходитъ въ залецъ, даже и тогда, когда кофе у нея жарится или сливки кипятятся.

Совсѣмъ скучно стало къ нимъ ходить. Даже и въ церковь Алена Петровна не зоветъ больше съ собой Аню. Впрочемъ, Аня и сама теперь не хочетъ ходить ни къ обѣднѣ, ни ко всенощной. Ужь она ли не молилась, чтобы перестали мучить ея отца, чтобы Богъ заступился за него, чтобы Настя опять къ нимъ стала ходить и все было бы по-прежнему,—ничего изъ этого не вышло, ровно ничего. Съ каждымъ днемъ у нихъ въ домѣ все хуже и хуже. «Если Богъ хочетъ ей во всемъ дѣлать наперекоръ,—ну, что-жь тогда?... Разумѣется, Онъ можетъ все сдѣлать съ такою маленькою дѣвочкой, какъ Аня, рѣшительно все. У Него цѣлые сомны ангеловъ, громы и молніи Ему повинуются и все, все... Ему стоитъ только дунуть, чтобы стереть ее съ лица земли, какъ былинку, —думала Аня словами Феклистьевны. — Ну, и пусть!»

Сознаніе своего ничтожества не возбуждало въ ней духа смиренія и кротости,—нѣтъ, она съ каждымъ днемъ дѣлалась раздражительнѣе и злѣе... Вотъ какъ папа! Его тоже такъ обижаютъ, ему такъ больно дѣлаютъ, что онъ всѣхъ ненавидитъ. Онъ самъ въ этомъ сознавался Григорьеву, Аня слышала. Она также слышала, какъ онъ сказалъ: «а къ нимъ я даже и ненависти не могу питать,—ужь слишкомъ презираю!»

Они—это мама и тотъ Таманскій, на котораго мама промѣняла папу и Аню.

Причинъ, побудившихъ Марью Алексѣевну такъ поступить, Аня не могла понимать, но самый фактъ этого *промѣна* совершился въ ея глазахъ; она помнила, какъ поблѣднѣлъ и измѣнился въ лицѣ ея отецъ, когда, вернувшись ночью отъ Мирновыхъ, они не застали маму дома и Паша объявила имъ, что барыня *совсѣмъ* уѣхали. Она помнила также и то, какъ долго тосковалъ онъ потомъ. Ужь потому не могла Аня забыть этой тоски, что ни на комъ не отражалась она такъ чувствительно, какъ на ней. Точно также какъ и теперь, Николай Ивановичъ сидѣлъ по цѣлымъ часамъ задумавшись такъ глубоко, что ничего не слышалъ и не видѣлъ изъ того, что происходило вокругъ него, отвѣчалъ разсѣянно или вовсе не отвѣчалъ на ея вопросы, занимался съ нею безъ всякой охоты, не радовался ея радостямъ, не принималъ участія ни въ чемъ, что интересовало, печалило или смѣшило его дѣвочку. Иногда онъ спрашивалъ, не нужно ли ей того-то или того, съ кѣмъ она видѣлась, что дѣлала безъ него; но когда Аня принималась ему все это разска-

зывать, у него по глазамъ было видно, что онъ не вслушивается въ ея слова и только притворяется, что ему весело съ нею болтать.

Благодаря разсказамъ Паши, Аня знала про свою мать, что у нея всего, всего много, красивые наряды, коляски, кареты, что ей очень хорошо живется, однимъ словомъ, и что она сдѣлала много непріятностей папѣ. Теперь она опять начала ему дѣлать непріятности и такія, что «можно съ ума сойти!»

Это самъ папа недавно сказалъ Григорьеву.

Сначала папа не вѣрилъ, чтобъ она была такая злая и безсовѣстная. Онъ спрашивалъ у своего пріятеля: «можно ли было предвидѣть, что они рѣшатся на такую мерзость?» А потомъ онъ прибавилъ: «мнѣ легче видѣть мою дѣвочку мертвою, чѣмъ отдать ее такимъ дурнымъ людямъ».

Множество отрывковъ фразъ въ родѣ этихъ слышала Аня, множество смутныхъ и мрачныхъ представленій вызывали они въ пытливомъ умѣ скучающей и тоскующей дѣвочки.

Въ кухнѣ стукнула тяжелая дверь на блокѣ. Аня начала прислушиваться. Это Варварушка пришла за чѣмъ-то къ Маринѣ.

— Не можете ли вы, Марина Тимоѳеевна, вашей мельницы намъ на часокъ одолжить? Въ нашей жернова притупились,—не мелитъ мелко, да и все тутъ, что хочешь съ ней дѣлай!... Ужь который день собираюсь къ точильщику сходить, да барыню нельзя одну оставить... Съ тѣхъ поръ, какъ пошли этта у насъ непріятности черезъ Николая Ивановича...

— Возьмите мельницу, вонъ на полочкѣ, за кофейникомъ стоитъ,—прервала ее угрюмая Аришкина мать.

— Нашла, нашла! Благодаримъ покорно.

Помолчали. Но посѣтительница была не изъ таковскихъ, чтобъ уйти, не наболтавши съ три короба. Черезъ минуту Аня снова услышала ея голосъ:

— Вамъ, можетъ-быть, самимъ нужно? Такъ я обожду, пожалуй.

— Даютъ, такъ значитъ не нужно.

— То-то же. Вѣдь у меня барыня на этотъ счетъ покладистая,—имъ все едино, что чай, что кофе... А ужь особливо таперича, при ихнемъ разстройствѣ... Вы не повѣрите, Марина Тимоѳеевна, въ какой они были сегодня отчаянности, инда жалко стало смотрѣть! «Вы бы, сударыня, говорю, въ храмъ Божій сходили, а тамъ къ батюшкѣ бы зашли, вотъ и успокоились бы».

Послушалась моего глупаго совѣта, помолилась и полегче какъ будто стало, чайку попросила, вернувшись отъ обѣдни. Я имъ самоварчикъ подала, а сама въ булочную за сухарями махну, да вотъ мимоходомъ и зашла къ вамъ за мельницей.

— Какъ же вы это такъ и пойдете съ мельницей въ булочную?—иронически усмѣхнулась Марина.

— И впрямь! Вѣдь вотъ память-то, прости Господи, точно у оглашенной какой! Да и не мудрено при нашемъ разстройствѣ...

У Марины лопнуло, наконецъ, всякое терпѣніе.

— Да что случилось-то? Какое такое у васъ разстройство? Ужь говорили бы прямо лучше, чѣмъ обиняками-то подъѣзжать! Вѣрно сплетни какія-нибудь новыя про нашего барина вывели?

Варварушка только этого и ждала, чтобы разсыпаться въ подробностяхъ. Встрѣтилась ей вчера вечеромъ сестрица участковаго надзирателя, Марья Ивановна, неподалеку отъ лавки Кузьмы Трофимовича, и пошли у нихъ разговоры. «Предупредите,—говоритъ,—вашу барыню, что братецъ мой о ней бумагу получилъ. Предписывается ему въ той бумагѣ отъ начальства про всѣхъ донести, и про Алену Петровну, и про Варварушку, а также про Настю лавочницу, и про ея дядю, и про мальчика, что у нихъ служитъ въ лавкѣ...» Про васъ тоже прописано, Марина Тимоѳеевна, ей-Богу, право! Марья Ивановна говоритъ, что сама ваше имя на той бумагѣ читала. Такъ и прописано, говоритъ, крестьянская дѣвица Марина Тимоѳеева, что находится у того Астафьева въ услуженіи... Вотъ они дѣла-то какія! Не думаетъ человѣкъ, не гадаетъ и вдругъ откуда ни возьмись бѣда на него...

— Да что про насъ доносить-то?

— Про все, значитъ. Какъ кто живетъ, съ кѣмъ водится, что думаетъ,—ну, все однимъ словомъ.

— Кто же можетъ знать про человѣка, что онъ думаетъ?

— Ужь я тамъ не знаю, но только мнѣ вотъ точно такими словами Марья Ивановна передавала. «И скажите, говоритъ, все это вашей барынѣ, чтобы готовилась, значитъ, отвѣтъ держать. Мы, говоритъ, не то, чтобы пужать ихъ хотѣли, а больше ничего, какъ памятуя завсегда ихнюю хлѣбъ-соль еще при жизни покойника, всячески предупредить ихъ желаемъ». Все по дѣлу вашего барина съ ихней супругой, Марина Тимоѳеевна! Допросъ, слышь, всѣмъ будетъ, подъ присягой, надъ крестомъ и евангеліемъ, значитъ. Ужь тутъ ничего утаить нельзя, ни Боже мой! Намеднись Феклистьевна какъ страшно про эту самую присягу

разсказывала, ажно всѣмъ намъ жутко стало! «Былъ, говоритъ, такой купецъ въ Кеевѣ, который захотѣлъ утаить правду, да въ свою пользу показывать, такъ его тутъ же на мѣстѣ и поразило... Поднялъ руку для клятвы-то, а опустить ее ужь и не можетъ. Такъ всю жисть съ поднятой рукой и ходилъ, пока не отсохла и сама не отвалилась...» Вотъ оно что значитъ присяга-то!—распространялась Варварушка.

Много видовъ видала на своемъ вѣку Аришкина мать и во всемъ могла назваться бабой твердой, но и ее извѣстіе о присягѣ такъ огорошило въ первую минуту, что она выпуча глаза смотрѣла на разскащицу, ни единымъ звукомъ не прерывая ее. А та между тѣмъ продолжала:

— Ужь барыня убивалась, убивалась... Я говорю: «да вы, сударыня, не извольте ужь такъ отчаяваться. Если ужь дойдетъ до того, покажемъ на Николая Ивановича все, что про него знаемъ, а что намъ неизвѣстно, говорю, того и самъ царь не можетъ съ насъ взыскать...»

— Тише вы тутъ! — опомнилась наконецъ Марина, — чего раскудахтались, словно на базарѣ?... Еще барышня услышитъ, пожалуй... Ну, васъ совсѣмъ съ вашими дурацкими розсказнями!... Берите мельницу, да отправляйтесь съ Богомъ.

Варварушка разобидѣлась.

— Да чего вы расфарсились-то? Съ какихъ это капиталовъ, скажите на милость?... Уйду, не безпокойтесь... И мельницы вашей не нужно,—свою починимъ Богъ дастъ. Очення лестно такимъ, какъ вы, обязываться, нечего сказать. Барышня ваша... ерцогиня какая,—нельзя ужь и слова сказать... Вотъ какъ посадятъ ея папеньку въ острогъ, да сошлютъ въ Сибирь, вотъ тогда...

Ей не дали договорить. Марина вспомнила старину и такъ стремительно двинулась на нее съ поднятымъ ухватомъ, что наперстница майорши Побѣдашъ въ одно мгновеніе вылетѣла изъ кухни.

Но Аришкина мать разошлась не на шутку и долго не могла угомониться.

— Проваливай, чортова кукла!—продолжала она ругаться даже и тогда, когда посѣтительница скрылась и не могла ее слышать.

Давно ужь не кричала такъ звонко Аришкина мать, съ тѣхъ поръ, какъ пьяная съ утра до вечера съ голоду и горя она буянила на томъ дворѣ, гдѣ дочь ея познакомилась съ Аней. Изо всѣхъ силъ захлопнула она дверь въ сѣни и накинула большой

желѣзный крюкъ на петлю. Но и этого ей показалось мало и она два раза повернула ключъ въ замкѣ, чего никогда не дѣлала, даже запираясь на ночь.

Благодаря этой вознѣ съ дверью, да громкой ругани, у Марины отлегло отъ сердца, а когда она обернулась и увидѣла Аню, вся ярость перешла въ состраданіе и жалость.

Дѣвочка стояла на порогѣ кухни, вся блѣдная, съ широко-раскрытыми глазами, задыхаясь отъ волненія.

— Барышня, что съ вами?... Да вы не слушайте эту вѣдьму,—брешетъ она все... Ей Богу, брешетъ!... Вамъ бы водицы испить... О, чтобъ разорвало бы ее проклятую! Присядьте, барышня, ишь какъ ручки-то трясутся у васъ... Одно жаль, что не огрѣла я ее ухватомъ-то, шельму эдакую! Стоило бы, ей Богу, стоило бы!

Аня выпила воды, сѣла на скамеечку и громко разрыдалась.

— Поплачьте, поплачьте, барышня, вамъ полегчаетъ отъ слезъ-то!... Принесетъ же съ утра такую анафему! На весь день разстройство,—ворчала растерявшаяся баба, снова принимаясь за свою стряпню и посматривая искоса на плачущую дѣвочку.—Да вы ей не вѣрьте, барышня, право же, она все вретъ, ей Богу, вретъ!—пыталась она утѣшить ее.

Но Аня не утѣшалась.

— Я знаю, что она вретъ, но только... какъ она смѣетъ такъ говорить про моего папу! Господи, какъ она смѣетъ!—всхлипывала Аня.—И какъ это Богъ позволяетъ такъ обижать людей!...

Еслибы Варварушка могла предвидѣть то, что будетъ происходить въ маленькой гостиной ея хозяйки во время ея отсутствія, она не стала бы терять времени на руготню съ кухаркой Астафьева, да на пустую болтовню съ булочницей, а осталась бы лучше дома; но она не могла этого знать и на цѣлый часъ оставила свою барыню одну.

Алена Петровна вернулась изъ церкви много покойнѣе и веселѣе, чѣмъ туда пошла. Молитва и бесѣда съ о. Александромъ всегда производили на нее благотворное дѣйствіе. Вотъ и теперь, чтобъ окончательно успокоить ее, батюшка обѣщалъ зайти къ ней вечеркомъ и обо всемъ перетолковать.

Отправивъ свою единственную прислугу за сухарями, Алена Петровна сѣла передъ самоваромъ и начала заваривать чай, но едва успѣла она отвернуть кранъ надъ чайникомъ, какъ по гал-

лерейкѣ раздались поспѣшные шаги, а затѣмъ кто-то, не позвонивши и привычною рукой, отворилъ дверь въ прихожую.

— Кто тамъ?—спросила майорша, довольно тревожно заглядывая въ растворенную дверь.—«Если кто-нибудь чужой, какже безъ Варварушки?»—подумала она при этомъ.

Это былъ не чужой,—передъ ней стояла Настя.

Еслибы въ комнатѣ не было такъ свѣтло, да еслибы птицы такъ весело не трещали, да Амишка не бросилась бы съ такимъ радостнымъ лаемъ на встрѣчу посѣтительницы, Алена Петровна приняла бы то, что стояло въ дверяхъ зальцы, пугливо озираясь по сторонамъ, не за Настю, а за ея призракъ,—такъ измѣнилась она съ тѣхъ поръ, какъ онѣ не видались.

— Вотъ, пришла къ вамъ, Алена Петровна, надо переговорить по одному дѣлу,—глухо проговорила дѣвушка, не переставая озираться по сторонамъ.—Варварушки нѣтъ? Мнѣ надо съ вами вдвоемъ...

— Варварушки нѣтъ, я одна во всемъ домѣ... Да подойди же, голубушка, садись вотъ сюда. Что съ тобой? Нездорова какъ будто бы?

Алена Петровна ласково притянула ее за руку и посадила рядомъ съ собой на диванъ.

— Какая ты холодная! Выпей чашечку чаю, согрѣйся.

— Ничего, Алена Петровна, морозъ вѣдь сегодня, а я такъ...

Она окинула разсѣяннымъ взглядомъ свое платье изъ какой-то легкой шерстяной матеріи и, странно усмѣхнувшись, подняла пытливые глаза на хозяйку.

У Алены Петровны заныло сердце отъ этого взгляда и отъ этой улыбки: такая жалкая показалась ей Настя,—ну, вотъ, точь-въ-точь какъ бывало пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда она прибѣгала трехлѣтнею дѣвочкой искать у майорши убѣжища отъ буянившаго отца.

— Ну, развѣ такъ можно, въ одномъ платьѣ? Зачѣмъ же ты шубку не надѣла?

Настя молча опустила голову.

— Хоть платочекъ-то сними,—здѣсь жарко вѣдь...

Но Настя испуганно схватилась обѣими руками за голову.

— Нѣтъ, нѣтъ, Алена Петровна, онъ мнѣ не мѣшаетъ... Не обращайте вниманія, что я въ такомъ разстройствѣ, Алена Петровна, это пройдетъ, но только я право не знаю, какъ мнѣ теперь быть... Если вы отъ меня откажетесь,—ну, къ кому же мнѣ идти. Вы

сами знаете, у меня никого нѣтъ на свѣтѣ, а васъ маменька моя покойница передъ смертью... просила...

— Опять вѣрно съ дядей повздорила?

— Я не могу больше у него жить, Алена Петровна!... Я не мо...

Она такъ сильно стиснула губы, что рыданія, поднявшіяся было къ горлу, снова тяжелымъ камнемъ сдавили ей грудь.

— Да куда же ты пойдешь, Настенька?—печально спросила майорша, снимая чайникъ съ самовара и накрывая его салфеткой.

Отвѣта не послѣдовало.

— Охъ ты моя горемычная!—вздохнула Алена Петровна.— Не легко тебѣ, знаю я это, да ничего не подѣлаешь, потому что все-таки онъ тебѣ дядя и нѣтъ у тебя другой родни, кромѣ его. Намеднись мы вмѣстѣ изъ церкви шли, такъ ужь онъ печалился, печалился: острамила, будто, ты его, да опозорила... Чѣмъ же она виновата, Кузьма Трофимычъ, говорю? Разсудите-ка сами хорошенько? Вѣдь если, такъ сказать, ничего особенно худаго она не сдѣлала, какъ всѣ молодые люди, такъ и она... Ну, а онъ все свое: на другихъ не указываютъ, говоритъ, а только на нее одну. И какъ мнѣ это обидно, Алена Петровна, при моемъ положеніи, вы этого, говоритъ, и представить себѣ не можете!

На губахъ Насти проскользнула злая усмѣшка.

— Гдѣ же вамъ понять! Я и сама-то съ перваго разу... Ужь больно мерзко!—прошептала она и снова смолкла.

Алена Петровна вышла въ другую комнату, вынесла оттуда чашку и начала наливать чай. Настя ни на что не обращала вниманія; она сидѣла неподвижно, не подымая глазъ съ уголка салфетки, который безсознательно крутила между похолодѣвшими пальцами. На щекахъ ея пятнами вспыхивалъ румянецъ, губы судорожно передергивались.

— Изъ чего у васъ сегодня-то вышло?—спросила майорша, ставя передъ нею налитую чашку съ чаемъ.

Дѣвушка встрепенулась.

— Сегодня? Да развѣ вы не знаете? Вамъ развѣ не приносили повѣстку?

— Ничего мнѣ не приносили. Варварушка болтала что-то про Марью Ивановну, сестру участковаго, знаешь? Будто она говорила, что насъ всѣхъ свидѣтелями по дѣлу Николая Ивановича съ его супругой вызываютъ, но тутъ, какъ нарочно, право (велико твое милосердіе, Царица Небесная, утѣшительница всѣхъ

скорбящихъ!)... тутъ въ нашей церкви къ обѣднѣ ударили, вспомнила я, что сегодня заказная генеральши Полуектовой, и пошла помолиться. Ну, и утѣшилъ Господь. Отецъ Александръ говоритъ: не сокрушайтесь и не страшитесь, Алена Петровна, никто какъ Богъ и судьбы его неисповѣдимы.

— Конечно, чего же вамъ-то страшиться?—прервала ее раздражительно Настя.—У васъ спросятъ: любовница я Николая Ивановича?—вотъ и все...

Голосъ ея дрогнулъ и оборвался, а лицо еще больше вспыхнуло.

— Вотъ и все,—повторила она, снова опуская глаза на салфетку.

— Настя, что ты, Христосъ съ тобой!—заволновалась майорша.—Ну, можно ли такія страшныя слова говорить?... Господи, Царица Небесная, да развѣ я не знаю? Господи, что ты?... Чтò ты, чтò Аничка—Николаю Ивановичу все едино... Онъ мнѣ еще прошлый разъ говорилъ, да я бы и сама не повѣрила, еслибъ мнѣ сказали,—развѣ я тебя не знаю?

— Ну, да, вы знаете, и вы какъ честный человѣкъ такъ и скажете... Но вѣдь васъ не однѣхъ будутъ спрашивать, а развѣ у меня здѣсь мало враговъ? Да одинъ мой почтенный дядюшка чего стоитъ! А вѣдь ему тоже принесли повѣстку, его тоже спрашивать будутъ.

— Такъ неужто-жь Кузьма Трофимычъ?... Не грѣши, Настя, вѣдь онъ въ Бога вѣруетъ, усерднѣе его къ храму Господнему въ здѣшней мѣстности не найтить,—это и батюшка говоритъ, и всѣ... Не станетъ Кузьма Трофимычъ такой страшный грѣхъ на душу брать.

— Вы думаете?

— Нѣтъ, голубка, какъ хочешь, а я не могу этому повѣрить!... Да онъ мнѣ еще намеднись говорилъ про тебя съ такимъ чувствомъ...

— Когда это намеднись? Третьяго дня, что ли? Послушайте-ка, что онъ теперь говоритъ!...—И, вдругъ мѣняя тонъ:—Алена Петровна, голубушка моя!—вскричала Настя, кидаясь съ плачемъ обнимать майоршу,—вѣдь онъ что выдумалъ-то!... Еслибъ вы только знали... Даже и сказать невозможно... Господи, Господи!... Ужъ онъ меня соблазнялъ, соблазнялъ—и деньгами, и нарядами, а потомъ грозить началъ: «выгоню, говоритъ, какъ собаку, все отниму, въ одной рубашкѣ... Все равно, говоритъ, честь твоя

дѣвическая потеряна...» Охъ, какъ тяжко! Голубушка вы моя, какъ тяжко!

Все это Настя проговорила прерывающимся отъ рыданій голосомъ, однако Алена Петровна поняла смыслъ ея безсвязной рѣчи и на лицѣ ея изобразился ужасъ.

— Настя, Настя,—да неужели же?... Да что-жь это такое? Царица Небесная, да что-жь это такое?—повторяла она, растерянно смотря на бившуюся у ея груди дѣвушку.

Но взрывъ отчаянія Насти длился не долго; она сдѣлала надъ собой усиліе, рыданія ея смолкли и когда, поднявъ голову съ плеча своей старой пріятельницы, она пристально на нее посмотрѣла, въ глазахъ ея сверкала рѣшимость и на губахъ опять показалась горькая усмѣшка.

— Да вы, можетъ-быть, думаете что я вру?—проговорила она уже твердымъ голосомъ.—Вѣдь святой человѣкъ Кузьма Трофимычъ! Радѣтель до церкви,—какъ можно! А посмотрите-ка, какъ этотъ благочестивый человѣкъ поступилъ со мной, когда я ему объявила, что лучше первому встрѣчному отдамся, чѣмъ ему... Полюбуйтесь-ка.

Она сдернула съ головы платочекъ и указала на спутанные волосы, мѣстами слипшіеся отъ запекшейся крови.

— Ахъ, ты Господи! Мать пресвятая Богородица!—всплеснула руками Алена Петровна.

— Что-жь, эдакъ-то лучше. На чистоту по крайней мѣрѣ проявился человѣкъ, какой онъ есть, безъ притворства,—сказала Настя, снова надѣвая платочекъ на голову и вытирая лицо мокрое отъ слезъ.

— Господи, Господи! Что-жь теперь, куда же ты пойдешь?

— Куда?—повторила Настя, подымаясь съ мѣста и оправляя измятое платье.

Она засмѣялась натянутымъ смѣхомъ.

— Вотъ пришла было къ вамъ,—думала, вы мнѣ позволите пожить у васъ, пока не найду мѣста... Вѣдь вы знаете, что я не виновата, Алена Петровна,—ну, вотъ я и думала...

И вопросительно взглянувъ на свою слушательницу, она начала запрятывать волосы, выбившіеся изъ-подъ платка. Руки ея замѣтно дрожали.

Алена Петровна окончательно растерялась.

— Да я бы рада душой, Настенька, но только сама ты подумай, послѣ всѣхъ этихъ толковъ... Ну, разсуди сама хорошень-

ко... Сегодня еще отецъ Александръ у меня спрашивалъ, видишься ли ты съ Николаемъ Ивановичемъ. «Что вы, батюшка,—говорю,—да они даже нигдѣ и не встрѣчались съ тѣхъ поръ...» И вдругъ ты поселишься жить у меня, а Николай Ивановичъ наверху, въ одномъ домѣ... На что-жь это будетъ похоже, сама ты подумай?

Настя молчала. Опять появилась въ глазахъ ея та безумная пристальность, которая такъ испугала сегодня Алену Петровну при появленіи ея въ комнату.

— Потерпи, голубчикъ, что дѣлать!... Богъ милостивъ, онъ вразумитъ Кузьму Трофимовича... Кто знаетъ, можетъ онъ ужь и теперь раскаивается... Извѣстно ему, что ты ко мнѣ пошла? Нѣтъ?... Ну, видишь какъ отлично,—продолжала майорша, истолковывая молчаніе дѣвушки въ самомъ выгодномъ смыслѣ для новаго соображенія мелькнувшаго у нея въ умѣ.—Кузьма Трофимовичъ можетъ-быть никогда и не догадается, что ты вышла изъ дому,—онъ вѣдь въ лавкѣ сидитъ, а ты вѣрно задами сюда пришла.

Настя продолжала молчать и стоять истуканомъ.

Дверь изъ спальни тихо скрипнула и на порогѣ появилась Варварушка со связкой кренделей въ рукахъ.

— Что тебѣ, Варварушка?—съ досадой обратилась къ ней хозяйка.—Ну, чего тебѣ? Ты намъ не нужна, иди себѣ. Иди...

Но еслибъ она повторила это приказаніе и третій, и четвертый разъ, ничего бы изъ этого не вышло. Развѣ Варварушкѣ можно было уйти, не узнавши, давно ли пришла Настя и для чего? При ея любознательности и привычкѣ принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ своей госпожи, это было положительно невозможно.

— Сахарныхъ сухарей нѣтъ, сударыня, а вотъ я вамъ бубличковъ принесла... Самые свѣжіе, при мнѣ отъ Филиппова привезли.

И обернувшись къ Настѣ, она скорчила удивленную мину.

— Настасья Арсентьевна! Я и не знала, что вы здѣсь... Какъ изволите поживать, моя красавица? Давно, давно вы насъ не навѣщали. Загордились совсѣмъ, видно новые друзья завелись...

— Ступай, ступай, Варварушка! — настойчиво повторила майорша.

Но и Варварушка въ свою очередь возвысила голосъ:

— Что вы меня гоните, сударыня? Я не собачка, чтобъ меня гнать, сама уйду,—огрызнулась она.

И, не трогаясь съ мѣста, она продолжала оглядывать съ ногъ до головы посѣтительницу сверкающими отъ любопытства глазами.

Настя, ни на кого не глядя, сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ двери въ прихожую. На губахъ ея такъ и застыла та смущенная усмѣшка, съ которой она объявила за минуту передъ тѣмъ, что пришла сюда въ надеждѣ найти пріютъ на время.

— Я пойду, Алена Петровна,—глухо проговорила она, переступая порогъ прихожей.

Майорша была уже около нея, сильно взволнованная.

— Настюша, надѣнь хоть мою шубку!... Нельзя такъ,—холодно вѣдь... Холодно сегодня, Варварушка?

— Морозъ, сударыня, да еще какой! Вонъ я въ шубѣ вышла, да и то застыла совсѣмъ... Неужто вы въ одномъ платьѣ, Настасья Арсентьевна? Ай-ай-ай! Какъ это можно, миленькая!—покачивала головой Варварушка.—Долго ли простудиться...

— Въ одномъ платьѣ!—сокрушалась майорша.—Ну, хоть платокъ... Варварушка, принеси скорѣе!... Да подойди же, Настя, куда ты?... Господи! Ну, вотъ хоть это надѣнь.

Но Настя не дождалась, чтобъ она стащила съ себя ватную кофточку, которую хотѣла надѣть на нее.

— Ушла!—уныло проговорила Алена Петровна, указывая вернувшейся съ теплымъ платкомъ служанкѣ на растворенную дверь въ сѣни.

Варварушка развела руками.

— Что-жь, сударыня, дѣлать! Не бѣжать же за нею на улицу... Мы сдѣлали все, что могли: вы ей шубку вашу предложили, я за платкомъ побѣжала. Если таперича что и случится съ нею, мы въ отвѣтѣ не будемъ... Отойдите-ка отъ двери, сударыня, еще сами, Боже сохрани, простудитесь,—вѣдь страсть какой морозъ, птица на лету падаетъ!

VI.

Степановскій сдержалъ слово, данное его превосходительству осенью: мартъ мѣсяцъ былъ еще только въ началѣ, а дѣло Марьи Алексѣевны приближалось къ концу.

Большой переполохъ подняло это дѣло въ той мѣстности, отдаленной отъ столичнаго шума и суеты, въ которую переселился Астафьевъ съ дочерью. Слезами, печалью и отчаяньемъ отозвалось оно на жителяхъ скромнаго домика майорши Побѣдашъ, боль-

шое разстройство причинило и самой хозяйкѣ; но, не взирая на удачу, нельзя сказать, чтобы въ противномъ лагерѣ всѣ безъ исключенія ликовали и съ одинаковымъ восторгомъ праздновали побѣду.

Радовалась Любовь Андреевна, у которой, благодаря обильному урожаю на бракоразводныя дѣла въ нынѣшнемъ году, новый домъ на Офицерской былъ окончательно отстроенъ, а квартира ея отдѣлана съ такимъ шикомъ, что всѣ кокотки ей завидовали и Ласточкина ставили въ примѣръ своимъ содержателямъ.

Веселились на ея вечерахъ Таничка съ Сашенькой, въ костюмахъ, выписанныхъ прямо изъ Парижа, а брата ихъ Володю чаще прежняго привозили ночью домой въ такомъ безобразномъ видѣ, что Яковъ съ швейцаромъ втаскивали его на верхъ по черной лѣстницѣ, чтобы папенька съ маменькой не увидѣли.

Благодарила Господа Бога ихъ почтенная маменька. Мечта ея осуществилась: супругъ ея положилъ таки, наконецъ, на ея имя изрядный капиталъ въ банкъ и такимъ образомъ избавился на время отъ кислыхъ минъ, вздоховъ и попрековъ своей законной половины.

Блаженствовала Лизанька Леопардова... Да и какъ было не блаженствовать: блестящій корнетъ, ухаживавшій за нею вторую зиму, узнавъ достовѣрно, до какой крупной цифры доходитъ состояніе дѣльца по бракоразводнымъ дѣламъ, предложилъ дѣвицѣ Леопардовой руку и сердце, клянясь при этомъ еле пробивающимися усиками и звонко гремящими шпорами, что онъ ее похититъ въ случаѣ сопротивленія родителей.

Потиралъ себѣ самодовольно руки добродушный толстякъ Мальвинскій, у котораго къ новому году благополучно разрѣшилось шесть крупныхъ дѣлъ, да столько же стояло на очереди къ Паскѣ. Изъ такихъ дѣлъ онъ ни одного не предлагалъ уступить своему молодому коллегѣ, потому ли, что разочаровался въ ловкости и въ способностяхъ Степановскаго, или потому, что на него непріятно дѣйствовала раздражительность маленькаго адвоката. Какъ бы тамъ ни было, но почтенный Θедоръ Николаевичъ, кажется, махнулъ рукой на надежду найти въ немъ надежнаго сподвижника и достойнаго преемника и совершенно пересталъ разсказывать ему забавные анекдоты изъ своей практики, — такимъ непріятнымъ слушателемъ, желчнымъ и суровымъ, оказывался Степановскій.

Дѣло въ томъ, что у него были вѣскія причины злиться и раздражаться. Давно ужь началъ онъ подозрѣвать, что крупно

промахнулся, заключая условіе съ Дмитріемъ Николаевичемъ, въ силу котораго онъ взялъ на себя кончить бракоразводное дѣло Астафьевой за двадцать пять тысячъ рублей. Теперь оказывалось, что изъ этой суммы ему, Степановскому, останется самая малость—какихъ-нибудь рублей триста, не больше. Остальное же частью уже перешло, а частью имѣетъ перейти въ карманы Ласточкина, Леонардова и Мальвинскаго.

Принимаясь, по совѣту этого послѣдняго, за дѣло Марьи Алексѣевны, у Степановскаго были совершенно другіе разсчеты. Не говоря уже о Мальвинскомъ, который, взявъ на себя самую дорогую и щекотливую часть дѣла, а именно отысканіе свидѣтелей и торгъ съ ними, назначилъ сумму въ пять разъ меньше той, которую онъ стребовалъ впослѣдствіи,—Степановскій обращался и къ другимъ знающимъ людямъ за указаніями, да и, наконецъ, сами дѣльцы, Леопардовъ и Ласточкинъ, дозволили ему слегка пощупать себя на этотъ очетъ. Изъ всѣхъ собранныхъ справокъ, а также изъ подхваченныхъ на лету цифръ и намековъ выходило, что изъ полученной отъ Таманскаго суммы останется больше половины и вдругъ такой сюрпризъ—триста рублей!

Когда Степановскій вспоминалъ все, что ему пришлось вынести за эти триста рублей, у него во рту дѣлалось горько отъ прилива желчи, поднимавшейся къ горлу. Кажется, не было такой гадости и каверзы, которая не была бы пущена въ ходъ, чтобъ окончательно сбить его съ толку, спутать всѣ его разсчеты, комбинаціи и планы. У свидѣтелей передъ самою присягой внезапно пробуждалась совѣсть, у Леопардова за полчаса до засѣданія начинались припадки сердцебіенія, Ласточкина по важнымъ дѣламъ вызывали на хуторъ именно въ ту минуту, когда безъ него чортъ знаетъ что могло произойти... А тутъ еще неожиданныя нападенія каявшихся въ потворствѣ блюстителей общественнаго порядка, которые лѣзли съ глухими угрозами и таинственными намеками, не говоря ужь о самой жертвѣ всей этой облавы, объ Астафьевѣ, который пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ осыпать адвоката своей жены нестерпимыми оскорбленіями.

Въ бѣшенствѣ, внѣ себя отъ досады и безсильной злобы, Степановскій кидался за поддержкой и совѣтомъ къ Мальвинскому. И надо отдать справедливость почтенному Өедору Николаевичу: никогда не отказывалъ онъ ни въ томъ, ни въ другомъ своему молодому товарищу, всегда выказывалъ онъ самое теплое участіе къ его печалямъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ толстякъ доказывалъ ему,

какъ дважды два четыре, что если не поступиться еще двумя-тремя тысячами или больше, смотря по обстоятельствамъ, все дѣло полетитъ къ чорту.

— Ужь нельзя иначе, что прикажете дѣлать!—повторялъ онъ, кивая головой и широко разводя руками.

Онъ также наставлялъ его, *какъ* именно давать, кому, по сколько и какимъ способомъ,—до тонкости изучилъ Ѳедоръ Николаевичъ нравы и обычаи этихъ господъ...

— Не даромъ же я съ ними двадцать второй годъ хороводжусь,—замѣчалъ онъ съ усмѣшкой.

Молодой адвокатъ неистовствовалъ, топалъ ногами, билъ себя кулаками въ грудь и клялся самыми страшными клятвами бросить имъ всѣ деньги, взятыя у Таманскаго, въ рожу, выругать ихъ мошенниками и отказаться отъ дѣла.

— Пусть орудуютъ безъ меня какъ знаютъ!

— Что-жь, батенька, имъ такія слова выслушивать не въ рѣдкость! Вы ихъ мошенниками, а они васъ дуракомъ обзовутъ. Деньги же ваши они прикарманятъ и, сорвавши еще малую толику съ Таманскаго, безъ адвоката дѣло кончатъ.

— Прекрасно. Но вѣдь я все разскажу Дмитрію Николаевичу, все! Я покажу ему, мои счеты... У меня нѣтъ росписокъ отъ этихъ мазуриковъ, но это все равно,—онъ мнѣ повѣритъ и на слово.

— А какъ вы думаете, что въ настоящее время больше интересуетъ Таманскаго: открыть мошенничества Ласточкиныхъ и компаніи, или добиться развода для любимой женщины? Знаете ли вы, мой любезнѣйшій, кто на прошлой недѣлѣ спрашивалъ, скоро ли онъ представитъ свою супругу ко двору?

И Мальвинскій назвалъ такое имя, что маленькому адвокату оставалось только почтительно преклониться.

— Да-съ, вотъ какія высокія личности интересуются тѣмъ, чтобы ваша кліентка получила свободу, а вы тутъ на стѣну лѣзете изо всякихъ пустяковъ... Да неужели же вы думаете, что наши дѣльцы только съ вами поступаютъ такъ жестоко? Утѣшьтесь, голубчикъ! Когда дѣло коснется денегъ, они никого не щадятъ. На нихъ даже и обижаться за это нельзя, потому что это у нихъ въ крови, естественная потребность такъ сказать. Намеднись Ласточкинъ говоритъ: еслибъ мой родной папенька захотѣлъ развестись съ моей родной маменькой, я бы и съ нихъ меньше трехъ тысячъ не взялъ бы.

Степановскій началъ мало-по-малу подаваться на всѣ эти резоны.

— Такъ вы мнѣ совѣтуете не отступать до конца?

— Совѣтую, прошу и умоляю. Вы только себя сконфузите такимъ малодушествомъ и за легкомысленнаго человѣка прослывете, да и меня въ неловкое положеніе поставите, потому что я же васъ рекомендовалъ и Таманскому, и нашимъ дѣльцамъ, Ласточкину съ Леопардовымъ. Да и во всѣхъ отношеніяхъ вамъ ужь теперь нѣтъ разсчета отступать... Положимъ даже, что вамъ съ этого дѣла ничего не удастся сорвать,—сорвете съ другаго! Вѣдь вы еще только начинаете жить, дѣловъ на вашу долю хватитъ мно-о-ого! Охъ, какъ много! А подумайте-ка, слава-то, слава-то какая вамъ будетъ!—продолжалъ толстякъ, ободрительно похлопывая по плечу своего коллегу.—Вѣдь вы, батенька, будущую супругу министра разводите, не кого другаго. Я, признаться сказать, больше для этого и уступилъ вамъ это дѣло,—думалъ себѣ: человѣкъ молодой, пусть воспользуется случаемъ пріобрѣсти себѣ извѣстность. Что же касается до матеріальныхъ выгодъ, еслибъ вы у меня спросили, я бы вамъ съ самаго начала сказалъ, что на большой кушъ разсчитывать нельзя. Разумѣется, еще тысячъ десять повытянуть можно было бы, еслибы вы не назначили цифры впередъ... Но когда вы ужь разъ порѣшили за двадцать пять, его превосходительство—не такая особа, чтобъ изъ него можно было бы сокъ выжимать, какъ изъ простаго смертнаго... Ужасно погорячились вы тогда и совсѣмъ не кстати разболтали объ этомъ.

— Но кто же могъ предвидѣть, что они у меня весь капиталъ слопаютъ?

— Почему же имъ и не слопать? Ужь это такія дѣла, батенька: берутъ за нихъ *все, что можно*. Вотъ если въ эти слова хорошенько вникнуть, да понять ихъ тайный смыслъ, тогда, конечно, не влетишь какъ куръ во щи, вотъ какъ вы влетѣли по своей неопытности.

Очень резонно разсуждалъ толстякъ,—такъ резонно, что нельзя было съ нимъ не согласиться, и Степановскій покорился.

Зима еще не кончилась и морозы стояли лютые, но снѣгъ весь стаялъ во время послѣдней оттепели, а новаго не выпадало, такъ что волей-неволей приходилось пускаться на колесахъ по замерзшимъ кочкамъ и скользкимъ лужицамъ. Однако, когда Таманскій вышелъ на крыльцо своего дома, чтобъ ѣхать въ мини-

стерство, и увидѣлъ, что вмѣсто саней кучеръ заложилъ лошадь въ эгоистку, онъ остался недоволенъ этимъ распоряженіемъ.

— Колеса будутъ раскатываться, долго-ль до бѣды!—сердито замѣтилъ онъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство,—началъ оправдываться Самсонъ, красивый парень, жившій уже шестой годъ у него,—мы намеднись чуть было не зарѣзали воронаго санями-то! Вѣдь голые камни, извольте посмотрѣть. Извощики—и тѣ...

— На поворотахъ осторожнѣе!—прервалъ его баринъ.

Предчувствіе не обмануло его. Едва успѣла эгоистка отъѣхать отъ крыльца, какъ случилось происшествіе, которое могло имѣть самыя непріятныя послѣдствія: на Милліонной улицѣ экипажъ наткнулся на человѣка, выходившаго изъ-подъ воротъ угловаго дома.

— Берегись!—закричалъ кучеръ, осаживая лошадь.

— Подлецъ!—громко выругался прохожій, ловко отскакивая на тротуаръ и хватаясь за плечо, слегка задѣтое оглоблей.

Точно ужаленный звукомъ этого голоса, Таманскій опустилъ воротникъ шубы, въ которую пряталъ свое лицо отъ холода. Онъ узналъ мужа Марьи Алексѣевны. Кровь хлынула ему въ лицо съ такою силой, что въ глазахъ помутилось.

И Николай Ивановичъ узналъ его. Когда, нѣсколько мгновеній спустя, какая-то невидимая сила заставила Таманскаго обернуться назадъ, Астафьевъ стоялъ какъ вкопанный на томъ же мѣстѣ и пристально смотрѣлъ ему вслѣдъ. На немъ было поношенное пальто, измятая шляпа и весь онъ постарѣлъ и обтрепался, а лицо его осунулось, точно послѣ долгой и мучительной болѣзни.

Все это успѣлъ разсмотрѣть Таманскій, не взирая на то, что взглядъ его остановился на немъ только нѣсколько мгновеній. И Астафьевъ тоже его узналъ, но когда?... Послѣ или прежде толчка оглоблей въ плечо, отъ котораго онъ отскочилъ на тротуаръ?

Въ первую минуту вопросъ этотъ только промелькнулъ въ умѣ Дмитрія Николаевича; ему было не до того, чтобъ останавливаться на немъ,—слишкомъ много другихъ представленій тѣснилось въ умѣ. Онъ воображалъ себѣ, что было бы, еслибы лошадь его дернула сильнѣе, еслибъ Астафьевъ не успѣлъ отскочить въ сторону... Экипажъ могъ сбить его съ ногъ, переѣхать черезъ него, искалѣчить, чего добраго—убить его на мѣстѣ.

Кровь стыла въ жилахъ при этой мысли; картины одна другой ужаснѣе и отвратительнѣе проходили передъ глазами... Онъ ви-

дѣлъ себя передъ обезображеннымъ тѣломъ Астафьева, кругомъ— толпа зѣвакъ, городовые, полиція... А на другой день печатные толки во всѣхъ газетахъ, болтовня и сплетни во всѣхъ кружкахъ о немъ, о Марьѣ Алексѣевнѣ, о бракоразводномъ дѣлѣ, поднятомъ противъ Астафьева, глупые, злые намеки и сопоставленія...

Вотъ чему онъ подвергался по милости дурака кучера!

И вдругъ ругательство, вырвавшееся у Астафьева, снова зазвенѣло въ его ушахъ и снова кровь хлынула ему въ лицо при этомъ воспоминаніи...

— Я вамъ уже дѣлалъ выговоры за неосторожную ѣзду, Самсонъ,—строго проговорилъ его превосходительство, соскакивая съ эгоистки, остановившейся передъ красивымъ крыльцомъ министерства.—Можете искать другое мѣсто,—вы у меня больше не служите,—прибавилъ онъ, скрываясь за большой стеклянною дверью, которую передъ нимъ, съ почтительнымъ поклономъ, растворялъ швейцаръ.

Проходя по свѣтлымъ, широкимъ корридорамъ и встрѣчая на каждомъ шагу чиновниковъ, снующихъ взадъ и впередъ и сверху внизъ, съ озабоченными и дѣловыми физіономіями, Таманскій спрашивалъ себя: по какому случаю Астафьевъ ходитъ по улицамъ, когда ему надо сидѣть въ департаментѣ?

Но долго размышлять надъ этимъ вопросомъ ему не дали: въ пріемной ожидало столько просителей и просительницъ, что пришлось съ часъ времени выслушивать чужія печали, жалобы, желанія. Никогда еще не исполнялъ онъ такъ машинально свою обязанность, никогда еще маска сосредоточеннаго вниманія, которою лицо его умѣло такъ искусно пользоваться, не сослужила ему такой существенной услуги, какъ въ этотъ день. Всѣ просители удалились отъ него съ облегченнымъ сердцемъ, въ полной увѣренности, что онъ слышалъ все, что они ему говорили.

Наконецъ, пріемъ кончился и можно было остаться съ самимъ собой. Дмитрій Николаевичъ вздохнулъ немного свободнѣе, но онъ чувствовалъ сильное утомленіе во всемъ тѣлѣ; въ головѣ стояла все та же странная пустота, грудь щемило тоской. Нѣчто подобное испытывалъ онъ пять лѣтъ тому назадъ, въ тотъ день, когда онъ вернулся въ свой опустѣвшій домъ изъ того дальняго монастыря, въ который онъ отвезъ гробъ своей матери,—то же ощущеніе одинокости и безпомощности, то же сознаніе тяжкой, незамѣнимой утраты... Но сегодня ощущеніе холода и пустоты

было еще мучительнѣе и безнадежнѣе, чѣмъ тогда... Чего, кого лишился онъ въ это утро? Что случилось?... Онъ проѣзжалъ по улицѣ, слово «подлецъ» раздалось у самаго его уха, онъ взглянулъ на человѣка, который произнесъ это слово, и когда онъ узналъ этого человѣка, кровь бросилась ему въ лицо съ такою силой, что въ глазахъ помутилось... Вотъ что случилось.

Дмитрій Николаевичъ позвонилъ и приказалъ просить къ себѣ Мирнова.

Евграфъ Петровичъ не замедлилъ явиться. Съ тѣхъ поръ, какъ его превосходительство пріѣзжалъ запросто на вечера Мирновыхъ, произошло много перемѣнъ. Повысился по службѣ и Евграфъ Петровичъ,—такъ повысился, что ему теперь нѣтъ надобности заглядывать въ то отдѣленіе, гдѣ до сихъ поръ работаетъ все на томъ же мѣстѣ его бывшій товарищъ, Астафьевъ; но Таманскій... этотъ сдѣлалъ такой скачокъ вверхъ, что на него уже никто изъ прежнихъ сослуживцевъ не можетъ смотрѣть иначе, какъ на начальника. Его превосходительство продолжаетъ обходиться съ Мирновымъ привѣтливо и любезно, дружески пожимаетъ ему руку при встрѣчахъ, освѣдомляется объ его семействѣ и выражаетъ надежду, что когда-нибудь ему удастся выбрать свободный вечеръ, чтобы посидѣть у нихъ, какъ бывало въ доброе старое время; но Евграфъ Петровичъ былъ слишкомъ тонкій политикъ, чтобы хоть на минуту забыться отъ такихъ любезностей и упустить изъ виду разстояніе, отдѣляющее ихъ другъ отъ друга.

Переговоривъ о дѣлѣ, для котораго онъ посылалъ за Мирновымъ, его превосходительство совершенно неожиданно спросилъ у него, давно ли онъ видѣлъ Николая Ивановича Астафьева?

Предлагая этотъ вопросъ, его превосходительство былъ такъ смущенъ и такъ упорно отвертывался въ сторону, что трудно было предполагать, чтобъ онъ могъ замѣтить, съ какимъ выраженіемъ лица ему отвѣчаютъ, тѣмъ не менѣе Евграфъ Петровичъ счелъ своимъ долгомъ напустить на себя холодную сдержанность и полнѣйшее равнодушіе.

— Я давно не вижусь съ Николаемъ Ивановичемъ, ваше превосходительство. Онъ занимается, какъ вамъ извѣстно, въ другомъ отдѣленіи, а жить переѣхалъ такъ далеко, что всѣ знакомые разошлись съ нимъ изъ-за этого.

— Да, да, я знаю... Онъ поселился неподалеку отъ Выборгской, кажется?

И, помолчавъ немного, Таманскій прибавилъ, посмотрѣвъ на часы:

— Еще нѣтъ половины четвертаго,—онъ долженъ быть еще здѣсь?

— Николай Ивановичъ не приходитъ больше въ департаментъ, ваше превосходительство.

Таманскій быстрымъ движеніемъ поднялъ голову.

— Какъ не приходитъ? Что вы хотите этимъ сказать? Онъ боленъ?

— Я не знаю, ваше превосходительство, боленъ ли онъ до сихъ поръ или нѣтъ, но рапортъ его о болѣзни, присланный сюда двѣ недѣли тому назадъ, я самъ видѣлъ. Сегодня же мнѣ кто-то сказалъ, будто онъ подалъ въ отставку... Я не разслышалъ хорошенько, потому что именно въ эту минуту меня позвали къ вашему превосходительству, но я могу справиться...

— Сдѣлайте одолженіе, Евграфъ Петровичъ!—мягко проговорилъ Таманскій.

Черезъ нѣсколько минутъ Мирновъ снова входилъ въ кабинетъ своего начальника. Въ рукѣ его была бумага, которую онъ молча положилъ передъ его превосходительствомъ, а затѣмъ такъ же молча отретировался.

Это было прошеніе Николая Ивановича объ отставкѣ, которое онъ мотивировалъ *семейными обстоятельствами.*

Иронія, заключавшаяся въ этихъ послѣднихъ словахъ, непріятно поразила Дмитрія Николаевича. Зачѣмъ Астафьевъ такъ выразился? Неужели безсознательно? Быть этого не можетъ... Онъ не могъ не предвидѣть, какими двусмысленными улыбками будетъ встрѣчена эта несчастная фраза всѣми, кому извѣстна его исторія съ женой; а кому только она неизвѣстна?... Онъ долженъ былъ также знать, какъ непріятно подѣйствуютъ эти слова на него, на Таманскаго...

Ну, вотъ и разгадка!

Разумѣется, онъ нарочно такъ выразился, чтобы досадить своему сопернику. Онъ и службу покинулъ съ тою же цѣлью... Очень можетъ быть, что и сегоднешняя встрѣча была подготовлена все съ тѣмъ же умысломъ и что онъ нарочно натолкнулся на экипажъ Таманскаго, чтобы хлестнуть его въ лицо такимъ словомъ, за которое между порядочными людьми принято убивать другъ друга...

Еслибъ это узнать навѣрное... Но какъ узнать? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ разыскивать человѣка, не желающаго съ вами

встрѣчаться, для того, чтобы спросить у него: «кого вы, милостивый государь, имѣли въ виду назвать подлецомъ, когда моя лошадь чуть было не задавила васъ,—меня, или моего кучера?»

Все это было чрезвычайно глупо и смѣшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ раздражительно, что съ каждымъ днемъ жизнь въ Петербургѣ становилась нестерпимѣе... Ужь изъ одного того, чтобы не подвергаться такимъ встрѣчамъ, какъ сегоднешняя, ужь изъ одного этого слѣдуетъ скорѣе уѣхать.

Марья Алексѣевна возстанетъ противъ этого намѣренія. Хотя она еще не выѣзжаетъ въ свѣтъ и не пользуется его удовольствіями, но съ тѣхъ поръ, какъ ей есть съ кѣмъ болтать про эти удовольствія и мечтать вслухъ о томъ блаженномъ времени, когда ей можно будетъ принимать въ нихъ дѣятельное участіе, съ тѣхъ поръ она страстно полюбила Петербургъ и на хорошенькомъ ея личикѣ появляется очаровательная гримаска при одной мысли покинуть его. Дмитрій Николаевичъ зналъ это, а между тѣмъ онъ твердо рѣшился объявить ей сегодня же вечеромъ, что намѣренъ провести время, остающееся до окончанія ея процесса, за границей. Объяснять ей причины, заставляющія его такъ поступать, онъ не станетъ, не для чего,—все равно она ихъ не пойметъ.

Давно уже Дмитрій Николаевичъ ничего не объясняетъ Марьѣ Алексѣевнѣ; онъ только уступаетъ ей въ томъ, въ чемъ находитъ возможнымъ уступить, въ остальномъ же онъ такъ рѣшительно говоритъ «нѣтъ», что ей и въ голову не приходитъ настаивать.

Когда, вернувшись домой изъ министерства, Таманскій прошелъ въ свою уборную, чтобы переодѣться, камердинеръ подалъ ему письмо, принесенное во время его отсутствія. Письмо было отъ Марьи Алексѣевны; она просила его убѣдительно заѣхать къ ней сегодня вечеромъ. Графиня Павская сдѣлала ей визитъ. А кромѣ того мадамъ Молотова опять заѣзжала къ ней съ сестрой... Да и вообще ей надо было о многомъ переговорить съ Дмитріемъ Николаевичемъ,—они не видѣлись ни вчера, ни третьяго дня... За это время случилось много новаго.

По тону письма можно было догадаться, что все случившееся было и пріятно, и забавно.

— Прикажете отложить?—спросилъ камердинеръ, почтительно дождавшись, чтобы господинъ его прочелъ письмо.

— Нѣтъ, скажите Самсону, чтобъ онъ ждалъ,—я сейчасъ опять поѣду.

Имя кучера, произнесенное имъ самимъ вслухъ, напомнило ему происшествіе на Милліонной и брови его опять сдвинулись. Онъ сдѣлалъ большую неловкость, выгнавъ Самсона именно за этотъ случай... Можетъ-быть и онъ тоже узналъ Астафьева... Да и навѣрно узналъ,—сколько разъ возилъ онъ барина въ тотъ домъ на Гороховой, въ которомъ жила Марья Алексѣевна со своимъ мужемъ два года тому назадъ!

Камердинеръ, вышедшій исполнять приказаніе насчетъ экипажа, вернулся назадъ съ извѣстіемъ о пріѣздѣ Степановскаго.

— Проси въ кабинетъ, я сейчасъ выйду,—сказалъ Дмитрій Николаевичъ.

Удивительно кстати явился маленькій адвокатъ. Именно съ нимъ и хотѣлъ переговорить Таманскій послѣ всего того, что случилось,—онъ одинъ могъ разъяснить окончательно мучившія его сомнѣнія.

Минутъ черезъ пять Дмитрій Николаевичъ сидѣлъ со Степановскимъ у большаго бюро изъ рѣзнаго чернаго дуба, составлявшаго главное украшеніе его кабинета, и выслушивалъ извѣстія, сообщаемыя ему адвокатомъ Марьи Алексѣевны.

Вѣсти были отличныя: по рѣшенію консисторіи бракъ Астафьевой былъ расторгнутъ и дѣло перешло въ синодъ.

— Но это одна только формальность, ваше превосходительство,—дѣло можно считать ужь и теперь выиграннымъ. Впрочемъ, и тамъ тоже безъ подмазокъ нельзя.

Степановскій объяснилъ, кому и сколько именно надо заплатить, чтобъ и въ высшей инстанціи дѣло прошло такъ же благополучно, какъ и въ низшей, а затѣмъ, когда Таманскій назначилъ, въ какой день пріѣхать за требуемою суммой, онъ повторилъ, что во всякомъ случаѣ дѣло выиграно и Марью Алексѣевну можно поздравить съ успѣхомъ.

— Удивительно скоро намъ все это удалось обдѣлать, даже невѣроятно, право! Потрудитесь только припомнить, ваше превосходительство, вѣдь съ того дня, какъ Марья Алексѣевна подписала прошеніе, прошло только пять съ половиной мѣсяцевъ. Прошеніе это я подалъ въ октябрѣ, двѣ недѣли спустя консисторія предписываетъ священнику сдѣлать увѣщаніе Астафьеву, въ декабрѣ судныя рѣчи, вызовъ свидѣтелей, въ январѣ допросъ, въ томъ же мѣсяцѣ докладъ и черезъ пять недѣль рѣшеніе! Тутъ, можно сказать, всѣ для Марьи Алексѣевны поусердство-

вали... Несчастнаго ея супруга скрутили такъ живо, что онъ и опомниться не успѣлъ...

Все это онъ объяснилъ со своимъ обычнымъ краснорѣчіемъ, но голосъ его и физіономія не дышали тѣмъ восторженнымъ оживленіемъ, которымъ обыкновенно проникалось все его существо, когда онъ имѣлъ причины быть вполнѣ довольнымъ самимъ собой и обстоятельствами.

Человѣкъ болѣе наблюдательный, чѣмъ Таманскій, подмѣтилъ бы даже оттѣнокъ какой-то досады и злостной ироніи въ его тонѣ.

— Да-съ, Марью Алексѣевну можно поздравить,—повторилъ онъ все съ тою же двусмысленной усмѣшкой, съ которой онъ вошелъ въ кабинетъ Таманскаго и которая во все время ихъ разговора не переставала змѣиться на его тонкихъ, хитрыхъ губахъ.—Что же касается до меня, ваше превосходительство, то я, какъ честный человѣкъ, заявляю вамъ, что никогда больше бракоразводными дѣлами заниматься не стану,—никогда! Это такая грязь, такая мерзость, что даже и разсказать нельзя... Игра не стоитъ свѣчъ, положительно. Я такъ и сказалъ Ѳедору Николаевичу: я васъ не виню, Ѳедоръ Николаевичъ,—мнѣ слѣдовало самому обдумать прежде, чѣмъ за него браться, но все-таки я долженъ сказать, что вы поступили со мной не по-пріятельски. Вамъ надо было предупредить меня, съ какими ненасытными акулами мнѣ придется орудовать... Это, во-первыхъ; а во-вторыхъ,—какимъ нравственнымъ пыткамъ будетъ подвергаться моя совѣсть...

Дмитрій Николаевичъ вскинулъ на него тревожный взглядъ. Разговоръ принималъ именно тотъ оборотъ, который ему былъ нуженъ для разъясненія мучившихъ его сомнѣній; но, тѣмъ не менѣе, его нервно передернуло при мысли о томъ, сколько непріятнаго ему придется выслушать. Физіономія Степановскаго ясно выражала, что пощады съ его стороны не будетъ.

— У меня, ваше превосходительство, никогда не изгладится изъ памяти тотъ моментъ, когда Астафьевъ *понялъ*, что его дѣло проиграно безвозвратно. Такого отчаяннаго, дикаго озлобленія даже и представить себѣ нельзя!... Признаюсь откровенно, у меня морозъ по кожѣ подралъ отъ того взгляда, которымъ онъ меня измѣрилъ съ ногъ до головы... Само собою разумѣется, что оскорбляться гнѣвными выходками Астафьева было бы глупо съ моей стороны, — вѣдь я лично противъ него ничего не

имѣю и дѣйствую по довѣренности посторонняго лица,—но тѣмъ не менѣе... Нехорошія минуты пережилъ я, ваше превосходительство, и до сихъ поръ не могу отдѣлаться отъ сквернаго впечатлѣнія: такъ и стоитъ передо мной это лицо... блѣдное, какъ бумага, глаза горятъ... Хорошо, что вы его не видѣли въ такомъ изступленіи, ваше превосходительство,—долго бы онъ вамъ по ночамъ снился, ей-Богу!

«Онъ мнѣ и безъ того ни одной ночи не даетъ провести спокойно,—подумалъ Таманскій.—А теперь, послѣ сегоднешней встрѣчи...»

При воспоминаніи объ этой встрѣчѣ, въ душѣ начала подниматься такая буря, что его превосходительство поспѣшилъ громко заговорить, чтобы хотя на время придушить страшный внутренній голосъ, кричавшій въ немъ.

— Я право не понимаю, изъ-за чего бы Астафьеву приходить въ такое отчаянье... Человѣкъ онъ передовой, на бракъ и на тому подобныя постановленія смотритъ какъ на глупые предразсудки,—я это отлично знаю... Особеннымъ непріятностямъ рѣшеніе суда его не подвергаетъ, кромѣ церковнаго покаянія, котораго ему всегда будетъ легко избѣгнуть, потому что кто же будетъ слѣдить за этимъ, согласитесь сами?... Конечно, тутъ есть вопросъ о дочери, и понятно, что ему тяжело съ нею разстаться.

— Я вамъ больше скажу, ваше превосходительство: онъ вамъ добровольно никогда ее не отдастъ; а если Марья Алексѣевна захочетъ употребить силу, на что она имѣетъ теперь право, такъ какъ законъ за нее,—безъ скандала не обойдется, за что я вамъ ручаюсь...

Степановскій отлично зналъ, что его превосходительство ничего такъ не боится и не ненавидитъ, какъ скандалы.

— Согласитесь, однако, что дѣвочкѣ было бы во всѣхъ отношеніяхъ полезнѣе и приличнѣе жить у матери, которая въ состояніи дать ей блестящее образованіе, чѣмъ оставаться въ той неприглядной обстановкѣ, въ которой она теперь находится,—сухо замѣтилъ Таманскій.—Г. Астафьевъ еще молодъ и такихъ особъ, какъ эта лавочница...

— Та лавочница пропала, ваше превосходительство.

— То-есть какъ пропала?... На время, конечно, до окончанія процесса?—слегка усмѣхнулся его превосходительство.

Усмѣшка эта окончательно взбѣсила маленькаго адвоката. Онъ терпѣть не могъ, чтобы смѣялись, когда онъ злится, и поспѣшилъ дать это почувствовать его превосходительству.

— Она совсѣмъ пропала,—никто не знаетъ, куда она дѣлась. Дядя ея подавалъ заявленіе въ полицію, но и полиція не могла ее разыскать... Мнѣ разсказывали, что въ то утро она заходила къ одной знакомой старушкѣ,—а именно къ той самой майоршѣ, у которой квартировалъ Астафьевъ,—но пробыла у нея минутъ двадцать, не больше, и ушла сильно взволнованная и разстроенная. Съ тѣхъ поръ она домой не возвращалась. Должнобыть замерзла гдѣ-нибудь на дорогѣ,—въ тотъ день было около двадцати пяти градусовъ мороза, а на ней ничего не было, кромѣ платья да маленькаго платочка на головѣ.

«Что, не вкусно?» — добавилъ мысленно Степановскій, наслаждаясь смущеніемъ, выражавшимся на лицѣ его слушателя.

— Но какъ же тѣло?... Еслибъ она замерзла, тѣло ея нашлось бы?

— Тѣло найдется весной, ваше превосходительство. Говорятъ, она пошла по направленію къ парку. Если она замерзла въ какомъ-нибудь оврагѣ, въ такомъ случаѣ тѣло и вовсе не найдется,—продолжалъ съ убійственнымъ хладнокровіемъ адвокатъ.

— Это ужасно, однако-жь,—прошепталъ Таманскій.—Неужели нельзя было предупредить этого несчастья? Вы, кажется, прошлый разъ говорили, что эта дѣвушка—сирота?

— Сирота, ваше превосходительство, и совсѣмъ бѣдная. Дядя, который пріютилъ ее у себя послѣ смерти матери, человѣкъ зажиточный и пользуется извѣстнымъ почетомъ въ околоткѣ. Такіе люди, какъ онъ, считаютъ позоромъ для себя ужь одно появленіе околодочнаго съ повѣсткой на ихъ имя. Съ нимъ, говорятъ, чуть было удара не сдѣлалось, когда мы его вызвали въ судъ какъ свидѣтеля... Можно себѣ представить, какъ онъ напустился на племянницу! Ну, вотъ...

Онъ докончилъ фразу краснорѣчивымъ движеніемъ руки и смолкъ, устремивъ мрачный взглядъ на большой шкафъ съ книгами, стоявшій въ противоположномъ углу комнаты.

Дмитрій Николаевичъ тоже съ минуту времени молчалъ и наконецъ собрался съ духомъ.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ онъ съ отчаянною рѣшимостью человѣка, который хочетъ выпить всю горькую чашу

однимъ залпомъ,—я узналъ сегодня, что Астафьевъ подалъ въ отставку... Вы не знаете, какія у него были причины такъ поступить?

— Астафьевъ давно говорилъ, что ему невыносимо служить въ вашемъ министерствѣ, да оно и понятно...

Таманскій нетерпѣливо прервалъ его:

— У него вѣрно въ виду другое мѣсто?

— Ничего у него нѣтъ въ виду, кромѣ голодной смерти, ваше превосходительство!

Слова эти Степановскій произнесъ немилосердно сухо и рѣзко. А затѣмъ онъ прибавилъ, какъ бы про себя:

— Онъ жилъ однимъ жалованьемъ.

— Еслибы знать, какое именно мѣсто ему желательно имѣть, это можно было бы устроить,—началъ Таманскій заискивающимъ тономъ человѣка, вызывающаго собесѣдника на предложеніе услуги.

Но ничего подобнаго нельзя было сегодня дождаться отъ Степановскаго.

— Вы его не знаете, ваше превосходительство. Онъ—очень дикій человѣкъ. Къ нему даже и приступиться нельзя съ предложеніями какихъ бы то ни было услугъ... Сдержанности въ немъ рѣшительно никакой нѣтъ. Назвать въ глаза человѣка подлецомъ или негодяемъ, ему это ровно ничего не стоитъ... Къ тому же никто не знаетъ, гдѣ онъ теперь находится. Изъ той мѣстности онъ переѣхалъ, вѣроятно, для того, чтобы скрывать подольше мѣсто своего жительства отъ супруги, чтобъ у него дольше не отнимали дочь.

— Боже мой, какъ это все непріятно!—проговорилъ Таманскій, нервно потирая себѣ рукою лобъ. — И для чего все это? Можно было бы устроиться совсѣмъ иначе... Марья Алексѣевна вовсе не такая женщина,—ей самой очень тяжело прибѣгать къ такимъ крайнимъ мѣрамъ... Еслибы кто-нибудь взялъ на себя трудъ объяснить все это Астафьеву... Мы и не думаемъ разлучать его навсегда съ ребенкомъ, — можно было бы такъ устроить, чтобы дѣвочка проводила каждый годъ нѣсколько недѣль у отца... Но для этого необходимо сговориться, конечно, и сговориться спокойно, безъ исторій... Неужели нѣтъ никакой возможности заставить его все это понять?

— Право не знаю, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Степановскій.

Помолчавъ немного, онъ продолжалъ все тѣмъ же мрачнымъ тономъ:

— Все это очень непріятно, ваше превосходительство, я съ вами вполнѣ согласенъ. Теперь дѣло кончено и я могу говорить съ вами откровеннѣе, чѣмъ вначалѣ. Мнѣ лично Астафьевъ кромѣ оскорбленій и непріятностей ничего не сдѣлалъ, но тѣмъ не менѣе я долженъ сознаться, что честнѣе и неподкупнѣе личности трудно найти и что не будь онъ настолько наивенъ, намъ гораздо труднѣе было бы выиграть дѣло... Это Донъ-Кихотъ какой-то, антикъ въ своемъ родѣ... Онъ возмущается и приходитъ въ негодованіе отъ такихъ дѣяній, которыхъ даже неблаговидными нельзя назвать,—до такой степени мы привыкли,—что всѣ, рѣшительно всѣ, совершаютъ ихъ безъ стыда и совѣсти... Къ тому же натура пылкая и страстная до чрезвычайности, съ опредѣленными воззрѣніями насчетъ такихъ растяжимыхъ понятій, какъ законъ, истина и справедливость... Рѣшеніе суда произвело на него такое потрясающее дѣйствіе, что я нисколько не удивлюсь, если мнѣ скажутъ, что онъ съ ума сошелъ, застрѣлился или убилъ кого-нибудь...

— Позвольте, однакожъ,—прервалъ его Таманскій, котораго разсужденія адвоката приводили въ неописанное раздраженіе,—вы сейчасъ сказали, что мы будто бы обязаны выигрышемъ дѣла одной только наивности Астафьева, но мнѣ кажется, что болѣе ловкою защитой онъ только одного могъ достигнуть, а именно—оттяжки рѣшенія и ничего больше... Если ужь разъ фактъ преступленія существуетъ, — а что онъ существуетъ, въ томъ сомнѣваться нельзя, — даже такое печальное обстоятельство, какъ смерть этой дѣвушки, если только откроется, что она рѣшилась на самоубійство...

Ему не дали договорить. Степановскій былъ слишкомъ возбужденъ, чтобъ оставить своего сообщника въ пріятномъ заблужденіи.

— Ваше превосходительство,—началъ онъ, рѣзко отчеканивая каждое слово,—то, что намъ удалось открыть про эту дѣвушку, въ сущности такой вздоръ, что еслибы мы явились въ судъ съ однимъ только этимъ обвиненіемъ, насъ отослали бы назадъ ни съ чѣмъ. Наговорами на эту дѣвушку и на обращеніе съ нею Астафьева мы только набросили тѣнь на нравственность отвѣтчика и подготовили, такъ сказать, судей къ тому, чтобы выслушать главное обвиненіе, то-есть заявленіе того факта съ двумя свидѣтелями, безъ котораго всѣ остальныя доказательства не имѣютъ ровно никакого значенія...

Онъ пристально посмотрѣлъ на своего слушателя и смолкъ.

— Договаривайте, милостивый государь! Фактъ вымышленный, свидѣтели фальшивые?—отрывисто произнесъ Таманскій.

Онъ былъ очень блѣденъ и во взглядѣ выражалось сильное душевное страданіе и растерянность какая-то.

Маленькій адвокатъ пожалъ плечами.

— Всѣ разводы не по согласію дѣлаются такимъ образомъ, ваше превосходительство!—уклончиво отвѣчалъ онъ, подымаясь съ мѣста и отыскивая свою шляпу.—Не мы первые, не мы послѣдніе. Вотъ почему я повторяю, что никогда больше за подобное дѣло не возьмусь,—слишкомъ ужь грязно и положительно игра не стоитъ свѣчъ...

Онъ слегка поклонился и вышелъ очень поспѣшно, прежде, чѣмъ Дмитрій Николаевичъ успѣлъ опомниться и протянуть ему руку на прощаніе. Таманскій долго просидѣлъ на томъ же мѣстѣ, ничего не замѣчая. Онъ такъ глубоко задумался, что не слышалъ, какъ растворилась дверь и вошелъ камердинеръ,—не слышалъ легкаго покашливанія, которымъ хотѣли привлечь его вниманіе, и оглянулся только тогда, когда лакей громко произнесъ:

— Письмо изъ отеля, ваше превосходительство! Посланный ждетъ отвѣта.

Дмитрій Николаевичъ машинально протянулъ руку къ запискѣ, бѣлѣвшейся на серебряномъ подносѣ, съ которымъ стоялъ передъ нимъ камердинеръ, и точно такъ же машинально распечаталъ и прочелъ ее. Марья Алексѣевна спрашивала, пріѣдетъ ли онъ къ ней сегодня вечеромъ, и прибавляла къ этому, что она его ждетъ.

— Я сейчасъ напишу отвѣтъ,—сказалъ онъ, придвигаясь къ столу и протягивая руку къ чернильницѣ съ тѣмъ, чтобъ объявить ей, чтобъ она не ждала его ни сегодня, ни завтра. Онъ заѣдетъ къ ней, когда будетъ въ лучшемъ расположеніи духа...

— Экипажъ прикажете откладывать?—спросилъ камердинеръ.

— Какой экипажъ? Развѣ онъ еще не отложенъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Ваше превосходительство приказали ждать.

Дмитрій Николаевичъ посмотрѣлъ на часы. До ночи, до той минуты, когда можно будетъ лечь въ постель и забыться во снѣ, оставалось часовъ пять... Ему показалось невыносимо-тяжко провести эти пять часовъ одному и, перечитавъ еще разъ записку Марьи Алексѣевны, онъ приказалъ подать себѣ шляпу и перчатки.

Накрытый столъ въ столовой, мимо котораго онъ прошелъ, направляясь въ прихожую, напомнилъ ему, что онъ еще не обѣдалъ; но ему вовсе не хотѣлось ѣсть. Объявивъ камердинеру,

что онъ не будетъ обѣдать дома, но чтобъ ему приготовили чай къ девяти часамъ, онъ уѣхалъ.

Марью Алексѣевну онъ засталъ одну и въ очень веселомъ, возбужденномъ состояніи.

Волненіе ея проявлялось и въ быстрой, неровной походкѣ, которой она прохаживалась по своимъ двумъ большимъ комнатамъ, и по улыбкѣ, ни на минуту не сходившей съ ея губъ, и по голосу; но особенно ясно просвѣчивало оно въ ея красивыхъ, большихъ глазахъ,—такимъ сверкали они счастьемъ, что у Таманскаго невольно вырвался вопросъ:

— Что случилось? Ты вѣрно видѣла твою дочь?

— Аню?—удивилась она.—Съ чего ты это взялъ? Какъ же я ее увижу?

— Почемъ мнѣ знать!—холодно отвѣчалъ онъ, опускаясь на диванчикъ, съ котораго она встала, чтобы пойти къ нему на встрѣчу.—У васъ такой счастливый видъ,—прибавилъ онъ, оглядывая ее съ ногъ до головы съ иронической усмѣшкой.

— Мнѣ дѣйствительно очень весело сегодня,—замѣтила она, останавливаясь передъ нимъ,—съ утра все удачи. Какъ только проснулась, подаютъ записку отъ мадамъ Батениной, съ приглашеніемъ ѣхать съ нею завтра въ оперу, потомъ принесли костюмъ отъ Henriette... Посмотри, какая прелесть!

Она повернулась передъ нимъ на высокихъ коблучкахъ и, не замѣчая холоднаго равнодушія, съ которымъ онъ смотрѣлъ на нее, продолжала весело щебетать.

— Потомъ пріѣхалъ молодой Сининъ... Онъ собираетъ деньги на какія-то школы или пріюты... Я ему дала 25 рублей и онъ, кажется, остался доволенъ, да и понятно,—расписываясь въ книгѣ, я видѣла, больше десяти рублей никто не даетъ... При немъ пріѣхала графиня съ сестрой, а тамъ мадамъ Молотова, за мадамъ Молотовой кузина Софи, маленькій Клемишевъ,—однимъ словомъ, цѣлое утро были гости... Я приказала всѣхъ принимать, потому что раньше вечера тебя не ждала; но теперь никто намъ не будетъ мѣшать, а мнѣ надо о многомъ расспросить тебя... Прежде всего, что наше дѣло? Видѣлъ ты Степановскаго?

— Видѣлъ, онъ сію минуту былъ у меня.

Она слегка измѣнилась въ лицѣ.

— Rien de mauvais j'espère?

И, опустившись на диванъ рядомъ съ нимъ, Марья Алексѣевна тревожно заглянула ему въ глаза и нѣжно пожала ему руку.

— Напротивъ того,—все такъ же холодно отвѣчалъ Таманскій,—Степановскій просилъ меня передать вамъ свое поздравленіе,—дѣло перешло въ синодъ.

— Наконецъ-то!—вздохнула она счастливымъ вздохомъ.—Господи, какое счастье! Кончено наконецъ!

— Почти-что кончено. За синодъ Степановскій покоенъ.

— О, у насъ тамъ отличная поддержка!... Я не успѣла тебѣ сказать, но вѣдь графиня заѣзжала сегодня ко мнѣ для того, чтобы спросить, когда наше дѣло перейдетъ въ синодъ, и еще разъ повторила, чтобы мы на нее разсчитывали,— она нарочно поѣдетъ къ митрополиту... Не правда ли, какъ это любезно съ ея стороны?

— Очень.

Онъ высвободилъ свою руку изъ хорошенькихъ ручекъ, которыя въ порывѣ восторга нѣжно сжимали ее, и вынулъ портсигаръ.

— Съ графиней была ея племянница,—продолжала все съ тѣмъ же веселымъ одушевленіемъ Марья Алексѣевна.—Знаешь, та, что изъ Саратова пріѣхала?... Ну, помнишь, графиня просила назначить ея мужа на мѣсто того господина, котораго отдали подъ судъ?... Какъ его... Неужели и ты забылъ?

Дмитрій Николаевичъ такъ занялся раскуриваніемъ сигары, которая плохо загоралась, что, кажется, не слышалъ ея словъ, но ей было все равно и она продолжала, не дожидаясь отвѣта на свои вопросы:

— Графиня сказала, что пріѣдетъ завтра за отвѣтомъ, и я должна была обѣщать ей, что переговорю съ тобой... Потомъ была у меня мадамъ Липерова: все пристаетъ насчетъ брата...

— И охота вамъ принимать всѣхъ этихъ попрошаекъ! Объявили бы имъ разъ навсегда, что я съ вами никогда не разговариваю про дѣла и гораздо охотнѣе выслушиваю просителей въ министерствѣ...

— Вотъ еще!... Никогда я этого имъ не скажу! Съ какой стати? Какъ будто я не знаю, что за мной ухаживаютъ только потому, что надѣются достигнуть черезъ меня разныхъ благъ отъ г-на Таманскаго! Надо быть совсѣмъ глупой, чтобъ этого не понимать. Вѣдь всѣ эти визиты, комплименты и любезности посыпались на меня съ той минуты, когда ты объявилъ князю, что ожидаешь только окончанія моего развода, чтобы на мнѣ жениться,—продолжала Марья Алексѣевна со смѣхомъ.—Ну, и пусть воображаютъ, что хотятъ; а когда я буду твоей женой, тогда мнѣ будетъ рѣшительно все равно, будутъ ли думать, что я имѣю

на тебя вліяніе, или нѣтъ,—тогда ко мнѣ и безъ того будутъ ѣздить, ужь я знаю.

— Васъ, кажется, это очень забавляетъ? — сердито прервалъ онъ ее.

Все въ ней раздражало его сегодня—ея смѣхъ, каждое слово и движеніе—все. И ему стоило большаго труда сдерживать это раздраженіе.

— Очень,—отвѣчала она, не замѣчая ироніи вопроса.—Это такъ смѣшно! Представь себѣ, всеобщій интересъ къ нашему дѣлу до того доходитъ, что многія подробности изъ него лучше извѣстны публикѣ, чѣмъ намъ... Il paraît que m-r Astafieff s'est conduct d'une façon tout bonnement indecente, онъ всѣхъ поповъ возстановилъ противъ себя... Вчера мадамъ Яковлева у меня спрашивала, гдѣ мы будемъ вѣнчаться. Я ей сказала, что это еще не рѣшено...

Она смолкла на мгновеніе, а затѣмъ продолжала, съ прелестною улыбкой заглядывая ему въ глаза и въ нерѣшительности запинаясь передъ каждымъ словомъ.

— Я не знаю, Дмитрій, но мнѣ кажется... зачѣмъ намъ уѣзжать отсюда? Твой домъ такъ хорошъ... На лѣто можно было бы нанять дачу въ Царскомъ или въ Павловскѣ....

— Vous êtes folle, ma chère,—отрывисто проговорилъ онъ, поднимаясь съ мѣста и принимаясь ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Марья Алексѣевна обидѣлась, улыбка слетѣла съ ея губъ, брови сдвинулись и непріятныя мысли зашевелились въ мозгу. Всегда у Дмитрія Николаевича были странности, которыхъ она не могла понять, но съ нѣкоторыхъ поръ странности эти стали проявляться все рѣзче и рѣзче... «Онъ сдѣлался такой раздражительный, что съ нимъ положительно не знаешь о чемъ говорить», думала она, машинально перелистывая иллюстрированный журналъ, лежавшій передъ нею на столѣ.

Довольно долго длилось молчаніе; наконецъ, онъ прекратилъ свое хожденіе, остановился передъ столомъ, за которымъ она сидѣла, и, положивъ недокуренную сигару въ пепельницу, объявилъ, что Степановскій сообщилъ ему сегодня много непріятнаго.

— Но какже вы сказали, что дѣло уже перешло въ синодъ?

— Что это, Мари, у васъ одно только на умѣ! Я вамъ удивляюсь, право, вы никогда не думаете о другихъ!—замѣтилъ онъ съ досадой.

Она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— О какихъ это другихъ?

Подождавъ отвѣта, котораго не послѣдовало, Марья Алексѣевна замѣтила обиженнымъ тономъ, что гораздо было бы лучше прямо ей сказать, почему онъ сегодня не въ духѣ, чѣмъ мучить ее намеками, въ которыхъ она ничего не понимаетъ.

Но что могъ онъ сказать ей?

Собственно говоря, вѣдь въ такихъ фактахъ, какъ встрѣча его съ Николаемъ Ивановичемъ сегодня утромъ, точно также какъ и въ предположеніяхъ, высказанныхъ Степановскимъ насчетъ Насти и Астафьева,—въ этихъ фактахъ не было ничего особеннаго, ничего такого, что касалось бы личнаго благосостоянія и спокойствія Марьи Алексѣевны. Однакожь, въ *его* душѣ все это подняло великое и мучительное смятеніе,—смятеніе, съ часу на часъ усиливавшееся и которое, онъ это чувствовалъ, всю жизнь будетъ тяготить ему душу. Что же касается до Марьи Алексѣевны, можно чѣмъ угодно поручиться, что она останется совершенно равнодушна ко всѣмъ этимъ извѣстіямъ и что они даже ни на минуту не нарушатъ того блаженства, въ которомъ она утопаетъ съ тѣхъ поръ, какъ надѣется получить отъ жизни все, что ей требуется.

— Ты сдѣлался ужасно раздражителенъ, Дмитрій! Просто не знаешь, о чемъ съ тобой говорить,—повторила она вслухъ мысль, вертѣвшуюся у нея на умѣ.—И что за причина, скажи пожалуста? Дѣла наши, слава Богу, устраиваются какъ нельзя лучше, все намъ удается, по службѣ ты идешь такими гигантскими шагами, что всѣ удивляются и завидуютъ тебѣ, разводъ мой кончится раньше, чѣмъ мы воображали,—чего же тебѣ еще надо? Я, право, не понимаю...

— О, я давно вижу, что мы не понимаемъ другъ друга!—вырвалось у него.

— Да?—протянула она растеряннымъ тономъ.

Она, кажется, не знала, *какъ* отнестись къ его словамъ, оскорбиться ими, или оставить безъ вниманія,—но онъ молчалъ и она предпочла послѣднее.

— Мнѣ кажется, что когда любишь человѣка, то нѣтъ больше счастья, какъ дѣлать ему пріятное,—начала разсуждать Марья Алексѣевна, принимая молчаніе своего слушателя за смущеніе и ободренная этимъ смущеніемъ.—Ты видишь, что я начинаю привыкать къ Петербургу и къ здѣшнему обществу, что мнѣ здѣсь

пріятнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и что для меня будетъ большое горе, если ты бросишь службу,—все это ты знаешь, Дмитрій,—и еслибъ ты дѣйствительно любилъ меня, ты не сталъ бы рисковать твоей карьерой, покидая Россію даже на время...

Она положила ему руку на плечо и договорила фразу очаровательнымъ взглядомъ.

Онъ тоже на нее смотрѣлъ и такъ пристально, что ей сдѣлалось немного жутко отъ этого взгляда,—не было въ немъ ни прежней нѣжности, ни страсти, а только странное любопытство какое-то, какъ будто ему хотѣлось разглядѣть въ ней что-то новое, что-то такое, чего онъ раньше никогда не замѣчалъ въ ней.

— Дѣло не въ томъ,—прошепталъ онъ, наконецъ, едва слышно.

Онъ снялъ ея руку со своего плеча, сѣлъ въ кресло противъ нея и началъ говорить тѣмъ серьезнымъ, нетерпящимъ возраженій, голосомъ, которымъ онъ съ нѣкоторыхъ поръ все чаще и чаще говорилъ съ нею.

— Мы поѣдемъ за границу на будущей недѣлѣ и какъ только получимъ извѣстіе объ окончаніи развода, обвѣнчаемся въ первой попавшейся русской церкви. Что же касается до вашей дочери, ей только девять лѣтъ...

— Восемь!—поспѣшно поправила его Марья Алексѣевна.

— Все равно. Я во всякомъ случаѣ не вижу надобности брать ее отъ отца сейчасъ. Это было бы и жестоко, и вполнѣ безцѣльно съ нашей стороны... Она еще такъ мала, что заниматься серьезно ея воспитаніемъ можно и повременить...

— А какже ваша служба?

Глухое раздраженіе, которое ему отчасти удалось подавить въ себѣ, вспыхнуло съ новою силой отъ этого вопроса.

— Какъ моя служба васъ интересуетъ, однако!—засмѣялся онъ злымъ, натянутымъ смѣхомъ.—А кстати о службѣ: знаете ли вы, что вашъ мужъ выходитъ въ отставку?

Онъ произнесъ этотъ вопросъ, откинувшись на спинку кресла и устремивъ на нее пристальный, пытливый взглядъ.

Люди утверждавшіе, что Таманскій, не взирая на его деликатность чувствъ и утонченную вѣжливость обращенія, человѣкъ злопамятный и подчасъ крутой,—эти люди хорошо знали этотъ взглядъ. Но Марья Алексѣевна ничего не замѣчала,—ей только было досадно, что онъ отклоняется отъ прямаго отвѣта на ея вопросъ, вотъ и все.

— Николай Ивановичъ подалъ въ отставку? — повторила она.—Такъ что-жь изъ этого?

— Когда я это узналъ, — продолжалъ онъ все съ тою же двусмысленной усмѣшкой,—мнѣ такъ захотѣлось послѣдовать его примѣру, что я тоже рѣшился превратиться въ обыкновеннаго смертнаго. Степановскій увѣряетъ, что г. Астафьеву теперь грозитъ голодная смерть, а я даже и этимъ не рискую,—вѣдь я человѣкъ богатый... Такъ думаютъ, по крайней мѣрѣ.

Выраженіе испуга, выражавшееся въ ея глазахъ и возраставшее съ минуты на минуту, подзадоривало его продолжать свою рѣчь въ томъ же духѣ.

— А что, если вы, вдругъ, узнаете, что у меня ничего нѣтъ? Вѣдь мои денежныя обстоятельства вамъ неизвѣстны? Вы только слышали, что у меня есть имѣнія, дома, но все это можетъ-быть давно заложено и перезаложено, меня могли раззорить разные мошенники, я могъ всего лишиться по своей собственной неосторожности... Это такое обыкновенное явленіе въ нынѣшнее время.

— Полно шутить, Дмитрій, — прошептала она дрожащими губами.

— Я не шучу,—я въ самомъ дѣлѣ раззоренъ... Еслибъ вы слышали, какъ меня третировалъ сегодня Степановскій!... Да и не онъ одинъ...

Онъ вспыхнулъ и глаза его сверкнули.

— Какъ вы думаете, можно это когда-нибудь забыть?—Никогда!... Простить тоже нельзя... Какъ же жить послѣ этого?

— Я не понимаю, про что ты говоришь, Дмитрій...

— И кто въ этомъ виноватъ? — продолжалъ онъ, не вслушиваясь въ ея слова,—вотъ въ чемъ вопросъ! Самъ я, вы, или то нелѣпое воспитаніе, которое мнѣ дала мать?... Помните ту ночь въ Венеціи? Мы плыли мимо палаццо Левенринга, намъ было такъ хорошо!... Я васъ умолялъ не добиваться развода, довольствоваться моею любовью да уваженіемъ тѣхъ немногихъ, для которыхъ черное всегда останется чернымъ, а бѣлое бѣлымъ, какими бы красками и тѣнями оно ни было раскрашено, но вы не захотѣли меня слушать... Когда я вспоминаю эту ночь, мнѣ кажется, что вы всему причиной...

— Но если въ самомъ дѣлѣ ваше состояніе такъ разстроено,—прервала она его, съ твердымъ намѣреніемъ заставить высказаться опредѣленнѣе,—въ такомъ случаѣ мы хорошо сдѣлали, что вернулись въ Россію.

— О, тогда я былъ еще богатъ!... Я былъ еще богатъ,— задумчиво повторилъ онъ.

Но, помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

— Ну, а теперь у меня, кажется, ничего не осталось... Увѣряю васъ, что я не знаю, *чѣмъ* я буду жить.

Она начинала вѣрить. Онъ былъ такъ блѣденъ, въ глазахъ его выражалось такое отчаянье, голосъ звучалъ такою грустью: такъ притворяться нельзя... Передъ нею сидѣлъ дѣйствительно несчастный человѣкъ, приниженный и оскорбленный... Никогда еще не видала она его *такимъ*... «Что случилось?» —спрашивала она себя съ возраставшимъ ужасомъ.

А онъ между тѣмъ продолжалъ говорить, но все так же загадочно и темно:

— Вотъ вы узнали, что служебная моя карьера кончилась, что я ничего больше не значу въ свѣтѣ, что, прикрываясь моимъ именемъ, нельзя больше совершать беззаконій, нельзя насиловать ничью совѣсть, а завтра вы узнаете, что я бѣденъ... И все-таки вы должны будете выйти за меня замужъ, потому что нельзя иначе,—не даромъ же мы на все пошли для достиженія цѣли... И наконецъ, что скажетъ свѣтъ?... Свѣтъ, — продолжалъ онъ съ горькой усмѣшкой,—вѣдь онъ намъ все проститъ за уступку, которую мы для него сдѣлали,—все, не правда ли? Ложь, клевету, убійство, все, все!... Свѣтъ у меня не спроситъ, почему я краснѣю и оборачиваюсь, когда за моею спиной произносятъ такія слова, какъ подлецъ и негодяй...

— Дмитрій, что за ужасы ты говоришь!... Перестань, ради Бога!—вскричала она умоляющимъ тономъ.—Я знаю, что ты шутишь, но все-таки...

Но все-таки мистификація удалась какъ нельзя лучше. Марья Алексѣевна перепугалась не на шутку: она вся дрожала, глаза ея наполнились слезами и, обнимая своего будущаго мужа, она прижималась къ его груди какъ ребенокъ, который прячется отъ страшнаго призрака.

Дмитрій Николаевичъ опомнился; но, извиняясь за неумѣстную шутку, предлагая ей воды и совѣтуя лечь раньше спать и успокоиться, онъ продолжалъ смотрѣть на нее все тѣмъ же холоднымъ, безпощаднымъ взглядомъ, полнымъ упрека и презрѣнія.

Ему теперь было совсѣмъ ясно, что онъ давно ее не любитъ.

Н. Северинъ.

Когда и почему возникла рознь въ Россіи между «командующими классами» и «народомъ» *).

Предлагаемъ читателямъ нашего журнала обратить особое вниманіе на статью уважаемаго И. И. Дитятина. Она вноситъ яркій свѣтъ въ вопросъ, поднятый газетою *Русь*, о розни, существующей у насъ между «командующими классами» и народомъ.

Вопросъ этотъ особенно важенъ въ настоящее время, когда эти «командующіе» классы у насъ призваны къ переустройству русской жизни на новомъ основаніи, положенномъ минувшимъ царствованіемъ въ призваніи къ гражданскому полноправію милліоновъ русскихъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости.

Утвержденіе о существованіи такой розни съ особою силой пущено въ ходъ и обращается въ нашемъ обществѣ, приковываетъ къ себѣ его вниманіе и довѣріе и получаетъ особое значеніе въ глазахъ власть имѣющихъ, а между тѣмъ остается безъ всякаго анализа, невыясненнымъ, недоказаннымъ. Несмотря на свою безсодержательность и голословность, оно направлено нѣкоторыми преимущественно противъ интеллигенціи, образованной, конечно, западною наукой, такъ какъ другой науки не имѣется. Эта интеллигенція объявлена, едва не въ полномъ своемъ составѣ, источникомъ всѣхъ крамолъ, чуть - чуть не врагомъ народа и основныхъ началъ нашего государства, а пожалуй даже и государства вообще. Такое голословное обвиненіе въ глазахъ многихъ, не привыкшихъ давать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ, принимаетъ значеніе несомнѣнной истины, а при слабомъ у насъ просвѣщеніи и непониманіи многими, что въ самой же наукѣ и свободѣ независимой мысли—разумѣется, серьезной—живетъ сила, способная исправлять всѣ уклоненія послѣдней отъ прямаго

*) Выраженія газеты *Русь*.

**) Мы разумѣемъ здѣсь и далѣе подъ міровоззрѣніями не то, что разумѣетъ напр. Шеллингъ подъ словомъ Weltanschaung, а пониманія, убѣжденія, вырабатываемыя логическою силою ума или при посредствѣ наукъ, или путемъ непосредственныхъ наблюденій и опыта жизни, независимо отъ того, чѣмъ могутъ разниться взгляды людей одного и того убѣжденія, но принадлежащіе къ разнымъ народностямъ.

пути,—можетъ повести многихъ къ желанію насиловать самую мысль, стѣснять слово и просвѣщеніе.

Если дѣйствительно существуетъ такая рознь между интеллигенціей и народомъ, что нѣтъ между ними ничего общаго, никакихъ общихъ интересовъ,—кто же изъ образованныхъ людей можетъ принять на себя участіе въ дѣлѣ преобразованій, которыхъ требуетъ народная жизнь и нетерпѣливо ожидаетъ народъ? На такое, скажутъ, дѣло имѣетъ право только та часть интеллигенціи, которой міровоззрѣніе тожественно совпадаетъ съ міровоззрѣніемъ необразованнаго класса. Но развѣ возможно такое совпаденіе или тожество? Неужели богатство пріобрѣтеннаго знанія и наука, изощряющія умъ и расширяющія умственный кругозоръ, проходятъ безслѣдно для человѣка и ни въ чемъ не измѣняютъ его міровоззрѣнія? Кто можетъ рѣшиться утверждать подобное?

Если же различіе въ міровоззрѣніяхъ между интеллигенціей и простымъ народомъ неизбѣжно, неминуемо, то возникаетъ вопросъ: обусловливается ли этимъ рознь между ними, и притомъ такая, что исчезаетъ для нихъ всякая общность въ интересахъ и они становятся чуждыми другъ для друга, даже врагами, какъ утверждаютъ нѣкоторые? И если встрѣчается иногда что-нибудь подобное, то отъ различія ли въ образованіи зависитъ это, или отъ чего инаго? Неужели человѣкъ, переставъ жить непосредственною жизнью и получивъ образованіе, а слѣдовательно и видоизмѣнивъ свое міровоззрѣніе, становится чуждымъ для своего народа, неимѣющимъ ничего общаго съ нимъ? Неужели Лессингъ, поднявшій и выдержавшій ожесточенную и побѣдоносную борьбу съ гамбургскимъ пасторомъ Гёцъ противъ самыхъ основаній лютеранскаго вѣроисповѣданія*) перестать быть представителемъ нѣмецкаго національнаго ума? Неужели Шиллеръ, особенно въ началѣ своей литературной дѣятельности, проникнутый духомъ ученія Ж.-Ж. Руссо,—неужели Гёте, пантеистъ и, какъ называли его, «великій язычникъ XIX вѣка»,—неужели великіе Кантъ, Фихте, Шеллингъ и Гегель, которыхъ политическія и религіозныя убѣжденія совершенно расходились съ убѣжденіями простыхъ необразованныхъ классовъ нѣмецкаго народа,—неужели они не были представителями нѣмецкаго народнаго духа, были чужды нѣмецкому народу и не имѣли съ нимъ никакихъ общихъ интересовъ?

Въ чемъ же и какъ могутъ наука, какъ наука, и научное образованіе, хотя бы заимствованное извнѣ, противорѣчить духу какого-нибудь народа?

Все это—вопросы, на которые должно отвѣтить прежде, чѣмъ говорить о розни между нашей интеллигенціей и народомъ и утверждать причину ея въ самомъ образованіи нашемъ.

Мы, съ нашей стороны, вполнѣ убѣждены, что собственно розни между нашей интеллигенціей и особенно тою частью ея, которая по праву носитъ

*) Объ этомъ замѣчательномъ спорѣ мы надѣемся представить нашимъ читателямъ особую статью. *Ред.*

такое названіе, и простымъ русскимъ народомъ не существуетъ, а есть только между ними различіе въ міровоззрѣніяхъ, какъ мы сказали, неизбѣжное. Съ этимъ не можетъ не согласиться тотъ, кто только внимательно всматривался въ русскую жизнь. Но простой народъ вѣротерпящъ ко всѣмъ мнѣніямъ и воззрѣніямъ, хотя и не равнодушенъ къ дѣлу. Для него свобода совѣсти — не новое слово. Всякій, кто только живетъ среди простаго народа, кто только входитъ въ соприкосновеніе съ нимъ, знаетъ, съ какимъ уваженіемъ относится онъ къ знанію, къ наукѣ, къ дѣльной, просвѣщенной мысли, къ образованному человѣку, если послѣдній не возбуждаетъ его недовѣрія къ себѣ какими-либо своими, чисто личными, корыстными цѣлями,—и какъ онъ неравнодушенъ ко всѣмъ общегражданскимъ и человѣческимъ интересамъ. Каждый, жившій въ деревнѣ, знаетъ, какъ довѣрчиво и часто русскій крестьянинъ обращается къ образованному человѣку за совѣтомъ и наставленіемъ, опять-таки если не подозрѣваетъ послѣдняго въ эгоистическихъ, узкихъ цѣляхъ. Это—съ одной стороны; а съ другой—припомнимъ, какъ поступали русскіе интеллигентные классы въ вопросахъ, касавшихся ихъ интересовъ, когда рѣчь заходила объ общенародномъ дѣлѣ, хотя бы въ вопросѣ о податяхъ. Не единогласно ли всѣ губернскія земства, составленныя преимущественно изъ образованныхъ людей, признали необходимость уравненія ихъ въ податяхъ со всѣми остальными классами народа? Не во всѣхъ ли вопросахъ, касающихся нашей экономической и гражданской жизни, вся наиболѣе просвѣщенная часть нашей интеллигенціи стояла и стоитъ на сторонѣ простаго народа? И народъ это знаетъ. Не переполнена ли наша литература заботами объ интересахъ его? Не излюбленная ли тема всѣхъ почти литературныхъ произведеній—бытовая жизнь, требованія, нужды и чаянія простаго русскаго человѣка? Не онъ ли—главный герой всѣхъ нашихъ поэтическихъ произведеній и въ прозѣ, и въ стихахъ? Не изученіе ли народнаго быта исполняетъ энтузіазмомъ нашу интеллигенцію, преимущественно ея молодое поколѣніе? Не одушевлено ли послѣднее глубокимъ и пламеннымъ желаніемъ преискренне слиться съ народною жизнью и отдать на служеніе народу все свое знаніе и свою жизнь?

Можно ли при всемъ этомъ говорить о розни, да еще едва ли примиримой, между русскою интеллигенціей и народомъ?

Въ великихъ дѣлахъ съ великими вопросами надо обращаться съ крайней осторожностью и самою строгою осмотрительностію.

А какое дѣло можетъ быть для насъ выше и важнѣе нашего призванія, какъ интеллигенціи, сознать нужды, требованія и стремленія народа, съ которымъ мы органически соединены, и тѣмъ хотя частію заплатить за наше образованіе, купленное цѣною тяжкаго народнаго труда и великаго его долготерпѣнія? Какой вопросъ можетъ быть для насъ больше, по своему великому значенію, вопроса: способны ли мы, готовы ли мы на такое дѣло? Это наше *быть* или *не быть*.

Есть ли разница между «командующими» классами русскаго народа и остальными, какъ утверждаетъ газета *Русь*, или нѣтъ? Если есть и не въ образованности ея причина, то въ чемъ же? На этотъ чрезвычайно важный вопросъ отвѣчаетъ статья талантливаго профессора Харьковскаго университета, которую мы предлагаемъ нашимъ читателямъ.

Много въ послѣднее время пущено въ оборотъ разныхъ словъ, выраженій, утвержденій, афоризмовъ о русскомъ народѣ, объ его природѣ, его идеалахъ—семейныхъ, общественныхъ, государственныхъ, безъ опредѣленія ихъ точнаго значенія, содержанія, безъ доказательствъ. Одно и то же слово, одно и то же выраженіе принимаютъ въ разныхъ смыслахъ: для однихъ они—пустыя звуки, для другихъ—заключаютъ въ себѣ глубокое содержаніе. Одно и то же положеніе для однихъ—ложь, для другихъ—великая правда. Одно и то же теоретическое построеніе русской жизни для однихъ—фантазія произвольно построенная, для другихъ—нѣчто въ родѣ откровенія свыше, за каждую іоту котораго они готовы умирать.

Результатомъ всего этого—смута, рознь въ умахъ, вслѣдствіе которой расходятся иногда враждебно люди, которые бы могли и должны были идти рука объ руку,—тратятся безплодно, въ безполезныхъ препирательствахъ, и время, и силы, столь нужныя теперь для дѣла.

Кого въ этомъ винить?

Прежде всего тѣхъ, кто употребляетъ слова и выраженія, не опредѣливъ, не установивъ предварительно смысла, который имъ придаютъ,—понятія, которое ими обозначаютъ... Къ какимъ прискорбнымъ недоразумѣніямъ можетъ вести все это, могутъ служить образчикомъ первыя страницы, глубоко вѣрной во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, статьи И. И. Дитятина.

Кто же изъ знающихъ лично И. С. Аксакова, и когда, могъ обвинять его въ желаніи двинуть назадъ русскій народъ, къ жизни его въ XVI и XVII вѣкѣ, къ умственнымъ и нравственнымъ идеаламъ попа Сильвестра,—въ томъ, что онъ въ образованности, въ наукѣ видитъ источникъ нравственнаго паденія?—Никто и никогда. И. С. Аксакова мы знаемъ хорошо и также намъ хорошо извѣстно,—да и не намъ однимъ,—какъ ему дорого широкое, свободное развитіе русскаго народа, какъ высоко онъ цѣнитъ науку. Тѣмъ не менѣе, изъ того, что онъ говоритъ печатно, изъ его неясныхъ выраженій и недоказанныхъ, не выясненныхъ афоризмовъ почтенный авторъ предлагаемой статьи могъ вывести то заключеніе, которое онъ высказалъ, и написать филиппику, которую подсказала ему горячая любовь къ народу русскому.

Мы желаемъ статьею г. Дитятина, между прочимъ, вызвать г. Аксакова на болѣе точное и подробное выясненіе его мыслей, дабы уничтожить всѣ недоразумѣнія.

Мы бы желали узнать отъ него, что разумѣетъ онъ подъ «духовною сущностью русскаго народа, сохранившеюся», однако, только «въ низшихъ слояхъ его», и которой онъ противуполагаетъ образованіе, сооб-

щаемо «западною» наукою. Въ чемъ именно состоитъ эта сущность? Почему эта сущность, будучи сущностью самой природы народа, какъ народа русскаго, не выдерживаетъ натиска образованія? Можетъ ли называться сущностью какого-нибудь народа то, что исчезаетъ отъ болѣе или менѣе сильнаго соприкосновенія съ наукою, разумѣется, западною, ибо другой науки нѣтъ? Значитъ, еслибы теперь весь народъ образовался, онъ пересталъ бы быть русскимъ народомъ?... Такъ ли это? Дѣйствительно ли сущность русскаго народа то, что разумѣетъ подъ этимъ словомъ И. С., или не лежитъ ли рѣшеніе этого затрудненія въ чемъ-нибудь такомъ, что онъ упускаетъ изъ виду, или о чемъ не хочетъ упомянуть?... Почему наука, какъ compendium несомнѣнныхъ истинъ, имѣющихъ общечеловѣческое значеніе, долженствуя имѣть и всюду имѣющая положительное оправстливающее, созидающее значеніе, у насъ, по увѣренію И. С., покупается,— такъ ли это? — цѣною нравственнаго паденія, слѣдовательно становится силою безнравственною, разрушающею? Если это такъ, то чѣмъ обусловлено такое явленіе?

Желательно также, чтобъ Иванъ Сергѣевичъ объяснилъ, что̀ онъ разумѣетъ подъ словомъ народъ, такъ какъ онъ противуполагаетъ ему и выдѣляетъ изъ него видную и не малую часть—интеллигенцію? Во всемъ ли ея составѣ отрѣшаетъ онъ послѣднюю отъ народа, или только часть ея? Что разумѣетъ И. С., говоря, что интеллигенція не одному Богу съ народомъ молится? Не въ религіозномъ же смыслѣ онъ разумѣетъ это, иначе онъ долженъ будетъ, во-первыхъ, признать, что мыслители Германіи, Франціи, Англіи и т. д., расходившіеся съ своимъ народомъ въ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ, переставали быть нѣмцами, французами, англичанами и т. д.,—и, во-вторыхъ, исключить изъ русскаго народа милліоны русскихъ сектантовъ, такъ-называемыхъ раціоналистовъ, которые однако всѣ принадлежатъ къ тому именно классу, который живетъ сущностью русской народной жизни. Если онъ имѣетъ въ виду различіе въ міровоззрѣніяхъ русскаго интеллигентнаго человѣка и русскаго, живущаго непосредственною жизнью, то возникаетъ вопросъ: не желательно ли съ этой точки зрѣнія задержать распространеніе образованія на людей необразованныхъ классовъ, дабы они не видоизмѣнили своего міровоззрѣнія и не перестали молиться тому Богу (въ смыслѣ міровоззрѣнія), которому теперь молятся?

И. С., защищая, какъ абсолютно-истинную и даже возводя въ принципъ во всѣхъ ея подробностяхъ, теорію государственнаго идеала русскаго народа, изложенную въ запискѣ К. С. Аксакова, поданной имъ покойному Государю, которая заключаетъ въ себѣ несомнѣнно русскія черты и стороны, но въ то же время требуетъ объясненій и доказательствъ основнаго положенія, на которомъ она построена и изъ котораго вытекаютъ другія черты и подробности,—не даетъ ни этихъ объясненій, ни этихъ доказательствъ, вслѣдствіе чего эта теорія представляется произвольнымъ обобщеніемъ, произвольнымъ возведеніемъ въ идеалъ и въ принципъ періода

уже прожитаго русскимъ народомъ, сравнительно короткаго съ его тысячелѣтней историческою жизнью. Остается безъ должныхъ объясненій, почему именно этотъ періодъ принимается за идеальный по своимъ принципамъ, а послѣдующимъ за нимъ вѣкамъ приписывается только отрицательное значеніе. Безпримѣрность такого явленія въ исторіи народовъ, не закончившихъ своей жизни, не умершихъ, логическая невозможность такой отрицательной жизни для народовъ живыхъ, слѣдовательно все болѣе и болѣе развивающихся, заставляетъ предполагать, что причиною такого предпочтенія одного періода прочимъ—должна же вѣдь быть какая-нибудь *тому причина*—убѣжденіе, что жизнь въ этомъ періодѣ была идеально-прекрасною. А отсюда до предположенія желанія возвратить золотой вѣкъ недалеко. Такъ, по милости неполнаго разъясненія дѣла, возникаетъ обвиненіе г. Аксакова въ желаніи двинуть русскую жизнь назадъ.

Принимая, какъ несомнѣнно истинныя, слѣдующія общія положенія первоначальныхъ славянофиловъ: ихъ религіозно-философско-нравственное начало, которое въ переводѣ на языкъ жизни есть идеалъ всемірнаго христіанскаго братства, ихъ требованія полной свободы совѣсти и слова, какъ абсолютно необходимыхъ условій нормальной человѣческой жизни, ихъ вѣру во внутреннюю правду, какъ основаніе всякой внѣшней правды, безъ котораго послѣдняя обращается въ ничто, ихъ призывъ къ цѣльности личной жизни, къ самобытности и самостоятельности, въ противуположность раболѣпству передъ чужимъ, механически, на вѣру въ авторитетъ, безъ критики принятымъ, ихъ требованія неприкосновенности бытовыхъ основаній русской жизни и вѣрность послѣднимъ, ихъ признаніе общиннаго или, расширяя это понятіе, соборнаго начала, какъ начала русской жизни,—принимая все это, нельзя не остановиться съ недоумѣніемъ и недовѣріемъ передъ основнымъ положеніемъ теоріи К. С. Аксакова, изъ котораго вытекаютъ многія ея подробности. Онъ утверждаетъ, что русскій народъ «не имѣетъ въ себѣ политическаго элемента», и потому «онъ отдѣлилъ отъ себя государство». Это составляетъ главную центральную мысль основнаго положенія, съ которою согласиться никоимъ образомъ невозможно, особенно если тутъ идетъ рѣчь о самой природѣ русскаго народа, а не о временномъ его состояніи. Далѣе онъ утверждаетъ, что русскій народъ «государствовать не хочетъ». Здѣсь только неясность въ томъ, чтó разумѣется подъ словомъ *государствовать*.

Можетъ ли существовать, мыслимъ ли народъ, котораго природа (мы говоримъ о природѣ народа, ибо въ противномъ смыслѣ теорія К. С. Аксакова теряетъ всякое принципіальное значеніе) была бы лишена политическаго элемента? Ссылка на Риля ничего не доказываетъ. Риль—не такой авторитетный мыслитель, передъ словомъ котораго должны умолкнуть всѣ сомнѣнія. Что такое политическіе элементы въ природѣ народа или человѣка, какъ не ихъ политическіе инстинкты и стремленія, ихъ политическое сознаніе и политическая дѣятельность? А что такое эти послѣдніе,

какъ не акты ихъ самосознанія? Народъ, какъ и отдѣльный человѣкъ, достигнувъ высоты яснаго и полнаго самосознанія, знаетъ самого себя, свое право, какъ народа, полагаетъ цѣли для своихъ стремленій и своей дѣятельности, сознаетъ свои отношенія ко всему имѣющему вліяніе на его внутреннюю и внѣшнюю жизнь и на его дѣятельность и стремится выработать прочныя формы и условія для нихъ. Все это составляетъ элементы политической жизни народа. Отказывать народу въ способности ко всему этому значитъ отказывать ему въ способности къ самосознанію. Еслибы сказанное основное положеніе не было ошибкою, то было бы клеветой на русскій народъ, создавшій сильное государство. Изъ того, что русское народное самосознаніе не достигло полноты и силы, не значитъ еще, что оно никогда ихъ не достигнетъ.

Также невозможно утверждать, что русскій народъ «отдѣлилъ отъ себя государство». Возможно ли, мыслимо ли такое отдѣленіе вообще? Несомнѣнная правда, что русскій народъ въ продолженіе всей своей исторіи до нашихъ дней не мыслилъ себя безъ единоличной верховной власти—сначала безъ князя, потомъ безъ царя, какъ верховнаго представителя правды и какъ защитника отъ враговъ; но отсюда до отдѣленія отъ себя государства—разстояніе великое. Съ какимъ видомъ проявленія свободы духа и жизни (мысли и слова) человѣка, съ какою дѣятельностію его не связаны тѣсно и неразрывно акты и проявленія дѣятельности государства, до какихъ глубинъ народной жизни, до какихъ такъ-сказать угловъ и закоулковъ ея не проникаютъ они!... Если государство есть представитель и вмѣститель внѣшней правды, то эта правда не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только формою внутренней правды, хотя и не исчерпывая послѣдней, ибо правда — одна и двухъ правдъ не можетъ быть. А какъ отдѣлить форму отъ содержанія? Возможно это только въ отвлеченномъ мышленіи, но не въ жизни.

Отъ внутренней правды мы неминуемо приходимъ къ внѣшней и отъ внѣшней восходимъ къ внутренней, съ тою только разницей, что первый путь есть путь царственный, свободный, а второй—принудительный, рабски подчиняющій законамъ правды, но, говоря вообще, неизбѣжный.

Формальная сторона всякой частной, не государственной, дѣятельности человѣка и народа входитъ въ соприкосновеніе съ жизнью государства всегда формальною, или согласуется съ нею, или приходитъ въ столкновеніе.

Что касается до того, что народъ русскій «государствовать не хочетъ», то это можетъ быть вѣрно или невѣрно, смотря по тому, какой смыслъ придается слову «государствовать». Если подъ этимъ разумѣть, что онъ не хочетъ стать верховною властью надъ самимъ собой, устранивъ лицо, облеченное ею, или стѣснивъ свободу его дѣйствій,—такъ это истина несомнѣнная. Не принимая въ разсчетъ затѣй боярства, разныхъ бывшихъ боярскихъ партій, изъ которыхъ одна даже выкрикнула разъ на московскій престолъ

своего, боярскаго, царя Василія Шуйскаго, народъ русскій во всей своей совокупности никогда, какъ мы уже сказали, не мыслилъ себя безъ *всенародно* излюбленной единоличной власти—сперва князя, а потомъ самодержавнаго царя. Если же подъ государствованіемъ разумѣется участвованіе въ государственномъ дѣлѣ въпредѣлахъ, не нарушающихъ правъ верховной власти, то отрицаніе отсутствія такого желанія въ русскомъ народѣ несправедливо.

Пока не будетъ доказано и выяснено основное положеніе теоріи К. С. Аксакова о государственныхъ идеалахъ русскаго народа, принимаемой И. С. Аксаковымъ за непреложно-истинную во всѣхъ ея частяхъ, она будетъ имѣть значеніе не столько теоріи, сколько лирическаго произведенія въ прозѣ,—пѣсни, вырвавшейся изъ прекрасной и глубоко-русской души,—пѣсни, раскрывающей основное стремленіе русскаго духа къ жизни мира и свободы, къ общенію въ любви съ верховною властію и остальнымъ, объединеннымъ соборною жизнью, народомъ.

Мы увѣрены, что Иванъ Сергѣевичъ разъяснитъ все неясное въ его словахъ и тѣмъ разсѣетъ возникшія недоразумѣнія.

Ред.

L'âge d'or du genre humain n'est point derrière nous, il est au devant; il est dans la perfection de l'ordre social...

Въ концѣ мая нынѣшняго года съ каѳедры старѣйшаго изъ нашихъ университетовъ, чествуемый всею просвѣщенною Россіей, маститый хирургъ нашъ Н. И. Пироговъ говорилъ, обращаясь къ своимъ многочисленнымъ слушателямъ, между прочимъ слѣдующее: «Относясь болѣе объективно къ прошлому и къ настоящему, я не могу не отдать предпочтенія послѣднему... Вы видите передъ собой человѣка *прошлаго* времени, стоящаго въ дверяхъ вѣчности, который смѣло воодушевляетъ васъ надеждою и провозглашаетъ благоденствіе будущему, въ твердомъ упованіи, что Россія... пойдетъ по тому великому пути, который открытъ для нея безсмертными дѣлами Царя-Освободителя». Это говорилъ человѣкъ науки и вмѣстѣ практической дѣятельности въ истинномъ смыслѣ этихъ словъ,—человѣкъ, посвящавшій себя тому и другому въ теченіе періода времени большаго чѣмъ полстолѣтіе. Періодъ времени, думаемъ, достаточный для того, чтобы человѣкъ, одаренный недюжиннымъ умомъ, вооруженный научными знаніями, могъ, наблюдая ходъ общественно - государственной жизни, въ которой онъ притомъ принималъ живое участіе, придти къ болѣе или менѣе вѣрному воззрѣнію на развитіе, теченіе этой жизни. Такой человѣкъ пришелъ, какъ мы видимъ, къ взгляду совершенно тождественному съ тѣмъ, который вы-

сказывается въ выписанномъ нами эпиграфѣ однимъ изъ западно-европейскихъ мыслителей.

Мы выбрали данный эпиграфъ и привели мѣсто изъ рѣчи Пирогова никакъ, разумѣется, не потому, чтобы въ нихъ заключалось что-либо новое, доселѣ неизвѣстное: мысль въ нихъ высказанная — мысль давно извѣстная, ставшая давно азбучною истиной. Мы остановились на ней въ данномъ случаѣ потому, что она высказана была при такой, не совсѣмъ обыкновенной на Руси, обстановкѣ и такимъ далеко незауряднымъ въ нашемъ отечествѣ человѣкомъ; этого объясненія, разумѣется, мало для того, чтобы занимать вниманіе читателя истинами въ родѣ той, что дважды два — четыре. Маститый юбиляръ, смѣемъ думать, занималъ высказанною имъ мыслью вниманіе своихъ слушателей, разумѣется, не потому только, что онъ долженъ былъ сказать этимъ слушателямъ что бы то ни было; это въ особенности нужно сказать о заключительныхъ словахъ его рѣчи. И мы приводимъ эти слова человѣка, жизнь котораго, какъ мы уже сказали, цѣлое полстолѣтіе посвящена была наукѣ и практической общественной дѣятельности, не потому только, что имѣемъ возможность занять нѣсколько страницъ печатнаго журнала.

Дѣло въ томъ, что уже не мало лѣтъ въ средѣ нашей, такъ не обильной органами, печати нѣкоторыми изъ ея представителей высказываются и развиваются мысли діаметрально-противоположныя той, на которую мы только-что указали. Вооружившись храбростью, достойною лучшаго дѣла, эти представители печати, съ легкимъ сердцемъ, «ничтоже сумняшеся», проповѣдуютъ необходимость возвращенія нашего отечества вспять, — возвращенія его къ тому строю общественно-государственной жизни, который имѣлъ въ немъ мѣсто два столѣтія назадъ. Въ томъ далекомъ прошломъ, въ основныхъ началахъ, на которыхъ покоилось это прошлое, они видятъ единственное условіе, средство исцѣленія всѣхъ золъ и недуговъ настоящаго и его развитія въ блестящее будущее. Эти просвѣщенные публицисты стараются убѣдить своихъ читателей, что l'âge d'or если не всего человѣчества, — на это они пока еще не рискуютъ, — по крайней мѣрѣ той составной части его, которая олицетворяется нашимъ обширнымъ отечествомъ, лежитъ не впереди насъ, а сзади; что этотъ золотой вѣкъ — не «въ *усовершенствованіи* общественнаго строя», а въ такой его переуторкѣ, которая двинула для этого строй на нѣсколько вѣковъ назадъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одинъ изъ этихъ представителей печати, проповѣдуя одинъ изъ своихъ проектовъ исцѣленія Русскаго государства отъ постигшихъ его несчастій—перенесеніе столицы изъ Петербурга въ Москву, торжественно восклицалъ: «пора *домой*! Пора покончить съ *петербургскимъ періодомъ нашей исторіи*, со всѣми кровавыми преданіями переворотовъ, измѣнъ, крамолъ XVIII и XIX вѣка» *). Другими словами, если не весь русскій народъ, то та часть его, которая обыкновенно называется обществомъ, вотъ уже почти два столѣтія какъ сбѣжала *изъ дому*, находится въ бѣтахъ, отрѣшившись отъ всѣхъ началъ этого *дома*. А подъ домомъ здѣсь слѣдуетъ разумѣть никакъ не Москву только, какъ опредѣленный географическій пунктъ, а всю совокупность того строя, который олицетворялся этимъ городомъ до XVIII столѣтія. «Кровавые перевороты, измѣны и крамолы» періода времени начиная съ конца XVII столѣтія—только результатъ этого нахожденія въ бѣгахъ русскаго общества и правительства, или, по выраженію публициста, «командующихъ классовъ» вообще, отрѣшившихся отъ цѣлебныхъ спасительныхъ началъ своего «дома»,—началъ, олицетворявшихся всею внутреннею «поряднею» такъ-называемаго Московскаго государства. Весь этотъ періодъ времени, благодаря такой измѣнѣ этимъ спасительнымъ началамъ,—періодъ однихъ «кровавыхъ переворотовъ, измѣнъ и крамолъ», періодъ пагубной «розни» между этими «командующими» классами и *народомъ*, періодъ раздѣленія Россіи «на мужика и на барина, на бритыхъ и небритыхъ, битыхъ и бьющихъ». Это періодъ такого раздѣленія нашего злосчастнаго отечества на двѣ половины, въ которомъ «на одной сторонѣ—теорія, абстракція, сочинительство, публика, чиновники-либералы, интеллигенція (та, которая сама себя величаетъ такою кличкою); все это и всѣ они вмѣстѣ состоятъ въ господахъ, въ привилегированныхъ, власть имѣющихъ. На другой сторонѣ—народъ и *та часть общества, которая съ нимъ едина сердцемъ и духомъ*» (т. е. публицистъ и его читатели-сторонники). Страшный періодъ, очевидно, незнакомый Руси до XVIII столѣтія,—періодъ тяжелаго, безпощаднаго угнетенія народа теоріей,

---

*) Настоящая цитата и всѣ дальнѣйшія, приводимыя нами съ цѣлью характеризовать взглядъ названныхъ публицистовъ, взяты изъ первыхъ *двадцати* нумеровъ газеты *Русь*. Мы ограничились этимъ количествомъ нумеровъ газеты потому, что въ дальнѣйшихъ только повторяются высказанныя въ первыхъ нумерахъ мысли.

сочинительствомъ, интеллигенціей,—періодъ «искаженія всѣхъ отправленій нашего государственнаго организма»,—періодъ «ослабленія живаго творчества духовныхъ началъ, таящихся въ глубинѣ народнаго духа». Спасеніе, избавленіе отъ всѣхъ язвъ этого страшнаго періода — въ одномъ: въ уничтоженіи «розни» между командующими классами и народомъ, въ сліяніи съ этимъ послѣднимъ, въ усвоеніи этими классами того «живаго творчества духовныхъ началъ», которое таится въ глубинѣ народнаго «духа». Здѣсь, въ этомъ сліяніи съ народомъ, въ этомъ проникновеніи «духомъ» послѣдняго всѣхъ командующихъ классовъ, спасеніе нашего отечества лежитъ потому, что въ этомъ народѣ, и только въ немъ одномъ, не исчезли «отеческія преданія», благодаря коимъ такъ прочно, незыблемо, такъ заманчиво - стройно стоялъ весь общественно-государственный порядокъ Руси до XVIII столѣтія вообще и ея «правительственный организмъ» въ частности: «народъ пребылъ и пребываетъ этимъ преданіямъ вѣренъ». Слѣдовательно, спасеніе, въ концѣ концовъ, таится *въ возвращеніи къ тѣмъ временамъ, когда эти преданія были достояніемъ* не одного народа, но и *командующихъ* имъ *классовъ*, т. е. ко временамъ до XVIII столѣтія, къ его «идеаламъ», къ тѣмъ началамъ, на которыхъ покоился строй тогдашней общественной порядни, не страдавшей, въ противоположность XVIII и нашему столѣтіямъ, ни «рознью земли и государства», ни крамолами, ни кровавыми измѣнами. Золотой вѣкъ не впереди насъ, а за нами!

Этотъ по-истинѣ великій абсурдъ утверждается храбрыми публицистами на основаніи той, несомнѣнной въ ихъ глазахъ, *истины*, что *теперь* хуже, чѣмъ *тогда*. Эту несомнѣнную истину они не считаютъ нужнымъ и доказывать,—они принимаютъ ее за аксіому, не требующую никакихъ доказательствъ. Они останавливаются лишь на томъ, чтобы доказать, *почему* это такъ, *почему теперь хуже, чѣмъ тогда*. На этотъ пунктъ они направляютъ всѣ свои силы, по той причинѣ, что въ отвѣтѣ на свое *почему* не сомнѣваются видѣть указаніе на тѣ условія общественно-государственной жизни, въ *устраненіи*, или, лучше, *истребленіи* коихъ лежитъ исцѣленіе этой жизни отъ всѣхъ разъѣдающихъ ее язвъ, отъ всѣхъ угнетающихъ ее недуговъ.

Докажи они, что указываемыя ими явленія жизни послѣднихъ двухъ столѣтій—дѣйствительно причина язвъ и недуговъ общественной жизни этихъ двухъ столѣтій, они тѣмъ самымъ докажутъ необходимость истребленія этихъ явленій, изгнанія ихъ изъ

жизни. А они къ этому только и стремятся. На бѣду ихъ, они ограничиваются простымъ отвѣтомъ на поставленный ими вопросъ, простымъ утвержденіемъ, что причина золъ—въ такихъ-то факторахъ, явленіяхъ жизни, и только. Доказательству же, почему именно *эти* факторы, *эти* явленія, а не какіе-либо другіе, причиняютъ зло, ведутъ государство и общество по пути погибели, наши публицисты-патріоты не считаютъ нужнымъ посвятить какую-либо часть своихъ силъ, своихъ знаній, талантовъ, своего времени, такъ дорогихъ любимому ими отечеству.

Гдѣ же, въ чемъ таятся эти грозныя явленія? Всякій усердный читатель многошумящихъ и широковѣщательныхъ, хотя и очень туманныхъ, писаній этихъ публицистовъ могъ бы видѣть отвѣтъ на поставленный вопросъ уже въ одномъ, съ необычнымъ упорствомъ къ дѣлу и не къ дѣлу повторяемомъ, заявленіи публицистовъ, что зло началось около *двухъ вѣковъ* назадъ, что оно—«порожденіе *петербургскаго* періода нашей исторіи», «реформъ Петра». Но публицисты-нелибералы боятся предоставить читателя самому себѣ въ разрѣшеніи такого важнаго вопроса, какъ вопросъ о томъ, почему такой царь, какъ Петръ, долженъ считаться виновникомъ бѣгства московской Руси изъ своего «дома», виновникомъ забвенія ею всѣхъ благъ и удобствъ, доставленныхъ ей этимъ домомъ, такъ долго, цѣлыми вѣками, созидаемымъ и устраиваемымъ. Они, вооружившись всею властностью своего привилегированнаго положенія, мудро и категорически отвѣчаютъ на этотъ вопросъ сами.

Причину гибельнаго вступленія Россіи на страшный путь «кровавыхъ измѣнъ и крамолы» публицисты, «единые сердцемъ и духомъ» съ народомъ, видятъ не въ чемъ иномъ, какъ въ тѣхъ дѣяніяхъ царя-революціонера, которыя направлены къ тому, чтобы прорубить изъ душнаго «дома» московской Руси пресловутое окно въ Европу. Они видятъ эту причину именно въ томъ, что, быть-можетъ, одно и составляетъ величайшую изъ заслугъ Петра: они видятъ ее въ тѣхъ лучахъ свѣта, которымъ энергическій царь, посредствомъ прорубленнаго имъ окна, далъ доступъ въ мрачную среду московской жизни,—они видятъ причину золъ въ тѣхъ знаніяхъ, въ тѣхъ научныхъ истинахъ тогдашней Европы, которыя, указаннымъ путемъ, при сильномъ содѣйствіи царя, начали проникать въ извѣстную среду общества XVIII ст. и, хотя медленно и туго, развиваться въ этой средѣ. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Аксаковъ, въ своей извѣстной рѣчи, за которую по-

несли кару, напечатавши ее, *Московскія Вѣдомости*, высказывалъ,—правда, въ достаточной степени туманно,—этотъ взглядъ на дѣло; уже въ этой рѣчи высказывалось, что русскій народъ «*болѣе вѣка* подвергался мучительной пыткѣ обезличенья на всѣ возможные лады *иностранные*», что «предательство истинныхъ интересовъ Россіи» всегда имѣло и *будетъ имѣть* мѣсто благодаря «*умственному и нравственному раболѣпству передъ западною Европой*» и что это «предательство *на всѣхъ путяхъ* исторической жизни Россіи» лишь тогда перестанетъ имѣть мѣсто, когда исчезнетъ указанное раболѣпство, когда высшіе классы, «интеллигенція», исключительно имъ зараженные, будутъ захвачены «волною народнаго самосознанія» и переродятся подъ вліяніемъ «сущности *русской* народности, сохранившейся въ низшихъ слояхъ». Говоря просто, спасеніе настанетъ тогда, когда извѣстная часть общества, зараженная западно-европейскими началами науки и нравственности, очистится отъ этой заразы путемъ обращенія къ «духовной сущности *низшихъ* слоевъ»,—сущности, бывшей общей характеристическою чертой *всѣхъ* слоевъ населенія московской Руси; иными словами—Россія обновится и преобразится, избавившись отъ «предательствъ и измѣнъ», только по возвращеніи къ умственнымъ и нравственнымъ началамъ попа Сильвестра. Тотъ же г. Аксаковъ выразилъ ту же мысль въ своей рѣчи, произнесенной 22 марта настоящаго года въ Славянскомъ благотворительномъ Обществѣ, сказавъ, что «горсть злодѣевъ, одержимыхъ демономъ разрушенія», есть «продуктъ той *духовной измѣны*, того отступничества отъ народности, въ которомъ повинны болѣе или менѣе мы всѣ, *такъ называемая интеллигенція*. Есть ли они что иное, какъ логическое, крайнее выраженіе того самаго западничества, которымъ уже *со временъ Петра* снѣдаемо, какъ недугомъ, и наше правительство, и наше общество». Въ одной изъ статей *Руси* эта мысль высказывается уже такъ ясно и беззастѣнчиво: «переходъ отъ народнаго *непосредственнаго* бытія (то-есть отъ началъ общественно-государственнаго строя Московскаго государства) *на чреду образованности* пріобрѣтается у насъ *большею частью* (къ чему это ограниченіе?) *цѣною нравственнаго паденія*». Трудно выразиться яснѣе: въ *образованности*, и только въ ней, занесенной къ намъ губителемъ Петромъ, занесенной изъ Европы,—причина всѣхъ золъ; только въ ней, въ этой образованности, лежитъ причина того гнета, коему подвержены «массы народа», который, по вы-

раженію публициста-патріота, не зараженнаго «образованностью», безпощадно «*угнетается* его (народа) *интеллигенціею духовно*». Только благодаря этой страшной заразѣ свѣтомъ знанія, науки,—заразѣ, которой счастливо избѣжала «масса народа»,—всѣ мы, наше отечество, обрекаемся на печальную будущность застоя, а быть-можетъ и скорой гибели. «Можно ли,—восклицаетъ публицистъ,—ожидать правильнаго плодотворнаго развитія страны тамъ, гдѣ массы народа угнетены ея интеллигенціею *духовно*?» Можно ли ждать этого развитія тамъ, гдѣ эти «массы» и «интеллигенція,—говоритъ тотъ же патріотъ,—не одному Богу молятся, не одному нравственному идеалу служатъ?»—Разумѣется, нѣтъ. Не очнись эта злосчастная «интеллигенція», не «облекись» она въ «духовную сущность» массъ, она... погибла: «онъ молчитъ, народъ великій, молчитъ и думаетъ свою думу»...

«Это не угроза, а предостереженіе»—такъ заключаетъ публицистъ одну изъ своихъ статей.

Ясно ли? Нужно ли еще останавливаться на утвержденіи, что, по увѣренію привилегированныхъ публицистовъ, *все*—и всякія «хищенія» и неправды «правящихъ», въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и всякія раззоренія и опустошенія, причиняемыя «массамъ» разными Колупаевыми, Разуваевыми, Деруновыми и Фишерами,—*все*, повторяемъ, въ томъ, что злополучная интеллигенція, т. е. ученые, писатели, публицисты, а за ними и чиновники-либералы кошмаромъ висятъ надъ массами, вѣроятно, мѣшая имъ познать, уразумѣть этихъ дѣятелей. Отрекись эта интеллигенція отъ своего «нравственнаго идеала», отъ своей «духовной личности»,—отдайся она вся, по выраженію сатирика, «установленнымъ тѣлеснымъ упражненіямъ, насыщенію, перевариванью», и на отечественномъ горизонтѣ появится заря если не обновленія, то по крайней мѣрѣ сохраненія statu quo. Войди эта интеллигенція «въ единеніе съ народомъ», говоря языкомъ того же сатирика, «выбери проказу, лягь въ навозъ, ѣшь хлѣбъ, сдобренный лебедой, надѣнь рваный понитокъ и сожги книгу»—и всѣ «предательства, крамолы и измѣны» исчезнутъ передъ этимъ, не совращаемымъ «книгой», исчадіемъ Запада и мирно питающимся своимъ хлѣбомъ съ лебедой народомъ, «яко исчезаетъ дымъ», и настанетъ царство «народной правды», охраняемой и питаемой Колупаевыми и Разуваемыми подъ эгидой той, «единой съ народомъ, сердцемъ и духомъ, части общества», едва ли не лучшимъ представителемъ которой служитъ современный... урядникъ.

Если взглянуть на это «политическое ученіе» безотносительно, изъявъ его изъ условій времени, мѣста и т. д., то, несомнѣнно, оно покажется по меньшей мѣрѣ страннымъ и никоимъ образомъ не заслуживающимъ настолько вниманія, чтобъ имъ серьезно заниматься. Но если взглянуть на него съ относительной, *условной*, точки зрѣнія, если принять во вниманіе условія переживаемаго нами времени, то на дѣло придется взглянуть совсѣмъ иными глазами: то, что казалось незаслуживающимъ вниманія, сразу покажется болѣе чѣмъ серьезнымъ—страшнымъ—и прикуетъ къ себѣ сильное вниманіе. Не даромъ же нашъ талантливый сатирикъ такъ страстно подвергаетъ эту «теорію» бичамъ и скорпіонамъ своей безпощадной сатиры. Не даромъ же сатирикъ констатируетъ такой фактъ дерзости патріота-нелиберала, какъ стремленіе заставить самое солнце «свѣтить умѣреннѣе».

Дѣло въ томъ, что публицисты, проповѣдующіе изложенную теорію, занимаютъ сравнительно съ остальными собратьями своими по перу *особое привилегированное* положеніе, которое даетъ имъ возможность многое изъ своей теоріи обратить въ дѣйствительность и такимъ образомъ если не истребить, вырвать съ корнемъ ненавистные имъ плоды «раболѣпства» передъ Западомъ, то въ значительной степени содѣйствовать установленію тѣхъ препятствій или созданію тѣхъ мѣръ, которыя въ извѣстной степени тормозятъ ростъ и развитіе ихъ. Благодаря этому положенію, они если и не заставятъ солнце свѣтить умѣреннѣе, выражаясь языкомъ сатирика, то, боимся, заслонятъ своей «пожарною кишкой» другіе источники свѣта.

Не мало храбрости, думается намъ, придаетъ публицистамъ-патріотамъ и то обстоятельство, что знакомство съ исторіей родной страны вовсе не имѣетъ желательнаго распространенія среди нашего общества. Намъ кажется, именно это обстоятельство даетъ возможность храбрымъ публицистамъ съ апломбомъ самой высокой пробы ссылаться, въ своихъ высокаго стиля писаніяхъ, якобы на исторію, на нѣчто, имѣющее очень мало общаго съ этою послѣдней.

Въ нашей статьѣ мы будемъ имѣть въ виду главныя, основныя положенія изложенной «теоріи» нашихъ публицистовъ. Эти основныя положенія, мы видѣли, сводятся къ двумъ: 1) причина всѣхъ золъ переживаемаго нами времени — въ *духовной розни* «командующихъ» классовъ съ народомъ, во взаимномъ непониманіи этихъ двухъ «сторонъ» другъ другомъ; 2) причина же самой

«розни», какъ это уже само собою вытекаетъ изъ того, что она окрещена эпитетомъ «духовной», лежитъ въ міровоззрѣніи командующихъ классовъ, заимствованномъ ими съ Запада. Отказавшись отъ всякихъ полемическихъ пріемовъ, мы будемъ держаться, насколько это возможно, пресловутой объективности въ нашемъ, чисто-историческомъ, изложеніи. Мы заглянемъ въ наше прошлое съ очень простою, незамысловатою цѣлью: разбираясь въ жизненныхъ явленіяхъ этого прошлаго, мы постараемся взглянуть на нихъ простымъ глазомъ,—глазомъ, невооруженнымъ никакими, измѣняющими наблюдаемыя явленія, орудіями. Мы посмотримъ, дѣйствительно ли въ нашемъ прошломъ—до XVIII вѣка—не существовало, какъ хотятъ увѣрить насъ, ни «розни духовной», ни крамолъ, ни измѣнъ, ни кровавыхъ переворотовъ: это — съ одной стороны; а съ другой—посмотримъ, кстати, дѣйствительно ли въ XVIII и нашемъ столѣтіяхъ между «командующими» классами и народомъ установилась такая рознь *духовная*, которая привела наше отечество къ его настоящему, печальному положенію. Нѣкоторыя соображенія о результатахъ такого безхитростнаго ознакомленія съ прошлымъ, или, лучше, простое сопоставленіе этихъ результатовъ, мы надѣемся, приведетъ насъ къ «подлинной» мысли, къ *настоящему* объясненію *той розни*, которая дѣйствительно существуетъ въ наше время, какъ существовала въ XVIII столѣтіи и гораздо раньше его, съ того момента, какъ появился, по сѣверно-русскому народному преданію, Юрикъ-Новоселъ съ его *дружиною*. Мы надѣемся придти къ заключенію, не имѣющему ничего общаго съ «политическою теоріей» публицистовъ-патріотовъ относительно *причинъ* розни и самаго характера, *сущности* ея, *обусловливаемой* этими *причинами*.

Нашъ очеркъ распадается на двѣ главы. Въ одной мы остановимся, такъ сказать, на сравненіи нашего времени, или лучше — *новаго* времени, какъ его приняли называть, начиная съ XVIII столѣтія, съ исконною стариной и ея порядковъ съ нашими по отношенію ко всѣмъ этимъ вопросамъ о розни, измѣнахъ и т. п. При этомъ мы главнымъ образомъ остановимся на излюбленныхъ нашими охранителями *московскихъ* порядкахъ, то-есть порядкахъ періода времени отъ XV до XVIII столѣтія.—Во второй главѣ мы исключительно обратимъ вниманіе на вопросъ о *причинахъ* розни и ея *сущности*, и эта, вторая, глава никоимъ образомъ не будетъ носить характера измышленій, или размышленій на данную

тему, а будетъ имѣть тотъ же историческій характеръ, какъ и первая.

Мы будемъ опираться на общеизвѣстные факты исторіи, хотя, разумѣется, не вошедшіе въ учебники, одобренные ученымъ комитетомъ.

I.

„Мы впали во всѣ злыя дѣла, въ лихвы и неправды ... Всякъ отъ своего чину выше начаша восходити... Царемъ же играху яко дѣтищемъ и всякъ выше мѣры своея жалованія хотяша“ (*Авраамій Палицынъ*. Сказ. объ осадѣ Троицко-Сергіевскаго монастыря).

„Тогда княземъ и бояромъ, и вельможамъ, и судіямъ градскимъ, самоволіемъ объятымъ..., не право судящимъ, но по мздѣ, и насильствующимъ людемъ ... Тогда же во градѣхъ и селахъ неправда умножися, и восхищенія и обиды, татьбы и разбои умножишася, и буйства, и грабленія многа“ (*Никон. лѣтопись*).

Если читатель припомнитъ все то, что говорилось и говорится въ настоящее время *оффиціально*, въ разнаго рода правительственныхъ актахъ и распоряженіяхъ, и *неоффиціально*, въ различныхъ органахъ нашей ежедневной прессы — о всяческихъ «хищеніяхъ» и «неправдахъ», царящихъ въ средѣ современнаго общества и административныхъ сферъ, онъ, надѣемся, въ тирадахъ того и другаго происхожденія найдетъ не мало сходства, почти тождества, съ тѣмъ, что высказывается въ выписанныхъ нами. Тамъ и здѣсь идетъ рѣчь объ одномъ и томъ же,— тамъ и здѣсь констатируются тождественныя явленія извѣстнаго порядка общественно-государственной жизни,—тождественныя явленія на двухъ противоположныхъ полюсахъ эпохи, обнимающей собою цѣлыхъ *триста съ половиною лѣтъ*: свидѣтельство Никоновской лѣтописи относится ко времени малолѣтства Ивана Грознаго, то-есть къ тридцатымъ и началу сороковыхъ годовъ XVI столѣтія; Авраамій Палицынъ говоритъ о положеніи вещей въ самомъ началѣ XVII вѣка.

Еслибы, по «неисповѣдимымъ судьбамъ» исторіи-утѣшительницы, до насъ дошли отъ указаннаго времени только два приведенныя свидѣтельства, то и тогда, разумѣется, пришлось бы усомниться въ правдивости тѣхъ заманчивыхъ красокъ, коими расписываются порядки такъ-называемаго Московскаго государства.

Но могутъ замѣтить, что оба эти свидѣтельства относятся къ наиболѣе тяжелымъ, такъ-сказать безгосударнымъ, временамъ. Это—правда; но безгосударное время, возразимъ мы, не съ неба же въ тѣ тяжкія времена падало,—были причины его появленія. Въ жизни народа, какъ и отдѣльнаго человѣка, настоящее чревато прошедшимъ и будущимъ. Истина банальная, но все-таки истина.

Это—во-первыхъ; а во-вторыхъ, приведенныя въ эпиграфѣ свидѣтельства лѣтописи и Авраамія Палицина—только первыя попавшіяся подъ руку. Такими свидѣтельствами кишатъ наши памятники, откуда ихъ можно, не стѣсняясь, черпать полною рукою, была бы охота.

Прежде чѣмъ приступить къ очерку XVI и XVII столѣтій, мы сдѣлаемъ попытку бѣгло заглянуть въ «глубь вѣковъ» болѣе далекихъ.

Если подъ «духовною рознью» разумѣть не вѣру только въ разныхъ боговъ, а рознь всяческихъ интересовъ, включая и политическіе,—если къ характеризующимъ эту рознь фактамъ и явленіямъ отнести и всѣ тѣ, которые касаются отношеній отдѣльныхъ лицъ или группъ ихъ другъ къ другу, то эту рознь мы найдемъ куда раньше московской эпохи нашей исторіи. Мы найдемъ ее и въ предшествующій этой эпохѣ періодъ ея, мы найдемъ ее на первыхъ страничкахъ исторіи.

Рюрикъ нашей лѣтописи—«Юрикъ-Новоселъ» народнаго сказанія—со своею дружиной, состоявшею, согласно изслѣдованіямъ нашихъ авторитетнѣйшихъ историковъ, «изъ сброда» разношерстной вольницы, группировавшейся около князя, своего главы и предводителя, лишь съ цѣлью «грабежа и войнъ», явился въ средѣ славянскихъ племенъ не объединителемъ только,—его дружина-вольница внесла въ жизнь нашихъ предковъ, по утвержденію тѣхъ же авторитетовъ, въ значительной долѣ и элементъ розни въ указанномъ смыслѣ. Бродячій дружинникъ и осѣдлый земледѣлецъ не могли проникаться особенно прочно чувствомъ братскаго единства. А дружинникъ долго былъ представителемъ бродячаго элемента древней Руси, дольше даже, пожалуй, чѣмъ ея князь. Нашъ историкъ, С. М. Соловьевъ, совершенно справедливо говоритъ о дружинѣ за время XI—XIII столѣтій, что при неосѣдлости ей «трудно было вступить въ прочныя, непосредственныя отношенія въ волостямъ»; члены ея, «бояре, *оставались боярами князей*, а не боярами княжествъ, *дѣйствовали изъ личныхъ выгодъ*, тѣсно связанныхъ съ выгодами того или инаго

князя» *). Князь—правитель земли-волости, а дружинники—его органы, непосредственно завѣдующіе всѣми отраслями тогдашняго управленія. Если даже *«личныя* выгоды» князя и дружинниковъ въ теченіе до-московскаго періода нашей исторіи не господствовали исключительно, а только *преобладали*, то и въ такомъ случаѣ допустить полное единство между земледѣльческимъ населеніемъ и дружинниками—по меньшей мѣрѣ рискованно. Несмотря на всю скудость лѣтописныхъ и другихъ извѣстій о внутреннемъ народномъ бытѣ за этотъ періодъ времени, мы все-таки имѣемъ совершенно достаточно фактовъ исторически достовѣрныхъ, указывающихъ на преобладаніе началъ розни между этими двумя «сторонами», а никакъ не единства. Одинъ - два факта мы приведемъ здѣсь. Въ первой половинѣ XII столѣтія, по свидѣтельству лѣтописца, княжескіе посадники, наравнѣ съ пришлыми половцами, грабятъ населеніе: «и бысть пагуба посельцамъ ова отъ половецъ, ова же отъ своихъ посадникъ», говоритъ лѣтописецъ. Въ то же время кіевляне жалуются своему князю, одному изъ Ольговичей, на его дружинниковъ, изъ которыхъ одинъ *«погубилъ»*, по ихъ выраженію, Кіевъ, а другой—Вышгородъ; они требуютъ съ князя клятвы въ томъ, что онъ въ случаѣ обидъ будетъ разбирать дѣла самъ, и будетъ разбирать ихъ *справедливо*. Стало-бытьна родъ не вѣритъ ни дружинникамъ, ни главѣ ихъ—самому князю. Въ лѣтописномъ разсказѣ о событіяхъ на сѣверо-восточной Руси во второй половинѣ того же столѣтія мы встрѣчаемся съ указаніемъ на такого рода дѣятельность дружинниковъ князей Ростиславичей, внуковъ знаменитаго Юрія Долгорукаго, которая никакъ не говоритъ о единствѣ дружинниковъ-администраторовъ, этого «командующаго класса» того времени, и «народныхъ массъ». Лѣтописецъ съ грустью сообщаетъ, что дружинники названныхъ князей, пріѣхавшихъ изъ тогдашней южной Руси въ сѣверную, Ростовскую, землю, по приглашенію ея населенія, «многу *тяготу* створиша людемъ продажами и вирами», или, какъ переводитъ это мѣсто покойный Соловьевъ, «стали очень тяжки для народа судебными взысками и взятками». Дальше тотъ же лѣтописецъ повѣствуетъ, что новые князья, по своей молодости и неопытности, слушались во всемъ своихъ дружинниковъ, которые научали ихъ лишь одному—«какъ можно больше брать».

*) «Исторія Россіи», т. III, изд. 4-ое, стр. 15.

Такое отношеніе князя и его дружинниковъ къ населенію «земли» преобладало и раньше XII столѣтія и позже него, и до татарскаго господства и во время этого послѣдняго. Весь періодъ древней исторіи нашей—періодъ почти безконечной борьбы князей между собою за столы,—борьбы, двигающимъ стимуломъ которой было одно начало—добыть лучшій столъ, т. е. сѣсть въ болѣе доходной землѣ. Интересы населенія въ этой борьбѣ, разумѣется, не играли никакой роли, хотя оно и принимало участіе въ этой борьбѣ такъ или иначе, стремясь посадить на столъ наиболѣе, такъ сказать, удобнаго, сильнаго князя, который былъ бы наиболѣе состоятеленъ защитить столъ отъ посягательствъ и насилій другихъ князей. Единство между княземъ и населеніемъ только и выражалось въ этомъ стремленіи охранить столъ, только до тѣхъ поръ и имѣло мѣсто, пока *обѣ стороны* находили выгоднымъ для себя дѣйствовать за-одно. Можно привести массу указаній на то, какъ часто земля изгоняла князя, указывала ему «путь чистъ», и какъ еще чаще, пожалуй, князья уходили со столовъ сами, едва возъимѣвъ малѣйшую надежду заполучить лучшій столъ. Въ этой безконечной борьбѣ князья не останавливались и передъ тѣмъ, чтобы вовлечь въ борьбу, «на пагубу» народу, иноплеменныя силы, наприм. варяговъ, къ помощи которыхъ обращаются еще Владиміръ, Ярославъ, или касоговъ, казаръ, печенѣговъ, впослѣдствіи половцевъ, а позже татаръ. Полчища всѣхъ этихъ иноплеменниковъ обращали Русскую землю того времени «изъ жива въ пусто», являясь союзниками и пособниками князей русскихъ. Не можемъ воздержаться, чтобы не привести здѣсь нѣсколькихъ словъ г. Забѣлина изъ его послѣдней статьи, написанной въ защиту московскаго единодержавія. Онъ говоритъ, по поводу борьбы московскаго князя съ тверскимъ (въ XIV столѣтіи): «татаринъ торжествовалъ, а русскій *крестьянинъ долженъ былъ своимъ потомъ и кровью выкупать княжескія смуты и крамолу и борьбу ихъ честолюбія и властолюбія*». Эти слова съ великимъ успѣхомъ могутъ служить характеристикой, и притомъ очень и очень мѣткой, и всего того времени, о которомъ мы здѣсь говоримъ: раньше татарина «торжествовалъ», разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ или другимъ княземъ, половецъ, печенѣгъ и др. Тотъ же Забѣлинъ, въ той же статьѣ своей, такъ характеризуетъ, по отношенію къ данному вопросу, весь періодъ нашей древней исторіи: «Господствующею силой за этотъ періодъ времени,—говоритъ онъ,—

была дружина съ ея вождями-князьями. Цѣль этой «силы» состояла въ добываніи княжескихъ столовъ и волостей; такое «добываніе» было своего рода «промысломъ», на которомъ, какъ на основѣ, утверждалась *вся постановка тогдашней* княжеской и боярской жизни. *Эта жизнь*... своею силою *заглушала*, и успѣла совсѣмъ заглушить, *поросли собственно земскаго или посадскаго крестьянскаго развитія*».

Тѣ земли-государства, которыя, какъ, напр., Новгородъ Великій, могли противопоставить «господствующей силѣ» силу же, ставили первую въ извѣстныя границы, заключая съ нею *договоры*. Содержаніе этихъ договоровъ, дошедшихъ до насъ въ достаточномъ количествѣ, лучшее доказательство именно тѣхъ отношеній между княземъ и его дружинниками съ одной и «землею» съ другой стороны, на которыя мы указываемъ. Въ каждой статьѣ договора выражаются недовѣріе и подозрительность: во всемъ и вездѣ, въ чемъ и гдѣ «земля», въ лицѣ ея представителя—вѣча, можетъ поставить «господствующей силѣ» ограниченіе, предѣлъ, она ставитъ ихъ; князь же и дружина, съ своей стороны, пускаютъ въ ходъ все, что можно, чтобъ обойдти или нарушить то или иное, невыгодное для нихъ, условіе договора. Разъ вынужденное единство нарушено, все порвалось: «или князю просто указываютъ «путь чистъ», и онъ не пытается уже сѣсть въ Великомъ Новгородѣ, или же онъ ищетъ помощи какъ въ стѣнахъ самого Новгорода, такъ и внѣ ихъ, и если находитъ ее, снова заставляетъ «землю» принять его.

Таковы отношенія въ древней, до-московской Руси,—отношенія непосредственно правящей силы къ управляемымъ. Интересъ первой—весь, всецѣло, въ томъ, ради чего она добивалась «столовъ и волостей» — въ доходахъ. Этими интересами вызывались борьба и «крамола»,—говоря языкомъ г. Забѣлина,—не только между князьями, но и между ими и ихъ слугами-дружинниками, и въ средѣ этихъ послѣднихъ. Здѣсь имѣло мѣсто все— и «крамолы, и измѣны, и кровавые перевороты», употребляя излюбленное выраженіе нашихъ патріотовъ. Стоитъ припомнить подробности княжескихъ усобицъ, стоитъ указать на такіе факты, какъ, напр., смерть Андрея Боголюбскаго, котораго, по словамъ лѣтописца, «промыслили» его дружинники, или какъ факты, съ которыми мы встрѣчаемся въ изобиліи въ періодъ борьбы московскихъ князей съ остальными: здѣсь что ни шагъ — то «крамола, измѣна, кровавый переворотъ».

Не было единства, царила рознь и въ той средѣ, которую обыкновенно называютъ, въ противоположность князю съ его дружиной, «землею или земщиной». Эта среда давно распалась на «рабъ и свободь»—на свободныхъ и рабовъ; первые раскололись на «лучшихъ, середнихъ и молодшихъ», или худшихъ.

Лѣтописецъ, говоря о внутреннихъ усобицахъ и неурядицахъ въ Тверскомъ княжествѣ въ XIV вѣкѣ, восклицаетъ: «всѣ бо единъ родъ и племя Адамова», а между тѣмъ «и князи, и бояре..., и гости, и купцы, и ремественници и работніи людіе..., забывшеся, другъ на друга враждуютъ, и ненавидятъ, и грызутъ, и кусаютъ, отстоящи отъ заповѣдей Божьихъ» *). Нѣсколько лѣтъ позже, по поводу появленія кометы (1402 годъ), лѣтописецъ разражается такою тирадой: «приходятъ послѣдніи времена... встаетъ князь на князя... мы не токмо не полагаемъ своей души за ближняго, *но изъ ближняго орудіемъ изнимаемъ ее*» **).

Вотъ какими словами характеризуетъ благочестивый лѣтописецъ взаимныя отношенія отдѣльныхъ слоевъ населенія въ до-московской Руси; мы говоримъ «въ до-московской Руси» потому, что приведенныя мѣста изъ лѣтописи можно обобщить, не рискуя впасть ни въ малѣйшее преувеличеніе. Эти отношенія дѣйствительно были таковы во всей древней Руси. Въ подтвержденіе можно привести не мало доказательствъ какъ изъ лѣтописей, такъ и изъ другихъ памятниковъ нашего далекаго прошлаго.

Изъ общей массы населенія, противоположной князю и его дружинѣ, выдѣляется промышленное городское населеніе, посадскіе люди; сельское населеніе, эти «черные люди, смерды, мужики», естественно,—говоритъ покойный Соловьевъ,—ослабѣли, потерявъ лучшія свои силы (въ лицѣ удалившихся въ дружину, въ города), ушли на самый задній планъ, объ нихъ не слышно: ....лѣтописецъ молчитъ о сельчанахъ,—*здѣсь* тихо, *нѣтъ движенія*»***). Онъ говоритъ лишь «о тѣхъ, кто движется, этимъ движеніемъ обращаетъ на себя вниманіе, заставляетъ двигаться другихъ, производитъ перемѣны». Къ этимъ движущимся элементамъ или слоямъ, кромѣ дружинниковъ и городскаго населенія, съ X вѣка присоединяется еще одинъ новый—духовенство, которое тоже тянуло къ городу, т. е. къ названнымъ уже элемен-

*) Приводимъ это мѣсто въ цитатѣ Соловьева, т. IV, изд. 4., стр. 369.
**) Забѣлинъ: упоминаемая въ текстѣ статья.
***) «Исторія Россіи», т. XIII, изд. 2, стр. 11.

тамъ, и въ общей совокупности съ ними составляло то, что называютъ «правящими или командующими» классами.

Рознь «царитъ между этими классами съ одной стороны и мужиками» съ другой; она царитъ между отдѣльными правящими классами и въ средѣ каждаго изъ нихъ; въ каждомъ изъ нихъ есть лучшіе, середніе и молодшіе.

Съ самаго момента его появленія, духовенство представляло собою такой слой, который, по своимъ нравственнымъ и политическимъ воззрѣніямъ, стоялъ въ полной розни духовной съ массами тогдашняго населенія. Этотъ новый элементъ былъ элементомъ несравненно болѣе пришлымъ, чѣмъ самая дружина (въ первое время по крайней мѣрѣ). Кто не знаетъ, что первоначально *все духовенство*—низшее и высшее—состояло изъ грековъ, воспитанныхъ совершенно на иныхъ началахъ нравственно-религіозныхъ и политическихъ. Въ другомъ мѣстѣ мы указывали на политическое міровоззрѣніе духовенства *), шедшее совершенно въ разрѣзъ съ народнымъ. Здѣсь въ двухъ словахъ укажемъ на рознь «духовную» въ самомъ тѣсномъ значеніи этого слова. Съ того времени, отъ котораго до насъ дошли памятники религіозной проповѣди, мы встрѣчаемъ яркія указанія на эту рознь. Массы долго оставались при своемъ языческомъ міросозерцаніи и первобытномъ умственномъ развитіи. Весь періодъ нашей древней исторіи можно назвать періодомъ борьбы представителей новаго, чуждаго массамъ, міровоззрѣнія съ убѣжденіями этихъ массъ. О періодѣ времени до второй половины XI столѣтія Соловьевъ говоритъ какъ объ эпохѣ «господства» на Руси язычества,—эпохѣ, въ которую масса до того не понимала и враждебно относилась къ пришлымъ съ юго-запада проповѣдникамъ новой религіи, что этимъ проповѣдникамъ, даже въ лицѣ наиболѣе высокопоставленныхъ, «приходилось бѣжать отъ ярости массъ» **). А между тѣмъ проповѣдники новаго міровоззрѣнія жили «десятиною» и всякими поборами съ просвѣщаемыхъ массъ. Проповѣдники не понимали просвѣщаемыхъ, послѣдніе не понимали ихъ. Вѣдь даже говорили они на разныхъ языкахъ не малое время. Стоитъ обратиться, напр., къ поученіямъ знаменитаго русскаго Златоуста XII столѣтія, чтобы понять, что содержаніе ихъ совершенно недоступно пониманію массъ. Само собою разумѣется, что всѣ

*) Наша статья: „Верховная власть въ Россіи XVIII ст.“.

**) *Соловьевъ*, „Ист. Рос.“, т. I, стр. 258, и III, 56.

усилія такого византійскаго витійства не вели ни къ чему: массы долгое время оставались инертными массами въ духовномъ отношеніи. Святители церкви XI, XII и слѣдующихъ столѣтій ведутъ упорную борьбу словомъ, а порой и дѣломъ, опираясь на авторитетъ власти князя, съ языческими суевѣріями, обрядами, вообще съ языческимъ міровоззрѣніемъ; доказательства цѣлыми ворохами могутъ быть приведены изъ поученій этихъ святителей за названный періодъ времени. Мы не будемъ здѣсь приводить этихъ доказательствъ, въ виду того, что на этомъ же предметѣ придется останавливаться болѣе или менѣе подробно во второй главѣ настоящей статьи.

Видя полную неудачу въ борьбѣ съ началами язычества въ средѣ «взрослаго поколѣнія», первые святители церкви обратили свою дѣятельность на подрастающее поколѣніе, на дѣтей, но на этомъ поприщѣ долго терпѣли неудачи: святой Леонтій, преемникъ одного изъ выгнанныхъ изъ Ростовской земли епископовъ, направившій свою дѣятельность именно въ эту сторону, замученъ былъ взрослыми *). Нужно ли указывать на нелюбовь населенія къ школамъ, заводимымъ духовенствомъ и князьями, поднявшимися до уровня его развитія? Это извѣстно даже изъ учебниковъ. Правда, «рознь» духовная, съ постепенною замѣной духовныхъ иноземцевъ соотечественниками, постепенно исчезала; но это достигалось цѣною пониженія развитія духовенства до уровня развитія массъ, какъ увидимъ дальше, и не устранило розни иного рода.

Торгово-промышленное, посадское населеніе, рано, какъ мы сказали, выдѣлившееся изъ общей народной массы, не представляло и само по себѣ даже въ каждомъ изъ городовъ единаго цѣлаго уже во времена раннихъ извѣстій. «Лучшіе» люди изъ этой среды вмѣстѣ съ городскимъ духовенствомъ, особенно высшими его представителями, стояли ближе всѣхъ къ интересамъ князя и его дружины. Долгое время «городъ» противополагался всей «землѣ», какъ власть всему ей подчиненному. Лучшій, наиболѣе полный, матеріалъ для характеристики взаимныхъ отношеній городскаго населенія къ сельскому и отдѣльныхъ слоевъ другъ къ другу даетъ намъ исторія Новгорода, гдѣ древній вѣчевой строй успѣлъ сложиться полнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой «землѣ».

---

*) Тамъ же.

А въ Новгородѣ за весь періодъ его самостоятельнаго существованія, по словамъ одного изъ изслѣдователей его быта, «безпрестанно происходили раздоры, и *молодшіе или черные враждовали со старѣйшими и богатыми»* *). Лѣтописное преданіе самое призваніе князей изъ-за моря мотивируетъ тѣмъ, что «возста родъ на родъ и не бѣ управы». Раздоры и вражда молодшихъ, или худшихъ, съ лучшими составляютъ такую характеристическую черту всего новгородскаго строя, которая рельефно выразилась въ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ-былинахъ, изъ коихъ, напр., такая, какъ извѣстная былина о Васькѣ Буслаевѣ, вся построена на противоположности лучшаго, богатѣйшаго человѣка, представителя лучшихъ людей вообще, съ худшими, молодшими, простою «чадью» мужицкою, мужиками. Народный умъ, пораженный этимъ явленіемъ, нашелъ ему поясненіе, создавъ извѣстное преданіе о томъ, что когда, во время крещенія Новгорода огнемъ и мечомъ, стародавній богъ славянскій Перунъ былъ сброшенъ съ моста въ Волховъ, онъ бросилъ на мостъ палку съ такими словами: «поминайте меня этимъ»; по народному воззрѣнію, эта палка разжалованнаго бога и внесла вѣчныя смуты въ среду новгородскаго населенія. Богъ отомстилъ этимъ за себя.

Одного такого преданія уже достаточно было бы, чтобы воздержаться отъ утвержденія, что въ древней жизни царили миръ и единство. Но на подмогу преданію о перуновой палкѣ можно привести и историческіе факты, которыми пестрятся изрѣдка страницы лѣтописи, вообще не особенно обильной указаніями на внутреннюю, бытовую сторону жизни нашихъ предковъ.

Отсутствіе единства въ новгородскомъ населеніи проявлялось ярче и ярче всего въ исторіи князей, если можно такъ выразиться: въ ихъ призваніи, въ ихъ изгнаніи,—въ тѣхъ партіяхъ, которыя составлялись и боролись въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ призванія или изгнанія князя, который, въ сущности, всегда одерживалъ верхъ, сидѣлъ на столѣ господина Великаго Новгорода или же лишался этого стола, уходя изъ Новгорода, смотря по тому, одерживала верхъ или терпѣла пораженіе его партія, его «пріятели», какъ выражался лѣтописецъ. Въ первой половинѣ XII столѣтія (въ 1136 году) новгородцы вмѣстѣ съ псковичами и ладожанами по вѣчевому приговору изгнали изъ города своего князя

*) *Костомаровъ*, «Сѣверно-русскія народоправства», II, гл. VII.

Всеволода за неблюденіе смерда, какъ выражается лѣтопись. Не прошло и года, какъ къ изгнанному князю изъ Новгорода убѣгаетъ посадникъ, а съ нимъ «добрыхъ мужъ нѣсколько», и вслѣдъ за этимъ Всеволодъ является въ стѣнахъ Пскова, «хотя сѣсти опять на столѣ своемъ Новгородѣ». Связь этихъ фактовъ несомнѣнна: князь опирается на кружокъ бѣжавшихъ къ нему «добрыхъ» людей и съ ними думаетъ противъ воли населенія снова засѣсть въ Новгородѣ. Лѣтописецъ прямо дальше разсказываетъ, что князь явился въ Псковъ, будучи «позванъ отаи новгородскими и псковскими мужи, *пріятели* его». Но «людіе», то-есть всѣ эти «середніе и худшіе» новгородцы, за годъ передъ тѣмъ изгнавшіе нелюбимаго князя, не исполнявшаго договора съ вѣчемъ, «не всхотѣша» князя и «бысть мятежъ великъ Новгородѣ». «Пріятели» князя,—а это все были «бояре», остававшіеся въ Новгородѣ,—бѣжали; народъ разграбилъ ихъ домы и имущество; изгнанный князь умеръ въ Псковѣ.

Такого рода фактовъ можно найти не мало въ исторіи Новгорода, Пскова и иныхъ земель государства до-московскаго періода нашей исторіи. Мы привели лишь наиболѣе характерный. Въ лѣтописномъ разсказѣ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ не о боярахъ-дружинникахъ князя, а о боярахъ *земскихъ*, высшемъ слоѣ земскомъ Великаго Новгорода. Между массами населенія Новгорода и въ особенности его волостей и этими боярами слишкомъ часто проявлялась рознь въ такихъ высокой важности государственныхъ вопросахъ, какъ приглашеніе князей и заключеніе съ ними договоровъ,—другими словами, установленіе политическаго строя. Проявлялась эта рознь въ средѣ городскаго населенія и по поводу выборовъ намѣстника, которые сплошь и къ ряду кончались кровопролитною свалкой разбушевавшагося народа, новгородской «простой чади», подъ предводительствомъ боярскихъ партій. Здѣсь было мѣсто всему: и крамоламъ, и измѣнамъ, и кровавымъ переворотамъ.

Отношеніе земскихъ бояръ, крупныхъ землевладѣльцевъ того времени, къ земледѣльческому населенію новгородскихъ волостей никоимъ образомъ не покоилось на началахъ только единства, все равно, вытекали ли эти отношенія изъ положенія бояръ въ волости, какъ представителей власти господина Великаго Новгорода, или изъ положенія ихъ только какъ землевладѣльцевъ. Бѣляевъ совершенно справедливо говоритъ въ своей «Исторіи Новгорода Великаго» («Разсказы изъ русской исторіи», т. II), что

«въ позднѣйшее время новгородской исторіи боярскія фамиліи рѣзче и рѣзче *отдѣляли свои интересы отъ интересовъ народа»*, благодаря чему дѣло дошло до того, что «новгородскіе *бояре*, *продавая свое отечество* князьямъ (припомнимъ только-что приведенное мѣсто изъ лѣтописи), *совершенно разошлись съ народомъ»*, который именно благодаря такому положенію вещей, отношенію къ нему «командующихъ» классовъ Великаго Новгорода, съ такою отчаянною готовностью бросился изъ огня въ полымя, отдавшись подъ властную руку уже сильныхъ князей московскихъ, такъ ловко воспользовавшихся новгородскою рознью.

Съ явленіями тождественнаго порядка встрѣчаемся мы и во всѣхъ остальныхъ земляхъ-государствахъ до-московскаго періода нашей исторіи. Вездѣ «лучшіе» люди идутъ въ рознь съ молодшими, худшими, т. е. высшіе слои населенія съ массами. Пока князья со своими дружинниками бродили изъ конца въ конецъ Руси, земское городское населеніе въ своемъ цѣломъ все-таки противополагалось такъ или иначе дружинѣ съ ея главою, входя съ послѣднимъ въ договоры чисто-политическаго характера,—договоры, которые скоро стали облекаться въ письменную форму и содержали въ себѣ условія, на которыхъ князь долженъ былъ вѣдать землю *). Но когда, со времени завоеванія Руси татарами, князь, исключая Новгорода и Пскова, садился на столѣ въ силу ханскаго ярлыка, ханской воли, когда княжескіе роды осѣли въ извѣстныхъ областяхъ, стали такъ-сказать осѣдлыми,—всѣ правящіе классы слились во-едино, постепенно обращаясь въ слугъ, холопей князя, и, въ качествѣ таковыхъ, почти всю свою дѣятельность направляли на охраненіе своихъ личныхъ интересовъ. Если въ періодъ господства вѣчевыхъ порядковъ между правящими классами и молодшими людьми далеко не царило единство, то съ паденіемъ его господство розни стало проявляться еще рѣзче и интенсивнѣе: до сихъ поръ высшіе классы все-таки нуждались въ молодшихъ людяхъ, какъ въ *политической* силѣ, на которую они опирались въ борьбѣ между собой или съ княземъ-дружинникомъ. Съ развитіемъ новыхъ порядковъ политическая *открытая* борьба не имѣетъ болѣе мѣста. Дружинники, постепенно обращаясь въ «холопей» князя, сливаются съ земскими боярами, попадающими въ то же положеніе, и ведутъ борьбу другъ

---

*) Такихъ договоровъ дошло до насъ нѣсколько изъ прошлаго Новгорода. Они изданы въ извѣстномъ „Собраніи госуд. грам. и договоровъ» въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія гр. Румянцевымъ.

съ другомъ не открытую, а подпольную, захаживая передъ княземъ, теперь источникомъ всякихъ великихъ и богатыхъ милостей, и подставляя ногу другъ другу. Съ этого момента живая, непосредственная связь правящихъ классовъ съ массами исчезаетъ; послѣднія становятся исключительно объектомъ управленія, а первые—полными хозяевами. Реальное выраженіе взаимныхъ отношеній этихъ двухъ группъ населенія въ слагающемся къ концу перваго періода нашей исторіи новомъ государствѣ мы не будемъ пытаться изображать здѣсь со всѣхъ сторонъ, а остановимся, согласно цѣли настоящей статьи, лишь на одной изъ нихъ—на той, которая указываетъ, что рознь, и рознь притомъ рѣзко проявляющаяся, разъѣдала въ то время народъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, во всей его совокупности.

Та «народная правда», съ которой такъ много носятся въ наше время публицисты и патріоты извѣстнаго закала, несомнѣнно уже была чужда, за рѣдкими исключеніями, правящимъ, командующимъ классамъ наканунѣ водворенія московскихъ порядковъ. Эта «правда» замѣняется въ названной средѣ всяческими «грамотами» княжескими: князья, блюдя свои, «государевы», доходы, стараются всякими «уставными» и «жалованными» грамотами установить предѣлы «правды», долженствующей, по ихъ воззрѣнію, имѣть мѣсто въ отношеніяхъ между ихъ «черными людьми», православными «крестьянами и посадскими» съ одной стороны и органами командующихъ классовъ съ другой. «И мои намѣстници ходятъ по сей моей грамотѣ великаго князя»,—говоритъ московскій князь Василій Дмитріевичъ, обращаясь къ населенію только-что завоеванной имъ у Новгорода Двинской земли, въ отношеніяхъ коего къ своимъ намѣстникамъ онъ стремится водворить «правду». Не надѣется князь, что и «грамота» заставитъ его слугъ ходить по правдѣ, и вооружаетъ мѣстное населеніе правомъ «бить на нихъ челомъ» ему, князю, а тѣмъ изъ слугъ, «кто не иметъ ходити по грамотѣ,—говоритъ князь,—быти тому отъ мене отъ великаго князя въ казни».

Ни право населенія «бить челомъ» князю на его слугъ, ни угроза князя послѣднимъ «казнью—ничто не помогало. Слуги князя, тогдашніе администраторы, смотрѣли на населеніе исключительно какъ на источникъ «кормленья», какъ на дойную корову, говоря вульгарнымъ языкомъ. Пришлось по возможности точнѣе опредѣлять тѣ сборы съ населенія въ пользу княжескихъ слугъ, которые составляли кормы послѣднихъ и которые сна-

чала никакими грамотами и уставами не опредѣлялись, будучи устанавливаемы просто обычаемъ и всѣ опредѣленія которыхъ исчерпывались, какъ, наприм., въ Русской Правдѣ, замѣчаніемъ «...имъ (лошадямъ княжескихъ чиновниковъ) на ротъ колько могуть зобати» (съѣсть), или: «а корму имъ имати собѣ и конемъ довольно». Плохо достигали цѣли и эти опредѣленія, такъ-сказать такса поборовъ въ пользу администраторовъ, которые продолжали ихъ «чинить сильно». Всѣ административныя функціи того времени исчерпывались въ сущности двумя—отправленіемъ суда и сборомъ всякаго рода налоговъ. Первая обратилась почти исключительно въ непосильный для народа сборъ всякихъ «виръ», «продажъ»; вторая представляла еще болѣе, пожалуй, широкое поле для злоупотребленій. На князя посыпались со всѣхъ сторонъ жалобы и челобитныя, какъ только исчезло вѣче, которое само расправлялось со своими и княжескими слугами, какъ и съ самими князьями, въ случаѣ неблюденія ими интересовъ народныхъ. Въ концѣ концовъ князь не находилъ иныхъ способовъ заставить своихъ слугъ «ходить по правдѣ», какъ по возможности ограничивъ, съузивъ предѣлы самаго хожденія: ограничивалась функція ихъ судебной дѣятельности въ пользу выборныхъ народныхъ судей; съуживались самыя области въ территоріальномъ смыслѣ ихъ дѣйствій вообще: цѣлыя части округовъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію, князья находили нужнымъ изъять изъ этого послѣдняго, отдавая ихъ, на основаніи такъ-называемыхъ жалованныхъ грамотъ, въ вѣдѣніе землевладѣльцевъ этихъ округовъ, свѣтскихъ или духовныхъ. Этимъ путемъ частныя лица обращались въ административные органы князя, а вмѣстѣ и въ тѣхъ хищниковъ, нарушителей какъ княжескаго, такъ и народнаго «прибытка». Судъ сдѣлался средствомъ «хищеній» и угнетенія богатаго надъ неимущимъ. Онъ сталъ предметомъ ѣдкой народной сатиры. Если не спасеніе, то хоть временное облегченіе давало народу такое палліативное средство, какъ переселеніе изъ области одного княжества-государства въ область другаго или съ территоріи одного землевладѣльца на территорію другаго. Но это давало, какъ я сказалъ, лишь временный отдыхъ: переселявшіеся слегка отдыхали, откармливались, лишь съ тѣмъ, чтобы приготовить себя къ новому обирательству. Кончилось дѣло тѣмъ, что въ исходѣ періода, къ XVI столѣтію, правящіе классы, въ смыслѣ *командующихъ*, «многіе грады и волости *пусты учинили*,—по словамъ лѣтописца,—*сотворишася гонители и раззорители*».

Итакъ, въ до-московскій еще періодъ народъ распадается на «битыхъ и бьющихъ». Но цѣнители московскихъ порядковъ несомнѣнно возразятъ, что указанный здѣсь порядокъ вещей сложился въ результатѣ княжеско-вѣчеваго строя, его порядковъ, терзавшихъ «древнюю Россію»,—строя, благодаря которому, выражаясь напыщеннымъ языкомъ нашего исторіографа, «россіяне притупляли мечи въ гибельномъ междоусобіи» и «Россія была өеатромъ раздора» князей. Къ этому періоду нашей исторіи, очевидно, у нашихъ публицистовъ-патріотовъ и ихъ почитателей сердце не лежитъ—потому ли, что истерзанная Россія не была въ дѣйствительности Россіей въ смыслѣ единаго «цѣлокупнаго» государства, или потому, что въ разныхъ земляхъ ея даже и послѣ татарскаго погрома еще не совсѣмъ сложило голову вѣче, смѣвшее устанавливать отношенія «земель» къ князю не на одномъ сердечномъ согласіи, а и на «рядѣ», увы, *писанномъ* и крестнымъ цѣлованіемъ сторонъ скрѣпленномъ. Мы рѣшать этого вопроса не беремся. Несомнѣнно, что «цѣлокупности» Московскаго государства, установившейся съ XVI столѣтія, придается огромное значеніе. Съ момента паденія послѣдняго могикана вѣчевыхъ порядковъ, Пскова, съ момента обращенія послѣдняго удѣльнаго князя въ вѣрнаго холопа его великаго князя и царя московскаго, по такой теоріи, Русь внутреннимъ терзаніямъ подвергаться уже не можетъ; не можетъ не измѣниться и положеніе вещей.

Оно и измѣнилось до рѣзкой противоположности, почти полной неузнаваемости въ отношеніи политическаго строя сравнительно съ тѣмъ, что имѣло мѣсто въ княжеско-вѣчевой періодъ. Все буйное, все безпокойное сломлено. Многочисленныхъ князей Рюриковичей смѣнилъ одинъ царь-Рюриковичъ, потомъ Романовъ; вольные дружинники князей смѣнились служилыми людьми царя, свободное крестьянское населеніе обратилось въ крѣпкихъ сначала землѣ, а потомъ и лицу людей. «Всѣ народные интересы сосредоточиваются,—говоритъ Н. И. Костомаровъ,—въ одномъ лицѣ, которое становится апоөеозомъ страны и народа... Исчезаетъ бытіе отдѣльныхъ частей, уничтожается народоправленіе,—все стремится къ единообразію; преобразованіе обычая въ постановленіе, сознанія—въ букву закона, перевѣсъ повинности надъ личною свободой, старѣйшинства—надъ общинностью, стремленіе къ осѣдлости, установкѣ, покою». Въ результатѣ такого стремленія «образовалось государство,—замѣчаетъ тотъ же Костомаровъ въ

другомъ мѣстѣ,—съ единодержавнымъ главой, состоявшее *изъ холоповъ, сиротъ и богомольцевъ»*.

Пробудился Потокъ на Москвѣ на рѣкѣ,
. . . .
. . . .
. . . .
Вдругъ гремятъ тулумбасы, идетъ караулъ,
Гонятъ палками встрѣчныхъ съ дороги...
Ѣдетъ царь на конѣ, въ зипунѣ изъ парчи,
А кругомъ съ топорами идутъ палачи,
Его милость сбираются тѣшить:
Тамъ кого-то рубить, или вѣшать.
И во гнѣвѣ за мечъ ухватился Потокъ:
Что за ханъ на Руси своеволитъ?
Но вдругъ слышитъ слова: то земной ѣдетъ богъ!
То отецъ нашъ казнить насъ изволитъ!
И на улицѣ, сколько тамъ было толпы:
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи—
Всѣ передъ нимъ повалились на брюхи.

Въ такой картинкѣ Потокъ-богатырь покойнаго графа Толстаго живописуетъ чуждый ему, богатырю княжеско-вѣчеваго строя, порядокъ московскаго времени.

И въ самомъ дѣлѣ, казалось бы, теперь уже не можетъ быть ни розни, ни крамолъ, ни кровавыхъ переворотовъ,—теперь, когда «всѣ народные интересы сосредоточиваются въ одномъ лицѣ», когда передъ этимъ лицомъ лежащее у ногъ его населеніе представляетъ собой сплошную массу холопей этого лица. Но въ холопяхъ-то этихъ и бѣда. Впрочемъ, не будемъ забѣгать впередъ. Обратимся къ дѣйствительности, къ самой жизни Московскаго государства, и предоставимъ ей самой утверждать или отрицать благочестивый идеалъ нашихъ публицистовъ-патріотовъ.

Мы не будемъ останавливаться на первыхъ тридцати слишкомъ годахъ шестнадцатаго столѣтія, на времени княженія Ивана III (послѣднія пять лѣтъ его княженія приходятся на XVI ст.) и его сына Василья. Мы дѣлаемъ это въ виду возможности возразить, что въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVI столѣтія нельзя искать прочно установившихся порядковъ новаго общественно-государственнаго строя: Новгородъ палъ въ концѣ XV, а Псковъ даже

въ началѣ XVI столѣтія. Могутъ сказать, что по крайней мѣрѣ первая четверть XVI столѣтія должна была уйти на установленіе, закрѣпленіе новыхъ порядковъ, установляемыхъ въ сущности уже съ очень и очень давняго времени.

Мы начнемъ со смерти Василья, окончательно сломившаго, въ лицѣ Пскова, Рязани и такъ-называемой Сѣверской земли, старые, княжеско-вѣчевые порядки. Сломивъ старые порядки, онъ, можно смѣло сказать, прочно установилъ новые. Не даромъ же посолъ императора Максимиліана, года полтора прожившій въ Москвѣ при этомъ князѣ и отлично знакомый со всѣмъ происходившимъ вокругъ него, изображаетъ намъ Василья какъ властелина, властью своею превосходящаго «*едва ли не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра*, свободно, по своему произволу распоряжающагося жизнью и имуществомъ всѣхъ». Этотъ властелинъ, умирая, благословилъ на великое княженіе старшаго изъ двухъ остававшихся сыновей, Ивана, которому было всего три года отъ роду. Правительницей государства и опекуншей малолѣтняго князя была мать послѣдняго, княгиня Елена, урожденная Глинская.

Едва тѣло умершаго князя было предано землѣ, какъ княгинѣ-правительницѣ пришлось узнать о томъ, что, какъ мы видѣли, наши публицисты извѣстнаго пошиба считаютъ порожденіемъ XVIII вѣка: «тотчасъ послѣ похоронъ Василія,—говоритъ Соловьевъ,—вдовѣ его донесли уже *о крамолѣ*» *). Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ этой «крамолы»: цѣлыя пятнадцать лѣтъ царствованія Грознаго, все его малолѣтство—не что иное какъ сплошной рядъ крамолъ, убійствъ, дворцовыхъ переворотовъ, если за таковые принимать смѣну одной боярской клики другою въ дѣлахъ управленія государствомъ; а не принять этого нельзя,—каждая такая клика, управляя именемъ царя, замѣняла его. По ихъ кровавости, эти перевороты едва ли уступаютъ дворцовымъ переворотамъ XVIII столѣтія: Овчина Телепневъ-Оболенскій, по сверженіи его, умираетъ въ тюрьмѣ отъ голода и тяжести оковъ; Бѣльскій, сломленный Иваномъ Шуйскимъ, умерщвленъ въ тюрьмѣ сторонниками послѣдняго; соправитель Бѣльскаго, митрополитъ московскій Іоасафъ едва спасся отъ такой же участи и былъ сосланъ въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь; показавшійся опаснымъ Шуйскимъ, любимецъ царя-юноши, Ѳедоръ Воронцовъ на глазахъ у послѣдняго былъ если не убитъ, то из-

*) «Ист. Росс.», *Соловьева*, т. VI, стр. 3.

битъ и опозоренъ и потомъ сосланъ. Два послѣдніе переворота своею кровавостью превзошли всѣ предыдущіе. Шуйскіе пали при участіи уже самого тринадцатилѣтняго царя, который, по выраженію Соловьева, рѣшился *напасть* на Андрея Шуйскаго, стоявшаго тогда во главѣ государства. 29 декабря 1543 года царскіе псари убили этого боярина-сановника, волоча его какъ пса по землѣ. Четыре года спустя временщики Глинскіе пали еще ужаснѣе и на этотъ разъ въ расправѣ уже принялъ участіе народъ московскій: послѣ извѣстнаго пожара, истребившаго Москву, по «крамолѣ» бояръ, враговъ Глинскихъ, послѣдніе были обвинены въ сожженіи Москвы, и разъяренный народъ не остановился передъ оскорбленіемъ святыни, чтобы добыть одного изъ заподозрѣнныхъ—Юрія Глинскаго, который скрылся въ Успенскомъ соборѣ, но былъ схваченъ тамъ толпой и убитъ... «Крамола» стало-быть изъ предѣловъ царскаго дворца перешла на площадь, изъ переворота—въ возстаніе, которое и было усмирено казнями.

Въ этомъ прошли первыя пятнадцать лѣтъ царствованія Грознаго. Это время съ полнымъ основаніемъ можно назвать временемъ безгосударнымъ. Одинъ изъ иноземцевъ, прожившій въ Россіи одиннадцать лѣтъ, итальянецъ Петръ, архитекторъ, бѣжалъ въ 1539 году въ Ливонію и тамъ на вопросъ дерптскаго епископа о причинѣ бѣгства отвѣчалъ слѣдующее: «и нынѣча какъ великаго князя Василья не стало и великой княгини, а государь нынѣшній малъ остался, а бояре живутъ по своей волѣ, а *отъ нихъ великое насиліе*, а управы въ земли никому нѣтъ, а промежь бояръ *великая рознь*, того деля есма мыслилъ отъѣхати прочь, что *въ земли Русской* великая мятежь *и безгосударство*».

Народъ окрестилъ это страшное для него время именемъ разнобоярщины. Царь одумался и рѣшилъ, какъ объ этомъ всенародно заявилъ на Лобномъ мѣстѣ съ благословенія митрополита, возстановить порядокъ и впредь «неправды раззорять и похищенное возвращать»; а «неправды и похищенное» достигали такихъ размѣровъ, благодаря «корысти, хищеніямъ и обидамъ», въ коихъ, по словамъ того же царя, «упражнялись» его «бояре и вельможи», что на истребленіе первыхъ и возмѣщеніе втораго едва ли у молодаго царя могло стать силъ и характера. У него и не стало ни того и ни другаго. Прошло какихъ-нибудь двѣнадцать лѣтъ и въ Москвѣ совершается что-то небывалое, даже и непонятное: «сыскавъ *измѣны* собаки Алексѣя Адашева со всѣми его совѣтники», какъ выражается Грозный въ одномъ изъ пи-

семъ къ Курбскому, онъ прогналъ отъ себя эту «собаку», кроваво расправившись съ ея «совѣтниками». Попъ Сильверстъ очутился въ Соловецкомъ монастырѣ. А самъ царь, немного спустя, бросилъ Москву, пропитанную, по его мнѣнію, всякими измѣнами и крамолами бояръ, воеводъ и всякихъ приказныхъ людей. Царь учинилъ себѣ на своемъ государствѣ опричнину», что-то въ родѣ государства въ государствѣ. Все стоявшее внѣ опричнины заподозрѣно. Начались страшныя, кровавыя казни. Настало снова безгосударное время. Поставленные во главѣ управленія «земщиной», бояре не пользовались довѣріемъ обезумѣвшаго царя. Настало время какого-то необузданнаго разгула царской воли. Вспомнимъ страшную, нечеловѣческую расправу съ Тверскою областью, особенно съ Новгородомъ. Это была какая-то кровавая оргія, въ которой не было пощады никому и ничему; кровь лилась рѣкою; умирали подъ пыткою, подъ топоромъ, въ Волховѣ, въ огнѣ. Смерть и грабежъ царили надъ Новгородомъ и его окрестностями цѣлыхъ полтора мѣсяца. Нашествіе царя на его волость произвело на населеніе ея такое впечатлѣніе, какое триста слишкомъ лѣтъ тому назадъ произвело на него нашествіе Батыя *). Въ 1574 году, учинивъ на одной изъ площадей московскихъ одну изъ наиболѣе кровавыхъ расправъ своихъ надъ боярами, духовенствомъ и «всякихъ чиновъ людьми», царь «произволилъ и посадилъ царемъ на Москвѣ Симеона Бекбулатовича (татарскаго хана выкреста) и *царскимъ вѣнцомъ его вѣнчалъ*». Себя самого съ этого времени Грозный величаетъ лишь «государемъ княземъ московскимъ», или даже просто «княземъ», и къ татарину царю относится со всѣмъ внѣшнимъ униженіемъ, пародируя отношенія московскихъ бояръ къ царю вообще. Соловьевъ въ шестомъ томѣ своей Исторіи приводитъ цѣликомъ челобитную царя къ Симеону Бекбулатовичу, которая начинается такъ: «Государю великому князю Симіону Бекбулатовичу всеа Русіи Иванецъ Васильевъ съ своими дѣтишками съ Иванцомъ да съ Ѳедорцомъ челомъ бьютъ», а оканчиваетъ слѣдующими словами: «да покажи государь милость, укажи свой государскій указъ... и о всемъ тебѣ государю челомъ бьемъ, государь смилуйся, пожалуй»**). И эта позорная комедія тянулась цѣлыхъ два года и закончилась ссылкой кукольнаго царя-татарина.

---

*) Тамъ же, т. VI, стр. 231—234.

**) Прим. 94.

Сказанія о послѣднихъ годахъ царствованія царя уже не пестрятся извѣстіями о казняхъ. За два года до смерти царь убилъ своего старшаго сына.

Покойный Соловьевъ начинаетъ описаніе царствованія преемника Грознаго, его втораго сына, Ѳедора, такъ: «...и по смерти Грознаго государство находилось въ такомъ же положеніи, какъ и по смерти отца его» *); другими словами, оно находилось въ такомъ же состояніи безгосударности, какъ и тогда. Новый царь если былъ не малолѣтенъ, то «скорбенъ главою», что для государства горше и самаго малолѣтства: все время царствованія—время постоянныхъ крамолъ, измѣнъ, интригъ. Претендентовъ на захватъ управленія, сильныхъ происхожденіемъ, положеніемъ или умомъ, такъ много.

Самый актъ вступленія новаго царя на престолъ сопровождается смутами и крамолами: въ первую ночь по смерти Грознаго захватившіе власть бояре чинятъ цѣлый рядъ арестовъ, ссылокъ; населеніе Москвы волнуется; всѣ ея улицы заполнены войсками, на площадяхъ — пушки. Однако и такой порядокъ длился не долго. «Крамолы» перешли въ народное возстаніе, которымъ руководили бояре, противники Бѣльскаго, ставшаго во главѣ всего. Осажденъ былъ Кремль пародомъ и «ратными» людьми, которые, по сказанію лѣтописца, пришли къ городу «съ великою силой и оружіемъ», въ числѣ котораго были пушки. Только заявленіе отъ имени царя, что Бѣльскаго велѣно сослать въ Нижній-Новгородъ, успокоило осаждавшихъ, и осада Кремля была снята**).

Два года спустя по восшествіи Ѳедора на престолъ, снова начинаются крамолы при дворѣ. Умеръ бояринъ Никита Романовичъ, правившій за царя. Власть захватываетъ знаменитый Годуновъ. Противъ него составляется цѣлою партіей бояръ заговоръ съ цѣлью убить его. Опять «крамола». Только сломивъ ее, Годуновъ могъ спокойно обладать властью. Но это сдѣлать было не совсѣмъ-то легко. Отправивъ въ ссылку Мстиславскаго съ его партіей, Годуновъ еще долженъ былъ справиться съ Шуйскими, которые уже опирались на «торговыхъ» людей Москвы; пришлось расправляться съ тѣми и другими. Годуновъ все-таки справился: двоихъ Шуйскихъ удавили, семерымъ изъ торго-

*) «Ист. Рос.», *Соловьева*, т. VII, стр. 262.

**) Тамъ же, стр. 264 и слѣд.

выхъ людей отсѣкли головы, а остальныхъ разослали по разнымъ городамъ въ ссылку. «Лилась кровь, — говоритъ Соловьевъ, — на пыткахъ, на плахѣ; лилась кровь въ усобицѣ боярской». Попробовалъ митрополитъ московскій вмѣстѣ съ однимъ архіереемъ «попечаловаться» передъ скудоумнымъ царемъ о казнимыхъ и пытаемыхъ и... поплатился за это саномъ и ссылкой. Годуновъ не останавливался ни передъ чѣмъ. Такими путями онъ очистилъ себѣ путь къ власти. Предоставляемъ назвать ихъ какъ угодно: крамолой, измѣной, переворотомъ. Припомнимъ извѣстное убійство Димитрія въ Угличѣ. Черезъ шесть лѣтъ послѣ послѣдняго событія царь Ѳедоръ умеръ.

Не будемъ разсказывать о всѣмъ извѣстномъ вступленіи на престолъ Годунова. Ограничимся лишь указаніемъ, что по частнымъ извѣстіямъ, достовѣрность которыхъ никто не заподозрилъ, соборное избраніе Бориса далеко не было дѣломъ вполнѣ чистымъ: сестра претендента «деньгами и льстивыми обѣщаніями» склоняла стрѣлецкихъ начальныхъ людей повліять на москвичей и войско въ пользу Бориса; самъ Борисъ вездѣ искалъ сторонниковъ чрезъ посредство монаховъ, по всѣмъ концамъ Руси разосланныхъ и дѣйствовавшихъ подкупами и обѣщаніями, передъ которыми будущій царь не останавливался и самъ, вліяя на знатныхъ людей *). На престолѣ Московскаго государства сѣлъ простой бояринъ *изъ новыхъ*, — бояринъ, попавшій въ боярство *лично*, всего нѣсколько лѣтъ назадъ, бояринъ татарскаго происхожденія.

Новый царь сидѣлъ непрочно: ни соборное избраніе, ни оффиціальное утвержденіе, что онъ, такъ сказать, былъ предъизбранъ на царскій престолъ еще Грознымъ и назначенъ его сыномъ Ѳедоромъ, ни страшная клятва подданныхъ новаго царя въ томъ, чтобы «мимо... государя своего царя Бориса Ѳедоровича... и его царицы, и его дѣтей, иного никого на Московское государство не хотѣли видѣти, ни думати, ни мыслити...», ничто не помогло, — Годуновъ сидѣлъ «непрочно» на царствѣ. «Годуновъ палъ, — говоритъ нашъ историкъ, ссылаясь на свидѣтельства современниковъ, — *вслѣдствіе негодованія чиноначальниковъ* Русской земли» **). И погубили его эти «чиноначальники», несмотря на то, что царь, *по наущенію дьявола*, какъ выражается лѣтописецъ, установилъ цѣлую систему всеобщаго

*) Тамъ же, т. VIII, стр. 5.
**) Тамъ же, стр. 61.

доносничества, въ которой холопи боярскіе играли первенствующую роль. Доносчиковъ поощряли жалованными грамотами, помѣстьями, званіемъ служилыхъ людей; объ ихъ заслугахъ читали всенародно на площадяхъ. Доносы приняли страшные размѣры; и получилась, по выраженію лѣтописца, «великая смута» въ царствѣ; доносили другъ на друга попы и монахи; доносили жены на мужей, дѣти на родителей; мужи именитые доносили другъ на друга; много крови пролилось неповинной отъ казней и пытокъ; тюрьмы были переполнены; ничто не помогало, и царь видимо чувствовалъ это. Начались опалы, ссылки, казни, и все по доносамъ: пали Романовы, одному изъ рода которыхъ черезъ нѣсколько лѣтъ суждено было взойти на престолъ московскій, и почти всѣ они умерли въ далекой ссылкѣ; Ѳедоръ Никитичъ, впослѣдствіи патріархъ московскій и соправитель сына своего, царя Михаила, не разъ подвергнутъ былъ до ссылки пыткамъ, постриженъ подъ именемъ Филарета и сосланъ съ своимъ пятилѣтнимъ сыномъ Михаиломъ, впослѣдствіи царемъ, на Бѣлоозеро. Пытаны и сосланы были всѣ сколько-нибудь выдающіеся и заподозрѣнные бояре. Ничто не помогало, ни даже спеціальное моленіе, которое обязательно должно было произноситься при «заздравной чашѣ». Разнеслась вѣсть о появленіи истиннаго царя, спасшагося отъ руки убійцы-Годунова. Начинается то страшное десятилѣтіе на московской Руси, которому въ исторіи трудно найти что-либо подобное.

Началось время самозванщины, время междуцарствія, время смутъ и бѣдствій въ народѣ страшныхъ, казалось, безъисходныхъ; это—въ народѣ, а въ правящихъ, командующихъ классахъ—время крамолъ и *измѣнъ*, достигавшихъ размѣровъ еще небывалыхъ.

Мы остановимся на этой эпохѣ «московскаго раззоренія» лишь съ цѣлью указать на нѣкоторые историческіе факты, важные для нашей цѣли.

Съ октября 1604 года на Руси *два* царя: одинъ—въ Москвѣ, соборомъ избранный, патріархомъ вѣнчанный; другой—на окраинѣ Руси. Темная личность самозванца вступила въ предѣлы Московскаго государства, предшествуемая письмомъ къ царю Борису и грамотами къ представителямъ его власти въ городахъ—воеводамъ, дьякамъ и къ самому населенію. Грамоты писались отъ имени царевича Димитрія, шедшаго «съ Божіею помощію на прародителей его на Московское государство и на всѣ государства Россійскаго царствія».

Если не съ Божьей помощью, то съ помощью вооруженной силы, постоянно возраставшей благодаря измѣнѣ вѣнчанному царю цѣлаго ряда городовъ, сдававшихся безъ боя, и многихъ бояръ, измѣнявшихъ Борису, выдававшій себя за царевича Димитрія, черезъ восемь мѣсяцевъ по вступленіи въ предѣлы Московскаго государства, торжественно вступилъ въ Москву при восторженныхъ кликахъ ликующаго народа. Москва ликовала на свѣжей могилѣ за девять дней передъ тѣмъ убитаго Ѳедора, сына Бориса, которому она присягала за два мѣсяца до этого, какъ своему царю.

Поведеніе боярства и вообще служилаго сословія Московскаго государства за эти восемь мѣсяцевъ составляетъ любопытнѣйшую страницу изъ исторіи этого сословія.

Лишь только появились слухи о самозванцѣ, царь Борисъ, его «богомолецъ» патріархъ Іовъ и бояре принимаютъ всѣ мѣры, чтобъ убѣдить москвичей и все населеніе Московскаго государства въ самозванствѣ и «воровствѣ» появившагося претендента. Василій Шуйскій, будущій царь московскій, распинается въ томъ, что настоящій царевичъ дѣйствительно умеръ отъ ножа въ Угличѣ; а патріархъ Іовъ разсылаетъ, для прочтенія во всѣхъ церквахъ, грамоту, въ которой самозванецъ величался «разстригой, вѣдомымъ воромъ»; въ которой говорилось, что всѣхъ ставшихъ на сторону этого вора «соборно и всенародно прокляли и впредь проклинать велѣли». А вслѣдъ за этимъ воеводы войска, высланнаго противъ самозванца, Петръ Шереметевъ и Михайла Салтыковъ, въ разговорѣ съ своимъ сподвижникомъ Хрущовымъ, ѣхавшимъ по назначенію царя на Донъ поднимать противъ «вора» казаковъ,—заявляютъ, что «трудно противъ *природнаго* государя воевать». Хрущовъ, потерпѣвъ неудачу у казаковъ, былъ выданъ ими самозванцу и немедленно призналъ послѣдняго прирожденнымъ московскимъ государемъ. Въ Москвѣ служилые люди пьютъ здоровье самозванца *). Бояре, если вѣрить одному современному извѣстію, пошли даже дальше: разсылая вмѣстѣ съ патріархомъ по всей Руси московской грамоты, позорящія самозванца, въ то же время слали тайно посла къ польскому королю, котораго просили помочь самозванцу**). Борисъ умеръ. Сынъ его Ѳедоръ немедленно отправилъ къ войску, что только-что

*) Тамъ же, т. VIII, стр. 101 и слѣд.
**) Тамъ же, стр. 96.

одержало побѣду надъ самозванцемъ, новаго воеводу Ѳедора Басманова, изъ стариннаго рода боярскаго; новый воевода отличился защитой отъ самозванца Новгорода-Сѣверскаго, за что и былъ осыпанъ покойнымъ Борисомъ всякими милостями. Отправляясь въ путь, Басмановъ клялся въ вѣрности юному царю и его матери, обѣщалъ имъ, по выраженію лѣтописца, «правду дѣлати». А едва пріѣхалъ въ лагерь, какъ «палъ къ погамъ разстриги, въ видѣ гнуснаго предателя», выражаясь языкомъ нашего историографа *). Любимецъ покойнаго Бориса, Басмановъ, не особенно колеблясь, измѣнилъ сыну его, Ѳедору, которому незадолго передъ тѣмъ клялся въ вѣрности и, вмѣстѣ съ другими воеводами, двумя Голицыными и Салтыковымъ, перешелъ на сторону самозванца. Войско перешло вмѣстѣ съ нимъ.

Москва взволновалась. Ея «лучшіе» люди не нашли ничего лучшаго, какъ послать идущему въ Москву самозванцу съ повинною головой грамоту отъ всей Москвы: отъ патріарха Іова, митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и всего духовенства, отъ бояръ, окольничихъ и всѣхъ служилыхъ людей, отъ гостей и торговыхъ всякихъ людей всего Россійскаго государства. Везли грамоту князья Воротынскій и Теляшевскій. Это было 3-го іюня. А меньше двухъ мѣсяцевъ передъ этимъ тѣ же патріархъ и духовенство, тѣ же бояре и окольничіе клялись и крестъ цѣловали Борису Ѳедоровичу въ томъ, чтобы «къ вору, который называется княземъ Дмитріемъ Углицкимъ, не приставати и съ нимъ, и съ его совѣтники, ни съ кѣмъ не ссылатись... и того вора... на Московскомъ государствѣ видѣти не хотѣти» **).

Недѣлю спустя послѣ отправленія повинной, тѣ же бояре, клявшіеся въ апрѣлѣ между прочимъ и въ томъ, чтобы «надъ государемъ царемъ... Ѳедоромъ Борисовичемъ всея Руси и надъ великою княжною Ксеньею Борисовною... ни въ чемъ лиха никакого не учинити и не испортити и зелья лихаго, и коренья не давати» ***),—учинили кровавую расправу надъ царскимъ семействомъ: мать царя-юноши удавили, а съ самимъ царемъ расправились еще гнуснѣе.

Самозванецъ просидѣлъ въ Бѣлокаменной всего одиннадцать мѣсяцевъ. Московское боярство въ присягахъ напрактиковалось, въ измѣнахъ и заговорахъ набило руку. Шуйскій, два раза кляв-

*) Тамъ же, т. XI, гл. III.

**) Собр. госуд. грам. и дог., II, 85, стр. 192.

***) Тамъ же, стр. 191.

шійся въ смерти царевича Димитрія и разъ въ томъ, что онъ живъ въ лицѣ самозванца, и тѣмъ нарушившій первыя двѣ присяги, не задумался нарушить и послѣднюю. Онъ составилъ заговоръ «для спасенія православной вѣры», по его увѣренію. Самозванецъ палъ 17 мая, а 19 глава заговора, «смѣлѣйшій обличитель самозванца,—какъ его характеризуетъ Карамзинъ,—виновникъ, *герой*, глава народнаго возстанія, князь отъ племени Рюрика, Св. Владиміра, Мономаха, Александра Невскаго, вторый бояринъ мѣстомъ въ думѣ, первый любовію москвитянъ и *достоинствами личными*, Василій Шуйскій»...*) сталъ царемъ московскимъ. Это тотъ Шуйскій, который приносилъ столько присягъ, чтобъ измѣнить всѣмъ имъ.

Всего четыре года удалось просидѣть на столѣ Московскаго государства «герою народнаго возстанія и князю отъ племени Рюрика». Героемъ народнаго возстанія во вкусѣ Шуйскаго могъ встать любой изъ бояръ того времени, не лишенный «царя въ головѣ», а происхожденіемъ «отъ племени Рюрика» могли похвалиться многіе и кромѣ его; ко всему этому, со смертью самозванца въ Москвѣ, не исчезъ самозванецъ въ московской Руси; ихъ даже появилось нѣсколько, какъ будто возродившихся изъ пепла перваго самозванца, развѣяннаго по воздуху.

Все это вмѣстѣ давало возможность многимъ изъ бояръ разсчитывать сыграть роль если не царя Шуйскаго, то по крайней мѣрѣ такую, изъ которой можно извлечь куда больше, чѣмъ изъ боярина-холопа его великаго государя, царя Василія Ивановича. Смѣемъ думать, въ указанномъ лежитъ въ значительной степени причина тѣхъ шестилѣтнихъ слишкомъ смутъ, того «страшнаго» раззоренія, которое пришлось пережить народу Московскаго государства во все время царствованія Василія Шуйскаго, и въ тѣ два съ половиною года, которые прошли послѣ его пострижения до выборовъ Михаила Романова.

Мы не будемъ утомлять вниманіе читателя разсказомъ объ «измѣнахъ» московскаго боярства и служилыхъ людей вообще въ теченіе указаннаго періода во всѣхъ подробностяхъ. Мы остановимся лишь на двухъ-трехъ историческихъ фактахъ этой категоріи, чтобы не быть голословными.

Уже нѣсколько дней спустя по вступленіи на престолъ Шуйскаго Москва принималась бунтовать два раза и оба раза,—по

*) «Истор. Рос.», *Соловьева*, т. XI, гл. III.

справедливому предположенію царя,—по проискамъ и крамолѣ боярской. Едва стихло въ Москвѣ, какъ два князя, Шаховской и Теляшевскій, посланные Шуйскимъ одинъ въ Путивль, а другой въ Черниговъ, вмѣстѣ съ какимъ-то дворяниномъ Молчановымъ, сочинили новаго самозванца, и смута закипѣла еще въ горшей степени на землѣ Русской. Меньше двухъ лѣтъ спустя по воцареніи Шуйскаго новый самозванецъ—не въ изданіи однако Шаховскаго—стоялъ уже подъ Москвой, на Волоколамской дорогѣ, въ селѣ Тушинѣ. Снова на Руси московской оказались два царя: одинъ—племени Рюриковичей, другой—«воръ». И воръ сломилъ вѣнчаннаго потомка Рюриковичей, опираясь на Польшу и *русскихъ служилыхъ людей* съ казаками. Служилые люди находили возможнымъ служить лишь тому изъ двухъ царей, принося каждому присягу, которому было выгоднѣе въ данную минуту. Въ Москвѣ «царемъ играху яко дѣтищемъ», говоритъ Авраамій Палицынъ объ этомъ времени. «Требованіе службы и вѣрности съ двухъ сторонъ,— говоритъ Соловьевъ,—отъ двухъ покупщиковъ, необходимо возвысило ея цѣну, и вотъ нашлось много людей, которымъ показалось выгодно удовлетворять требованіямъ обѣихъ сторонъ и получать двойную плату». Сегодня клялись въ вѣрности и цѣловали крестъ Шуйскому, завтра же дѣлали то же самое въ лагерѣ самозванца; не повезло у послѣдняго, снова возвращались въ Москву, приносили покаянную и отчаявающійся Шуйскій съ радостью принималъ ихъ. Но это только поднимало значеніе служилаго человѣка въ глазахъ тушинскаго царя, къ которому онъ и отправлялся и который покупалъ его за болѣе дорогую цѣну на этотъ разъ. Народъ окрестилъ такихъ циническихъ слугъ двумъ царямъ кличкой «перелетовъ». Не меньшими перелетами были и торговые люди Москвы, которые сбывали все по дорогимъ цѣнамъ въ Тушино, и «Тушино было въ изобиліи,— говоритъ историкъ Смутнаго времени,—а Москва день ото дня терпѣла недостатокъ. Понятія о долгѣ, объ отечествѣ и т. п. будто исчезли навсегда *). Даже *духовенство* не отставало отъ служилыхъ людей и промышленниковъ. Такъ во время осады знаменитой святыни русской—Троицкаго монастыря—въ ея стѣнахъ нашлись люди, не задумавшіеся стать на сторону «вора». Казначея монастыря обвиняютъ въ измѣнѣ. Еслибъ оказалось, что

*) Тамъ же, т. VIII, стр. 264 и 265, и «Смутное время Моск. госуд.», И. Н. Костомарова, т. II, стр. 156 и слѣд.

въ данномъ случаѣ «измѣна» и не вполнѣ констатирована, то во всякомъ случаѣ уже самое подозрѣніе, обвиненіе такого лица—фактъ въ высокой степени характерный. Приведемъ и еще одинъ фактъ не менѣе характерный. Напавъ на Ростовъ и взявъ его, тушинцы нашли въ соборѣ этого города массу народа съ митрополитомъ Филаретомъ, впослѣдствіи патріархомъ, который встрѣтилъ ихъ *съ хлѣбомъ-солью*. Будучи привезенъ въ Тушино, митрополитъ былъ нареченъ, въ качествѣ родственника царя, патріархомъ и, какъ таковой, разсылалъ грамоты по московской Руси. Предоставимъ разсказать объ этомъ нашему историку: «Самозванецъ изъ уваженія къ его (Филарета) родству съ мнимымъ братомъ своимъ, царемъ Ѳедоромъ, объявилъ его московскимъ патріархомъ и Филаретъ *долженъ былъ* (?) разсылать изъ Тушина грамоты по своему патріаршеству, то-есть по областямъ, признававшимъ самозванца. Такъ дошла до насъ его грамота къ Сапѣгѣ объ освященіи церкви; она начинается: «Благоволеніе великаго господина, преосвященнаго Филарета, митрополита ростовскаго и ярославскаго, *нареченнаго патріарха московскаго и всея Руси*» *). Тотъ же историкъ, приводя свидѣтельство одного изъ современниковъ о страшномъ нравственномъ состояніи общества того времени, между прочимъ, говоритъ: «Нашлись люди *и даже въ санѣ духовномъ*, которые воспользовались бѣдствіями общества для своихъ корыстныхъ цѣлей, *покупая у враговъ общества духовныя должности* цѣною денегъ и клеветы на людей, вѣрныхъ своимъ обязанностямъ. Но такіе покупщики не долго могли пользоваться купленнымъ, потому что примѣръ ихъ возбуждалъ другихъ, которые наддавали цѣну на этомъ безнравственномъ аукціонѣ... Къ анархіи политической присоединилась анархія церковная» **).

Что же было за положеніе Шуйскаго царя? Лѣтописецъ такъ описываетъ это положеніе: «аще бо и желая отсюду помощи и отнюду, но ни откуду-жъ обрѣтая, царь бо, не имый сокровища многа и друговъ храбрыхъ, подобенъ есть орлу безперу и неимущу клева и ногтей»***).

Если Шуйскій представлялъ собой ощипаннаго орла, то тушинскій царь—едва ли не ощипанную ворону. Въ 1609 году Си-

*) *Соловьевъ*, «Истор. Рос.», т. VIII, стр. 245 и 246.
**) Тамъ же, стр. 254.
***) «Иное сказаніе о самозванцахъ».

гизмундъ осадилъ Смоленскъ; городъ не сдавался *). Предпріятіе короля вызвало въ тушинскомъ таборѣ смуты: «воръ» покинулъ его, уѣхавъ въ Калугу, а находившіеся при немъ московскіе «перелеты», разумѣется, не нашли нужнымъ слѣдовать за нимъ; да едва ли и выгодно было ѣхать въ Москву: на горизонтѣ появлялась новая сила, король польскій,—сила, на которую можно было разсчитывать, что она сломитъ остальныя и захватитъ въ свои руки такъ дорогое «перелетамъ» отечество ихъ, Московское государство. Понятно, куда должно было тянуть «перелетовъ»; они и потянули. Въ таборѣ явился посолъ королевскій и говорилъ такія сладкія рѣчи, что «русскіе тушинцы», какъ называетъ ихъ Соловьевъ, съ своимъ патріархомъ Филаретомъ, пришли въ умиленіе и постановили бить челомъ королю о принятіи въ свои руки «православнаго Московскаго государства». Отвѣтная грамота королю, извѣщавшая объ этомъ рѣшеніи, начиналась такъ: «Мы, Филаретъ патріархъ московскій и всея Руси, и архіепископы и епископы и весь освященный соборъ... И мы бояре, окольничьи» и т. д.**). Грамота просила, впрочемъ, короля повременить нѣсколько, дабы успѣть посовѣтоваться съ паномъ-гетманомъ и людьми изъ городовъ Московскаго государства. Къ королю отправилось посольство, въ число которыхъ входили два бояринакнязя.

А въ Москвѣ еще сидитъ Шуйскій и просидѣлъ еще послѣ этого посольства тушинцевъ къ польскому королю цѣлые полгода. А дѣйствительный «герой» если не народнаго возстанія, то цѣлаго ряда побѣдъ вадъ врагами Московской земли — палъ и, по убѣжденію народа, палъ жертвою гнусной «крамолы». Въ іюнѣ 1610 года на Москву съ одной стороны шли поляки, а съ другой—вновь поднявшій голову самозванецъ. 17 іюля «бояре и всякіе люди» били челомъ царю Василью оставить престолъ Московскаго государства «для того, что кровь многая льется..., что онъ несчастливъ и города украинскіе... его не хотятъ же»; а 19-го того же мѣсяца низложенный царь долженъ былъ постричься.

---

*) Увы, и геройская защита Смоленска объясняется нашимъ историкомъ Соловьевымъ, на основаніи историческихъ данныхъ, между прочимъ такими причинами: 1) пребываніемъ въ Смоленскѣ семей служилыхъ людей, находившихся въ войскѣ Скопина, и 2) боязнью смоленскихъ купцовъ потерять свои деньги, которыми они снабдили въ долгъ царя Шуйскаго и которыя пропали бы въ случаѣ взятія города Сигизмундомъ. «Истор. Рос.», т. VIII, стр. 295 и сл.

**) Тамъ же, стр. 302.

Вся Москва присягала до избранія новаго царя «слушать бояръ»—князя Мстиславскаго «съ товарищи» и «судъ ихъ любить»; царя же новаго «выбрать боярамъ и всякимъ людямъ *всею землею*». Снова открывается служилымъ людямъ Московскаго государства широкое поле дѣятельности для достиженія всяческихъ цѣлей,—поле, едва ли еще не болѣе широкое, чѣмъ какое представлялось имъ до сихъ поръ. Царя надо было выбрать во что бы то ни стало, его надо было выбрать «*всею землею*», какъ и клялись въ томъ люди этой «земли» и сами бояре. Но такіе выборы состоялись лишь черезъ два съ половиною года: только въ началѣ 1613 года «земля» выбрала царя, выбрала его изъ рода бояръ Романовыхъ. Но прежде, чѣмъ выбрать царя, «земля» или, говоря нынѣшнимъ языкомъ, *народъ* Московскаго государства очистилъ Москву отъ поляковъ и всего, разводившаго въ ней смуту и «крамолу». А «крамола» въ теченіе этихъ двухъ съ половиной лѣтъ царила повсюду, какъ никогда. Мстиславскій съ товарищи не нашелъ другаго исхода, какъ спастись отъ одного врага Московскаго государства, отдавшись въ руки другаго: 27 августа вся Бѣлокаменная еще разъ (который—долго считать) присягала новому царю, королевичу Владиславу, сыну польскаго короля Сигизмунда, войска котораго стояли въ Можайскѣ. Этимъ путемъ бояре надѣялись сразу убить двухъ зайцевъ: истребить вора и... соблюсти свои «прибытки». Начались переговоры, вести которые отправились—митрополитъ Филаретъ, теперь уже не патріархъ втораго «вора», и Василій Васильевичъ Голицынъ, когда-то измѣнившій Годунову, а теперь самъ претендентъ въ цари. Сигизмундъ самъ хотѣлъ сѣсть на Московское царство,—въ этомъ смыслѣ велись переговоры съ московскимъ посольствомъ. Въ ходъ былъ пущенъ подкупъ, на который и пошли многіе изъ членовъ его, правда, второстепенныхъ. Одинъ думный дворянинъ, одинъ дьякъ, да двое духовныхъ—спасскій архимандритъ, да троицкій келарь Авраамій—и «*многіе* другіе дворяне и разныхъ чиновъ люди», не спросясь Филарета и Голицына, покинули посольство, отправившись въ Москву поднимать ея населеніе, присягнувшее Владиславу, въ пользу отца его Сигизмунда, за что и «*получили отъ короля* грамоты на помѣстья и другія пожалованія» *). Кромѣ этихъ добро-

*) Тамъ же, стр. 380.—Измѣнниковъ Филаретъ съ Голицынымъ пытались уговорить, но напрасно; келарь Палицынъ даже не явился къ нимъ (стр. 383).

вольцевъ пропаганды короля Сигизмунда въ Москвѣ работали ему въ руку и другіе. Бояринъ Салтыковъ ретиво работалъ въ пользу Сигизмунда. По всѣмъ почти приказамъ, вѣдавшимъ Московское государство, посажены были перебежчики отъ тушинскаго вора къ королю Сигизмунду. Въ одномъ изданіи памятниковъ, продолжающемся еще и въ настоящее время, мы встрѣчаемъ нѣсколько челобитныхъ «дворянъ (наприм., Валуевыхъ) и дьяковъ къ королю Жигимонту и королевичу Владиславу о «пожалованіи» ихъ, челобитчиковъ, за «ихъ службу» названнымъ лицамъ; какой-то Горихвостовъ проситъ пожаловать его—«быть у своего государева дѣла въ дьяцѣхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ», при чемъ указываетъ и на свои заслуги: «говорилъ я подданнымъ вашіе милости *на Москвѣ съ дворяны* и многіе люди, *вмѣщалъ и наговаривалъ* всякимъ людемъ *про вашу государскую милость*, чтобы били челомъ тебѣ государю о твоемъ сынѣ, чтобъ ему быти, государю нашему, на Московскомъ государствѣ». Этотъ сынъ отечества, патріотъ Московскаго государства, усердствовалъ въ указываемомъ имъ самимъ направленіи еще при жизни Шуйскаго, который и засадилъ его «съ женишкомъ и съ дѣтишками въ Ерославль, въ тюрьму» *). Такими челобитными, по свидѣтельству Соловьева, осаждали Сигизмунда московскіе служилые люди въ періодъ междуцарствія; челобитчики получили просимое отъ имени Сигизмунда, который въ своихъ жалованныхъ грамотахъ величалъ ихъ своими боярами **). Пожалованья отъ короля Сигизмунда получалъ самъ бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій и его товарищи.

Можно ли было надѣяться Московскому государству на Москву и ея служилыхъ людей послѣ этого?

Поднялись силы народныя и спасли Московское государство. Онѣ спасли его, очистивъ Москву отъ враговъ до избранія царя, очистивъ отъ нихъ всю Русь по избраніи его.

Первый царь изъ дома Романовыхъ былъ избранъ *не Москвою*, а всею землей, совѣтомъ всей земли, и въ этомъ его прочность на престолѣ, въ этомъ его сила, несмотря на личную слабость характера. Боярскимъ измѣнамъ и крамоламъ пришлось отодвинуться на задній планъ. Въ самомъ актѣ избранія царя всею землею въ лицѣ ея «лучшихъ и разумныхъ людей», послан-

---

*) «Рус. истор. Библ.», т. II, № 172.

**) «Истор. Рос.», т. VIII, стр. 385. Царица Марѳа, мать убитаго царевича Димитрія, была одной изъ челобитчицъ этого рода.

ныхъ этою землею въ Москву, въ качествѣ ея представителей, выражается то «единеніе» отдѣльныхъ слоевъ народа между собою и всего его съ царемъ, котораго недоставало предшествовавшимъ царствованіямъ. Ни Борисъ Годуновъ, ни тѣмъ менѣе сынъ его Θедоръ или Василій Шуйскій не были избраны совѣтомъ всей земли Московскаго государства, не опирались на него, и въ этомъ—причина ихъ гибели. Они были «выкликнуты» Москвой или лучше извѣстною частью ея, извѣстною партіей. Они и опирались только на нее, на эту партію; отсюда они являлись не представителями всего государства Московскаго во всей его совокупности, а лишь частицы его; они были олицетворителями «розни», а не единства. Опять-таки, повторяемъ, въ этомъ причина ихъ паденія.

Это отлично понимало боярство московское, когда возведеніе на престолъ названныхъ царей старалось облекать въ глазахъ народа въ формы соборнаго народнаго избранія, на самомъ дѣлѣ не имѣвшаго мѣста. Это понимали и всѣ лучшіе люди своего времени, когда добивались избранія царя дѣйствительно *всею землею*, когда добивались управленія этой земли съ совѣта ея самой, ея выборныхъ, «лучшихъ и разумныхъ людей». Это понимали цари Михаилъ Θедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ; когда въ трудныя минуты государственной жизни обращались за совѣтомъ и слѣдовали ему.

Одинъ изъ нашихъ ученыхъ называетъ царствованіе Михаила Θедоровича «въ полномъ смыслѣ слова золотымъ вѣкомъ земскихъ соборовъ». Дѣйствительно, первыя восемь лѣтъ этого царствованія были временемъ, можно сказать, соборнаго управленія Московскаго государства, временемъ управленія его царемъ «съ совѣта» представителей всей земли—всего освященнаго собора (духовенства), бояръ, окольничихъ, думныхъ людей, жильцовъ и дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ, гостей и всякихъ служилыхъ *и посадскихъ и уѣздныхъ людей всякихъ чиновъ*. Съ совѣта собора царь устанавливалъ новые соборы: «по нашему указу и *по земскому приговору*... посланы по городамъ для денежныхъ сборовъ ратнымъ людемъ на жалованье» сборщики; съ его совѣта рѣшались всякіе вопросы внѣшняго и внутренняго управленія *).

*) Нѣсколько большія подробности см. въ нашей статьѣ: „Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи Московскаго государства“, *Русская Мысль* 1880 г., кн. 5.

Но вотъ по смерти царя Михаила остался шестнадцатилѣтній сынъ Алексѣй. Московское государство окрѣпло. Царь Михаилъ, опираясь на совѣтъ земли, спокойно просидѣлъ на своемъ престолѣ тридцать два года,—попытки къ самозванству (Луба) не вели ни къ чему, внѣшнія отношенія государства упорядочены. Боярство московское снова поднимаетъ голову и выступаетъ при новомъ царѣ на первый планъ; совѣтъ земли оттирается на послѣдній.

Лица, такъ сказать, опекавшія царя-юношу,—лица, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалось все управленіе едва вздохнувшимъ Московскимъ государствомъ,—оказались, по отзыву нашего историка, не отличавшимися безкорыстіемъ, «не умѣвшими возвыситься до того, чтобы не пользоваться временемъ для своихъ частныхъ цѣлей» *). Правители, благодаря этому, забыли все предшествовавшее,—забыли, что царя Алексѣя, по выраженію Котошихина, все-таки «на царство обрали», что онъ вѣнчанъ, по свидѣтельству Олеарія, «единодушнымъ согласіемъ всѣхъ бояръ, знатныхъ господъ и всего народа», и что этотъ послѣдній не сомнѣвался, что «обранный» царь и его правители пойдутъ вмѣстѣ съ нимъ, народомъ. Забывъ все это, Морозовы и Чистые не нашли нужнымъ обращаться къ совѣту земли, блюсти интересы этой послѣдней и по возможности подавлять свои «частныя цѣли». Въ результатѣ снова получаются смуты, крамолы и всеобщая безурядица, которая—кто знаетъ—къ чему бы привела, еслибы не желѣзная рука царя-революціонера, одинаково сломившая и служилое сословіе, и совѣтъ земли.

Воспитатель царя забралъ его современниковъ въ руки; онъ женилъ его на дочери нѣкоего Милославскаго, на второй дочери котораго, девять дней спустя послѣ царской свадьбы, женился самъ. Составилась клика Морозовыхъ-Милославскихъ и ихъ друзей-пріятелей. Разнузданность «хищенія» дошла до цинизма, перейдя всякіе предѣлы осторожности. Народу стало не въ терпежъ, что называется, и прежде всего въ самой Москвѣ. Царя начали осаждать челобитными, но это средство не достигало цѣли,—не даромъ между народомъ и царемъ, въ качествѣ «средостѣнія», стоялъ не соборъ, совѣтъ земли, какъ при Михаилѣ, а плотная масса служилаго и приказнаго люда съ тѣми же Морозовымъ и Милославскимъ во главѣ: «окружавшіе царя,—говоритъ Соловьевъ,—брали

*) *Соловьевъ*, «Ист. Рос.», т. X, стр. 122.

просьбы у народа и всякій разъ представляли дѣло въ иномъ видѣ» *). Случилось то, что случается всегда, когда мѣра народнаго терпѣнія исчерпывается, когда тяжесть положенія переходитъ за предѣлы всякой выносливости. Не прошло трехъ лѣтъ со смерти царя Михаила, какъ въ Москвѣ, а за ней и въ цѣлой сѣверной окраинѣ «народъ чинится силенъ», говоря просто—народъ возстаетъ противъ хищниковъ-администраторовъ.

Въ концѣ мая 1648 года толпы московскаго населенія, встрѣчая царя на пути его отъ «Троицы-Сергія», вмѣсто криковъ радости и ликованія, обращаются къ нему съ просьбами, жалобами, сопровождая ихъ почти насиліемъ: ему загородили путь, его лошадь удерживали за уздцы, его заставили дать обѣщаніе устранить изъ земскаго приказа судью его Леонтія Плещеева изъ шайки Милославскихъ. Этимъ дѣло не кончилось. Прихлебатели хищниковъ вздумали, по удаленіи царя, отплатить толпѣ, осыпая ее ударами нагаекъ, топча ее своими лошадьми. «Народъ разсвирѣпѣлъ», говоритъ Соловьевъ. Онъ превратился въ страшную стихійную силу, которая грозила смыть съ лица земли все ей ненавистное. Толпа не остановилась передъ тѣмъ, чтобы ворваться въ царскій дворецъ, куда скрылись избитые оскорбители. Остановленная въ своемъ покушеніи, толпа неистовствовала передъ царскими хоромами, требуя Плещеева. Вышелъ Морозовъ, но и на него набросились. Принялись за грабежъ и разрушеніе въ самомъ Кремлѣ; отъ дома Морозова не осталось ничего. Въ своей мести народъ дошелъ до того, что срывалъ, въ домѣ Морозова, даже драгоцѣнныя украшенія съ иконъ, предавая ихъ разрушенію, какъ нажитыя «хищеніемъ». Разрушеніе рѣкой разлилось за стѣны Кремля, по всей Москвѣ; раззоряли все принадлежавшее ненавистной кликѣ. Пролилась кровь. Чистой, одинъ изъ Морозовыхъ, былъ выброшенъ изъ дома во дворъ, гдѣ забитъ до смерти; трупъ его бросили въ навозъ. Москва бушевала весь день. Бунтъ продолжался и на другой день. Раннимъ утромъ масса бунтовавшихъ устремилась къ Кремлю. Его охраняла *нѣмецкая* стража, окружавшая и самый дворецъ. Ближайшія къ Кремлю улицы загорѣлись.

Увы, какъ должно оскорбиться чувство патріотизма нашихъ патріотовъ: нѣмецкіе наемные солдаты охраняютъ царя отъ народа и этотъ народъ не трогаетъ ихъ, отступаетъ передъ ними,

*) Тамъ же, стр. 154.

и отступаетъ, по разсказу историка, не только какъ передъ вооруженною силой, но и какъ передъ людьми, которыхъ уважаетъ за то, что они «люди честные, обмановъ и притѣсненій боярскихъ не хвалятъ» *). Если не оскорбиться, то задуматься есть надъ чѣмъ. Народъ успокоился лишь послѣ объясненія съ популярнымъ бояриномъ Романовымъ, къ защитѣ котораго теперь прибѣгнула клика. Онъ ждалъ выдачи ему хищниковъ. Царь выдалъ Плещеева, приказавъ казнить его передъ народомъ, который немедленно привелъ палача; но, не дождавшись конца обряда надъ выведеннымъ Плещеевымъ, толпа схватила его, размозжила голову и всячески позорила обезглавленный трупъ. Этой жертвы было мало. Черезъ два дня поймали еще одного хищника—Траханіотова, которому и повелѣно было царемъ, проведя его на позоръ по всѣмъ главнымъ улицамъ Москвы съ колодкой на шеѣ, отрубить голову. Морозовъ спасся только личнымъ заступничествомъ за него самого царя передъ народомъ **). Онъ на время былъ скрытъ въ Кирилловскомъ монастырѣ, гдѣ его всячески охраняли отъ мести народной.

Едва стихла Москва, какъ возстали Сольвычегодскъ, Устюгъ и другіе сѣверные города, а потомъ—Псковъ и Новгородъ. Поводы къ возстанію вездѣ были одни и тѣ же — хищенія служилыхъ людей. Возстанія на сѣверѣ сопровождались не менѣе страшными и кровавыми явленіями. Мы не будемъ на нихъ останавливаться, а желающихъ ознакомиться съ ними поподробнѣе отошлемъ къ «Исторіи» того же Соловьева, который описываетъ ихъ чуть не прямо языкомъ памятниковъ того времени***). Мы ограничимся лишь однимъ указаніемъ на то, что въ провинціи, вдали отъ самого царя, возстаніе принимало порой такой характеръ, что высказывалось недовольство самимъ царемъ. Такъ, наприм., въ Новгородѣ, подъ звонъ набата, на площадяхъ кричали, что «царь объ насъ нерадѣетъ». Дѣло зашло слишкомъ далеко. Останавливаться только на пыткахъ, казняхъ и т. п. было нельзя. Это поняли въ Москвѣ, лишь стихъ мятежъ московскій. Выходъ оставался одинъ—обратиться къ «совѣту земли», который такъ часто выручалъ Московское государство изъ многихъ и лихихъ бѣдъ.

Къ этому средству и обратились, едва стихло въ Москвѣ, а на сѣверѣ только разгоралось. Царскими грамотами созывались

*) Тамъ же, т. X, стр. 155.
**) Тамъ же.
***) Тамъ же, стр. 161—167, 169—204.

со всѣхъ концовъ государства «люди добрые и смышленые, кому бы государевы и земскія дѣла за обычай». Ихъ призывали въ Москву для того, чтобы принять участіе въ выработкѣ знаменитаго «Уложенія царя Алексѣя», которымъ, можно сказать, опредѣлялся весь строй московскій—государственный и земскій.

Едва кончился и былъ распущенъ соборъ объ Уложеніи, какъ царь созываетъ снова представителей земли Русской—на этотъ разъ уже спеціально по поводу мятежа, который не только нарушалъ внутренній покой Московскаго государства, но и усложнялъ внѣшнія отношенія его къ сосѣднимъ государствамъ, по поводу которыхъ собственно вспыхнулъ и самый мятежъ. Псковичи не признавали законнымъ и не хотѣли исполнять договора Москвы съ Швеціей, по которому они, псковичи, должны были послѣдней отпустить нѣсколько тысячъ четвертей хлѣба. Псковичи пытали шведскаго политическаго агента; то же происходило вслѣдъ за этимъ въ Новгородѣ, гдѣ избили датскаго посланника. Волненія шли въ обоихъ городахъ параллельно, и шли бурно, кроваво, не встрѣчая на пути никакихъ преградъ, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, ни даже передъ авторитетомъ духовной власти митрополита: Никонъ (будущій патріархъ), митрополитъ новгородскій, по его собственнымъ словамъ въ письмѣ къ царю, былъ схваченъ у себя на сѣняхъ «со всякимъ безчиніемъ», его «ослопомъ въ грудь ударили и грудь разшибли, по бокамъ били кулаками и камнями»; и нынѣ, заключалъ свое письмо святитель церкви, «лежу въ концѣ живота, кашляю кровью и животъ весь запухъ...» *). Въ Псковѣ архіепископа Макарія съ позоромъ водили по улицамъ и въ концѣ концовъ посадили въ какой-то богадѣльнѣ на цѣпь, на которой онъ просидѣлъ болѣе часу, пока не далъ обѣщаніе удовлетворить требованіе возставшихъ. Псковичи требовали у новаго воеводы, присланнаго имъ изъ Москвы на смѣну того, при которомъ произошло возстаніе, пороху и свинцу въ виду дошедшаго до нихъ слуха, что «идутъ съ Москвы во Псковъ многіе служилые люди», въ которыхъ они прямо видятъ нѣчто хуже нѣмцевъ, нападающихъ на нихъ изъ-за рубежа**). Псковъ совсѣмъ отложился отъ Московскаго государства.

Да и въ самомъ сердцѣ государства — Москвѣ—снова было непокойно. Морозовъ въ изгнаніи пробылъ недолго. Недовольные

*) Тамъ же, стр. 176.
**) Тамъ же, стр. 190.

уцѣпились за это, какъ за предлогъ. Въ народѣ ходили зловѣщіе толки. Всѣ невзгоды народная масса приписывала тому, что «государь молодой и глядитъ изо рта у бояръ Морозова и Милославскаго, они всѣмъ владѣютъ, и самъ государь все это знаетъ да молчитъ». Шли слухи, что популярный бояринъ Романовъ выйдетъ на Лобное мѣсто, чтобы говорить къ народу, что «за него всѣмъ міромъ станутъ, Морозова и другихъ станутъ побивать и грабить...» *). Въ возставшихъ городахъ—Новгородѣ и Псковѣ—ходили странные слухи, что царя уже нѣтъ въ Москвѣ, что онъ бѣжалъ за границу, спасаясь отъ готовившагося на его жизнь покушенія со стороны московскихъ бояръ.

Еще прежде, чѣмъ обратиться къ содѣйствію «совѣта земли», царь отправилъ въ Псковъ цѣлое посольство изъ духовенства и выборныхъ отъ служилыхъ людей, а также и отъ высшихъ слоевъ московскаго торгово-промышленнаго населенія. Въ началѣ іюля 1650 года отправилось посольство въ Псковъ, правильно осаждаемый въ это время царскимъ воеводой, а въ концѣ того же мѣсяца въ Москвѣ собрался земскій соборъ для разсужденія «о псковскомъ воровскомъ заводѣ». У совѣта земли царь дѣйствительно спрашивалъ совѣта, какъ поступить съ возставшимъ краемъ. По увѣренію Соловьева, въ архивѣ, на основаніи данныхъ котораго онъ излагаетъ ходъ дѣла, нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ о происходившемъ на этомъ интересномъ соборѣ, какъ не сохранилось и самаго отвѣта на поставленный ему правительствомъ вопросъ, но о характерѣ преній и отвѣта можно заключить по характеру тѣхъ мѣръ, которыя предприняло московское правительство, посовѣтовавшись съ соборомъ, особенно если сравнить ихъ съ тѣми, къ которымъ оно намѣрено было прибѣгнуть до собора.

Отправленному въ Псковъ посольству велѣно было требовать выдачи зачинщиковъ и грозить, въ случаѣ отказа, походомъ на возставшихъ на самого царя и раззореніемъ «до конца» города. Послѣ собора посольству послано было повелѣніе *не требовать выдачи зачинщиковъ*, обѣщать снятіе осады и уходъ изъ-подъ стѣнъ города осаждавшаго его воеводы (сначала посламъ указывалось требовать впуска его въ городъ); о раззореніи уже нѣтъ и помину. Правительству не пришлось сожалѣть о томъ, что оно послѣдовало совѣту представителей земли: такъ долго и

---

*) Тамъ же, стр. 146 и сл.

упорно бунтовавшій городъ смирился. Въ концѣ того же 1650 года государь объявилъ собору, что «псковичи вины свои принесли, присягу дали», и онъ ихъ прощаетъ *).

Соловьевъ ставитъ вопросъ, говоря о псковскомъ мятежѣ, почему московское правительство отступало передъ рѣшительными мѣрами. Отвѣтомъ на это, несомнѣнно, могло бы служить постановленіе собора, еслибъ оно дошло до насъ. Но историкъ, не желая отвѣчать на поставленный имъ вопросъ «догадками», вмѣсто этого указываетъ на одинъ историческій фактъ, «на одно опасеніе», какъ онъ выражается, которое состояло въ слѣдующемъ: «тотчасъ послѣ собора призваны были черныхъ сотенъ сотскіе въ посольскій приказъ и говорено имъ, *чтобъ извѣщали государю про всякихъ людей, которые станутъ воровскія рѣчи говорить или въ народѣ вмѣщать*» **). Историкъ ограничивается только однимъ указаніемъ на этотъ фактъ, не дѣлая никакихъ съ своей стороны замѣчаній; да въ нихъ нѣтъ и необходимости.

Прошло двѣнадцать лѣтъ: «моровое повѣтріе», сильно опустошившее Московское государство, безконечныя, казалось, войны и безъ «хищеній» служилыхъ и приказныхъ людей могли раззорить государство и болѣе экономически состоятельное, чѣмъ Московское. Оно и было на пути къ раззоренію уже во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ XVII столѣтія. Пришлось прибѣгать къ необычайнымъ мѣрамъ; правительство рѣшилось на это безъ совѣта съ землею, къ которой въ полномъ составѣ ея въ послѣдній разъ оно обращалось въ 1653 году, по поводу присоединенія Малороссіи. Пущены были въ ходъ мѣдныя деньги съ нарицательною цѣной серебряныхъ. Дѣло только ухудшилось. Весной 1662 года Москва переполнена всякими тревожными слухами, а лѣтомъ она снова вся охвачена пожаромъ мятежа народнаго.

Царскіе близкіе люди переполнили чашу народнаго терпѣнія. Они не остановились передъ чудовищнымъ дѣломъ извлечь пользу изъ народнаго бѣдствія: тесть царя и его друзья прямо содѣйствовали распространенію *фальшивыхъ* мѣдныхъ денегъ.

Въ концѣ іюля москвичи собрались на Срѣтенкѣ обсудить вопросъ о сборѣ «пятой деньги» (пятой части дохода), вновь наложенной на народъ правительствомъ въ виду войны съ Польшей. Собраніе было возбужденно. Въ разгаръ его съ Лубянской

---

*) Тамъ же, стр. 204.
**) Тамъ же, стр. 200.

площади занесена была искра: тамъ, на столбѣ, было приклеено «письмо», объявлявшее царскаго тестя съ его кликой измѣнниками. Пожаръ вспыхнулъ. Масса народа широкою рѣкой полила въ село Коломенское, гдѣ жилъ въ это время царь. Тамъ ему вручили «письмо» и требовали «измѣнниковъ» привести передъ себя. Царю удалось вернуть толпу въ Москву лишь клятвой Богомъ и тѣмъ, что онъ «ударилъ по рунамъ» передъ ней съ однимъ изъ ея среды въ томъ, что «учинитъ сыскъ и указъ». Пока въ Коломенскомъ шли переговоры, въ Москвѣ грабили дома ненавистныхъ правителей. На дорогѣ въ Москву возвращавшаяся толпа встрѣтилась съ другой, идущей изъ Москвы къ царю же. Обѣ соединились и направились въ Коломенское. Царь садился на коня съ цѣлью ѣхать въ взволновавшуюся столицу. Его осадили, требуя выдачи «измѣнниковъ». Царь снова клялся «сыскать и наказанье учинить», выставляя въ томъ «жену и дѣтей своихъ поруками»*). Все напрасно,—толпа ревѣла, требуя измѣнниковъ и грозя добыть ихъ силою. Царю пришлось нарушить только-что данную клятву. Въ безоружную толпу ударили стрѣльцы. Перебито и перехватано больше семи тысячъ человѣкъ. Началась кровавая расправа,—страшная, московская расправа: *«того-жъ дни*,—разсказываетъ Котошихинъ,—около того села повѣсили до сто пятьдесятъ человѣкъ, а достальнымъ всѣмъ былъ указъ, пытали и жгли, отсѣкали руки и ноги и у рукъ и у ногъ пальцы, а *инымъ* того-жъ дни учиненъ указъ, завязавъ руки назадъ, *посадя въ большіе суды*, потопили въ Москвѣ рѣкѣ». Остальныхъ, «бивъ кнутьемъ» и заклеймя на правой щекѣ раскаленнымъ желѣзомъ буквою «б» (бунтовщикъ), «разослали въ дальніе городы... и въ Сибирь»**). На другой день царь былъ въ Москвѣ «и тѣхъ воровъ, которые грабили домы, велѣлъ повѣсить по всей Москвѣ у воротъ по пяти и по четыре»***).

Но цѣною пролитой крови цѣлыхъ тысячъ москвичей Московское государство купило хоть нѣчто: мѣдныя деньги были отмѣнены.

А что же бояре-«измѣнники», какъ величалъ ихъ народъ?—Они остались цѣлы и невредимы, даже царской опалы не потерпѣли. Правда, на Милославскаго царь, какъ выражается Соловьевъ, «долго сердился, а его и царскій свойственникъ Матюшкинъ

*) Тамъ же, стр. 27.
**) «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», стр. 85.
***) Тамъ же, стр. 86.

былъ отставленъ отъ приказа, которымъ завѣдывалъ. И только. Да и то это было еще до возстанія, когда были доказаны злоупотребленія этихъ администраторовъ. За то едва ли не другъ и сообщникъ ихъ, купецъ-гость Шоринъ, «деньги дѣлавшій» и потерпѣвшій во время бунта,—его домъ былъ разграбленъ, сына таскали въ Коломенское,—былъ пожалованъ: «царь не велѣлъ съ него,—говоритъ Котошихинъ,—имѣть пятые деньги (т. е. налогъ, пятую часть съ доходовъ), а довелось было съ него взять болши 15.000 рублевъ», заключаетъ Котошихинъ *).

А какія жестокія казни учинены были надъ разной мелкотой, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ! «Дьякамъ и подьячимъ и головамъ и цѣловальникамъ и денежнымъ ворамъ учинили казни», т. е. по обыкновенію рѣзали руки, ноги, пальцы на нихъ и ссылали въ «дальніе городы»**).

Такою страшною расправой московское правительство достигло того, что «Москва утихла». Но она «утихла» какъ будто лишь для того, чтобы дать разгуляться стихійнымъ силамъ цѣлаго государства. Немного лѣтъ спустя послѣ описаннаго бунта московскаго государству приходится пережить нѣчто горькое: на далекомъ сѣверѣ, пріютившееся среди холоднаго Бѣлаго моря, не хочетъ покориться тишайшему и благочестивѣйшему изъ московскихъ царей его богомольческое населеніе; оно «чинилось сильно» и упорно сопротивлялось царской волѣ, отстрѣливаясь отъ царскихъ служилыхъ людей. Пока смиряли соловецкихъ «богомольцевъ», «страшный бунтъ кипѣлъ на концѣ противоположномъ», говоря языкомъ историка; тамъ подняли голову «сироты» его великаго государя и царя московскаго.

Голутынный***) казакъ съ Дона, Стенька Разинъ, или, какъ величаютъ его народныя пѣсни, «добрый молодецъ Степанъ Тимоѳеевичъ», поднялъ все Поволжье отъ Астрахани до Симбирска включительно, и не будь разбитъ подъ послѣднимъ городомъ царскими войсками, онъ, чего добраго, осуществилъ бы похвальбу свою—побывать *въ Москвѣ* и тамъ «въ верху», у царя, во дворцѣ пожечь всѣ бумаги. Его агенты-казаки заполонили своими «прелестными листами» цѣлыя палестины вверхъ по Волгѣ

*) Тамъ же.

**) Тамъ же. За все про все, «за тѣ деньги», по свидѣтельству Котошихина, «казнено въ тѣ годы смертною казнью болши 7.000 человѣкъ», да изувѣчено и сослано и лишено имущества «болши 15.000 человѣкъ» (стр. 86).

***) Изъ голытьбы, голый, неимущій.

и на западъ отъ нея. Они охватили нынѣшнія Симбирскую, Пензенскую, Тамбовскую и Нижегородскую губерніи. Здѣсь не ждали батюшку Степана Тимоѳеевича, чтобъ учинить расправу съ ненавистными слугами царскими, этими измѣнниками, по тогдашнему народному воззрѣнію, царю и землѣ Русской,—возставшее населеніе, сельское и городское, чинило расправу съ ними само, подъ руководствомъ или казаковъ разинскихъ, или своихъ облюбованныхъ предводителей. «Бунтъ пылалъ,—по выраженію Соловьева,—на всемъ пространствѣ между Окой и Волгой». Возставало коренное русское населеніе, возставали инородцы—татары, мордва, чуваши и черемисы.

Въ исторіи возстанія Разина «рознь» между народомъ съ одной стороны и служилыми людьми Московскаго государства съ другой выразилось наиболѣе рельефно и рѣзко, чѣмъ во всѣхъ тѣхъ явленіяхъ, на которыя мы до сихъ поръ указывали.

Это возстаніе было возстаніемъ народа противъ *служилыхъ* людей всякаго рода. Первое, за что принимались обыкновенно возставшіе, было безпощадное истребленіе воеводъ, боярскихъ дѣтей, дворянъ и всякихъ приказныхъ людей и всѣхъ дѣлъ ихъ. Самъ вожакъ возстанія, Разинъ, главною, исключительною цѣлью своихъ дѣяній ставилъ, какъ онъ объявилъ объ этомъ на казацкомъ кругу (собраніи) въ Царицынѣ, передъ нападеніемъ на Астрахань, «*вывести воеводъ» на Руси и бояръ на Москвѣ*». И дѣйствительно, лишь только гдѣ-либо появлялся Разинъ или его шайки, лишь только какой-либо городъ сдавался на сторону казаковъ, какъ первымъ дѣломъ его населенія было истребленіе воеводы и всѣхъ присныхъ ему и всякихъ служилыхъ людей города. Имъ не было пощады, разъ они были «облихованы» міромъ, то-есть разъ всѣмъ были извѣстны за «лихихъ» людей, измѣнниковъ. Это была жестокая месть раззоряемаго и оскорбляемаго народа ихъ раззорителямъ и притѣснителямъ,—не щадили и женщинъ, ни дѣтей, какъ будто задались цѣлью истребить съ корнемъ всѣхъ служилыхъ людей. Съ людей ненависть переносилась и на самое дѣло рукъ ихъ: какъ казаки, такъ и возстававшее подъ ихъ охраной населеніе съ остервененіемъ рвали и жгли тѣ бумаги—«дѣла», говоря современнымъ языкомъ, которыя находили въ воеводскихъ канцеляріяхъ. Эта ненависть къ писанью служилыхъ людей была такъ велика, что самъ Разинъ въ своемъ кровавомъ дѣлѣ не забывалъ расправляться съ дѣлами воеводскихъ избъ и, грозя добраться до Москвы, до ея

бояръ, тѣшилъ «сиротъ» великаго государя и царя московскаго, обѣщалъ, какъ мы видѣли, пожечь и побрать всѣ бумаги даже у самаго царя на верху.

И на устьяхъ Волги мы встрѣчаемся съ явленіемъ родственнымъ, которое поразило насъ въ Москвѣ во время бунта 1662 года. И тамъ, какъ здѣсь, разъ всколыхался могучею волной народъ, не нашли болѣе надежнаго оплота противъ этой волны, какъ чужеземство, наемныхъ служилыхъ людей—нѣмцевъ и англичанъ. Какъ въ Москвѣ охраняли царя нѣмецкіе солдаты, такъ въ Астрахани воевода ея, князь Прозоровскій, старается «приласкать иноземцевъ», задобрить ихъ подарками и обѣдами. И его труды не пропадаютъ даромъ: изъ начальныхъ людей только нѣмецъ Бутлеръ да какой-то англичанинъ Бойль противостояли Разину до послѣдней возможности, только они требовали отъ подчиненныхъ *вѣрной* службы. Все измѣняло; клялось въ вѣрности—и измѣняло, измѣняло безъ малѣйшей попытки сопротивляться. Измѣняли стрѣльцы поголовно, измѣняли ихъ начальные люди. Находившіеся, такъ сказать, въ рядахъ, подъ ружьемъ, измѣняли царю и шли на сторону Стеньки Разина, а не застигнутые возстаніемъ въ этихъ рядахъ не спѣшили въ нихъ. Воевода князь Барятинскій, шедшій изъ Казани подъ Симбирскъ спасать этотъ городъ отъ Разина, писалъ царю съ дороги: «со мною пришло ратныхъ людей немного; *начальные люди* Зыковскаго и Чубаровскаго полковъ взяли на Москвѣ жалованье, а въ полки не бывали, живутъ по деревнямъ своимъ, а полковъ держать некому». Воевода жаловался, что присланы списки «рейтарскихъ полковъ», въ коихъ «ради корысти» написаны многіе мертвые, «одно имя—дважды и трижды» *). Это ли не измѣнники?

Послѣ страшнаго напряженія всѣхъ своихъ силъ московскому правительству удалось, наконецъ, въ 1671 году подавить возстаніе Поволжья. Оно затихло, но только затихло,—ровно черезъ сто лѣтъ его населеніе еще разъ подняло голову, и подняло ее при еще болѣе страшной обстановкѣ. Причины и цѣли возстанія были тѣ же.

Мы уже въ послѣдней четверти XVII столѣтія. Остается какихъ-нибудь два съ небольшимъ десятка лѣтъ до столь ненавистнаго нашимъ патріотамъ XVIII вѣка, а мы до сихъ поръ видѣли только крамолы, измѣны, кровавые перевороты и возста-

---

*) *Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. XI, стр. 427 и сл.

нія. Ихъ же увидимъ мы не мало и въ эти послѣдніе годы XVII столѣтія. Смирился далекій югъ, затихло Поволжье. Но еще не смирилась на крайнемъ сѣверѣ, на островахъ холоднаго Бѣлаго моря, горсть царскихъ богомольцевъ—монахи Соловецкаго монастыря. Ихъ смиряли царскія войска до начала 1676 года, въ концѣ января котораго соловецкія твердыни пали, признавъ доселѣ отрицаемыхъ ими царя и церковь.

Не насталъ золотой вѣкъ мира и благосостоянія въ Московскомъ государствѣ и по смерти царя Алексѣя. Его старшій сынъ Ѳедоръ, къ которому власть царская переходитъ по благословенію отца, лежалъ, тяжело больной, въ постели въ моментъ смерти отца. Онъ былъ боленъ и во все свое недолгое царствованіе. Боярскимъ крамоламъ еще разъ открывалась широкая арена. Но все-таки при жизни больнаго царя они не достигали особенно широкихъ размѣровъ. За то съ тѣмъ большею силой развернулись по смерти его, когда Московское государство оказалось въ положеніи хотя и «цѣлокупнаго», но охраняемаго сразу тремя царями, изъ коихъ двое сидѣли на престолѣ de jure, по праву, а третій, и притомъ женскаго пола, правилъ государствомъ de facto. Этими двоими были слабоумный Иванъ и бойкій, талантливый, десятилѣтній мальчикъ Петръ, а третьимъ—сестра ихъ, умная, энергичная Софья.

На дворцовой аренѣ сражались двѣ партіи, на которыя распадалось по смерти царя Ѳедора все боярство и вся челядь дворцовая, эти низкопоклонные холопы его великаго государя и царя московскаго. Одни стояли на сторонѣ будущаго царя-гиганта, теперь ребенка, и его матери; другіе—на сторонѣ скорбнаго духомъ и тѣломъ царя Ивана и его сестры Софьи. Боже, какое позорище представляетъ собою эта борьба! Это какое-то гнусное, циническое истребленіе врага,—истребленіе его не въ открытомъ бою, а путемъ гнусныхъ клеветъ, посредствомъ чужихъ рукъ, вовлекаемыхъ въ дѣло безсовѣстнымъ обманомъ. Это какая-то кровавая бойня, подобіе которой, по ея кровавому характеру, по ея звѣрству, ничѣмъ не оправдываемому, нелегко пожалуй отыскать и въ XVIII столѣтіи, такъ расписываемомъ нашими публицистами-патріотами.

Мы не въ состояніи воздержаться да и не имѣемъ права, въ виду только-что сказаннаго, отъ того, чтобы не остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ этой кровавой страницы, которою завершается хваленое XVII столѣтіе.

Уже въ самый моментъ смерти царя Өедора, въ виду его едва охладѣвшаго тѣла, московское боярство, собравшееся на поклоненіе этому тѣлу, представляетъ собою сборище людей приготовившихся въ каждую минуту вступить въ кровавую схватку: многіе изъ нихъ явились во дворецъ одѣтые въ панцыри подъ платьемъ. Но спокойствіе однако кое-какъ поддерживалось, пока тѣло царя не было предано землѣ. За то, едва эта церемонія совершилась, хищническимъ страстямъ уже не было удержу ни въ чемъ. Крамольники не остановились передъ тѣмъ, чтобы ввести въ дѣло такой общественный элементъ, какъ стрѣльцы—этотъ характерный видъ постояннаго войска, созданный Московскимъ государствомъ. Старая московская партія боярская, партія Софьи, какъ бы предчувствуя конецъ своему царству, напрягла всѣ силы, пустила въ ходъ всѣ средства, выработанныя вѣковою московско-византійскою практикой двора московскихъ царей. Она рѣшила погибнуть, если ужь это неизбѣжно, вмѣстѣ съ тѣмъ невеличественнымъ храмомъ, въ созданіи котораго она и ея предки принимали такое участіе, въ которомъ она составляла одну изъ капитальныхъ основъ, одинъ изъ великихъ устоевъ.

Уже въ концѣ царствованія Өедора стрѣльцы представляли собою сильно-горючій матеріалъ, для воспламененія котораго недоставало одной искры. Сторонники Софьи, чтобы погубить партію юнаго царя Петра или лучше его матери-правительницы, рѣшились поджечь этотъ матеріалъ, а вмѣстѣ науськать на своихъ враговъ вообще московскіе «ужасы». Еще въ день похоронъ царя царевна Софья, возвращаясь площадью Кремля изъ собора во дворецъ, обратилась, по свидѣтельству одного современника, къ народу, наполнявшему площадь, съ жалостными словами, перемѣшанными со слезами, прося его о милосердіи и защитѣ и въ то же время намекая на отравленіе только-что похороненнаго царя его зложелателями и на свою личную небезопасность отъ этихъ зложелателей, т. е. людей, окружавшихъ царя Петра и его мать. Эта ламентація, произведшая на народъ сильное впечатлѣніе, указываетъ на планъ дѣйствія партіи и ея средства. Жалоба царевны была лозунгомъ. Когда на третій день послѣ смерти Өедора стрѣльцы явились во дворецъ съ жалобой на грабежъ и притѣсненія со стороны своихъ полковниковъ, когда они получили удовлетвореніе въ желанной формѣ отъ растерявшейся правительницы; когда, превратившись въ разнузданную массу, стали расправляться съ нелюбимыми начальниками уже своимъ собствен-

нымъ судомъ,—сторонники Софьи, ликовавшей по поводу такого положенія вещей, и начали эту буйную, вооруженную толпу разжигать, притомъ же при усердномъ и непосредственномъ участіи самой Софьи. Съ одной стороны ихъ одаривали и ласкали, а съ другой—напѣвали (наприм., Хованскій), что ярмо боярское несомнѣнно усилится въ правленье царицы-матери, что стрѣльцы будутъ закабалены вовсе, Москва будетъ сгублена, вѣра православная искоренена. Не остановившись передъ оскверненіемъ «вѣры православной», сдѣлавъ изъ нея орудіе своихъ низменныхъ стремленій, благочестивые московскіе бояре уже, разумѣется, считали за ничто такое средство, какъ возведеніе на своихъ противниковъ намѣренія отравить царя Ивана. 15-го мая 1682 года двое изъ нихъ, Милославскій и Толстой, лично разнесли по стрѣлецкимъ полкамъ зловѣщую новость объ этомъ намѣреніи партіи матери Петра. Пожаръ вспыхнулъ и страшнымъ моремъ огня разлился по всей Москвѣ. Москва опять возстала,—возстала, непосредственно возбужденная партіей *бояръ*. И дала-жь она себя знать!... Подъ мрачные звуки набата и бой барабановъ, стрѣльцы со знамеменами, вооруженные, даже съ нарядомъ (артиллеріей), двинулись въ Кремль и быстро наводнили его вмѣстѣ съ массами народа. Давно уже разжигаемый, звѣрь былъ не только разнузданъ, но и постоянно, ловко натравляемъ. Онъ быстро отвѣдалъ крови, расправившись съ нелюбимымъ начальникомъ своимъ, княземъ Долгоруковымъ. Началась безпощадная, звѣрская расправа. За растерзаннымъ Долгоруковымъ палъ знаменитый бояринъ Матвѣевъ, популярный изъ бояръ даже въ средѣ самихъ стрѣльцовъ: его сбросили съ дворцоваго крыльца «и съ такимъ своимъ тиранствомъ,—разсказываетъ сынъ его,—варварскимъ, въ бердыши все его тѣло разсѣкли и разрубили такъ, что ни одинъ членъ цѣлымъ не нашелся». Ничто не могло укрыть отъ мстителей ихъ жертвъ—ни царскія палаты, ни алтари храмовъ. Бояръ вытаскивали отовсюду. «А многочисленные царедворцы и вмѣстѣ воины,—какъ выражается Соловьевъ,—ежедневно толкавшіеся на крыльцѣ и въ передней, неизвѣстно куда попрятались и оставили Кремль и Москву»... Звѣрь бушевалъ, не давая ничему пощады. За Долгорукимъ и Матвѣевымъ та же участь постигла и многихъ другихъ изъ родовитыхъ, сановныхъ бояръ московскихъ. Надъ всѣми стрѣльцы практиковали свой излюбленный, мученическій способъ: заколовъ, рубили трупъ на части, разбрасывая ихъ по площади. Три дня шла расправа, закончившись казнью инозем-

наго доктора фонъ-Гадена, обвиненнаго въ отравленіи покойнаго царя. Послѣ этой казни стрѣльцы объявили себя удовлетворенными, предоставивъ съ остальными «измѣнниками» самимъ «царскимъ *величествамъ чинить что угодно*». Получили стрѣльцы за свою расправу и другое удовлетвореніе: правительница Софья одарила ихъ деньгами и возвела въ званіе «*надворной пѣхоты*».

Довольны и удовлетворены были стрѣльцы пролитою кровью, но не удовлетворены были ею бояре, и смута не кончилась; она заполняетъ собою всѣ остальные годы XVII вѣка и передается даже XVIII-му. Да и удовлетвореніе стрѣльцовъ лишь раззадорило ихъ аппетитъ. Въ качествѣ «надворной пѣхоты», да еще съ такимъ начальникомъ, какъ Хованскій, они претендовали не на послѣднюю роль. Они уже ставятъ требованія, являются съ угрозами. И ихъ удовлетворяютъ. «И тщахуся,—говоритъ одинъ изъ современниковъ *),—безумные и глупые *государствомъ управляти* невѣдуще». Дошло дѣло до того, что, по требованію стрѣльцовъ, правительница Софья и ея партія открыто признали свое соучастіе въ кровавой расправѣ ихъ, освятивъ своею властью эту расправу, признавъ ее только справедливою карою, достойнымъ наказаніемъ растерзаннымъ боярамъ за «ихъ налоги, обиды, неправды». И эта санкція стрѣлецкой расправы произведена была, по ихъ настоянію, самымъ торжественнымъ образомъ, передъ глазами всей Москвы. «Великіе государи указали среди своего Московскаго государства учинить въ Китай-городѣ, на Красной площади, *столпъ* и тѣхъ побитыхъ злодѣевъ и мятелевъ (т. е. бояръ), кто за что побиты, на томъ столпѣ имяны подписать, чтобъ впредь иные, помня наше государское крестное цѣлованіе, чинили правду». Кромѣ этого во всѣ стрѣлецкіе и солдатскіе полки были посланы жалованныя грамоты, въ коихъ запрещалось называть жалуемыхъ за учиненное ими «побитіе» бунтовщиками и измѣнниками. Очевидно, что правительство было совершенно въ рукахъ той силы, за которою оно такъ ухаживаетъ, которая его, по выраженію нашего историка, «налѣпила, устроила». Этой политики ухаживанья приходилось держаться и впредь. Малѣйшее отступленіе отъ нея повело бы къ катастрофѣ. Это—съ одной стороны; а съ другой, опираясь на стрѣльцовъ, подняли голову московскіе посадскіе и всякихъ чиновъ люди.

---

*) Медвѣдевъ, авторъ записокъ о первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ и участникъ во второмъ. „Строитель и настоятель“ московскаго Заиконоспасскаго монастыря казненъ вмѣстѣ съ Шакловитымъ.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ стрѣльцы предъявили «налѣпленному» ими правительству новое требованіе. Они явились съ челобитной объ истребленіи «ересей» изъ священныхъ книгъ, занесенныхъ туда при патріархѣ Никонѣ. Они добиваются публичнаго состязанія о вѣрѣ въ Грановитой палатѣ. Здѣсь, на состязаніи, оскорбляется кѣмъ-то изъ ихъ среды правительница Софья, такъ имъ миролюбивая, ими «налѣпленная». Оскорбленная поведеніемъ знаменитаго попа Никиты, царевна грозитъ уйти «изъ царства вонъ» и получаетъ въ отвѣтъ изъ толпы стрѣльцовъ: «Пора, государыня, въ монастырь... Полно царствомъ-то мутить. Намъ бы здоровы были цари-государи, а безъ васъ пусто не будетъ». И это вслѣдъ за тѣмъ, какъ бояре, съ Хованскимъ во главѣ, тутъ же, на глазахъ всѣхъ, съ плачемъ просили правительницу не идти изъ царства вонъ, обѣщая за нее «головы свои положить». Споры кончились, но кончились благодаря буйному насилію тѣхъ же стрѣльцовъ, напоенныхъ изъ царскихъ погребовъ: они убили «отцовъ», защищавшихъ старую вѣру, и отказались отъ защиты послѣдней. Надворная пѣхота не останавливается на этомъ. Нѣсколько дней спустя она требуетъ у царей выдачи ей *всѣхъ* бояръ, которые будто хотятъ перевести ее, пѣхоту, всю. Они требуютъ увеличенія окладовъ. Хованскій ихъ во всемъ поощряетъ.

Въ августѣ по Москвѣ разнесся страшный слухъ, будто стрѣльцы во время крестнаго хода, въ память избавленія Москвы отъ нашествія крымцевъ въ царствованіе Ѳедора Ивановича, затѣяли лишить жизни обоихъ царей. Слухъ настолько былъ вѣроятенъ, что цари не приняли участія въ крестномъ ходѣ и на другой день покинули Москву, укрывшись въ село Коломенское.

Считаемъ излишнимъ всякіе комментаріи. А Хованскій, начальникъ стрѣльцовъ, продолжаетъ запугивать Софью, заявляя, что изъ Новгорода въ Москву идутъ служилые тамошніе люди съ намѣреньемъ «сѣчь на Москвѣ всѣхъ безъ выбора и безъ остатка». Цари не пріѣхали, вопреки исконному обычаю, въ Москву и для празднованія новаго года 1 сентября. Вся Москва была въ необычномъ состояніи, состояніи сильно возбужденномъ: цари ея не находились въ ея стѣнахъ безопасности. Такъ дѣло идти не могло, а должно было чѣмъ-нибудь разрѣшиться. Оно и разрѣшилось,—разрѣшилось еще въ томъ же все XVII столѣтіи,—опять кровавымъ путемъ.

Хованскаго съ сыномъ обвиняютъ въ подметныхъ письмахъ, въ намѣреніи весь «царскій корень известь», царевенъ постричь, бояръ перебить, «а какъ государство замутится», сѣсть на царство. Съ ними расправились быстро, быстрѣе всякаго военнаго суда: 17-го сентября — день именинъ правительницы — читано было, въ присутствіи царей въ селѣ Воздвиженскомъ, подметное письмо, 17-го же арестованы Хованскіе, 17-го-жь читаны имъ «вины» ихъ, еще до предъявленія имъ коихъ состоялся приговоръ «казнить смертью», и того же 17-го сентября стрѣлецъ, за неимѣніемъ на мѣстѣ палача, «*вершилъ* Хованскихъ на площади у большой Московской дороги».

Этимъ дѣло не могло кончиться. Стрѣльцы не могли спокойно отнестись къ казни ихъ любимаго, такъ мирволившаго имъ, начальника. Въ Москву въ ночь, слѣдовавшую за казнью, явился другой сынъ Хованскаго и взволновалъ стрѣльцовъ. «Надворная пѣхота» быстро привела Москву въ осадное положеніе. Столица московскихъ царей отдѣлилась отъ нихъ, составила государство въ государствѣ, готовилась идти противъ бояръ, собравшихся въ Воздвиженскомъ. Стрѣльцы грозили смертью патріарху, не успѣвшему выбраться изъ Москвы. Властямъ, собравшимся въ Воздвиженскомъ, пришлось осаждать столицу. Стягивались отовсюду служилые люди, какъ бы на войну противъ непріятеля.

Стрѣльцы должны были уступить передъ грозившей имъ силой, и уступили. Тѣмъ устранилось безобразное явленіе — осада Москвы московскимъ правительствомъ. Въ началѣ октября между правительствомъ и стрѣльцами, сдавшимися на условіяхъ, предъявленныхъ правительницей Софьей, былъ заключенъ миръ. Сдавшіеся приносили въ Успенскомъ соборѣ, передъ патріархомъ, клятву въ вѣрной службѣ царямъ московскимъ. Но дворъ, перебравшійся въ Троицкій монастырь подъ защиту святыни и войска изъ служилыхъ людей, все еще въ Москву не переселялся и вернулся въ нее черезъ мѣсяцъ по заключеніи мира, лишь послѣ того, какъ стрѣльцы снесли съ Красной площади столпъ, о которомъ говорилось нѣсколько выше и которымъ ихъ расправа 15 — 17 мая возводилась въ государственную заслугу. Отъ заслуженнаго и пожалованнаго имени «надворной пѣхоты» стрѣльцы тоже должны были отказаться. Начальникомъ стрѣлецкаго приказа назначенъ былъ извѣстный Шакловитый. Пришлось принимать крутыя мѣры и послѣ этого, тѣмъ болѣе, что не только смирившіеся на словахъ стрѣльцы не легко смирялись на дѣлѣ,

но «Смутное время», какъ называло этотъ періодъ времени само московское правительство, отразилось и во всемъ Московскомъ государствѣ, во всѣхъ его областяхъ и уѣздахъ. Это констатируется оффиціальными актами того времени. Въ «памяти» изъ стрѣлецкаго приказа въ разрядный отъ 21 мая 1683 года, предписывающей «всякихъ чиновъ людямъ» во всѣхъ городахъ доносить воеводамъ о всякихъ подозрительныхъ въ политическомъ отношеніи людяхъ, говорится, что до свѣдѣнія царей дошло, что «въ городахъ тамошніе жители и прохожіе люди про мимошедшее *смутное время* говорятъ похвальныя и иныя многія непристойныя слова, на смуту, и на страхованье, и на соблазнъ людемъ». Очевидно, что «непристойныя слова» раздавались повсюду и слишкомъ смѣло. Иначе нельзя объяснить такихъ необычайныхъ мѣръ, какъ уполномочіе воеводъ «бить кнутомъ и батоги нещадно» за «малыя вины» въ данномъ родѣ, или какъ угроза «смертною казнью безо всякія пощады», если кто второй разъ объявится въ этихъ «малыхъ винахъ». Жители приглашались, мы видѣли, къ доносамъ, за каковые обѣщались всякія «ихъ великихъ государей милости»; въ случаѣ же не только «поноровки» со стороны жителей городовъ «непристойнымъ словамъ и дѣламъ и причиннымъ къ тому письмамъ», *но простаго недонесенія* имъ грозятъ «смертною казнью безо всякія пощады» *).

Несомнѣнно, положеніе вещей въ Московскомъ государствѣ было болѣе чѣмъ ненормально. «Прелестныя» письма и «непристойныя» слова и рѣчи появлялись повсюду и производили свое дѣйствіе. Ихъ дѣйствіе особенно сильно проявлялось на южныхъ окраинахъ Московскаго государства, а въ особенности на Дону, куда толпами бѣжали изъ украинскихъ городовъ сосланные туда изъ Москвы стрѣльцы и раскольники, битые кнутомъ и батогами, съ урѣзанными ушами и носами. «На Дону снова стало сильно пахнуть, — говоритъ Соловьевъ,— разинскимъ духомъ». А въ Москвѣ не исчезъ и духъ «надворной пѣхоты»: здѣсь все еще казни и четвертованья. Въ концѣ декабря 1683 года принята «впредь для опасенія отъ шатостей стрѣлецкихъ и отъ иного своевольства, чтобы впредь была постоянная и безопасная крѣпость», такая мѣра, какъ удаленіе изъ столицы стрѣльцовъ, отъ которыхъ можно «впредь чаять дурна», какъ отъ «пьяницъ, зернщиковъ, всякому злому дѣлу пущихъ заводчиковъ..., раскольни-

*) Собр. грам. и дог., т. IV, № 160.

ковъ... и грабителей». Ту же мѣру приняли и относительно стрѣльцовъ, стоявшихъ по другимъ городамъ *).

Всѣ эти мѣры не привели къ полному успокоенію Москвы и вообще Московскаго государства; да и не могли привести уже хотя бы по той простой причинѣ, что «надворная пѣхота» въ сущности смирялась и приводилась въ покорность лишь для того, чтобы, опираясь на нее же, извѣстная партія могла сломить другую. Софья стрѣльцовъ сломила лишь для того, чтобы сдѣлать ихъ *своимъ* послушнымъ орудіемъ. Хованскій казненъ потому, что не былъ этимъ орудіемъ. Словомъ, стрѣльцы подготовлялись къ тому, чтобы сыграть, въ случаѣ нужды, еще разъ кровавую роль. Они ее и сыграли.

Дѣло въ томъ, что правительница Софья, сломивъ своихъ личныхъ враговъ, не могла еще быть покойна: ребенокъ Петръ превращался въ юношу и грозилъ замѣнить сестру въ дѣлахъ государственныхъ. Были друзья и сторонники у Софьи, интересы которыхъ связывались съ ея интересами; были и тѣ и другіе у юнаго царя и его матери; послѣдняя хвалилась, что у ней «есть люди и *того дѣла* не покинутъ». Поэтому московское правительство представляетъ собою въ сущности два враждебныхъ лагеря, выжидающихъ только удобнаго момента, чтобы схватиться, сразиться на-смерть. Каждый изъ нихъ въ тайнѣ готовится къ бою. У Софьи въ рукахъ одно средство — стрѣльцы съ ихъ начальникомъ Шакловитымъ, какъ физическая сила, и партія старыхъ бояръ и духовенства, какъ нравственный авторитетъ. Эти силы и были пущены въ ходъ еще разъ.

Въ 1687 году Шакловитый прямо науськиваетъ стрѣльцовъ на возстаніе, чтобъ этимъ путемъ добиться вѣнчанія на царство и правительницы Софьи. Онъ совѣтуетъ, чтобы вынудить согласіе царя Петра, перехватать бояръ, это «зяблое» дерево, и «перемѣнить» патріарха, если онъ откажетъ въ согласіи. Начальные стрѣлецкіе люди одаряются деньгами. Сама Софья возстанавливаетъ стрѣльцовъ личною бесѣдой съ ними по ночамъ противъ Петра, его матери и патріарха, обвиняя ихъ въ намѣреніи учинить бунтъ на Москвѣ.

Стрѣльцы, наученные опытомъ, туго поддавались и требовали *указа*—кого бить, какъ измѣнника.

---

*) Акт. Арх. Эксп., IV, № 280.

Въ ночь съ 7 на 8 августа 1689 года Шакловитый дѣлаетъ распоряженія, направленныя къ прямому возстанію противъ царя Петра, который бѣжитъ, а съ нимъ его мать и ихъ сторонники, изъ Москвы въ Троицко-Сергіевскій монастырь. Правительство Московскаго государства раздвоилось. Патріархъ перебрался къ Петру.

Стрѣльцы въ массѣ оставались въ Москвѣ и, очевидно, выжидали, на чьей сторонѣ будетъ сила, не поддаваясь на всѣ ласки и угрозы Софьи. Наконецъ, они ударили въ набатъ и всполошились, но ставъ не на сторону Софьи, а на сторону сидѣвшаго у Троицы Петра. Они, какъ семь лѣтъ тому назадъ требовали выдачи враговъ Софьи, теперь вопили, подкрѣпляя вопль угрозами, о выдачѣ ея сторонника, своего начальника Шакловитаго, коего и получили; они повезли его къ молодому царю Петру.

Начались пытки и казни, ссылки, постриженья. Троицкое правительство одолѣваетъ московское,—Софью заключили въ монастырь.

Послѣ этого больше шести лѣтъ Москва пользовалась наружнымъ спокойствіемъ. Но въ 1697 году, наканунѣ перваго отъѣзда Петра за границу, открывается заговоръ на его жизнь. Начали всходить старыя дрожжи. Стрѣлецъ изъ иноземцевъ, Циклеръ, бывшій сторонникъ Софьи, измѣнившій ей и не получившій отъ Петра желанной награды, вмѣстѣ съ родовитыми боярами, Соковнинымъ и Пушкинымъ, составляютъ заговоръ убить Петра и возбуждаютъ стрѣльцовъ, но, къ счастью, дѣло раскрывается до отъѣзда царя.

Лѣтомъ 1698 года еще разъ, и послѣдній, взбунтовались стрѣльцы, привыкшіе въ послѣдніе годы не столько нести военную службу, сколько распоряжаться у царей «на верху». Долго стоявшіе въ Азовѣ, передвинутые оттуда на литовскую границу, стрѣльцы рѣшились самовольно уйти въ Москву, гдѣ имъ такъ привольно жилось, гдѣ они составляли силу, за которою ухаживало правительство.

Въ войскѣ Ромодановскаго, стоявшемъ на западной границѣ, произошло открытое возстаніе: рѣшено идти на Москву, нѣмцевъ и бояръ перебить, да и царя, если вернется въ Москву, тоже,—посадить снова Софью правительницей, а вмѣстѣ и ея друга, боярина Вас. Вас. Голицына, вернуть изъ заточенія: «*онъ къ стрѣльцамъ милосердъ былъ*». На встрѣчу возставшимъ изъ Москвы

было выслано четырехтысячное войско. Два залпа изъ артиллеріи заставили разбѣжаться стрѣльцовъ, которыхъ встрѣтили подъ Воскресенскимъ монастыремъ на Истрѣ. Начались, еще до пріѣзда Петра, пытки, казни...

Вернулся царь. Начались пытки и казни, невѣроятныя по своимъ жестокости и размѣрамъ...

Кровью, потоками крови залиты послѣдніе годы XVII столѣтія. Рѣкою льется она въ теченіе всего этого столѣтія. Много пролито ея на защиту «государства Московскаго» и много же, слишкомъ много, пролито ея благодаря крамоламъ и измѣнамъ служилыхъ людей и представителей власти этого государства, особенно въ послѣдніе дни его...

Можно ли, положа руку на сердце, сказать, имѣя въ виду все только-что разсказанное о дѣятельности служилаго слоя Московскаго государства, что это сословіе представляло собою такое «средостѣніе» между царемъ и народомъ, которое служило цѣлямъ перваго, какъ главы государства, выразителя всѣхъ интересовъ его и было охранителемъ послѣдняго? Можно ли сказать объ этомъ сословіи, какъ о такомъ, которое имѣло, что называется, свое будущее, что оно способно къ возрожденію въ его совокупности, что оно составляло единое цѣлое съ тѣми «массами», тѣмъ народомъ, охранителемъ котораго оно было поставлено?

Мы до сихъ поръ останавливались на дѣятельности служилыхъ людей Московскаго государства въ исключительно, такъ сказать, *политическомъ* отношеніи, на дѣятельности его при дворѣ царей, въ роли ихъ совѣтниковъ, порой замѣняющихъ ихъ, руководящихъ ими. Смѣемъ думать, что, имѣя въ виду дѣятельность служилыхъ людей только въ этой области, имѣя въ виду приведенные нами общеизвѣстные факты, придется отвѣчать отрицательно на только-что поставленные вопросы, а вмѣстѣ придется придти къ заключенію, что между этимъ «средостѣніемъ» и народомъ, имъ замѣняемымъ, не могло быть, какъ мы уже вскользь указали, да и не было единства, притомъ *никакого*, и всего меньше *нравственнаго*. Въ подтвержденіе этого положенія мы обратимся теперь къ той области дѣятельности служилаго сословія, этого «командующаго класса» Московскаго государства, въ которой оно становилось въ непосредственныя отношенія къ «народу», къ объекту командованья. Мы приведемъ нѣсколько, по нашему мнѣнію, характерныхъ фактовъ изъ области административной дѣятельности этого сословія, а вмѣстѣ и изъ той об-

ласти, которую мы назвали бы областью отношеній землевладѣльческихъ, изъ области отношеній ихъ, какъ землевладѣльцевъ, къ земледѣльческому населенію.

Намъ придется въ данномъ случаѣ останавливаться на томъ порядкѣ явленій общественно-государственнаго строя, которыя принято называть злоупотребленіями и на которыя часто смотрятъ какъ на явленія исключительныя, по которымъ, будто бы, никоимъ образомъ нельзя судить объ общемъ положеніи дѣлъ *). Мы, разумѣется, не рискнули бы забираться для нашей цѣли въ эту область явленій московской жизни, еслибы вся она сводилась къ двумъ-тремъ или вообще нѣсколькимъ отдѣльнымъ фактамъ. Но дѣло въ томъ, что явленія этого порядка были прямо-таки не исключеніями, а общимъ правиломъ. Онѣ были тоже страшною язвой, которая разъѣдала весь организмъ государства, покрывая его сплошною массой, истощая его почти до полнаго изнеможенія, грозившаго вмѣстѣ съ другими сторонами государственнаго строя разрушеніемъ послѣдняго.

Такъ-называемыя злоупотребленія въ указанныхъ нами областяхъ доходили въ періодъ Московскаго государства до размѣровъ, заставлявшихъ прибѣгать правительство къ такимъ мѣрамъ, которыя указывали, что они приняли именно тотъ характеръ, который мы придаемъ имъ. Они приняли такіе размѣры, которые указывали, что «командующіе» и командуемые классы—классы воюющіе, хотя и съ неравнымъ орудіемъ, что эти классы стоятъ въ полной «розни», что первые смотрятъ на вторыхъ какъ на свою личную добычу, что рельефно выражается даже въ самомъ принципѣ, на которомъ строятся ихъ взаимныя отношенія *оффиціально*. Этимъ принципомъ было, какъ мы уже видѣли, такъ-называемое «кормленье». И въ XVI столѣтіи, какъ и раньше, представителями великокняжеской власти были назначаемые ею намѣстники, волостели съ ихъ тіунами; всѣ эти органы великокняжеской власти ѣхали въ области на свои административные посты «ради корма», чтобы «быть сытымъ»; они просились на свои должности, «чтобы покормиться». И это начало—начало «корма»—прямо преобладало надъ началомъ государственнымъ, началомъ княжеской службы. Первое совсѣмъ заслоняло собою последнее. Такъ легко было забыть все ради «кормовъ», которые

*) Помнится, гдѣ-то въ газетѣ *Русь* мы встрѣтили такой взглядъ, высказанный въ формѣ обвиненія противниковъ газеты въ обоснованіи своего взгляда на московское время на какихъ-то ничего незначащихъ злоупотребленіяхъ.

и въ Московскомъ государствѣ долгое время еще опредѣлялись однимъ аппетитомъ кормящихся. «Кормы» собирались княжескими агентами такъ, какъ теперь сельское духовенство собираетъ ихъ въ извѣстное время года, объѣзжая свой приходъ. Аппетиты администраціи очень рано, задолго до XVI столѣтія, какъ мы видѣли, получили сильное развитіе и достигли такихъ размѣровъ, благодаря которымъ удовлетвореніе ихъ стало не по силамъ кормящимъ. Начинаются жалобы князю, а потомъ царю, чинится ему «докука великая» со стороны массъ. Докучаютъ царямъ Московскаго государства посадскіе и сельскіе всякихъ чиновъ люди о всякихъ безчинствахъ ихъ служилыхъ людей. Благодаря этимъ «докукамъ» путемъ челобитныхъ на имя царя, еще Ивану Грозному «вниде въ слухъ, что *многи грады и волости пусты учинили* намѣстники и волостели», что эти царскіе слуги, въ которыхъ хотѣли видѣть тогда «пастырей и учителей» народа, «сотворишася ему гонители и разорители» *). Это дошедшее до слуха царя положеніе дѣлъ такъ характеризовалось самими челобитчиками, бывшими объектомъ управленія намѣстниковъ и волостелей: «на посадахъ, — пишутъ посадскіе люди и волостные крестьяне одного изъ сѣверн. уѣздовъ Московскаго государства, — *многіе дворы*, а въ станахъ и волостѣхъ *многіе деревни запустѣли* отъ прежнихъ важескихъ намѣстниковъ и отъ ихъ тіуновъ». Челобитчики прямо сравниваютъ запустѣніе отъ этихъ царскихъ слугъ съ тѣмъ, которое иногда настаетъ «отъ лихихъ людей, отъ татей и отъ разбойниковъ». Дѣло приняло такой оборотъ, что населеніе названнаго уѣзда прямо заявляетъ, «что де имъ намѣстника и пошлинныхъ людей впредь прокормити немочно...» Года три спустя послѣ этой челобитной московское правительство прямо сознается, что его «бояре, князья и дѣти боярскіе, получившіе города и волости «въ кормленье», повсюду причиняютъ «продажи и убытки великіе», и притомъ какъ казнѣ, такъ и населенію. Грабили намѣстники съ волостелями, грабили ихъ слуги, «люди», грабили и насильничали всячески. Такъ въ одной изъ царскихъ грамотъ первой половины XVII столѣтія говорится, что волостельскій «доводчикъ» **) въ одной слободкѣ «корчму держалъ сильно», т.-е. кабакъ возлѣ становой избы, а «на корчму приходятъ всякіе люди, тати и разбойники... и тѣхъ

*) *Татищевъ*, «Ист. Росс.» т. IV, стр. 439—440.
**) Особый чиновникъ, вызывавшій стороны на судъ.

слободскихъ людей бьютъ и грабятъ... и впредь отъ того двора имъ жити немочно». Изъ другой грамоты того же XVII столѣтія, второй половины его, видно, что намѣстники и волостельскіе люди «на пиры и на братчины» крестьянскія «ходятъ не званы» и «пьютъ сильно» (насильно). Можно ли послѣ этого что-либо возразить противъ слѣдующей характеристики отношенія народа къ администраціи XVII вѣка: «суда намѣстника избѣгали какъ заразы; ихъ людей встрѣчали какъ непріятелей» *).

Извѣстно, что Грозный съ цѣлью спасти царскую казну отъ убытковъ, а населеніе отъ окончательнаго раззоренія, во многихъ областяхъ намѣстниковъ и волостелей отставлялъ и замѣнялъ ихъ выборными волостными и посадскими людьми. Волость въ этихъ случаяхъ становилась самостоятельнымъ цѣлымъ въ административномъ отношеніи съ выборнымъ человѣкомъ во главѣ. Но съ конца XVI, особенно въ началѣ XVII столѣтія на смѣну намѣстникамъ и волостелямъ является новый мѣстный, областной органъ московскаго правительства—*воевода*, въ рукахъ котораго область и находится въ теченіе всего XVII столѣтія и даже въ началѣ XVIII. Власть воеводъ правительство стремится опредѣлить путемъ такъ-называемыхъ наказовъ, которыми они снабжались при отправленіи на мѣсто назначенія. Начало кормленія смѣняется началомъ вознагражденія изъ казны. Власть ихъ охватываетъ уже весь уѣздъ по общему правилу. Но всѣ эти измѣненія не принесли областному населенію ни малѣйшаго облегченія. Отмѣненные, даже запрещенные кормы царятъ. Воевода и жалованье получаетъ, и кормится. Онъ, какъ и намѣстникъ, смотритъ на воеводство какъ на средство «покормиться». Не могу удержаться, чтобы не выписать странички изъ тринадцатаго тома «Исторіи» Соловьева по этому предмету: «Радъ дворянинъ собираться въ городъ на воеводство,—и честь большая, и кормъ сытный. Радуется жена,—ей тоже будутъ приносы; радуются дѣти и племянники,—послѣ батюшки и матушки, дядюшки и тетушки, земскій староста на праздникахъ зайдетъ и къ нимъ съ поклономъ; радуется вся дворня, ключники, подклѣтные,—будутъ сыты; прыгаютъ малые ребята,—и ихъ не забудутъ; пуще прежняго отъ радости несетъ вздорныя рѣчи юродивый, живущій во дворѣ,—ему также будутъ подачки. Все поднимается, *ѣдетъ на вѣрную добычу*».

*) Эта характеристика сдѣлана г. Дмитріевымъ, бывшимъ профессоромъ Московскаго университета (нынѣ попечитель Петербургскаго учебнаго округа) въ его извѣстномъ сочиненіи «Исторія судебныхъ инстанцій», стр. 60 и 61.

Земскій выборный человѣкъ ведетъ счетъ этой «добычѣ»; онъ каждый день записываетъ, что изъ мірскаго издержано на воеводу и подъячихъ (и они—на кормахъ); и чего-чего въ этой записи нѣтъ: и пироги, и налимы, и щуки, и говядина, и рѣпа, и вино съ пивомъ. Зоветъ воевода на обѣдъ—значитъ новый поборъ тѣми же пирогами и налимами, а чаще алтынами «въ бумажкѣ»; и несутъ все это и женѣ его, и матери, и дочерямъ.

Пришли изъ волости мірскіе выборные люди, принесли его великаго государя всякіе поборы,—платятъ и они за столь лестное для нихъ дѣло, какъ взносъ податей, и воеводамъ, и подъячимъ, ихъ родичамъ и людямъ. Въ росписяхъ этихъ расходовъ встрѣчаемъ кромѣ подарковъ воеводѣ или дьяку такія статьи: «людямъ его далъ двѣ деньги, малымъ ребятамъ два алтына» и т. д. Все это вносилось «командуемыми» по чести, безропотно, чуть не съ удовольствіемъ. Но большинство царскихъ слугъ не хотѣли мириться на этомъ, и ихъ кормы прямо обращались въ грабежъ.

«Грабительство и лихоимство» воеводъ г. Чичеринъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «Областныя учрежденія въ XVII столѣтіи»—ставитъ во главѣ о злоупотребленіяхъ на первое мѣсто. Они дѣйствительно и занимаютъ его съ честью. «Грабительство» одинаково охватывало и достояніе казны, въ видѣ покровительства контрабандѣ всякаго рода, даже занятія ею черезъ своихъ агентовъ, въ видѣ удержанія въ собственныхъ карманахъ всякихъ царскихъ доходовъ и т. п.,—и достояніе населенія, управленію бояринна ввѣреннаго. Послѣднее подвергалось грабежу, пожалуй, въ большихъ размѣрахъ и съ большимъ нахальствомъ, чѣмъ царскіе доходы. «Кормы и посулы всякіе» взимались и воеводами, и ихъ приказными при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, и притомъ въ размѣрахъ сплошь и къ ряду превосходившихъ и лошадиную силу командуемыхъ. Въ различныхъ изданіяхъ памятниковъ того времени всякій можетъ найдти массу жалобъ населенія на то, что «воевода чинитъ тѣсноту и налогу большую... и приметывается къ выборнымъ и ко всякимъ посадскимъ людямъ для своей бездѣльной корысти».

Администраторъ—вмѣстѣ и судья и не даетъ онъ спуску подчиненнымъ ему и въ этой послѣдней роли. Суда не было, а была продажа его. На это указываютъ уже тѣ страшныя наказанія, которымъ грозило правительство взяточникамъ; объ этомъ единогласно говорятъ иностранцы, жившіе въ Россіи; объ этомъ сви-

дѣтельствуютъ челобитныя на соборахъ или, напр., показаніе Котошихина, который говоритъ, что бояре, окольничіе и дьяки, «и наказанія не страшатся... и руки свои ко взятію скоро допущаютъ, хотя не сами собою, однако по задней лѣстницѣ черезъ жену или дочерь или черезъ сына и брата и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто просто и не вѣдаютъ». Соловьевъ приводитъ отрывокъ изъ наказа одного боярина своему слугѣ, въ которомъ лихоимство судей того времени изображается особенно живо и образно; вотъ этотъ отрывокъ: «.... идти тебѣ къ дьяку Василію Сычину. Пришедши къ дьяку, въ хоромы не входи, прежде развѣдай, веселъ ли дьякъ, и тогда войди, побей челомъ крѣпко и грамотку отдай. Приметъ дьякъ грамотку прилежно, то дай ему три рубля, да и обѣщай еще, а куръ, пива и ветчины самому дьяку не отдавай, а стряпухѣ... Сходи къ подьячему Степкѣ..., понеси ему три алтына денегъ, рыбы сушеной, да вина (а онъ Степка жадущая рожа и пьяная» *). Наконецъ и объ этой же язвѣ свидѣтельствуютъ пастыри и учители церкви, бичуя ее въ своихъ проповѣдяхъ.

Публицисты-патріоты, мы видѣли, дѣленіе народа «на битыхъ и бьющихъ» находятъ лишь въ XVIII ст., съ того момента, какъ этотъ народъ сталъ дѣлиться «на бритыхъ и небритыхъ». Хорошо, если они находятъ это по невѣдѣнію дѣла, а не съ умышленною цѣлью раскрасить болѣе мрачными красками XVIII вѣкъ и всячески убѣлить излюбленное ими Московское государство.

Боже, какъ били и мучили царскіе слуги,—а за ними, какъ увидимъ, и всякій сильный человѣкъ,—слабаго въ Московскомъ государствѣ! Болѣе рельефнаго и рѣзкаго раздѣленія на битыхъ и бьющихъ трудно и найти гдѣ-либо, хотя начало этого дѣленія лежитъ далеко за предѣлами начала этого государства.

Въ каждой челобитной, поданной царю населеніемъ, напр., на воеводу, непремѣнно челобитчики указываютъ, что онъ «бьетъ ихъ сиротъ... и продаетъ напрасно»,—бьетъ «безъ сыску и безъ вины, сажаетъ въ тюрьму для своей корысти и, выгоняя изъ тюрьмы, бьетъ батогами до полусмерти, безъ дѣла и безъ вины». Воеводы били не только до полусмерти, но и прямо до смерти. Если изувѣчить на всю жизнь, лишить самой жизни не особенно много значило въ глазахъ воеводъ и всякихъ служилыхъ людей, то лишить свободы—ужь ровно ничего не значило. Въ тюрьмы

---

*) *Соловьевъ*, «Ист. Рос.», т. IX, стр. 455 и сл.

засаживали прямо лишь ради того, чтобы взять деньги за освобожденіе изъ нея. Такъ, одинъ «прикащикъ» царскій, открыто грабившій подчиненное ему населеніе, ходя по дворамъ и клѣтямъ, сажалъ осмѣлившихся жаловаться на него «въ тюрьму и держалъ въ тюрьмѣ денъ по пяти и по шести и по недѣлѣ, и они изъ тюрьмы *выкупались*»; а другой разъ тотъ же изобрѣтательный и храбрый прикащикъ, зазвавъ къ себѣ крестьянъ на пиръ и взявъ съ нихъ «поклонное», «сажалъ ихъ въ тюрьму (это прямо съ пира-то) и они у него изъ тюрьмы *выкупалися*». Старосту ихъ прикащикъ «билъ ослопомъ до полусмерти и въ тюрьмѣ держалъ и морилъ голодомъ и доправилъ съ него десять рублей»...

Въ результатѣ такой энергичной административной дѣятельности царскихъ слугъ наставало положеніе вещей, при которомъ, выражаясь языкомъ грамотъ, «крестьяне въ конецъ погибаютъ и совсѣмъ до основанія раззорены, бредутъ въ рознь и у многихъ у нихъ пашня залегла»... «Бѣгутъ въ рознь»—это наиболѣе распространенный способъ протеста противъ грабительства и всякихъ притѣсненій администраціи, но мы уже знаемъ, что встрѣчается, и не рѣдко, и другой видъ протеста противъ нихъ—возстаніе, бунтъ. Въ 1608 году двиняне, выведенные изъ терпѣнія своимъ воеводой и его дьякомъ, схватили ихъ, какъ разсказываетъ двинскій лѣтописецъ, засадили въ тюрьму и потомъ «дьякъ былъ посаженъ въ воду генваря въ десятый день», гдѣ и померъ, и «воеводу хотяще двиняне осудить на смерть», но тотъ спасся намѣреніемъ постричься въ монахи. Цѣлый рядъ подобныхъ возстаній имѣетъ мѣсто при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Вспомнимъ страшныя возстанія въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ Москвѣ, Сольвычегодскѣ, Новгородѣ и Псковѣ. Они имѣли мѣсто, хотя и не въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ, и въ концѣ царствованія этого царя. Такъ, наприм., въ 1673 г. населеніе Новгорода встало гилемъ (бунтомъ) на своего воеводу; ему «отъ воеводства отказали» и рѣшили убить его. Только присланная правительствомъ сотня стрѣльцовъ избавила воеводу отъ всенародной расправы; только пытки и висѣлицы смирили горожанъ *). А бунтъ Разина?

Всѣ указанныя нами до сихъ поръ явленія изъ административной сферы Московскаго государства далеко не были единич-

---

*) Тамъ же, т. XIII, стр. 114.

ными явленіями. Цѣлыя массы ихъ читатель можетъ встрѣтить на страницахъ всевозможныхъ памятниковъ того времени, была бы охота порыться въ нихъ. Такіе изслѣдователи-спеціалисты, какъ гг. Дмитріевъ и Чичеринъ, считаютъ ихъ явленіемъ общимъ, повсюду въ Московскомъ государствѣ существовавшимъ. Такой историкъ, какъ покойный Соловьевъ, видитъ въ нихъ обычное, заурядное явленіе московскаго строя.

Протестовать бѣгствомъ въ рознь и возстаніями приходилось народу не только противъ административной дѣятельности служилыхъ людей, но и противъ дѣятельности ихъ въ другой ихъ роли. Служилые люди были въ то же время и землевладѣльцами-вотчинниками, и помѣщиками, и въ качествѣ таковыхъ имѣли непосредственное отношеніе къ земледѣльческому населенію — крестьянству.

Обезземеленное очень рано крестьянство долгое время пользовалось по закону, во всемъ его объемѣ, правомъ перехода съ земли одного владѣльца на землю другаго, разумѣется, по удовлетвореніи или, лучше, исполненіи тѣхъ условій, которыми каждый отдѣльный земледѣлецъ связывался съ землевладѣльцемъ. Въ концѣ XVI столѣтія это право крестьянъ отнимается у нихъ общимъ закономъ. Отдѣльные случаи лишенія этого права встрѣчаются гораздо раньше. А въ дѣйствительности, въ самой жизни, этого права своего безземельное крестьянство лишилось, думаемъ, въ массѣ гораздо раньше конца XVI вѣка. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ владѣльца ея было вторымъ шагомъ къ обезличенію крестьянина, низведенію его въ положеніе раба.

Строй Московскаго государства мало сказать—подготовилъ крѣпостное право, онъ его создалъ. Крѣпкій землѣ крестьянинъ въ дѣйствительности очень быстро обратился въ крѣпкаго лицу, владѣльцу этой земли. Съ момента прикрѣпленія крестьянина къ землѣ даннаго владѣльца онъ болѣе оказался въ рукахъ послѣдняго, чѣмъ былъ до сихъ поръ. До прикрѣпленія онъ снималъ, бралъ землю и дворъ на извѣстныхъ условіяхъ, которыя какъ бы тяжелы для него ни были, все-таки кое-какъ могли быть исполнены, хотя бы путемъ перехода на еще болѣе тяжелыхъ условіяхъ къ другому землевладѣльцу. Теперь же ни о какихъ условіяхъ рѣчи быть не можетъ. Ихъ ставитъ землевладѣлецъ, а земледѣлецъ не имѣетъ никакой возможности не принять ихъ,—онъ весь въ рукахъ своего землевладѣльца. Только правительство и можетъ наложить какую-либо узду на хищническія стремленія

землевладѣльцевъ; но оно этого или не умѣло, или не желало дѣлать. Поэтому уже въ XVII столѣтіи въ положеніи крестьянства мы встрѣчаемъ массу характеристическихъ чертъ крѣпостнаго состоянія.

Взглянемъ же, каковы были дѣйствительныя, а не по закону только, отношенія служилаго сословія Московскаго государства въ качествѣ вотчинниковъ и помѣщиковъ къ крестьянамъ, жившимъ на ихъ земляхъ. Мы и здѣсь укажемъ на факты общеизвѣстные, приведенные у Соловьева, въ сочиненіяхъ Бѣляева, Побѣдоносцева. Мы начнемъ со свидѣтельства извѣстнаго московскаго приказнаго человѣка Котошихина, который въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ, объ отношеніяхъ многихъ землевладѣльцевъ къ сидѣвшимъ на ихъ земляхъ крестьянамъ, даетъ намъ очень важное показаніе: онъ говоритъ, напримѣръ, что въ жалованныхъ грамотахъ, которыми даруются служилымъ людямъ вотчины и помѣстья, имъ предписывается беречь крестьянъ и «подати съ нихъ имати по силѣ, а не черезъ силу, чтобъ тѣмъ мужиковъ не разогнать..., въ нищіе не привесть, и насильствомъ у нихъ скота и животины никакой и хлѣба всякаго и животовъ не имати... А буде которой помѣщикъ и вотчинникъ», желая продать, «напередъ учнетъ съ нихъ имати поборы всякіе, не противъ силы, чѣмъ бы привести къ нуждѣ и къ бѣдности», а себя обогатить, и если о такомъ землевладѣльцѣ дойдетъ до царя, то у него отнимаются вотчины и помѣстья. Разумѣется, такое правительственное распоряженіе, такіе наказы вызваны дѣйствительностью, въ которой встрѣчались сплошь и къ ряду случаи прямо хищническаго, грабительскаго отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянству, которое почти не принималось иногда за человѣческую породу.

Крестьянинъ уже по закону начинаетъ считаться какимъ-то получеловѣкомъ, вещью. Уже по закону, напримѣръ, землевладѣлецъ, убившій крестьянина другаго землевладѣльца, отдавалъ послѣднему своего крестьянина. Задолжалъ помѣщикъ, правежу *) подвергаются его крестьяне. Крестьнинъ уже въ XVII столѣтіи не можетъ ни жениться, ни выдать дочери замужъ безъ согласія землевладѣльца**). Крестьянинъ, словомъ, полная уже почти собственность землевладѣльца, а къ концу XVII ст. даже и прямо

*) Битью палками впредь до уплаты.

**) Нѣсколько такъ-называемыхъ «рядныхъ» записей по поводу заключенія брака, помѣщенныхъ въ «Акт. Юрид.», указываютъ между прочимъ на это.

полная собственность, могшая быть объектомъ всякихъ юридическихъ сдѣлокъ. И благочестивые и сердобольные люди Московскаго государства, должно-быть въ силу особенно сознаваемаго ими единства всѣхъ холопей его великаго государя и царя московскаго, обращались съ этою собственностью, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, именно какъ съ неодушевленною собственностью, вещами. Скорбный листъ крестьянскихъ страданій былъ бы безполезенъ, еслибы кто вздумалъ внести въ него всѣ факты нечеловѣческаго обращенія собственниковъ съ этою собственностью за время Московскаго государства. На одномъ-двухъ изъ нихъ, наиболѣе рельефныхъ, мы остановимся.

Вотъ, напримѣръ, челобитная крестьянъ Ярославскаго уѣзда на своего помѣщика, приведенная Бѣляевымъ въ его сочиненіи «Крестьяне на Руси». Челобитная была подана царю Михаилу Ѳедоровичу. Въ ней жалуются крестьяне, что когда они пришли къ пріѣхавшему помѣщику ихъ «на поклонъ» съ хлѣбомъ-солью, то онъ прямо набросился на нихъ ни съ того, ни съ другаго и «началъ ихъ бить, мучить, на ледникъ сажать». Послѣ такой встрѣчи онъ принялся за сборъ оброка, росписокъ въ полученіи котораго давать не счелъ нужнымъ, должно-быть по нелюбви русскаго человѣка, какъ увѣряютъ насъ патріоты, ко всякаго рода юридическимъ формальностямъ. За все время пребыванія въ помѣстьѣ землевладѣлецъ забавлялся гаремомъ, который онъ составилъ изъ татарокъ, женъ своихъ крестьянъ-татаръ. Собравъ оброкъ, онъ удалился вмѣстѣ съ гаремомъ въ Ярославль, гдѣ и спустилъ весь крестьянскій оброкъ. Прокутившись весь, помѣщикъ снова возвращается въ помѣстье и принимается сбирать оброкъ второй разъ (нелюбовь къ бумажнымъ формальностямъ пригодилась). Этотъ второй оброкъ собирался такимъ образомъ: помѣщикъ натопилъ баню, гдѣ и «гулялъ», вѣроятно, съ своими татарками, «а насъ,—говорятъ крестьяне,—сталъ мучить смертнымъ правежомъ въ другихъ оброчныхъ деньгахъ». У кого были, продолжаютъ челобитчики, «*нарочитыя* лошади, взялъ ихъ на себя; нарочитыхъ (богатыхъ) крестьянъ держалъ скованныхъ и правилъ съ нихъ»... Картинка хоть куда!...

Землевладѣльческій классъ состоялъ не изъ одних служилыхъ людей великаго государя царя московскаго, а и изъ его «богомольцевъ», т. е. духовенства. И это послѣднее не отставало отъ первыхъ въ ихъ хищническихъ стремленіяхъ относительно крестьянства,—стремленіяхъ, осуществлявшихся самыми варварскими, порой, спо-

собами. Такъ, крестьяне одного монастыря во второй половинѣ XVII столѣтія били челомъ на монастырскаго «строителя», ими управлявшаго, какого-то отца-Іоиля, въ томъ, что онъ «ималъ съ нихъ своею рукою хлѣбъ и ходилъ по клѣтямъ самъ..., вымучилъ напрасно мученьемъ, безъ вины», очень почтенную для того времени сумму въ нѣсколько рублей, какого-то крестьянина Семку «мучилъ въ одной рубахѣ на морозѣ, связавъ...; всю семью Семкину изъ избы выгналъ». Когда по челобитной произведенъ былъ розыскъ, то оказалось, что картина вымогательствъ и мучительствъ отца-Іоиля, нарисованная челобитчиками, была далеко блѣднѣе дѣйствительности *). Въ одной царской грамотѣ XVII ст. въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь о распущенности въ монастыряхъ между прочимъ говорится, что «монастырскія власти... съ монастырскихъ вотчинныхъ крестьянъ отъ дѣлъ и не отъ дѣлъ посулы и поминки имаютъ и тѣмъ крестьяномъ напрасные убытки чинятъ» **). Эта грамота издана не по поводу отдѣльнаго случая, а имѣетъ общій характеръ.

Въ каждой челобитной крестьянъ, въ каждой грамотѣ, изданной по поводу ихъ положенія, вездѣ мы встрѣчаемся съ фразой, сдѣлавшейся какимъ-то всеобщимъ крикомъ отчаянія изможденнаго крестьянства: «бѣжимъ розно», «разбѣжались въ рознь», «гибнемъ въ конецъ». Они бѣгутъ отъ царскихъ слугъ, бѣгутъ отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, бѣгутъ отъ страшныхъ тяготъ жизни, возложенныхъ на нихъ тѣми и другими. Они бѣгутъ на Донъ къ казакамъ, бѣгутъ на далекій Сѣверъ, бѣгутъ въ Сибирь. Бѣгутъ, должно-быть, не понимая всей прелести пребыванія въ объятіяхъ единства подъ сѣнію Московскаго государства.

А за ними бѣгутъ, «побрели розно», какъ пластически выражаются памятники того времени, и жители городовъ и посадовъ—посадскіе. И эти бѣгутъ какъ «отъ великихъ налогъ» и утѣсненій московской администраціи, такъ и отъ притѣсненій и «налогъ» своихъ же посадскихъ «лучшихъ, богатыхъ людей», которые «загнели» ихъ «не по силамъ окладомъ и тягломъ». И отъ этихъ тяготъ одно изъ средствъ спасенія—бѣгство, куда глаза глядятъ, или, еще болѣе отчаянное, обращеніе къ *гилю*, какъ выражались, напримѣръ, т. е. къ мятежу, возстанію. Къ нимъ и обращались. Вспышками возстанія, не говоримъ о такомъ,

---

*) „Рус. Истор. Библiот.“, т. V, № 427, стр. 148 и 153.
**) Акты Арх. Эксп., т. IV, стр. 328.

какъ возстаніе подъ руководствомъ Разина, такъ-сказать испещрены всѣ страницы исторіи XVI и XVII столѣтій.

Все бѣжало и шло въ рознь. Все распадалось на отдѣльныя единицы, не связанныя никакимъ цементомъ, исключая единой власти царя московскаго. Крестьянство бѣжало отъ волостеля, приказнаго и помѣщика, т. е. служилаго человѣка и землевладѣльца, все равно—былъ ли онъ служилый человѣкъ или служитель алтаря. Посадскій бѣжалъ отъ администраторовъ-лихоимцевъ и всякихъ тяготъ. И всѣ вмѣстѣ кряхтѣли подъ тяжестью тягла государственнаго. Итакъ, рознь царитъ между всѣми отдѣльными слоями населенія Московскаго государства. Этого мало—она разъѣдаетъ и каждый слой въ отдѣльности. Служилые люди высшихъ чиновъ, мы видѣли, ѣли другъ друга, подкапывались другъ подъ друга. Высшее служилое сословіе заѣдало низшее, раззоряя его помѣстья всякими способами: «дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ... на бояръ и на окольничихъ, и на стольниковъ... и на дворянъ московскихъ» бьютъ челомъ «во всякихъ обидахъ»; обиды эти въ томъ, что въ боярскія помѣстья и вотчины бѣгаютъ ихъ, челобитчиковъ, крестьяне и тамъ поселяются на льготахъ, а ихъ помѣстья и вотчины отъ того ставятся пусты». Такія же жалобы раздаются со стороны служилыхъ мелкихъ людей и на духовенство. Въ средѣ духовенства то же самое: черное вызываетъ постоянныя жалобы на него со стороны бѣлаго. Въ средѣ самого чернаго «духовныя власти» гнетутъ рядовое монашество. «Многіе священники, дьяконы и причетники *бѣжали* изъ православной церкви въ расколъ оттого, что въ приходахъ имъ *было*,— говоритъ Щаповъ, въ своемъ сочиненіи о расколѣ,—*весьма тяжко жить*». Ихъ раззоряли *архіерейскіе* чиновники, со стороны которыхъ, по свидѣтельству собора 1675 года, «ко освященному чину часто объявлялось всякое безчиніе, налоги, обругательство и убытки». Архіерей, архимандриты, игумены и сами часто не по-человѣчески обращались съ подчиненнымъ имъ низшимъ духовенствомъ. Такъ, напримѣръ, коломенскій епископъ Іосифъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, угодилъ за свое поведеніе, главнымъ образомъ относительно подчиненныхъ изъ низшаго духовенства, подъ судъ. Его судилъ соборъ и долженъ былъ осудить. Соловьевъ говоритъ, что этотъ святитель церкви «превосходилъ жестокостями самаго дурнаго воеводу. Онъ билъ провинившихся чѣмъ-либо въ его глазахъ шелепами и плетьми, морилъ голодомъ, сажалъ на цѣпь, мучилъ холодною водой, снѣгомъ, билъ

собственноручно по лицу и притомъ въ храмѣ, во время службы. А когда дралъ плетьми поповъ, то приговаривалъ: «бей гораздо,— *мертвые наши*» *). Вотъ начала, на которыхъ покоятся отношенія даже въ средѣ духовенства. На нихъ покоились и взаимныя отношенія всѣхъ слоевъ населенія Московскаго государства, какъ мы видѣли.

Понятно, само собою, уже изъ всего сказаннаго, какую картину долженъ былъ представлять собою нравственный строй Московскаго государства. Мы могли бы и воздержаться отъ дальнѣйшаго изображенія его, но, для пущей убѣдительности, для избѣжанія упрековъ въ преувеличеніи, излишнихъ обобщеніяхъ, мы считаемъ нужнымъ привести еще нѣкоторыя указанія, въ заключеніе этой главы нашего очерка, на это состояніе нашихъ авторитетнѣйшихъ изслѣдователей этого періода,—изслѣдователей, коихъ, думается, даже и у самыхъ отчаянныхъ «патріотовъ» не станетъ смѣлости изобличать въ подтасовываньи фактовъ, поддѣлкѣ ихъ ради какихъ-либо цѣлей.

Еще Карамзинъ, говоря о всевозможныхъ бѣдствіяхъ царствованія Годунова, восклицаетъ: «Такъ готовилась Россія къ ужаснѣйшему изъ явленій (рѣчь идетъ, разумѣется, о Смутномъ времени) въ своей исторіи, готовилась долго: неистовымъ тиранствомъ двадцати-четырехъ лѣтъ Іоанновыхъ, адскою игрою Борисова властолюбія, бѣдствіями свирѣпаго голода и всемѣстнымъ разбоемъ, *ожесточеніемъ сердецъ*, *развратомъ народа*,—всѣмъ, что предшествуетъ ниспроверженію государствъ...**) Нужны ли иныя чудесныя знаменія для устрашенія,—продолжаетъ исторіографъ,—если *не было ни правды*, *ни чести въ людяхъ*, если голодъ... еще умножилъ пороки между ними: распутство, *корыстолюбіе*, *лихоимство*, *безчувствіе къ страданію ближнихъ;* если и самое лучшее *дворянство и самое духовенство заражалось общею язвою разврата*, *слабѣя въ усердіи къ отечеству*...» Высокопреосвященный Макарій, митрополитъ московскій, въ послѣднемъ, десятомъ, томѣ своей «Исторіи Русской церкви», такими же мрачными красками изображаетъ нравственное состояніе русскаго народа и общества Московскаго государства въ началѣ XVII столѣтія. «Нравственность,—по его словамъ,—проявила себя въ періодъ Смутнаго времени во всемъ безобразіи». Высокопре-

---

*) *Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. XIII, стр. 154.

**) Томъ XI, глава II.

освященный характеризуетъ ее далѣе, не обинуясь словами современниковъ—Авраамія Палицына и иностранца Булова, который говоритъ: *«во всѣхъ сословіяхъ воцарились раздоры и несогласія*; никто не довѣрялъ своему ближнему...; богачи брали росты болѣе жидовскихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли... Другъ ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышавшій занятую сумму, и сверхъ того бралъ по четыре процента еженедѣльно... Не буду говорить о нестерпимомъ, глупомъ высокомѣріи, о презрѣніи къ ближнимъ... Все это, какъ навожденіе, разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ. Всевышній не могъ болѣе терпѣть, казнь была необходима и Онъ послалъ мечъ и пламя» *).

Таково состояніе московской Россіи до Смутнаго времени. Еслибы мы не знали ея состоянія во время смутъ, то могли бы о немъ догадываться. Носителями «меча и пламени» были *враги* внутренніе и внѣшніе, и первые были страшнѣе вторыхъ,—ихъ сломить труднѣе. Смутное время было слишкомъ благопріятнымъ временемъ для развитія всѣхъ тѣхъ золъ и язвъ, которыя разъѣдали народъ до этого времени, чтобъ эти язвы могли быть излѣчены въ послѣднія три четверти XVII столѣтія. Онѣ и не излѣчились за это время. На нихъ накладывались повязки, которыя направляли язву внутрь организма.

И дѣйствительно, всѣ современники, русскіе и иностранные, сохранили свидѣтельства о страшной, не всегда удобопередаваемой запущенности московскаго общества второй половины XVII столѣтія. Уже и у насъ приведены примѣры этой распущенности; но они касаются, такъ сказать, политическаго строя того времени. Обратитесь къ современнымъ пастырскимъ посланіямъ, соборнымъ постановленіямъ, царскимъ указамъ, запискамъ, лѣтописямъ по вопросу о нравственности, напр., семейной—и вы придете въ ужасъ отъ той разнузданности, которая царила въ этой сферѣ. И въ какихъ формахъ! Мы не рѣшаемся говорить о нихъ. Остановитесь на вопросѣ о пьянствѣ—и вы увидите, что имъ заражены всѣ слои общества, и высшія чуть ли не больше остальныхъ; имъ заражено черное духовенство, высшіе представители котораго часто указанныя нами неистовства учиняли именно «въ прохладѣ» (на-веселѣ).

Словомъ, въ этой эпохѣ, такъ прославляемой нашими публицистами извѣстнаго лагеря, мы по меньшей мѣрѣ находимъ

*) «Сказ. о самозванцѣ», т. I, стр. 38.

всѣ тѣ язвы, которыя разъѣдаютъ, по утвержденію ихъ, современное намъ общество, только въ болѣе грубой, омерзительной до ужаса формѣ. Обратитесь къ правительственнымъ распоряженіямъ—указамъ и посланіямъ того времени—и вы найдете въ нихъ болѣе мрачныя краски, болѣе страшную картину состоянія общества, чѣмъ какую даетъ намъ, наприм., извѣстное посланіе святѣйшаго синода, изданное въ настоящій тяжелый годъ.

Гдѣ же причины?—Въ наше время онѣ найдены въ существованіи... интеллигенціи, зараженной гибельными идеями Запада. Ну, а тогда?... Вѣдь этой злосчастной интеллигенціи не существовало; вѣдь все покоилось на исконныхъ русскихъ стародавнихъ обычаяхъ; сермяга голоднаго бобыля была одного покроя съ золотымъ зипуномъ царскаго боярина; кабачная голь и царская «служня» одинаково забавлялись шутами, юродивыми. Всѣ вѣровали въ одного Бога несомнѣнно...

И все-таки все «бѣжитъ розно». И все-таки общество разлагалось; слышенъ былъ трупный запахъ...

Гдѣ же причины?

На этомъ вопросѣ мы остановимся во второй половинѣ нашей статьи.

И. Дитятинъ.

30 августа
1881 года.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Изъ Людвига Кондратовича.

Варьяціи старыхъ темъ.

I.

То лаской, то силой, то просьбой въ отчизнѣ
Съ людьми я съумѣлъ бы поладить, конечно,
Достигъ бы богатства и почестей въ жизни;
Но я не тщеславенъ, привыкъ жить безпечно,
Довольный своею житейскою долей—
Безвѣстностью, пѣсней сердечной и волей.

Но люди иначе на дѣло взглянули
(Бѣда, кто не хочетъ плясать подъ ихъ дудку!),
Мой взглядъ осмѣяли, надъ пѣсней заснули,
Злословіемъ стали мнѣ мстить не на шутку,
И такъ какъ Мамонъ—ихъ кумиръ неизмѣнный,
Они разорили мой уголъ смиренный.

Зачѣмъ неумѣлъ я, толпѣ подражая,
Молиться Ваалу? Сердца смутивъ страхомъ,
Оружіемъ собственнымъ ихъ поражая,
Строптивыхъ и гордыхъ сравнялъ бы я съ прахомъ
И, въ силѣ врага ихъ успѣвъ убѣдиться,
Они надъ мною-бъ не смѣли глумиться.

II.

Niepodobnym obyczajem
Nie począwszy żyć przeslajem.
Jan Kochanowski.

Каждый день болтаемъ звонко,
Каждый день живемъ какъ трупы,
Каждый день толкуемъ тонко,
Съ жаромъ взрослаго ребенка,
Что впередъ не будемъ глупы,
Что свое прославимъ племя,
Обновленье обѣщаемъ...
А межъ тѣмъ проходитъ время:
Не живя, мы умираемъ.

Ждетъ сохи нашъ край безплодный;
Наши мысли и желанья
Рвутся къ цѣли благородной,
Въ сердцѣ-жь—плевелы, негодный
Плодъ пустаго прозябанья.
Изъ развалинъ жалкихъ смѣло
Рай устроить мы мечтаемъ,
Но въ могилу сходитъ тѣло:
Не живя, мы умираемъ.

Какъ въ степи въ часъ непогоды
Странникъ спитъ,—міръ сномъ забылся
И, какъ онъ, ждетъ дни и годы,
Чтобы высохли всѣ воды,
Чтобы путь сухой открылся.
«Дай напьюсь еще, рѣка мнѣ,
Благо, жажду утоляетъ!»
И опять заснетъ на камнѣ
И, не живши, умираетъ.

Переписка.

(Zamiana myśli).

I.

Отъ д'Оффремонда къ Сырокомли.

(Переводъ съ французскаго Кондратовича.)

Когда зима съ деревьевъ сорветъ уборъ зеленый,
Когда застонетъ вьюга надъ нивой обнаженной,
Когда замерзнутъ рѣки и ихъ подернетъ иней
И чудная окрестность покажется пустыней,—
Кто, увидавъ такое вездѣ опустошенье,
У духа истребленья
Потребуетъ отвѣта:
О, Боже, жизнь ли это? О, Боже, смерть ли это?

Когда душа страдаетъ и все еще ей мало,
Безхитростное сердце болѣть и жить устало,
Когда надъ нами скорби какъ призраки летаютъ
И гаснувшія силы въ насъ тихо, тихо таютъ,—
Кто станетъ добиваться: зачѣмъ я такъ страдаю?
Чего я ожидаю?
Откуда ждать привѣта?
О, Боже, жизнь ли это? О, Боже, смерть ли это?

Когда пророка геній чуть свѣтитъ, догорая,
И струны вѣщей лиры трепещутъ, замирая,
Когда лежатъ недвижно опущенныя руки,
Когда, въ разладѣ съ сердцемъ, стихаютъ пѣсенъ звуки,—
Пытать ли прежній пламень святаго вдохновенья?
Кто оживитъ поэта
Въ подобныя мгновенья?
О, Боже, жизнь ли это? О, Боже, смерть ли это?

А если нѣтъ отвѣта душѣ на всѣ призывы,
Измученныя пѣсни безсильны, или лживы,
И нѣтъ надежды въ сердцѣ, отъ мукъ нѣтъ обороны,—
Къ чему послужатъ пѣсенъ болѣзненные стоны?
И что же пѣть? Чѣмъ вызвать опять людей вниманье,
Когда нѣтъ прежнихъ звуковъ и сдавлено дыханье?...

О, Боже, самъ же видишь, что мы напрасно-бъ пѣли,
Что у подобныхъ пѣсенъ ни смысла нѣтъ, ни цѣли!...

. . . .

Нѣтъ, будемъ молчаливо страдать и скорби повѣсть
Не станемъ разбирать мы, искать скорбей причину.
Богъ знаетъ нашу душу, Богъ знаетъ нашу совѣсть,
А намъ къ чему тревожить сердецъ своихъ кручину?

Что-жь дѣлать? Жду совѣта.
Пѣть жалобно?—Но свѣта
Не тронутъ наши вопли... Бездушный и коварный,
Глухъ свѣтъ неблагодарный...
Не обращаясь къ людямъ,
Молчать мы лучше будемъ.

II.

Отвѣтъ Сырокомли.

Братъ мой по несчастью и мой братъ по лирѣ!
Оба мы—поэты и, страдая въ мірѣ,
Недовольны судьбой своей оба.
Предложилъ вопросъ ты горькій на рѣшенье:
Нужно-ль намъ терпѣнье, нужно-ль пѣснопѣнье?
И не лучше-ль умолкнуть до гроба?

Трудно мнѣ отвѣтить... Въ мірѣ, какъ въ могилѣ,
Холодно и мрачно; въ немъ сердца застыли,
Сперта всякая мысль, какъ дыханье,
И отъ зимней стужи костенѣютъ руки
И могучихъ пѣсенъ замираютъ звуки...
Да, дѣйствительно, лучше молчанье.

Но Творецъ небесный, сердце людямъ давшій,
Въ неразрывный узелъ скорбь и стонъ связавшій,
Завѣщалъ человѣку терпѣнье.
Насъ пославши людямъ въ дни невзгодъ и гнёта,
Далъ онъ нашимъ пѣснямъ силу водомёта,
Чтобъ ключомъ билъ потокъ вдохновенья.

Такъ не грѣхъ ли съ властью высшею бороться?
Заглушая пѣсню, сердце разорвется:
Сердцу будетъ въ груди нашей тѣсно.

Такъ гремите-жь пѣсни эхомъ этой власти,
Вызванныя силой горечи и страсти:
Ваша цѣль Саваофу извѣстна.

Брось разсчетъ холодный! Пѣсня ледъ, быть-можетъ,
Гдѣ-нибудь растопитъ, скалы уничтожитъ,—
Поражай! Богъ направитъ удары...
Можетъ-быть тебѣ онъ лиру далъ поэта
Для борьбы съ бездушьемъ и съ безумьемъ свѣта...
Свѣту нуженъ огонь твоей кары.

Скорбь и муки жизни—долгъ нашъ и задача.
Пѣть переставая, мы въ юдоли плача
Все-жь отъ горя не знаемъ отбою.
Подъ ножомъ ли стыдно намъ стонать отъ боли?
Не стыдись орудьемъ быть Господней воли
И доволенъ своей будь судьбою.

Развѣ ты не знаешь пѣсни обаянье?
Послѣ пѣсни сердца сладко трепетанье,—
Отравляетъ она, исцѣляя...
Мученикъ, привыкнувъ къ горю и къ терпѣнью,
Полную свободу дай ты вдохновенью,
Пѣсней муки души услаждая!

III.

Отвѣтъ на отвѣтъ.

(Съ французскаго перевелъ Кондратовичъ.)

Я, въ напрасныхъ порывахъ всѣ убившій желанья,
Для сердечнаго друга прерываю молчанье.
И въ меня лучъ надежды западалъ, но сбывалась
Она рѣдко и только впереди улыбалась.
Только Богъ одинъ знаетъ мои стоны и слезы,
И безсонныя ночи, и безумныя грёзы,
Такъ беззвучно, безслѣдно промелькнувшія мимо...
Только горечь страданья на землѣ уловима.

Всѣхъ насъ будущность дразнитъ,—въ ней и свѣтъ, и опора,—
Но минутъ настоящихъ нѣтъ безъ мукъ, безъ укора...

Все прекрасное въ мірѣ колыбель осѣняетъ,
Но грядущее только скорби жизни скрываетъ...
Обмануться въ надеждахъ—это чувство вдовицы,
Насъ ведущее къ двери гробницы.

Я, какъ дерево, прежде, чѣмъ вихрь его сгубитъ,
Думалъ пѣть и жить сердцемъ, если сердце полюбитъ,
На родимой груди отдыхая;
Но потухла зарница свѣтлыхъ сновъ и, въ надеждѣ
Обманувшись однажды, я не знаю, какъ прежде,
Пѣть ли, вопли свои испуская?...

Другъ мой! вызовъ, съ которымъ ты ко мнѣ обращался
И вдохнуть въ меня вѣру, свѣтъ надежды старался,
Облегчилъ бы мнѣ душу, душу полную муки...
Но я глухъ на призывные звуки.

Я надеждѣ не вѣрю и ужь лучше молчанье,
Чѣмъ, скопивъ по крупицѣ горечь слезъ и страданья,
Воспѣвать ихъ потомъ сладкогласно.
Но когда чары звуковъ вдругъ меня отуманятъ
И слеза на рѣсницѣ затрепещетъ и канетъ,
То лишь сердце взволнуетъ напрасно.

Но довольно объ этомъ!... Вотъ исторіи книга:
Мужъ великій жилъ въ Римѣ когда-то.
Онъ не вынесъ изгнанья безпощаднаго ига,—
Для пѣвца хуже смерти вольныхъ пѣсенъ утрата.

Нѣтъ, не пѣсни—молчанье истомило поэта,
Что былъ лучшей звѣздой всего Рима и свѣта;
Его яркую славу схоронилъ Римъ при жизни
И не смѣлъ на чужбинѣ онъ мечтать объ отчизнѣ.

На Днѣстрѣ жилъ Овидій, позабытый, безъ хлѣба,—
Жилъ въ изгнаньи, не видя больше римскаго неба...
Что-жь могло его цѣпи облегчить и несчастье?—
Слезы братскія, слово участья.

Въ дни, когда только голодъ его грудь рвалъ на части
И напрасно молился онъ царицѣ вселенной,
Для чего ты съ нимъ не былъ, какъ собратъ неизмѣнный,
Чтобъ понять его сердце, вызвать чувства и страсти?

Для чего ты съ нимъ не былъ, чтобъ разжечь въ немъ
желанье
Воспѣвать свои муки для свѣта?
Тебѣ былъ бы обязанъ цѣлый міръ за поэта,
За могучія пѣсни страданья...

Всѣ мы жизнь изучаемъ въ изысканіяхъ строгихъ,
А предсмертная доля занимаетъ не многихъ.
Но Овидія слава поднялась надъ могилой,
Чтобъ въ прекрасной отчизнѣ грянуть съ новою силой.

О, зачѣмъ ты съ нимъ не былъ и не пѣлъ съ нимъ въ
дни горя?
Онъ, какъ я передъ тобою, не хотѣлъ бы скрываться
И, съ улыбкою горькой и болѣзненной споря,
Такъ сказалъ бы тебѣ, можетъ статься:

— «Братъ! какъ часто, какъ часто подъ ярмомъ тяжкой жизни
Повѣрялъ скорбнымъ пѣснямъ я душевныя муки
И въ тоскѣ безысходной въ вашей грустной отчизнѣ
Поднималъ къ небесамъ свои руки.

«Сколько разъ я молился и мольба уходила
Въ небеса ѳиміамомъ, словно дымъ отъ кадила,
И своими слезами обливалъ я пороги
Алтарей, гдѣ стояли ваши славные боги.

«Братъ! какъ часто, какъ часто въ тишинѣ ночи темной
Я горѣлъ и метался, истомленный борьбою,
И тебя понимая, какъ изгнанникъ бездомный,
Свои муки хотѣлъ бы раздѣлить я съ тобою.

«Что-жь нашелъ я въ изгнаньи?—Горе съ лютой тоскою.
Гдѣ же пѣсенъ награда?... Словно червь сердце точитъ...
Въ грудь свою направляю мечъ дрожащей рукою,
Но меча никто вырвать не хочетъ.

«Я для васъ кинулъ братьевъ, край милый... Въ тревогѣ,
Съ благодарностью хлѣбъ вашъ я ѣмъ на чужбинѣ;
Но напрасно молился я богамъ вашимъ,—боги
Были глухи къ молитвамъ донынѣ.

«Мои рѣчи, по правдѣ, для тебя не родныя,—
Такъ какіе же гимны буду пѣть въ вашемъ храмѣ?
Съ каждымъ днемъ угасаютъ мои силы больныя...
Дай мнѣ руку... О, скоро смерть станетъ межъ нами.

«Наши души и мысли породнило страданье,
Голоса наши тоже стали вмѣстѣ сливаться...
Римъ, ты вспомнишь поэта! Буду пѣть я въ изгнаньи,
Но не буду къ тебѣ обращаться...»

Такъ закроемъ, братъ, очи и смотрѣть въ міръ не будемъ,
Чтобъ не знать преступленій, въ мірѣ свойственныхъ людямъ,
И войдемъ въ храмъ съ тобою, гдѣ кадилы курятся,
Гдѣ горячія слезы струятся,
Гдѣ Христосъ, свое знамя развернувъ, смотритъ съ неба...
Будемъ пѣть, если есть въ томъ потреба.

Такъ, пѣть вмѣстѣ мы будемъ... Ничего ты не просишь;
Но, повѣрь мнѣ, не все же будетъ жребій суровый.
Ты терновый вѣнецъ съ себя сбросишь
И надѣнешь—лавровый.

Викентію Коротынскому.

(При изданіи «Czem chata bogata».)

Иди, пѣвецъ юный! Расправь, птенчикъ, крылья!
Пусть жаръ твоихъ пѣсенъ растетъ безъ усилья...
Кто пѣсню литовскую съ нами затянетъ,
Для добрыхъ людей, значитъ, пѣть ее станетъ.
Любви нашей стоятъ тѣ добрые люди:
Поёшь—не жалѣешь для нихъ своей груди.
Вѣдь, каждая нота и все, что споется,
Глубоко въ ихъ сердцѣ всегда отзовется.
Я знаю сердца ихъ: во имя любви лишь
Стучись и сейчасъ недовѣрье осилишь
И въ душу проникнешь сосѣда и брата,
Поставивъ предъ ними—«*чѣмъ хата богата*».
Ты бѣденъ... Надъ бѣднымъ они не смѣются,
За столъ твой отвсюду толпы соберутся,
Съ тобою духовную пищу вкушая

И слезы съ твоими слезами мѣшая.
Такъ вѣрь же, пѣвецъ, имъ: нѣтъ помысловъ чище,—
Они не ославятъ твой хлѣбъ и жилище;
А если, подчасъ, клеветникъ и найдется,
То самъ же въ ловушку свою попадется
И люди зашикаютъ такъ пустослова,
Что онъ клеветать не осмѣлится снова...
Сердца Литвы крѣпки. На нихъ опираясь,
Пой смѣло, но зорко кругомъ озираясь,
И пò вѣтру пѣсни родного поэта
Нашъ край облетятъ, словно ласточки въ лѣто.
Надъ каждымъ окошкомъ, подъ кровлею хаты
Гнѣздо и жилище найдешь для себя ты.
Въ поляхъ твоимъ пѣснямъ есть гдѣ разгуляться
И чуткому эхо есть гдѣ отозваться.
Заглянешь въ деревню,—подъ крышей любою
Живетъ народъ бѣдный, довольный судьбою.
Въ сердца ихъ проникнешь,—богатство какое!
Какъ много въ нихъ силы, любви и покоя!...
Надъ каждою хатой дымъ черный клубится...
Съ нимъ мысленно въ небо умѣй возноситься
И вымоли въ небѣ ты съ жаркимъ моленьемъ
Все то, что такъ нужно убогимъ селеньямъ...

Кресты на могилахъ, румяныя груши,
Да башни костеловъ, да добрыя души—
Какія все краски для кисти литвина!
На холстъ такъ и просится эта картина.
Скорѣй же, художникъ,—слезу только вытри,—
За кисть принимайся, дай дѣло палитрѣ!

О, добрые люди Литвы моей чудной!
Радушно примите поэта даръ скудный...
Какъ онъ, къ вамъ и самъ я стучался когда-то,
Безъ всякихъ заслугъ, только съ чувствами брата,
И—вамъ благодаренъ до нынѣ за это—
Съ улыбкой пожали вы руку поэта...
Широкая нива открыта для пѣсенъ,
Повсюду—раздолье, міръ божій не тѣсенъ.
И многое можно теперь, какъ и прежде,
Воспѣть въ немъ, бросаясь отъ горя къ надеждѣ...

Охъ, какъ не мѣшаетъ, чтобъ звуки иные,
Горячіе, издали струны родныя!
И вамъ будетъ любо, внимая имъ съ жаромъ,
Что новыя пѣсни прибавились къ старымъ.
Примите же братскія пѣсни отъ брата,—
Для нихъ пусть откроется каждая хата!

Взгляни-ка въ пространство, за горныя кручи:
На небѣ—то солнце, то хмурятся тучи...
Пѣвецъ! приготовься же къ долѣ суровой:
Тебя ждутъ цвѣты и вѣнокъ ждетъ терновый.
Дай сердцу ты волю, пой пѣсни по селамъ,
Въ минуту веселья умѣй быть веселымъ,
Съ несчастнымъ плачь вмѣстѣ въ минуту несчастья,
Оказывай братьямъ любовь и участье,
Указывай высшія цѣли имъ въ жизни—
И, вѣрь, твоя пѣсня не сгинетъ въ отчизнѣ.

Д. Минаевъ.

Открытое письмо по польскому вопросу.

Милостивый Государь,

Господинъ Редакторъ!

Живя за границей, я не всегда имѣю случай читать русскіе журналы, особенно же рѣдко случается, чтобъ они попались мнѣ на глаза во-время, тотчасъ по выходѣ. Такъ и іюньскую книжку вашего уважаемаго журнала мнѣ удалось прочитать только теперь. Надѣюсь, что, въ виду этого, вы извините меня, если я такъ поздно вздумалъ выразить вамъ то чувство глубокаго удовольствія, которое возбудило во мнѣ чтеніе помѣщенной въ этой книжкѣ «Замѣтки по польскому вопросу». Удовольствіе мое было потому особенно сильно и глубоко (такъ что я рѣшительно не могъ воздержаться отъ желанія высказать его), что вашъ журналъ издается въ Москвѣ, а сами вы, милостивый государь, представляете одного изъ наиболѣе извѣстныхъ и выдающихся членовъ такъ-называемой славянофильской партіи *). Вотъ уже пять слишкомъ лѣтъ, съ самаго возникновенія сербско-турецкой войны, какъ вопросъ о польско-русскихъ отношеніяхъ не сходитъ со сцены. Наша журналистика не перестаетъ заниматься имъ, а общество съ неослабѣвающимъ вниманіемъ слѣдитъ за разсужденіями писателей разныхъ направленій. Это явленіе—вполнѣ естественное. Инстинктъ, тотъ здоровый народный инстинктъ, который никогда почти не обманываетъ массы, подсказываетъ нашему обществу, что этотъ вопросъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ въ русской государственной жизни какъ по отношенію къ внутреннему развитію, такъ и по отношенію къ внѣшнему положенію Россіи. Немногіе спеціалисты государственныхъ вопросовъ—ученые и дипломаты (въ особенности послѣдніе)—*знаютъ*, что

---

*) Можемъ увѣрить почтеннаго автора письма, что никакой славянофильской партіи не существуетъ. Славянофилами зовутъ (только не они сами себя) людей согласныхъ въ основныхъ началахъ ихъ убѣжденій и міровоззрѣній, но разнящихся въ подробностяхъ примѣненія этихъ началъ къ практическимъ вопросамъ жизни. Они никогда не составляли изъ себя того, что обыкновенно разумѣется подъ словомъ партія. *Ред.*

это такъ; масса же общества, которой, увы, не дано еще *знать* что-либо въ этомъ отношеніи, чутьемъ *угадываетъ*, что уже недалекъ тотъ роковой часъ, когда сторонніе люди, враги и наши, и поляковъ, и всего славянства, вмѣшаются въ «споръ славянъ между собою» и примутся эксплуатировать его противъ всѣхъ насъ не тайно, не скрытными интригами и хитрыми науськиваніями насъ другъ на друга, какъ дѣлали до сихъ поръ, а прямо, съ цинически открытымъ лицомъ, подъ предлогомъ международныхъ интересовъ и принциповъ гуманности. Чувствуя это, общество продолжаетъ съ напряженнымъ интересомъ прислушиваться къ толкамъ о польско-русскихъ отношеніяхъ, несмотря даже на страшныя потрясенія, которыя пришлось ему пережить за это последнее время и которыя, казалось, должны бы были заставить забыть все, не относящееся сюда непосредственно. Уже одна эта исторія, не поддающаяся никакимъ посторроннимъ вліяніямъ, живучесть интереса къ одному данному вопросу доказываетъ, какъ сильно въ нашемъ обществѣ инстинктивное чувство важности этого вопроса. А то обстоятельство, что примирительное направленіе все чаще и опредѣленнѣе высказывается и пріобрѣтаетъ все больше сторонниковъ, показываетъ, что инстинктъ начинаетъ понемногу уступать мѣсто сознанію, что общество наше не только сердцемъ чуетъ, но и умомъ начинаетъ понимать, что «споръ славянъ между собою» долженъ быть поконченъ ими самими, и поконченъ непремѣнно взаимнымъ примиреніемъ. Къ сожалѣнію, примирительные голоса, при всей ихъ солидности и важности, слышались почти исключительно въ Петербургѣ да изъ провинцій—въ окраинахъ: Одессѣ, Харьковѣ и т. п., въ средней же Россіи и, главное, въ Москвѣ, этомъ настоящемъ, какъ ее называютъ, «сердцѣ Россіи», или молчали, или же если поднимали голосъ, то затѣмъ, чтобы заговорить противъ примиренія, чтобы повторять въ сотый и тысячный разъ толки о «польской интригѣ» и проповѣдывать все прежнія нетерпимость, насиліе и вражду. Вамъ, милостивый государь, вашему уважаемому журналу и заслуживающей всякаго почтенія газетѣ *Русскому Курьеру* принадлежитъ честь почина въ этомъ отношеніи. Вы первые заговорили о полякахъ и о нашихъ отношеніяхъ къ нимъ, какъ слѣдуетъ говорить объ этомъ предметѣ истинно русскимъ патріотамъ, искренно, всею душой любящимъ свое отечество и свой народъ, дорожащимъ ихъ честію и понимающимъ ихъ дѣйствительные интересы. Этимъ вы оказали важную услугу не только русскому обществу, но и Россіи, какъ государству, и всему славянству. Кто хоть мало-мальски практически знакомъ со славянами, тотъ знаетъ, какъ въ высшей степени неблагопріятно и для насъ, русскихъ, невыгодно дѣйствовало на нихъ то, что именно Москва, больше всѣхъ занимавшаяся славянствомъ и говорившая о любви къ нему,—Москва, провозгласившая славянскую политику историческою миссіей Россіи,—почти всегда съ непримиримою ненавистью относилась къ главнѣйшему, послѣ русскаго, изъ славянскихъ племенъ и про-

повѣдывала уничтоженіе его, не смущаясь даже и тѣмъ, что ей приходилось открыть для этого нѣмцамъ путь въ сердце славянства. Отношеніе современной намъ Москвы къ полякамъ еще больше отталкивало отъ насъ славянъ, чѣмъ даже разладица между нашею внутреннею и внѣшнею политикой, потому что въ послѣдней они видѣли нѣчто временное, преходящее, что можетъ измѣниться и непремѣнно измѣнится съ измѣненіемъ условій, а въ первомъ усматривали выраженіе общественнаго мнѣнія, незыблемое стремленіе народа къ поглощенію другихъ, на измѣненіе котораго нечего разсчитывать. Нужно ли говорить, какъ необходимо было, въ интересахъ нашей политики, если не вырвать, то хоть поколебать это крѣпко укоренившееся въ славянахъ убѣжденіе, показавъ имъ на дѣлѣ, какъ это сдѣлали вы, милостивый государь, что Москва далеко не вся проникнута тѣмъ духомъ нетерпимости и ненависти, который такъ пугалъ ихъ въ проповѣдяхъ извѣстной группы московскихъ дѣятелей, и что въ средѣ самой современной славянофильской партіи есть много людей, руководствующихся совсѣмъ иными принципами. Особенно необходимо было сдѣлать это именно теперь, въ виду приближенія того кризиса, о которомъ я упомянулъ выше, говоря, что недалекъ часъ, когда враги славянства возьмутъ ихъ «споръ между собою» въ свои руки. Многіе признаки въ политическомъ мірѣ указываютъ, что этотъ часъ близокъ, оченъ близокъ уже, и можетъ наступить раньше, чѣмъ многіе ожидали его. Кризисъ и всегда былъ неизбѣженъ, но онъ окончательно сталъ такъ-сказать на первую очередь, когда центръ тяжести восточнаго — онъ же и славянскій — вопроса изъ Константинополя, Лондона и Петербурга перенесенъ въ Вѣну и Берлинъ и руководящими дѣятелями въ немъ, какъ и наиболѣе заинтересованными во враждебномъ намъ разрѣшеніи его являются государства, непосредственно граничащія съ Россіей, и притомъ граничащія именно своими и нашими польскими землями. Покуда мы на Востокѣ соперничали только съ англичанами, мы могли до нѣкоторой степени льстить себя надеждой, что наши отношенія къ полякамъ не будутъ играть никакой роли въ разрѣшеніи восточнаго вопроса. Но съ тѣхъ поръ, какъ тамъ явился въ лицѣ нѣмцевъ новый факторъ, — факторъ, котораго прежде (хотя по-истинѣ необъяснимо, какъ это могло случиться) у насъ почти вовсе не принимали во вниманіе, — съ тѣхъ поръ это стало рѣшительно невозможнымъ. Правда, и до сихъ поръ еще у насъ встрѣчаются люди, которые по-прежнему продолжаютъ утверждать, будто мы собственно съ Австріей не можемъ никогда примириться и что съ Германіей намъ и теперь еще можно столковаться, такъ какъ намъ, будто бы, нечего дѣлить. Но такіе наивные люди составляютъ, очевидно, послѣднихъ могикановъ. Большинство образованнаго общества, не говоря уже о государственныхъ людяхъ, понимаютъ, что Австрія есть только передовой постъ, а что настоящій врагъ нашъ и всего славянства, съ которымъ намъ придется вести борьбу, есть Германія.

И здѣсь, то-есть въ Берлинѣ и Вѣнѣ, понимаютъ это и потому никогда не говорятъ о предстоящемъ кризисѣ, какъ о частной войнѣ Австріи съ Россіей, а прямо—какъ о борьбѣ германизма со славянствомъ. Сообразно съ этимъ и мины ведутся, и средства располагаются, и мы только подготовили бы себѣ вѣрное пораженіе, еслибы вздумали утѣшать себя воззрѣніями наивныхъ послѣднихъ могикановъ и устремили бы все свое вниманіе исключительно на одну Австрію. Я не хочу этимъ сказать, что мы должны отнынѣ оставить Австрію безъ вниманія. Напротивъ, мы должны за нею зорко наблюдать; но только необходимо помнить, что она—лишь по внѣшности первостепенный дѣятель, а главный двигатель всего—Германія. Впрочемъ, это—вопросъ слишкомъ сложный, разсужденіе о которомъ завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Если позволите, я посвящу ему отдѣльное письмо, а въ настоящемъ займусь исключительно лишь тѣмъ частнымъ вопросомъ, ради котораго собственно и началъ писать вамъ, т. е. польскимъ университетомъ, о которомъ говорится въ вашей «Замѣткѣ». Объ общемъ положеніи прибавлю лишь нѣсколько словъ, необходимыхъ для выясненія, почему я полагаю именно такъ, а не иначе, поставить этотъ вопросъ объ университетѣ.

Кризисъ, о которомъ я упомянулъ, можетъ окончиться благополучно, но онъ можетъ сдѣлаться и гибельнымъ какъ для поляковъ, такъ и для насъ. Наша прямая обязанность, слѣдовательно, сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобъ отнять у кризиса его острый характеръ, дать ему заранѣе такое направленіе, при которомъ онъ могъ бы если не утратить совсѣмъ свою болѣзненность, то во всякомъ случаѣ не стать опаснымъ для нашего государственнаго организма. Есть, конечно, условія, и весьма несложныя, при которыхъ онъ могъ бы не только утратить всякую болѣзненность, но и сдѣлаться оружіемъ нашего торжества, сохранивъ опасный критическій характеръ только для враговъ нашихъ. Но эти условія не зависятъ отъ воли частныхъ лицъ, хотя бы лица эти составляли все общество, вмѣстѣ взятое, поэтому о нихъ и говорить тутъ нечего. Тѣмъ не менѣе, при всей ограниченности сферы дѣйствія общества, ослабленіе кризиса зависитъ именно отъ него, и даже больше всего отъ него, такъ какъ и самыя мѣры, принимаемыя властію, пріобрѣтаютъ характеръ непоколебимой прочности только тогда, когда за ними стоитъ общественное мнѣніе. Въ данномъ же случаѣ совершенно необходимо, чтобъ этотъ характеръ прочности не только существовалъ, но и былъ для всѣхъ очевиденъ, ибо только тогда можетъ явиться довѣріе, а довѣріе нужно здѣсь прежде всего. Но довѣріе можетъ явиться лишь тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ недоразумѣній, гдѣ все высказано честно, откровенно, на-прямикъ и никакая задняя мысль не остается утаенной, въ видѣ камня за пазухой, о которомъ такъ мѣтко говоритъ наша русская пословица. У насъ съ поляками всегда были такія заднія мысли, всегда мы чего-нибудь недоговаривали, никогда не ставили точки на всѣ і і, и это было нашимъ величай-

шимъ зломъ,—тѣмъ именно зломъ, которое дѣлало и насъ, и ихъ орудіями и игрушками общихъ нашихъ враговъ. Теперь, передъ наступленіемъ кризиза, этому необходимо положить конецъ. Мы должны объясниться другъ съ другомъ честно, безъ утаекъ и разъ навсегда разграничить сферу такъ-сказать владѣній обѣихъ національностей, провести опредѣленную черту, за которую ни мы, ни поляки переходить не должны. Нужды нѣтъ, что оба наши общества равно лишены тѣхъ органовъ, которые имѣютъ другіе европейскіе народы для подобныхъ междунаціональныхъ объясненій, какъ имѣли, напримѣръ, хорваты съ мадьярами, когда опредѣляли свои взаимныя отношенія. Разъ необходимость объясненія сознана общественнымъ мнѣніемъ, оно легко и съ совершенно достаточною силой и опредѣленностію можетъ высказаться въ литературѣ, на страницахъ періодическихъ изданій, которыхъ мы, слава Богу, не лишены еще. Такъ какъ польская печать у насъ поставлена въ этомъ отношеніи въ условія менѣе благопріятныя, чѣмъ наша, то на насъ и лежитъ обязанность сказать полякамъ: «Вотъ, по-нашему, черта, отдѣляющая ваше и наше. Что за этою чертой, то принадлежитъ вамъ. Тамъ вы, и только вы одни—господа. Мы сами никогда не будемъ ни пытаться, ни даже въ мысляхъ желать нарушить тамъ ваши естественныя національныя права и другимъ не позволимъ сдѣлать это. Но тутъ, по эту сторону черты—наше и сюда вы, въ свою очередь, никогда не должны помышлять вторгнуться какимъ бы то ни было образомъ, потому что здѣсь область нашихъ государственныхъ правъ, которыхъ мы тоже не позволимъ нарушить ни другому кому, ни вамъ». Когда такимъ образомъ будетъ точно, безъ всякихъ недомолвокъ и подразумѣваній, опредѣлена граница правъ обѣихъ національностей, тогда примиреніе между ними сдѣлается лишь вопросомъ весьма непродолжительнаго времени, оно явится само собой. Ему отнюдь не помѣшаетъ неукоснительная твердость и даже, пожалуй, нѣсколько жесткая строгость въ исполненіи разъ принятаго рѣшенія не допускать со стороны поляковъ никакой тѣни нарушенія нашихъ правъ въ отведенной для нихъ области, если при этомъ мы такъ же неукоснительно и строго будемъ уважать и права, имъ предоставленныя. Все это даже ускоритъ и упрочитъ взаимное примиреніе, потому что шаткость нашей политики относительно поляковъ, эти безконечно повторявшіяся альтернативы широкаго признанія ихъ правъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и быть не должно, быстро смѣнявшіяся не менѣе широкимъ отрицаніемъ этихъ правъ и тамъ, гдѣ они составляютъ неотъемлемое достояніе всякой живой народности,—достояніе, покушеніе на которое есть всегда и позоръ, и великій вредъ для самого покусителя; эта шаткость не менѣе неясности въ разграниченіи сферы взаимныхъ правъ препятствовала установленію добрыхъ отношеній между нами и поляками. Этому тоже надо положить конецъ и чѣмъ скорѣе и рѣшительнѣй, тѣмъ лучше. Именно вопросъ объ университетѣ болѣе всякаго другаго открываетъ

какъ нельзя удобнѣйшую почву для обѣихъ, только-что постановленныхъ, задачъ, т. е. для честнаго объясненія и для твердаго исполненія рѣшеній, которыя вытекутъ изъ такого объясненія.

Вы говорите: поляки должны имѣть свой національный, польскій университетъ?—Совершенно и безусловно вѣрно. Ихъ народный геній долженъ быть сохраненъ, ихъ культурѣ: наукамъ, искусству, литературѣ и проч. должны быть предоставлены всѣ средства свободнаго самобытнаго развитія. Всякій живой народный организмъ, разъ въ немъ выработалось самосознаніе, имѣетъ неоспоримое право на такую самобытность, тѣмъ болѣе такой культурный и высокоразвитой, имѣющій блестящее историческое прошлое, народъ, какъ поляки. Самобытность же возможна только при полной свободѣ народнаго языка и при существованіи вполнѣ національныхъ школъ отъ первоначальныхъ до высшихъ включительно. Слѣдовательно, повторяю, поляки должны имѣть свой университетъ. Но они должны имѣть его тамъ, гдѣ они составляютъ дѣйствительно «народный организмъ», т. е. гдѣ національность ихъ представляетъ сплошную, однородную, или почти однородную, массу, а не тамъ, гдѣ она является лишь такъ-называемымъ «культурнымъ меньшинствомъ», т. е., по-просту говоря, паразитомъ, насильственно внѣдрившимся въ чужой народный организмъ. Короче, національныя польскія права въ широкомъ смыслѣ этого слова существуютъ и признаются тамъ, гдѣ мужикъ польскій, и не существуютъ, а слѣдовательно и не признаются тамъ, гдѣ только одинъ баринъ полякъ, мужикъ же принадлежитъ къ другой національности. Въ Западномъ краѣ поляки являются именно такимъ «культурнымъ меньшинствомъ». Тамъ масса народа (мужикъ) не польская, слѣдовательно тамъ не можетъ быть и рѣчи о національныхъ правахъ поляковъ. Преслѣдованію они, конечно, не должны быть подвергаемы и тамъ, какъ вообще нигдѣ и ни при какихъ условіяхъ не должно быть преслѣдованія какой бы то ни было національности или религіи. Но и на господство тамъ они не имѣютъ права и претензій не только заявлять, но и въ душѣ питать не должны. Я знаю, что мечты объ историческихъ правахъ, о «Польшѣ въ границахъ 1872 г.»—далеко не составляютъ уже теперь такого всеобщаго явленія, какимъ были еще лѣтъ 15—20 тому назадъ. Не только въ Царствѣ и въ Познани, гдѣ грозный призракъ германизма, изъ года въ годъ все болѣе воплощающійся въ форму весьма реальной, живой опасности, заставилъ многихъ и многихъ поляковъ бросить несбыточныя фантазіи о фиктивныхъ историческихъ правахъ, чтобы заняться исключительно болѣе дѣйствительными правами національными; но даже и въ Галиціи, которая искони вѣковъ отличалась легкомысліемъ и бурливостію, есть уже не мало людей, трезво смотрящихъ на вещи и не увлекающихся болѣе невозможными надеждами на помощь Франціи, и т. п. Серьезные люди во всѣхъ частяхъ Польши понимаютъ теперь свое положеніе, какъ оно есть, и не только готовы пойти на компромиссы, но желаютъ и ждутъ

ихъ, у насъ и въ Познани, даже страстно ждутъ. Возгласы, въ родѣ заявленія *Газеты Народовой*, будто «штандартъ польскій достаточно великъ, чтобы покрыть польскія земли и Русь» (т. е. часть Западнаго и Югозадный край), не болѣе какъ родомонтады, которымъ не вѣрятъ болѣе и сами тѣ, кто ихъ пишетъ. Я знаю также, что та же серьезная часть польскаго общества не довѣряетъ возможности прочнаго процвѣтанія польской народности подъ скипетромъ Габсбурговъ и всѣ свои надежды на будущее въ этомъ отношеніи возлагаетъ, или, по крайней мѣрѣ, предпочла бы возложить, на соглашеніе съ Россіей, которое и съ экономической, и съ политической точки зрѣнія безъ всякаго сравненія выгоднѣе для поляковъ. Съ экономической—потому, что они имѣютъ въ Россіи и, черезъ ея посредство, въ Азіи громадный и богатый рынокъ для своихъ произведеній; съ политической—потому, что оно открываетъ возможность спасенія коренной польской Познани, которая, при комбинаціи съ Габсбургами, погибла безвозвратно. Это вполнѣ понятное и естественное тяготѣніе поляковъ къ соглашенію съ русскими такъ общеизвѣстно за границей, что нѣмецкія газеты не разъ со злобой замѣчали, что «поляки малѣйшую милость со стороны Россіи цѣнятъ выше, чѣмъ величайшія благодѣянія, оказываемыя ихъ національности въ Австріи». Тѣмъ не менѣе мы все же должны безъ запальчивости и оскорбленій, какъ это, къ сожалѣнію, многіе дѣлаютъ у насъ, но твердо и рѣшительно заявить, что не признаемъ и никогда не признáемъ никакого подобія правъ поляковъ на тѣ земли бывшей Польши, гдѣ они не составляютъ этнографическаго большинства. Должны мы сдѣлать это потому, что поляки, какъ, впрочемъ, всѣ вообще народы, поставленные въ такое грустное положеніе, какъ они, склонны къ легковѣрію и къ увлеченію политическими мечтами. Благоразумное развитое меньшинство сознаетъ уже, и при всякихъ условіяхъ будетъ сознавать, несбыточность этихъ мечтаній; но громадное большинство легко можетъ, при удобномъ случаѣ, воспламениться вновь прежними фантазіями и увлечь за собою меньшинство, которое принуждено будетъ слѣдовать за нимъ, хоть и съ болью въ сердцѣ. А главное—это увлекающееся большинство можетъ понять уступки, дѣлаемыя съ нашей стороны въ пользу польской національности, не въ смыслѣ простаго торжества справедливости, а въ смыслѣ нашей слабости,—вообразить, что мы дѣлаемъ эти уступки подъ вліяніемъ страха передъ могущими произойти политическими затрудненіями и что, слѣдовательно, можно эксплуатировать этотъ страхъ и дальше—не только въ Варшавѣ, но и въ Вильно, и въ Кіевѣ. Вотъ этого-то вреднаго для насъ и гибельнаго для самихъ поляковъ повторенія прежнихъ недоразумѣній надо избѣжать, во что бы то ни стало. Поэтому-то, не ограничиваясь заявленіемъ на словахъ, надо и на дѣлѣ показать, въ какихъ именно границахъ мы признаемъ права польской національности, что мы и можемъ, повторяю, сдѣлать лучше всего въ вопросѣ объ университетѣ. Именно, *основывая польскій уни-*

верситетъ въ Варшавѣ, мы должны основать русскій въ Вильнѣ. Первый долженъ служить разсадникомъ польской культуры для поляковъ, второй — разсадникомъ культуры русской для литовцевъ и бѣло и малоруссовъ (на сколько послѣдніе, т. е. малоруссы, находятся вообще въ Западномъ краѣ). И этотъ русскій Виленскій университетъ долженъ быть именно, въ буквальномъ смыслѣ, *разсадникомъ* русской культуры. Онъ не только долженъ быть превосходнѣйшимъ образомъ обставленъ въ смыслѣ профессорскаго персонала, не только Россія должна послать туда свои лучшія научныя силы и лучшихъ въ нравственномъ отношеніи людей, но ему должны быть предоставлены и особенныя права. Ректоръ университета долженъ сдѣлаться главою всего тамошняго учебнаго округа, обнимающаго, конечно, не одну Виленскую губернію, а весь вообще Западный край. Все народное образованіе въ краѣ должно быть поставлено подъ непосредственный контроль и подъ руководство университета. Въ его вѣдѣніи должны находиться всѣ школы какъ мужскія, такъ и женскія, отъ классическихъ гимназій до народныхъ школъ включительно. Словомъ, должна быть введена общая, цѣльная система образованія и во главѣ ея постановленъ руководящій ею совѣтъ университета. Если не ошибаюсь, нѣчто подобное существовало уже до закрытія бывшаго Виленскаго университета. Онъ уже состоялъ во главѣ системы образованія въ краѣ и даже въ то время, т. е. до начала 30-тыхъ годовъ, началъ уже вводить народныя школы, о которыхъ у насъ тогда еще и не помышляли. Только это былъ польскій университетъ и служилъ цѣлямъ распространенія польской культуры. А мы теперь должны для распространенія русской культуры дать русскому Виленскому университету тѣ же права, только еще расширивъ ихъ и поставивъ на болѣе правильныя научно-педагогическія основанія. Условіе sine qua non, чтобы вся система была непремѣнно въ рукахъ спеціалистовъ, людей науки, въ дѣятельность которыхъ не могли бы вмѣшиваться и вносить въ нее на каждомъ шагу противорѣчіе и путаницу ничего обыкновенно не смыслящіе въ дѣлѣ чиновники администраціи. Чиновничій элементъ долженъ вообще быть исключенъ совсѣмъ изъ этой сферы, иначе и два, и три университета пользы не принесутъ и мы не только не побѣдимъ польской культуры въ Западномъ краѣ, но и свою, русскую, сдѣлаемъ ненавистною. Нѣчто подобное мы ужь отчасти видѣли. Бюрократія уже на нашихъ глазахъ въ теченіе десятковъ лѣтъ пробовала приложить свои сомнительныя силы къ дѣлу «обрусенія окраинъ» и обанкрутилась во всѣхъ своихъ начинаніяхъ. Ничего она кромѣ мертвящаго формализма и возмущающихъ душу насилій не выдумала, никого не обрусила и только съумѣла самое это слово «обрусеніе» сдѣлать ненавистнымъ не только тѣмъ, кого требовалось обрусить, но и самому русскому обществу, въ которомъ, къ великой чести его, весьма немногіе безъ негодованія и внутренняго стыда произносятъ это слово. Столь же несостоятельнымъ оказалось, какъ извѣстно, и духовенство, мало

чѣмъ отличающееся у насъ—если вообще отличается—отъ чиновничества. И оно, подобно бюрократіи, не съумѣло спасти народъ окраинъ ни отъ вліянія католичества, ни отъ колоссальнаго развитія сектъ. Въ виду такой явно-двойной несостоятельности, намъ совершенно необходимо поставить, наконецъ, русское дѣло въ окраинахъ на единственно правильную почву, на почву народнаго образованія; но было бы по меньшей мѣрѣ безтактно и на эту почву пустить дѣйствовать тѣ же элементы, которые уже разъ блистательно доказали свою неспособность. Разъ поставивъ себѣ задачей ввести русскую культуру, что можно сдѣлать только путемъ школы, этого могущественнѣйшаго изъ орудій культуры, мы и вести это дѣло должны культурнымъ же образомъ, а это, въ свою очередь, возможно лишь тогда, когда оно, то-есть дѣло, находится въ рукахъ людей и умѣющихъ за него взяться, и нравственно стоящихъ на высотѣ задачи. Все было бы снова потеряно, еслибъ и въ школѣ происходили тѣ же колебанія, какихъ мы были свидѣтелями во всѣхъ сферахъ, гдѣ дѣйствовала бюрократія, или же въ нее былъ бы внесенъ хотя малѣйшій элементъ насилія. Мы должны «вносить культуру» въ высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этихъ словъ, должны привлекать людей къ этой культурѣ, давать ее, а не навязывать силой, потому что навязываемаго силой никто и никогда не принимаетъ. Наружно люди научатся, конечно, говорить по-русски, но русскаго сознанія и русскихъ чувствъ они не пріобрѣтутъ. Совсѣмъ наоборотъ. Нѣмецкая культура посильнѣе нашей, русской, а между тѣмъ нѣмцамъ, благодаря ихъ насильственному образу дѣйствій, никого еще не удалось онѣмечить, хотя многія народности столѣтія находятся подъ ихъ владычествомъ. Вездѣ имъ приходится механически выпирать коренное населеніе путемъ болѣе или менѣе насильственной экспропріаціи и колонизаціи, а ассимиляція имъ не удается, несмотря на всю ихъ культурную силу. Чуждое населеніе выучивается ихъ языку, заимствуетъ у нихъ науку, но не онѣмечивается,—наоборотъ, проникается глубокою враждой къ германизму и эту свою враждебность выказываетъ при первомъ удобномъ случаѣ. А французы, ни къ какимъ насиліямъ не прибѣгавшіе, съумѣли повести дѣло такъ, что коренные нѣмцы въ Эльзасѣ ни за что не хотятъ теперь признавать себя нѣмцами и ненавидятъ Германію. Полагаю, не можетъ быть двухъ мнѣній насчетъ того, какой изъ двухъ результатовъ желательнѣй для насъ, русскихъ,—слѣдовательно, и насчетъ того, какому примѣру мы должны слѣдовать. Наша бюрократія, созданная на манеръ прусской, естественно и дѣйствовала на нѣмецкій ладъ. Но образованное общество и люди науки у насъ всегда находились болѣе подъ вліяніемъ французской культуры и французскихъ идей. Есть, слѣдовательно, надежда, что, и взявшись за дѣло распространенія русской культуры, они будутъ слѣдовать французскимъ образцамъ. Поэтому-то и надо предоставить имъ дѣйствовать вполнѣ свободно и одиимъ, безъ пагубнаго вліянія бюрократіи. Чтобы дѣятель-

ность ихъ могла быть широкою и плодотворною, необходимо, чтобы, кромѣ свободы дѣйствій, въ распоряженіи русскихъ культуртрегеровъ были и матеріальныя средства, соотвѣтствующія громадности задачи. Поэтому Виленскій университетъ и въ матеріальномъ отношеніи долженъ быть поставленъ не хуже, а если возможно и лучше столичныхъ университетовъ. Всевозможныя научныя пособія: лабораторіи, клиника, музей, библіотека и т. п. должны, по возможности, достигать совершенства въ своемъ родѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и количество стипендій должно быть очень значительно. Кромѣ того, при Виленскомъ университетѣ должны непремѣнно существовать высшіе женскіе курсы. Женское образованіе, женская равноправность (относительная, конечно, но весьма значительная по сравненію съ другими европейскими народами, у которыхъ женщина, какъ извѣстно, и до сихъ поръ не пользуется почти никакими правами, даже имущественными)—это такія черты нашей самобытности, которыми мы имѣемъ полное право гордиться, и въ то же время это такая могучая общественная сила, которою было бы въ высшей степени неразумно пренебрегать, особенно тамъ, гдѣ требуется прививать русскую культуру. Образованная женщина, мать и жена, будетъ лучшею носительницей и болѣе вѣрнымъ проводникомъ русской культуры, чѣмъ всевозможныя административныя и иныя учрежденія.

Само собою разумѣется, что такая постановка системы образованія въ Западномъ краѣ, какую я набросалъ здѣсь въ общихъ чертахъ, требуетъ огромныхъ денежныхъ средствъ,—тѣмъ болѣе, что одного университета, да нѣсколькихъ среднихъ учебныхъ заведеній и народныхъ школъ недостаточно. Надо, чтобъ и спеціальныя школы, среднія и высшія: земледѣльческія, техническія, учительскія семинаріи—были поставлены на ту же высоту, какъ и университетъ, подъ вѣдѣніемъ котораго они будутъ находиться. Но мнѣ кажется, что, въ виду громадной государственной важности дѣла, за денежными средствами не можетъ, или, по крайней мѣрѣ, не должно бы быть остановки. Ихъ вовсе не трудно найти безъ особеннаго обремененія нашего небогатаго бюджета. Прежде всего чиновничье «обрусеніе Западнаго края» стóитъ государству весьма значительныхъ расходовъ на увеличенное жалованье дѣятелямъ «обрусенія», на воспитаніе ихъ дѣтей, на ежегодныя награды, отпускаемыя имъ за ихъ удивительные подвиги, и т. п. Всѣ эти сверхсмѣтныя суммы могли бы пойти всецѣло на нужды образованія, да къ нимъ еще можно бы прибавить и того же характера суммы, которыя расходуются (слѣдовало бы сказать: пускаются въ трубу) на чиновничье же обрусеніе царства Польскаго. Сдѣлать послѣднее тѣмъ легче, что, при правильной постановкѣ русскаго дѣла въ Западномъ краѣ и нашихъ отношеній къ полякамъ, самое «обрусеніе» Царства, вообще безполезное и вредное, окончательно утратитъ всякій смыслъ и, слѣдовательно, не будетъ настоять ни малѣйшей надобности въ увеличенныхъ окладахъ проводившимъ его чиновникамъ. Независимо отъ этихъ суммъ, я полагаю, въ Западномъ краѣ уцѣлѣли же еще

хоть какіе-нибудь остатки отъ тѣхъ громадныхъ имѣній, которыя были тамъ конфискованы у поляковъ послѣ возстанія 1863 года. Я долженъ сознаться, что мнѣ очень непріятно упоминать объ этомъ источникѣ, такъ какъ я лично не сторонникъ вообще системы конфискацій,—я нахожу ее недостойной великаго государства и по существу несправедливой. Но разъ ужь она была примѣнена и дѣла теперь измѣнить нельзя, такъ лучше же дотировать конфискованными имѣніями университетъ и прочія школы, чѣмъ раздавать ихъ все тѣмъ же безполезнымъ чиновникамъ, которые большею частію немедленно продаютъ ихъ нѣмцамъ. По крайней мѣрѣ они будутъ служить дѣйствительно цѣлямъ Русскаго государства, а не проведенію германизма въ наши собственныя владѣнія. Наконецъ, еслибы, сверхъ чаянія, всѣхъ этихъ средствъ оказалось недостаточно, я полагаю, частныя пожертвованія не замедлили бы придти на помощь государству. Могли же вѣдь мы собирать этимъ путемъ милліоны на добровольный флотъ, жертвовать сотни тысячъ на снаряженіе добровольцевъ въ Сербію и бросать десятки тысячъ на сооруженіе никому ненужнаго православнаго храма въ краѣ,—ужели не найдется въ Россіи состоятельныхъ патріотовъ, которые рѣшились бы удѣлить часть своего достатка на такое важное государственное дѣло, какъ распространеніе русской культуры на западной окраинѣ нашей? Въ виду только-что исчисленныхъ жертвъ, одно такое предположеніе было бы оскорбленіемъ для русскаго общества и потому, повторяю, въ средствахъ недостатка быть не можетъ. Была бы охота сдѣлать дѣло, а средства найдутся. Что дѣло это будетъ полезное и дѣйствительно могущественнымъ образомъ двинетъ впередъ русскую культуру въ Западномъ краѣ, тому порукой блестящая дѣятельность Кіевскаго университета за то время, когда въ него еще не проникала бюрократія съ неизмѣнно сопровождающимъ ее духомъ формализма и насилія. Покуда Кіевскій университетъ оставался относительно свободнымъ, онъ далъ такихъ дѣятелей, какъ Костомаровъ, какъ Кулишъ, оснававшіе журналъ *Основу*, какъ Антоновичъ и Гогоцкій, издававшіе *Кіевскій Телеграфъ*, и другіе. Эти дѣятели и ихъ органы вмѣстѣ съ создавшимъ всѣхъ ихъ университетомъ съ такимъ замѣчательнымъ успѣхомъ вели борьбу съ полонизмомъ на югѣ, съ какимъ она никогда не велась ни прежде, ни послѣ того. Тогда было время иное и дѣятельность Кіевскаго университета вынуждена была прекратиться, не успѣвъ принести всѣхъ тѣхъ плодовъ, которыхъ край имѣлъ право ожидать отъ нея. Университетъ и его дѣятельность были заподозрѣны въ революціонныхъ и еще какихъ-то сепаратистскихъ стремленіяхъ, вслѣдствіе чего свободныхъ профессоровъ замѣнили учеными чиновниками, а независимыя газеты—издаваемымъ на казенныя деньги органомъ шаблоннаго характера, по образцу «охранительныхъ» газетъ. Бюрократія принялась хозяйничать на всей своей волюшкѣ и, по обыкновенію, убила въ конецъ отлично поставленное дѣло, и не только убила, но отчасти создала то самое, дотолѣ воображаемое, зло, котораго до ея появленія не

было и въ поминѣ и противъ котораго она призвана была бороться. Мы живемъ въ эпоху, когда государственные и народные интересы понимаются болѣе правильно, и потому надо надѣяться, что съ Виленскимъ университетомъ ничего подобнаго не случится, тѣмъ болѣе, что, создавая дѣло совсѣмъ новое, государственная власть будетъ имѣть полную возможность поставить во главѣ его такихъ лицъ, на которыхъ можетъ во всѣхъ отношеніяхъ положиться. Выборъ лицъ по многимъ причинамъ необходимо сдѣлать очень тщательно и строго, такъ какъ при той широкой сферѣ вліянія, какою они должны пользоваться, все дѣло будетъ зависѣть отъ нихъ. Напримѣръ, совершенно необходимо избѣгать назначенія*) такихъ лицъ, которыя узко понимаютъ задачи обрусенія или относятся враждебно къ одной изъ населяющихъ Западный край народностей и именно къ польской, такъ какъ именно съ ея культурой придется бороться университету. Такая неосмысленная враждебность была бы пагубна для дѣла, въ которое она съ самаго начала внесла бы элементъ будущаго разложенія. Весь успѣхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ *культурнаю* способа борьбы, а самое это выраженіе подразумѣваетъ въ себѣ разумное, гуманное и справедливое отношеніе ко всѣмъ народностямъ. Если не изгнать заранѣе всякую мысль о какомъ бы то ни было преслѣдованіи и насилованіи одной изъ народностей, въ особенности наиболѣе выдающейся и культурной, лучше совсѣмъ не браться за дѣло, не тратить на него ни умственныхъ силъ, ни матеріальныхъ средствъ, такъ какъ оно все равно не измѣнитъ ни на іоту настоящаго положенія вещей. Къ счастію, въ нашемъ научномъ мірѣ есть не мало личностей, которыя стоятъ вполнѣ на высотѣ задачи и во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаютъ довѣрія. Профессора Чичеринъ, Градовскій, Будиловичъ, Антоновичъ—люди, къ которымъ не можетъ отнестись иначе, какъ съ полнымъ довѣріемъ, и русское и польское общество. Что всѣ они искренно преданы русскимъ національнымъ и государственнымъ интересамъ, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и въ то же время они не разъ заявляли печатно свои симпатіи и къ полякамъ, по скольку эти послѣдніе не враждебны Россіи и ея интересамъ. Каждый разъ, какъ имъ приходилось затрогивать въ своихъ произведеніяхъ польскій вопросъ, они становились, по отношенію къ нему, на правильную и справедливую точку зрѣнія. Никогда ни одинъ изъ нихъ не намекнулъ даже на проповѣдываемую многими необходимость искорененія польской культуры или «задушенія» поляковъ. Напротивъ, они всегда всѣми силами возставали противъ такого варварства и, рѣшительно

*) На первый разъ университетскій персоналъ долженъ быть, разумѣется, назначенъ, хотя впослѣдствіи, въ интересахъ нравственнаго возвышенія университета, было бы полезно ввести въ него существующую во всѣхъ прочихъ университетахъ нашихъ выборную систему, съ тѣмъ чтобъ и ректоръ, соединяющій въ своемъ лицѣ и обязанности попечителя учебнаго округа, былъ тоже избираемъ коллегіей профессоровъ.

отрицая права поляковъ на господство въ Литвѣ и Руси, такъ же рѣшительно признавали ихъ право на самобытность въ этнографическихъ границахъ польской національности, не только потому, что эта самобытность составляетъ естественное право каждаго живаго народа, но еще и потому, что она нужна для славянства. Словомъ, внѣ неосновательныхъ притязаній на невозможныя болѣе «границы 1872 года», вышеназванные профессора относились всегда, и, конечно, относятся и теперь, къ польской націи такъ, какъ только можетъ пожелать самый искренній и лучшій другъ поляковъ. Вотъ такихъ-то людей и надо поставить во главѣ русскаго университета въ Вильно. Имъ, конечно, не трудно будетъ подобрать себѣ помощниковъ одного съ ними образа мыслей и они съумѣютъ поставить дѣло русской культуры въ Западномъ краѣ и на должную политическую высоту, и на правильныя педагогичесція основанія.

Думаю, лишнее прибавлять, что съ справедливымъ отношеніемъ къ польской народности должна идти рука объ руку такая же справедливость и къ другимъ, которыя тоже не должны подвергаться никакому насильственному обрусенію. Такъ, въ народныхъ школахъ и во второразрядныхъ среднихъ училищахъ русскій или, точнѣе говоря, великорусскій языкъ отнюдь не долженъ служить преподавательнымъ языкомъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ великоруссы не составляютъ большинства населенія. Для успѣха преподаванія безусловно необходимо, чтобъ оно велось на языкѣ доступномъ пониманію дѣтей, а таковымъ можетъ быть только народный языкъ, который поэтому и долженъ быть языкомъ первоначальныхъ школъ. Русскій языкъ долженъ быть обязательнымъ предметомъ въ нихъ, а преподавательнымъ становиться лишь въ перворазрядныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, каковы гимназіи и соотвѣтствующія имъ спеціальныя школы, и въ университетѣ.

Здѣсь можетъ-быть умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о литовской народности. Нѣкоторые весьма компетентные ученые, какъ, напримѣръ, Гильфердингъ, указывали на это племя, какъ на такое, которое мы должны всѣми силами поддерживать и самобытную культуру его нарочито развивать для противодѣйствія полякамъ. Но еслибы такому маленькому человѣку, какъ я, дозволено было противорѣчить такому выдающемуся ученому, я сказалъ бы, что это мнѣніе ошибочное и что такая политика не привела бы насъ ни къ чему, кромѣ вящшей путаницы. Культуры не создаются по командѣ и самобытность можно развить лишь тамъ, гдѣ существуютъ не только зачатки ея, но и достаточная жизненная сила въ нихъ, а вотъ этого-то именно и не достаетъ литовцамъ. Они искони вѣковъ отличались удивительною мягкостію; нѣкоторая самобытность въ нихъ была и есть, но способности сохранить эту самобытность, при всякихъ условіяхъ, силы сопротивленія чужой культурѣ въ нихъ нѣтъ и не было. Исторія говоритъ намъ, что въ древности, до присоединенія Литвы къ Польшѣ, они стали было поддаваться малорус-

скому вліянію, такъ что даже при дворѣ Ягелло разговорнымъ языкомъ былъ не литовскій, а малорусскій.

Послѣ присоединенія они еще легче поддались польской культурѣ, а теперь съ тою же легкостію поддаются у насъ русской, а въ Пруссіи—нѣмецкой. Въ послѣднее время прусскіе патріоты, очевидно, тоже съ тайною цѣлію противодѣйствовать (только не полякамъ, а намъ) вздумали протежировать и у себя развитію литовской самобытности. По иниціативѣ и подъ покровительствомъ мѣстной администраціи, создалось цѣлое спеціальное общество въ Тильзитѣ, называемое «Литовское литературное Общество»; создались школы, газеты; въ нѣсколькихъ университетахъ, въ томъ числѣ и Берлинскомъ, читаются лекціи литовскаго языка, литовской литературы и исторіи; нѣсколько ученыхъ, преимущественно литовскаго же происхожденія, усердно заняты собираніемъ памятниковъ литовской культуры: народныхъ пѣсенъ, былинъ, древней письменности и т. п. Все это, конечно, очень полезно для науки, которую обогащаетъ новыми свѣдѣніями, но на теченіе современной жизни производитъ ровно столько же вліянія, какъ и изученіе санскритскихъ корней или египетскихъ древностей. Несмотря на всѣ самыя добросовѣстныя старанія ученыхъ, поддерживаемыхъ правительствомъ, самобытная литовская культура не зарождается вновь и въ народѣ не замѣчается ни малѣйшаго присутствія самостоятельныхъ творческихъ силъ, по крайней мѣрѣ творчество это не успѣло проявить себя ни въ какомъ мало-мальски ощутительномъ признакѣ. Даже газеты, основанныя съ спеціальною цѣлью содѣйствовать современной литовской культурѣ, говорятъ обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ этой упорно отсутствующей культуры. При этихъ условіяхъ убиваться надъ пробужденіемъ, во что бы то ни стало, литовской самобытности было бы тѣмъ болѣе безполезно, что это въ сущности ни мало не соотвѣтствуетъ нашимъ государственнымъ интересамъ. Другое дѣло—насильственно препятствовать развитію уже зародившейся и живой самобытной культуры какой-либо народности и другое дѣло—такъ же насильственно вызывать ее въ такой народности, которая сама не выказываетъ ни стремленій, ни способности къ ней. На сколько первое преступно и вредно, на столько же второе неразумно и неразсчетливо. Я подозрѣваю, что Гильфердингъ единственно потому такъ настаивалъ на непремѣнномъ созданіи литовской культуры, что часть литовскаго племени живетъ, между прочимъ, въ бывшей Августовской, а по-нынѣшнему Сувалкской, и части Ломжинской губерніяхъ, т. е. въ коренныхъ польскихъ земляхъ, что, вѣроятно, возбуждало въ немъ надежду и тамъ, въ сердцѣ польщизны, преслѣдовать нелюбимую имъ національность. Въ наше время и при существующихъ условіяхъ въ такой утонченности преслѣдованія не настоитъ никакой надобности. Поэтому, мнѣ кажется, намъ гораздо проще, легче и ближе къ цѣли, не навязывая литовцамъ вовсе непосильнаго имъ дѣла созданія самобытной культуры, привить имъ мало-по-малу культуру рус-

скую. То же самое можно сказать и о бѣлоруссахъ. Они тоже никакой самобытной культуры не создали и навязывать имъ ее нѣтъ ни малѣйшей надобности. Если мы рѣшимся не насиловать ихъ, не гнуть въ бараній рогъ и не принуждать полицейскими мѣрами къ немедленному превращенію въ чистѣйшихъ великоруссовъ, а будемъ дѣйствовать путемъ образованія, уважая въ то же время народные обычаи и нарѣчіе бѣлоруссовъ и литовцевъ, они сами очень спокойно примутъ русскую культуру и черезъ нѣсколько поколѣній сдѣлаются такими же русскими, какъ какіе-нибудь ярославцы или рязанцы. Надо только, чтобъ это дѣлалось тихо и незамѣтно, какъ только и можетъ происходить ассимиляція въ наше время повсемѣстной напряженности національнаго чувства. Другое дѣло—малороссы: это племя слишкомъ многочисленно; въ немъ слишкомъ много жизненныхъ творческихъ силъ; наконецъ, и языкъ ихъ нельзя уже называть только нарѣчіемъ въ узкомъ смыслѣ,—онъ имѣетъ всѣ задатки развитія и уже развивается въ самостоятельный и богатый языкъ, хотя и чрезвычайно близкій къ русскому. Поэтому малороссамъ нельзя прививать русскую культуру тѣми же мѣрами, какъ бѣлоруссамъ и литовцамъ. Но такъ какъ малороссовъ очень мало въ Сѣверозападномъ краѣ, о которомъ спеціально я говорю, то о нихъ я не стану распространяться.

Когда такимъ образомъ русское дѣло будетъ поставлено на правильныхъ и твердыхъ основаніяхъ въ Западномъ краѣ, когда Виленскій университетъ явится видимымъ представителемъ національной и государственной русской идеи, краснорѣчиво свидѣтельствующимъ о нашемъ безповоротномъ рѣшеніи навсегда положить конецъ всякимъ притязаніямъ поляковъ на господство въ этомъ краѣ,—тогда, и только тогда, можемъ мы безъ всякихъ опасеній предоставить полякамъ всѣ принадлежащія имъ права въ ихъ національной области, т. е. въ царствѣ Польскомъ (разумѣется, этими словами: «только тогда» я отнюдь не хочу сказать, что предоставленіе полякамъ ихъ правъ должно быть отложено до открытія Виленскаго университета,—совсѣмъ нѣтъ, какъ я постараюсь разъяснить сейчасъ). Правда, тогда это сдѣлается не только возможнымъ, но и обязательнымъ, потому что иначе Виленскій университетъ не только не послужилъ бы къ упроченію хорошихъ отношеній между нами и поляками, не только не помогъ бы нашему примиренію и соглашенію, но еще подлилъ бы масла въ огонь. Оба дѣла: и дѣло развитія русской культуры въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, и дѣло возвращенія польской націи ея безспорныхъ естественныхъ правъ въ Царствѣ—должны совершаться одновременно, рука объ руку. Русскій университетъ въ Вильно и польскій въ Варшавѣ, долженствующіе быть видимыми и осязательными выраженіями существующихъ фактически правъ обѣихъ народностей, должны быть и залогомъ ихъ соглашенія, а для этого имъ необходимо явиться на свѣтъ одновременно. Только при условіи признанія и фактическаго осуществленія законныхъ правъ польской націи въ ея этнографическихъ

границахъ въ состояніи будутъ поляки не только примириться съ окончательною утратой своихъ долголелѣянныхъ мечтаній объ историческихъ правахъ, но и придти мало-по-малу къ сознанію несправедливости этихъ историческихъ правъ, основанныхъ на попраніи національныхъ правъ другихъ народностей. А это-то именно и составляетъ главную непосредственную цѣль, достиженіе которой необходимо, какъ указано въ началѣ, въ интересахъ успѣха общей славянской идеи и въ нашихъ частныхъ государственныхъ интересахъ. Дѣло распространенія русской культуры, какъ бы благопріятно оно ни было обставлено, не можетъ совершиться вдругъ, по щучьему велѣнью. На него потребуется много пристальнаго, добросовѣстнаго, упорнаго труда и много времени. Пройдетъ по крайней мѣрѣ 15—20 лѣтъ прежде, чѣмъ оно станетъ прочно, и не меньше двухъ поколѣній прежде, чѣмъ оно войдетъ въ плоть и кровь населенія. А событія, между тѣмъ, не ждутъ. Еслибы мы вздумали отложить соглашеніе съ поляками—не говорю до окончательнаго обрусенія всѣхъ нерусскихъ элементовъ Западнаго края, но только до полнаго фактическаго образованія Виленскаго университета, на что тоже потребуется минимумъ полтора-два года времени,—событія эти могутъ застать насъ врасплохъ, а этого, разумѣется, надо избѣжать прежде всего. Мы должны быть готовы встрѣтить ихъ во всеоружіи не только физической силы, но и нравственнаго права.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ надѣяться, чтобы все, здѣсь изложенное, немедленно осуществилось на дѣлѣ; какъ это ни желательно и ни необходимо, но это, повторяю, не зависитъ отъ воли общества. Принципы должны быть выработаны и поставлены твердо и ясно. Польское общество должно знать, что мы, русскіе, не питаемъ къ полякамъ никакихъ враждебныхъ чувствъ, что мы, напротивъ, желаемъ сохраненія ихъ національности со всѣми ея самобытными особенностями и культурой, съ широкою мѣстною полититескою автономіей, только въ лонѣ общаго государственнаго организма. Однимъ словомъ, чтобы выразить все это вполнѣ ясно и опредѣленно, мы должны предложить полякамъ возобновить въ новой, соотвѣтствующей нашему времени, формѣ люблинсную унію, взявъ за исходную точку соглашенія ея прекрасный, возвышенный девизъ: «Вольный съ вольными; равный съ равными». Этотъ девизъ, который сами же поляки написали на своемъ знамени и который только условія общей цивилизаціи той эпохи помѣшали имъ осуществить на дѣлѣ, всегда найдетъ отголосокъ въ каждомъ истинно-польскомъ сердцѣ. Къ нему не только охотно присоединятся поляки Царства, но къ нему будутъ тяготѣть и всѣ вообще поляки, гдѣ бы и подъ чьимъ бы владычествомъ они ни находились, потому что онъ одинъ можетъ спасти ихъ національность, стать ея вѣрнымъ и незыблемымъ оплотомъ противъ захватывающихъ ее волнъ германизаціи. Съ этимъ девизомъ, искренно поставленнымъ и честно исполняемымъ, никакіе враги не страшны ни намъ, ни полякамъ, а наша соединенная мощь есть въ то же время и будущность славянства.

Н. С.

Научное обозрѣніе.

Современный лозунгъ науки.—Особенность современнаго научнаго направленія.—Естествознаніе въ древности и въ средніе вѣка.—Эпоха «возрожденія».—Новый методъ, указанный Бэкономъ.—Научныя пріобрѣтенія XVIII вѣка.—Приложеніе индуктивнаго метода къ изученію человѣка.—Дедуктивныя теоріи матеріалистовъ и связь ихъ съ міровоззрѣніемъ Декарта.—Сенсуализмъ и скептицизмъ.—Критика познавательныхъ способностей Канта.—Періодъ философскаго идеализма и торжества метафизики.—Натурфилософія Шеллинга и Окена.—Реакція фактической школы.—Позитивизмъ.—Новый разцвѣтъ матеріализма.—Ударъ, нанесенный ему закономъ сохраненія силы.—Выводы, къ которымъ приводитъ обобщеніе этого закона.—Новыя точки опоры эволюціонной теоріи.—Предѣлы познанія природы по Дюбуа-Реймону.—Возраженія Штрауса и Негели; гипотеза Геккеля.—Новѣйшее опредѣленіе Дюбуа-Реймономъ трудностей міровой проблемы.—Ограниченность человѣческаго знанія, способнаго однако къ почти безконечному развитію.

Еслибы можно было выразить однимъ словомъ господствующую идею и направленіе современной науки, придумать подходящій лозунгъ для характеристики ея преобладающихъ стремленій, то роль такого лозунга могло бы выполнить, думается намъ, слово «развитіе» или «эволюція». Всюду, куда бы мы ни обратились въ настоящее время въ сферѣ науки, мы встрѣчаемся съ стремленіемъ прослѣдить стадіи развитія сложныхъ явленій, изучить переходы между различными силами, составить понятіе о генезисѣ формъ и о причинахъ или по крайней мѣрѣ условіяхъ ихъ разнообразія. Такое направленіе характеризуетъ не только естественныя науки въ тѣсномъ смыслѣ, но замѣчается и въ наукахъ гуманитарныхъ—въ исторіи, филологіи, психологіи, наукахъ юридическихъ и политико-экономическихъ. Во всѣхъ областяхъ знанія укореняется мысль, что только путемъ тщательнаго изученія генезиса явленій можно достигнуть ихъ пониманія, что только наблюдая различныя стадіи развитія формъ можно составить себѣ сознательное представленіе объ ихъ значеніи и взаимныхъ отношеніяхъ. Съ другой стороны, такъ какъ терминъ «развитіе» предполагаетъ послѣдовательность явленій, причемъ каждое послѣдующее вытекаетъ изъ предыдущаго и всѣ болѣе или менѣе тѣсно связываются между собою, располагаясь въ видѣ цѣпи, рядовъ или родословнаго древа, то призна-

сущность этого послѣдняго, именно метода индукціи. «Есть два пути,— говоритъ Бэконъ,—ведущіе къ открытію истины. Одинъ отъ ощущеній и частностей переходитъ прямо къ самымъ общимъ аксіомамъ и, опираясь на нихъ, какъ на принципы, имѣющіе будто бы непоколебимую истинность, находитъ посредствующія аксіомы: таковъ общеупотребительный методъ. Другой отъ ощущеній и частностей доходитъ до аксіомъ чрезъ непрерывное и постепенное восхожденіе и такимъ образомъ достигаетъ до самыхъ общихъ аксіомъ: это—истинный, но до сихъ поръ еще не испытанный путь»; онъ одинъ только можетъ вести къ объясненію природы.

Разъ былъ найденъ истинный путь знаній, самостоятельныя научныя открытія и изслѣдованія не заставили себя долго ждать. По мнѣнію одного писателя, «едва ли найдется какая-нибудь особенность современной Европы, которая бы не коренилась въ научныхъ пріобрѣтеніяхъ и особенно въ строѣ мысли, унаслѣдованной отъ начала XVII вѣка». Быть-можетъ въ этомъ утвержденіи есть доля преувеличенія, но несомнѣнно, что оно вполнѣ приложимо къ нѣсколько болѣе поздней эпохѣ, къ XVIII вѣку. Какъ справедливо замѣтилъ Тэнъ, къ этому времени науки впервые получаютъ такое развитіе и утверждаются на столько прочно, что въ состояніи дать уже не фрагменты только конструкціи или временное построеніе, какъ при Галилеѣ и Декартѣ, но цѣлую систему міра, основанную на точныхъ доказательствахъ,—систему Ньютона. «Въ астрономіи цѣлый рядъ вычисленій и наблюденій, отъ Ньютона до Лапласа, преобразуютъ науку въ проблему механики, разъясняютъ и предсказываютъ всѣ движенія планетъ и ихъ спутниковъ, даютъ геніальное объясненіе происхожденія и образованія нашей солнечной системы и даже, въ открытіяхъ Гершеля, полагаютъ основаніе познанію млечнаго пути и главныхъ линій архитектуры звѣзднаго неба». Въ области физики разложеніе свѣтовыхъ лучей и оптическіе законы, выведенные Ньютономъ, опредѣленіе скорости звука и формы его волнообразнаго движенія, опытные законы и главныя теоремы акустики, первые законы лучистой теплоты и измѣреніе теплорода, опыты, законы и машины, которыми Дюфэ, Франклинъ, Колумбъ впервые объясняютъ электричество и имъ пользуются для практическихъ цѣлей,—все это свидѣтельствуетъ о такомъ же прогрессѣ. «Въ химіи мы встрѣчаемся съ такими фактами, какъ выдѣленіе кислорода, азота, водорода, разложеніе воды, теорія горѣнія, химическая номенклатура, количественный анализъ, цѣлый рядъ открытій Шееле, Пристлея, Кавендиша, Сталя, увѣнчанные теоріей и научнымъ языкомъ Лавуазье». Въ минералогіи—открытіе гоніометра и постоянства угловъ кристалловъ, опредѣленіе типовъ ихъ и математическое выведеніе вторичныхъ формъ; въ геологіи — опредѣленіе точной формы земли, приплюснутости у полюсовъ, причины морскихъ приливовъ и отливовъ, первоначальнаго жидкаго состоянія земли, воднаго или огненнаго происхожденія горныхъ породъ, слоистости земныхъ пластовъ, смѣны, въ теченіе геологическихъ періодовъ, суши и

моря, медленнаго накопленія животныхъ и растительныхъ ископаемыхъ остатковъ, постепеннаго преобразованія земнаго рельефа, вообще установленіе первыхъ научныхъ понятій объ исторіи нашей планеты — все это далеко оставило за собою прежнія воззрѣнія и теоріи. Рядомъ съ наукой о неорганической природѣ утверждаются прочно и науки о природѣ органической: Линней изобрѣтаетъ ботаническую номенклатуру и кладетъ основаніе системамъ трехъ царствъ природы; Жюссье вводятъ принципъ сподчиненія признаковъ и основываютъ естественную классификацію растительнаго царства; Реомюръ, Спалланцани, Лавуазье, Галлеръ, Прохаска, Вольфъ, Гунтеръ и др. полагаютъ прочное основаніе сравнительной анатоміи, физіологіи и эмбріологіи. Изобрѣтеніе микроскопа даетъ новое средство для изученія мелкихъ низшихъ организмовъ и для болѣе основательнаго и подробнаго познанія высшихъ; Реомюръ, Спалланцани, Трамблэ, Нидгемъ, Боннэ и др. знакомятъ съ міромъ микроскопическихъ существъ, съ строеніемъ и жизнью почти незамѣчаемыхъ до того времени животныхъ. Впервые получаются также сколько-нибудь обстоятельныя понятія о различіи человѣческихъ племенъ, объ ихъ признакахъ, разселеніи, ступеняхъ культуры, — составляется представленіе о древнѣйшихъ судьбахъ человѣчества и о признакахъ, отличающихъ человѣка отъ высшихъ животныхъ. Наука доходитъ даже до предчувствія состава живыхъ тканей изъ мельчайшихъ органическихъ единицъ, собираетъ наблюденія относительно вліянія на органическія существа окружающей природы и условій жизни, а въ теоріи Ламарка (воспитавшагося въ идеяхъ XVIII вѣка) дѣлаетъ попытку объяснить естественнымъ путемъ происхожденіе животныхъ и человѣка.

Все, что въ этихъ научныхъ открытіяхъ и теоріяхъ XVIII вѣка оказалось прочнымъ пріобрѣтеніемъ, было добыто путемъ индуктивнаго метода, значеніе котораго понималось вѣрно большинствомъ тогдашнихъ натуралистовъ. Такъ, Бюффонъ говоритъ въ своей «Естественной Исторіи», что «надобно начинать съ точныхъ описаній, съ провѣрки частныхъ фактовъ, что это—существенная цѣль, которую должно поставить себѣ съ самаго начала; но потомъ надобно стремиться къ тому, что болѣе велико и еще болѣе достойно занять насъ,—нужно стремиться сопоставлять наблюденія, обобщать факты, связывать ихъ силою аналогіи и стараться достигнуть той высокой степени знанія, стоя на которой мы можемъ судить о томъ, какъ частныя дѣйствія зависятъ отъ дѣйствій болѣе общихъ». Индуктивному методу слѣдовали не только при изученіи неорганическихъ тѣлъ, растеній и животныхъ, но распространяли его и на человѣка, и притомъ какъ на его физическую, такъ и психическую природу. Писатели XVIII вѣка задаются мыслью изучать человѣка въ томъ видѣ, какъ онъ представляется наблюденію, и доходить до выводовъ объ его душѣ, происхожденіи, судьбахъ, основываясь только на данныхъ наблюденія и устраняя совершенно свидѣтельства теологіи и откровенія.

Дойдя, однако, до основныхъ вопросовъ объ источникахъ нашего знанія, о связи между матеріей и силой, между душой и тѣломъ, о конечныхъ причинахъ, мыслители XVIII вѣка пошли въ своихъ выводахъ и теоріяхъ гораздо далѣе, чѣмъ сколько то позволяли факты и наблюденія,—Бэконовское «непрерывное и постепенное восхожденіе отъ частностей къ аксіомамъ». Несмотря на видимое родство съ философіей Бэкона, матеріалистическія теоріи XVIII вѣка представляютъ по характеру своего міровоззрѣнія скорѣе продолженіе и развитіе дедуктивной системы Декарта. Дедуктивный методъ, имѣющій дѣло съ абстракціями, повидимому противорѣчитъ всему характеру эмпирическаго матеріализма и система Декарта, съ ея дуализмомъ между Богомъ и матеріальнымъ міромъ, должна была бы, кажется, наоборотъ, дать прочныя опоры идеализму. Между тѣмъ мы видимъ, что самые крайніе матеріалистическіе мыслители XVIII вѣка считали себя послѣдователями Декарта и выставляли его математическій методъ какъ наиболѣе точный и плодотворный. Дѣло въ томъ, что въ противоположность Бэкону, который старался установить точнѣе предѣлы научныхъ изслѣдованій и признавалъ, что религіозныя и онтологическія проблемы неразрѣшимы для разума и потому лежатъ внѣ области науки,—Декартъ полагалъ, что разрѣшеніе этихъ проблемъ и составляетъ главную задачу философіи и что онѣ могутъ быть разрѣшены только разумомъ. Эта смѣлость мысли, это стремленіе къ математической точности—способно было дѣйствовать сильнѣе на пылкіе умы, чѣмъ правило «постепеннаго восхожденія» и ограниченіе научныхъ изысканій областью доступною наблюденіямъ. Съ другой стороны, система Декарта, несмотря на основной ея дуализмъ и сомнѣніе въ дѣйствительности вещей, заключала въ себѣ всѣ данныя для выведенія механическаго міровоззрѣнія. Реальность вещей была въ концѣ концовъ признана Декартомъ, правда, на основаніи довольно страннаго силлогизма: «еслибы внѣшній міръ,—говоритъ онъ,— въ дѣйствительности не существовалъ, то Богъ былъ бы обманщикомъ, такъ какъ онъ далъ намъ представленіе объ этомъ мірѣ». Допустивъ же реальность вещей, Декартъ сводитъ всѣ тѣла и процессы природы къ молекуламъ и ихъ движенію, и притомъ какъ тѣла неорганической, такъ и органической природы. Доказывая бытіе Бога, онъ доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ механизмъ внѣшняго міра и распространяетъ эти воззрѣнія на міръ органическій и одушевленный. Растенія и животныя суть машины, послѣднія—машины чувствующія и мыслящія. Правда, въ человѣкѣ Декартъ признаетъ отличную отъ тѣла субстанцію, душу; но стоило только подвергнуть сомнѣнію это утвержденіе или принять съ Бэкономъ, что разумная душа (anima rationalis) недоступна пониманію, какъ оставалась только anima sensitiva, свойственная одинаково какъ человѣку, такъ и животнымъ. У Декарта, въ его сочиненіи «Passiones animae», встрѣчается мысль, что мертвое тѣло не потому мертво, что его покинула душа, но потому, что его тѣлесная машина испорчена. Признавъ же душу тѣсно

связанною въ своихъ проявленіяхъ съ тѣломъ, не трудно уже было дойти до чисто-матеріалистическихъ воззрѣній, переходъ къ которымъ мы встрѣчаемъ у Гоббса, Локка, но которыя были особенно развиты Де-Ламетри, Гольбахомъ, Толандомъ и др. Воззрѣнія эти развивались чисто-дедуктивно и наблюденію удѣлялась вообще весьма ограниченная роль въ построеніи матеріалистическихъ системъ XVIII вѣка.

Гоббса можно считать предтечей французскаго матеріализма XVIII вѣка, и къ его воззрѣніямъ можетъ быть сведена та психологическая доктрина, которая выводитъ всю умственную дѣятельность изъ видоизмѣненій ощущенія. Гоббсъ первый высказалъ, что мысли суть образы, создаваемые ощущеніями, и что всѣ познаваемыя нами качества объектовъ составляютъ въ сущности только разнообразныя движенія матеріи, различно дѣйствующія на наши органы. Ощущеніе по Гоббсу есть единственный источникъ нашихъ идей. Наоборотъ, Локкъ принимаетъ два источника знанія: ощущеніе и то, что онъ называетъ рефлексіей или внутреннимъ чувствомъ. Ощущенія доставляютъ уму матеріалъ, который познается затѣмъ при помощи рефлексіи. Благодаря послѣдней, человѣкъ можетъ почти безконечно комбинировать свои идеи; но никакой разумъ не въ состояніи воспроизвести хотя бы одну простую идею, которая бы не вошла въ него путемъ ощущенія. Отсюда слѣдуетъ ограниченность нашего знанія и человѣкъ долженъ мириться съ незнаніемъ вещей, превышающихъ его способности.

Система Локка повела, съ одной стороны, къ сенсуализму, съ другой—къ скептицизму. Сенсуалисты, съ Кондилльякомъ во главѣ, нашли возможнымъ упростить систему Локка и свести все знаніе къ однимъ ощущеніямъ. Они полагали, что Локковская рефлексія есть въ сущности то же ощущеніе и во всякомъ случаѣ не можетъ считаться источникомъ идей, а только каналомъ, чрезъ который идеи истекаютъ изъ ощущеній. Въ то же время это не было и повтореніемъ воззрѣнія Гоббса, такъ какъ сенсуалисты сводили къ способности чувствовать не только идеи, но и вообще всѣ познавательныя способности. — Гораздо большею плодотворностью и остроуміемъ отличался скептицизмъ Юма, конечнымъ результатомъ коего былъ выводъ, что умъ обманчивъ и философія невозможна. Какъ матерія, такъ и духъ, по мнѣнію Юма, не болѣе какъ предположенія, и въ дѣйствительности то, что мы называемъ матеріей, есть только совокупность впечатлѣній, а духъ—цѣпь впечатлѣній и идей. Все наше опытное знаніе причинности явленій есть только опытное знаніе постоянной преемственности: опытъ не указываетъ какой-либо связи между двумя фактами, а только ихъ неизмѣнное соединеніе; онъ не можетъ удостовѣрить насъ въ какой-либо истинѣ, которая не была бы чисто-относительной. Вѣра въ существованіе какой-либо силы въ каждомъ явленіи причинности есть только дѣло привычки и отнюдь не можетъ быть утверждена на достаточныхъ основаніяхъ.

Такимъ образомъ ходъ философскаго мышленія съ начала XVII вѣка привелъ съ одной стороны къ матеріализму, съ другой—къ скептицизму. Обѣ эти системы принесли значительную долю пользы: скептицизмъ — тѣмъ, что указалъ на тщетность усилій идеалистовъ разрѣшить вопросы о природѣ и сущности вещей, а матеріализмъ — тѣмъ, что поколебалъ прежнее метафизическое понятіе о матеріи, какъ о мертвой, неподвижной, пассивной субстанціи, и указалъ на важное значеніе матеріальнаго начала въ мірѣ и человѣкѣ. Обѣими этими философіями не могло однако удовлетвориться человѣчество: скептицизмъ, разрушая принятыя воззрѣнія, не давалъ въ замѣнъ ничего положительнаго, а матеріализмъ, сводя все на матерію, оставлялъ не разрѣшенными многіе вопросы и давалъ только кажущееся объясненіе явленій. Матеріализмъ, какъ доктрина положительная, болѣе доступная, могъ оказывать болѣе сильное вліяніе на массу публики, чѣмъ и объясняется болѣе сильная реакція, вызванная имъ въ средѣ спеціалистовъ. Наиболѣе энергическій отпоръ ему, равно какъ и чрезмѣрнымъ притязаніямъ скептицизма и идеализма, былъ данъ Кантомъ, который поставилъ на болѣе раціональную почву вопросъ о происхожденіи и предѣлахъ знанія.

Источникъ знанія, по Канту, есть соединеніе объекта съ субъектомъ, внѣшнихъ предметовъ и человѣческаго ума. Умъ и объектъ совмѣстно производятъ явленіе или чувственное впечатлѣніе, которое обусловливается наложеніемъ на матеріалъ, доставленный чувствами, формъ или условій ума. Всякое знаніе начинается съ опыта, съ того, что получается чрезъ впечатлѣніе; но оно истекаетъ не изъ одного опыта,—къ нему добавляется нѣчто изъ самой познавательной способности, извѣстныя общія и необходимыя идеи. Послѣднія хотя и не могутъ считаться абсолютно-истинными, но онѣ истинны субъективно, истинны для всѣхъ людей, выражаютъ собою законы ума. Ихъ нельзя однако считать врожденными откровеніями,—онѣ также развиваются въ человѣкѣ по извѣстнымъ законамъ изъ его природы, какъ и познанія, доставляемыя опытомъ. Онѣ характеризуются только тѣмъ, что соединены съ сознаніемъ общности и необходимости, и слѣдовательно независимы въ ихъ приложеніи отъ опыта. Таковы идеи пространства и времени, безконечности и вѣчности, идея причинности, математическія аксіомы. Къ такимъ же общимъ идеямъ высшей познавательной способности, разума, Кантъ относитъ идеи о мірѣ, душѣ (нашего *я*) и Богѣ, составляющія конечный результатъ сведенія частностей къ общему, выраженіе лежащихъ въ основѣ разумной организаціи стремленій къ единству. Эти высшія идеи превышаютъ однако, по Канту, человѣческія понятія, лежатъ внѣ сферы разума; при попыткахъ разрѣшить ихъ разумъ неизбѣжно впадаетъ въ безконечныя противорѣчія. Онѣ не только не приносятъ пользы опытному знанію, но являются въ отношеніи къ нему совершенно лишними, даже противорѣчащими основнымъ правиламъ разумнаго познаванія природы, хотя въ другихъ отношеніяхъ онѣ и необходимы.

«Основное положеніе всѣхъ настоящихъ идеалистовъ, — замѣчаетъ Кантъ,—отъ элеатической школы до Беркли включительно, заключается въ слѣдующей формулѣ: всякое познаніе чрезъ посредство чувства и опыта есть не что иное какъ мнимость (Schein) и только въ идеяхъ чистаго разсудка и разума заключается истина. Напротивъ того, основное положеніе, опредѣляющее мой идеализмъ, таково: всякое познаніе вещей только изъ чистаго разсудка или разума есть мнимость и лишь въ опытѣ заключается истина». Относительно предѣловъ познаванія природы воззрѣнія Канта могутъ быть выражены въ такой формѣ. Міръ существуетъ, но въ своей сущности онъ намъ неизвѣстенъ. Мы можемъ знать о немъ только какъ онъ есть въ насъ, въ нашемъ знаніи о немъ, насколько намъ извѣстны его явленія. Другими словами, наше знаніе имѣетъ характеръ субъективный и относительный. «Наука о природѣ,—говоритъ Кантъ,—никогда не откроетъ намъ сущности вещей, т. е. того, что не есть явленіе, хотя могло бы служить высшимъ объяснительнымъ мотивомъ явленія; но наука и не нуждается въ этой сущности для своихъ физическихъ объясненій. Мало того, еслибъ ей было предложено что-либо подобное со стороны (напр. въ смыслѣ вліянія нематеріальныхъ существъ), то она должна была бы отклонить его и не вносить въ кругъ своихъ объясненій, но основывать послѣднія только на томъ, что доступно опыту и чувствамъ и можетъ быть приведено въ связь, по законамъ опыта, съ нашими дѣйствительными воспріятіями... По справедливому правилу естественной философіи, мы должны воздерживаться отъ всякихъ объясненій устройства природы, которыя бы сводились на волю какого-либо высшаго существа, потому что это уже будетъ не естественная философія, а признаніе, что мы съ ней покончили».

Извѣстно, что Кантъ сравнивалъ себя съ Коперникомъ и думалъ, что какъ Коперникъ преобразовалъ астрономію, такъ и онъ совершилъ реформу въ метафизикѣ. Въ этомъ Кантъ, конечно, ошибался; но нельзя отрицать, что многія изъ его воззрѣній и выводовъ такъ же далеко опередили свой вѣкъ, какъ теорія Коперника—господствовавшую въ его время систему. Кантъ имѣлъ основанія думать, что своею критикой онъ навсегда изгналъ претензіи на познаніе абсолютнаго, и, конечно, не въ состояніи былъ предчувствовать, что не пройдетъ и двадцати пяти лѣтъ со дня его смерти, какъ вся ученая Германія будетъ восторгаться Гегелемъ и его феноменологіей духа. Что Кантъ мыслилъ о всѣхъ предметахъ естествознанія съ точки зрѣнія натуралиста, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Достаточно сказать, что онъ первый развилъ теорію о происхожденіи небесныхъ тѣлъ изъ притяженія разсѣянной въ пространствѣ матеріи и что онъ предугадывалъ естественное происхожденіе видовъ и принималъ, какъ нѣчто само собою понятное, развитіе человѣка изъ животнаго состоянія. Мысль Ланге, что Кантъ по многимъ изъ своихъ положеній стоитъ ближе къ настоящей эпохѣ, чѣмъ къ своимъ современникамъ,

можетъ быть признана совершенно справедливою. Ближайшіе преемники Канта въ исторіи философіи, Фихте и Шеллингъ, развивали теоріи, составляющія до извѣстной степени шагъ назадъ сравнительно съ воззрѣніями Канта. Какъ ни возвышенъ идеализмъ Фихте въ его примѣненіи къ этикѣ, политикѣ и философіи исторіи, но признаніе имъ тождества бытія и мысли, существованія и сознанія, объекта и субъекта и стремленіе построить все зданіе науки à priori — не могло способствовать реальному прогрессу въ пониманіи природы. То же, и еще съ большимъ правомъ, можетъ быть сказано относительно пантеистической системы Шеллинга, съ ея отожествленіемъ духа и природы въ высшемъ единствѣ, абсолютномъ божествѣ. Признаніе тожества природы и духа вело къ признанію тожества законовъ ихъ обоюдной дѣятельности, а изъ этого слѣдовала возможность созданія природы изъ данныхъ разума. «Законы природы,—говоритъ Шеллингъ,— могутъ быть выводимы непосредственно изъ сознанія, какъ законы сознанія, и, обратно, законы сознанія могутъ быть открываемы въ объективной природѣ, какъ законы природы». Въ сущности это было то же воззрѣніе, какъ и Спинозовское: «Ordo et connexio idearum idem est ac ordo et connexio rerum» (порядокъ и связь идей тожественны съ порядкомъ и связью между собою вещей), съ тѣмъ только различіемъ, что Спиноза допускалъ лишь знаніе конечнаго, а Шеллингъ принималъ у человѣка особую высшую способность, «интеллектуальное постиженіе» или «созерцаніе» (Anschaung), посредствомъ котораго разумъ можетъ восходить выше сознанія и сливаться съ абсолютнымъ, постигать абсолютную истину. Познаніе природы можетъ подвигаться впередъ, по Шеллингу, двумя путями: посредствомъ эмпирическо-синтетическаго изслѣдованія законовъ природы и посредствомъ выведенія послѣднихъ изъ философскаго анализа законовъ мышленія. Послѣдній путь вѣрнѣе и ведетъ ближе къ цѣли. Дѣятельность нашего ума можетъ быть уподоблена божественной дѣятельности, реализованной въ природѣ, поэтому «философствовать о природѣ значитъ творить, возсоздавать природу», то-есть воспроизводить то мышленіе, которое выразилось въ природѣ,—другими словами, понимать ее. При такомъ воззрѣніи, опытъ и наблюденіе, конечно, отходили на второй планъ и утрачивали то значеніе, какое было придано имъ Бэкономъ. Они переставали быть основаніемъ для открытій и дѣлались только средствомъ повѣрки уже дознанныхъ положеній, которыя, впрочемъ, слагаясь по законамъ разума, являлись вслѣдствіе этого необходимыми и доказанными. «Раціональная наука» могла существовать безъ помощи опыта и наблюденія и натурфилософія поставила себѣ задачею — возсозданіе природы путемъ чистаго мышленія.

Шеллингъ, впрочемъ, признавалъ, что «способность философствовать» свойственна не многимъ людямъ, которые въ состояніи возвыситься выше уровня обыкновеннаго знанія; онъ предостерегалъ противъ убивающаго духъ спекулятивнаго мышленія и порицалъ тѣхъ, «кото-

рые, не чувствуя призванія, выступаютъ непрошенными сторонниками его ученія и, не будучи одухотворенными, берутся нести тирсъ, къ одинаковому скандалу разумныхъ и ограниченныхъ». Самъ Шеллингъ обладалъ массой свѣдѣній изъ различныхъ отраслей естествознанія и въ его философствованіяхъ о природѣ встрѣчаются воззрѣнія, которыя, по замѣчанію Льюиса, «не только близко подходятъ къ воззрѣніямъ, выработаннымъ положительною наукой, но и послужили могущественнымъ стимуломъ для многихъ умовъ въ ихъ научныхъ изысканіяхъ». Такъ, выведенный Шеллингомъ, общій законъ полярности нашелъ себѣ подтвержденіе въ физикѣ и химіи, а стремленіе свести къ единству разнообразіе физическихъ силъ осуществилось впослѣдствіи, благодаря открытію закона сохраненія силы. Въ физіологіи признаніе неразрывности матеріи и духа имѣло слѣдствіемъ паденіе односторонняго динамизма, основывавшагося на признаніи нематеріальнаго принципа жизни (жизненной силы). Въ зоологіи стремленіе отыскать единство плана вызвало мысль (въ теоріяхъ Окена), что конечная цѣль науки есть пониманіе генезиса формъ («зоологія есть собственно зоогенія»), который можетъ быть въ концѣ концовъ сведенъ къ постепенному дифференцированію первичной органической слизи. Въ ботаникѣ та же тенденція вызвала первую идею о метаморфозѣ частей растенія, дальнѣйшее развитіе которой значительно способствовало прогрессу растительной морфологіи. Анатомію и эмбріологію можно считать обязанными натурфилософіи первыми идеями о составѣ тканей изъ элементарныхъ организмовъ (открытыхъ и описанныхъ впослѣдствіи подъ именемъ клѣточекъ), первою теоріей о гомологичности черепа съ частью позвоночника, первыми попытками уяснить значеніе различныхъ стадій развитія зародыша. Наконецъ, извѣстное вліяніе натурфилософіи можно, пожалуй, констатировать на многихъ анатомическихъ и зоологическихъ работахъ первой четверти нынѣшняго вѣка, стремившихся осмыслить результаты наблюденій и возвыситься выше чисто эмпирическаго знанія.

Такимъ образомъ нельзя отрицать, что натурфилософія имѣла нѣкоторый raison d'être и не осталась безъ извѣстнаго вліянія на прогрессъ въ пониманіи природы. Но, съ другой стороны, нельзя не признать также, что натурфилософія причинила и не мало вреда наукѣ, способствовала укорененію въ ней ложныхъ представленій, отвлекла многихъ ея адептовъ отъ прямаго пути, указаннаго Бэкономъ и оправданнаго уже цѣлымъ рядомъ плодотворныхъ открытій. Вмѣсто того, чтобы постепенно расширять область наблюденій и стремиться къ обогащенію науки новыми фактами, вмѣсто того, чтобы путемъ обдуманныхъ опытовъ и сопоставленія большаго числа наблюденій подвергать повѣркѣ господствующія въ наукѣ воззрѣнія и замѣнять ихъ, по мѣрѣ развитія науки, новыми, болѣе раціональными и болѣе согласующимися съ фактами,—натурфилософы думали постигнуть природу путемъ метафизическихъ измышленій и склонны были видѣть въ туманныхъ продуктахъ своей фантазіи важныя и плодотворныя открытія. П.

Э. Шеллингъ, братъ философа, училъ, напримѣръ, что явленія жизни могутъ быть изслѣдованы только спекулятивно: жизнь можетъ быть понимаема только абсолютно и, слѣдовательно, какъ и самый абсолютъ, не можетъ быть ничѣмъ объяснена, а въ состояніи только быть воспринята помощью интеллектуальнаго созерцанія. Практическіе результаты подобныхъ воззрѣній выразились, между прочимъ, въ томъ, что, по свидѣтельству Гэзера, нѣкоторые профессоры медицины стали считать унизительнымъ для своего достоинства присутствовать при вскрытіи труповъ и прибѣгать къ повѣркѣ правильности своихъ діагнозовъ. Въ отношеніи физическихъ явленій Шеллингъ училъ, что всякая матерія въ первоначальномъ своемъ состояніи есть жидкость; матеріи свойственны двѣ главныхъ потенціи: тяжесть и свѣтъ, внѣшняя и внутренняя интуиціи природы; теплота есть только modus existendi свѣта. По ученію Гегеля, міръ есть реализація двухъ противоположностей—бытія и небытія, иначе—условное бытіе. Познаваемые нами предметы суть только видимости какъ по отношенію къ намъ, такъ и сами по себѣ, наши же мысли суть не только мысли, но и реальность предметовъ. Природа есть безконечное разнообразіе, представляющее правильную цѣпь развитія отъ низшаго къ высшему, постепенныя усилія идеи проявиться объективно. Въ человѣкѣ идея достигаетъ высшей степени; въ разумѣ она становится самосознающеюся и достигаетъ реальнаго и положительнаго бытія, высшей степени развитія. Природа есть внѣшность Бога, переходъ идеи чрезъ несовершенство (Abfall der Idee). Стефенсъ объяснялъ возникновеніе и образованіе всѣхъ конечныхъ существъ отпаденіемъ отъ Бога (Abfall von Gott). По ученію Окена, не существуетъ ничего кромѣ ничего, кромѣ абсолюта. «Посредствомъ самоотложенія (Selbstponiren) абсолютнаго «ничего» возникаетъ реальное или разнообразное, міръ. Созданіе міра есть не что иное какъ актъ самосознанія, самопроявленіе Бога». Такими, совершенно лишенными содержанія и значенія, фразами думали положить основы для пониманія природы въ ея цѣломъ.—По воззрѣніямъ Окена, задача натурфилософіи заключается не въ расширеніи, но въ созерцаніи знанія,—знаніе уже находится готовымъ въ духѣ и ждетъ только, чтобъ оно было подвергнуто внутреннему созерцанію и развитію. Окенъ сознается, что онъ никогда не слѣдовалъ логическому методу, а предпочиталъ, какъ онъ выражается, «диктаторскій», изъ котораго слѣдствія возникаютъ «неизвѣстно какъ». Понятно, что такія слѣдствія могли доходить нерѣдко до абсурда и, въ самомъ лучшемъ случаѣ, когда они оказывались вѣрными или способными къ дальнѣйшему развитію, были лишь счастливымъ совпаденіемъ. Такъ, напримѣръ, первообразъ теоріи клѣточекъ явился у Окена въ рядѣ такихъ «диктаторскихъ» положеній. Организмъ, какъ подобіе планеты, долженъ имѣть соотвѣтственную форму сферы. Первичная слизь шарообразна и состоитъ изъ безконечности точекъ. Подъ вліяніемъ воздуха, въ органической точкѣ происходитъ противоположеніе жидкаго и твердаго, она становится пузырькомъ. Слизистый первичный пузырекъ на-

зывается инфузоріей. Растенія и животныя суть метаморфозы инфузорій. Всѣ организмы состоятъ изъ инфузорій (то-есть слизистыхъ точекъ безъ индивидуальности) и при разложеніи распадаются на нихъ. Основная субстанція животнаго состоитъ изъ точекъ, и такъ далѣе. Какъ видно, отъ этихъ диктаторскихъ, туманныхъ, положеній до точныхъ позднѣйшихъ описаній Швана, Фирхова и другихъ, которые дѣйствительно видѣли клѣточки и указали способы, какъ другіе могутъ ихъ видѣть, цѣлая бездна: первыя были скорѣе туманною фантазіей, вторыя же научными индуктивными выводами, доступными провѣркѣ и дальнѣйшему развитію.

Туманныя обобщенія натурфилософовъ не могли, конечно, устоять передъ положительною наукой. Они вызвали реакцію еще болѣе сильную, чѣмъ теоріи матеріалистовъ, — реакцію, которая повела къ другой крайности, именно къ избѣганію всякихъ обобщеній и къ стремленію собирать только факты, дѣлать опыты и наблюденія, сводить ихъ въ систему, но не уклоняться далѣе непосредственныхъ изъ нихъ слѣдствій. Это—такъ-называемая фактическая школа, наиболѣе виднымъ представителемъ которой во Франціи былъ Кювье. Основа и цѣль науки были положены имъ въ описаніи и классификаціи фактовъ, которые «одни только имѣютъ неизмѣнное значеніе и составляютъ прочное пріобрѣтеніе ума», тогда какъ гипотезы, теоретическія воззрѣнія и системы имѣютъ лишь преходящее значеніе и, какъ показываетъ исторія, подпадаютъ съ теченіемъ времени забвенію, не оставляя послѣ себя ничего кромѣ развалинъ. Фактическая школа сдѣлалась скоро господствующею въ наукѣ, отчасти благодаря авторитету ея лучшихъ представителей, дѣйствительно обогатившихъ науку многими новыми и важными фактами, отчасти по сравнительной простотѣ своихъ цѣлей, сводившихся только къ описанію и собиранію фактовъ. Усовершенствованіе микроскопа, ознакомленіе съ новыми областями земной поверхности, улучшеніе методовъ и манипуляцій въ опытныхъ наукахъ—дали новыя средства къ расширенію фактическаго знанія, которое начало быстро и прогрессивно возрастать. Воззрѣнія фактической школы нашли себѣ выраженіе въ философской системѣ Конта, позитивизмѣ, поставившемъ высшею цѣлью ума простую координацію фактовъ, то-есть размѣщеніе ихъ сообразно ихъ неизмѣннымъ отношеніямъ по сходству и преемственности. Всякое изслѣдованіе причинъ и сущности явленій, всякія метафизическія обобщенія, по Конту, безполезны. Философія въ обширномъ смыслѣ есть только совокупность координированныхъ фактовъ; каждая отдѣльная наука можетъ считаться отраслью положительной философіи и должна разработываться однимъ и тѣмъ же методомъ, будутъ ли объектомъ ея изслѣдованій матеріальные предметы, физическія или духовныя явленія. Истинный научный разумъ есть не что иное какъ здравый человѣческій разсудокъ, освобожденный отъ стѣсняющихъ и затемняющихъ его фантазій.

Доктрина, формулированная Контомъ (въ 30 и 40-хъ годахъ), въ первое время мало обратила на себя вниманія, что объясняется отчасти многими

странными религіозными и политическими воззрѣніями Конта, отчасти же характеромъ эпохи, когда съ одной стороны продолжались традиціи метафизическаго періода, а съ другой—положительная наука, постоянно обогащаясь новыми фактами, привлекала лучшія силы къ разработкѣ спеціальныхъ отраслей естествознанія. Позитивизмъ сталъ пріобрѣтать значеніе лишь въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, когда Льюисъ и Д. С. Милль, выдѣливъ изъ системы Конта все, что было въ ней существеннаго, сдѣлали ее болѣе извѣстною въ Англіи, гдѣ послѣдователемъ ея явился, между прочимъ, Гербертъ Спенсеръ, разработавшій ее самостоятельно и примѣнившій позитивный методъ къ біологіи, психологіи и соціологіи. Въ Германіи система Конта получила извѣстность сравнительно недавно; здѣсь развитіе естественныхъ наукъ способствовало, напротивъ того, новому разцвѣту матеріализма, самоувѣренно заявившаго о себѣ, что его міровоззрѣніе представляетъ строгій результатъ естественнонаучнаго мышленія.

Въ противоположность скептицизму съ его отрицаніемъ, матеріализмъ выступилъ въ качествѣ положительной доктрины. Основа и сущность всего есть матерія, безсмертная и безконечная, съ присущей ей отъ вѣчности силой, которая неразрывно связана съ ней и только чрезъ посредство ея можетъ проявлять себя. Въ мірѣ не существуетъ ничего, кромѣ матеріи съ ея свойствами и пустаго пространства. Всѣ измѣненія матеріи, ея движенія—обусловливаются непреложною, въ ней самой основанною, необходимостью и всѣ явленія въ природѣ суть только продукты различныхъ, случайныхъ или необходимыхъ комбинацій матеріальныхъ движеній. Всякое бытіе есть бытіе въ силу своихъ свойствъ, но нѣтъ свойства, которое бы не было только относительнымъ; поэтому вещь сама по себѣ и вещь по отношенію къ намъ есть одно и то же и наше знаніе есть дѣйствительное знаніе вещей. Міръ неорганическій и органическій суть различныя комбинаціи однихъ и тѣхъ же веществъ; послѣдній развился изъ перваго механически; жизнь есть только особый, необыкновенно сложный механическій процессъ; міръ духовный есть также продуктъ вещества; мысль, духъ, душа—есть (по Бюхнеру) слившійся во едино комплексъ различныхъ силъ, результатъ взаимодѣйствія многихъ, одаренныхъ силами или свойствами веществъ. Мысль находится въ такомъ же отношеніи къ мозгу, какъ желчь къ печени или урина къ почкамъ. Человѣкъ есть только болѣе совершенное животное и его разумъ только количественно, но не качественно, отличенъ отъ животнаго.

Обобщенія матеріалистовъ нашли для себя благопріятную почву въ средѣ интеллигенціи, особенно въ Германіи, хотя многіе изъ людей науки и первоклассныхъ натуралистовъ и заявили свой протестъ противъ поспѣшныхъ выводовъ. Знаменитый Либихъ объявилъ теоріи матеріалистовъ фантазіями диллетантовъ въ наукѣ; другіе приравнивали ихъ къ обобщеніямъ натурфилософовъ, такъ какъ онѣ также заходятъ за предѣлы положительнаго знанія и заявляютъ претензію на объясненіе сущности ве-

щей, тогда какъ въ дѣйствительности часто только перефразируютъ неизвѣстное. Наиболѣе чувствительный ударъ былъ нанесенъ однако матеріализму открытіемъ закона сохраненія силы, передъ которымъ не могла устоять теорія, возводящая вещество въ принципъ всего сущаго.

Законъ сохраненія силы состоитъ, какъ извѣстно, въ признаніи эквивалентныхъ отношеній между различными видами силъ природы, которые измѣняются одинъ въ другой безъ потери и только съ перемѣной формы энергіи. Содержащаяся во вселенной сумма энергіи или напряженія физическихъ силъ, способныхъ дѣйствовать, есть количество постоянное, которое не можетъ быть ни увеличено, ни уменьшено, ни измѣнено другимъ какимъ-либо дѣйствіемъ природы. Всѣ перемѣны въ природѣ состоятъ только въ перемѣнѣ формы энергіи, въ измѣненіи ея вида, при сохраненіи ея количества. Всѣ матеріальныя явленія, разсматриваемыя объективно, сводятся къ движенію, при всѣхъ преобразованіяхъ котораго постоянно сохраняется равное количество двигательной силы. Подъ движеніемъ здѣсь подразумѣвается движеніе мельчайшихъ частицъ вѣсомыхъ или невѣсомыхъ тѣлъ—«атомовъ», которые однако должны быть принимаемы однородными, такъ что различныя свойства простыхъ и сложныхъ тѣлъ должны зависѣть только отъ различія въ группировкѣ и движеніи ихъ атомовъ. Хотя химія и доказываетъ существованіе многихъ простыхъ тѣлъ или химическихъ элементовъ, но есть основаніе предполагать, или, вѣрнѣе, можно признавать «идеаломъ разума», что эти элементы въ концѣ концовъ суть только видоизмѣненія однородной первичной матеріи, обусловленныя модификаціями одинаково присущихъ всей матеріи силъ. Изучая явленія и вещества, мы познаемъ въ сущности только проявленія силъ, или дѣйствія, изъ которыхъ уже дѣлаемъ заключеніе о дѣйствующемъ; все, что мы понимаемъ въ веществѣ, мы называемъ его свойствами, т. е. силами, такъ что собственно вещество есть то, что остается послѣ отнятія отъ него его свойствъ,—то, что мы не можемъ или не желаемъ разложить далѣе въ силы. Но далѣе уже остается нѣчто неуловимое, математическое представленіе о массѣ, о точкѣ приложенія силы. И, обратно, можно согласиться съ Цёлльнеромъ, что стоитъ только придать абстрактнымъ понятіямъ силы и движенія независимое бытіе, мы получимъ субстанцію, которая въ этомъ случаѣ, въ естественно-научномъ пониманіи, совершенно совпадаетъ съ «матеріей».

Итакъ, слѣдовательно, основной принципъ всего сущаго есть движеніе, есть сила, которою обусловливается существованіе, разнообразіе и смѣна всѣхъ явленій. То, что мы называемъ объясненіемъ явленій, заключается собственно въ анализѣ движенія и въ открытіи законовъ его передачи; въ конечной своей цѣли оно сводится къ приложенію математическихъ формулъ къ опредѣленію движенія. Открытіе законовъ, вытекающія изъ коихъ слѣдствія оказываются въ полномъ согласіи съ природой, указываетъ на связь между внѣшнимъ міромъ и законами ума, свидѣтельствуетъ,

что міровое движеніе происходитъ и регулируется разумно. Съ другой стороны, одно изъ основныхъ положеній науки состоитъ, какъ уже сказано, въ томъ, что сумма энергіи въ природѣ или количество первоначальной двигательной силы остается постоянною, причемъ безконечное разнообразіе явленій обусловливается совокупнымъ дѣйствіемъ малаго числа причинъ. Все это представляетъ признаки того, что мы называемъ мудростью, указываетъ на правильность и цѣлесообразность, на отсутствіе случайности, на положенную въ основѣ механизма мысль. Всѣ силы могутъ быть въ концѣ концовъ сведены къ одной, ко всеобщему тяготѣнію, которое представляетъ, такъ сказать, натянутую пружину, поддерживающую въ движеніи весь міровой механизмъ. Переходя одна въ другую, силы вселенной образуютъ круговоротъ, но полный ли—вотъ трудный вопросъ, представляющій однако существенную важность. Наука сдѣлала попытку къ его разрѣшенію и притомъ основываясь на математическомъ вычисленіи. Можно считать доказаннымъ, что превращенная разъ въ теплоту механическая сила напряженія не въ состояніи быть снова возстановлена въ нее вполнѣ; а такъ какъ первый переходъ происходитъ постоянно, то въ концѣ концовъ вся сила во вселенной должна принять форму теплоты, т. е. всѣ различія температуры въ мірѣ должны сгладиться. Изъ этого же слѣдуетъ, что вся цѣпь физическихъ процессовъ во вселенной не можетъ представлять изъ себя замкнутаго круга, при повторительномъ прохожденіи котораго вселенная, въ ея цѣломъ, оставалась бы въ вѣчно одинаковомъ состояніи. Напротивъ того, скорѣе слѣдуетъ принять, что міръ въ его цѣломъ представляетъ направленный къ извѣстной цѣли процессъ эволюціи или развитія. Но цѣлью, какъ уже сказано, можетъ быть только уравненіе всѣхъ различій температуры, т. е., въ смыслѣ органическихъ существъ, всеобщая смерть. Такое конечное состояніе могло бы быть достигнуто по прошествіи извѣстнаго конечнаго времени, считая отъ какого бы то ни было начальнаго состоянія, не подразумѣвающаго безконечныхъ скоростей или безконечнаго разсѣянія матеріи въ пространствѣ, т. е. отъ такого начальнаго состоянія, которое вообще можетъ быть мыслимо, и, наоборотъ, это конечное состояніе было бы уже достигнуто теперь, еслибы міръ существовалъ отъ вѣчности. Такимъ образомъ, какъ замѣтилъ Фикъ, одно изъ двухъ: или при высшихъ обобщеніяхъ естествознанія пропущены существенные пункты, или—если эти обобщенія совершенно правильны—міръ не можетъ быть вѣченъ, но долженъ былъ получить начало въ извѣстный, не безконечно отдаленный отъ настоящаго, моментъ и притомъ путемъ выходящаго изъ цѣпи естественной причинности событія, т. е. творческаго акта. «Сводя происхожденіе міра,—говоритъ Навилль,—къ манифестаціи свободной творческой силы, мысль наша, конечно, встрѣчается съ громадными трудностями представить себѣ природу и способъ дѣйствія этой силы, но мы получаемъ по крайней мѣрѣ точку опоры для начала эволюціоннаго процесса». Замѣ-

тимъ впрочемъ, что этотъ эволюціонный процессъ можетъ быть признаваемъ и вѣчнымъ, какъ это принимали Ибервегъ и Штраусъ, производя первоначальное, разсѣянное (туманное) состояніе міровой матеріи изъ разрушенія существовавшихъ ранѣе міровыхъ системъ. Ибервегъ полагалъ даже возможнымъ совмѣстить вѣчность міра съ его прогрессомъ, что едва ли мыслимо; болѣе послѣдовательно матеріалистическое воззрѣніе Штрауса, который принималъ, что во вселенной, въ ея абсолютномъ значеніи, существуютъ постоянно какъ охладѣвающія и умирающія системы міровъ, такъ и образующіяся вновь изъ распаденія прежде бывшихъ,—что жизнь, исчезая въ одномъ мѣстѣ и начинаясь въ другомъ, вѣчна и постоянна и что міровой процессъ, проходя безконечные циклы однообразнаго развитія, не имѣетъ ни конца, ни начала. Но, принимая вѣчность движенія матеріи, мы тѣмъ самымъ отказываемся отъ возможности его пониманія.

Теорія эволюціи пріобрѣла болѣе прочныя точки опоры сперва въ геологическомъ актуализмѣ, объясняющемъ всѣ бывшія измѣненія земной поверхности и ея пластовъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ, какія дѣйствуютъ и въ настоящую эпоху, затѣмъ въ теоріи естественнаго происхожденія видовъ, которая, въ томъ видѣ, какъ она была установлена Дарвиномъ, позволяетъ устранить гипотезу отдѣльныхъ періодовъ творенія и объясняетъ все разнообразіе органическихъ формъ изъ постепеннаго развитія и осложненія одного или нѣсколькихъ простѣйшихъ организмовъ. Формулируя свою теорію, Дарвинъ сознавалъ ея значеніе для различныхъ отраслей человѣческаго знанія; онъ предугадывалъ, напримѣръ, что приложеніе ея должно пролить свѣтъ на происхожденіе человѣка и его исторію и отразиться благодѣтельно на прогрессѣ въ пониманіи психологическихъ явленій. Но, идя далѣе, можно было придти къ заключенію, что и простѣйшіе, первичные организмы также не были продуктомъ особаго акта творенія, а образовались, по общимъ законамъ природы, изъ неорганическаго вещества. Успѣхи химіи, дошедшей до возможности приготовлять искуственнымъ путемъ многія органическія вещества, образующіяся естественно только въ живыхъ организмахъ, а съ другой стороны основанное на данныхъ опыта убѣжденіе физіологовъ, что явленія жизни сводятся къ простымъ физическимъ и химическимъ процессамъ,—должно было придать этому заключенію характеръ значительной вѣроятности. Что касается земли, то можно было впрочемъ обойтись и безъ признанія необходимости произвольнаго зарожденія или первичнаго абіогенезиса, такъ какъ, по гипотезѣ Томсона, возможность которой допускается и Гельмгольцемъ, первичные зародыши организмовъ могли попасть на землю изъ мороваго пространства, чрезъ посредство метеоритовъ, которые могли занести ихъ въ своихъ трещинахъ. Гипотеза Томсона, однако, только отдаляетъ промблему и не разъясняетъ вопроса о первоначальномъ появленіи жизни. Какъ бы то ни было, успѣхи естествознанія и теорія эволюціи позволили проникнуть глубже въ пониманіе природы и расширили

предѣлы ея познаванія. Явилось даже притязаніе на механическое объясненіе всего настоящаго, прошедшаго и отчасти даже будущаго природы, начиная отъ первыхъ періодовъ образованія нашей солнечной системы и кончая проблемою о свободѣ человѣческой воли, разрѣшеніе которой, какъ выразился Дюбуа-Реймонъ, зависитъ уже отъ способности къ абстракціи каждаго отдѣльнаго человѣка.

Въ моментъ этого пылкаго научнаго увлеченія вдругъ раздалось отрезвляющее «ignoramus» и «ignorabimus» знаменитаго Дюбуа-Реймона. На съѣздѣ нѣмецкихъ натуралистовъ и врачей въ Лейпцигѣ, въ августѣ 1872 года, этотъ физіологъ выступилъ съ рѣчью, въ которой доказывалъ, что предѣлы познаванія природы ограничены и что дѣйствительное знаніе въ сущности невозможно. «Познаніе природы,—утверждалъ онъ,—есть сведеніе ея процессовъ къ механикѣ простыхъ или недѣлимыхъ атомовъ; но атомовъ въ этомъ смыслѣ мы представить себѣ не можемъ, а потому и не можемъ достигнуть истиннаго знанія. Какъ бы мы ни развивали понятіе о матеріи и ея силахъ, всегда мы придемъ къ непостижимому, въ родѣ, напримѣръ, принятія силъ, дѣйствующихъ на разстояніи чрезъ пустое пространство. Но еслибы даже мы и могли познать міръ изъ механики атомовъ, то для насъ все-таки было бы невозможнымъ понять ощущеніе и сознаніе. Положимъ, что мы дошли бы до такого знанія происходящихъ въ мірѣ процессовъ, что могли бы сказать, какое движеніе какихъ атомовъ происходитъ въ каждой нервной клѣткѣ и нити при каждомъ душевномъ процессѣ, но и тогда мы познали бы въ дѣйствительности только движеніе матеріи, а не сущность душевныхъ явленій,—только условія духовной жизни, а не самую духовную жизнь».

Рѣчь Дюбуа-Реймона произвела большую сенсацію и возбудила не мало возраженій. Явились обвиненія, что берлинскій физіологъ сталъ на сторону клерикаловъ, дискредитируетъ науку, провозглашаетъ вѣчное ея безсиліе. Многіе натуралисты не могли постигнуть, почему чувствительность и сознаніе недоступны въ такой же мѣрѣ пониманію, какъ, напримѣръ, развитіе теплоты при химическомъ соединеніи, или—электрическаго возбужденія въ гальванической цѣпи. Стали увѣрять, что Дюбуа-Реймонъ—дуалистъ и признаетъ, что душевныя явленія совершенно не связаны съ матеріальными процессами. Всѣ эти нападки свидѣтельствовали только о близорукости и философской неподготовкѣ критиковъ. Дюбуа-Реймонъ нисколько не думалъ отрицать, что сознаніе связано съ матеріальными процессами въ мозгу; онъ только доказывалъ (что, впрочемъ, уже ранѣе было доказываемо философами)—невозможность понять его возникновеніе и сущность изъ матеріальныхъ процессовъ.

Болѣе серьезныя возраженія Дюбуа-Реймону были сдѣланы Штраусомъ и Негели. Штраусъ высказалъ мнѣніе, что изъ трехъ основныхъ вопросовъ: какъ произошло живое изъ неживаго, чувствующее изъ безчувственнаго и разумное изъ лишеннаго разума, самымъ неразрѣшимымъ

долженъ считаться первый вопросъ, а затѣмъ третій; второй же вопросъ, на которомъ Дюбуа-Реймонъ ставитъ одну изъ своихъ границъ, по его мнѣнію, не можетъ представлять затрудненій послѣ того, какъ разрѣшенъ вопросъ о происхожденіи жизни, такъ какъ чувствительность можно объяснять естественно развившимся аттрибутомъ живаго. Штраусъ, впрочемъ, удовольствовался только тѣмъ, что высказалъ сомнѣніе въ точности границъ, провозглашенныхъ Дюбуа-Реймономъ. Геккель же пошелъ далѣе и объявилъ, что чувствительность и воля есть основное свойство органической матеріи, присущее самымъ элементарнымъ комплексамъ атомовъ, «пластидюлямъ», и даже основное свойство атома матеріи вообще. «Каждый атомъ,—говоритъ онъ,—обладаетъ присущею ему суммою силъ и, въ этомъ смыслѣ, можетъ считаться одушевленнымъ. Безъ признанія «атомной души» самыя обыкновенныя и общія химическія явленія остаются непонятны. Довольство и недовольство, желаніе и отвращеніе, притяженіе и отталкиваніе должны быть присущи всѣмъ атомнымъ массамъ, потому что движенія атомовъ, происходящія при образованіи и разложеніи всякаго химическаго соединенія, объяснимы только при условіи признанія за атомами чувствительности и воли... Если воля человѣка и высшихъ животныхъ кажется свободною въ сравненіи съ «твердою» волею атомовъ, то это—обманъ, вызываемый чрезвычайно сложнымъ волевымъ движеніемъ первыхъ сравнительно съ чрезвычайно простымъ волевымъ движеніемъ вторыхъ». Геккель принимаетъ также, что каждый атомъ обладаетъ памятью, чѣмъ и объясняетъ, напримѣръ, скрытыя свойства различныхъ тѣлъ, способность кристаллизаціи въ постоянно одинаковыхъ формахъ, развитіе зародыша по опредѣленному плану и т. д.

Признаніе извѣстной способности чувствовать за атомами и молекулами раздѣляетъ и Негели, который признаетъ ее основнымъ свойствомъ бѣлковыхъ веществъ, а равно и всѣхъ прочихъ. Такъ какъ всѣ матеріальные процессы сводятся на движеніе матеріи, на притяженіе и отталкиваніе молекулъ и атомовъ, то послѣдніе должны обладать способностью испытывать впечатлѣнія и, сообразно съ характеромъ впечатлѣній, притягиваться или отталкиваться. Другими словами, идя сверху, отъ сознательнаго ощущенія человѣка, мы можемъ слѣдить за постепеннымъ упрощеніемъ его до низшихъ организмовъ и затѣмъ, въ простѣйшей формѣ, признавать его свойственнымъ и неорганической природѣ. Человѣческій духъ является при такомъ представленіи высшею ступенью развитія духовныхъ процессовъ, всюду оживляющихъ и двигающихъ природу. Въ своемъ наиболѣе общемъ значеніи духовная жизнь можетъ, слѣдовательно, разсматриваться какъ нематеріальное выраженіе матеріальнаго явленія, какъ посредствующее между причиной и дѣйствіемъ, а духовная сила—какъ способность матеріальныхъ частицъ вліять одна на другую. Эта способность, въ своей сущности, такъ же непонятна для насъ, какъ и высшія духовныя способности; всякій переходъ причины въ дѣйствіе мо-

жетъ быть только констатированъ, но не доступенъ пониманію, а изъ этого слѣдуетъ, по мнѣнію Негели, что поставленныя Дюбуа-Реймономъ границы недостаточны и неполны, или иначе—произвольны.

Въ прошломъ году, въ засѣданіи берлинской академіи наукъ 8 іюня, въ годовщину дня рожденія Лейбница, Дюбуа-Реймонъ отвѣтилъ на возраженія своихъ критиковъ. Въ отвѣтѣ Штраусу онъ заявилъ, что вопросъ о происхожденіи чувствительности и сознанія представляетъ гораздо бо̀льшія трудности для разрѣшенія, чѣмъ вопросъ о происхожденіи жизни. Еслибы мы достигли такого пониманія органическихъ процессовъ, какое имѣетъ астрономія о движеніяхъ нашей планетной системы, то наше стремленіе къ причинности могло бы быть удовлетворено. Жизнь обусловливается только извѣстнымъ распредѣленіемъ атомовъ и молекулъ и ихъ способностью къ извѣстнымъ движеніямъ. Не то представляютъ явленія чувствительности и сознанія. Обладая даже «астрономическимъ» знаніемъ всего, что происходитъ въ мозгу, мы нисколько не подвинемся впередъ въ объясненіи возникновенія сознанія. Съ другой стороны, Дюбуа-Реймонъ отрицаетъ пригодность Геккелевской гипотезы объ «атомной душѣ»,—гипотезы, которая, по его мнѣнію, ничего не объясняетъ, а только переноситъ на атомы неизъяснимую способность. Дюбуа-Реймонъ ставитъ также упрекъ Геккелю, что онъ не понимаетъ различія между волею и силою. «Удивительная эта воля атомовъ,—замѣчаетъ Дюбуа-Реймонъ,—проявляющаяся всегда въ двухъ субъектахъ,—воля, которая дѣйствуетъ неизбѣжно, желаетъ ли она или не желаетъ, и притомъ всегда въ прямомъ отношеніи произведеній массъ и въ обратномъ—квадратовъ разстояній.

Подтверждая недоступность для человѣка выставленныхъ имъ ранѣе предѣловъ, Дюбуа-Реймонъ, въ новѣйшей своей научной исповѣди, прибавилъ еще новые, болѣе тѣсные. Онъ принимаетъ теперь всего семь трудностей,—семь, такъ сказать, пороговъ для мысли,—изъ коихъ четыре непреодолимы или, какъ онъ выражается, трансцендентны. Трудности эти слѣдующія: 1) сущность матеріи и силы, 2) происхожденіе движенія, 3) первое возникновеніе жизни, 4) видимо-преднамѣренное, цѣлесообразное устройство природы, 5) возникновеніе простаго чувственнаго ощущенія, 6) разумная мысль и происхожденіе связаннаго съ нею языка, 7) вопросъ о свободѣ воли. Трансцендентными изъ нихъ онъ считаетъ: 1, 2, 5 и 7-ю, прочія же, т. е. 3, 4 и 6-я, по его мнѣнію, не могутъ еще считаться таковыми. Выше уже было сказано, къ чему сводятся явленія жизни и почему въ возникновеніи ихъ нельзя видѣть чего-либо абсолютно-недоступнаго пониманію. Теорія Дарвина дала съ своей стороны указаніе, что и четвертая трудность, цѣлесообразность природы, можетъ быть объясняема механически, изъ непреложно дѣйствующаго сцѣпленія обстоятельствъ. Нельзя считать трансцендентнымъ и шестую трудность, такъ какъ нельзя отрицать постепеннаго развитія духовныхъ способностей въ

животномъ царствѣ—отъ амёбы до человѣка и отъ новорожденнаго до взрослаго. Но иное дѣло, напримѣръ, вопросъ о сущности матеріи и силы, попытки разрѣшить который приводятъ только къ противорѣчіямъ. Также недоступенъ и вопросъ о первой причинѣ движенія, который можетъ быть разрѣшаемъ или признаніемъ сверхъестественнаго, т.-е. непостижимаго, вмѣшательства, или допущеніемъ также непостижимой гипотезы вѣчности движенія. Что касается пятой трудности, возникновенія ощущенія, то объ этомъ говорилось выше, а въ доказательство трансцендентности седьмой трудности Дюбуа-Реймонъ приводитъ тотъ фактъ, что она оставалась неразрѣшимою для всѣхъ вѣковъ и величайшихъ философовъ и что попытки разрѣшить ее всегда приводили къ противорѣчіямъ. По закону сохраненія энергіи мы не можемъ принимать ни возникновенія, ни уничтоженія силы, а только ея передачу по неизмѣннымъ законамъ. Съ другой стороны, однако, мы знаемъ, что нашъ духъ, наша мысль, можетъ оказывать вліяніе и на тѣлесные процессы. Между тѣмъ,—замѣчаетъ Ланге,—если допустить, что нематеріальный духъ можетъ по произволу вліять, хотя бы въ самой ничтожной степени, на движенія мозговыхъ атомовъ, то законы міровой механики тѣмъ самымъ должны утратить свою неизмѣнность. Разъ же нарушенъ будетъ порядокъ въ общемъ механизмѣ, это нарушеніе должно отозваться во всѣхъ частяхъ механизма и чѣмъ чаще и больше будутъ эти нарушенія, тѣмъ труднѣе будетъ примирить ихъ съ открываемою повсюду законностью и цѣлесообразностью въ природѣ. Поэтому приходится признать, что явлѐнія духовнаго міра также происходятъ по законамъ механики, какъ неизбѣжныя слѣдствія матеріальныхъ процессовъ; но такое признаніе, въ свою очередь, не можетъ быть примиримо съ нашимъ нравственнымъ чувствомъ. Нашъ духъ, хотя и связанъ съ тѣломъ, развивается вмѣстѣ съ нимъ и немыслимъ безъ него, но въ состояніи производить дѣйствія необъяснимыя съ точки зрѣнія матеріальнаго механизма, можетъ творить не пропорціонально закону сохраненія энергіи и передачи силъ. Въ результатѣ—трансцендентная трудность объяснить творчество и свободу воли.

Признавая все значеніе за философскими воззрѣніями Дюбуа-Реймона, мы не можемъ однако помириться съ его конечнымъ скептицизмомъ (послѣднюю рѣчь свою онъ заканчиваетъ мрачнымъ: «dubitemus»). Мы готовы согласиться съ Негели, что въ предѣлахъ, указываемыхъ Дюбуа-Реймономъ, есть значительная доля произвольности. Онъ самъ признаетъ, напримѣръ, что теорія Дарвина бросила новый свѣтъ на цѣлесообразность въ природѣ, почему же не допустить, что новые успѣхи знанія и связаннаго съ нимъ философскаго обобщенія не бросятъ новый свѣтъ и на другія «трудности». Съ другой стороны нельзя отрицать и того, что полное знаніе невозможно для насъ, даже относительно чисто-матеріальныхъ процессовъ. Современные натурфилософы, повидимому, забываютъ положенный Кантомъ предѣлъ для нашихъ познавательныхъ способностей.

Наше знаніе неизбѣжно должно быть конечно и ограничено, человѣку доступенъ только ничтожный уголокъ міра, да и въ немъ онъ можетъ познавать только измѣняющееся и преходящее. Вѣчное и постоянное, «какъ и почему», всего—для него недоступно; но въ этомъ уголкѣ все то, что проявляется какъ матеріальное движеніе или есть результатъ его,—все, что можетъ быть подвергнуто опыту и наблюденію, измѣренію и вычисленію,—все это составляетъ область доступную для человѣческаго духа. Это знаніе, положимъ, еще ничтожно, но оно несетъ въ себѣ зародыши, способные къ почти безконечному развитію, хотя и не можетъ никогда приблизиться къ божественному всевѣдѣнію.

Въ новѣйшее время ни одна идея не оказала можетъ-быть такого вліянія на прогрессъ науки, какъ идея эволюціи или развитія. Она вдохнула новую жизнь въ самыя различныя отрасли знанія и повела къ цѣлому ряду плодотворныхъ открытій и обобщеній, какъ это мы постараемся доказать въ одномъ изъ слѣдующихъ очерковъ.

Д—ъ.

Лубочныя картинки.

Русскія народныя картинки, изслѣдованіе въ 5 книгахъ съ алфавитомъ, въ 8-ю долю листа; къ нему атласъ въ большой листъ, содержащій въ себѣ болѣе 500 картинокъ. *Д. А. Ровинскаго.* С.-Петербургъ, 1881 года.

Tempora mutantur! говоритъ латинская пословица. Давно ли все народное считалось незаслуживающимъ просвѣщеннаго вниманія людей интеллигентныхъ? Давно ли сами ученыя общества считали унизительнымъ для себя интересоваться и толковать на своихъ собраніяхъ хотя бы, напримѣръ, о лубочной картинкѣ? О подобномъ фактѣ сообщаетъ Снегиревъ, извѣстный археологъ, который въ 1824 году, написавъ статью о лубочныхъ картинкахъ, хотѣлъ прочитать ее въ засѣданіи «Общества любителей россійской словесности», но *«нѣкоторые изъ членовъ,*—говоритъ онъ,—*сомнѣвались, можно ли допустить* въ Обществѣ разсужденіе о такомъ *пошломъ, площадномъ предметѣ».* Мало этого, еще въ сороковыхъ годахъ Бѣлинскому приходилось весьма энергично защищать Даля противъ «критиковъ аристократовъ», порицавшихъ этого писателя за его любовь къ простонародью; приходилось доказывать, что и мужикъ достоинъ ихъ просвѣщеннаго вниманія. «Мужикъ—человѣкъ, и этого довольно,—говоритъ Бѣлинскій,—чтобъ интересовались имъ такъ же, какъ и всякимъ бариномъ. Мужикъ—нашъ братъ по Христу, и этого довольно, чтобы мы изучали его жизнь и его бытъ, имѣя въ виду ихъ улучшеніе. Если мужикъ не ученъ, не образованъ, это не его вина»... и т. д. («Соч. Бѣлинскаго», томъ II, стр. 112). Такъ приходилось отстаивать право гражданства мужика въ литературѣ въ сороковыхъ годахъ.

Теперь не то. Теперь нѣтъ ни одного литературнаго журнала, ни одного общества, которые бы не интересовались жизнію народа, его нравами, обычаями, думами, вѣрованіями и т. п. Собранія народныхъ произведеній, каковы труды Сахарова, Кирѣевскаго, Даля и множество другихъ, являются несомнѣнными свидѣтелями интереса къ духовной жизни народа со стороны ученыхъ. Писатели беллетристы сдѣлали почти исключительною темой своихъ произведеній—народъ, его жизнь и его думы. Современному читателю подчасъ становится даже тяжело отъ этихъ постоян-

ныхъ экскурсій въ народъ, и у него вырывается невольная жалоба: «Наладили себѣ—народъ, да народъ, какъ будто на свѣтѣ другихъ и людей не осталось, кромѣ мужика!... Ну, пусть бы себѣ дѣйствительно народъ изображали, а то выходитъ чортъ знаетъ что́, только не народъ!»

Послѣдняя жалоба справедлива относительно нѣкоторыхъ нашихъ народописателей, которые дѣйствительно много пишутъ о народѣ, но самого народа не знаютъ: они его не изучали, близъ него не жили и говорятъ о немъ только по наслышкѣ.

Какъ безъ нравственной, такъ и безъ матеріальной помощи со стороны общества отдѣльнымъ лицамъ заниматься непосредственнымъ изученіемъ народа невозможно: кромѣ устраненія разныхъ временныхъ мѣшающихъ условій, для этого необходимы и матеріальныя средства. Разумѣется, бываютъ иногда счастливыя исключенія: являются отдѣльныя личности, которымъ подъ силу оказывается иногда такое дѣло, какое не могутъ выполнить даже цѣлыя общества. Къ числу такихъ богатырскихъ подвиговъ мы должны отнести недавно вышедшій трудъ г. Ровинскаго— «Русскія народныя картинки».

Онъ состоитъ изъ трехъ томовъ атласа и пяти большихъ томовъ текста, изъ коихъ къ каждому приложено по хорошо сдѣланной и раскрашенной лубочной картинкѣ. Въ первомъ томѣ атласа помѣщены «сказки и забавные листы», во второмъ—«историческіе листы», въ третьемъ—«духовные листы». Въ видахъ избѣжанія цензурнаго просмотра, атласъ изданъ только въ числѣ 250 экземпляровъ, изъ которыхъ нѣкоторые раскрашены красками. Пять томовъ текста составляютъ приложеніе къ атласу. Въ первыхъ трехъ томахъ описаны картинки, помѣщенныя въ атласѣ. Описаніе, надо замѣтить, сдѣлано самымъ тщательнымъ, самымъ добросовѣстнымъ образомъ: описаны не только древнѣйшіе рисунки извѣстной картинки, но и всѣ позднѣйшіе. При описаніи помѣщается древнѣйшая редакція текста съ соблюденіемъ ороографіи оригинала и съ указаніемъ на всѣ позднѣйшіе варіанты, причемъ указывается и величина картинки, и способъ, какимъ она гравирована, время и мѣсто ея появленія, а также и то, въ какомъ собраніи въ настоящее время находится ея оригиналъ; кромѣ того, къ первому тому приложено указаніе всѣхъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ, собраній народныхъ картинокъ, не только составляющихъ общественную собственность, но указаны даже и тѣ, которыя составляютъ собственность частныхъ лицъ. Если считать описаніе всѣхъ изданій одной и той же картинки, то въ приложенномъ текстѣ описано около 8.000 картинъ.

Четвертый томъ текста «заключаетъ въ себѣ примѣчанія къ описаніямъ, напечатаннымъ въ первыхъ трехъ книгахъ, и нѣкоторыя добавленія о картинкахъ, вновь пріобрѣтенныхъ мною,— говоритъ г. Ровинскій, — послѣ отпечатанія первыхъ трехъ книгъ» (кн. I, стр. IV).

Этотъ томъ представляетъ сырой матеріалъ, чрезвычайно полезный для разныхъ справокъ при работѣ, и, разумѣется, составляетъ почтенный

трудъ въ глазахъ спеціалиста, а профана заставляетъ подивиться, какъ много перечиталъ г. Ровинскій, какъ добросовѣстно изучалъ все, что имѣетъ хотя отдаленное соприкосновеніе съ вопросами, затронутыми народною картинкой. Только послѣ такого добросовѣстнаго изученія рѣшился написать г. Ровинскій свое *предисловіе*, какъ онъ называетъ содержаніе первой половины пятой книги текста. Оно знакомитъ съ исторіей гравированія народныхъ картинокъ, указываетъ значеніе послѣднихъ въ жизни, а также передаетъ и объ отношеніи къ нимъ цензуры. Вторая половина этого тома занята алфавитнымъ указателемъ ко всему изданію. О достоинствѣ этого указателя, которымъ намъ не разъ приходилось пользоваться, мы можемъ сказать, что онъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, какъ и вообще все изданіе, которое, повторяемъ, вполнѣ можетъ быть названо гигантскимъ подвигомъ со стороны одного лица.

«Предисловіе» автора, или первая половина пятаго тома, дѣлится на 14 главъ; изъ нихъ послѣднія одиннадцать отвѣчаютъ числу группъ, на которыя подраздѣляетъ собиратель всѣ картинки по ихъ содержанію.

Глава 1. Народныя картинки, рѣзанныя на деревѣ. Гравированіе на мѣди.

Глава 2. Откуда наши граверы заимствовали переводы (оригиналы) для своихъ картинокъ. Пошибъ, или стиль, рисунка и сочиненія въ народныхъ картинкахъ. Раскраска старинныхъ народныхъ картинокъ была весьма тщательная. Замѣтки о народныхъ картинкахъ на Западѣ и у народовъ восточныхъ, въ Индіи, Японіи, Китаѣ и на Явѣ. Народныя картинки, гравированныя черною манерой.

Глава 3. Продажа народныхъ картинокъ. Назначеніе и употребленіе ихъ. Надзоръ за производствомъ народныхъ картинокъ и цензура ихъ. Цензура царскихъ портретовъ.

Глава 4. Женщина (по взглядамъ *Пчелы*). Женитьба.

Глава 5. Ученіе въ старые годы.

Глава 6. Календари и альманахи.

Глава 7. Легкое чтеніе.

Глава 8. Легенды.

Глава 9. Народныя увеселенія. Пьянство. Болѣзни и лѣкарства противъ нихъ.

Глава 10. Музыка и пляска. Театральныя представленія въ Россіи.

Глава 11. Шутовство и шуты.

Глава 12. Шутовскіе листы на иностранцевъ. Каррикатуры на французовъ въ 1812 году.

Глава 13. Народное богомолье.

Глава 14. Картинки изданныя по распоряженію правительства.

Даже и такое краткое оглавленіе указываетъ на безконечное разнообразіе содержанія народной картинки. Чего не затрогиваетъ она? О чемъ не извѣщаетъ своего читателя? Какихъ интересовъ общественной и государ-

ственной жизни не доводитъ до его свѣдѣнія? Самъ собиратель вотъ какъ говоритъ о значеніи картинокъ, напримѣръ каррикатуръ на французовъ 1812 года: «Онѣ представляютъ намъ такъ сказать *лицевыя вѣдомости всего того, что происходило въ это достопамятное время, день за день;* геройскіе подвиги русскихъ Курціевъ и Сцеволъ, Наполеоновы неудачи и бѣгство—и конечное истребленіе его арміи» (кн. V, стр. 227). Лубочная картинка замѣняетъ для народа газету, журналъ, повѣсть, романъ, каррикатурное изданіе и т. д.,—однимъ словомъ, все то, что должна бы была давать ему интеллигенція, смотрящая на него какъ на одного изъ своихъ меньшихъ братьевъ, и чего до сихъ поръ не даетъ, оставляя своего меньшаго брата въ сторонѣ отъ своей умственной и общественной жизни.

Желая остаться въ предѣлахъ журнальной статьи, мы не имѣемъ возможности останавливаться подробно на всемъ разнообразномъ содержаніи собранныхъ картинокъ и первой половины пятой книги, такъ какъ тогда пришлось бы цѣликомъ передать все «предисловіе», дополняя его выдержками изъ первыхъ трехъ томовъ текста. Поэтому намъ придется остановиться подробно только на нѣкоторыхъ группахъ картинокъ, или главахъ «предисловія», а объ остальныхъ упомянуть такъ сказать «по пути», несмотря на то, что каждая группа задѣваетъ такое разнообразіе вопросовъ и такъ богата по своему содержанію, что каждая могла бы дать матеріалъ на отдѣльную большую статью.

I.

Народныя картинки стали прозываться *лубочными* только въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Ученые разно толкуютъ это названіе. Снегиревъ производитъ его отъ слова *лубъ*, на которомъ рѣзали первыя народныя картинки, Н. Трахимовскій—отъ *лубочныхъ коробовъ*, въ которые ихъ укладывали для продажи, а г. Ровинскій дѣлаетъ слѣдующее объясненіе: въ началѣ нынѣшняго столѣтія слово *лубочный* относилось ко всему, что дѣлалось непрочно, плохо, на скорую руку. Отсюда «понятно,—говоритъ онъ,—что и плохія картинки стали звать тоже *лубочными*» (кн. I, стр. III).

Такія гравированныя картинки на Западѣ появились еще въ XII в. и представляли самый дешевый способъ, доставлявшій народу изображенія святыхъ, Библію и Апокалипсисъ въ картинкахъ. Только со времени введенія книгопечатанія, замѣнившаго дешевую гравюру, гравированіе перешло въ область художества и имъ стали заниматься такіе художники, какъ Дюреръ и Гальбейнъ

У насъ гравированіе началось одновременно съ книгопечатаніемъ: при первой нашей печатной книгѣ «Апостолъ» (1564 г.) была приложена и первая гравюра, рѣзанная на деревѣ, изображавшая евангелиста Луку, а

отдѣльными листками картинки стали появляться только въ XVII в. Въ концѣ этого столѣтія гравированіе народныхъ картинокъ на Руси было сильно распространено: ему покровительствовалъ Петръ В. и даже выписывалъ изъ-за границы мастеровъ, которымъ платилъ жалованье за счетъ казны *). И только въ 1827 году правительство перестало держать казенныхъ граверовъ и распустило ихъ на всѣ четыре стороны.

Во второй половинѣ XVIII ст. рѣзаніемъ досокъ для народныхъ картинокъ занимались серебряники въ селѣ Измайловѣ: рѣзали они на мѣди, на деревѣ; картины уже рѣдко гравировались, а печатаніе ихъ происходило на фигурной фабрикѣ Ахметьева въ Москвѣ, у Спаса во Спасскомъ. Существовали печатни также и во Владимірской губ., Ковровскаго уѣзда, въ деревнѣ Богдановкѣ, и въ монастыряхъ: Кіевскомъ, Почаевскомъ, Соловецкомъ и другихъ.

Теперь уже нигдѣ не дѣлаютъ отпечатковъ съ мѣдныхъ досокъ, а изображеніе разныхъ монастырей и угодниковъ дѣлается въ Москвѣ и Петербургѣ литографскимъ способомъ.

Рисунки для своихъ картинокъ старинные граверы брали прямо съ иконъ, съ изображеній на церквахъ или же со стѣнъ царскихъ палатъ. Картинка «о нѣкомъ немилостивомъ человѣкѣ» взята съ паперти Симонова монастыря; изъ Чудова монастыря перешло въ картинку изображеніе Аргангела Михаила и молящагося ему человѣка. «Солнце съ зодіаками» взято изъ Коломенскаго дворца, съ потолка тамошней столовой. Въ XVIII в. сдѣлано очень много снимковъ съ французскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ картинокъ. Къ нимъ не рѣдко придѣлывался свой, доморощенный, текстъ, иногда совершенно не подходившій къ содержанію картинки, или же иностранный перекладывался на русскій ладъ, или подписывались вирши Сумарокова, Измаилова, причемъ иностранное происхожденіе картинки совсѣмъ забывалось. Извѣстная въ народѣ картинка: «Славный объѣдало и веселый опивало» занесена къ намъ изъ Франціи, гдѣ она изображала Людовика XVI.

Всѣ эти картинки продавались въ Москвѣ въ опредѣленныхъ пунктахъ: въ проломахъ у Никольской улицы, у церкви Гребневской Божіей Матери, у Троицы Листовъ, у Новгородскаго подворья и главнымъ образомъ у Спасскихъ воротъ. «Тутъ же,—говоритъ г. Ровинскій (т. е. у Спасскихъ же воротъ),—стояли и попы безъ мѣстъ, нанимавшіеся служить обѣдню; они расхаживали съ калачомъ въ рукѣ, торговались съ нанимателями и для большаго убѣжденія ихъ выкрикивили свое: «смотри, заку-

*) Такъ онъ выписалъ изъ Амстердама двухъ граверовъ: Адріана Шхонебека и Петра Пикара. Первый получалъ въ годъ жалованья по 600 эфимковъ; ему выдавалось по 20 четвертей хлѣба и былъ данъ постоялый дворъ. Въ ученье къ нему было отдано три русскихъ мальчика: Петръ Бунинъ, Алексѣй Зубовъ и Василій Томиловъ. По словамъ г. Стасова, никто изъ нихъ не проявилъ самостоятельнаго творчества.

шу!»—т. е. давай, что прошу, не то отвѣдаю калача, и тогда обѣдню служить будетъ некому» (кн. V, прим., стр. 25).

Картинки народныя встарину не рѣдко покупались для церквей и употреблялись вмѣсто деревянныхъ образовъ *). Вѣшались картинки также и въ царскихъ палатахъ для назиданія царскимъ дѣтямъ или же для обученія ихъ по этимъ картинкамъ географіи, исторіи и др. наукамъ.

Такъ, въ палатахъ царевича Петра Алексѣевича висѣли такія картинки и по нимъ Зотовъ обучалъ своего юнаго питомца наукамъ. Въ XVIII в. народныя картинки употреблялись какъ поздравительные листы.

Сначала надъ картинками не существовало никакой цензуры, никакого надзора. Съ 1674 года начинаютъ появляться указы о томъ, чтобы воспретить продажу такихъ картинокъ. Указамъ такого рода приходилось не разъ повторяться, а народныя картинки по-прежнему издавались и продавались, не желая знать ни о какихъ запрещеніяхъ, ни о какихъ указахъ. Пятнадцатаго мая 1790 года былъ «назначенъ особый цензоръ для разсмотрѣнія книгъ при управѣ благочинія съ тѣмъ, чтобъ управа отвѣчала за все сама» (кн. V, стр. 32). Съ 1826 года начинается дѣйствіе Шишковскаго цензурнаго устава, введеніе котораго обошлось въ 84.000 р. Но народныя картинки не хотѣли признавать и этого устава и по-прежнему продолжали выходить и распространяться въ народѣ, и только въ 1839 году онѣ были вытребованы въ цензурный комитетъ и процензурованы всѣ, начиная съ вышедшихъ въ 1812 году. А въ 1850 году, по Высочайшему приказу, «московскій генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій, приказалъ заводчикамъ народныхъ картинокъ уничтожить всѣ доски, не имѣвшія цензурнаго дозволенія, и впредь не печатать таковыхъ безъ онаго. Въ исполненіе этого приказанія заводчики собрали всѣ старыя мѣдныя доски, изрубили ихъ при участіи полиціи въ куски и продали въ ломъ въ колокольный рядъ. Такимъ образомъ прекратило свое существованіе безцензурное народное балагурство» (кн. V, стр. 35).

II.

Судя по приложенному выше оглавленію пятой книги текста, видно, что авторъ старался всѣ картинки раздѣлить на группы, располагая послѣднія соответственно ходу человѣческой жизни. Обычно, люди прежде всего знакомятся другъ съ другомъ, затѣмъ женятся, обзаводятся хозяйствомъ, семьей, воспитываютъ и обучаютъ дѣтей, которыя, научившись грамотѣ, принимаются за чтеніе книжекъ; въ промежутки между дѣломъ и дѣти, и родители забавляются, веселятся (вино, пляска, музыка, шутовство и т. д.), ѣздятъ въ чужія страны и ходятъ на богомолье.

Среди народныхъ картинокъ нѣтъ ни одной, которая бы спеціально знакомила читателя съ мужчиною, его нравомъ, характеромъ и давала бы

*) Въ XVII в. еще во многихъ церквахъ образа были бумажные.

ему тотъ или другой патентъ за его нравственныя и умственныя качества. Да и кто бы могъ заняться подобнымъ анализомъ,—не мужчина же самъ, который издавалъ картинку? Ему нѣтъ интереса дѣлать себя объектомъ и говорить о себѣ, какъ о чемъ-то постороннемъ, анализировать себя и указывать на свои слабыя стороны. Вотъ поэтому ни картинка, ни литература, какъ народная, такъ и интеллигентная, никогда встарину не разбирали мужчину, какъ объектъ. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находился вопросъ о женщинѣ: она всегда для мужчины нѣчто внѣшнее, что онъ можетъ разсматривать, судить какъ за ея нравственность, такъ и за умъ. И вотъ поэтому-то женщина давно судима и въ литературѣ, и на картинкѣ; о ней давно судятъ и рядятъ на всѣ лады; о ней трактуютъ и наши древніе духовные писатели, смотрѣвшіе на жизнь съ точки зрѣнія византійскихъ аскетовъ. Аскетъ, ушедшій *отъ соблазна* за стѣны монастыря и рѣшившійся подавить въ себѣ чувственность, видѣлъ въ женщинѣ все гадкое, все злое; онъ нерѣдко прозывалъ ее «окаянствомъ», «орудіемъ дьявола», — лучшаго слова въ его *святыхъ устахъ* для нея не находилось. Въ его глазахъ она была постоянною виновницей всего, что дурнаго дѣлалъ мужчина. Въ нашемъ древнемъ сборникѣ *Пчела* для женщины придумываются самыя отборныя названія: «она и ехидна, и скорпія, и левъ, и медвѣдь, и аспидъ, и василискъ, и похоть несытая, и неправдамъ кузнецъ, и грѣхамъ пастухъ» (кн. V, стр. 38).

Изъ этого сборника, а также и изъ другихъ духовныхъ писателей (Василія Великаго, Іоанна Златоуста) заимствовали сочинители текстъ и сюжетъ для своихъ картинокъ, если только онѣ касались женщины. Поэтому понятно отношеніе къ ней большинства народныхъ картинокъ.

Не лучше смотрѣлъ на нее и средневѣковый Западъ, съ одной стороны благоговѣйно преклонявшій передъ ней колѣна, съ другой—видѣвшій въ ней «соблазнъ и ехидство». Онъ указываетъ на тысячу любовныхъ продѣлокъ съ ея стороны. Такъ на капеллѣ французскаго монастыря въ Перигё изображена такая продѣлка женщины съ Аристотелемъ. Однажды Аристотель пожаловался царю Филиппу, что его сынъ, вмѣсто занятія наукою, ухаживаетъ за фрейлиной Филидою. Разумѣется, юношѣ было сдѣлано надлежащее внушеніе. Тогда Филида рѣшила отомстить Аристотелю за его непрошенное вмѣшательство въ ихъ счастье. Разъ, проходя мимо окна Аристотеля, она «подняла юбочку превыше колѣнъ, бросила ему горсть цвѣтовъ, да нѣсколько любовныхъ взглядовъ». Аристотель, несмотря на свои сѣдины, побѣжалъ за ней и сталъ просить о любви, предлагая ей взамѣнъ—чего хочетъ. Та потребовала, чтобъ онъ всталъ на четвереньки и провезъ ее по садовыхъ дорожкамъ. Онъ согласился, и она при большомъ стеченіи зрителей поѣхала на Аристотелѣ *).

---

*) У насъ эта картинка передѣлана на нравы Петровскаго времени, подъ названіемъ: «Нѣмка ѣдетъ на старикѣ». На картинкѣ представлена нѣмка въ

Въ собраніи г. Ровинскаго есть очень много картинокъ, которыя посвящены разнымъ любовнымъ продѣлкамъ со стороны женщинъ. Въ большинствѣ случаевъ онѣ заимствованы изъ иностранныхъ повѣстей. Наприм., картинка «Старый мужъ и молодая жена» заимствовала свой сюжетъ изъ «Декамерона» Боккачіо. Она раздѣлена на два отдѣленія. Справа представлено, какъ жена пируетъ за столомъ съ своимъ «любовникомъ», а слѣва— какъ мужъ изъ окна разговариваетъ съ женой, которая стоитъ на дворѣ и дѣлаетъ видъ, что хочетъ броситься въ колодезь. Внизу картинки приложенъ текстъ въ стихахъ, содержащій слѣдующую повѣсть.

Старый мужъ живетъ съ молодою женой. Сильно ревнивъ старикъ, и изъ боязни, чтобы жена куда не сбѣжала, каждую ночь запираетъ спальню на замокъ и ключъ кладетъ подъ кровать. Какъ-то разъ жена вскочила пораньше, взяла ключъ, отперла спальню и ушла къ своему «любителю». Проснулся мужъ,—нѣтъ жены! Разсердился, схватилъ ключи, заперъ всѣ двери на замокъ, сѣлъ къ окну и сталъ ждать:

«Откуда можетъ она прибѣжать?
Жена съ любителемъ веселилась
И ко двору мужа своего воротилась».

Вотъ стучитъ она въ ворота, а мужъ кричитъ ей въ отвѣтъ:

«Поди, каналья, отсюда прочь!
Нечестнаго ты отца дочь!»

Жена принялась оправдываться: говоритъ, что къ матери ходила,—мать сильно больна.

Мужъ и слушать не хочетъ ея оправданій. Тогда она, чтобы напугать мужа, грозитъ броситься въ колодезь:

«Отъ тебя убійца явлюся,—говоритъ она,—
Въ сейчасъ въ колодцѣ утоплюся».

Но мужъ не обратилъ вниманія на угрозы. Тогда она, схватила большой камень, бросила его въ колодезь и при этомъ испустила тяжкій вздохъ, сказавши:

«... прощай, мужъ, отъ тебя топлюся
И въ погибели нынѣ явлюся»,

а сама спряталась. Мужъ испугался, выбѣжалъ спасать ее. А она между тѣмъ пробралась въ домъ, заперла на ключъ двери и сѣла у окна. Мужъ не нашелъ жены и идетъ домой. Она, какъ увидала его въ окно, такъ разсердилась, что вся въ лицѣ измѣнилась:

турецкомъ убранствѣ. Она сидитъ верхомъ на старикѣ съ длинною бородой и держитъ въ рукахъ кувшинъ съ пивомъ и штофъ съ виномъ. Надпись гласитъ, что „нѣмка посулила старику пива, да съ ногъ его сбила“.

«Закричала: гдѣ ты, старый чортъ, гулялъ?

. . . .

Какія мнѣ отъ тебя радости?
Что ты творишь отъ жены на старости?
Тѣ ли твои дѣла, прелюбодѣй,
Твои ли это, старый злодѣй,
Хотя-бъ ты стыдъ возымѣлъ отъ людей!
Мною ли недоволенъ бываешь?
А другимъ прелюбодѣйницамъ склонность имѣешь.
Умри тутъ,—въ домъ не пущу,
А о тебѣ резонъ сыщу!
Диви уже на инаго человѣка молодаго...
Ты—чортъ семидесяти лѣтъ,
А совѣсти въ тебѣ нѣтъ».

Мужъ испугался:

«Во всемъ (говоритъ) виноватъ я предъ тобою...»

И повѣсть кончается словами:

«Хотѣлъ жену въ погибель ввести,
А жена могла къ себѣ въ склонность привести» (кн. I, стр. 249—252).

Но и наша доморощенная поэзія не чужда тѣхъ же темъ насчетъ женской невѣрности и безнравственности, только самъ народъ смотритъ на всѣ эти явленія жизни проще и трезвѣй, чѣмъ незнающій жизни аскетъ. Въ былинахъ жена Владиміра, Апраксія, то и дѣло измѣняетъ мужу: то влюбляется въ Касьяна, то въ Чурилу Пленковича... Народъ не казнитъ ея за это никакими дурными прозвищами, а относится весьма снисходительно, зная, что и самъ онъ далеко *не святой*, что и за нимъ водится много винностей...

Среди народныхъ картинокъ попадаются и такія, которыя изображаютъ женщинъ, торгующихъ собой. Къ числу ихъ между прочимъ принадлежитъ: «Панъ Трыкъ и Херсоня». Они оба изображены на картинкѣ франтами. Около пана стоитъ маленькая собачка, а на верху написано: «Я панъ Трыкъ—полна пазуха лыкъ; хоша три дни не ѣлъ, а въ зубахъ ковыряю. Моя охота — въ поле ходить, собачку при себѣ имѣть». Надъ Херсоней тоже сдѣлана надпись: «Я дамская персоня, а зовутъ меня Херсоня; по ночамъ не усыпаю, *всѣмъ вамъ Трыкамъ услугою. Идемъ въ поле, та будетъ намъ воле*» (кн. I, стр. 451 и 452).

Дѣвушка въ древней Руси, по словамъ Котошихина, сидѣла взаперти, словно птица въ клѣткѣ,—никто ея не видалъ, никого она не видала; ей даже съ женихомъ вплоть до свадьбы не дозволяли видѣться, а нерѣдко случалось, что и замужъ выдавали насильно. Иной разъ дѣвушка рада

бы замужъ совсѣмъ не идти, да исхода инаго для нея не было,—ну, и шла, за кого выдавали. Петръ I отдалъ приказъ, чтобы женихъ и невѣста непремѣнно видались нѣсколько разъ до свадьбы и чтобы вѣнчаніе совершалось съ ихъ общаго согласія. Разумѣется, только благодаря этому приказу, жизнь могла дать разсказъ о томъ, какъ дѣвушка не соглашается выйти за старика и прямо въ глаза высказываетъ жениху свой отказъ: «Не хочу идти за тебя, за стараго смерда, панурую свинью», говоритъ она. «Молодой дѣвицѣ честь и слава,—прибавляется въ концѣ разсказа,—а старому мужу—коровай сала» («Памят. стар. лит.»).

Хотя извѣстная доля свободы и проникла въ жизнь женщины со временъ Петра, но все же она еще долго не чувствовала себя вполнѣ человѣкомъ: еще долго условія и обычаи жизни не дозволяли ей самыхъ невинныхъ вещей, наприм. вступать въ разговоръ, вести бесѣду съ молодыми людьми и т. п. А между тѣмъ говорить такъ хотѣлось; хотѣлось любить того, кто пришелся по сердцу, высказать ему о своемъ чувствѣ, а иногда оттолкнуть ту непрошенную любовь, которая приходилась не по душѣ. Все это открыто, явно, женщина совершать не могла, а идти наперекоръ сложившимся обычаямъ не хватало ни смѣлости, ни энергіи. Тогда женщина, по примѣру Запада, вздумала прибѣгать къ способу нѣмаго разговора посредствомъ *мушекъ*, которыми встарину была мода облѣплять лицо, а также посредствомъ различныхъ цвѣтомъ костюма, причемъ каждый цвѣтъ имѣлъ свое особое значеніе. Это былъ своего рода шифрованный разговоръ, ключъ къ которому мы встрѣчаемъ въ народныхъ картинкахъ, проникшихъ къ намъ изъ Франціи, подъ названіемъ: «Реэстръ о цвѣтахъ и мушкахъ».

Толкованіе на цвѣта:

«Осиновый—гордость.
Бѣлый—чистота.
Померанцевый—радость.
Гулявый—гулянье.
Маковый—желанье.
Алый—любовь.

Толкованіе на мушки:

«Среди правой щеки—дѣва.
Среди лба—знакъ любви.
Промежъ бровей—соединеніе любви.
Надъ правою бровью—объявленіе печали.
Надъ лѣвою бровью—честь.
На вискахъ—болѣзнь, али простота».
(кн. I, стр. 256—257).

Но, разумѣется, этотъ нѣмой разговоръ никогда не исключалъ посредничества и вмѣшательства свахи въ дѣло свадьбы. Сваха нерѣдко и

теперь еще играетъ важную роль въ купеческихъ свадьбахъ. Потому не удивительно, что лубочная картинка выводитъ и ее на сцену: то она расхваливаетъ дѣвушекъ-невѣстъ и предлагаетъ жениху любую выбирать, то представляетъ роспись приданнаго, составленную въ самомъ шутовскомъ видѣ: «праздничный уборъ, въ которомъ лазятъ красть куръ черезъ заборъ; шлафоръ гулевой изъ рогожи соленой; жениху дюжина рубахъ моржевыхъ, да для танцевъ двѣ пары лортковъ ежевыхъ,—маленькій ларчикъ и при немъ слѣпой мальчикъ,—ароматникъ съ духами, да табакерка съ блохами,—рогъ съ чеснокомъ, да пузырь съ табакомъ,—сто аршинъ паутины, да поларшина гнилой холстины,—десять аршинъ сосновой коры съ поклонной горы...» (кн. I, стр. 370). Роспись начинается, обычно, приглашеніемъ къ жениху: «Слушай, женихъ, не вертись, а что написано—не сердись». Нерѣдко въ концѣ росписи прикладывается описаніе невѣстиной красоты: «пригожа и румяна, какъ обезьяна; во рту растетъ калина, а въ носу—рябина; свиной лобъ, а взоръ, какъ рыжій котъ; разновидные глаза, будто дикая коза; ходитъ по-нѣмецки, говоритъ по-шведски» (кн. I, стр. 273). Такая картинка обычно изображаетъ посреди комнаты круглый столъ. У стола сидитъ женихъ, а передъ нимъ лежитъ «роспись» приданаго. Его угощаютъ виномъ. «Приданая дѣвка» невѣсты указываетъ ему на роспись. Тутъ же находится и сама невѣста. Наконецъ дѣло слаживается и дѣвушка выходитъ замужъ.

Но не сладка бывала для женщины и семейная жизнь. Неприглядною рисуетъ ее и народная картинка. Нерѣдко мужчина, всласть покутившій и погулявшій во время холостой жизни, беретъ себѣ молодую жену и учитъ ее *по-домостроевски*, *плеткою*, а иногда просто издѣвается, тиранитъ. Такъ на одной картинкѣ («Мужъ жену бьетъ») изображено, какъ мужъ, поваливъ жену на полъ, бьетъ ее двухвосткою. Тутъ же, скрестивъ на груди руки, стоитъ невѣстка.

Нерѣдко эта издѣвка мужа надъ женой доходила до того, что онъ билъ ее чѣмъ ни попало, билъ до полусмерти, до собственнаго остервененія; а она?—ей оставалось покориться, — жизнь не давала другаго исхода: уйти отъ него, избавиться отъ сожительства съ такимъ «соколомъ» она не могла,—не могла помимо инаго прочаго потому, что «женитьба на Руси есть, а разженитьбы нѣтъ» (кн. V, стр. 54). А тутъ еще являлись на свѣтъ дѣти и еще сильнѣй скрѣпляли нежеланный союзъ. Теперь одной плети оказывалось мало,—нужна была другая на дѣтей. Она должна была вразумлять дѣтище и учить его уму-разуму.

Битье у насъ на Руси встарину сильно практиковалось, начиная съ семьи, школы, общества и кончая государствомъ. «Не однихъ только ребятъ били въ то время,—говоритъ г. Ровинскій:—господа подчивали свою крѣпостную прислугу «березовой лапшой съ ременнымъ масломъ», мужья били своихъ женъ для дѣтей, а дѣтей били «для людей», мастера били учениковъ, хозяева рабочихъ, сѣкли дворянъ, сѣкли фрейлинъ, били

придворныхъ и все это по тому правилу, что «за битаго двухъ небитыхъ даютъ»; такъ что при этомъ повальномъ битьѣ въ родномъ языкѣ нашемъ выработалось особое свойство, по которому изъ каждаго существительнаго имени *боевой глаголъ* можно выдѣлать:

— Ты что тамъ уронилъ?—спрашиваетъ буфетчикъ.

— Стаканъ,—отвѣчаетъ половой.

— Ужь я-те *отстаканю*!—грозитъ буфетчикъ.

— Наегорьте-ка Антошкѣ спину, мошеннику!—приказываетъ артельный староста.

— Нутка, припонтистемъ-ка его, братцы!—кричитъ артель.

И всѣмъ этотъ краткій, но энергическій языкъ понятенъ.

Давно уже отмѣнено тѣлесное наказаніе, а боевой глаголъ все еще остается и не скоро, должно-быть, выведется (кн. V, стр. 56 и 57).

Встарину, что *бить*, что *учить* было одно и то же; всякая школа стояла на битьѣ не только за провинность, но даже про-запасъ. На картинкѣ: «Похвала розгѣ» представленъ классъ: одинъ изъ учениковъ уже стоитъ на колѣняхъ, а учитель-монахъ спрашиваетъ его урокъ и при этомъ держитъ въ рукѣ розгу. Тутъ же надпись: «Безъ лозы младый не можетъ ся вразумити, а старый безъ жезла не можетъ ходити». Далѣе идетъ длинная похвала розгѣ, написанная въ стихахъ. Нерѣдко такая похвала помѣщалась въ самихъ букваряхъ.

Среди собранныхъ г. Ровинскимъ букварей самый замѣчательный «Букварь Каріоны Истомина», относящійся къ 1692 году. Онъ посвященъ «господину пречестнѣйшему Семеону Полоцкому». На первомъ мѣстѣ изображенъ Христосъ сидящимъ на престолѣ; на колѣняхъ у него развернута книга, въ которой написано: «Азъ премудрый вселихъ совѣтъ». По бокамъ изображены ученики со свитками. Текстъ начинается слѣдующими словами:

«Всетворцу Богу буди честь и слава:
Онъ бо людемъ всѣмъ въ дѣлѣ вся управа.
Письменъ когда ли кто хощетъ, учися,
Богу моляся, за дѣло имися».

Въ другихъ букваряхъ приложены еще обращики, какъ надо писать письмо, напр. къ архіерею, игумену, генералу, жены къ мужу, мужа къ женѣ, къ брату и т. д.

Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ этихъ букваряхъ, ариөметикахъ, космографіяхъ въ картинкахъ, находящихся въ группѣ учебниковъ; не будемъ также просматривать и богатой коллекціи портретовъ историческихъ дѣятелей Русской земли, хотя въ числѣ ихъ встрѣчаются довольно рѣдкіе экземпляры: портретъ Петра I, Екатерины I и Елизаветы Петровны. Послѣдній «по своему безобразію» былъ запрещенъ въ продажѣ. На немъ изображена императрица во весь ростъ съ крошечною короной на

головѣ. Кругомъ портрета сдѣлана рамка изъ амуровъ, птицъ и разныхъ растеній.

Къ этой же группѣ картинокъ г. Ровинскій относитъ афиши, объявленія изъ *Московскихъ Вѣдомостей* о рожденіи уродовъ, о знаменіяхъ на небѣ, летучіе листки о побѣдѣ и т. п.

Не менѣе богатый отдѣлъ въ собраніи составляютъ календари, альманахи и разныя гадательныя книжки, которыми нерѣдко отъ нечего дѣлать забавлялась цѣлая семья.

Какъ извѣстно, Петръ Великій въ 1699 году издалъ приказъ, чтобы новый годъ считать не съ 1-го сентября, какъ было прежде, а съ 1-го января. Первый такой январскій календарь былъ изданъ Ильею Копьевскимъ въ 1701 году въ Амстердамѣ, а затѣмъ въ 1706 году начали появляться и народные календари, отпечатанные гравированными досками. Самый замѣчательный изъ народныхъ календарей — такъ-называемый «Брюссовъ календарь», изданный на шести листахъ. Онъ называется Брюссовымъ потому, что составленъ по указанію Якова Вилимовича Брюсса, который составилъ себѣ въ народѣ репутацію колдуна. Въ *Русской Старинѣ* за 1871 годъ сообщается разсказъ о смерти этого человѣка. Тамъ говорится, что Брюссъ, умирая, приказалъ своему камердинеру послѣ смерти изрѣзать себя на куски и поливать живою водою, которая была составлена самимъ Брюссомъ. Камердинеръ такъ и сдѣлалъ: изрубилъ тѣло и сталъ поливать водою. Только-что куски начали было срастаться, какъ Петръ не позволилъ далѣе продолжать и велѣлъ зарыть тѣло Брюсса въ землю.

Въ этомъ календарѣ помѣщены святцы, астрономическія указанія, предсказанія погоды, наставленія о томъ, въ какое время надо жениться, когда бороду брить, «чтобы не скоро выростала», когда «власы съ головы стричь», чтобы мозгъ укрѣпляло, и т. д.

Кромѣ этого календаря, въ собраніи есть еще Брюссовъ календарь на 47 листахъ, изданный въ видѣ книжки. Онъ, разумѣется, еще полнѣе предыдущаго; въ него вошли: свѣдѣнія изъ свящ. исторіи, описаніе неба, таблицы разстояній русскихъ и иностранныхъ городовъ отъ Петербурга, географическія карты Московской и Петербургской губерній и т. д. Тутъ же собраны разнообразныя свѣдѣнія, которыя были разбросаны въ отреченныхъ книгахъ: такъ, при каждомъ мѣсяцѣ приложены предсказанія насчетъ нрава и судьбы человѣка, родившагося подъ извѣстнымъ знакомъ зодіака. Напримѣръ, «ребенокъ мужскаго пола, родившійся между 13-мъ декабря и 11-мъ января, студенъ, сухъ, женскаго обычая, непостояненъ, движимаго смысла, сладкословенъ, круглолицъ... Богу молится охотно, много думаетъ одинъ и не у многихъ бываетъ, охотно говоритъ съ собою самимъ, инако въ сердцѣ чаетъ, нежели словами» и т. д. «Ребенокъ женскаго пола, родившійся въ показанное время, пріобщается оной природѣ, цѣломудра разума, смѣющійся ротъ, возлюбится отъ людей велію благосты-

нею, пріидетъ къ чести и къ богатству отъ чуждыя руки и раздѣляетъ хлѣбъ свой со всякимъ» и т. д.

Среди собранія календарей встрѣчается рядъ гадательныхъ народныхъ книжекъ, изъ которыхъ до сихъ поръ пользуются особой популярностью: «Мартынъ Задека» и «Царь Соломонъ». Послѣдняя полна прорицаніями въ родѣ слѣдующихъ: «Съ трудомъ великимъ, человѣче, будетъ дѣло твое, о томъ пророкъ рече: милостивъ Богъ и всяку правду возлюби». Или: «Въ томъ много славы видитъ и сомнѣнія престать тебѣ отъ того дано».

Чѣмъ безсмысленнѣе бывали эти предсказанія, тѣмъ больше было охотниковъ усмотрѣть въ такой галиматьѣ смыслъ. Все равно, какъ въ рѣчахъ Ивана Яковлевича Курейши, портретъ котораго помѣщенъ во II-мъ томѣ атласа, подъ именемъ «студента холодныхъ водъ московскаго съумасшедшаго дома». Въ жизнеописаніи этого московскаго прорицателя помѣщено много вопросовъ, съ которыми къ нему обращались московскія барыни и барышни; и чѣмъ безсмысленнѣе бывалъ отвѣтъ со стороны Ивана Яковлевича, тѣмъ сильнѣе желали постигнуть его смыслъ. Вотъ для образчика нѣсколько такихъ вопросовъ и отвѣтовъ, помѣщенныхъ въ жизнеописаніи Ивана Яковлевича, написанномъ г. Прыжовымъ.

Вопросъ: Идти ли ей въ монастырь?

Отвѣтъ: Цорная риза не спасаетъ, а альна (бѣлая) риза у ереси не уводитъ; будьте мудри, яко ехидны, а цѣли, яко колюмби (голуби), и нетлѣненъ, яко арпоръ (деревья) кипариси и невки, и кедри...

Вопросъ: Жениться ли X?

Отвѣтъ: Безъ праци не бенды кололацы и т. д.

Г. Ровинскій, останавливаясь на личности этого московскаго предсказателя, вступается за него, говоря, что его нельзя отнести къ числу «тѣхъ лживыхъ пророковъ и *шпыней*, которые изъ своего пророчества дѣлали ремесло», а что Ив. Як. просто юродивый, запоздавшій своимъ появленіемъ на свѣтъ по крайней мѣрѣ на 300 лѣтъ (кн. IV, стр. 464).

А намъ кажется, что тотъ успѣхъ, какой онъ имѣлъ среди московскаго общества, говоритъ именно за своевременность его появленія. Москва по своей любви ко всему чудесному, сверхъестественному, не далеко ушла въ 300 лѣтъ отъ суевѣрія Іоанна Грознаго со всѣми его юродивыми. Еще до настоящаго времени среди московскаго интеллигентнаго общества встрѣчаются люди, которые отплевываются при встрѣчѣ на дорогѣ со священникомъ, не предпринимаютъ никакого дѣла въ понедѣльникъ и въ ужасъ приходятъ отъ числа тринадцать...

III.

Объучившись грамотѣ и возъимѣвъ желаніе заняться чтеніемъ, юноша, вмѣсто нашей современной беллетристической литературы, находилъ среди народныхъ картинокъ сказки, переводныя повѣсти и сатирическіе разсказы,

имѣвшіе близкую связь съ окружающей его дѣйствительностью. Но замѣчательно, что несравненно охотнѣе читались сказки и повѣсти переводныя, чѣмъ свои доморощенныя. Въ народныхъ картинкахъ встрѣчаются сказки только о двухъ изъ былинныхъ героевъ: объ Ильѣ Муромцѣ и Добрынѣ Никитичѣ—и то въ очень незначительномъ числѣ экземпляровъ, между тѣмъ какъ переводная съ итальянскаго сказка «О Бовѣ-королевичѣ» дошла до насъ въ 10 изданіяхъ съ 17 отдѣльными изображеніями.

Этотъ отдѣлъ — такъ-называемый легкое чтеніе — представляетъ несравненно больше заимствованнаго, чѣмъ своего, оригинальнаго *). Даже сказка о Добрынѣ Никитичѣ почти вся иностраннаго происхожденія и не имѣетъ почти ничего общаго съ разсказомъ о былинномъ героѣ. Самъ Илья Муромецъ, какъ и другіе богатыри, на картинкѣ изображенъ во французскомъ кафтанѣ XVIII в., въ длинномъ завитомъ парикѣ и ботфортахъ.

Нѣкоторыя изъ заимствованныхъ сказокъ такъ ловко передѣланы на русскій ладъ, что долгое время многія изъ передѣлокъ считались за оригинальныя **). Такова сказка «О томъ, какъ воръ у мужика корову свелъ», которая очень напоминаетъ нашего «мужика-простофилю», или «О томъ, какъ купилъ купецъ женѣ волшебнаго гуся».

«Гусь этотъ самъ на сковородку ложился, — говорится въ сказкѣ, — и жарился; а какъ его съѣдятъ, опять изъ косточекъ встаетъ и прежнимъ видомъ на дворъ гулять идетъ. Пришелъ къ хозяйкѣ какъ-то любовникъ, захотѣлось ей гусемъ его попотчивать, она и говоритъ гусю: «Лягъ на сковородку!» Не слушается гусь. Она и ударь его сковородникомъ— и присталъ сковородникъ одной стороной къ гусю, а другой—къ хозяйской рукѣ,—не можетъ оторвать его никакъ. Сталъ помогать любовникъ, да и самъ тутъ же къ сковороднику присталъ; и привелъ ихъ гусь обоихъ къ купцу,—только онъ и могъ ихъ отнять отъ сковородника»(кн. V, стр. 128).

Собственная фантазія сочинителя картинки рѣдко разыгрывалась даже на тему такъ-называемаго «скоромнаго» содержанія. Въ большинствѣ случаевъ сюжетъ и текстъ для такихъ картинокъ брался у Сумарокова, Измаилова или изъ «Письмовника» Курганова, который долгое время пользовался особою популярностью. Къ числу такихъ картинокъ,—на которыя, надо замѣтить, существовалъ немалый спросъ и которыя сильно расходились въ народѣ,—относятся: упомянутая выше «Старый мужъ и молодая

*) Съ нѣмецкаго взята сказка: „Объ Иванѣ-царевичѣ", о „Жаръ-птицѣ", „Объ уткѣ съ золотыми яичками" и др.; съ французскаго: „Петръ—золотые ключи", „Вѣтряная молочница Мелинта", „Повѣсть о купцовой женѣ и прикащикѣ": съ восточнаго, изъ „1001 ночи": „О чемъ ты смѣялся", „Шемякинъ судъ" и др.; съ итальянскаго: „О Бовѣ-королевичѣ" и отдѣльные эпизоды въ сказкахъ: „объ Иванѣ-царевичѣ", „Царь-дѣвицѣ", „Семи Семіонахъ"; изъ „Декамерона" Баккачіо: „Повѣсть о старомъ мужѣ и молодой женѣ".

**) Разсказъ „О женѣ Святогора и его ларцѣ" долго считался за оригинальный, а между тѣмъ онъ заимствованъ изъ „1001 ночи".

жена», «Снѣжный ребенокъ», «Лукавая жена», «Невѣрная жена», «Повѣсть о купцовой женѣ и о прикащикѣ» и др.

Текстъ для картинки «Снѣжный ребенокъ» взятъ у Измаилова. Картинка раздѣлена на двѣ части. Направо мужъ спрашиваетъ жену, откуда у нея взялся мальчикъ. Налѣво изображена тройка; въ ней катитъ купецъ съ мальчикомъ. Текстъ въ стихахъ содержитъ слѣдующую повѣсть. Разъ купецъ поѣхалъ по дѣламъ изъ Вологды въ Астрахань, оставилъ тамъ жену, а самъ отправился на Волгу. Дѣла задержали его въ отъѣздѣ цѣлыхъ три года. Черезъ три года пріѣзжаетъ онъ въ Астрахань за женой и вдругъ видитъ у нея мальчика лѣтъ около двухъ. Мужъ удивился и спрашиваетъ, откуда у нея взялся ребенокъ. Она отвѣчаетъ: сама родила. Мужъ дивится: «Три года ты безъ меня была» (говоритъ онъ ей).— «Что дѣлать? Виновата!

«Снѣжинка какъ-то въ ротъ попала мнѣ зимой
И оттого, родной мой,
Я сдѣлалась брюхата».

При этомъ она стала выхвалять ребенка, просить, чтобы купецъ поласкалъ его.

«... Купецъ приласкалъ
И болѣе жены распрашивать не сталъ».

Жена же между тѣмъ съ своей пріятельницей кумой тихонько подсмѣивалась надъ недогадливымъ мужемъ.

Разъ, лѣтъ черезъ шесть послѣ описаннаго событія, купецъ снова поѣхалъ въ Астрахань и взялъ съ собой «Петрушу—пасынка». Дѣлать нечего, отпустила жена ненагляднаго сынка. А мужъ взялъ, да и завезъ его въ Москву, въ сиротскій домъ, и возвращается домой одинъ. Жена выбѣжала его встрѣчать за ворота. «Гдѣ-жь Петинька, нашъ сынъ (говоритъ она)?

Охъ, не озябъ ли онъ?—«Нѣтъ, не озябъ, растаялъ
Онъ въ Астрахани отъ жаровъ.
Признаться, этого, жена, я самъ не чаялъ,
Да сдѣлался ужь грѣхъ такой...
Не мудрено: ребенокъ слабый, нѣжный,
А тамъ жары не то, что здѣсь:
Въ минуту, бѣдненькій, при мнѣ разстаялъ весь,—
И видно, что былъ снѣжный» (кн. I, стр. 270 и 271).

Гораздо оригинальнѣе и самобытнѣе выходили сатирическія картинки, хотя, по словамъ г. Ровинскаго, сатира въ народныхъ картинкахъ очень слаба, такъ какъ Петръ Великій запрещалъ сатиру подъ угрозой «злѣйшихъ истязаній».

Къ этому отдѣлу относятся: «Челобитная монаховъ Калязинскаго монастыря», «Быкъ не захотѣлъ быть быкомъ», «Дѣло о побѣгѣ бѣлаго

пѣтуха изъ Пушкарской улицы отъ своихъ куръ для производства съ чужими амуровъ», рядъ каррикатуръ на Петра Великаго и каррикатуры на иностранцевъ.

«Челобитная монаховъ Калязинскаго монастыря» заимствована изъ рукописи XVII в. и издана по приказанію императрицы Екатерины II, «съ цѣлью подорвать въ народѣ *предполагавшееся* со стороны его уваженіе къ монастырямъ и подготовить его къ знаменитому указу объ отобраніи монастырскихъ земель и имуществъ» (кн. V, стр. 144).

Калязинскіе монахи жалуются архіепископу на архимандрита Гавріила, что онъ заводитъ въ монастырѣ безобразныя новшества: «разогналъ изъ монастыря всѣхъ старыхъ и пьяныхъ, *такъ что некому пива сварить, некому за виномъ сходить*». Картинка изображаетъ наверху съ лѣвой стороны архіепископа, которому монахи подаютъ жалобу. Вдали направо виднѣется монастырь, а по срединѣ, ближе къ зрителю, монахи усердно стегаютъ двухвостыми плетками голаго монаха, который лежитъ на землѣ. За экзекуціей надзираютъ монахъ и самъ отецъ-игуменъ.

Не менѣе интересна другая сатирическая картинка: «Быкъ не захотѣлъ быть быкомъ», которая въ 40-хъ годахъ подверглась преслѣдованію полиціи,—въ ней видѣли аллегорію на расправу крестьянъ съ помѣщиками за ихъ жестокое обращеніе.

«Быкъ не захотѣлъ быть быкомъ (говорится въ текстѣ),
Да и сдѣлался мясникомъ.
Когда мясникъ сталъ бить его въ лобъ,
То, не стерпя его удару, ткнулъ рогами въ лобъ,
А мясникъ съ ногъ долой свалился,
То быкъ схватить топоръ у него потщился,
Отрубилъ ему руки, повѣсилъ его вверхъ ногами
И сталъ таскать кишки съ потрохами» и т. д. (кн. I, стр. 413).

Не забылъ народъ посмѣяться и надъ неправильными судами; онъ создалъ на нихъ цѣлый рядъ сказокъ: «Шемякинъ судъ», «Повѣсть объ Ершѣ Ершовичѣ», «Дѣло о побѣгѣ бѣлаго пѣтуха изъ Пушкарской улицы», и др.. Послѣдняя изображена на восьми картинкахъ, изъ которыхъ семь заняты изображеніемъ, какъ куры подаютъ прошеніе, а на восьмой представлена экзекуція, заданная пѣтуху за его беззаконное сожительство съ чужими курами.

Хотя Петръ I и запрещалъ сатиру, но крутыя мѣры, употребляемыя имъ при его преобразованіяхъ, такъ сильно раздражали приверженцевъ старины, что, несмотря на угрозы суроваго преобразователя, въ народѣ появлялись совершенно самобытныя, отличающіяся полною оригинальностью, сатирическіе листки. Самый популярный и самый замысловатый изъ нихъ: «Какъ мыши кота погребаютъ». Эта картинка выдержала много изданій. Она представляетъ пародію на погребеніе Петра Вел.,—«пародію на шутовскія церемоніи, которыя онъ такъ любилъ устраивать».

Вверху картинки сдѣлана надпись:

«Небылица въ лицахъ найдена въ старыхъ свѣтлицахъ, обрѣтена въ черныхъ тряпицахъ: какъ мыши кота погребаютъ, недруга своего провожаютъ, послѣднюю честь съ церемоніей отдавали. Былъ престарѣлый котъ казанскій, уроженецъ астраханскій; имѣлъ разумъ сибирскій, а усъ сусастерскій. Жилъ славно, ѣлъ, пилъ, плелъ лапти, носилъ сапоги... Умеръ въ сѣрый четвергъ, въ шесто-пятое число, въ жидовскій шабашъ».

Въ самыхъ древнихъ изданіяхъ этой картинки выставлены годъ, мѣсяцъ, день и часъ смерти Петра Великаго. На картинкѣ представлены погребальныя дроги, которыя везутъ 8 мышей, а за ними слѣдуетъ музыка. «Въ процессіи,—какъ говоритъ г. Ровинскій,—упоминается и участвуетъ все, что прямо или косвенно напоминаетъ дѣйствія Петра І-го: идутъ мыши, представительницы недавно пріобрѣтенныхъ и сосѣднихъ съ Петербургомъ областей: корелки, охтенки, шушера изъ Шлюшина съ ладожскимъ сигомъ въ рукахъ; далѣе въ 4-хъ мѣстахъ помѣщены мыши татарскія, которымъ отъ Петра пришлось особенно солоно; мыши лазарецкія, которыми переполняли землю Русскую Петровы побѣды и баталья. Мыши отъ вольныхъ домовъ, изъ большихъ питейныхъ погребовъ съ чарками, братинами, карцами, ушатами и стклянидами—напоминаютъ шутовскія процессіи всепьянѣйшаго собора, а мыши, которыя идутъ пѣшками, несутъ студеное кушанье мѣшками—прямо указываютъ на постановленіе князя-папы имѣть всегда на-готовѣ холодныя закуски на случай пріѣзда всепьянѣйшаго собора»... «Затѣмъ не представляется надобности,—прибавляетъ г. Ровинскій,—распространяться о томъ, кого разумѣлъ составитель картинки подъ именемъ котовой вдовы, чухонки-адмиральши Маланьи; замѣчу здѣсь, что указаніе на эту Маланью и на отправляемыя ею поминки кота—пиво и аладьи—введены въ текстъ картинки только въ изданіяхъ Елизаветинскаго времени, въ первыхъ же изданіяхъ объ этой Маланьѣ не упоминалось вовсе» (кн. V, стр. 157 и 158).

Много картинокъ было составлено раскольниками на своего недруга, Петра І-го, съ желаніемъ поглумиться надъ его дѣйствіями, которыя имъ были слишкомъ не по-нутру; но за неимѣніемъ мѣста мы не будемъ на нихъ останавливаться, а прямо перейдемъ къ сатирическимъ картинкамъ, написаннымъ для осмѣянія иностранцевъ.

Русскій человѣкъ если и смѣется надъ иностранцемъ, то очень добродушно; злая насмѣшка не вырывается у него до тѣхъ поръ, пока его чѣмъ-нибудь сильно не затронули, пока ему не сдѣлали больно. Онъ добродушно смѣется надъ хвастливостью поляка и легкостью нравовъ полекъ въ картинкѣ «Панъ Трыкъ и Херсоня», о которой мы говорили выше; такую же добродушную насмѣшку направляетъ онъ и на нѣмца въ картинкахъ: «Старый нѣмецъ на колѣняхъ у молодой нѣмки», «Молодая нѣмка кормитъ стараго нѣмца соской», и др. За то далеко не замѣчается того добродушія въ каррикатурахъ на французовъ 1812 года, на кото-

рыхъ изображается то, что пришлось выстрадать французамъ отъ нашихъ лютыхъ морозовъ и отъ злобы русскаго человѣка. Картинки такого содержанія продолжали появляться и послѣ 1812 года. Граверъ Теребеневъ издалъ всѣ свои каррикатуры на французовъ еще разъ въ 1815 г. въ уменьшенномъ видѣ, приложивъ ихъ къ азбукѣ, экземпляры которой въ настоящее время считаются очень рѣдкими.

Мы не будемъ останавливаться на этихъ каррикатурахъ, такъ какъ большинство изъ нихъ хорошо извѣстны русской публикѣ, да и къ тому же непріятно снова пробѣгать всю эту кровавую повѣсть двѣнадцатаго года, проникнутую шуткой, русскою издѣвкой надъ людьми, умирающими отъ голода, холода, а подчасъ и отъ русскаго звѣрства. «Въ одной Москвѣ и ея окрестностяхъ,—какъ сообщаютъ сохранившіяся записи,—въ продолженіе только 6 недѣль перебито около 30.000 французовъ; гусаръ Самусь съ компаніей перебилъ въ Смоленской губ. болѣе 3.000 ч.; однихъ труповъ было сожжено тамъ до 70.000; въ губерніяхъ Московской, Витебской и Могилевской поднято 253.000 тѣлъ; въ городѣ Вильнѣ и его окрестностяхъ, всего на двухъ верстахъ, насчитано ихъ 5[illegible].000» (кн. V, стр. 289—290).

Остановимся только на одной картинкѣ изъ этой группы, пущенной въ народъ самимъ Растопчинымъ послѣ 1812 г., подъ названіемъ: «Корнюшка Чихиринъ, московскій мѣщанинъ». Она изображаетъ кабакъ. Корнюшка только-что вышелъ оттуда и, услыхавъ, что Бонапартъ хочетъ идти въ Москву, разсердился и изругалъ скверными словами всѣхъ французовъ, затѣмъ обратился къ народу съ такою рѣчью:

«Къ намъ милости просимъ хоть на святки, хоть и на масляницу, да и тутъ жгутами дѣвки такъ припопонятъ, что спина вздуется горой. Полно демономъ-то наряжаться! Молитву сотворимъ, такъ до пѣтуховъ сгніешь. Сиди-ка лучше дома, да играй въ жмурки, либо въ кулючки. Полно тебѣ фиглярить: вѣдь, солдаты-то твои карлики—ни тулупа, ни рукавицъ, ни малахая, ни онучъ не надѣнутъ,—ну, гдѣ имъ русское житье-бытье вынести? Отъ капусты раздуетъ, отъ каши перелопаются, отъ щей задохнутся, а которые въ зиму-то и останутся, такъ крещенскіе морозы поморятъ» и т. д. въ томъ же духѣ. Кончивъ свою рѣчь, онъ пошелъ и запѣлъ: «Во полѣ береза стояла», а народъ, слушавшій, дивился: «Откуда берется?! А что говоритъ дѣло, то ужь дѣло!»

Нечего говорить, какимъ пошлымъ ухарствомъ вѣетъ отъ этой картинки, какъ и отъ другихъ подобныхъ, пущенныхъ въ народъ Растопчинымъ по уходѣ французовъ изъ Москвы...

Чтобы покончить съ отдѣломъ картинокъ, доставлявшихъ народу легкое чтеніе, мы должны упомянуть о легендахъ, духовныхъ стихахъ, составляющихъ содержаніе 3-го тома атласа и текста. Здѣсь весь ветхій и новый завѣтъ въ его апокрифическомъ видѣ: тутъ и картинки страшнаго суда, и хожденіе Богородицы по мукамъ, и рядъ житій святыхъ, и от-

дѣльныя изображенія иконъ—Иверской Божіей Матери, Троеручицы и др. съ текстомъ легендарнаго характера, нерѣдко заимствованнымъ изъ словъ нашихъ древнихъ проповѣдниковъ *). Тутъ же помѣщена и крайне любопытная картинка, названная: «Аптека духовная, врачующая грѣхи», съ чрезвычайно любопытнымъ текстомъ, выпиской котораго мы и закончимъ эту главу.

На картинкѣ изображенъ Христосъ. Онъ сидитъ за столомъ и держитъ въ рукахъ вѣсы. На столѣ видны лѣкарства, слѣва—монахъ. Въ текстѣ написано:

Въ аптеку вошелъ человѣкъ и спрашиваетъ: «есть ли такое лѣкарство, которое исцѣляетъ отъ грѣховъ?»—Врачъ, сидящій тутъ, отвѣчаетъ: «Есть. Аще хощеши сіе, ископай корень нищеты духовныя, на немъ же вѣтви молитвенныя и цвѣтъ смиренія, сорви его рукой беззлобія, изсуши постнымъ воздержаніемъ, сотри терпѣливымъ безмолвіемъ, просѣй ситомъ чистой совѣсти, всыпь въ котелъ послушанія, налей водой слезною, накрой покрышкой любви, подпали теплотой сердечною и, довольно упаривши, высыпь на блюдо разсужденія, часто прилагай на раны сердечныя—и тако умалиши множество грѣховъ» (кн. III, стр. 53).

IV.

«Дѣлу время, потѣхѣ часъ»,—говоритъ пословица. Но не велико разнообразіе удовольствій, доступныхъ мужику, не великъ репертуаръ его забавъ. Семикъ, масляница, кулачные бои, да Мишка-медвѣдь — вотъ и все, на чемъ онъ отдыхалъ. Поневолѣ приходилось отъ скуки частенько заглядывать въ «цѣлительную аптеку», какъ именуется въ картинкахъ кабакъ. Но и изъ этого ничтожнаго репертуара народныхъ удовольствій уже давно изгнаны кулачные бои, Мишка-медвѣдь, а въ послѣднее время замѣтно также настоятельное желаніе уничтожить семикъ — этотъ первый весенній праздникъ на лужкѣ или въ рощѣ съ завиваньемъ вѣнковъ, не давъ взамѣнъ его никакого другаго увеселенія... Послѣ этого нисколько не удивительно, что кабакъ получаетъ все больше и больше правъ гражданства.

Семикъ на картинкѣ обычно изображается вмѣстѣ съ масляницей подъ видомъ мужчины и женщины, съ текстомъ въ родѣ слѣдующаго:

«Честь и похвала, какъ масляница семика себѣ въ гости звала, честно величала: другу моему милому, дорогому пріятелю, живому моему неосужателю, углю горящему, камыку цвѣтящему среди ночи осенния. Семикъ же не облѣнился и такъ ее весело за руку принимаетъ и честно ее величаетъ: душа моя, масляница, перепелиная твоя косточка, бумажное

*) Такъ притча «О слѣпцѣ и хромцѣ» взята изъ слова Кириллы Туров., а послѣдній заимствовалъ ее изъ «1001 ночи».

твое тѣло, сахарныя твои уста». На картинкѣ много отдѣльныхъ изображеній: тутъ и печь съ блинами, и мужъ съ женой, успѣвшіе напиться и подраться, и катанье на санкахъ, и кулачные бои...

Во время масляницы, какъ извѣстно, постоянно устраиваются балаганы; въ промежутки между представленіями знаменитаго Петрушки играетъ музыка. Среди картинокъ есть одна, которая прямо называется «Музыка».

На ней изображены двѣ разряженныя женщины: одна поетъ по нотамъ, а другая играетъ на рылѣ (цитрѣ). Налѣво отъ нихъ изображенъ музыкантъ на «дудѣ»; на головѣ у него трехъугольная шляпа. Въ серединѣ между музыкантами представленъ «Петрушка» въ дурацкомъ колпакѣ, а надъ нимъ надпись: «Сколько я въ компаніяхъ ни танцовалъ, а такой музыки не видалъ. Ахъ, та меня утѣшаетъ, что хорошо на рылѣ играетъ».

Есть также отдѣльныя картинки съ изображеніемъ кулачныхъ боевъ, къ развлеченію которыми русскій народъ прибѣгалъ не только въ длинные праздники, какова масляница, а нерѣдко и во всякое свободное время, чтобы поразмять уставшіе отъ работы члены. Популярными кулачными борцами на народныхъ картинкахъ являются: «Парамошка и кадыкъ Ермакъ». Они изображаются съ засученными рукавами, въ особаго рода обуви: у Парамошки одна нога въ буракѣ, а другая — голая. Надъ Ермошкой сдѣлана надпись: «Ей, братъ, Парамошка! Худо ты шутишь надо мной, кадыкомъ Ермошкой: хотя бы ты изодралъ всю мою рожу, только не замалъ бы моей одежи. Знаешь ты самъ, что у нашего брата фабричнаго для блохъ не держится много платья лишняго» и т. д.

Останавливаясь на картинкахъ подобнаго содержанія, г. Ровинскій сообщаетъ исторію кулачныхъ боевъ у насъ и при этомъ разсказываетъ о такихъ русскихъ силачахъ, которые однимъ ударомъ вышибали изразцы изъ печки. Вотъ одинъ такой разсказъ, слышанный имъ отъ нѣкоего московскаго старожила. «Разъ игралъ Трещало (извѣстный въ Москвѣ силачъ) съ чиновникомъ Ботинымъ на билліардѣ въ трактирѣ, да и поссорились; развернулся Трещало его ударить, да тотъ увернулся,—Трещало и попалъ кулакомъ въ печь, да такъ цѣлый изразецъ изъ печи вонъ и вышибъ. Тутъ ударилъ Трещалу Ботинъ, да угодилъ прямо въ високъ и убилъ его сразу; начали было его таскать по судамъ, но графъ Орловъ (любившій кулачн. бои и силачей) выручилъ его» (кн. V, стр. 222). Убійство во время единоборства вообще «ни во что вмѣнялось».

Представленія Мишки-медвѣдя не пріурочивались къ какому-нибудь празднику,—они были постоянною забавой не только народа, но и самихъ царей. По словамъ г. Ровинскаго, зрѣлище съ медвѣдемъ любила и императрица Елизавета Петровна. Для нея обучали медвѣдей танцевать въ Невской лаврѣ. «Въ 1754 году послано было туда изъ дворцоваго кабинета два медвѣдя келейнику Корнову, который и донёсилъ о нихъ, что

одного онъ обучилъ «ходить на заднихъ лапахъ даже *въ платьѣ*», а «другой-де медвѣденокъ *къ наукамъ не понятенъ*, весьма сердитъ» (кн. V, стр. 231).

Но у царей и вообще у людей высшаго, достаточнаго класса, кромѣ медвѣдей, были и свои, спеціально только имъ доступныя увеселенія: театральныя представленія, шуты съ шутихами и карлики съ карлицами. Народная картинка не преминула сказать и о нихъ. Она дала, въ видѣ книжечекъ, полную комедію «О блудномъ сынѣ» Симеона Полоцкаго, съ изображеніемъ нашей древней сцены, гдѣ актеръ стоитъ въ шляпѣ и въ чулкахъ. На плечахъ у него надѣтъ плащъ съ перекинутымъ шарфомъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ у насъ въ театрѣ находится рампа, на картинкѣ изображено 5 ночниковъ. Въ залѣ видны зрители.

Не менѣе интересны интермедійныя картинки: онѣ изображаютъ интерлюдіи или интермедіи, которыя обычно давались между отдѣльными актами мистерій. Сюда относятся картинки: «Точильщикъ Носовъ», «Разговоръ пьющаго съ непьющимъ», «мальчика съ книжникомъ», «жениха со свахой» и др. Для образчика выпишемъ нѣсколько строкъ текста изъ разговора книжника съ мальчикомъ. Послѣдній спрашиваетъ ученаго: «Господинъ философъ, скажите, какая есть лучшая вещь въ свѣтѣ?» *Книжникъ*: «Вѣрный другъ». *Мальчикъ*: «Нѣтъ, добрая совѣсть и того лучше. Какая есть первая заповѣдь Божія?» *Кн.*: «Сія: да не будутъ тебѣ бози, развѣ мене». *Мал.*: «Не та: ибо впервые по сотвореніи Адама запретилъ Богъ ему отъ древа добра и зла—не яждь» и т. д. (кн. I, стр. 477).

По словамъ г. Ровинскаго, изъ текста этихъ картинокъ Мельниковъ выхватывалъ цѣлые стихи и вкладывалъ въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ, а Даль и Снегиревъ выписывали отсюда свои пословицы.

Одной изъ любимѣйшихъ барскихъ забавъ, какъ мы уже сказали выше, были шуты и шутовство, которое ведетъ свое начало изъ Италіи. У насъ не только Іоаннъ Грозный любилъ шутовъ, до нихъ былъ большой охотникъ и Петръ I-й, который нерѣдко, ради отдыха, устраивалъ разные шутовскіе праздники и процессіи. Такъ, извѣстны его постановленія относительно созданнаго имъ всепьянѣйшаго собора, которыя не могли не отразиться на народныхъ картинкахъ. «Посвященіе изъ простыхъ людей въ чиновные чумаки» представляетъ пародію на церемонію всепьянѣйшаго собора, «гдѣ пьяный архижрецъ рукополагаетъ нетрезваго члена».

Картинка изображаетъ кабакъ. За стойкой стоитъ цѣловальникъ, а около него нѣсколько чумаковъ; надъ стойкой виситъ картинка съ надписью: «Нынѣ пей на деньги, а завтра въ долгъ».

«Двѣнадцать чумаковъ въ бѣлыхъ балахонахъ ведутъ новопоставляемаго въ кабацкій покой, въ которомъ стоитъ бочка и на ней сидитъ Бахусъ; у послѣдняго въ рукахъ штофъ съ рюмкой. Тутъ же стоятъ двѣ

обрюзглыя отъ пьянства бабы въ pendant всешутѣйшимъ игуменьямъ, присутствовавшимъ по уставу всепьянѣйшаго собора» (кн. V, стр. 266). Цѣловальникъ рукополагалъ новопоставляемаго. «Для завершенія всей церемоніи, хозяинъ, взявъ сулейку отъемной водки и наливъ рюмку, окачиваетъ новопоставляемаго съ головы до ногъ и вручаетъ ему мѣрникъ, мѣру, воронку и ливеръ и отпускаетъ его въ уготованный ему домъ, что называется кабакъ».

Несмотря на то, что Анна Леопольдовна издала приказъ уничтожить всѣ дурацкія должности, шуты еще долго держались у насъ при дворѣ: они встрѣчаются еще при Екатеринѣ II и при Павлѣ Петровичѣ.

Въ народныхъ картинкахъ придворные шуты изображались подъ именемъ Гоноса и Фарноса. Картинка: «Фарносъ-музыкантъ» изображаетъ Фарноса въ польскомъ костюмѣ со скрипкою въ рукахъ, а около него, справа, сидитъ ворона; внизу написано: «Здравствуйте, почтенные господа, я пріѣхалъ къ вамъ музыкантъ сюда. Не дивитесь на мою рожу, что я имѣю у себя не очень пригожу, а зовутъ меня молодца—Петруха-Фарносъ, потому что у меня большой носъ. Три дня надувался, въ танцевальные башмаки обувался, а какъ въ танцевальное платье совсѣмъ облокся, къ дѣвушкамъ и поволокся» и т. д.

Есть и такія картинки, которыя прямо называются: «Шутъ и шутиха». Но рядомъ съ придворными шутами, привезенными съ Запада, у насъ были и свои шуты доморощенные—русскіе. Ихъ обычныя имена: Ѳома, да Ерема, которому постоянно совѣтуютъ сидѣть дома, а онъ то и дѣло на народъ идетъ, всюду суется. Обоимъ имъ всегда во всемъ неудача, за что бы они ни взялись: охотой ли вздумаютъ заниматься, да ихъ собаки не слушаютъ; рыбу ли вздумаютъ ловить... Вотъ какъ о послѣднемъ говорится въ текстѣ картинки: «Ерема купилъ сѣтку. Ѳома — неводъ. Ерема сѣлъ въ лодку, Ѳома—въ челнокъ. Ерема въ весла гребетъ, а Ѳома раки беретъ. Ерема опрокинулся въ воду, Ѳома—на дно. Оба упрямы, со дна не идутъ. По Еремѣ блины, по Ѳомѣ — пироги, а начинку выклевали воробьи».

У Еремы есть еще братъ Пашка, съ которымъ онъ изображается на одной изъ картинокъ. Про него говорится: «Мужикъ-Пашка поѣлъ кашки, испилъ бражки и сѣлъ на козлища, взялъ ножища и хочетъ заколоть; а братъ его Ермошка заворотилъ ему хвостище» и т. д.

Тутъ же встрѣчаются картинки съ изображеніемъ карликовъ и карлицъ, которыя обычно представляются франтами въ моментъ ухаживанья другъ за другомъ.

Карлики были любимою забавой какъ царей, такъ и придворныхъ. По словамъ Вебера, «на ужинѣ у князя Мещерскаго Петру Великому подали большой паштетъ, изъ котораго, когда сняли верхнюю корку, выскочили на столъ двѣ карлицы» (кн. V, стр. 274).

Но самымъ постояннымъ развлеченіемъ не только для богатыхъ, но и для бѣдныхъ было вино. Нашъ мужикъ, какъ извѣстно, пьетъ и съ радости, пьетъ и съ горя. Никакого событія въ его жизни не обходится безъ водки: родится ли въ семьѣ ребенокъ,—онъ пьетъ на родинахъ, пьетъ на крестинахъ; умираетъ старый дѣдъ,—пьетъ на поминкахъ; покупается новый кафтанъ,—пьетъ ради поздравленія съ обновкой и т. д. Естественно послѣ этого, что народная картинка отводитъ не мало мѣста этому вѣчному спутнику нашего народа — водкѣ. Къ числу интересныхъ изъ этой группы картинокъ можно отнести: «Аптеку цѣлительную съ похмѣлья», на которой въ два яруса изображенъ старинный кабакъ. Въ нижнемъ ярусѣ надпись: «гдѣ хотите, тутъ деритесь, а на кабакѣ помиритесь». Тутъ и въ карты играютъ, и пьютъ, и забавляются. «Тутъ и судъ, и питра,—какъ выражается цѣловальникъ въ «Очеркахъ народнаго быта» Гл. Успенскаго.—И все-жъ, ежели задумали порѣшить какое дѣло, сейчасъ всѣ гурьбой идутъ къ кабаку, почему—что нѣтъ мѣста тоже, чувствія такого нѣтъ въ другомъ мѣстѣ». Кабакъ—это народный клубъ, гдѣ мужику привольнѣе дышется, чѣмъ дома, гдѣ и воздуху больше, и удобствъ больше,—гдѣ онъ хоть немного можетъ забыться отъ голодной дѣйствительности и непосильныхъ податей.

Внизу подъ картиной «Цѣлительная аптека» подписано: «Сія аптека содержитъ въ себѣ такія зелья, которыми лѣчатъ съ похмѣлья, токмо въ ней водка, вино, пиво, да надлежитъ оныя разумно употреблять, чтобы и послѣдняго ума не потерять; а именно—*по три раза* въ сутки, безъ всякой смутки» и т. д.

Не менѣе любопытна другая картинка, которая пересчитываетъ, до чего доводятъ чарки — первая, вторая, третья и т. д. Она носитъ названіе: «Пьянственная страсть».

«Первая чарка пить—здорову быть.
Повторить—умъ обвеселить.
Утроить—умъ устроить.
Четвертая пить—неискусну быть.
Пятая пить—за пьянство будутъ бить.
Шестая поразитъ, то и умъ отразитъ.
Пить седьмая—найдетъ мысль шальная.
Коснуться осьмой—будетъ что сонной.
Аще будетъ девятая пить, то будетъ себя и въ грязи валять» и т. д. (кн. I, стр. 323).

Чарка же служила для мужика и лѣкарствомъ отъ всякой немощи; за неимѣніемъ надлежащей медицинской помощи, въ случаѣ заболѣванія, онъ идетъ въ кабакъ, который не даромъ же прозывается «цѣлительной аптекой», или же обращается къ своей другой цѣлительницѣ—банѣ, куда призываетъ доморощенную лѣкарку—«бабушку». Въ собраніи г. Ровинскаго

есть нѣсколько картинокъ, изображающихъ, какъ бабушка въ банѣ встряхиваетъ больную женщину или ставитъ ей на животъ горшокъ. Если же это не помогаетъ, то болѣе высшую медицинскую ступень для него составляетъ «помощь угодниковъ». У него каждый святой отъ своего недуга помогаетъ: Антипій — отъ зубной боли, Казанская Божія Матерь — отъ глазныхъ болѣзней, и т. д. Въ числѣ картинокъ есть такая, гдѣ переименованы всѣ святые, врачующіе отъ того или другаго недуга.

Въ 1866 году въ Кіевѣ былъ изданъ приказъ — запретить этотъ листокъ, такъ какъ «онъ составленъ подъ католическимъ вліяніемъ». Листокъ былъ отнятъ, но вѣра въ цѣлительную силу угодниковъ отъ этого, разумѣется, не умалилась; этою вѣрой до сихъ поръ исцѣляется народъ, такъ какъ научныхъ медицинскихъ цѣлителей, несмотря на всѣ хлопоты земствъ, возлѣ него все-таки не оказывается *). Потому не удивительно, что названный листокъ пользовался въ народѣ особой популярностью: онъ имѣлъ 7 изданій.

Но среди картинокъ нѣтъ ни одной, гдѣ бы указывались цѣлительныя травы, къ пользованію которыхъ народъ очень часто прибѣгаетъ и съ которыми до сихъ поръ, къ стыду своему, не знакома наша ученая медицина, а между тѣмъ ей это весьма бы не мѣшало знать...

На богомолье можно тоже указать, какъ на одно изъ самыхъ сильныхъ медицинскихъ средствъ, къ которому народъ обращается при безнадежныхъ случаяхъ, въ минуты полнаго отчаянія. Впрочемъ, богомолье для русскаго человѣка является отдыхомъ, отъ котораго хоть и покроются ноги мозолями, да душа отдохнетъ: на волѣ птичекъ-пташекъ наслушается, травокъ и «растеніевъ» всякихъ на свободѣ наглядится, думъ иныхъ надумается, а то вся она, душа-то, сидя дома, замуравилась, нуждой-бѣдностью покрылася... Богачъ тоже ѣздитъ на богомолье, только изъ иныхъ побужденій: онъ чаще всего ѣздитъ свои грѣхи замаливать или же благодарить за какую-нибудь удавшуюся выгодную коммерческую операцію. Среди собранія г. Ровинскаго встрѣчаются изображенія тѣхъ монастырей, которые особенно посѣщались богомольцами: «Старый Іерусалимъ», «Кіево-Печерская лавра» и др. На нѣкоторыхъ картинкахъ съ изображеніемъ монастырей встрѣчаются такія надписи: «Не благоугодно ли что пожертвовать на украшеніе обители?» Обычно архимандриты разсылали такія картинки къ богатымъ купцамъ. — Эти изображенія монастырей заставляютъ г. Ровинскаго остановиться на русскомъ паломничествѣ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, причемъ онъ очень подробно говоритъ объ Іерусалимѣ, какъ очевидецъ, и приводитъ разсказъ братьевъ Вишняковыхъ о путешествіи въ Іерусалимъ и Благовѣщенскаго — о снисхожденіи св. огня въ іерусалимскомъ храмѣ.

*) Въ Рязан. и Москов. губ., въ самыхъ населенныхъ мѣстностяхъ, гдѣ всѣ деревни и села (село Клишино, Горы, Озера и т. д.) переполнены фабриками, — до настоящаго времени на разстояніи болѣе *40 верстъ нѣтъ ни одного врача.*

V.

Послѣдняя группа картинокъ, названная: «Картинки, изданныя по распоряженію правительства», весьма небогата по числу. Такихъ картинокъ въ собраніи одиннадцать: «Смѣхотворная просьба монаховъ Калязинскаго монастыря», о которой мы уже говорили выше, «Раскольникъ и цирюльникъ», восемь картинокъ объ оспопрививаніи и одна—«Обрядъ покаянія мужа и жены Жуковыхъ, убившихъ свою мать».

Картинка «Раскольникъ и цирюльникъ» изображаетъ цирюльню, гдѣ стоитъ скамейка; направо въ стѣну вдѣланъ брусъ, куда воткнуты бритвы и ножницы. Полъ цирюльни представляетъ своды. На полу растетъ какое-то невѣдомое растеніе съ пунцовыми и зелеными листьями. У скамейки стоитъ цирюльникъ въ нѣмецкомъ платьѣ, въ фартукѣ, круглой шляпѣ и съ ножницами въ рукахъ. Одной рукой онъ держитъ ножницы, а другою захватилъ раскольника за его длинную бороду, окрашенную въ лиловый цвѣтъ. Раскольникъ раскрашенъ—по всему вѣроятію, въ насмѣшку—самыми разнообразными красками и одѣтъ, кромѣ кафтана, еще въ какую-то тальму. Надъ цирюльникомъ сдѣлана надпись: «Цирюльникъ хочетъ раскольнику бороду брить», а надъ раскольникомъ другая: «Раскольникъ говоритъ: — «Слушай, цирюльникъ, я бороды брить не хочу. Вотъ гляди, я на тебя скоро карауль закричу» (кн. I, стр. 455).

Эта картинка издана по желанію Петра Великаго, въ насмѣшку надъ раскольниками, не желавшими брить бороду; а картинки объ оспопрививаніи изданы въ царствованіе Александра I для того, чтобы расположить народъ къ этой предохранительной мѣрѣ.

На картинкѣ «Польза оспопрививанія» изображенъ парень; онъ пристаетъ къ дѣвушкѣ, у которой чистенькое и красивое личико. Она сидитъ съ прялкой. Тутъ же за станкомъ сидитъ рябая Улита. Дѣвушка гонитъ отъ себя парня,—онъ мѣшаетъ ей работать:

«Поди съ Улитою поговори, любай,
А мнѣ хоть отдохнуть немного дай».

А парень ей на это отвѣчаетъ:

«Ахъ, нѣтъ, разлапушка, дай мнѣ побыть съ тобою;
Что время мнѣ терять съ Улитою дурною.
. . . .
У ней съ наносной воспы носъ
Совсѣмъ къ губамъ приросъ,
Изрытъ—какъ будто кочарыга,
Лицо—какъ вяземска коврыга,
Глаза—какъ тусклое стекло,
Ихъ на носъ коробомъ свело».

Рѣчь заканчивается нравоученіемъ:

«Когда-бъ ея отецъ и мать умнѣе были,
Да оспу ей привить коровью допустили,
Такъ и она-бъ была,
Какъ ты, бѣла, румяна и мила» (кн. I, стр. 468).

Первыя попытки оспопрививанія дѣлались у насъ при Елизаветѣ Петровнѣ, затѣмъ сама Екатерина II пожелала привить человѣческую оспу себѣ и Павлу Петровичу. Для этого былъ выписанъ англичанинъ Димсдаль, которому было дано въ вознагражденіе: «титулъ русскаго барона, званіе лейбъ-медика, пожизненная пенсія въ 500 фун., 10.000 фун. единовременнаго вознагражденія, 2.000 фун. на дорогу и множество дорогихъ подарковъ» (кн. V, стр. 331). А въ 1801 году въ московскомъ воспитательномъ домѣ проф. Мухинъ, по примѣру англичанина Дженнера, сталъ прививать коровью оспу. Но народъ сильно возставалъ противъ оспопрививанія: у него существовало свое повѣрье: тотъ, кто умретъ отъ оспы, «будетъ на томъ свѣтѣ ходить въ золотыхъ ризахъ» (Буслаевъ, «Очерки», кн. I, стр. 217). И вотъ, для распространенія болѣе правильнаго взгляда на оспу, изданы были картинки объ оспопрививаніи и нарочно пущены между крестьянками.

Самая любопытная изъ этой группы картинокъ — это «Обрядъ всенароднаго покаянія», изданный по желанію императрицы Екатерины II-ой. На картинкѣ представлена колокольня Ивана Великаго. Мимо нея, при большомъ стеченіи народа, ведутъ мужа и жену Жуковыхъ подъ конвоемъ, въ сопровожденіи двоихъ священниковъ, въ Успенскій соборъ, для совершенія обряда покаянія. Оба преступника идутъ босикомъ, въ колодкахъ, съ опущенными на лицо волосами и съ зажженными свѣчами въ рукахъ.

Ихъ преступленіе состояло въ томъ, что они подговорили прислугу убить старуху Жукову и принести къ нимъ ея сундукъ, въ которомъ, какъ потомъ оказалось, было всего 563 руб. 20 коп.

Когда убійцъ подвергли пыткѣ (послѣ которой нѣкоторые изъ нихъ умерли), они во всемъ признались и показали на подговорщиковъ—Алексѣя и Варвару Жуковыхъ. Послѣднихъ тоже подвергли пыткѣ, и они во всемъ повинились. Тогда всѣхъ участниковъ въ убійствѣ приговорили къ смертной казнѣ; то было въ 1754 году. Но между тѣмъ казни надъ Жуковыми не совершали,—о нихъ какъ бы забыли и только въ 1766 году вспомнили, т. е. ровно черезъ 12 лѣтъ, когда вышелъ манифестъ Екатерины II-ой о томъ, чтобы, вмѣсто смертной казни, жену и мужа Жуковыхъ заточить въ монастырь на 20 лѣтъ, но предварительно заставить совершить обрядъ всенароднаго покаянія.

По этому обряду, церемоніалъ котораго былъ составленъ самой императрицей, преступники должны были принести покаяніе въ четырехъ московскихъ церквахъ. Полиція между тѣмъ должна была за день оповѣстить всѣхъ жителей города о предстоящемъ зрѣлищѣ.

12 лѣтъ тюрьмы при полицейской канцеляріи, въ положеніи прикованныхъ цѣпью къ стулу, императрица приняла во вниманіе въ своемъ манифестѣ и велѣла засчитать ихъ въ число лѣтъ, назначенныхъ на заточенье.

Каковы были наши тюрьмы въ XVIII в., можно видѣть по сохранившейся картинкѣ, изображающей темницу. «Представлена рубленая изба. Въ ней сидятъ два колодника: у одного изъ нихъ руки въ колодкахъ, *ноги прикованы цѣпью къ стулу*; у другаго въ колодкахъ ноги, а на рукахъ *наручники*. На дворѣ темницы еще колодникъ, «*прикованный цѣпью за ноги къ стулу*. Два милостивца подаютъ милостыню...» Къ такимъ точно стульямъ или деревяннымъ колодкамъ, пуда по полтора вѣсомъ, прикованы были и Жуковы, мужъ и жена, въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ; ключи отъ цѣпей находились въ рукахъ у караульнаго. Конечно, при деньгахъ цѣпи часто снимались съ нихъ; жена Жукова, даже разъ перерядившись въ платье караульнаго солдата, ходила на свиданіе къ мужу, но была поймана» (кн. V, стр. 326).

Говоря объ убійцахъ Жуковыхъ, г. Ровинскій останавливается на описаніи нашихъ тюремъ вообще и на содержаніи въ нихъ арестантовъ. Разумѣется, при этомъ рисуется далеко не красивая картина, въ особенности когда онъ вспоминаетъ о такъ-называемыхъ подземныхъ мѣшкахъ или могилахъ. Такихъ семь могилъ,—говоритъ онъ,—находится подъ зданіемъ Басманнаго частнаго дома въ Москвѣ, куда басманный приставъ сажалъ подсудимыхъ, не сознававшихся въ своихъ преступленіяхъ (кн. V, стр. 327).

Нерѣдко московскіе частные пристава, когда преступникъ не сознавался въ преступленіи, не только сажали его въ такія тюрьмы, но даже пытали, несмотря на то, что оффиціально пытка не только была запрещена, но въ указѣ Александра I-го (отъ 27 сентября 1801 года) повелѣвалось, «дабы самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, *изглажено было навсегда изъ народной памяти*» (книг. V, стр. 321). Такъ одинъ изъ московскихъ приставовъ еще въ 50-хъ годахъ «выворачивалъ руки заподозрѣнному въ грабежѣ, связывалъ ихъ и вѣшалъ на перекосякъ». При прежнихъ судахъ и слѣдствіяхъ самымъ лучшимъ доказательствомъ виновности подсудимаго считалось его собственное сознаніе, потому употреблялись всѣ средства, чтобы довести его до этого сознанія. «Слѣдствіе обычно велось,—говоритъ г. Ровинскій,—сидя на мѣстѣ въ застѣнкѣ, гдѣ приходилось: пытать, подымать на дыбу, бить кнутомъ, жечь огнемъ и опять бить до тѣхъ поръ, пока заподозрѣнный сознается въ томъ преступленіи, въ которомъ его обвиняютъ, все—равно, виноватъ онъ въ этомъ на самомъ дѣлѣ или нѣтъ» (кн. V, стр. 322).

Эти же воспоминанія о пыткахъ наводятъ автору на память и еще не менѣе ужасныя пытки—шпицрутены аракчеевскаго времени, гоньбу сквозь строй, «*черезъ зеленую улицу*». Какова была эта гоньба, даетъ понятіе нижеслѣдующая картина, такъ ярко набросанная г. Ровинскимъ:

«Выводятъ преступника,—говоритъ онъ,—обнаженнаго до пояса и привязаннаго за руки къ двумъ ружейнымъ прикладамъ; впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему подвигаться впередъ только медленно, такъ чтобы каждый шпицрутенъ имѣлъ время оставить свой слѣдъ на *«солдатской шкурѣ»*; сзади вывозится на дровняхъ гробъ. Приговоръ прочтенъ; раздается зловѣщая трескотня барабановъ; разъ, два... и пошла хлестать *зеленая улица* справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается сзади и спереди широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ; летятъ кровяныя брызги... «Братцы, пощадите!...» прорывается сквозь глухую трескотню барабана; но, вѣдь, щадить—значитъ, самому быть пороту, и еще усерднѣе хлещетъ березовая улица. Скоро бока и спина представляютъ одну сплошную рану, мѣстами кожа сваливается клочьями, и медленно двигается на прикладахъ живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутьями, безумно выкативъ оловянные глаза свои... Вотъ онъ свалился, а бить еще осталось много,—живой трупъ кладутъ на дровни и снова возятъ взадъ и впередъ, промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплются удары шпицрутеновъ и рубятъ кровавую кашу. Смолкли стоны, слышно только какое-то шлепанье, точно кто по грязи палкой шлепаетъ, да трещатъ зловѣщіе барабаны» (кн. V, стр. 324).

Читая эти строки, писанныя очевидцемъ, дивишься только одному: откуда бралъ русскій человѣкъ силу, чтобы выносить все это...

VI.

Лубочная картинка, какъ видитъ самъ читатель изъ сдѣланнаго обзора изданія г. Ровинскаго, ничѣмъ не брезговала: и грустное, и смѣшное, и трагическое—все служило ей содержаніемъ; претворяя все своимъ юморомъ и свойственнымъ ей балагурствомъ, картинка дѣлала чрезъ это доступнымъ для пониманія народа самыя разнообразныя темы. Потому удивительно, что ни правительство, ни общество, желающее ввести народъ въ курсъ своей жизни и своихъ интересовъ, не пользовалось съ этою цѣлью до настоящаго времени лубочною картинкой, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, о которыхъ упоминается въ предшествующей главѣ.

Народъ любилъ и любитъ картинки, подобно тому, какъ ихъ любятъ дѣти, для которыхъ еще не подъ силу воспринимать новое въ отвлеченной формѣ, безъ болѣе доступной наглядности. Пріѣзжая въ городъ на базаръ, мужикъ не пропускаетъ случая захватить домой не столько для ребятишекъ, сколько для дѣда или на забаву всей семьѣ картинку, относящуюся до послѣднихъ событій, слухъ о которыхъ дошелъ къ нему въ деревню. Во время послѣдней войны можно было видѣть въ Москвѣ, какъ подъ вечеръ базарнаго дня мужикъ, возвращаясь изъ города домой, везъ съ собой въ деревню намалеванныя самыми яркими красками иллюстри-

рованныя изданія Яковлева («Наши жерновa все смелютъ», «Послѣ ужина горчица», «Пищатъ!» и др.), относящіяся къ событіямъ войны. Въ этихъ изданіяхъ обычно изображается цѣлый рядъ мужиковъ и бабъ, которые угощаютъ турку чѣмъ ни попало, и приводятся стихи въ родѣ слѣдующихъ:

«Мортиры, пушки
Дымятъ, палятъ,
А турки-душки
Пищатъ, пищатъ».

Г. Ровинскій въ своемъ собраніи не касается этихъ новѣйшихъ народныхъ изданій: его собраніе представляетъ полный снимокъ лубочныхъ картинокъ, появившихся на Руси, начиная съ 1627 и кончая 1839 годомъ, когда лубочная картинка перестала быть свободнымъ изданіемъ и подпала подъ опеку цензуры.

Послѣ ближайшаго знакомства съ текстомъ V тома личность автора весьма рельефно выступаетъ передъ читателемъ: она уже не укладывается въ рамку объективнаго ученаго собирателя. Г. Ровинскій прежде всего выступаетъ человѣкомъ, для котораго на первомъ планѣ стоитъ человѣческая личность, ея горе и ея нужды. Эти послѣднія привлекаютъ къ себѣ его вниманіе и онъ готовъ хлопотать, ратовать объ ихъ устраненіи. Главнымъ образомъ по этой жизненной человѣческой сторонѣ лубочная картинка—какъ отраженіе жизни народа, его интересовъ и горя—получаетъ для него свое значеніе, свой смыслъ, а не въ силу только своей старины или рѣдкости. Для него важна также нравственная сторона картинки, ея вліяніе на народъ. И при подобныхъ разборахъ онъ вездѣ выступаетъ человѣкомъ гуманнымъ, требующимъ прощенія, милости, а не кары. Говоря, напримѣръ, о раскольникахъ, онъ беретъ ихъ сторону, выступаетъ ихъ горячимъ защитникомъ, не разъ высказывая желаніе, чтобы на Руси водворилась та свобода, которая дозволяла бы каждому безнаказанно молиться своему Богу.

Не менѣе ярко выступаетъ въ немъ и русскій человѣкъ, патріотъ, причемъ чувство патріотизма нерѣдко беретъ въ немъ перевѣсъ надъ присущимъ ему чувствомъ справедливости. Касаясь, напримѣръ, печальныхъ событій 1812 года, когда русскій человѣкъ моментами превращался въ звѣря, авторъ старается оправдать своихъ соотечественниковъ, ссылаясь на непрошенный приходъ враговъ и на условія войны...

Хотя онъ нигдѣ прямо не говоритъ о своей любви къ простому народу, не поетъ ему панегириковъ, но онъ постоянно вездѣ беретъ сторону его интересовъ, выступаетъ повсюду его горячимъ защитникомъ. Когда въ отдѣлѣ увеселеній рѣчь заходитъ о пьянствѣ, г. Ровинскій изо всѣхъ силъ старается оправдать русскаго мужика отъ взведеннаго на него издавна напраснаго обвиненія, что будто русскій мужикъ—пьяница. Ради оправданія онъ перебираетъ другія національности и старается выставить

на видъ, что нѣмцы и поляки пьютъ не меньше, чѣмъ русскіе. Несравненно симпатичнѣй и убѣдительнѣй оказывается вторая половина его защитительной рѣчи, въ которой онъ выдвигаетъ на видъ всю неподдѣльную правду жизни и приглашаетъ читателя вглядѣться въ нее попристальнѣй. «Почему-жь бы русскому человѣку не выпить?—говоритъ онъ.— По словамъ «Космографіи», въ странѣ, гдѣ онъ живетъ, мразы бываютъ великіе и нестерпимые»,—ну, и *«моменты»* въ его жизни тоже бываютъ некрасивые: въ прежнее время, напримѣръ, въ безшабашную солдатчину отдадутъ на 25 лѣтъ—до калѣчной старости; или пожаръ село вымететъ, самому ѣсть нечего, а подати круговою порукой выколачиваютъ; или самъ охотой отъ такой поруки воломъ въ бурлаки закабалится, или хорошей барынѣ въ руки мужички достанутся, которая бывало въ конецъ деревню раззоритъ; много духовной силы надо, чтобъ устоять тутъ предъ могущественнымъ хмѣлемъ: «пей—забудешь горе!» поетъ пѣсня. Въ сущности говоря,—заканчиваетъ авторъ свою рѣчь о пьянствѣ,—русскій человѣкъ пьетъ еще меньше иностраннаго,—по крайней мѣрѣ, такъ ученыя таблицы сказываютъ,—да только пьетъ онъ рѣдко и на голодный желудокъ, потому и пьянѣетъ скорѣе, и напивается чаще противъ иностраннаго» (кн. V, стр. 239). Или, останавливаясь на вѣрѣ народа въ цѣлительное свойство молитвы тому или другому святому, г. Ровинскій убѣдительно проситъ не отнимать этой вѣры у народа,—не отнимать до тѣхъ поръ, пока не дадутъ ему даровой медицинской помощи, пока у него не будетъ подъ рукой врача, къ которому бы свободно могъ обращаться за совѣтомъ и который бы не сказалъ ему въ критическую минуту: «Пошелъ вонъ! Приходи завтра!»—какъ нерѣдко говоритъ ему теперь земскій врачъ или фельдшеръ. Нельзя не согласиться съ этой вполнѣ вѣрною мыслью автора: отнимать иллюзію, способную поддерживать бѣдняка въ его безъисходной нуждѣ, можно только тогда, когда имѣется на-лицо реальная поддержка, въ противномъ случаѣ это стремленіе отнимать—нелѣпо, безразсудно.—Авторъ не проходитъ также молчаніемъ и непосильной крестьянской подати, которая все сильнѣй и сильнѣй придавливаетъ мужика своею тяжестью. Онъ требуетъ облегченія его участи.

Занимаясь собираніемъ картинокъ въ продолженіе 30 лѣтъ, г. Ровинскій не разъ въ это время предпринималъ далекія путешествія: въ Китай, Японію, Іерусалимъ, Англію, Францію и другія страны, и во время этихъ путешествій онъ нигдѣ не забывалъ о русской лубочной картинкѣ, непремѣнно сличалъ или ея рисунокъ, или ея текстъ съ чѣмъ-нибудь схожимъ, что удавалось встрѣчать на чужой сторонѣ. Онъ широко взглянулъ на предпринятое имъ дѣло и весьма обстоятельно отнесся не только къ самому изданію картинокъ, которыя, какъ мы уже сказали выше, изданы весьма добросовѣстно, но и ко всѣмъ вопросамъ, задѣваемымъ народною картинкой. Перелистываетъ ли онъ, напримѣръ, комедію Симеона Полоцкаго, онъ не пропускаетъ случая сказать о театральныхъ представленіяхъ

вообще и указать въ исторіи русскаго театра опредѣленное мѣсто для разсматриваемаго лубочнаго изданія. Пробѣгаетъ ли онъ вмѣстѣ съ читателемъ лубочные календари, онъ тутъ же развертываетъ исторію календарей на Руси; заводитъ ли рѣчь о шутахъ, онъ оборачивается назадъ и ищетъ происхожденія этой барской забавы и т. д. Однимъ словомъ, ни одинъ изъ вопросовъ не оставляетъ онъ безъ того, чтобы не освѣтить и не осмыслить въ ряду совершающихся историческихъ или жизненныхъ фактовъ. Такіе обзоры, правда, довольно краткіе, освѣщаютъ разсматриваемый вопросъ, даютъ ему опредѣленное мѣсто въ русской жизни и, согласно занимаемому имъ положенію, возбуждаютъ къ себѣ ту или другую степень симпатіи и интереса со стороны обозрѣвателя лубочной галлереи.

При знакомствѣ съ этими обзорами нерѣдко приходится упрекать автора въ излишней ревности къ дѣлу, которая иногда заставляетъ его отводить одинаково большое мѣсто даже и такимъ вопросамъ, которые въ сущности вовсе не заслуживаютъ такого тщательнаго и подробнаго изслѣдованія. Напримѣръ, къ чему такое подробное сообщеніе о жизни Ивана Яковлевича Корейши, когда вполнѣ было бы достаточно ограничиться указаніемъ на его біографію, составленную г. Прыжовымъ? Къ чему также во главѣ о богомольѣ приводитъ онъ цѣлый рядъ выписокъ изъ путешествія въ Іерусалимъ братьевъ Вишняковыхъ или изъ описанія Благовѣщенскаго о сошествіи св. огня въ Іерусалимскомъ храмѣ.

Г. Ровинскій не разъ говоритъ, что его работа—«Русскія народныя картинки»—представляетъ чисто компилятивный трудъ; но такое признаніе есть слѣдствіе излишней скромности съ его стороны. Разумѣется, онъ не создаетъ самъ памятниковъ литературы, но выручаетъ изъ области забвенія многія изъ народныхъ произведеній, отыскивая рѣдчайшіе экземпляры, сличаетъ, сравниваетъ ихъ, открываетъ источники ихъ происхожденія, очищаетъ отъ заимствованнаго или наслоившагося и указываетъ опредѣленное мѣсто въ извѣстной группѣ произведеній. Онъ своими «народными картинками» вноситъ, такъ сказать, новый отдѣлъ въ исторію русской литературы и дѣлаетъ обязательнымъ его изученіе для каждаго не только спеціалиста, занятаго вопросомъ о происхожденіи и источникахъ того или другаго книжнаго произведенія нашей древней литературы, которому теперь положительно невозможно игнорировать отдѣлъ «народныхъ картинокъ», но и для простаго учителя русской словесности.

Поставленные авторомъ вопросы разсмотрѣны здѣсь полно и всесторонне. Онъ сдѣлалъ относительно ихъ все, что могъ. Послѣ его работы надъ лубочною картинкой въ этомъ направленіи остается сдѣлать весьма немногое. Если же онъ не разграничилъ чисто народную картинку отъ изданій для царей, для бояръ; не указалъ связи народныхъ картинокъ съ нашей болѣе ранней живописью; не указалъ, какимъ путемъ проникла въ народъ та или другая картинка; въ какой средѣ какая изъ нихъ пользовалась большею популярностью; почему такая-то картинка чаще пока-

дается въ избѣ крестьянина, чѣмъ у помѣщика и т. д.,—то упрекать его за умолчаніе объ этихъ вопросахъ мы не считаемъ себя въ правѣ. Г. Ровинскій даннымъ изданіемъ разрѣшилъ рядъ другихъ не менѣе важныхъ и не менѣе трудныхъ вопросовъ,—сдѣлалъ одинъ то, что до настоящаго времени не подъ силу оказывалось цѣлымъ ученымъ обществамъ.

«Русскія народныя картинки» удовлетворяютъ читателя и съ художественной стороны. Нерѣдко въ текстѣ V тома встрѣчаются мѣста, поражающія своею силой, живостью красокъ и естественностью воспроизводимой картины. Напримѣръ, какъ прекрасно описаны у автора пѣніе и пляска цыганъ! Для образчика мы сдѣлаемъ небольшую выписку.

«Выйдетъ, напримѣръ, знаменитый Илья Соколовъ на середину съ гитарою въ рукахъ, *мазнетъ* разъ-два по струнамъ, да запоетъ какая-нибудь Стеша или Саша въ сущности преглупѣйшій романсъ, но съ такою нѣгой, такимъ чистымъ груднымъ голосомъ, такъ *всѣ жилки переберетъ въ васъ*. Тихо, едва слышнымъ, томнымъ голосомъ *замираетъ* она на послѣдней нотѣ своего романса... и *вдругъ на ту же ноту разомъ обрывается весь таборъ*, съ гикомъ, гамомъ, точно вся *стройка надъ вами рушится: взвизгиваетъ* косая Любаша, *оретъ во всю глотку* Терешка, *гогочетъ безголосая старуха* Фроська... Но *поведетъ глазами* по хору Илья, *щипнешъ аккордъ* по струнамъ, въ одно мгновеніе настаетъ мертвая тишина, и снова начинаются *замиранія* Стеши» и т. д. (кн. V, стр. 246 и 247).

Не менѣе оригиналенъ мѣстами и языкъ у автора. Занимаясь изученіемъ текста лубочныхъ картинокъ, онъ до того усвоилъ себѣ ихъ игривую манеру, что весьма часто и весьма кстати пользуется ихъ оригинальнымъ жаргономъ. Послѣдній придаетъ особую прелесть труду, а также и обогощаетъ рѣчь рядомъ новыхъ словъ. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ авторъ употребляетъ съ умысломъ, чтобы замѣнить русскими слова иностранныя: напр. вмѣсто слова *дублетъ* онъ употребляетъ *дружка*; вмѣсто *оригиналъ—переводъ*; вмѣсто *стиль рисунка—пошибъ*; вмѣсто *цитра—рыла* и др.

Е. Некрасова.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

Толки о самобытности и исторической постепенности.—По поводу занятій земскихъ свѣдущихъ людей.—Постановленіе полтавскаго земства.—Шестой отчетъ комитета о ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ.—Новый заемъ и слухи о новыхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ.—Рѣчь г. Г. Градовскаго при открытіи памятника Некрасову.

Въ послѣднее время въ русской печати особенно часто раздаются голоса, защищающіе и нашу народную самобытность, и необходимость исторической послѣдовательности въ преобразованіяхъ общественнаго строя. Намъ нѣтъ надобности заявлять о томъ, что мы глубоко вѣруемъ въ духовную мочь русскаго народа, въ его великое историческое будущее, въ его самобытность; но въ особой защитѣ послѣдняя, по нашему мнѣнію, не нуждается, ибо великій историческій народъ непремѣнно будетъ самобытенъ. Если оживленіе торговаго обмѣна, усиленіе взаимной связи, экономической и духовной, разрушаетъ старые предразсудки и устанавливаетъ значительное единообразіе въ учрежденіяхъ и нравахъ просвѣщенныхъ народовъ; то, съ другой стороны, творческой самобытности каждаго племени открывается при этомъ болѣе широкій просторъ. Именно тогда и можетъ обнаружить историческій народъ всю свою духовную мощь, когда онъ усвоитъ себѣ общія основы правильной государственной жизни. Только на этой почвѣ могутъ развернуться его силы, вполнѣ обнаружиться его дѣйствительная самобытность. Въ самомъ дѣлѣ, самобытенъ Китай, самобытна и Англія. Но при столкновеніи съ новыми требованіями жизни, съ новыми, болѣе просвѣщенными, народами быстро обнаруживается духовная немощь перваго и великая сила послѣдней. Выработать себѣ извѣстныя формы общественныхъ и домашнихъ отношеній и застыть, окаменѣть въ этихъ формахъ, конечно, оригинально, самобытно; но такая самобытность, какъ всякому понятно, есть отрицаніе дальнѣйшаго развитія, есть залогъ неминуемой смерти, болѣе или менѣе скорое наступленіе которой будетъ уже зависѣть отъ случайныхъ причинъ. Только непрерывно усвояя себѣ все лучшее, достигнутое другими народами, и пере-

работывая его самостоятельно, можно не отстать отъ историческаго движенія, не потерять значенія въ мировомъ развитіи. Искусственно или, во всякомъ случаѣ, довольно произвольно, по личной оцѣнкѣ, заявляя о необходимости поставить преграду естественному развитію народной жизни, самые проницательные, самые глубокіе знатоки этой жизни могутъ сдѣлать не мало крупныхъ ошибокъ. Необходимо поэтому, чтобы рамки общественной жизни не стѣсняли свободнаго выраженія общественныхъ потребностей.

Правда, не далеко то время, когда наши высшія сословія стыдились всего русскаго, когда даже русская рѣчь строго изгонялась изъ великосвѣтскихъ гостиныхъ. Тогда горячіе протесты противъ холопскаго преклоненія передъ тѣмъ, что было въ западно-европейской цивилизаціи внѣшняго и мишурнаго, имѣли большое значеніе и были признакомъ пробудившагося общественнаго самосознанія. Чацкій могъ восклицать:

«Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья!»

Позднѣе, слабая числомъ и воспитавшаяся въ западно-европейской наукѣ, въ западно-европейской философіи и искусствѣ, русская *интеллигенція* подчинилась этой наукѣ, философіи и искусству. Кто споритъ, въ подобномъ подчиненіи было не мало смѣшнаго и кое-что вредное. Но иначе и быть не могло, ибо мы сильно отстали, съ самобытностію государства Московскаго, отъ другихъ народовъ. Легко сказать, что не слѣдовало подчиняться иностраннымъ идеямъ; но вѣдь идеямъ противопоставляются только идеи, и противъ односторонности въ духовномъ развитіи нельзя выступать налегкѣ, безъ запаса наблюденій и размышленій. А такого запаса въ до-Петровской Руси едва хватало на борьбу за насущный хлѣбъ, на сѣрую, однообразную и полную всяческихъ лишеній жизнь.

Криками о самобытности, напускнымъ презрѣніемъ къ европейской цивилизаціи невозможно скрыть ея превосходства, во многихъ отношеніяхъ, надъ нашимъ общественнымъ развитіемъ. Каждая строка въ сочиненіяхъ и статьяхъ людей, стоящихъ на такой точкѣ зрѣнія, если люди эти отличаются умомъ и дарованіями, ярко отражаетъ могучее вліяніе этой европейской культуры. И до какихъ жалкихъ размѣровъ низводятъ нѣкоторые нашу національную самобытность!...

Въ настоящее время отношеніе русской интеллигенціи къ Западной Европѣ сильно измѣнилось. Математическія и естественныя науки получили у насъ довольно значительное развитіе, и, вмѣсто подчиненія Европѣ, мы оказываемъ ей уже замѣтное содѣйствіе, обнаруживаемъ дѣйствительную самостоятельность въ нѣкоторыхъ областяхъ духовной жизни. Въ вопросахъ общественныхъ дѣлъ, покуда, шло хуже. Мы быстро заимствовали у буржуазнаго, лже-либеральнаго Запада акціонерныя компаніи, банки и другія учрежденія, съ помощію которыхъ удесятеряется сила капитала и закабаляется народный трудъ. Но противъ заимствованія всѣхъ

подобныхъ учрежденій почти не протестуютъ люди, которыхъ приводятъ въ ужасъ другія формы западно-европейской жизни. А между тѣмъ трудно опредѣлить размѣръ того зла, который наносится банками и акціонерными компаніями народному благосостоянію въ Россія. Мы уже неоднократно указывали на страницахъ *Русской Мысли*, какія вопіющія злоупотребленія происходятъ, напримѣръ, на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Злоупотребленія нашихъ банковъ и страшные барыши, которые они пожинаютъ тамъ, гдѣ не сѣяли, также давно и хорошо извѣстны. Вотъ въ этомъ отношеніи мы являемся горячими противниками системы, господствовавшей на Западѣ, но теперь падающей и тамъ. И желѣзныя дороги, и банки должны быть, по нашему мнѣнію, дѣломъ исключительно государства и самоуправленія, чтобы доставляемыя ими выгоды и получаемые отъ нихъ барыши распредѣлялись справедливымъ образомъ на массу населенія.

Высказать эту мысль нѣсколько лѣтъ тому назадъ было довольно рискованно,—сейчасъ раздались бы ожесточенные крики: соціализмъ, коммунизмъ, нигилизмъ!... Но теперь времена измѣнились, и пишущему эти строки можно сослаться на спасительный для каждаго русскаго въ этомъ случаѣ и высокій авторитетъ князя Бисмарка.

Странно, повторяемъ, что заимствованіе дѣйствительно буржуазныхъ, дѣйствительно не соотвѣтствующихъ русскому народному духу экономическихъ учрежденій Запада встрѣчаетъ менѣе горячій отпоръ со стороны лицъ, считающихъ себя наиболѣе совершенными выразителями нашей самобытности, чѣмъ заимствованія въ другихъ отношеніяхъ. Этого мало: изъ другаго лагеря противъ заимствованій перваго рода также слышится мало возраженій, за то много говорится и пишется о необходимости *исторической постепенности*. Намъ кажется, что ходячія представленія объ этой постепенности отличаются туманностью и даже ошибочностью.

Недавно одна изъ лучшихъ провинціальныхъ газетъ, *Южный Край*, выступила противъ газеты *Земство* въ защиту исторической постепенности. Ссылками на Англію доказывается, что ни одного дѣла нельзя, будто бы, сдѣлать сразу, а что необходима работа по частямъ и сначала въ несовершенной формѣ, затѣмъ въ формѣ получше и, наконецъ, въ той, которая уже и теперь признается дѣйствительно хорошею. Мы видимъ въ такого рода взглядѣ весьма вредную путаницу понятій. Во всѣхъ странахъ, жившихъ долгою и славною историческою жизнью, учрежденія и нравы подвергались то медленнымъ, то болѣе или менѣе быстрымъ измѣненіямъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ прочныя улучшенія въ общественномъ бытѣ достигались только первымъ путемъ. Такъ шло государственное развитіе въ Великобританіи. Но дѣло въ томъ, что тамъ боролись партіи, тамъ схватывались приблизительно одинаковыя силы и вынуждали другъ друга къ опредѣленнымъ уступкамъ, къ медленному разграниченію правъ. Когда зарождалась въ народѣ извѣстная потреб-

ность, то она не удовлетворялась немедленно—не въ силу исторической постепенности, а въ силу рѣшительнаго сопротивленія съ той или другой стороны, со стороны или королевской власти, или аристократіи. Такимъ образомъ можно спорить лишь о томъ, дѣйствительно ли сильна и благотворна данная потребность; но отказывать ей въ полномъ удовлетвореніи, ссылаясь на историческую постепенность, вполнѣ неосновательно. Возьмемъ, напримѣръ, наши дѣйствительно прекрасные Судебные Уставы 1864 года. Они были введены сразу, сразу замѣнили старые судебные порядки, гдѣ не было ни присяжныхъ, ни гласности, ни независимости судебнаго приговора. 19-е февраля 1861 года можетъ служить еще болѣе великимъ примѣромъ. Многіе предлагали и мужика изъ крѣпостной зависимости освободить постепенно... Изъ всѣхъ заимствованій самымъ опаснымъ, самымъ неразумнымъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, признать *заимствованіе постепенности* въ смыслѣ преднамѣреннаго и произвольнаго задержанія.

На основаніи этихъ соображеній, мы считаемъ болѣе правильною ту постановку вопроса, которую дѣлаетъ газета *Русь*. По поводу того же совѣщанія свѣдущихъ людей, которое вызвало разногласіе между *Земствомъ* и *Южнымъ Краемъ*, въ № 47 *Руси* мы читаемъ слѣдующее:

«Что приглашеніе свѣдущихъ земскихъ людей *не по назначенію* отъ правительства, а *по выбору* самихъ мѣстныхъ представительныхъ учрежденій, т. е. городскихъ думъ и земскихъ собраній, болѣе согласно съ требованіями «теоріи» или «принципа представительства»,—это, конечно, не подлежитъ и спору; но еще вопросъ, вполнѣ ли въ *настоящее* время эти требованія теоріи и отвлеченнаго принципа соотвѣтствуютъ у насъ условіямъ практики и дѣйствительнымъ требованіямъ жизни. Наши земства представляютъ слишкомъ мало внутренняго единства и солидарности между своими членами, — это не «партіи», но и не органы цѣльнаго, выработаннаго направленія».

По мнѣнію *Руси*, слѣдовательно, опредѣленная потребность не составляетъ еще непобѣдимаго требованія жизни и ея удовлетвореніе, вслѣдствіе нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, было бы нецѣлесообразно. Въ такомъ случаѣ съ газетой можно расходиться только въ оцѣнкѣ современнаго состоянія Россіи, и, какъ извѣстно читателямъ *Русской Мысли*, мы дѣйствительно держимся инаго взгляда на тотъ путь, который скорѣе и лучше всего выведетъ насъ изъ тяжелаго переходнаго состоянія, мучительнаго и для правительства, и для общества, и крайне вреднаго для народнаго благосостоянія.

Нельзя не согласиться съ *Русью*, что наши земскія учрежденія требуютъ нѣкоторыхъ видоизмѣненій, окончательнаго проведенія до глубины народной жизни единаго, безсословнаго, земскаго начала. Какъ извѣстно, по этому поводу въ печати появилось много проектовъ, соображеній и разнообразныхъ свѣдѣній. Земскія собранія и коммиссіи тоже дѣятельно

принялись за подробную разработку вопроса о мелкой земской единицѣ или безсословной волости. По даннымъ, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, мы приходимъ къ заключенію, что эта земская работа въ послѣднее время стала ослабѣвать, и не трудно объяснить неизбѣжность такого явленія. Вопросъ объ уѣздномъ переустройствѣ снятъ съ очереди, а земскія управы и собранія—не академіи и не могутъ собирать и разрабатывать матеріалъ въ интересахъ чистой любознательности.

Кабаки и переселенія, для обсужденія которыхъ правительство пригласило въ Петербургъ нѣсколькихъ выдающихся земскихъ дѣятелей, безспорно, имѣютъ немаловажное значеніе въ нашей народной жизни. Но устраненіе совмѣстнаго обсужденія и другихъ вопросовъ едва ли цѣлесообразно, вслѣдствіе той связи всѣхъ общественныхъ явленій, о которой мы говоримъ почти въ каждомъ «внутреннемъ обозрѣніи», рискуя утомить вниманіе читателей. Что касается пьянства, то разсматривать его внѣ связи съ общими условіями народнаго быта положительно невозможно. Въ газетѣ *Земство* (№ 43) помѣщена очень интересная статья В. И. Орлова: «Къ вопросу о значеніи пьянства въ ряду неблагопріятныхъ условій крестьянскаго хозяйства».

Въ нѣкоторыхъ органахъ печати, говоритъ почтенный изслѣдователь, «вопросу о пьянствѣ стали придавать первенствующее значеніе; въ пьянствѣ видятъ главную и чуть ли не единственную причину всѣхъ народныхъ бѣдствій; пьянствомъ объясняется замѣчаемое разстройство крестьянскаго хозяйства; искорененіе пьянства признаютъ лучшимъ средствомъ излѣченія народнаго организма отъ всѣхъ экономическихъ недуговъ. Есть основаніе предполагать, что и само правительство раздѣляетъ такой взглядъ, ставя на первую очередь рѣшеніе вопроса о мѣрахъ къ уменьшенію пьянства и не приступая пока къ рѣшенію другихъ важныхъ экономическихъ вопросовъ крестьянскаго быта».

По точнымъ свѣдѣніямъ г. Орлова, которому знакомо каждое селеніе и почти каждый дворъ Московской губерніи, «въ ряду различныхъ неблагопріятныхъ условій пьянство занимаетъ далеко не первое мѣсто: лишь 9% безхозяйныхъ семей явились результатомъ пьянства своихъ рабочихъ членовъ. Отсюда явствуетъ, что и мѣры, направленныя лишь къ сокращенію пьянства въ народѣ, далеко не могутъ имѣть того всеобъемлющаго хозяйственнаго значенія, какое имъ приписывается многими». Никто, конечно, не отрицаетъ ни того, что пьянство есть ужасающее зло, ни того, что съ нимъ надо бороться. Только, во-первыхъ, борьбу эту невозможно вести одними ограниченіями питейной торговли и, во-вторыхъ, нельзя предположить, что народное благосостояніе значительно подымется, если сократится, даже въ большихъ размѣрахъ, потребленіе водки. Въ № 46 газеты *Земство* помѣщена статья А. И. Кошелева «О мѣрахъ къ сокращенію пьянства». Эта статья заключаетъ въ себѣ, по нашему мнѣнію, наиболѣе вѣскія соображенія и данныя изъ всѣхъ докладовъ, рѣчей, за

мѣтокъ и статей, вызванныхъ питейнымъ вопросомъ. «Что пьянство у насъ,—говоритъ г. Кошелевъ,—сильно, очень сильно, безобразно сильно, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Кто бывалъ за границею, даже въ бывшемъ царствѣ Польскомъ, тотъ не могъ не быть пораженнымъ тѣмъ, что тамъ, при многочисленности мѣстъ питейной продажи и при почти вдвое большемъ потребленіи водки, пьяныхъ или пьяницъ несравненно меньше, чѣмъ у насъ. Пьянство господствуетъ на Руси и губитъ нашъ народъ и далеко не со вчерашняго дня. Выпивается теперь у насъ, пожалуй, нѣсколько болѣе вина, чѣмъ то было двадцать, тридцать лѣтъ тому назадъ, т. е. во время откуповъ, когда торговали водкой въ 28—30%; но выпивается вина вовсе не больше, а скорѣе меньше, чѣмъ въ первые годы по введеніи акцизной системы, ибо народонаселеніе значительно усилилось, а потребляется вина почти столько же, сколько и прежде. Нашъ народъ пилъ и пьетъ безумно, но немного, и больше всего съ горя, по потребности, хотя въ винѣ обрѣсти забвеніе дѣйствительнаго его положенія. Въ другихъ странахъ: въ Германіи, Швеціи, Даніи, даже въ бывшемъ царствѣ Польскомъ, до введенія тамъ нашей акцизной системы, потреблялось 40 градуснаго вина слишкомъ по два ведра на душу, у насъ же выпивается его съ небольшимъ по одному ведру. Между тѣмъ тамъ рѣдко увидишь пьянаго, а у насъ, во время храмовыхъ праздниковъ, на свадьбахъ, на масляницѣ, на свѣтлой недѣлѣ и на базарахъ—пьяные валяются всюду. Слѣдовательно, не вина выпивается у насъ много, а безумно оно пьется». Кабаки у насъ вовсе не размножились, слѣдовательно не въ ихъ числѣ заключается главное зло. Въ 1863 году ихъ было 172.197, а въ 1877 году 89.074. Количество ренсковыхъ погребовъ также уменьшилось,—съ 17.647 оно упало на 12.656. Спирту (безводнаго) выкурено было въ 1863 году 25.001.567 в., а въ 1877 году—24.293.403 в. Въ промежутокъ между этими годами цифра выкуреннаго спирта подымалась до 29.912.840 в. (1872) и спускалась до 20.400.621 ведра (1866). Пьянство,—справедливо говоритъ г. Кошелевъ,—есть старое закоренѣлое зло на Русской землѣ. Этотъ недугъ завѣщанъ намъ преимущественно крѣпостнымъ правомъ, и только съ исчезновеніемъ его слѣдовъ можетъ и онъ если не исчезнуть, то значительно сократиться и изъ *народнаго* недуга превратиться въ частный, личный порокъ. Принимать прямыя административныя и карательныя мѣры противъ пьянства—невозможно и изыскивать ихъ—безразсудно. «Всего надежнѣе и плодотворнѣе противодѣйствовать пьянству въ крестьянствѣ можно только улучшеніемъ его быта и поднятіемъ его въ умственномъ, нравственномъ и гражданскомъ отношеніи; а для этого самыми дѣйственными мѣрами были бы: упорядоченіе крестьянскаго самоуправленія и придача ему самобытности, устраненіе, сколь возможно большее, вмѣшательства въ него полицейскихъ властей, облегченіе податныхъ и другихъ тягостей, улучшеніе и умноженіе народныхъ первоначальныхъ школъ, упорядоченіе ду-

ховной пастырской дѣятельности и нѣкоторыя другія въ этомъ же родѣ мѣры».

Г. Кошелевъ признаетъ не безполезными, временно, и нѣкоторыя изъ тѣхъ мѣръ, которыя выработаны петербургскимъ совѣщаніемъ земскихъ людей. Но, конечно, такія мѣры могутъ только смягчить (и то далеко не вездѣ) ужасы пьянства.

Отмѣтимъ въ статьѣ г. Кошелева одну фразу, которая, думается намъ, не совсѣмъ справедлива по отношенію къ нашему многострадальному народу. «Возвращеніе людямъ человѣческихъ правъ,—говоритъ почтенный земскій дѣятель, — мало подняло ихъ въ нравственномъ отношеніи». Г. Кошелевъ знаетъ, разумѣется, какое сильное движеніе обнаружилось было въ крестьянствѣ въ пятидесятыхъ годахъ въ пользу сокращенія пьянства (объ этомъ движеніи напомнили недавно *Московскія Вѣдомости* въ одной изъ очень дѣльныхъ статей по питейному вопросу). Именно изъ глубины народныхъ массъ началось упорное, послѣдовательное противодѣйствіе раззорительному и развращающему пороку; именно почувствовавшій приближеніе человѣческихъ правъ крестьянинъ вступилъ въ рѣшительную борьбу и съ собственнымъ недугомъ, и съ недугомъ своихъ односельцевъ. Но противъ этого движенія возстала администрація. Слѣдуетъ, наконецъ, вспомнить, что многіе раскольничьи толки строго воздерживаются не только отъ пьянства, но даже отъ употребленія вина вообще.

Правительство, предложивъ совѣщанію земскихъ людей на ряду съ вопросомъ о пьянствѣ вопросъ о переселеніяхъ, само признало такимъ образомъ необходимость мѣръ, прямо направленныхъ къ поднятію народнаго благосостоянія. Необходимость расширенія крестьянскаго землевладѣнія, при помощи переселеній и при содѣйствіи крестьянамъ въ покупкѣ земли, продолжаетъ оставаться необходимостью. Поэтому съ чувствомъ искренней радости прочли мы извѣстіе о постановленіи полтавскаго земскаго собранія 5 октября текущаго года. Заимствуемъ изъ *Московскаго Телеграфа* (№ 279) нѣкоторыя подробности объ этомъ чрезвычайно важномъ постановленіи. Въ докладѣ коммиссіи было сказано, что ни переселенія, ни развитіе крестьянскаго долгосрочнаго кредита не въ состояніи вывести сельское населеніе изъ его тяжелаго современнаго положенія. Первая мѣра встрѣчается съ нерасположеніемъ крестьянъ оставлять мѣсто родины; передвиженіе, кромѣ того, сопровождается большими расходами и потерею времени. Долгосрочнымъ кредитомъ крестьяне могутъ пользоваться только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не дошли еще до бѣдственнаго состоянія. «Статистика послѣдняго двадцатилѣтія указываетъ, что землевладѣніе быстро переходитъ въ руки крестьянъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, констатируется, что этотъ переходъ совершается въ руки отдѣльныхъ богатыхъ домохозяевъ а не цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ; въ средѣ массы крестьянства, напротивъ, развивается пауперизмъ. Нарожденіе этихъ отдѣльныхъ богатыхъ крестьянскихъ хозяйствъ вовлекаетъ массу въ на-

балу имъ. Слѣдовательно, вниманіе земства должно быть направлено на изысканіе мѣръ къ улучшенію быта тѣхъ крестьянъ, которые обладаютъ землею въ недостаточныхъ размѣрахъ, при условіи обработки ея собственными силами. Къ такой категоріи сельскихъ обывателей должны быть причислены всѣ тѣ крестьяне, которые получили въ надѣлъ землю менѣе высшаго размѣра надѣла по Положенію 19-го февраля 1861 г. Въ Полтавской губ. высшій размѣръ надѣла составляетъ, приблизительно, 8 десятинъ на каждаго домохозяина. Свѣдѣнія, доставленныя миргородской управой, и другія данныя, находящіяся въ распоряженіи коммиссіи, удостовѣряютъ, что положеніе крестьянъ, обладающихъ такимъ надѣломъ, можетъ считаться удовлетворительнымъ. Слѣдовательно, забота «попечительства» должна быть направлена на улучшеніе благосостоянія слѣдующихъ лицъ: 1) тѣхъ, которыя владѣютъ одною усадебною осѣдлостью, не имѣя вовсе полеваго надѣла; 2) тѣхъ, которыя, получивъ даровой надѣлъ въ размѣрѣ ¼ высшаго душеваго надѣла, отказались отъ пользованія остальною отведенною имъ землею; 3) тѣхъ, которыя получили низшіе земельные надѣлы, и 4) тѣхъ, которыя получили надѣлы, вообще недостигающіе размѣра высшихъ. Въ разрядъ нуждающихся въ помощи попечительства должны быть внесены не одни бывшіе помѣщичьи, но, вообще, всѣ сельскіе обыватели, положеніе которыхъ заслуживаетъ участія: казаки, дворяне и другіе».

По статистической таблицѣ г. Квитки, въ Полтавской губерніи изъ общаго числа 363.571 бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ (мужскаго пола) 251.941 душа имѣютъ надѣлы не свыше двухъ, а 95.549 душъ — не свыше трехъ десятинъ на душу, обладая въ общей сложности 457.937 десят. «Изъ общаго числа казаковъ и государственныхъ крестьянъ 553.155 наличныхъ душъ 281.161 владѣютъ надѣломъ въ количествѣ 559.673 десятинъ. Въ общей сложности надѣлъ 628.665 душъ простирается до 1.018.610 десят., тогда какъ, по высшему размѣру, опредѣленному въ Положеніи 19-го февраля 1861 года, т. е. по 2¾ дес. на душу, имъ причиталось бы 1.728.829 дес., что и обнаруживаетъ недостатокъ 710.219 десят. При средней цѣнности десятины земли въ Полтавской губ. въ 100 руб., пріобрѣтеніе такого количества земли потребовало бы затраты до 70.000.000 руб. и вызвало бы сокращеніе на половину настоящаго крупнаго и средняго землевладѣнія, простирающагося до 1.500.000 дес. Коммиссія не отрицаетъ пригодности долгосрочнаго кредита при покупкѣ крестьянами земель, который можетъ ссудить имъ отъ 50 до 60% земельной стоимости, но считаетъ нужнымъ изыскать сумму, недостающую крестьянамъ для пріобрѣтенія земли въ собственность. Одну часть этой суммы должны дать собственныя сбереженія крестьянъ, а другую часть обязано восполнить попечительство».

Коммиссія вполнѣ понимаетъ, что окончательно совладать съ громадною задачею обезпеченія народнаго благосостоянія можетъ только государство;

тѣмъ не менѣе, говорится въ докладѣ, земство не можетъ оставаться равнодушнымъ къ нуждамъ населенія и, не ожидая того времени, пока государственная власть возьметъ въ свои руки это дѣло, должно предпринять хотя нѣкоторыя мѣры для содѣйствія улучшенію быта сельскаго населенія. Коммиссія полагаетъ, что «еслибы губернское земство ассигновало на это дѣло отъ 100 до 150.000 рублей безвозвратно, то надлежитъ тогда приступить къ выпуску облигацій на 1.500.000 руб., а сумма въ 150.000 руб. была бы достаточна для покрытія % и погашенія долга; это дало бы средства разомъ приступить къ пріобрѣтенію до 50.000 дес. Считая цѣнность пріобрѣтаемой десятины въ 100 руб., окажется, что путемъ долгосрочнаго займа, при потерѣ на курсѣ до 10%, можно получить на покупку до 50 руб., за которые придется уплачивать ежегодно срочныхъ банковыхъ платежей по существующей нормѣ изъ 7½% — до 4 руб. 50 коп., 20 руб. на десятину долженъ внести самъ покупатель,— слѣдовательно, земству пришлось бы ссудить изъ облигаціоннаго капитала до 30 рублей на десятину. При начетѣ на эти 30 руб. 5% и 1% погашенія, будетъ причитаться къ уплатѣ ежегодно еще 1 руб. 80 коп. Весь платежъ съ пріобрѣтаемой десятины составится 6 руб. 30 коп., а съ присоединеніемъ до 45 коп. повинностей — 6 руб. 75 коп. ежегодно. Такую ренту земля Полтавской губ. легко можетъ вынести даже въ неурожайный годъ. Слѣдовательно, выпускъ облигацій не можетъ грозить земству потерями. Для большей осторожности коммиссія предлагаетъ на первый разъ ограничиться выпускомъ облигацій до цифры двухгодовой суммы губернскаго земскаго обложенія, въ каковомъ случаѣ не потребуется и разрѣшенія правительства для выпуска облигацій. Попечительство обязано также принять на себя: розыскъ продающихся земель, выборъ мѣстъ для поселенія, разбитіе купленной земли и т. п. Чтобы попечительство могло дѣйствовать успѣшно, кромѣ членовъ губернской земской управы, изъ которыхъ оно будетъ состоять, слѣдовало бы привлечь еще нѣсколько лицъ, интересующихся настоящимъ дѣломъ. При уѣздныхъ управахъ могутъ быть открыты отдѣленія попечительства».

Изъ рѣчей, произнесенныхъ на полтавскомъ земскомъ собраніи при обсужденіи этого проекта, особенно выдается рѣчь кіевскаго профессора Лучицкаго. Почтенный профессоръ, съ цифрами и историческими данными въ рукахъ, убѣдительно доказывалъ вредъ привлеченія крестьянской недвижимой собственности въ кругъ дѣйствій коммерческаго кредита. Г. Лучицкій думаетъ, что должно содѣйствовать покупкѣ земель только крестьянскимъ обществамъ, безъ права перехода этихъ земель изъ разряда общественныхъ въ личную собственность. Гласный имѣетъ при этомъ въ виду не общинное землевладѣніе, а ту форму владѣнія, которая существуетъ у крестьянъ Полтавской губерніи, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

Послѣ оживленныхъ преній, закончившихся энергическою рѣчью г. Заленскаго, предсѣдателя полтавской губернской земской управы, въ защиту

проекта коммиссіи, собраніе постановило: принять въ принципѣ проектъ земскаго попечительства о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, на основаніяхъ, предложенныхъ банковою коммиссіею, и, въ память императора Александра II, ходатайствовать о наименованіи этого попечительства *Александровскимъ*. Такимъ образомъ либералы, люди школьной науки, die Literaten, побѣдили, и, благодаря имъ, въ Полтавской губерніи могутъ навѣки исчезнуть тѣ порядки, носителями которыхъ являются различные Фишеры.

Въ числѣ другихъ заимствованій у Запада находятся, какъ извѣстно, ссудо-сберегательныя товарищества. Починъ въ этомъ дѣлѣ и настойчивое, заслуживающее глубокаго уваженія, стремленіе обезпечить правильный ходъ развитія товариществъ, заставить ихъ служить интересамъ народныхъ массъ, принадлежитъ также либераламъ, гг. Лугинину, Яковлеву, Хитрово, Колюпанову, покойному князю Васильчикову и нѣкоторымъ другимъ выдающимся людямъ. Несмотря на всѣ усилія съ ихъ стороны, дѣло не вездѣ принималось, не вездѣ шло хорошо, какъ замѣчали уже мы въ одномъ изъ обозрѣній. Случалось, что ссудо-сберегательное товарищество попадало въ руки кулаковъ и оказывалось полезнымъ только для нихъ. Но такъ было не вездѣ и, вопреки многимъ неблагопріятнымъ условіямъ, ссудо-сберегательныя товарищества продолжали развиваться. Намъ доставленъ *шестой отчетъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ*, изданный подъ редакціей В. Н. Хитрово, секретаря петербургскаго отдѣленія комитета. Первое ссудо-сберегательное товарищество въ Россіи было открыто въ селѣ Дороватовѣ, Ветлужскаго уѣзда, Костромской губерніи, въ 1866 году. Только черезъ два года на это товарищество было обращено вниманіе общества г. Колюпановымъ, который напечаталъ статью въ *Москвѣ*, издававшейся И. С. Аксаковымъ. Къ нынѣшнему году, по отчету комитета, число дѣйствующихъ товариществъ достигло 950, а число членовъ въ нихъ—225.000. Общая сумма оборотовъ составляла:

въ 1877	году	42.212.834	руб.
» 1878	»	52.723.112	»
» 1879	»	57.449.333	»

Съ 1 сентября истекающаго года началъ выходить *Листокъ С.-Петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ*.

Энергическая, въ высокой степени почтенная дѣятельность *Отдѣленія* получила въ 1876 году, на международной выставкѣ въ Брюсселѣ, почетное отличіе отъ жюри выставки: первую награду—большую серебряную вызолоченную медаль—за содѣйствіе къ учрежденію въ теченіе 4 лѣтъ болѣе 500 товариществъ. Такая энергія, выдающаяся и въ западно-европейскихъ государствахъ, особенно отрадна у насъ, при той умственной

и нравственной спячкѣ, благодаря которой такъ медленно развиваются лучшія начинанія лучшихъ людей.

Конечно, и товарищества, отдѣльно взятыя, не въ состояніи принести значительной пользы массѣ населенія; но имъ уже теперь принадлежитъ видное мѣсто въ ряду второстепенныхъ мѣръ, направленныхъ къ поднятію народнаго благосостоянія, и еще большую важность пріобрѣтутъ они тогда, когда хоть нѣсколько улучшатся общія условія нашего быта. Правительство, несмотря на всѣ усилія, имѣвшія цѣлью сокращеніе государственныхъ расходовъ, не въ состояніи было обойтись въ истекающемъ году безъ крупнаго займа. Въ Высочайшемъ указѣ г. управляющему министерствомъ финансовъ сказано: «Для уплаты государственному банку, на основаніи Высочайшаго указа 1-го января 1881 года, 50-ти милліоновъ руб., въ счетъ долга государственнаго казначейства по позаимствованіямъ, сдѣланнымъ изъ банка во время послѣдней войны, и для подкрѣпленія средствъ государственнаго казначейства, повелѣваемъ вамъ, согласно представленію вашему, въ особомъ комитетѣ разсмотрѣнному, произвести новый выпускъ государственныхъ 5% банковыхъ билетовъ на нарицательный капиталъ 100.000.000 руб., на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) означенные билеты обращаются въ продажу порядкомъ, вами установленнымъ, и на условіяхъ, вами утвержденныхъ; 2) симъ билетамъ присвоиваются всѣ права и преимущества, принадлежащія, по силѣ Высочайше утвержденнаго 1-го сентября 1851 г. Положенія, 5% банковымъ билетамъ 1-го выпуска, съ тѣмъ, что погашеніе будетъ производиться въ теченіе 37-ми лѣтъ, ежегодными тиражами, на опредѣленныя суммы, безъ пріема отъ владѣльцевъ билетовъ заявленій о включеніи ихъ билетовъ въ ближайшій или болѣе отдаленный тиражъ; и 3) выпущенные билеты вносятся въ государственную долговую книгу съ тѣмъ, чтобы государственная коммиссія погашенія долговъ производила государственному банку ежегодно, до окончательнаго погашенія всей нарицательной суммы выпущенныхъ билетовъ (100.000.000 рублей), платежи—по 5% интереса и по 1% погашенія въ годъ на нарицательный капиталъ».

Очевидно, что только крайняя необходимость могла заставить правительство прибѣгнуть къ заключенію новаго найма, а противъ необходимости не спорятъ. Потребуются напряженныя и совмѣстныя усилія правительства и общества, чтобъ окончательно выяснить состояніе нашего государственнаго хозяйства и поставить его вполнѣ удовлетворительно. Къ сожалѣнію, и самый способъ, которымъ на нынѣшній разъ заключало министерство финансовъ, былъ далеко не безукоризненъ, такъ какъ львиная часть барыша перепала при этомъ въ руки банковъ и крупныхъ банкировъ. *Московскій Телеграфъ* замѣтилъ, что новый заемъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о способѣ его заключенія, является, во всякомъ случаѣ, признакомъ неблагопріятнаго состоянія, въ которомъ находится наше государственное хозяйство.

«Война съ Турціей за освобожденіе балканскихъ славянъ стоила намъ очень дорого. Плохіе урожаи послѣдующихъ лѣтъ ухудшили положеніе народнаго хозяйства и сказались чувствительною недоплатою податей въ государственное казначейство. При такихъ условіяхъ правительство приступило къ реформамъ въ финансовой системѣ и начало, въ концѣ прошлаго царствованія, отмѣною налога на соль. Вслѣдствіе этой отмѣны, въ бюджетѣ долженъ былъ образоваться соотвѣтствующій дефицитъ, а неблагопріятныя условія, о которыхъ мы упомянули, увеличили этотъ дефицитъ до того, что потребовался стомилліонный заемъ. Между тѣмъ у насъ существуетъ другой налогъ, давно уже требующій отмѣны, осужденный какъ западно-европейскою наукою, такъ и русскимъ земствомъ, которое одиннадцать лѣтъ тому назадъ, по приглашенію высшаго правительства, обсуждало этотъ вопросъ. Мы говоримъ о подушной подати. Но прежде, чѣмъ отмѣнить подушную подать, необходимо опредѣлить, какой новый источникъ государственнаго дохода будетъ выдвинутъ на ея мѣсто, ибо сокращенія государственныхъ расходовъ на значительную сумму въ ближайшемъ будущемъ ожидать невозможно. Такимъ образомъ неизбѣжною становится общая реформа нашего финансоваго управленія; правительство, какъ извѣстно, подготовляетъ съ этою цѣлью обширный и разнообразный матеріалъ».

Не мало драгоцѣнныхъ данныхъ собрано и по другимъ отраслямъ нашего управленія; но преобразованія, основанныя на всѣхъ данныхъ подобнаго рода, подготовляются крайне медленно. Слѣдуетъ, кромѣ того, замѣтить, что по нѣкоторымъ вопросамъ, напримѣръ въ церковномъ управленіи, правительство измѣняетъ, въ болѣе или менѣе значительной степени, основныя начала управленія въ прошлое царствованіе. Замѣчается нѣкоторая двойственность, нѣкоторое колебаніе во взглядахъ нашей высшей администраціи на отношеніе къ расколу, къ многочисленнымъ вѣроученіямъ, которыя, какъ извѣстно читателямъ *Русской Мысли* изъ изслѣдованій А. С. Пругавина, живутъ и крѣпнутъ въ глубинѣ русскаго народа. Въ послѣднее время въ печать проникли слухи и о другихъ предполагающихся, будто бы, измѣненіяхъ въ нашемъ государственномъ строѣ. На этотъ разъ дѣло идетъ объ ударѣ, который, по сообщенію *Новостей*, заносится надъ судебно-мировыми учрежденіями. Но, по нашему мнѣнію, это извѣстіе не можетъ имѣть никакого серьезнаго основанія. Незыблемость основныхъ началъ прошлаго царствованія торжественно признана главнымъ залогомъ народнаго благосостоянія и дѣйствительнаго, прочнаго величія государства. Передѣлки, поправки и дополненія въ реакціонномъ духѣ не должны касаться *духа* Судебныхъ Уставовъ, составляющихъ вѣчную славу прошлаго царствованія, не должны парализировать тѣхъ великодушныхъ и разумныхъ принциповъ, которые составляютъ краеугольный камень этихъ Уставовъ. Безъ независимаго, гласнаго суда, безъ несмѣняемости судей въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, безъ присяжныхъ

засѣдателей и безъ выборнаго, свободнаго начала въ мировомъ институтѣ—не будетъ смысла въ Уставахъ 1864 года, будетъ загублена великое преобразованіе. Но, конечно, такая ломка невозможна,—она означала бы сопротивленіе исторіи, временное торжество случайности, а призваніе монархической власти, какъ говорятъ ея самые убѣжденные, самые разумные и наиболѣе преданные слуги, заключается именно въ устраненіи возможности случайнаго торжества той или другой партіи, того или другаго лица.

Всякому образованному человѣку, въ особенности человѣку, по выраженію газеты *Русь*, школьной науки и — намъ думается — всякому доброму русскому желательно не стѣсненіе независимости и компетенціи суда, а ихъ дальнѣйшее развитіе. Ни для кого не тайна, что въ обществѣ существуетъ сильная и постоянно укрѣпляющаяся надежда, что проступки и преступленія, совершенные путемъ печати, будутъ вѣдаться исключительно судомъ. *Московскій Телеграфъ* (№ 283) напоминаетъ, что въ прошломъ году была учреждена коммиссія для пересмотра законовъ о печати. Въ эту коммиссію, говоритъ газета, также какъ теперь «по вопросамъ выкупному, питейному и переселенческому, были призываемы свѣдущіе люди—представители нѣкоторыхъ органовъ печати. Были сказаны прекрасныя рѣчи, были выслушаны мнѣнія. Большинство членовъ коммиссіи, какъ сообщалось тогда въ газетахъ, высказалось за предоставленіе печати бо́льшаго простора, за освобожденіе ея отъ административнаго надзора и за передачу проступковъ печати вѣдѣнію суда. Затѣмъ дѣло затянулось. Наступилъ ужасный день 1-го марта—и всѣ возбужденные до этого дня вопросы должны были смолкнуть. Но эпоха ужаса миновала, гражданская государственная жизнь снова вступила въ права свои. Что же сталось съ коммиссіей по пересмотру законовъ о печати?»—спрашиваетъ газета.

А вліяніе печати только тогда можетъ быть вполнѣ благотворно, когда она поставлена закономъ въ независимое положеніе, когда злоупотребленія свободой печатнаго слова сдерживаются и караются судебнымъ приговоромъ. Старая пѣсня, конечно, но она, какъ извѣстная старая исторія у Гейне, bleibt immer neue.

Газетою ли, книгою ли, рукописью ли, но читатель вѣчно будетъ стремиться удовлетворить непобѣдимо-растущей потребности знать и мыслить, чтобы судить и дѣйствовать. Не даромъ количество печатной бумаги, приходящееся на человѣка, составляетъ одинъ изъ лучшихъ признаковъ низкаго или высокаго уровня просвѣщенія и благосостоянія народа. Не даромъ писатель (даровитый, конечно) становится во главѣ умственнаго и нравственнаго развитія, подготовляетъ экономическія преобразованія и измѣненія въ государственномъ строѣ и имѣетъ нерѣдко большое вліяніе на судьбу своей родины, нежели цѣлая фаланга государственныхъ людей. И въ то время, какъ многіе государственные люди уже забываются, ког-

да имена ихъ стали достояніемъ только очень подробныхъ учебниковъ исторіи, а добрыя дѣла, или дѣйствительно совершенныя, незамѣтно вошли въ обновившійся общественный бытъ,—въ это время, и долго спустя, вдохновенныя страницы поэта или мыслителя продолжаютъ волновать и руководить общество. Къ числу такихъ поэтовъ, безспорно, принадлежитъ Некрасовъ, воспоминаніемъ о которомъ я и закончу «внутреннее обозрѣніе».

13 сентября на могилѣ «печальника скорби народной» поставленъ памятникъ. Было произнесено нѣсколько рѣчей. Сообщаемъ слова, сказанныя г. Г. Градовскимъ:

«Въ декабрѣ 1877 года здѣсь хоронили бренные останки Некрасова. Теперь мы пришли не для похоронъ... Мы воскрешаемъ образъ поэта и оживляемъ въ себѣ то, что не можетъ и не должно умирать. Необходима еще «муза печали» на Руси. Горе намъ, если пѣснь о любви къ народу и о свободѣ не находитъ уже отзвука въ нашей душѣ! Въ тяжкихъ страданіяхъ умиралъ Некрасовъ; но муза его, болѣе нежели когда-нибудь, была проникнута любовью и вѣрою въ свой народъ. Голосъ нѣжно любимой матери чудился поэту-гражданину, бывшему уже на смертномъ одрѣ.

«Усни, страдалецъ терпѣливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою...

«И въ то время, дѣйствительно, можно было надѣяться, что настанетъ, наконецъ, и для Россіи «свѣтъ» и «скроется тьма». Народъ, великодушно сражавшійся за свободу другихъ, ясно показывалъ, насколько ему самому драгоцѣнна эта свобода.

«Надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Мы пережили съ тѣхъ поръ много горя и бѣдъ. Болѣе нежели когда-нибудь приходится теперь спрашивать: «Кому на Руси жить хорошо?» Не вѣрится, чтобы счастливы были и тѣ, кто сдружился съ «музою доноса и лжи, сыска и лжи»,—нельзя основать счастья на несчастьи другихъ. Но тотъ же поэтъ указалъ и лучшее средство, какимъ мы можемъ избавиться отъ удручающихъ насъ золъ:

«Сѣйте разумное, вѣчное, доброе
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ...

«Мертвое слѣдуетъ оставить мертвымъ, но унесемъ отсюда съ собою то живое и вѣчное, что заповѣдалъ намъ поэтъ. Если мы дѣйствительно чтимъ эту могилу, то не станемъ, по крайней мѣрѣ, мѣшать,

«Чтобы широкіе лапти народные
Къ ней проторили пути!»

Не только не станемъ мѣшать, а будемъ звать на поклоненіе этой могилѣ, чтобъ у ней запасаться глубокою вѣрой въ торжество любви и разума, когда вѣра эта подвергается суровымъ испытаніямъ, когда

Надрывается сердце отъ муки,
Плохо вѣрится въ силу добра!

В. Г.

II.

Что дѣлается въ крестьянской средѣ.

Народъ теперь у всѣхъ на языкѣ; толки о народѣ сдѣлались моднымъ разговоромъ. Изъ-за него горячатся публицисты и ломаютъ копья въ словесной борьбѣ, часто очень комичной. Во имя его въ Петербургѣ собираются коммиссіи и комитеты изъ столичныхъ чиновниковъ. Для него правительство пригласило изъ провинцій мѣстныхъ обывателей, которые получили названіе «земскихъ свѣдущихъ людей». Они призваны для совѣщанія по вопросамъ, затрогивающимъ хотя далеко не самые главные и жизненные интересы народа, но все-таки интересы народные. Имъ поручено сообразить мѣры для противодѣйствія неумѣренному употребленію вина и раззоренію населенія по этой причинѣ; въ изысканіи соотвѣтствующихъ цѣли мѣръ имъ предоставлена полная свобода съ тѣмъ только ограниченіемъ, чтобы новое направленіе винной торговлѣ было дано «безъ ущерба государственнымъ доходамъ». Сверхъ того, имъ поручено разработать вопросъ о регулированіи переселенческаго движенія; и опять-таки имъ объявлено, что «нѣтъ надобности затрудняться въ высказываніи своихъ мнѣній совершенно откровенно», причемъ сдѣлано только одно замѣчаніе, что министры уже пришли «къ глубокому убѣжденію въ совершенной необходимости всемѣрно сдерживать всякіе безосновательные порывы къ переселенію и стараться уменьшить даже существующую нынѣ потребность въ передвиженія, удовлетворяя насущнымъ земельнымъ нуждамъ крестьянъ, по возможности, другими путями; въ случаяхъ же ничѣмъ не отвратимой потребности предоставлять совершеніе переселеній исключительно собственнымъ силамъ переселенцевъ, оказывая имъ матеріальную помощь лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ». Оба эти вопроса болѣе или менѣе глубоко затрогиваютъ народныя нужды и вызваны заботами правительства все о томъ же народѣ. И замѣчательно, что правительство такъ серьезно относится къ народнымъ нуждамъ, что не только заботится объ удовлетвореніи ихъ, но и высказываетъ опасенія на случай возможности прискорбнаго и неправильнаго истолкованія народомъ правительственныхъ намѣреній. Министръ государственныхъ имуществъ, при открытіи совѣщанія свѣдущихъ людей, заявилъ въ рѣчи, напечатанной въ *Правит. Вѣстникѣ*, что существующее нынѣ въ средѣ крестьянъ переселенческое движеніе «тѣмъ болѣе тревожно, что малѣйшая неосв-

кая мѣра, даже одно неосторожное сообщеніе неточныхъ свѣдѣній о правительственныхъ предположеніяхъ, ложно понятыя, превратно истолкованныя, могутъ вызвать ничѣмъ не удержимое броженіе въ крестьянскомъ населеніи,—броженіе тѣмъ болѣе сильное, что оно не будетъ ограничено въ своемъ размѣрѣ никакими насущными нуждами населенія». Поэтому министръ счелъ нужнымъ высказать предъ земскими свѣдущими людьми свое глубокое убѣжденіе, что правильное и благополучное рѣшеніе переселенческаго вопроса можетъ быть достигнуто лишь тогда, «когда мы ни на минуту не будемъ упускать изъ виду того впечатлѣнія, которое можетъ произвести на склонное и безъ того къ передвиженіямъ на новыя мѣста наше крестьянское населеніе — та или другая, принимаемая правительствомъ въ разрѣшеніе этого вопроса, мѣра». Въ заключеніе министръ опять-таки упомянулъ о своей надеждѣ, что «заявленныя опасенія останутся только одними опасеніями и ничѣмъ болѣе». Такимъ образомъ правительству приходится считаться не съ одними только нуждами крестьянъ, но и съ стремленіемъ ихъ по-своему удовлетворять эти нужды, не справляясь съ видами правительства. Въ рѣчи министра мы видимъ заявленіе, что въ народѣ есть броженіе, что масса волнуется, чего-то ждетъ, ловитъ разные слухи и стремится, безъ посредства правительственной власти, безпорядочно, удовлетворять пробудившіяся въ ней потребности.

Да, не даромъ у всѣхъ на языкѣ рѣчь о народѣ, не безъ причины всѣ вдругъ стали заботиться о немъ. Нынѣшній годъ—это безспорно замѣчательный, великій годъ въ жизни народа. Народъ, котораго до сихъ поръ считали вѣчно пьянымъ, глупымъ до идіотизма Савоською, вдругъ начинаетъ какъ будто преображаться въ глазахъ нашего общества. Глухонѣмой идіотъ вдругъ заговорилъ. Но — что всего важнѣе — Савоська будто и не думаетъ справляться съ мнѣніями и совѣтами умныхъ людей.

Если мы будемъ внимательно приглядываться къ теперешнему крайне возбужденному настроенію крестьянской массы, то увидимъ, прежде всего, какое-то общее хаотическое волненіе. Изъ конца въ конецъ, во всей странѣ, мы видимъ одно и то же: вездѣ народъ толкуетъ о землѣ, о томъ, что скоро выйдетъ царскій указъ о раздѣлѣ земель между трудящимися работниками. Эти толки распространены повсемѣстно и увлекаютъ крестьянъ до забвенія всего прочаго. Недавно одно лицо, все лѣто разъѣзжавшее по губерніямъ средней Россіи для ознакомленія съ народомъ, на вопросъ, что говорятъ крестьяне о раздѣлѣ земель, отвѣчало такъ: «мнѣ надоѣли эти разговоры больше всѣхъ дорожныхъ неудобствъ. Съ кѣмъ ни встрѣтишься, о чемъ ни заговоришь, а въ концѣ концовъ дѣло непремѣнно сводится на раздѣлъ земель. Каждый день приходится разъ двадцать выслушивать отъ крестьянъ все одни и тѣ же разговоры о царскомъ указѣ, которымъ предписывается раздѣлить между крестьянами казенныя и помѣщичьи земли». Газетныя корреспонденціи наполнены извѣстіями о

томъ, что народъ вездѣ волнуется и ждетъ, въ самомъ скоромъ времени, всевозможныхъ благъ для себя, въ числѣ которыхъ самое главное мѣсто занимаетъ надѣленіе крестьянъ помѣщичьими и казенными землями. Такъ, напримѣръ, въ *Страну* пишутъ изъ Владимірской губерніи, что «народъ живетъ напряженными ожиданіями и мечтаніями. Эти ожиданія и мечтанія укладываются иногда въ очень характерной формѣ, созидаютъ разнообразныя легенды, къ сожалѣнію, неудобныя для опубликованія въ нашей печати. Въ виду близкаго рѣшенія вопроса объ обязательномъ выкупѣ, всюду у временно-обязанныхъ крестьянъ идетъ повѣрка надѣловъ и границъ. При видѣ появившихся землемѣровъ, народъ говоритъ, что «господамъ пришло закончаніе», что народъ и земли «отбираютъ въ казну», что скоро послѣдуетъ распоряженіе объ отводѣ въ казну и земель кулацкихъ съ тѣмъ, что будетъ установлена опредѣленная арендная плата (въ 3 руб. за десятину), выше которой за землю никто брать не посмѣетъ. Существуетъ еще оригинальный слухъ въ народѣ, что будто бы будутъ прикрыты всѣ народныя училища, чтобы не было умственнаго мужика. Среди мѣстныхъ раскольниковъ оживаютъ слухи о скоромъ свѣтопреставленіи; появляются пророки, проповѣдующіе о пришествіи антихриста. Православные, впрочемъ, къ этимъ пророчествамъ относятся крайне иронически и напротивъ больше склонны думать, что мужикъ, въ скоромъ времени, восторжествуетъ». Коммиссія, избранная череповскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ Новгородской губерніи, въ своемъ докладѣ дѣлаетъ такую характеристику настроенія крестьянской массы: «Начало общиннаго владѣнія землею нигдѣ и никогда не было установлено закономъ, оно вездѣ раждалось само собою и оно, несомнѣнно, покоится на глубокомъ убѣжденіи, присущемъ каждому народу, что земля, какъ первѣйшее орудіе производства, принадлежитъ всѣмъ и каждому. Начало это вовсе не ограничиваетъ, въ завѣтныхъ думахъ любаго заурядного крестьянина, права на землю предѣлами отведеннаго надѣла; 20 лѣтъ, прошедшія въ постоянныхъ отграниченіяхъ, не изгнали изъ головы крестьянина мысль, что земля принадлежитъ всѣмъ и что если она раздѣлена неравномѣрно, такъ что трудно существовать, то Царь можетъ приказать передѣлить ее; въ послѣдніе годы эту мысль, съ одного конца Россіи до другаго, выражали такъ: «дорѣзать» сначала до 8, а потомъ до 15 десятинъ на душу. Откуда цифры—не важно, но заслуживаетъ вниманія, что мысль эта циркулируетъ среди крестьянскаго населенія настойчиво, издавна, безъ всякой посторонней пропаганды. Министръ внутреннихъ дѣлъ г. Маковъ, въ 1879 году, циркулярно пытался убѣдить народъ, что никакихъ передѣловъ не будетъ, такъ какъ правительство и законъ ограждаютъ собственность. Но, насколько намъ извѣстно, циркуляръ этотъ вызвалъ еще большіе толки среди крестьянъ, въ направленіи совершенно обратномъ мечтамъ г. Макова. Очевидно, что бюрократическіе пріемы въ борьбѣ съ такими явленіями неприложимы, а между тѣмъ общество не можетъ отрицать ту опас-

ность, которая грозитъ его странѣ отъ тѣхъ соціальныхъ ученій, которыя встрѣчаютъ среди массъ готовымъ, но не удовлетвореннымъ, одно изъ основныхъ своихъ положеній. Отвратить опасность возможно или уничтоженіемъ общины, или же удовлетвореніемъ ея стремленій; рѣшить, который изъ этихъ путей лучшій — дѣло государственной мудрости, но лавировать между ними безнаказанно весьма трудно. Въ Московской губерніи, и даже въ самой Москвѣ, по словамъ *Земства*, въ народѣ распространилась увѣренность, что скоро начнется *генеральское* межеваніе, что всѣ земли отъ казны и помѣщиковъ отойдутъ къ крестьянамъ, что съ 1-го января крестьяне получатъ новый надѣлъ по восьми десятинъ на душу, причемъ всѣ существующіе сборы будутъ уничтожены и замѣнены одною податью по 5 рублей съ занимающихся исключительно земледѣліемъ и по 25 рублей съ имѣющихъ, кромѣ того, заработки на сторонѣ. Изъ Тверской губерніи намъ сообщаютъ, что тамъ толки о передѣлѣ между крестьянами всѣхъ помѣщичьихъ и казенныхъ земель принимаются народомъ съ полною и непоколебимою вѣрой. Въ одномъ помѣстьѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ смежныхъ деревень, старики даже собирались на общую сходку для обсужденія вопроса о томъ, какъ поступить съ помѣщикомъ, который, со времени крестьянской реформы, жилъ въ добромъ согласіи съ крестьянами, предоставляя имъ всякія льготы, а теперь, въ силу ожидаемаго царскаго указа, долженъ лишиться помѣстья. На сходкѣ порѣшено: за доброту его предоставить ему владѣть помѣстьемъ до смерти, отобравъ у него только небольшіе клочки, совершенно необходимые для крестьянъ. До чего доходитъ увѣренность крестьянъ въ скоромъ передѣлѣ помѣщичьихъ земель, видно изъ слѣдующаго случая, имѣвшаго мѣсто въ той же губерніи. Одинъ культурный человѣкъ убѣждалъ отставнаго солдата не вѣрить слухамъ о царскомъ указѣ, потому что правительство, посредствомъ объявленій чрезъ волостное начальство и при помощи проповѣдей, произносимыхъ священниками въ церквахъ, уже объяснило, что этотъ слухъ ложный, распущенный злонамѣренными людьми, чтобы вызвать смуту въ народѣ. На это солдатъ, съ усмѣшкою надъ простоватостью культурнаго человѣка, отвѣчалъ, что правительство опровергаетъ слухи о передѣлѣ помѣщичьихъ земель съ тою цѣлью, чтобъ обмануть помѣщиковъ. «Только скажи имъ до времени, что землю-то отберутъ, они ее и запустятъ, а куда намъ оголтѣлая земля?... Царь-то знаетъ, что мужику нужно,—сразу указъ нашлетъ, отдастъ намъ землю, словно пирогъ съ начинкой». Въ Полтавской губерніи все лѣто упорно держался слухъ, что общій раздѣлъ земель долженъ начаться съ 1-го августа. Но прошелъ и этотъ срокъ, а толки о передѣлѣ не прекратились и сдѣлались столь настойчивыми, что губернаторъ счелъ нужнымъ запретить производство мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій земскому статистику г. Терешкевичу. «Съ начала осени,—говоритъ корреспондентъ *Зари*,—Тереш-

кевичъ намѣренъ былъ приступить къ описанію, выбравъ, по его соображеніямъ, наиболѣе удобный пунктъ, запасся губернаторскимъ разрѣшеніемъ и отправился на мѣсто дѣйствія; онъ переночевалъ тамъ и на другой день хотѣлъ приступить къ описанію, какъ вдругъ получаетъ запрещеніе губернатора производить изслѣдованіе, на томъ основаніи, что вопросы о «землѣ» наводятъ крестьянъ на вредныя мысли и возбуждаютъ волненія». Въ Кіевской губерніи крестьяне также дожидаются общаго передѣла. Въ Казанской губерніи народные слухи о передѣлѣ такъ тревожны, что бывшее въ Казани, въ маѣ мѣсяцѣ, экстренное губернское земское собраніе признало нужнымъ возбудить ходатайство предъ правительствомъ объ изданіи объявленія, опровергающаго все болѣе и болѣе распространяющіеся среди крестьянъ слухи о передѣлѣ земли, и кромѣ того рѣшило само, путемъ изданія народныхъ брошюръ и даже газеты, знакомить народъ съ происходящими событіями. Въ Тамбовской губерніи, по словамъ корреспондента *Русскихъ Вѣдомостей*, «у крестьянъ возникла увѣренность, что, при наличныхъ экономическихъ условіяхъ и при существующей нормѣ надѣловъ, хозяйство ихъ существовать не можетъ. Въ мѣстной тюрьмѣ, подъ категоріей «политическихъ», содержатся крестьянинъ и сельскій учитель, по обвиненію въ распространеніи ложныхъ слуховъ о предстоящемъ увеличеніи надѣловъ прирѣзкою казенныхъ земель». Точно также и по словамъ тамбовскаго корреспондента *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, слухи о бунтахъ противъ помѣщиковъ, по случаю подложныхъ извѣстій о царскихъ указахъ, упорно поддерживаются и молва указываетъ на разные аресты, въ томъ числѣ старосты, священника и тому подобныхъ лицъ. Изъ Каменецъ-Подольска сообщаютъ кіевской газетѣ *Трудъ*: «вѣсть о томъ, что купчія крѣпости будутъ совершаться въ волостяхъ, произвела между крестьянами нѣкоторую сенсацію: одни видятъ въ этомъ реальное облегченіе для пріобрѣтенія малыхъ участковъ земли; другіе предугадываютъ тутъ нѣчто болѣе заманчивое... «Отъ за це вже спасибі, такъ спасибі Цареві! Не выстяга въ тебе земді, сміло йды до волости, щобъ дала купчу, тайуже!»—Коммиссія о еврейскомъ вопросѣ, вмѣстѣ съ волостными купчими, какъ-то путаются въ понятіяхъ народа и рисуютъ ему радостныя иллюзіи». Въ Сокольскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, въ деревнѣ Липинѣ, по словамъ *Виленскаго Вѣстника*, между крестьянами стали распространяться слухи о предстоящемъ, будто бы, новомъ передѣлѣ земли. Слухи эти распространялъ, какъ говорятъ, состоявшій въ услуженіи при военномъ топографѣ нижній чинъ. Въ Уфимской губерніи все лѣто между крестьянами упорно держался слухъ о новомъ надѣлѣ землею, такъ что архіерей и губернаторъ нашли нужнымъ объѣхать губернію съ тою цѣлью, чтобы по деревнямъ убѣждать народъ въ неосновательности этихъ извѣстій. Въ Симбирской губерніи уже давно между крестьянами было распространено убѣжденіе, что при новой ревизіи будетъ произведена нарѣзка отъ казны земли на прибылыя души.

Въ нынѣшнемъ году эти слухи значительно видоизмѣнились и приняли тревожный характеръ. Въ *Симбирской Земской Газетѣ* напечатано заявленіе, начинающееся такъ: «Какіе-то негодяи пустили молву, что будетъ новый надѣлъ крестьянамъ, что у помѣщиковъ отберутъ землю и дадутъ ее крестьянамъ,—все старыя сказки,—а мужики слушаютъ и, пожалуй, готовы повѣрить и накликать себѣ, здорово живешь, новую бѣду». Разъясняя неосновательность этой молвы, авторы заявленія обѣщаютъ крестьянамъ денежную премію за представленнаго начальству распространителя слуховъ о новомъ надѣлѣ. «Желая исполнить долгъ вѣрноподданныхъ и охранить темный народъ отъ смуты,—такъ заканчивается заявленіе,—мы, заявители, согласились сдѣлать между собою складчину и объявляемъ, что каждый крестьянинъ, который задержитъ злоумышленника, разсказывающаго въ народѣ о передѣлахъ и о другихъ незаконныхъ предметахъ, и представитъ этого злоумышленника начальству,—этотъ крестьянинъ имѣетъ тотчасъ же, по представленіи смутителя, получить сто рублей, которые мы представляемъ при семъ въ редакцію *Земской Газеты*». Изъ Воронежской губерніи, въ началѣ нынѣшняго года, писали *Русскому Курьеру*, что тамошніе крестьяне съ живѣйшимъ любопытствомъ разспрашиваютъ, не пишется ли чего въ газетахъ о новомъ надѣлѣ землей. Что касается объявленія бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, г. Макова, о запрещеніи всякихъ разсужденій относительно новаго надѣла, то крестьяне говорятъ, что оно теперь уже отмѣнено. Точно также въ Рязанской губерніи прошлою зимой ходилъ слухъ, будто появился гдѣ-то большой змѣй,—такой большой, что занялъ 5 десятинъ и лежитъ—не пошевелится, а солдаты караулятъ его. Крестьяне видятъ въ этомъ доброе предзнаменованіе и утверждаютъ, что если змѣй улегся на 5 десятинахъ, то и для прокормленія каждаго человѣка, не исключая и женщинъ, нужно такое же количество земли, а у нихъ полагается только $3^1/_2$ десятины, да и то на однихъ мужчинъ; отсюда, по объясненію крестьянъ, слѣдуетъ, что непремѣнно должна быть прирѣзка земли и въ скоромъ времени надо ждать этого.

Правительство обратило вниманіе на тревожное значеніе повсемѣстно распространившихся въ народѣ слуховъ о раздѣлѣ между крестьянами казенныхъ и помѣщичьихъ земель. Подобные слухи нельзя разсматривать исключительно какъ пустыя фантастическія бредни, какъ одинъ только досужій разговоръ: въ нихъ выражаются не только потребности земледѣльческаго класса, не только надежды сельскаго рабочаго населенія, но и стремленія его. Не слѣдуетъ забывать, что народная масса въ высшей степени склонна не только довѣрять разнымъ фантастическимъ слухамъ, но и, основываясь на этихъ разсказахъ, приходить въ волненіе. Народъ, безъ искуственной подготовки движенія, безъ правильной организаціи силъ, внезапно и какъ будто даже неосмысленно, приходитъ въ броженіе и поднимаетъ волненія, которыхъ невозможно заранѣе предвидѣть, ибо такъ незна-

чительны и пусты бывают ближайшіе, видимые признаки начинающихся волненій. Поэтому правительство, обративъ вниманіе на распространившіеся въ народѣ толки о раздѣлѣ между крестьянами казенныхъ и помѣщичьихъ земель, еще съ 1879 года принимаетъ разныя мѣры къ прекращенію ихъ, стараясь вразумить крестьянъ въ лживости и неосновательности подобнаго рода слуховъ. Мы видѣли, что попытка бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Макова остановить распространеніе слуховъ о передѣлѣ земли путемъ разъясненія невѣрности ихъ—крестьянамъ чрезъ волостное начальство, а солдатамъ чрезъ военныхъ властей—не имѣла никакого успѣха и даже произвела совершенно обратное дѣйствіе на крестьянскую массу. Затѣмъ подобная же попытка вновь была сдѣлана въ іюлѣ нынѣшняго года. Оберъ-прокуроръ синода разослалъ къ епархіальнымъ епископамъ циркуляръ, въ которомъ предписано духовенству проповѣдывать крестьянамъ въ церквахъ о незаконности и неосновательности ожиданія какого бы то ни было передѣла земли. Но едва ли возможно ожидать благопріятнаго результата отъ церковной проповѣди, произносимой не вслѣдствіе живаго убѣжденія, а по предписанію начальства. И дѣйствительно, намъ приходилось встрѣчать въ *Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* подобнаго рода проповѣди,—очевидно, напечатанныя въ видѣ образца,—и изъ чтенія ихъ мы вынесли убѣжденіе, что церковная проповѣдь должна только усилить толки и волненіе въ народѣ. Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе проповѣдь, напечатанная въ *Тверскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*. Въ ней проповѣдникъ употребляетъ весьма обыкновенный, но въ данномъ случаѣ совсѣмъ неудобный, ораторскій пріемъ. Онъ рисуетъ самыми заманчивыми красками благосостояніе и матеріальное довольство земледѣльцевъ въ томъ случаѣ, если въ ихъ руки перейдутъ помѣщичьи земли, противопоставляя роскошнымъ картинамъ счастья въ земной жизни гнѣвъ Божій и загробныя мученія. «Искушеніе,—говорится съ церковной каѳедры,—большое искушеніе для крестьянина, когда вдругъ толкуютъ ему, что вотъ ему не сегодня, такъ завтра, ни съ того, ни съ сего, достанется земля сосѣдняго помѣщика или землевладѣльца и что, будто, на это есть воля самого Государя Императора. Соблазнъ!... Вдругъ крестьянинъ, у котораго земли было мало, будетъ имѣть ея вдоволь, по горло, и притомъ земли хорошо обработанной, унавоженной, удобренной, обрытой канавами; будетъ имѣть и луга, и покосы, и лѣса, и приволье; будетъ богатъ, доволенъ, сытъ... О, братіе мои и други, бойтесь такого соблазна!» Чтобы рельефнѣе выставить преступность отчужденія помѣщичьихъ земель, проповѣдникъ послѣдовательно разсказываетъ крестьянамъ, какъ они сначала насильственно станутъ занимать помѣщичьи земли, какъ помѣщики будутъ оказывать сопротивленіе, какъ крестьяне станутъ убивать ихъ, потомъ какъ правительство станетъ защищать помѣщиковъ и наконецъ крестьяне начнутъ бунтовать противъ правительства. «Вы,—обращается проповѣдникъ къ крестьянамъ,—должны насильно завладѣть чужою землей, чужими луга-

ми, чужими лѣсами; при этомъ съ вашей стороны будутъ жестокость, грабительство, потому что ни одинъ изъ помѣщиковъ или землевладѣльцевъ не захочетъ уступить даромъ своей законной собственности. Вы скажете: «мы не будемъ обагрять руки кровію». Да это выйдетъ само собой, противъ вашей воли: вы встрѣтите сопротивленіе; это сопротивленіе раззадоритъ васъ; у васъ зачешутся руки, вотъ вы и хватитесь за колья, за топоры, за ножи... Между тѣмъ благопопечительное правительство, безъ сомнѣнія, разберетъ дѣло, разыщетъ всю правду и не дастъ въ обиду вамъ людей, ни въ чемъ невиноватыхъ. Что же, вы станете сопротивляться и правительству? Вы поднимете руки на тѣхъ, кто отъ имени Государя Императора посланъ будетъ для усмиренія волненія? Тогда кто же вы будете?—Явные бунтовщики, открытые крамольники. Изъ-за васъ польется кровь неповинная, изъ-за васъ будутъ пылать дома и помѣстья, изъ-за васъ будетъ плакать и рыдать возлюбленное наше отечество, будетъ скорбѣть и сѣтовать св. церковь». Все это кончается тѣмъ, что у мужика будетъ много земли и всего въ домѣ довольно, но когда онъ умретъ, то попадетъ въ адъ, гдѣ будетъ плакать, а распространители слуховъ въ томъ же самомъ аду будутъ смѣяться надъ нимъ... Понятное дѣло, что подобнаго рода проповѣдь можетъ только раззадорить крестьянъ, уяснить имъ то, чего они можетъ-быть не понимаютъ, пріучить ихъ къ мысли о бунтѣ, но ужь никакъ не можетъ отвратить ихъ отъ стремленія къ расширенію своего землевладѣнія на счетъ помѣщичьихъ земель. Да и вообще мы полагаемъ, что разсчеты на нравственное вліяніе духовной проповѣди очень невѣрны и обманчивы. Оберъ-прокуроръ синода, какъ извѣстно, и ранѣе уже дѣлалъ распоряженія, чтобы духовенство, путемъ убѣжденія и нравственнаго вліянія на крестьянъ, предупреждало и прекращало нападеніе на имущество евреевъ. Въ *Церковномъ Вѣстникѣ* напечатана статья оффиціальнаго происхожденія, изъ которой мы узнаемъ, что «при самомъ началѣ возникшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Южнаго края Россіи безпорядковъ и разграбленія имущества евреевъ, сдѣланы были, по распоряженію высшей духовной власти, сношенія съ преосвященными тѣхъ епархій, въ предѣлахъ которыхъ возникло анти-еврейское движеніе, о принятіи съ ихъ стороны зависящихъ мѣръ къ охраненію спокойствія въ народѣ. Епархіальныя начальства не замедлили сдѣлать соотвѣтственныя распоряженія о томъ, чтобы духовенство по церквамъ увѣщевало народъ не слушать подстрекателей, не бить и не грабить евреевъ». Хотя статья *Церковнаго Вѣстника* и написана съ цѣлью показать заслуги духовенства въ дѣлѣ предупрежденія и прекращенія анти-еврейскихъ безпорядковъ, тѣмъ не менѣе въ ней собраны факты, доказывающіе, что со стороны духовенства усердія было много, но польза отъ этого усердія получилась весьма сомнительная. Народъ не слушалъ священниковъ и даже озлоблялся противъ нихъ за защиту евреевъ. «Во время безпорядковъ, — читаемъ мы въ *Церковномъ Вѣстникѣ*,—духовенство взволно-

ванныхъ мѣстностей исполнило свой пастырскій долгъ съ полною ревностію и самоотверженіемъ. Гдѣ можно было оказать свое пастырское вліяніе, тамъ оно не останавливалось ни передъ какими угрозами, опасностями и оскорбленіями толпы. Священника села Бѣлыпанки, Маріупольскаго уѣзда, Кирилла Левитскаго, крестьяне едва не раззорили за то, что онъ скрылъ отъ грабителей въ своемъ домѣ часть еврейскаго имущества. Причетника того же села Курдиманова, за оказаніе имъ защиты евреямъ, толпа избила и угрожала повѣсить, а изъ дома причетника Михайличенко вынесла все хранившееся тамъ имущество евреевъ, угрожая самому Михайличенко раззореніемъ. При буйствахъ въ селѣ Конскихъ-Раздорахъ, Александровскаго уѣзда, священникъ Гончаровъ выходилъ на площадь и убѣждалъ крестьянъ разойтись, но едва самъ не пострадалъ отъ возбужденной черни. Когда началось 6-го мая разграбленіе еврейской экономіи Островскаго въ селѣ Бѣлогорьѣ, священнику Димитрію Татарчевскому удалось расположить своихъ прихожанъ къ прекращенію безпорядковъ, и если названная экономія оказалась все-таки раззоренной, то потому только, что крестьяне сосѣдняго селенія Токмачки, Таврической губерніи, по ограбленіи евреевъ въ своемъ селѣ, пріѣхали въ село Бѣлогорье и, соединившись съ здѣшними крестьянами, раззорили экономію. Священникъ села Преображенки, Порфирій Постриганевъ, на площади уговаривалъ крестьянъ, но крестьяне были пьяны, не послушались и прямо съ криками и свистомъ бросились на ближайшій шинокъ. Обстоятельство это такъ повліяло на священника, что онъ даже началъ падать, но его поддержали и привели домой, гдѣ онъ укрылъ у себя, подвергаясь крайней опасности, евреевъ, собравшихся къ нему изъ одновременно раззоряемыхъ селеній Преображенки и г. Орѣхова. Въ селеніи Пологахъ 5-го мая священникъ Кретининъ убѣдилъ толпу разойтись по домамъ; успѣхъ свой названный священникъ приписываетъ, между прочимъ, и тому обстоятельству, что онъ просилъ распорядиться съ утра о закрытіи шинковъ, и такимъ образомъ пьяныхъ не было. На другой же день, въ праздникъ Преполовенія, когда свободное время наиболѣе благопріятствовало бунту, онъ послѣ литургіи совершилъ крестный ходъ на рѣку, а съ рѣки на поля, и тѣмъ удержалъ прихожанъ отъ новыхъ безпорядковъ. При увѣщаніи крестьянъ, разбившихся на нѣсколько группъ, священнику Кретинину большую помощь оказалъ дьяконъ Владиміръ Минченко. Въ селеніи Басани еврейское имущество, за исключеніемъ одного шинка, осталось въ цѣлости, благодаря энергическимъ мѣрамъ мѣстнаго священника Иваницкаго. Самая большая опасность предстояла селенію Гуляй-Поле, гдѣ евреи владѣютъ милліоннымъ состояніемъ, и сюда-то устремились крестьяне сосѣднихъ селеній. Нѣсколько разъ порывавшаяся къ грабежу толпа останавливалась, будучи отражаема вовремя организованною стражею, одушевляемою присутствіемъ священника Шкурина. Стража не рѣшалась оставаться безъ священника даже на полчаса, и если онъ удалялся съ площади въ свой домъ, хотя на короткое время, стража, не надѣясь удержать толпу, немедленно возвращала его».

Самые еврейскіе погромы, въ теченіе лѣта два раза бывшіе въ разныхъ мѣстахъ на югѣ Россіи — сначала въ апрѣлѣ и маѣ, потомъ въ іюлѣ, имѣютъ тѣсную связь со слухами о передѣлѣ земель, съ стремленіемъ крестьянъ увеличить свое землевладѣніе на счетъ частныхъ землевладѣльцевъ. Во время еврейскихъ безпорядковъ то и дѣло слышались рѣчи о землѣ, — народъ, такъ или иначе, хотѣлъ добыть себѣ землю. Извѣстно, что первый погромъ евреевъ былъ въ Елисаветградѣ, и здѣсь-то мы въ первый разъ слышимъ рѣчи о землѣ въ толпѣ бунтующихъ крестьянъ. При вѣсти о томъ, что въ Елисаветградѣ начался погромъ евреевъ, туда нахлынули изъ деревень толпы крестьянъ, которые говорили: «мы вырѣжемъ жидовъ и позаберемъ у нихъ землю, которой намъ недостаетъ; мы имъ покажемъ, какъ кланяться имъ въ поясъ, да называть ихъ барами». Въ Александровскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ крестьяне нападали на евреевъ—землевладѣльцевъ и арендаторовъ, уничтожали дома, угоняли скотъ ихъ, чтобы согнать ихъ съ земли. Заодно съ евреями крестьяне угрожали и нѣмцамъ, требуя, чтобъ они оставили землю, а иначе изобьютъ и ограбятъ ихъ. Нападая на евреевъ, народъ толковалъ, что нужно выселить нѣмцевъ колонистовъ въ Нѣмецкую землю, греческихъ поселенцевъ — въ Крымъ, евреевъ—въ *Египетскую губернію*, а оставшуюся землю раздѣлить между крестьянами. Во время еврейскаго погрома въ Конотопѣ, Черниговской губерніи, крестьяне изъявляли не только готовность, но даже желаніе быть сосланными въ Сибирь за нарушеніе законнаго порядка, разсуждая по этому поводу такъ: «что же, и Сибирь—царская земля! Въ Сибири хоть хлѣбъ будетъ, а тутъ ни хлѣба нѣтъ, ни рубахи скоро не будетъ съ этими жидами». Изъ-за чего же возникла такая злоба къ евреямъ?—Народъ, толкуя объ избіеніи евреевъ, хотя бы это стоило ссылки въ Сибирь, указывалъ, что евреи арендовали всѣ земли и довели крестьянъ до того, что, при недостаткѣ земли, они должны платить громадные штрафы за нечаянныя потравы еврейскихъ угодій скотомъ, а когда нечѣмъ заплатить штрафа, то отдаютъ за безцѣнокъ послѣднее имущество. Въ Подольской губерніи народъ съ радостью ждалъ, скоро ли начнутъ громить евреевъ, въ надеждѣ, что за это сошлютъ въ Сибирь и тамъ дадутъ землю. «Хоть бы скорѣе жидовъ начинали бить,—толковали крестьяне.—Коли кого сошлютъ въ Сибирь, то тамъ земли много». Вообще на югѣ крестьяне нападали на евреевъ часто подъ вліяніемъ слуха о томъ, что съ перваго августа начнется общій передѣлъ земель и тогда евреи наравнѣ съ другими получатъ земельные надѣлы. «Что ихъ жалѣть!—разсуждали крестьяне.—Сказано, послѣ Спаса землю дѣлить! Развѣ жидамъ можно землю давать? Все одно, что застрѣлятъ тебя, что нѣтъ, — хуже не будетъ, какъ съ этими жидами». Бывали такіе случаи, какъ, напримѣръ, въ с. Шарковщинѣ, Миргородскаго уѣзда: тамъ арендаторъ-еврей нанялъ крестьянъ убрать хлѣбъ за третій снопъ, но тѣ преспокойно свезли къ себѣ весь хлѣбъ, на томъ осно-

ванія, что онъ выросъ на Божьей землѣ, а еврей не трудился надъ обработкою земли.

Въ особенности характерными представляются отношенія крестьянъ къ евреямъ, возникшія съ тѣхъ поръ, какъ между евреями вдругъ пробудилось стремленіе къ занятію земледѣльческимъ трудомъ. Послѣ погромовъ въ разныхъ мѣстахъ на югѣ евреи стали бросать свое излюбленное занятіе мелочною торговлей и ремеслами; между ними началось сильное движеніе въ пользу занятія земледѣльческимъ трудомъ, къ которому ранѣе они не чувствовали никакого расположенія. Такъ, напримѣръ, изъ Бердичевскаго уѣзда, Кіевской губерніи, сообщаютъ въ газетѣ *Кіевлянинъ*, что двадцать пять евреевъ, жителей мѣстечка Новой-Прилуки, обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ о предоставленіи имъ земельныхъ участковъ для занятія хлѣбопашествомъ. Въ прошеніи своемъ означенные евреи, между прочимъ, заявляютъ, что, занимаясь мелкимъ промысломъ и торговлей, они испытываютъ постоянныя затрудненія, и, обсуждая свое невыносимое положеніе, пришли къ заключенію, что единственно-вѣрный путь къ обезпеченію ихъ существованія составляетъ земледѣліе, которому они рѣшились посвятить себя въ случаѣ, если ихъ ходатайство будетъ уважено. Земельные участки просители ходатайствуютъ отвести имъ въ губерніяхъ Кіевской, Херсонской, Бессарабіи или вообще въ такой мѣстности, которая не была бы слишкомъ отдалена отъ ихъ нынѣшняго мѣстопребыванія, а также не отличалась бы рѣзко по климату отъ Кіевской губерніи, причемъ просятъ выдать имъ пособіе, необходимое для переселенія и обзаведенія хозяйствомъ въ новой мѣстности, такъ какъ безъ этого пособія, при своихъ крайне скудныхъ средствахъ, они не въ состояніи будутъ съ успѣхомъ начать заниматься хлѣбопашествомъ. По словамъ газеты *Трудъ*, въ Звенигородкѣ, въ мѣстечкахъ и деревняхъ Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губ., евреи также толкуютъ про земледѣльческую трудовую жизнь, о переселеніи въ степи и проч. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стали записываться цѣлые десятки еврейскихъ семействъ, желающихъ получить гдѣ-то землю и предаться земледѣлію; въ Звенигородкѣ, напримѣръ, записалось семьдесятъ два семейства, въ Екатеринополѣ—36, въ Пятой-Ротѣ (сосѣдняя Херсонская губ.)—40, въ Окниной—6—7 и т. д. Точно также, по словамъ *Зари*, въ Балтскомъ уѣздѣ, Подольской губ., въ послѣднее время, во многихъ мѣстахъ, евреи принялись за обработку полей и, по отзывамъ землевладѣльцевъ, выказываютъ трудолюбіе и большую сноровку и понятливость. Такъ, напримѣръ, около мѣстечка Голованевска работаетъ партія евреевъ, которые успѣваютъ, по отзывамъ хозяевъ, въ полтора раза больше другихъ полевыхъ рабочихъ. Они подряжаются артелями и работаютъ не за поденную плату, а издѣльно. Помѣщики очень охотно нанимаютъ ихъ. Понятное дѣло, что помѣщики очень рады приливу новыхъ рабочихъ рукъ, потому что земледѣльческіе работники изъ евреевъ, по-

мимо своихъ рабочихъ качествъ, должны непремѣнно понизить плату за трудъ. Но иначе смотрятъ на это крестьяне, встрѣчая небывалую ранѣе конкурренцію со стороны еврейскихъ работниковъ. Еврей, принимаясь за земледѣльческій трудъ, поневолѣ понижаетъ заработную плату и даже совсѣмъ отбиваетъ работу у русскаго работника. Отсюда является страстная злоба къ еврейскимъ работникамъ и даже насильственныя дѣйствія противъ нихъ. Такъ, по словамъ газеты *Заря*, въ Сквирскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., у землевладѣльца села Топоры, М. И. Горвица, нанялись на полевыя работы мѣстные евреи. Узнавъ объ этомъ, мѣстные крестьяне заявили экономіи, что если евреи не будутъ удалены съ работъ, которыя издавна исполняются ими, то они употребятъ силу и сами распорядятся по-своему. То же самое имѣло мѣсто и въ мѣстечкѣ Дзюнковѣ, гдѣ евреи массами подрядились на свекловичныя плантаціи мѣстнаго сахарнаго завода. Вообще крестьяне относятся весьма недружелюбно къ евреямъ, земледѣльческимъ рабочимъ, говоря, что они у нихъ отбиваютъ заработокъ и безъ того скудный. Точно также изъ Подволочиска сообщаютъ въ австрійскія газеты, что тамъ получаются извѣстія о новыхъ вспышкахъ противъ евреевъ. Въ Таморудѣ, близъ галиційской границы, крестьяне подожгли житницы, наполненныя зерновымъ хлѣбомъ, и всѣ сельскохозяйственныя пристройки одного помѣщика за то, что онъ употреблялъ евреевъ для полевыхъ работъ. Вотъ до чего дошло рабочее движеніе, начавшись, повидимому, невинными толками о миѳическомъ царскомъ указѣ относительно общаго передѣла земль и перейдя отсюда въ погромъ еврейскаго имущества.

Въ анти-еврейскомъ движеніи мы встрѣчаемъ и стремленія занять землю, которой недостаетъ рабочимъ, и поставить въ лучшія условія рабочій трудъ путемъ воздѣйствія съ одной стороны на нанимателей, а съ другой на рабочихъ, стремящихся путемъ конкурренціи понизить общій уровень заработной платы. Едва начались еврейскіе безпорядки, какъ вмѣстѣ съ ними въ средѣ рабочихъ и русскихъ землевладѣльцевъ уже появилась мысль, что дѣло не остановится на одномъ истребленіи имущества евреевъ. Такъ, еще въ началѣ лѣта, сообщали газетѣ *Заря* изъ Херсонской губ., что тамъ «не только евреи, но и помѣщики боятся послѣдствій анти-еврейскаго движенія, которое можетъ отразиться и на ихъ собственномъ имуществѣ. И теперь ходитъ слухъ, что рабочіе заявляютъ въ весьма опредѣленной формѣ, что если имъ не будутъ платить по два рубля въ день, то они подожгутъ панскій хлѣбъ. Слухъ этотъ держится на столько упорно, что нѣкоторые помѣщики обращались уже съ просьбою объ отпускѣ въ ихъ имѣнія на лѣто воинскихъ командъ». Въ городѣ Бѣлгородѣ, Курской губ., по словамъ корреспондента *Голоса*, опасались безпорядковъ, причемъ «существовала увѣренность, что объектомъ разрушенія будетъ вообще имущество состоятельныхъ классовъ. Эта увѣренность находила себѣ подтвержденіе въ

нѣкоторыхъ, въ сущности незначительныхъ, демонстраціяхъ противъ домовладѣльцевъ. Такъ, напримѣръ, собирается кучка подвыпившей черни передъ домомъ одного изъ городскихъ богачей; среди говора, собственно безсвязной болтовни, раздается угроза: «недолго этимъ добромъ-то будешь владѣть, подѣлишься и съ нами!» Въ одно утро нѣсколько домовъ было найдено опрыснутыми какою-то вонючею жидкостью. Это обстоятельство, вмѣстѣ со слухами, кажется, сплетнями, о подметныхъ письмахъ, угрожающихъ поджогами, породило страшное безпокойство среди обывателей. Предчувствіе чего-то недобраго со стороны рабочей крестьянской массы вскорѣ, то тамъ, то здѣсь, начало оправдываться. Отъ евреевъ крестьяне быстро стали переносить свою вражду на помѣщиковъ и повели болѣе упорную и осмысленную борьбу съ ними, задавшись цѣлію или выжить ихъ съ земли, или принудить къ возвышенію заработной платы. Въ Кіевской губ. еще съ весны крестьяне стали отказываться отъ платежа помѣщикамъ арендныхъ денегъ за землю, дожидаясь общаго передѣла. Осенью взаимныя отношенія обострились до такой степени, что начались поджоги хлѣба и помѣщичьихъ усадьбъ. Такъ, напримѣръ, въ концѣ іюля, въ селѣ Кобриной-Греблѣ, Звенигородскаго уѣзда, въ имѣніи графа Потоцкаго, сгорѣло семь скирдъ пшеницы на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей; у поссессора еврея X. сгорѣло пять тысячъ пудовъ рѣпаку. Оба пожара приписываютъ поджогамъ. Точно также въ с. Небрать, Кіевскаго уѣзда, 22 августа пожаръ истребилъ всю экономію помѣщицы Елизаветы Родзянко; сгорѣли клуня съ манежемъ, молотилки, амбаръ, сарай, 900 копенъ хлѣба, 50 ведеръ смолы, 5 ведеръ дегтю и земледѣльческія орудія. Потери опредѣляются въ 11.437 рублей. Пожаръ произошелъ отъ поджога, въ которомъ подозрѣваютъ мѣстныхъ крестьянъ, ведущихъ постоянно тяжбы съ помѣщицей. Извѣстія о поджогахъ помѣщичьихъ экономій получаются изъ многихъ мѣстъ Россіи. Такъ, напримѣръ, въ Задонскомъ уѣздѣ, Воронежской губ., въ имѣніи Бехтѣева, въ августѣ отъ поджога случился пожаръ, во время котораго сгорѣла рига и находящееся въ ней имущество, чѣмъ причинено убытку до 2.500 рублей; въ поджогѣ подозрѣваются крестьяне деревни Николаевки. Въ с. Дедеркалахъ, Кременецкаго уѣзда, Волынской губ., пожаромъ истреблена вновь отстроенная экономія помѣщика Чесновскаго; сгорѣли клуня, нѣсколько скирдъ хлѣба, 1.200 штукъ овецъ, конюшня съ нѣкоторыми лошадьми и 22 штуки рогатаго скота, молотилки, вѣялки и всѣ хозяйственныя и земледѣльческія орудія. Въ Борзненскомъ уѣздѣ, Черниговской губ., въ с. Красиловкѣ, 10 августа, ночью, подожженъ хлѣбъ, принадлежавшій еврею, свезенный въ гумно. Въ Козловскомъ уѣздѣ, Тамбовской губ., близъ с. Степанищева, сгорѣлъ помѣщичій хлѣбъ въ скирдахъ, застрахованный въ 5.000 рублей. Въ томъ же уѣздѣ сгорѣлъ еще хлѣбъ въ имѣніи помѣщика С. на сумму около 40.000 рублей. Пожаръ, какъ полагаютъ, произошелъ отъ поджога со стороны одного крестьянина. Въ Перемышльскомъ уѣздѣ, Калужской губ., въ сельцѣ Росвѣ,

сгорѣли сараи съ хлѣбомъ и сѣномъ землевладѣльца Лаврова; убытка понесено Лавровымъ слишкомъ на 10.000 рублей. Пожаръ произошелъ отъ поджога одновременно съ четырехъ сторонъ.

Причина враждебныхъ отношеній сельскихъ работниковъ къ землевладѣльцамъ коренится въ чрезмѣрной эксплоатаціи рабочаго труда. Пользуясь нуждою крестьянъ, помѣщики и арендаторы большихъ имѣній довели сельскихъ работниковъ и мелкихъ съемщиковъ земельныхъ участковъ до послѣдней крайности, связывая ихъ по рукамъ и ногамъ такими условіями, исполненіе которыхъ почти невозможно, а неисполненіе прямо ведетъ къ конечному раззоренію. Нужда заставляетъ крестьянъ соглашаться на самыя невыгодныя для нихъ и неудобоисполнимыя условія при наймѣ для сельскихъ работъ и при арендованіи мелкихъ земельныхъ участковъ. Такъ, напримѣръ, по словамъ кіевской газеты *Трудъ*, въ юго-восточной Россіи за ссуду хлѣбомъ и деньгами землевладѣльцы берутъ съ должниковъ, за круговою порукой общества, обязательство въ томъ, что этотъ долгъ есть наемная плата за извѣстное количество десятинъ работы, или просто работы, которую должникъ обязанъ исполнить по первому требованію. Вотъ что говорится, между прочимъ, въ этихъ договорахъ: «Во все время работы состою въ полномъ распоряженіи и повиновеніи прикащиковъ и не имѣю права отказаться отъ работъ *по ночамъ*, не только для тѣхъ, для которыхъ нанялся, но и всякихъ другихъ, *и не имѣю права праздновать воскресныхъ и праздничныхъ дней*. Если не исполню *одного* изъ условій договора, то взыскать съ меня лично и всего моего имущества неустойку». Г. Завьяловъ въ «Сборникѣ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины» даетъ слѣдующее подробное описаніе системы найма сельскихъ работниковъ для владѣльческихъ экономій въ Псковской губерніи: «Экономической основой всей системы сельскаго хозяйства у мелкихъ, среднихъ и многихъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ нашихъ мѣстахъ является отдача земли въ напахъ крестьянамъ (напащикамъ). Напащикомъ называется крестьянинъ, обязующійся отработать за условную плату круговую десятину, т. е. исполнить работы на четырехъ различныхъ десятинахъ. За всю эту работу получаетъ крестьянинъ обыкновенно 25—30 рублей; рѣдко, въ наиболѣе богатыхъ мѣстахъ Порховскаго уѣзда, платятъ 35 руб.; если же нанять на каждую изъ этихъ работъ въ отдѣльности, то пришлось бы заплатить 50—60 руб. за всю сумму работъ на одной круговой десятинѣ. Процентъ эксплоатаціи, т. е. отношеніе разности между нормальною платой и платою напащику къ платѣ напащику равняется 66—100%. Слѣдовательно, нанимаясь въ напащики, крестьянинъ теряетъ отъ $^{1}/_{2}$ до $^{1}/_{3}$ нормальной платы, которая остается въ карманѣ нанимателя. Съ какой же стати крестьяне соглашаются на такія невыгодныя для нихъ условія?—А зима-то съ ея голодовками, податями и т. д.? Чуть успѣла стать зима, а ужь изъ деревень идутъ толпой мужики, стучатся во всѣ помѣщичьи двери,—нанимаются въ напа-

щики артелями. Наниматель, разумѣется, не упускаетъ случая цѣну сбить; чего-чего только не выдумаетъ онъ для этого: «и денегъ-то нѣтъ,—приходите черезъ недѣлю», и «пьяницы-то вы», и «пашите-то вы скверно»,— всего, всего наговоритъ хозяйственный наниматель; наконецъ, измученные долгимъ хожденіемъ и безконечными просьбами и поклонами, мужики соглашаются на такія условія, какія угодно будетъ предложить нанимателю, т. е. на 25-ти рублевую плату и стѣснительный контрактъ, въ которомъ послѣ каждой поименованной работы, которую обязаны исполнить напащики, стоятъ слѣдующія, примѣрно, слова: «ежели мы, нижеподписавшіеся крестьяне деревни такой-то, не явимся по первому зову помѣщика такого-то, или прикащика его, то онъ, помѣщикъ такой-то, имѣетъ полное право нанять рабочихъ для исполненія надлежащей работы на нашъ счетъ за какую бы то ни было цѣну», и т. д. Когда условіе подписано, наниматель выдаетъ каждому напащику рублей около 10; столько же выдаетъ онъ въ срединѣ лѣта, или въ началѣ, а остальныя деньги—по окончаніи полевыхъ работъ; такимъ образомъ угроза контракта всегда можетъ быть легко приведена въ исполненіе, такъ какъ всегда у нанимателя остается часть денегъ, слѣдующихъ напащикамъ. И при подобномъ-то способѣ хозяйничанья, несомнѣнно, крайне выгодномъ для помѣщиковъ, все-таки хозяйство ихъ ведется на самыхъ допотопныхъ началахъ: не эксплоатируются природныя богатства почвы, а взамѣнъ того пропорціонально усиленно эксплоатируется наемный рабочій». Саратовское земство уже обратило вниманіе на чрезмѣрную эксплоатацію крестьянъ землевладѣльцами и арендаторами ихъ имѣній. Губернская земская управа въ одномъ изъ своихъ докладовъ земскому собранію приводитъ контрактъ между землевладѣльцемъ и съемщикомъ мелкихъ участковъ для образца тѣхъ въ высшей степени недобросовѣстныхъ условій, которыми опутываются крестьяне. Между прочимъ въ этомъ контрактѣ обращаетъ на себя особенное вниманіе слѣдующій пунктъ: «до полной уплаты денегъ, причитающихся владѣльцу или арендатору по сему условію, я, съемщикъ, не имѣю права свозить съ участка сжатый или скошенный хлѣбъ безъ разрѣшенія прикащика; арендаторъ, или владѣлецъ, или его служащіе на участкѣ—имѣютъ полное право удержать хлѣбъ до уплаты мною денегъ, а въ случаѣ чрезъ неуплату денегъ будетъ удержанъ хлѣбъ, чрезъ что произойдетъ порча его, я, съемщикъ, претендовать и удерживать слѣдуемыя за землю деньги и взыскивать мои убытки не имѣю права. Платежъ слѣдуемыхъ денегъ я обезпечиваю всѣмъ моимъ имуществомъ».

Вообще рабочіе, доведенные до крайности и полной нищеты безцеремонною эксплоатаціей ихъ труда со стороны землевладѣльцевъ, теряютъ всякое терпѣніе и, дойдя до отчаянія, до полной невозможности подчиняться невыносимо-тяжелымъ условіямъ, заключеннымъ съ землевладѣльцами, отказываются отъ исполненія этихъ условій и, мало того, начинаютъ занимать враждебное положеніе въ отношеніи землевладѣль-

цевъ. Отказъ крестьянъ отъ исполненія заподряженныхъ сельскихъ работъ во владѣльческихъ экономіяхъ все болѣе и болѣе дѣлается обычнымъ явленіемъ у насъ. Объясняется же этотъ отказъ очень просто — полною невозможностью для работника существовать и исполнять работы при тѣхъ условіяхъ, въ которыя онъ поставленъ землевладѣльцами. Такъ, напримѣръ, землевладѣлецъ Воронежской губерніи, баронъ Корфъ, въ «Докладахъ коммиссіи Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства» съ полною откровенностію высказываетъ, что отказы работниковъ отъ исполненія заподряженныхъ работъ происходятъ вслѣдствіе полной невозможности исполнять крайне невыгодныя условія за плату, не обезпечивающую дневнаго существованія семьи работника. «Въ минувшемъ 1877 году,—разсказываетъ баронъ Корфъ,—у насъ былъ первый примѣръ неисполненія крестьянами заподряженныхъ ими полевыхъ работъ, т. е. уборки травъ и хлѣба, по той простой причинѣ, что имъ ѣсть было нечего, а потому сверхъ договорной платы за работу они требовали еще выдачи муки и пшена на продовольствіе семей. Не всѣ хозяева расположены были во-время сдѣлать имъ уступку,—иные сами не имѣли готовыхъ харчей въ потребномъ количествѣ,—и вотъ почему намъ пришлось быть свидѣтелями въ высшей степени прискорбныхъ фактовъ—богатыхъ степей, оставшихся не скошенными, густыхъ рядовъ травы, подолгу остававшихся неубранными, полей, покрытыхъ перестоявшимъ, пересохшимъ хлѣбомъ, или позднѣе проросшими, зазеленѣвшими копнами». На побѣгъ сельскихъ рабочихъ изъ владѣльческихъ экономій теперь слышатся жалобы отовсюду. «Фактъ разбѣганія рабочихъ,—говоритъ воронежскій корреспондентъ *Порядка*,—объясняется очень просто: землевладѣльцы жмутъ, притѣсняютъ крестьянъ осенью, зимою и весною, когда крестьянство находится въ безпомощномъ состояніи, ищетъ поддержки и помощи землевладѣльцевъ; наоборотъ крестьянинъ мститъ и раззоряетъ землевладѣльца, сознательно вредитъ ему, на сколько возможно, лѣтомъ, когда онъ не можетъ обойтись безъ крестьянскаго труда». Другой корреспондентъ *Порядка*, землевладѣлецъ В. К—скій, не соглашаясь съ такимъ взглядомъ на отношенія между землевладѣльцами и крестьянами, признаетъ однако, что «фактъ разбѣганія рабочихъ дѣйствительно является повсюду, а если гдѣлибо въ Россіи и существуетъ такой благословенный уголокъ, гдѣ хозяева не жалуются на неисправность рабочихъ, то это не болѣе какъ исключительное и, вѣроятно, не долговременное явленіе». По словамъ его, наемъ рабочихъ землевладѣльцами и отказъ отъ исполненія работъ происходятъ слѣдующимъ образомъ: «Всѣмъ извѣстно, что осень у земледѣльца считается самымъ денежнымъ временемъ, и этого благодатнаго времени ждетъ какъ самъ крестьянинъ, такъ и стоящій надъ его душою сборщикъ податей. Изъ полицейскихъ и другихъ управленій идутъ приказъ за приказомъ «немедленно собрать съ крестьянъ деревни (имя рекъ) причитающіяся съ нихъ повинности и недоимки за прежніе годы, а въ случаѣ неплатежа поступить съ

ними по всей строгости тома, части, и проч.». Что дѣлать? Надо платить, а нечѣмъ. «Хлѣба продавать, почитай, нечего,—дай Богъ самому дотянуть чѣмъ до весны. Скотину продавать—жаль. Пойдемъ, да возьмемъ подъ заработки у барина X. Все равно, на будущій годъ намъ же будетъ платить,—*авось*, живы будемъ, заработаемъ».—Пришли.—«Что скажете, старики?»—«Да вотъ, подъ работу хотимъ у вашей милости деньжонокъ попросить, а то изъ податей гонятъ».—«Какъ же вы хотите взять,—какъ прежде?»—«Нѣтъ, ваша милость, рублевку надо прибавить; сами знаете, корма нынче дороги стали».—«Ну вотъ что, ребята: рублевку я вамъ, пожалуй, прибавлю, только ужь выѣзжайте на работу по первому требованію, да и у другихъ помѣщиковъ впередъ не забирайте».—«Помилуй Богъ, вѣстимо у одного. Что-жь хорошаго, когда весной то тотъ, то другой приказчикъ по утрамъ спать не даютъ. Ужь мы лучше у васъ что лишнее возьмемъ».—Дѣло сдѣлано. Идутъ въ волость, пишутъ условіе и въ немъ ставятъ стереотипную фразу: «исполнять работу по первому требованію землевладѣльца, отвѣчая другъ за друга круговою порукою». Первый ударъ мужицкой нужды отведенъ. Баринъ X. заплатилъ въ счетъ будущаго и считаетъ себя болѣе или менѣе обезпеченнымъ рабочими. Но вотъ наступаетъ ноябрь, хлѣбъ начинаетъ у крестьянина убывать, а между тѣмъ являются новые расходы: то сына женить надо, то дочку выдать, а то и просто сына въ солдаты справить надо. Куда кинуться за деньгами? «Пойдемъ къ барину Y.,—*авось* заработаемъ». Пришли—и произошло то же, что происходило у г. X. То же засвидѣтельствованное въ волости условіе съ неизбѣжными «по первому требованію» и «круговою порукою». Пришла весна. Опять платежъ податей, платежъ аренды за плохую, снятую по высокой цѣнѣ, землю, а тутъ, какъ на грѣхъ, лошадь отъ безкормицы пала, да и самому становится ѣсть нечего, соломы на топку тоже нѣтъ. Какъ быть? «Пойдемъ къ г. Z.,—*авось* живы будемъ, заработаемъ», и т. д. Наступаетъ рабочая пора: X, Y, Z гоняютъ съ утра до ночи приказчиковъ и волостное начальство по деревнямъ, усовѣщиваютъ, уговариваютъ, задабриваютъ и, наконецъ, угрожаютъ крестьянамъ. Ничто не помогаетъ. Вотъ, кажется, выгналъ приказчикъ мужика на работу, поѣхалъ за другимъ, а перваго ужь и слѣдъ простылъ,—онъ уѣхалъ засѣвать свою, еще незасѣянную, полосу. На другой день та же исторія, можетъ-быть съ тою только разницей, что мужикъ удеретъ, вмѣсто своей полосы, на поле помѣщика Z, который «лютъ и, пожалуй, засудитъ».—«Да мнѣ-то когда же?—говоритъ раздраженный г. X.,—вѣдь ты забралъ у меня деньги чуть не за годъ, а работать не хочешь».—«Помилуйте, какъ не хотѣть, нешто мы не знаемъ? Заработаемъ, Богъ пошлетъ. Это теперь маленько тѣсновато, а то—какъ не заработать». И это еще лучшій исходъ экономическаго найма рабочихъ. Тутъ г. X. не лишенъ, по крайней мѣрѣ, надежды когда-либо получить обратно затраченный капиталъ; а попробуй Y и Z не дать мужику денегъ, когда онъ

просилъ ихъ, тогда выйдетъ нѣчто хуже: окажется, что мужикъ, имѣвшій съ осени одну или двѣ лошади и обязавшійся убрать у г. X. нѣсколько десятинъ, лишившись своего оборотнаго капитала, продастъ своихъ лошадей—«проѣстъ», какъ онъ выражается, и самъ лично наймется, тоже по условію, и тоже съ неустойкою. Тутъ уже даже и надежды нѣтъ на возвратъ денегъ, выданныхъ г. X., да и деньги, забранныя у послѣдняго хозяина подъ личный наемъ, тоже пропадутъ: придетъ уборка хлѣба, а съ нею вмѣстѣ и спросъ на рабочія руки; дешево, «обидно» покажется работнику жить за условленную плату и... поминай, какъ звали!» Точно также изъ Уфы сообщаютъ *Порядку*, что «прошлогодняя нужда оказала свое вліяніе на уборку хлѣбовъ нынѣшняго урожая. Несмотря на то, что время для уборки хлѣбовъ стояло до сентября мѣсяца самое благопріятное, рабочихъ рукъ было весьма мало. Нанятые прошлою осенью для уборки хлѣбовъ рабочіе или уходили на заработки въ сосѣднія губерніи, или переходили къ тѣмъ владѣльцамъ, которые нанимали ихъ за наличный разсчетъ и кормили нанявшихся за свой счетъ. Такимъ образомъ рабочая плата сразу поднялась въ цѣнѣ противъ прошлогодней процентовъ на 30. Рабочіе, натерпѣвшись нужды въ прошлый тяжелый годъ, гонялись за копѣйкой, нужной для уплаты податей и повинностей, которыя настоятельно теперь требуются даже при содѣйствіи волостныхъ судей, находящихся въ распоряженіи полиціи».

До послѣдняго времени побѣги рабочихъ и отказъ отъ исполненія заподряженныхъ работъ происходили подъ давленіемъ крайней и безысходной нужды; въ нихъ не замѣчалось никакой вполнѣ осмысленной идеи, присущей всему рабочему населенію. Только нынѣшнимъ лѣтомъ сельскіе рабочіе начали оставлять владѣльческія экономіи подъ вліяніемъ болѣе осмысленнаго и сознательнаго стремленія поднять заработную плату, принудить землевладѣльцевъ къ болѣе или менѣе значительнымъ уступкамъ. Мысль о необходимости добиться возвышенія заработной платы посредствомъ отказа отъ исполненія заподряженныхъ ранѣе работъ сразу распространилась во многихъ мѣстностяхъ, занимающихъ весьма обширные районы, и крестьяне съ замѣчательнымъ единодушіемъ и упорствомъ стали бросать работы, предъявляя вмѣстѣ съ тѣмъ весьма серьезныя требованія объ увеличеніи заработной платы. Обычные у насъ слухи о царскомъ указѣ и здѣсь явились началомъ, объединяющимъ разрозненный, неорганизованный рабочій людъ. Подъ вліяніемъ этихъ слуховъ, рабочіе дружно стали бросать работы и требовать, чтобы помѣщики платили имъ такую цѣну, какая, будто бы, назначена въ мнимческомъ царскомъ указѣ. Съ особенною силой это рабочее движеніе проявилось въ Тамбовской губ., гдѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, почти повсемѣстно, крестьяне отказывались отъ исполненія заключенныхъ ранѣе съ помѣщиками и арендаторами контрактовъ на обработку полей. Дѣло вышло изъ-за того, что рабочіе, побуждаемые нуждою, въ теченіе прошлой

зимы нанялись у помѣщиковъ въ лѣтнія работы по самой низкой цѣнѣ, а между тѣмъ лѣтомъ цѣны на трудъ значительно поднялись, такъ что крестьянамъ стало обидно работать на помѣщиковъ по низкимъ, зимнимъ, цѣнамъ. Недовольные своимъ положеніемъ работники, которые нанялись еще зимою и тогда же получили отъ помѣщиковъ денежные задатки, теперь сильно заволновались. Имъ предстояло получить ничтожный остатокъ отъ договоренной зимою низкой заработной платы за одинаковый трудъ съ тѣми рабочими, которые, нанявшись лѣтомъ, должны были сполна, безъ вычета задатковъ, получить несравненно болѣе высокую плату. При такомъ возбужденномъ состояніи рабочей массы, въ ней распространился слухъ, будто есть царскій указъ, опредѣляющій нормальную, очень высокую цѣну за трудъ. Тогда рабочіе сразу начали отказываться отъ исполненія контрактовъ, требуя платы не менѣе 40 руб. за уборку десятины, и притомъ съ условіемъ начать работу не ранѣе, какъ по окончаніи уборки хлѣба на своихъ поляхъ. Одинъ липецкій землевладѣлецъ разсказываетъ въ газетѣ *Земство*, что въ іюлѣ и августѣ произошли слѣдующія явленія въ Липецкомъ, Усманьскомъ, Борисоглѣбскомъ и Козловскомъ уѣздахъ, Тамбовской губерніи. «Во многихъ хозяйствахъ рабочіе, нанятые на лѣто и даже на весь годъ, явились въ первыхъ числахъ іюля къ своимъ хозяевамъ или въ ихъ конторы съ объявленіемъ, что они уходятъ, потому что ихъ требуютъ домой, и съ просьбою принять отъ нихъ то, что на ихъ рукахъ. Никакія убѣжденія не могли поколебать ихъ рѣшенія и даже обѣщанныя прибавки жалованья никакъ не подѣйствовали. Хозяева остались на самое нужное время безъ рабочихъ, а жалобы въ волостное правленіе не имѣли никакого дѣйствія, особенно потому, что рабочіе не возвратились домой, а пошли наниматься въ другія мѣста. Хлѣба—рожь, пшеница и овесъ—въ нынѣшнемъ году поспѣли у насъ почти одновременно. Цѣны на наемъ рабочихъ вдругъ вскочили на высоту небывалую. Къ тому же распространился между крестьянами слухъ, что свыше имъ приказывается не наниматься у дворянъ и купцовъ на уборку десятины хлѣба дешевле сорока рублей. Многіе крестьяне приходили къ священникамъ и спрашивали ихъ, дѣйствительно ли имѣется такой царскій указъ и можно ли наниматься у помѣщиковъ и купцовъ дешевле указанной цѣны, которая ужь больно высока. Дѣло дошло до того, что стали всякое жнитво и косьба на землевладѣльческихъ поляхъ, такъ что губернаторъ вынужденъ былъ самъ пріѣхать въ сказанные уѣзды и объявить, что этотъ слухъ пустой и что всякій можетъ наниматься по какимъ цѣнамъ хочетъ. Затѣмъ пошли наемки; но цѣны все-таки установились очень высокія — отъ 10 до 15 руб. за жнитво или косьбу съ вязкою сороковой десятины, по 2 — 3 рубля за запашку сѣмянъ и по 1 руб. и выше за поденную работу. Эта цѣна была тѣмъ обиднѣе для землевладѣльцевъ, что рожь и пшеница были хотя соломою и великолѣпны, но зерна содержали въ себѣ мало и зерно было легковѣсное».

По словамъ другихъ газетныхъ корреспондентовъ, крестьяне до такой степени дружно стояли за назначенныя ими цѣны, что до полусмерти избивали своихъ же товарищей, которые запрашивали умѣренныя цѣны. Въ другихъ мѣстахъ за попытки понизить цѣны рабочіе грозили своимъ товарищамъ, что будутъ жаловаться урядникамъ, которымъ, будто бы, поручено слѣдить, чтобы цѣны не портили. Въ селѣ Мордовѣ, Усманьскаго уѣзда, населеніе было до такой степени возбуждено, что для усмиренія потребовалось присутствіе губернатора, полиціи и жандармскаго офицера. Въ томъ же Усманьскомъ уѣздѣ, по словамъ корреспондента *Московскаго Телеграфа*, крестьяне, работавшіе въ имѣніи Григорія Бланка, сочтя себя неправильно разсчитанными управляющимъ имѣнія и выждавъ время, когда тотъ пріѣхалъ на базаръ въ большое село Ново-Черкутино, обступили его тамъ и стали настойчиво требовать удержанныя имъ при разсчетѣ деньги. Когда же тотъ отказался немедленно исполнить ихъ требованія, они набросились на него, избили его и вмѣстѣ съ нимъ урядника, прибывшаго на мѣсто столкновенія съ понятыми и сотскими. Нѣкоторые изъ нападавшихъ арестованы и, какъ слышно, будутъ преданы суду. Въ томъ же самомъ селѣ рабочіе едва не избили помѣщика Р. за то, что онъ, будто бы, неправильно удержалъ нѣсколько рублей изъ платы, слѣдовавшей имъ за работу. Въ виду подобныхъ случаевъ крестьянскаго самоуправства, въ настоящее время, по распоряженію подлежащей власти, въ базарные и воскресные дни въ село пріѣзжаетъ становой съ урядниками, для предупрежденія безпорядковъ. Точно также и въ *Новое Время* пишутъ, что въ Кирсановскомъ уѣздѣ произошли безпорядки, т. е. крестьяне-рабочіе отказались работать въ помѣщичьихъ экономіяхъ. Мѣстныя полицейскія власти въ деревняхъ, гдѣ крестьяне перестали ходить на работы къ помѣщикамъ, ссылаясь на какой-то указъ, нашли средство образумить темныя головы. Хотя жизнь и пошла по-прежнему, но возвысившаяся поденная плата уже не падала. Поденные требуютъ отъ 75 коп. до 1 руб. за уборку хлѣба въ день, а иногда и болѣе, и помѣщики платятъ. Большинство помѣщиковъ, если не всѣ до единаго, въ виду сильнаго возвышенія поденной платы за полевыя работы, бросаютъ собственную запашку и намѣрены отдавать всю свою землю подъ посѣвъ крестьянамъ за извѣстную плату, которая также возвысилась. Въ Орловской губ. все лѣто шли распри между землевладѣльцами и сельскими рабочими. Еще съ весны между крестьянами прошелъ слухъ, что они не обязаны исполнять контрактовъ на обработку владѣльческихъ полей. Когда наступила уборка хлѣба, то во многихъ мѣстахъ крестьяне на-отрѣзъ отказались отъ исполненія работъ, подъ которыя забрали деньги еще зимою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ владѣльцамъ пришлось войти въ новое соглашеніе съ рабочими, а въ другихъ они были вынуждены нанять новыхъ рабочихъ. Въ Курской губ., по словамъ корреспондента *Страны*, идутъ толки, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ между крестьянами не спокойно про-

тивъ помѣщиковъ. Корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* изъ Суджи, Курской губ., разсказываетъ, что въ нынѣшнемъ году значительно поднялись цѣны на уборку хлѣбовъ. «За уборку десятины пшеницы платили по десяти рублей. «Дѣльцы» хозяева, обыкновенно заранѣе раздающіе деньги подъ уборку хлѣбовъ съ значительною, конечно, выгодой для себя, были поставлены въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ весьма неловкое положеніе: они предъявляли рабочимъ претензіи за то, что тѣ не косили хлѣбъ, который обязаны были по условію косить; рабочіе же, видя, что косьба прилегшаго отъ дождей хлѣба сдѣлалась рѣшительно невозможною, требовали за жатву его болѣе высокаго вознагражденія и землевладѣльцы въ концѣ концовъ принуждены были уступать». Въ ту же газету пишутъ изъ села Берестовицъ, Борзненскаго уѣзда, Черниговской губерніи, что 15 сентября состоялся общественный приговоръ мѣстныхъ крестьянъ, по которому крестьяне, подъ угрозою штрафа въ 25 рублей, обязываются брать землю у пановъ не иначе, какъ за третью копу, т. е. крестьянину двѣ части, а землевладѣльцу одну; до сего же времени земля отдавалась обыкновенно помѣщиками съ половины. На той же сходкѣ установлена такса поденной платы при работѣ у пановъ. Крестьяне,—говоритъ корреспондентъ,—поговариваютъ даже о томъ, что въ будущемъ году они снимутъ половину хлѣба на засѣянной съ половины помѣщичьей землѣ, другую же половину предоставятъ убрать самому хозяину. Изъ Прилукскаго уѣзда, Полтавской губерніи, въ *Кіевлянинѣ* пишутъ, что тамъ въ нынѣшнемъ году уродилось много табаку махорки, но рабочіе въ экономіяхъ, доживъ до такъ-называемой страдной поры, начали десятками бѣгать съ работы, объясняя такіе побѣги тѣмъ, что, будто бы, есть приказаніе,—отъ кого, они сами не знаютъ,—не служить въ экономіяхъ. «Намъ извѣстно,—говоритъ корреспондентъ,—нѣсколько такихъ экономій, откуда ушла если не большая, то никакъ не меньшая половина рабочихъ». По словамъ корреспондента газеты *Южный Край*, неудача полтавскаго земства въ пріобрѣтеніи у г. Муравьева-Апостола 12.000 десятинъ земли, для распродажи крестьянамъ на льготныхъ условіяхъ, произвела неблагопріятное впечатлѣніе на нихъ. «Толки пошли по всему Миргородскому уѣзду и крестьяне открыто высказываютъ свое неудовольствіе. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ они самовольно пасутъ скотъ и рубятъ лѣсъ, такъ что нѣтъ возможности удержать ихъ. Крестьяне мѣстечка Устивицы особенно отличаются въ этомъ. Недавно въ имѣніи генералъ-майора Яковлева крестьянскія общества селъ Т. и Л. на замѣчанія лѣсничаго, зачѣмъ они выпасли травы и рубятъ лѣса, чуть не убили его. Когда же черезъ нѣсколько времени управляющій съ лѣсничимъ поѣхали туда же, то едва они приблизились къ лѣсу, какъ оттуда на нихъ съ кольями бросилось около 60 душъ, и имъ удалось спастись, благодаря только револьверу и лошадямъ». Подобные случаи вооруженнаго нападенія крестьянъ, въ послѣднее время, стали повторяться и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, по словамъ *Новаго Времени*, въ

Тихвинскомъ уѣздѣ, Новгородской губ., въ имѣніи кн. Святополкъ-Мирскаго, расположенномъ близъ Ново-Ладожскаго уѣзда, недавно нѣсколько крестьянъ, возмущенные беззастѣнчивыми придирками къ нимъ княжескаго управляющаго, какъ говорятъ, поляка, сдѣлали покушеніе на его жизнь, причемъ по немъ былъ произведенъ выстрѣлъ. Въ крестьянской средѣ наконецъ появились личности, возбуждающіе крестьянъ противъ землевладѣльцевъ и усердно пропагандирующихъ мысль о борьбѣ съ ними за интересы рабочаго класса. Напримѣръ изъ села Колычева, Балашевскаго уѣзда, пишутъ *Саратовскому Дневнику*, что по деревнямъ ходятъ пророки, которые являются выразителями общественнаго мнѣнія въ крестьянской средѣ. «Обыкновенно проповѣди этихъ пророковъ имѣютъ религіозный характеръ: проповѣдутъ о скорой кончинѣ міра, о всеобщей порчѣ нравовъ и т. п.; но вмѣстѣ съ тѣмъ они убѣждаютъ крестьянъ оставлять работы на поляхъ богатыхъ землевладѣльцевъ и заниматься обработкою только своей земли, ибо «не трудивыйся да не ястъ». Иногда эти проповѣди имѣли такой успѣхъ, что нѣкоторые землевладѣльцы испытывали большія затрудненія при наймѣ рабочихъ. Вообще же цѣны на рабочія руки стоятъ довольно высокія».

Во многихъ мѣстахъ правительство поспѣшило на помощь землевладѣльцамъ для защиты ихъ интересовъ противъ наступательныхъ дѣйствій со стороны рабочаго класса. Эта помощь явилась въ видѣ дешеваго труда солдатъ, которымъ предоставлено работать во владѣльческихъ экономіяхъ. Такъ, напримѣръ, въ Саратовской губерніи, въ началѣ жнитва, недѣли двѣ цѣны на рабочія руки стояли довольно высокія,—за десятину ржи платили отъ 12 до 15 руб. Затѣмъ наплывъ рабочихъ изъ сосѣднихъ губерній, Пензенской и Тамбовской, понизилъ заработную плату до 9 и даже до 7 руб. и, наконецъ, до 5 и 3 руб. 50 коп. за десятину. Но это продолжалось не долго,—пришлые рабочіе опять разошлись и цѣна на рабочія руки быстро пошла въ гору. Тогда исправлявшій должность саратовскаго губернатора опубликовалъ во всеобщее свѣдѣніе циркуляръ слѣдующаго содержанія: «До свѣдѣнія моего дошло, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Саратовской губерніи крупные землевладѣльцы, имѣющіе большіе посѣвы хлѣба, встрѣчаютъ затрудненіе въ наймѣ рабочихъ для уборки хлѣба, вслѣдствіе запроса со стороны послѣднихъ слишкомъ высокой платы. Озабочиваясь съ своей стороны устраненіемъ подобнаго рода затрудненій, поручаю гг. исправникамъ и полицеймейстерамъ оповѣстить немедленно сколько возможно большее число землевладѣльцевъ и завѣдывающихъ экономіями, что, съ окончаніемъ инспекторскихъ смотровъ, нынѣ отпускаются на полевыя работы нижніе чины квартирующихъ въ гор. Саратовѣ частей войскъ, о наймѣ которыхъ надлежитъ обращаться въ полковыя и баталіонныя канцеляріи». Землевладѣльцы и, вообще, капиталисты, имѣющіе нужду въ наемномъ рабочемъ трудѣ, съ радостью берутъ солдатъ для работы и начали смотрѣть на войско какъ на боевую армію, которая

должна сдерживать стремленія рабочихъ въ возвышеніи заработной платы, какъ на своихъ дешевыхъ работниковъ, отбывающихъ обязательную повинность на поляхъ землевладѣльцевъ. Корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* изъ посада Клинцовъ, Черниговской губерніи, сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія о томъ, какъ въ теченіе нынѣшняго года послѣдовательно измѣнялись отношенія мѣстныхъ капиталистовъ къ войскамъ. Вслѣдствіе опасенія безпорядковъ со стороны мѣстныхъ рабочихъ противъ евреевъ, въ маѣ былъ присланъ въ Клинцы баталіонъ пѣхоты изъ Борзны. «Присылка солдатъ,—разсказываетъ корреспондентъ,—вызвала первоначально неудовольствіе многихъ гражданъ; наиболѣе вліятельные усматривали въ этомъ недостатокъ довѣрія администраціи къ населенію: «неужели,—думалось многимъ фабрикантамъ,—мы не могли бы путемъ одного убѣжденія удержать нашихъ рабочихъ отъ насилій надъ евреями?» Теперь же всѣ не только примирились съ пребываніемъ въ Клинцахъ солдатъ, но и намѣреваются обратить временное пребываніе въ постоянное; съ этою цѣлію общество предполагаетъ ходатайствовать о расположеніи въ Клинцахъ полка и отводитъ для помѣщенія его зданіе бывшей суконной фабрики. Этимъ желаніемъ вовсе не руководитъ боязнь какихъ-либо безпорядковъ, а сознаніе выгодности имѣть къ своимъ услугамъ массу рабочихъ, особенно на тотъ случай, еслибы плата мѣстнымъ рабочимъ поднялась. И теперь солдаты отпускаются на разныя земледѣльческія работы въ имѣнія фабрикантовъ». Нанимателямъ чрезвычайно выгодно всегда имѣть наготовѣ дешевыя рабочія руки солдатъ, арестантовъ и тому подобныхъ лицъ, содержимыхъ на счетъ государства; но каково переносить это рабочимъ, у которыхъ заработная плата нонижается и даже совсѣмъ отбивается всякая работа? Да и не одни рабочіе, но все населеніе терпитъ громадныя невыгоды отъ появленія на рабочемъ рынкѣ лицъ, получающихъ содержаніе отъ государства: всѣмъ грозитъ опасность, всѣ страдаютъ ради выгоды ничтожной кучки людей, заинтересованныхъ въ пониженіи заработной платы. Такъ, напримѣръ, архангельскій корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* разсказываетъ, что «заработки мѣстнаго беземельнаго люда—мѣщанъ—въ нынѣшнемъ году очень незавидные. Къ концу августа при Архангельскомъ портѣ стояло не болѣе 10 иностранныхъ судовъ, тогда какъ въ прежніе годы ихъ бывало въ это время по нѣскольку десятковъ. Особенно жалуется бѣдный рабочій людъ на конкурренцію съ нимъ арестантовъ мѣстнаго исправительнаго отдѣленія,— а ихъ тутъ болѣе 700 человѣкъ; работодатель охотнѣе беретъ арестанта за 16 коп. въ день казенной цѣны, даже прибавляетъ ему въ награду за усердную работу столько же, чѣмъ за 60 коп. въ день нанимать вольнаго рабочаго. При такихъ условіяхъ негдѣ взять работы; мѣщанство бѣдствуетъ ужасно; многіе рѣшаются даже на преступленія для того, чтобы на зимніе безработные мѣсяцы попасть на готовый хлѣбъ въ тюрьму. Коренные архангельскіе жители уже привыкли къ этому и потому

заранѣе принимают свои мѣры предосторожности: укрѣпляютъ свои входы и выходы, а главное—опасаются поздно вечеромъ ходить по улицѣ, чтобы не возвратиться домой въ одеждѣ праотца, тѣмъ болѣе, что на помощь полиціи, какъ это извѣстно по опыту, надѣяться нечего». Дозволеніе солдатамъ, арестантамъ и т. п. лицамъ выносить на рынокъ свой трудъ есть величайшая несправедливость. Это есть не болѣе какъ тяжелая натуральная повинность рабочаго населенія въ пользу немногихъ капиталистовъ. Населеніе отдаетъ въ распоряженіе правительства свои лучшія молодыя силы, самыхъ крѣпкихъ и здоровыхъ сыновей и братьевъ для защиты отечества отъ внѣшняго врага. Народъ обремененъ податями и налогами, изъ которыхъ самая большая часть идетъ на содержаніе военной силы. Теперь оказывается, для чего же и для кого приносятся всѣ эти непомѣрно-тяжелыя жертвы? Народъ на свой счетъ содержитъ войска, а они за дешевую, ничтожную цѣну работаютъ для обогащенія немногихъ. Трудъ солдата или арестанта, работающихъ въ пользу частнаго нанимателя, въ сущности оплачивается цѣлымъ народомъ, который содержитъ на свой счетъ солдатъ и арестантовъ; значитъ, цѣлый народъ, въ видѣ воинской повинности, податей и налоговъ, отправляетъ повинность въ пользу немногихъ капиталистовъ, построившихъ свое благосостояніе на эксплоатаціи рабочаго труда. Это возмутительно-несправедливо! Да притомъ же дешевый трудъ въ пользу капиталистовъ неминуемо долженъ оказывать деморализующее дѣйствіе на войска. Съ одной стороны рабочая масса вооружается противъ войска, видя въ солдатахъ конкуррентовъ на рабочемъ рынкѣ, понижающихъ заработную плату и отбивающихъ кусокъ хлѣба; а съ другой стороны и солдаты, набранные изъ рабочей среды, не могутъ не понимать общности своихъ интересовъ съ интересами всего рабочаго класса и, естественно, должны негодовать противъ такого порядка, при которомъ они, по неволѣ, дѣйствуютъ во вредъ самимъ себѣ, своимъ роднымъ, кровнымъ, рабочимъ интересамъ.

Мы сгруппировали факты изъ народной жизни, разсѣянные въ многочисленныхъ газетныхъ корреспонденціяхъ, не довѣряя вполнѣ и безусловно каждому газетному сообщенію. Но если въ этихъ сообщеніяхъ есть даже половина правды, то и въ такомъ случаѣ происходящее въ крестьянской средѣ броженіе представляетъ собою серьезную опасность и заставляетъ не на шутку задуматься надъ нимъ. Сначала возлагались неумѣренныя упованія на обильный урожай, а теперь эта иллюзія разрушилась и всѣмъ стало ясно, что рабочему люду придется пережить тяжелую зиму, въ теченіе которой благосостояніе его падетъ еще больше. Вся надежда осталась на правительство. Приведенная нами въ началѣ рѣчь г. министра государственныхъ имуществъ указываетъ, что правительство уже обратило серьезное вниманіе на тревожное значеніе происходящаго въ народѣ броженія. Оно начинаетъ принимать мѣры для успокоенія народа, для удовлетворенія нуждъ его и разрѣшенія жизненныхъ вопросовъ стра-

ны. Въ особенности громадную важность и успокоивающее значеніе имѣетъ объявленная г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, при открытіи «совѣщанія земскихъ свѣдущихъ людей», воля Государя Императора, чтобы «самые жизненные вопросы страны не были рѣшаемы безъ выслушанія мѣстныхъ дѣятелей, хорошо знакомыхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ».

P. S. По поводу нашей статьи въ октябрской книжкѣ *Русской Мысли* сдѣлано нѣсколько замѣчаній въ № 2023 *Новаго Времени* въ статьѣ: «Серьезныя противорѣчія». Полемизируя съ нами, авторъ «Серьезныхъ противорѣчій» толкуетъ преимущественно о томъ, что не было высказано и выяснено нами, такъ что эта наибольшая часть статьи имѣетъ видъ сдѣланнаго намъ вызова разъяснить наши взгляды на нѣкоторые существенно важные вопросы. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы понимаемъ смыслъ сдѣланныхъ намъ замѣчаній, не принимая на себя отвѣтственности за мнѣнія, которыя никогда и нигдѣ не были высказаны нами и которыя предполагаетъ въ насъ авторъ «Серьезныхъ противорѣчій», становясь въ положеніе прозорливаго сердцевѣдца. Вопросы, затронутые имъ, слишкомъ серьезны, чтобы можно было отвѣчать на нихъ въ этой короткой замѣткѣ. Къ тому же мы по опыту знаемъ, что не всегда бываетъ возможно и удобно отвѣчать на такіе вопросы. Поэтому пока мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ и перейдемъ къ возраженіямъ противъ того, что, на самомъ дѣлѣ, было высказано нами въ октябрской книжкѣ *Русской Мысли* или приписывается намъ, какъ будто дѣйствительно высказанное нами.

Да, авторъ «Серьезныхъ противорѣчій» не стѣсняется увѣрять читателей, будто мы въ октябрской статьѣ утверждаемъ то, чего на самомъ дѣлѣ мы никогда не говорили. Такъ, напр., онъ пишетъ: «очень краснорѣчиво и даже съ чувствомъ говоритъ обозрѣватель *Русской Мысли* о томъ, сколько бѣдъ претерпѣваетъ мужикъ по необезпеченности его личной и имущественной неприкосновенности; на каждыхъ двухъ строкахъ выдвигается становой или урядникъ—то для побитія мужика, то для произвольнаго ареста, то *для продажи мужицкихъ пожитковъ*. Но, повидимому, либеральнаго писателя очень мало интересуетъ вопросъ хотя бы о томъ, какой смыслъ таится въ продажѣ мужицкихъ пожитковъ. А вѣдь въ сущности тутъ возмутительно совсѣмъ не то, что допускается продажа: таковая, какъ мѣра понужденія неисправныхъ плательщиковъ, допускается вездѣ, гдѣ есть плательщики. Возмутительно то, напротивъ, что плательщикомъ является у насъ исключительно менѣе состоятельный классъ населенія. Помочь дѣлу можно тутъ не провозглашеніемъ имущественной неприкосновенности, а измѣненіемъ системы податей». Краснорѣчиво, прекрасно, вполнѣ побѣдоносно опровергнута приписанная намъ мысль. Но при чемъ же мы-то здѣсь, когда ни слова не говорили о про-

даже полиціей крестьянскихъ пожитковъ, ни въ осужденіе, ни въ похвалу? Мало того, что мы не высказывали приписанной намъ мысли, но и не могли высказывать, потому что еще ранѣе, въ № 32 *Земства* (8 іюля), мы высказались слѣдующимъ образомъ по поводу министерскаго распоряженія о запрещеніи продавать крестьянскій скотъ по всѣмъ казеннымъ взысканіямъ. Понятное дѣло, что такая мѣра очень хороша и мы отъ души привѣтствовали ее, но, въ то же время, она едва ли можетъ оказать существенную пользу крестьянамъ. Если правительство признало необходимымъ воспретить продажу крестьянскаго скота по всѣмъ казеннымъ взысканіямъ, то это самое показываетъ, что для крестьянъ раззорительна не столько самая продажа скота, сколько непомѣрная тяжесть казенныхъ взысканій и платежей. Ясное дѣло, что для освобожденія крестьянъ отъ хозяйственнаго раззоренія необходимо уменьшить взимаемые съ нихъ казенные платежи, а безъ этого запрещеніе продавать скотъ для пополненія казенныхъ взысканій не можетъ привести ни къ какимъ полезнымъ результатамъ. Если правительство будетъ продолжать взысканіе съ крестьянъ платежей въ размѣрѣ, превышающемъ средства ихъ и раззоряющемъ земледѣльческое хозяйство, то мѣстныя власти по необходимости должны будутъ изыскивать—и, дѣйствительно, найдутъ—возможность продать крестьянскій скотъ, для пополненія казенныхъ взысканій, не прибѣгая къ формальной продажѣ его. Всякому изъ насъ извѣстно, что и въ настоящее время практика выработала множество средствъ принуждать крестьянъ къ продажѣ послѣдняго имущества на уплату податей, безъ непосредственнаго участія въ этой продажѣ мѣстныхъ властей. Мы знаемъ даже, что полицейская власть чрезвычайно рѣдко прибѣгаетъ къ продажѣ крестьянскаго имущества съ публичнаго торга по той причинѣ, что общественное мнѣніе среди крестьянъ такъ сильно возбуждено противъ этой продажи, что покупать имущество съ публичнаго торга никто не осмѣливается, кромѣ какого-нибудь издалека привезеннаго полиціей кулака, человѣка совсѣмъ потерявшаго честь и совѣсть. Вмѣсто продажи имущества съ публичнаго торга, полиція разными средствами все равно доводитъ недоимщика до того, что онъ самъ продаетъ самое необходимое имущество и окончательно раззоряется. При такихъ условіяхъ правительственное распоряженіе о воспрещеніи продавать крестьянскій скотъ на пополненіе разнаго рода взысканій не можетъ принести никакой пользы до тѣхъ поръ, пока не будетъ облегчена податная тяжесть, лежащая нынѣ на крестьянахъ. Послѣ этого спрашивается: съ кѣмъ же полемизируетъ авторъ «Серьезныхъ противорѣчій?»... Нѣтъ, такъ нельзя полемизировать.

«Идти шагъ за шагомъ по слѣдамъ нашего оппонента,—продолжаетъ авторъ «Серьезныхъ противорѣчій»,—работа скучная и неблагодарная. Но нельзя не отмѣтить весьма характерныхъ размышленій его о необходимости отнять у крестьянскаго «міра» право высылки порочныхъ членовъ. Какая дикая подробность быта—административная ссылка по мір-

симъ приговорамъ! И эта варварская подробность, составляющая для крестьянскаго міра одно изъ средствъ самозащиты, торжественно предается анаөемѣ и упраздненію! Что за бѣда, если крестьянскій «міръ» можетъ расшататься и развалиться по беззащитности его предъ негодными членами! Велика важность—крестьянскій міръ, когда дѣло идетъ о торжествѣ великаго принципа! Pereat mundus et fiant libera principia!»—таковъ девизъ современныхъ жрецовъ абсолютнаго права... Впрочемъ, нашъ оппонентъ, упраздняя ссылку по мірскимъ приговорамъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, трактуетъ рядомъ о гарантіи общественныхъ правъ и вольностей, о свободной самодѣятельности въ сферѣ собственныхъ интересовъ... *Надо* думать, что право крестьянскаго «міра» вѣдать всѣ свои сельскіе интересы и нужды г. обозрѣватель не относитъ къ самодѣятельности и потому не удостоиваетъ гарантій, иначе получается безвыходное противорѣчіе». Съ недоумѣніемъ мы прочли эти строки и стали отыскивать въ октябрской книжкѣ *Русской Мысли* «характерныя размышленія о необходимости отнять у крестьянскаго міра право высылки порочныхъ членовъ»; но сколько мы ни бились, а никакихъ подобнаго рода размышленій не отыскали. Въ дѣйствительности мы указывали на разные виды произвола административныхъ властей, выражающагося въ ссылкѣ, и при этомъ сдѣлали слѣдующее упоминаніе о ссылкѣ по общественнымъ приговорамъ: «Сверхъ того множество крестьянъ и мѣщанъ ежегодно подвергаются административнымъ высылкамъ въ Сибирь, по общественнымъ приговорамъ, за дурное поведеніе. Какъ извѣстно, при этомъ допускается множество злоупотребленій, потому что приговоры или бываютъ совсѣмъ подложные, или составляются благодаря сильному постороннему давленію на общество. Всякій, напримѣръ, у кого въ рукахъ сила,—будетъ ли то писарь или исправникъ, становой или богатый кулакъ,—легко можетъ отправить въ административную ссылку лично непріятнаго ему человѣка при помощи подложнаго или вынужденнаго приговора». И только... Надѣемся, что никто, кромѣ автора «Серьезныхъ противорѣчій», не можетъ вывести изъ нашихъ словъ какого-либо заключенія въ пользу сохраненія или отмѣны права сельскихъ обществъ изгонять изъ своей среды порочныхъ членовъ. Мы протестовали противъ беззащитности какъ личности, такъ и цѣлаго крестьянскаго «міра» предъ подавляющимъ гнетомъ болѣе или менѣе постороннихъ «міру» сильныхъ людей. Но нашъ оппонентъ ничего не говоритъ объ этомъ и возражаетъ противъ того, что мы не высказывали и о чемъ умалчиваемъ даже теперь, считая невозможнымъ вполнѣ высказаться въ короткой замѣткѣ по такому сложному вопросу, въ которомъ приходятъ въ соприкосновеніе интересы личности, правительства, общества—выселяющаго и другаго общества—принимающаго въ свою среду порочнаго члена. Здѣсь мы указываемъ только, что нельзя такъ полемизировать, какъ полемизируетъ авторъ «Серьезныхъ противорѣчій».

Всего болѣе намъ достается за упоминаніе о существованіи у крестьянъ сходокъ, основанныхъ не на законѣ, но на обычномъ правѣ. «Кто бы могъ подумать,—восклицаетъ авторъ «Серьезныхъ противорѣчій»,—что существуетъ законъ, воспрещающій крестьянамъ сходки! А нашъ обозрѣватель открылъ его, очевидно, тѣмъ самымъ порядкомъ, какимъ иные догадливые туристы-иностранцы открываютъ у насъ въ каждой деревнѣ висѣлицу. Право сходокъ—вѣдь это такое либеральное право! Быть не можетъ, чтобы законъ давалъ его крестьянамъ, а между тѣмъ въ каждой деревнѣ чуть не ежедневно бываютъ сходки; ясно, крестьяне знать не хотятъ закона!»—Да въ томъ-то и дѣло, что, кромѣ законныхъ сельскихъ сходовъ въ случаяхъ, поименованныхъ въ 51 ст. Общ. Положенія о крестьянахъ, у крестьянъ постоянно бываютъ сходки не разрѣшенныя закономъ, но существующія въ силу обычнаго права. Надѣемся, что авторъ «Серьезныхъ противорѣчій» не можетъ не знать этого, точно также какъ никто не можетъ не знать о существованіи законныхъ сельскихъ сходовъ. А если такъ, то основательно ли онъ полемизируетъ съ нами?

Въ заключеніе мы съ особеннымъ удовольствіемъ должны упомянуть, что авторъ «Серьезныхъ противорѣчій» разъяснилъ намъ одинъ очень важный, хотя и невольный, промахъ нашъ. Въ октябрской книжкѣ мы говорили о *Новомъ Времени* въ такомъ смыслѣ, какъ будто оно возстаетъ противъ перечисленныхъ нами желаній и стремленій интеллигенціи. Но авторъ «Серьезныхъ противорѣчій» увѣряетъ, что газета совсѣмъ не имѣла въ виду перечисленныхъ желаній и потребностей, когда сказала, что «интеллигенціи, быть-можетъ, придется поумѣрить свои желанія, заставить поблѣднѣть свою фантазію». Это, впрочемъ, и само собой понятно: неприкосновенность личности, домашняго очага, имущества, свобода совѣсти, слова и т. д.,—кому же придетъ въ голову отказываться отъ этихъ благъ?... И прекрасно! Вотъ самое лучшее доказательство того, что перечисленныя нами въ октябрской книжкѣ желанія и потребности интеллигенціи вошли въ общественное сознаніе. Мы съ удовольствіемъ извиняемся предъ *Новымъ Временемъ* въ нашей невольной ошибкѣ и отмѣчаемъ, что эта газета считаетъ невозможнымъ даже предположеніе, чтобы кто-нибудь могъ отказаться отъ тѣхъ «благъ», которыя представляютъ собою перечисленныя нами желанія и потребности интеллигенціи.

С. Пр.

Хроника французской жизни.

Дѣла въ Тунисѣ.—Взглядъ на эти дѣла „непримиримыхъ“ и обвиненіе г. Рошфора въ клеветѣ.—Нескромность г. Биллинга и его отставка.—Гг. Гамбетта и Ферри.—Книга г. Барду: *„Графъ Монлозье и галликанизмъ“*.—Журналы.

Пораженія, кои потерпѣла Франція въ 1871 году, охладили было ея воинственный пылъ. Общественное мнѣніе возстало противъ всякой наступательной войны. Французы рѣшили работать у себя дома, залѣчить свои раны и не вмѣшиваться въ чужія дѣла. Но почему же теперь вдругъ кинулись они въ Африку?—А потому, что увѣрили ихъ, что все дѣло въ ничтожной военной демонстраціи, на которую даже пороху потребуется мало. И вотъ пороху уже пораcтрѣлено много, а предпріятіе не только не кончено, но и конца ему не видно. Министры наши придумали совершить военную прогулку въ Тунисъ и выполнили было ее не безъ нѣкотораго эффекта. Не встрѣтивъ враждебнаго сопротивленія, кабинетъ вернулъ оттуда часть войска. Депутаты тѣмъ временемъ разъѣхались на каникулы, очень довольные тѣмъ, что имъ удалось столь дешевою цѣной поднять военный престижъ Франціи. Изъ милости они хотѣли улучшить финансы тунисскаго бея и поладить съ жителями регентства. И вдругъ поднимается весь Тунисъ, возстаетъ вся страна вплоть до Алжира. Дѣло разыгрывается не на шутку. Оффиціальныя извѣстія утверждаютъ, что въ славныхъ битвахъ, продолжающихся съ утра до вечера, рѣдко убитымъ падаетъ одинъ французъ, да раненныхъ бываетъ всего нѣсколько человѣкъ, что однако не мѣшаетъ переполненію госпиталей. Черезъ нѣсколько дней министровъ спросятъ о смертности въ Африкѣ, объ истраченныхъ тамъ, безъ разрѣшенія палаты, милліонахъ, о пятидесятитысячномъ войскѣ, переплывшемъ Средиземное море. Что ответятъ они? — По обыкновенію, конечно: «Пролита была французская кровь; задѣта честь Франціи». А кто васъ просилъ туда?—Бисмаркъ приглашалъ.

У тунисскаго бея, какъ извѣстно, прежде всего отняли право прямыхъ сношеній съ иностранными державами. Представитель Франціи взялъ эту заботу на себя. Затѣмъ и финансы перешли въ завѣдываніе Франціи,

которая теперь, должно-быть для сокращенія расходовъ по содержанію войска, наводнила страну своими войсками и содержитъ гарнизонъ въ фортахъ столицы. Несчастный бей превратился въ опереточнаго бея. Его министръ, Мустафа, вышелъ въ отставку и пріѣхалъ къ намъ въ Парижъ слушать Оффенбаха, а оставленные бею солдаты предназначены для войны съ подданными, стоящими за его же независимость.

«Непримиримые» говорятъ, что если Франція въ тунисскомъ дѣлѣ зашла такъ далеко, то это потому, что она, не вѣдая того, была орудіемъ въ рукахъ разныхъ плутовъ и спекулянтовъ. Рустанъ, Бартелеми Сентъ-Илеръ, Шальмель-Лакуръ обвиняютъ Рошфора въ клеветѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Рошфоръ будетъ осужденъ. Но въ одномъ изъ журналовъ говорятъ, что точно также никто и никогда не могъ доказать участіе герцога Морни въ ажіотажѣ Жекера въ Мексикѣ, вліяніе котораго на несчастную экспедицію несомнѣнно, а между тѣмъ кто же повѣритъ тому, что Морни принималъ въ дѣлахъ Жекера исключительно платоническое участіе? Такъ и въ данномъ случаѣ. Продажа Хайрединомъ громаднаго участка земли французскимъ спекулянтамъ и участіе въ этомъ предпріятіи нѣкоторыхъ государственныхъ людей Франціи были, конечно, главнѣйшими причинами демонстраціи въ Крумери, стоющей государству 100 милліоновъ и баснословно увеличившей долги Туниса. Оправданія, представленныя лицами, замѣшанными въ эти продѣлки, ровно ничего не доказали. Такъ, напримѣръ, Леонъ Рено увѣряетъ, что онъ былъ въ Тунисѣ только какъ адвокатъ, въ качествѣ юристъ-консульта. Но онъ же и привезъ договоръ, который бей долженъ былъ подписать, причемъ французскій консулъ далъ понять, что лучшее средство упрочить миръ—принять предложеніе Леона Рено. Бей отказалъ. И вотъ послѣдствія.

Далеко еще не всѣ тунисскія продѣлки обнаружены, но и того, что уже извѣстно, достаточно для негодованія. Не извѣстно, почему правительство заподозрило одного изъ своихъ дипломатовъ, г. де-Биллинга, въ выдачѣ нѣкоторыхъ тайнъ. Биллингъ являлся въ Тунисъ подъ предлогомъ изслѣдованія Карѳагенскихъ развалинъ. Было ли это дѣйствительною цѣлью его путешествій, или, прикрываясь ученою цѣлью, онъ исполнялъ какія-либо порученія Бартелели Сентъ-Илера—не знаю; но, какъ бы то ни было, Рустанъ утверждаетъ, что ему многое было извѣстно изъ того, чего не зналъ никто другой. Одинъ изъ журналовъ обвинилъ Биллинга въ доставленіи Рошфору свѣдѣній изъ Туниса. Биллингъ оскорбился, возбудилъ преслѣдованіе за клевету и вышелъ въ отставку. А публикѣ стало ясно, что будь все, о чемъ пишетъ Рошфоръ, выдумкой, Сентъ-Илеръ и Рустанъ не заподозрили бы секретаря посольства въ выдачѣ правительственныхъ тайнъ.

Гамбеттѣ суждено стать во главѣ кабинета среди безпокойствъ и вражды, вызванныхъ затруднительнымъ положеніемъ дѣлъ въ Африкѣ. Помимо этого, въ послѣднее время онъ самъ лично сдѣлался bette noire край-

нихъ демократовъ. Сдѣлавшись министромъ, Гамбетта долженъ будетъ выполнить свои обѣщанія и перейти отъ словъ къ дѣлу. Ламартинъ также достигъ власти краснорѣчивыми рѣчами. Изъ устъ его лились цѣлые потоки звучныхъ тирадъ, но для Франціи было мало однѣхъ сладкозвучныхъ фразъ: какъ только она убѣдилась, что глава ея — не болѣе какъ прекрасная говорильная машина, то немедлено предпочла пѣснопѣнію Ламартина молчаніе Бонапарта. Франціи страшно надоѣли люди, которые ничего не знаютъ, ничего не могутъ и ничего не желаютъ. У ней финансы въ порядкѣ, свободы довольно, но нѣтъ управленія. А въ то же время бурлитъ сила, которую можно направить, утилизировать, но ни въ какомъ случаѣ не задавить. Еслибы нашелся государственный человѣкъ, который бы, полюбивъ нуждающіеся классы, понялъ и оцѣнилъ ихъ нужды, то онъ могъ бы направить какъ должно потокъ, могущій въ противномъ случаѣ надѣлать много бѣдъ.

Публичныя собранія стали ареной для ораторскихъ состязаній, въ которыхъ соціалистическіе кружки вырабатываютъ свои доктрины. Рабочій, слышащій тамъ одно, здѣсь другое, не знаетъ, что думать. Крайнія отрицанія, столь цѣнившіяся имъ, когда ихъ преслѣдовали, теперь, будучи допущены, утратили въ его глазахъ значительную долю своей прелести. Такъ, напримѣръ, 17 сентября открытъ былъ конгрессъ атеистовъ подъ предсѣдательствомъ гражданина Лепелтье. Его не преслѣдовали и онъ не удался. Протестантскій пасторъ, по фамиліи Гиршъ, храбро выступилъ противъ атеизма. «Вы разсуждаете здѣсь,—сказалъ онъ собравшимся,—о такихъ отвлеченныхъ вопросахъ, которые для васъ вполнѣ чужды». На декламацію нѣкоего Канивэ противъ власти родительской онъ возразилъ: «Вы желаете удалить ребенка изъ семьи и поручить его воспитаніе обществу. Но въ этомъ вы только зловѣщіе подражатели системѣ Людовика XIV. Въ 1682 году онъ отымалъ дѣтей у ихъ матерей, съ цѣлью единообразить религію Франціи. Вы же собираетесь дѣлать то же для соціальнаго нивелированія». Я указываю на это вмѣшательство лютеранскаго пастора, какъ на доказательство, что можно не безъ успѣха говорить противъ извѣстнаго предвзятаго мнѣнія, царствующаго въ собраніи людей однородныхъ убѣжденій. Конгрессъ кончился банкетомъ. Кому и для чего это нужно? Пролетарій очень хорошо понимаетъ, что не въ безбожіи рѣшеніе кровныхъ, насущныхъ для него вопросовъ.

Не мало спорятъ о томъ, въ чемъ будетъ разниться политика Гамбетты отъ политики Ферри. Штатъ сотрудниковъ этихъ двухъ государственныхъ людей совершенно разный. Гамбетта щедрѣе на обѣщанія и энергичнѣе на словахъ. Оба они думаютъ и высказываютъ, что городское населеніе должно замедлить шаги, а сельское ускорить свои. Понятно, что городской рабочій классъ сбитъ съ толку и тревожится. Ферри и Гамбетта быть-можетъ и столковались бы между собой и подѣлили бы власть, но друзья и пріятели каждаго изъ нихъ жадничаютъ и хотятъ забрать

всѣ мѣста исключительно для себя. Ферри несомнѣнно кончитъ тѣмъ, что стушуется передъ своимъ соперникомъ. Одинъ изъ журналистовъ, нѣкто Гекторъ Пессаръ, извѣстный какъ одна изъ опоръ лѣвой республиканской, оплакивая участь своей партіи, говоритъ: «Что дѣлать! У насъ будетъ радикальное министерство, съ Гамбеттой во главѣ. Радикаламъ надоѣло ждать и они требуютъ себѣ всего. И они получатъ все. Напрасно Жюль Ферри будетъ пытаться, во имя патріотизма, отойти на второй планъ,—радикалы не потерпятъ компромиссовъ. Пусть же Гамбетта приметъ власть, пусть окружатъ его Флоке, Алленъ Тарже и Локрэ, пусть радикальная партія возьметъ верхъ, но пусть же на нее падетъ отвѣтственность за послѣдствія ея дѣйствій». Президентъ республики желалъ бы сліянія этихъ двухъ партій, но Гамбетта, повидимому, оставляетъ этотъ выходъ про запасъ. Когда значеніе его, какъ министра, поколеблется, онъ прибѣгнетъ къ комбинаціи, называемой итальянцами connubio, т. е. къ сліянію партій, подобно тому, какъ нѣкогда состоялось это въ Туринѣ между Кавуромъ и Ратацци.

Радикалы, окружающіе Гамбетту — послѣдняя преграда между оппортюнизмомъ и непримиримыми и положеніе ихъ крайне трудно. Они всѣ принадлежатъ къ той группѣ людей, которые въ свое время старались найти возможность соглашенія между Версалемъ и Парижемъ и придумывали программу дѣйствій, которая могла бы быть принята и Тьеромъ, и Делеклюзомъ, что было столь же невыполнимо, какъ немыслимо нынѣ установить соглашеніе между Гамбеттой и Рошфоромъ. Эти посредники между буржуазіей и пролетаріатомъ скоро, силою вещей, будутъ вынуждены вступить въ борьбу съ послѣднимъ. Стремясь доставить странѣ возможно большую политическую свободу, относясь къ духовенству крайне враждебно, какъ экономисты, они недостаточно свѣдущи и потому быть-можетъ и не замѣчаютъ, что Франція нуждается, требуетъ реформъ ея соціально-экономическаго строя, что откладывать этихъ реформъ нельзя, что необходимо наконецъ точно, опредѣленно намѣтить путь, по которому надлежитъ идти къ улучшенію быта задавленнаго нуждами рабочаго класса. Туманныя фразы, разнаго рода жалкіе палліативы уже никого не удовлетворяютъ. Въ этомъ отношеніи мы ушли очень далеко отъ 1848 года, когда буржуазіи стоило только сказать, что ея враги—коммунисты, чтобы запугать крестьянъ. Теперь сельское населеніе труднѣе провести, да и сама буржуазія менѣе дрожитъ передъ фразами, когда-то запугивавшими ее. Многіе ожидаютъ чудесъ отъ Гамбетты—министра. Онъ не встрѣтитъ препятствій ни со стороны столь вѣрнаго конституціи президента республики, ни со стороны палаты, хотя у Ферри тамъ столько же, какъ и у него, приверженцевъ. Что же касается до иностранныхъ державъ, то онѣ уже давно перестали смотрѣть на Гамбетту какъ на будущаго нарушителя европейскаго мира. Пресса много говорила объ его таинственной поѣздкѣ въ Германію. Нѣкоторые увѣряли, что онъ ѣздилъ хлопотать о

согласія князя Бисмарка на его вступленіе въ управленіе Франціей. Но Франція, благодаря Бога, не дошла еще до такого униженія. Если дѣйствительно происходило свиданіе между этими двумя корифеями европейской политики, то цѣль его, конечно, иная.

День Св. Генриха въ нынѣшнемъ году прошелъ тихо, но 29 сентября, въ день рожденія графа Шамбора, легитимисты устроили торжество во всей Франціи. Всего болѣе ихъ собралось въ Марсели. Подписанъ былъ адресъ президенту и предлагались болѣе чѣмъ странные тосты. Такъ, напримѣръ, де-ла-Бріеръ провозгласилъ тостъ «за Марсель—родину Сакрекёра». Оказывается, стало-быть, что Марсель—родина Сердца Христова. Наиболѣе пылкія рѣчи произносились въ Вандеѣ, въ Бресьерѣ, гдѣ маркизъ де-ла-Рошжакленъ, депутатъ Севра, воскликнулъ: «Пусть всякій признающій, что нынѣшнее правительство есть худшее изъ всѣхъ правленій, прибѣгнетъ къ единственному средству, къ единственному врачу—къ Бурбонамъ». Тѣмъ не менѣе благородный маркизъ признался, что при его величествѣ Карлѣ X ни единый ораторъ не могъ бы безнаказанно провозгласить существующее правительство худшимъ изъ всѣхъ и предложить тостъ за установленіе республики или призваніе Бонапартовъ. Докторъ Буржуа, депутатъ Вандеи, напомнилъ, что именно въ Бресьерѣ организовалось сопротивленіе первой республикѣ, и заявилъ, что онъ надѣется пережить и нынѣшнюю. Говорилось объ энергіи и отвагѣ, выказанныхъ въ былое время вандейцами въ борьбѣ съ республиканскими войсками. Эти воззванія къ междуусобной войнѣ остаются, правда, безъ послѣдствій, но несомнѣнно, что, въ случаѣ какого-либо государственнаго кризиса или переворота, въ Бретани тотчасъ будетъ сдѣлана попытка повторенія вандейской войны, тѣмъ болѣе серьезная, что она задолго будетъ подготовлена и что руководителями возстанія явятся бывшіе офицеры папскихъ зуавовъ, представляющіе собой всегда готовые кадры для междуусобія. Во всякомъ случаѣ новое удрученіе Франціи Бурбонами мыслимо только какъ послѣдствіе великихъ внѣшнихъ несчастій, страшныхъ пораженій извнѣ.

Война съ Пруссіей обнаружила во Франціи недостатокъ полководцевъ. Въ политикѣ также чувствуется недостатокъ вождей. Теперешніе предводители партій не болѣе какъ какіе-то кулачные бойцы. Прежде были люди. Естественно, что нынѣшніе воротилы дѣлъ Франціи стараются воскресить образы своихъ славныхъ предшественниковъ и въ этомъ поклоненіи дѣятелямъ прошлаго каждый выбираетъ того, съ которымъ онъ чувствуетъ въ себѣ наиболѣе сходства и сродства. И я понимаю, что такой умѣренный и спокойный человѣкъ, какъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія Барду, могъ избрать себѣ идеаломъ графа Монлозье. Графъ Монлозье былъ послѣднимъ выдающимся представителемъ галликанизма. Галликанизмъ въ наши дни забытъ, но исторія его, въ особенности его агонія, крайне поучительна. Галликанизмъ, проведя ровъ вокругъ государства,

охранилъ Францію отъ притязаній Римской куріи. Государство плохо поддержало своихъ защитниковъ; значеніе, которымъ пользовалась монархія во времена Босюэ, пало и нація все менѣе и менѣе интересовалась вопросомъ о разграниченіи правъ папы и короля. Въ наше время борьба перешла на другую почву, но нисколько не измѣнила своего характера. Какъ тогда, такъ и теперь, общество желаетъ, чтобы духовенство не злоупотребляло громадною силой духовнаго вліянія, для удовлетворенія своего честолюбія и любостяжанія. Погоня духовенства за временными благами отодвигаетъ на второй планъ и наиболѣе важные интересы самой церкви, и самыя высокія задачи религіозной философіи. Современникъ Босюэ былъ бы пораженъ нынѣ ведущеюся полемикой, въ которой всего настойчивѣе и почти исключительно предъявляются требованія о предоставленіи духовенству правъ владѣнія громадной земельною собственностью, полученія наслѣдствъ, неплатежа налоговъ и т. п. Глядя на то, въ какія низменныя, матеріально-корыстныя сферы низведены стремленія духовенства нашего времени, дерзающаго проводить, подъ видомъ священныхъ задачъ и интересовъ церкви, эти свои вожделѣнія, невольно ждешь бойцовъ за очищеніе истинныхъ дѣлъ вѣры отъ этихъ ужасныхъ наростовъ, страшныхъ уродствъ, и съ отрадой припоминаешь имена и свѣтлые образы такихъ безупречныхъ сподвижниковъ ученія Христова, какъ Монлозье, Грегуаръ и Ламенэ.

Я не безъ цѣли сопоставилъ эти три славныхъ имени. Они всѣ трое, съ равною непоколебимостью вѣры, искали выхода изъ нравственныхъ затрудненій своего времени. Всѣ трое они не знали отчаянія и до послѣднихъ минутъ жизни убѣжденія ихъ были неизмѣнно-величественны. Аббатъ Грегуаръ стремился къ соглашенію церкви и революціи. Взаимныя анаѳематства папства и революціи не смогли заставить его измѣнить ни католицизму, ни принципамъ 1789 года. Въ самый разгаръ террора, онъ на засѣданія конвента приходилъ въ рясѣ и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на шумныя отреченія обезумѣвшаго отъ страха духовенства. Его искренность обезоружила самый терроръ. Этотъ кроткій человѣкъ, ревностный христіанинъ, по христіанскому чувству сдѣлавшійся ревностнымъ защитникомъ евреевъ, и при послѣднихъ минутахъ своихъ не отказался ни отъ единаго своего слова. Не для себя, а для церкви протянулъ онъ руку передовымъ людямъ своего времени и умеръ увѣренный, что еслибы все духовенство послѣдовало его примѣру, то много несчастій было бы избѣгнуто. Другой не менѣе сильный и свѣтлый умъ, Ламенэ, стремился возвратить церкви ея значеніе, дабы она употребила его на службу народнымъ интересамъ. Духовенство съ жадностью ухватилось за мысль о возвращеніи ему его прежнихъ привилегій, но не соглашалось на условія, безъ которыхъ Ламенэ считалъ эту реставрацію немыслимой. Увидавъ невозможность провести свои идеи въ среду высшаго духовенства, Ламенэ старался привести въ движеніе низшее духовенство, хотѣлъ образовать изъ него лигу, ко-

торая увлекла бы за собой все духовенство и поставила бы его во главѣ движенія современнаго общества. Отлученіе, наложенное на него Римомъ, воспрепятствовало ему и въ этомъ и заставило его не въ духовенствѣ, а въ народѣ искать точку опоры для поднятія міра на высоту евангельскаго ученія. Этотъ непонятый Саванаролла на смертномъ одрѣ отказался признать, что грѣшилъ, стараясь вывести церковь изъ ея неподвижности. Описаніе послѣднихъ минутъ жизни Ламенэ чрезвычайно поучительно. Нѣчто подобное находимъ мы и въ жизнеописаніи графа Монлозье.

Составляя свою книгу: «Графъ Монлозье и галликанизмъ», г. Барду имѣлъ въ своемъ распоряженіи его семейныя бумаги и его переписку. «Представьте себѣ,—говоритъ авторъ,—человѣка высшаго круга, родившагося за 35 лѣтъ до революціи. Онъ вблизи видѣлъ конецъ XVIII вѣка, усвоившаго отъ всѣхъ великихъ вопросовъ только то, что было пріятно, принималъ участіе въ полной удовольствій и утѣхъ жизни элегантнаго общества того времени, напрасно мнившаго утонченностью своихъ вкусовъ оживить утраченныя силы, посѣщалъ философскіе кружки наканунѣ гибели, въ развалинахъ разрушеннаго ими зданія, присутствовалъ на послѣднихъ ужинахъ m-me Труденъ, m-me Бово, m-me Некеръ, бывалъ въ послѣднихъ салонахъ большаго свѣта». Избранный въ генеральные штаты, онъ присоединился къ конституціонной партіи. Во время эмиграціи онъ, какъ Шатобріанъ, закалился во всѣхъ бѣдствіяхъ изгнанія. При реставраціи, будучи уже старикомъ, онъ въ продолженіе трехъ лѣтъ занималъ общественное вниманіе своею защитой галликанизма, который Барду весьма мѣтко называетъ *сочетаніемъ христіанизма и народности* противъ іезуитовъ и ультрамонтанства, пріобрѣтшихъ въ то время, во Франціи, громадное значеніе.

Во время революціи Монлозье не игралъ видной роли. До насъ дошло только одно относящееся къ тому времени выраженіе его. Онъ сказалъ съ трибуны, что если у епископовъ отнимутъ ихъ золотые кресты, то они замѣнятъ ихъ деревянными, а именно деревянный крестъ и есть символъ спасенія міра. Эти слова произвели большое впечатлѣніе и вырѣзаны на его гробницѣ. Въ сочиненіяхъ его сквозитъ ясный умъ. «Дайте,—писалъ онъ,—этому народу конституцію и вы сдѣлаете его сильнымъ. Введите порядокъ въ управленіе и вы введете его въ идеи. Говорятъ, что французскій народъ неблагоразуменъ, а потому свобода ему вредна; а я говорю, потому-то свобода ему и нужна, что она сдѣлаетъ его благоразумнымъ».

Монлозье, не раздѣлявшій заблужденій эмигрантовъ, былъ ими очень дурно принятъ. «Я ничего не могъ сказать тѣмъ, которые ничего не хотѣли слушать», писалъ онъ впослѣдствіи. Эмигранты боялись, чтобъ ихъ не заподозрили въ желаніи связаться съ «извергами-конституціоналистами». Предводитель послѣднихъ, Малуэ, имѣлъ право бросить французской знати слѣдующій упрекъ: «Вы стремились къ тому, чего никто не желалъ, но вы

не съумѣли воспрепятствовать тому, чего желали другіе, и ничѣмъ не замѣнили утраченнаго».

Въ сочиненіи Барду мы находимъ весьма яркое изображеніе салоновъ эмиграціи. Такъ, когда кто-то у m-me Морегаръ позволилъ себѣ сказать, что онъ сторонникъ прежняго порядка, за исключеніемъ злоупотребленій, хозяйка воскликнула: «Злоупотребленій?... Да это—лучшее, что было». И реставрація дѣйствительно стремилась возстановить систему злоупотребленій. Тогда-то Монлозье, вельможа, выступилъ противъ своихъ товарищей по эмиграціи въ защиту свободы совѣсти отъ посягательствъ на нее конгрегацій и іезуитовъ. Положеніе истинно-вѣрующихъ людей того времени выражено въ слѣдующей жалобѣ Ройе-Коллара: «Насъ заставляютъ выбирать между теократіей и безбожіемъ. Мы не хотимъ этой ненавистной альтернативы». Въ 1816 году Монлозье писалъ Баранту: «Я хочу, чтобы народъ возвратился къ Богу. Но онъ скорѣе закабалитъ себя дьяволу, чѣмъ попамъ. Французскій народъ перенесетъ всякое рабство, только не владычество поповъ. Они сдѣлаютъ ненавистнымъ королевскую династію и подвергнутъ ее судьбѣ Стюартовъ». Что особенно возмущало Монлозье, это—распространенное въ то время іезуитами и другими орденами миссіонерство внутри страны. Въ наши дни эти конгрегаціонныя миссіи замѣнены поломничествами. 18 апрѣля 1818 года Монлозье писалъ: «Миссіонеры продолжаютъ шумѣть. Я ходилъ ихъ слушать. Никакого таланта, но много наглости и властолюбія». Реставрація тщилась возстановить старый порядокъ. Графъ Монлозье требовалъ отъ парламента, чтобъ онъ ограничилъ притязанія духовенства предѣлами декларація 1682 года, этой хартіи галликанизма. Несмотря на свои семьдесятъ два года, онъ велъ борьбу съ чисто-юношескою энергіей. Онъ началъ ее въ 1826 году, своимъ знаменитымъ «мемуаромъ о религіозной и политической системѣ, стремящейся разрушить религію, общество и тронъ». Въ сочиненіи этомъ онъ доказывалъ незаконность пребыванія іезуитовъ во Франціи. «Вездѣ,—пишетъ онъ,—гдѣ смятеніе, шумъ, движеніе или какое-либо зрѣлище, можно видѣть іезуитовъ. Это ихъ пища, ихъ стихія. При Бонапартѣ они были принижены и вожаки ихъ малоизвѣстны. Съ самаго начала реставраціи конгреганисты, сѣмена которыхъ были разсѣяны тамъ и сямъ, приходятъ въ движеніе. До сего времени имя іезуитовъ было скрываемо, теперь оно произносится открыто. Монлозье хотѣлъ отстранить духовенство отъ политики и говорилъ: «Духовенство—священные сосуды; употреблять ихъ въ мірскихъ дѣлахъ значитъ осквернять ихъ».

Въ сочиненіи Монлозье встрѣчаются глубокія мысли, и хотя Франція съ тѣхъ поръ перенесла сильныя потрясенія, но слѣдующія строки, написанныя въ 1826 году, справедливы и въ приложеніи къ Франціи 1881 года: «Французская революція,—говоритъ онъ,—въ гражданскомъ и политическомъ отношеніи совершила самый полный переворотъ, когда-либо быв-

шій въ мірѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, даже въ худшее время революціи, Франція, подавленная тираніей средняго класса, доведенная до отчаянія, сохранила облагороженныя и утонченныя чувства изгнанныхъ ею высшихъ классовъ. Въ груди своей она сохранила сѣмена утонченности и понятіе о чести, завѣщанныя ей предшествовавшими поколѣніями,—сохранила ихъ, несмотря на то, что они не могли развернуться,—сохранила подобно тому, какъ земля зимою хранитъ сѣмена, довѣряемыя ей осенью».

Монлозье прожилъ до 1838 года. Вражда духовенства преслѣдовала его даже за гробомъ. Старикъ не согласился подписать передъ смертію отреченіе отъ своихъ мнѣній, чего упорно требовало отъ него духовенство, съ которымъ онъ велъ такую упорную и славную борьбу. Друзья и семейство исполнили его послѣднюю волю и составили описаніе его кончины. Документъ этотъ имѣетъ нѣсколько аристократическихъ подписей, какъ, напр., Баранта, и весьма враждебенъ духовенству. Какъ только Монлозье почувствовалъ близость смерти, то потребовалъ духовника. Явился самъ епископъ и предложилъ умирающему предварительно отречься отъ своихъ убѣжденій. Текстъ отреченія былъ изготовленъ заранѣе. Монлозье отвѣтилъ, что онъ не былъ отлученъ, что ни одно изъ его сочиненій не было запрещено, и на-отрѣзъ отказалъ подписать отреченіе, и когда, затѣмъ, ему было отказано въ напутствіи, онъ сказалъ: «моя исповѣдь не была принята, но Богъ справедливъ и я могу обойдтись безъ молитвъ, въ которыхъ мнѣ отказываютъ. Пусть похоронятъ меня въ Рандомской усыпальницѣ и поставятъ надо мною крестъ, дабы знали, что я хотѣлъ умереть католикомъ. Женщины, проходя мимо, будутъ креститься и мнѣ довольно будетъ ихъ молитвъ». Когда его душеприкащикъ явился къ священнику, чтобъ условиться о времени погребенія, ему отвѣтили: «Сочиненія Монлозье оскорбили духовенство. Журналы говорили о немъ. Намъ нужна была декларація, чтобы помѣстить ее во всѣхъ журналахъ. Онъ отказалъ въ ней и мы отказываемъ». Тѣло графа Монлозье было отнесено прямо на кладбище. «Окрестные горцы, — говоритъ Барду, — спускаясь изъ своихъ жилищъ, благоговѣйно преклоняютъ колѣна передъ его гробницей».—«Въ глазахъ Бога,—говорятъ друзья покойнаго, въ составленномъ ими описаніи его кончины,—не можетъ падать на гробъ болѣе святой и очистительной воды, чѣмъ искреннія и единодушныя слезы». Извѣстіе о поведеніи въ этомъ дѣлѣ духовенства возбудило въ Парижѣ сильное негодованіе. Викторъ Кузенъ, въ палатѣ перовъ, выразилъ удивленіе, что нашлась «духовная власть, осмѣлившаяся отказать въ обрядѣ погребенія христіанину, защищавшему религію во дни воздвигнутаго на нее гоненія». Виллеменъ присоединилъ свой голосъ къ голосу Кузена и государственный совѣтъ призналъ, что въ данномъ случаѣ духовенство совершило злоупотребленіе.

И то самое духовенство, которое закрыло двери передъ гробомъ христіанина, защищавшаго Евангеліе въ полный разгаръ революціи, въ томъ

же 1838 году настежъ растворяло ихъ князю Талейрану, этому епископу-ренегату, человѣку измѣнившему всѣмъ вѣрованіямъ, всѣмъ правительствамъ, которымъ поочередно служилъ,—закаленному скептику, до послѣдней минуты торговавшемуся за свое отреченіе и о которомъ историкъ Мишле, присоединяя его къ Фуше, вполнѣ справедливо сказалъ, что это двѣ низкихъ души, всего-на-все имѣющихся въ средѣ дѣятелей революціи, ибо только у нихъ однихъ не было никакихъ убѣжденій, никакого инаго двигателя, кромѣ корыстнаго, холоднаго разсчета, снабжавшаго ихъ умѣньемъ пользоваться политическими переворотами для достиженія ихъ личныхъ и всегда гнусныхъ цѣлей.

Въ «Revue des deux Mondes» г. Ротанъ сообщаетъ драгоцѣнныя для исторіи подробности относительно люксамбургскаго происшествія, этого предвѣстника войны 1870 года. Но его точка зрѣнія узка и ложна. По его мнѣнію, причина несчастій Наполеона III-го лежитъ въ полномъ отсутствіи въ немъ эгоизма. «Императоръ, — пишетъ онъ, — каждый день познавалъ, чего стоитъ сдѣлаться освободителемъ народовъ». На самомъ же дѣлѣ Наполеонъ III-й пострадалъ не за свою великодушную итальянскую войну, какъ это говорятъ, но за безсмысленную мексиканскую экспедицію, а оставленіе имъ безъ помощи Даніи повело за собою то, что вся Европа отреклась отъ него.

У Наполеона III-го были гуманные инстинкты, но окружавшіе его пичкали его старыми формулами. Дрюэнъ де-Льюисъ проповѣдывалъ систему возмездія, по которой если сосѣдъ захватываетъ ваши владѣнія, вы должны въ свою очередь отнимать ихъ у другаго. Ротанъ не сочувствуетъ мнѣнію, распространенному во Франціи, будто возвышеніе страны не зависитъ отъ ослабленія сосѣднихъ народовъ. А между тѣмъ что же можетъ быть справедливѣе? Для Франціи было бы выгоднѣе привыкнуть къ мысли о единствѣ Германіи, чѣмъ довѣряться теоріи Руэра о трехъ кускахъ..., мгновенно сплотившихся противъ Франціи въ 1870 г., къ большому изумленію тюльерійскаго кабинета. Теперь уже нечего жалѣть о жертвѣ изъ двухъ сотъ пятидесяти германскихъ князьковъ, принесенной Наполеономъ I-мъ. Между тѣмъ дипломаты еще до сихъ поръ мѣряютъ всѣ происшествія аршиномъ стараго Меттерниха.

Гекторъ де-Лаферьеръ помѣстилъ, въ томъ же журналѣ, исторію сватовства Елизаветы англійской и герцога Анжуйскаго. Почти сорока лѣтъ отъ роду, эта государыня поручила своему возлюбленному Лейчестеру вести переговоры о бракѣ. Католическое духовенство возстало противъ этого брака и употребило средства, слишкомъ хорошо выказывающія низость герцога Анжуйскаго. «Вы ссылаетесь на вашу совѣсть, — сказалъ ему Карлъ IX, раздраженный его отказомъ отъ руки Елизаветы,—но вы конечно не сознаетесь, что получили сумму отъ духовенства, желающаго удержать васъ здѣсь какъ борца за католическую вѣру». Елизавета иска-

та во Франціи союза противъ Испаніи и Валуа колебались между Англіей и Испаніей вплоть до ужасной Варѳоломеевской ночи.

Альбертъ Дюрюи, сынъ прежняго министра народнаго просвѣщенія, разсматриваетъ, чѣмъ было народное просвѣщеніе при революціи. Нѣкоторыя сообщенія очень забавны. Катехизисъ былъ замѣненъ азбукой санкюлотовъ, гдѣ на вопросъ: «какія у санкюлотовъ добродѣтели»,—скромно отвѣчалось: «всѣ». Все-таки, несмотря на нѣкоторую смѣшную утрировку, революція подняла народное образованіе.

Въ первой октябрской книжкѣ «Revue des deux Mondes» Максимъ Дюканъ продолжаетъ свои литературныя воспоминанія. Онъ былъ очень друженъ съ романистомъ Густавомъ Флоберомъ и находился съ нимъ въ перепискѣ. Въ письмахъ Флобера сквозитъ раннее разочарованіе. «Я въ юности предчувствовалъ, что такое жизнь. Я слышалъ скверный запахъ кушанья,—и не пробовавъ его, можно было знать, что отъ него стошнитъ». Флоберъ—писатель, предназначенный видѣть въ жизни только темныя стороны—основалъ свою славу на романѣ, представляющемъ психологію обыденнаго паденія женщины, и оставилъ посмертнымъ произведеніемъ психологію человѣческой пошлости. Пессимизмъ—господствующая черта Флобера. «Задумывался ли ты о томъ,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ,—что мы созданы для несчастій? Мы можемъ забыться въ наслажденіи, въ страданіи же—никогда». И Флоберъ высказываетъ мысль, смысла которой онъ, можетъ-быть, и самъ не понималъ: «слезы для сердца—то же, что вода для рыбъ». Флобера мучили сухость провинціальной среды, гдѣ протекала его жизнь, и забота о томъ, что скажутъ читатели. Это постоянное приноравливаніе ко вкусамъ читателей — одна изъ язвъ литературы. Самъ Флоберъ страдалъ отъ нея, какъ это видно изъ слѣдующаго его замѣчанія: «было бы прекрасно, еслибъ артистъ могъ быть артистомъ только для самого себя. Я думаю, что удовольствіе, доставляемое прогулкою въ дѣвственномъ лѣсу и охотою на тигра, бываетъ испорчено мыслью о томъ, что ихъ надо описать по вкусу возможно большаго количества буржуа».

Въ той же книгѣ г. Оссонвилль, въ своемъ изслѣдованіи нищеты въ Парижѣ, приходитъ къ очень печальнымъ выводамъ. Ужасно, напримѣръ, что 1880 г. столичная полиція забрала четырнадцать тысячъ бродягъ, то-есть людей не имѣющихъ крова. По Оссонвиллю, 60% рабочихъ проживаютъ больше, чѣмъ заработываютъ. Онъ съ ужасомъ говоритъ, что упадокъ религіи быстро распространяется между пролетаріями. Въ Парижѣ похороны раздѣляются на девять разрядовъ. И вотъ въ первомъ разрядѣ гражданскія похороны составляютъ рѣдкость, а въ послѣднемъ—ихъ больше половины. Оссонвилль находитъ это тѣмъ болѣе печальнымъ, что, по его словамъ, «религія была всегда необходимою уздою и постоянною иллюзіей». Странно, что религію защищаетъ человѣкъ, видящій въ ней

только узду и иллюзію... Чтобы возвратить бѣдняковъ религіи, нужно понимать ее иначе.

Въ «Revue Nouvelle» помѣщены неизданныя письма Жоржъ-Зандъ. Между знаменитыми людьми мало такихъ, которымъ выгодно обнародованіе ихъ дружескихъ изліяній. И хотя письма Жоржъ-Зандъ были напечатаны слишкомъ полно, такъ что не были исключены даже ничего незначащія записки, но они возвышаютъ память о ней. Письма 1848 года дышатъ энтузіазмомъ, котораго не забудетъ никто, проведшій въ Парижѣ первые дни, послѣдовавшіе за изгнаніемъ Людовика-Филиппа. «Народъ доказалъ,—пишетъ она,—что онъ прекраснѣе, выше, чище всѣхъ избранниковъ міра сего». Печальныя ноты не замедлили явиться и Жоржъ-Зандъ предвидитъ, что это народное увлеченіе будетъ загрязнено тѣми, кто долженъ былъ бы примѣнить его къ дѣлу. «Народъ дойдетъ до печальныхъ крайностей,—говоритъ Жоржъ-Зандъ,—если ему измѣнятъ. Общество впадетъ въ ужасную анархію и имущіе, которые уничтожатъ священный договоръ, сдѣлаются въ свою очередь бѣдняками въ соціальномъ переворотѣ, гдѣ все падетъ». Радость паденію орлеанистской системы всецѣло охватила ее. Она пишетъ 9-го марта: «Чувствуешь себя счастливой, заснувъ въ грязи и проснувшись на небесахъ». Съ марта мѣсяца она подозрѣваетъ посредственность людей, стоящихъ у власти. «Они не соотвѣтствуютъ задачѣ,—говоритъ она,—которая требуетъ генія Наполеона и сердца Іисуса», но ее утѣшаетъ то, что «парижскій народъ такъ добръ, такъ снисходителенъ, такъ вѣритъ въ свое дѣло и такъ силенъ, что самъ помогаетъ правительству».

Ламартинъ много способствовалъ неудачѣ движенія 1848 года, перейдя на сторону людей прошлаго. Жоржъ-Зандъ предостерегала его и предостереженіе это можетъ быть названо пророческимъ. Она говоритъ, что «Ламартинъ предсказываетъ царство справедливости, а самъ привязался къ прошедшему и работаетъ только во имя его». Вотъ за что онъ умеръ одинокій, всѣми оставленный, проводившій цѣлые дни въ угрюмомъ молчаніи,—онъ, столь злоупотреблявшій словомъ, бросавшій народу гуманныя обѣщанія и, добившись власти, забывавшій ихъ.—Жоржъ-Зандъ писала много, но просто и съ очень яснымъ пониманіемъ вещей. Она не поддалась софизму, по которому ошибки 1848 года зависѣли будто бы отъ того, что идеи не были еще зрѣлы. «Въ настоящихъ обстоятельствахъ,—писала она,—достаточно было бы распространить и заставить понять существующія идеи, еслибы люди, представляющіе эти идеи, были способны на это. Недостаетъ только сильныхъ дѣятелей. Истина жизненна только въ прямой душѣ и имѣетъ вліяніе только въ чистыхъ устахъ». Мысль великолѣпная! Тайна неудачи стольких народныхъ движеній лежитъ именно въ этомъ. Самыя благородныя идеи безсильны, когда проводятъ ихъ безчестные люди.

Свобода пала во Франціи и Жоржъ-Зандъ 10 іюня 1848 года печально пишетъ Барбесу: «Я страдаю за всѣхъ страждущихъ, дѣлающихъ зло

или безсознательно допускающихъ его, за этотъ несчастный народъ, вѣчно подставляющій спину ударамъ, а руки цѣпямъ... Я не сомнѣваюсь ни въ Богѣ, ни въ людяхъ, но я не могу не находить горькимъ потокъ несчастій, увлекающій насъ, плавая въ которомъ, мы глотаемъ много яду». 15 іюня 1848 года она писала Мадзини: «Окончательное ли это пробужденіе, къ которому мы стремимся, или это только дрожь, предшествующая жизни, послѣ которой мы заснемъ опять, правда, менѣе тяжелымъ сномъ, но все еще подавленные роковою продолжительностью его? Я боюсь этого».

Люди, обезумѣвшіе отъ страха, ненавидѣли Жоржъ-Зандъ. Она отвѣчаетъ имъ: «Мы любимъ народъ, какъ нашего ребенка. Можно ли любить и желать, чтобы предметъ такой любви погрязъ въ нищетѣ или запятналъ себя грабежомъ? Спросите у матери, желала ли бы она, чтобъ ея ребенокъ сдѣлался грабителемъ и убійцей? Народъ не станетъ убивать. Но пусть бы онъ меня убилъ, еслибы моя кровь могла утолить гнѣвъ неба или даже буржуазіи. Но кровь опьяняетъ и распространяетъ въ атмосферѣ заразу—убійства, дѣлаетъ безумнымъ. Даже оскорбленіе, брань, угрожающіе крики поражаютъ нравственно наносящихъ и производящихъ ихъ. Привычка къ ненависти влечетъ за собою огрубѣніе и рабство».

Письма Жоржъ-Зандъ даютъ не только ясное понятіе о республикѣ 1848 года, но они получаютъ еще особый интересъ при аналогіи тогдашняго и теперешняго положенія.

Тотъ же журналъ печатаетъ трудъ Вейманна: «Нѣмцы въ Богеміи». Вейманнъ смѣется надъ тѣмъ, что нѣмцы, преслѣдуя евреевъ въ Германіи, жалѣютъ о своихъ братьяхъ, преслѣдуемыхъ, по ихъ словамъ, въ Богеміи. Онъ объясняетъ, что, несмотря на ихъ «жалобный крикъ», нѣмцы и въ Богеміи сами угнетаютъ тѣхъ, которые, по ихъ словамъ, суть ихъ угнетатели. Вейманнъ вѣритъ въ будущность федерализма въ Австріи.

Эрнестъ Додэ печатаетъ этюдъ объ Альфонсѣ Додэ. Мнѣ кажется страннымъ этотъ панегирикъ брата живому брату. Можетъ-быть нѣжно любящіе другъ друга братья вмѣстѣ работали надъ этими страницами и вмѣстѣ написали все, что они думаютъ хорошаго другъ о другѣ, набожно собравъ подробности, чтобы поскорѣй обнародовать ихъ. Прежде думали о потомствѣ, теперь же живутъ настоящимъ. Прежде другъ не смѣлъ хвалить васъ, теперь братъ или жена оказываютъ вамъ эту услугу, безъ всякаго смущенія прославляя васъ. Скоро, пожалуй, вмѣсто того, чтобъ ожидать смерти академиковъ для ихъ восхваленія, обяжутъ ихъ каждыя десять лѣтъ произносить похвальное о себѣ слово...

Сентябрская книжка «Revue Britannique» описываетъ намъ «Китай во время русско-китайскаго столкновенія». Здѣсь оригинально описа-

ніе «пекинскаго двора, переходившаго всѣ ступени между слѣпымъ, непредусмотрительнымъ довѣріемъ и самымъ безумнымъ страхомъ». Не скрывая своего удивленія, что русская эскадра разсѣялась, не завладѣвъ, какъ всѣ предполагали, нѣкоторыми частями Кореи, «Revue Britannique» выражаетъ опасеніе, что эта черезчуръ платоническая демонстрація возбудитъ чрезмѣрную самоувѣренность въ гражданахъ Небесной имперіи. По счастью, китайцы поглощены появленіемъ кометы, опасность отъ которой они стараются отстранить сжиганіемъ день и ночь передъ изображеніями боговъ шерсти, смоченной жиромъ черной собаки.

Тамъ же г. Фаргъ даетъ біографію женщины-писательницы, Жоржа Элліотъ. Авторъ біографіи находитъ въ ней кромѣ имени еще много другаго сходства съ Жоржъ-Зандъ. Встревоживъ англійскій «cant» своей продолжительною близостью съ однимъ выдающимся писателемъ и потерявъ предметъ своей первой привязанности, Жоржъ Элліотъ вызвала негодованіе въ своихъ соотечественникахъ, выйдя замужъ 58 лѣтъ. Она умерла два года спустя.

«Revue politique et litteraire» разсматриваетъ новыя, недавно открытыя письма, проливающія странный свѣтъ на нравы Испаніи во времена Лопе-де-Вега. Лопе-де-Вега, бывшій священникомъ, одобряетъ въ нихъ безъ всякаго стѣсненія самыя непозволительныя любовныя похожденія своихъ друзей или покровителей и говоритъ о своей любовницѣ и дѣтяхъ, что доказываетъ, что такой родъ жизни духовнаго лица ни капли не оскорблялъ общества того времени, и даже церкви, такъ какъ Урбэнъ VIII прислалъ Лопе-де-Вега лестное письмо и патентъ доктора богословія.

«Revue Alsacienne» содержитъ письмо академика Генри Мартена. Онъ объясняетъ, какимъ образомъ Страсбургъ такъ легко отпалъ отъ Германской имперіи и такъ скоро примирился съ своимъ присоединеніемъ къ Франціи. «Страсбургъ,—говоритъ Генри Мартенъ,—доказалъ ту великую историческую истину, что единство чувствъ и идей связываетъ людей и народы гораздо крѣпче, чѣмъ единство расы и нарѣчія». Въ этомъ же журналѣ помѣщена очень интересная статья Армана Вейса о капитуляціи Страсбурга въ 1681 г. Альзасскіе города въ подданствѣ Германской имперіи не имѣли между собой никакой связи. Побѣды Людовика XIV отдали Альзасъ въ его руки. Лувуа тайно двинулъ войска и занялъ беззащитный городъ. Горожане Страсбурга не потеряли головы и совѣщались на глазахъ наводившаго ужасъ полководца и его солдатъ. Они добились свободнаго исповѣданія своей религіи и внутренняго самоуправленія. Отмѣна нантскаго эдикта не коснулась Страсбурга. Магистратъ города потребовалъ отсрочки, чтобъ узнать мнѣніе жителей. Рѣшеніе было благопріятно для Франціи. «Вѣчною славой страсбургскаго магистрата,—пишетъ Арманъ Вейссъ,—будетъ то, что онъ съумѣлъ добиться отъ Лувуа, деспотичнаго министра самаго деспотичнаго монарха, уваженія къ праву наро-

овъ располагать своими судьбами и свободно рѣшать свои дѣла общимъ голосованіемъ. Это право составляетъ неотъемлемую часть нашего альзасскаго наслѣдства, это—завѣтъ нашихъ предковъ. Альзасскіе депутаты, потребовавшіе въ Берлинѣ его примѣненія, среди насмѣшекъ рейхстага и оскорбленій нѣмецкой прессы, повторили только одну изъ традицій нашей исторіи».

W***

Парижъ,
8/20 октября 1881 г.

Редакторъ С. Юрьевъ.
Редакторъ-издатель В. Лавровъ.

Подписка на памятникъ Гоголю.

На памятникъ Н. В. Гоголю поступило: отъ преподавателей астраханской гимназіи 24 руб., отъ гг. Сусловыхъ 3 р., отъ г. Демидова князя Санъ-Донато 5.000 руб. Всего съ прежде поступившими 5.487 рублей. Пожертвованія высылаются на имя казначея Общества любителей россійской словесности, Виктора Александровича Гольцева (Москва, малая Бронная, домъ церкви Воскресенія). Пожертвованія принимаются также и въ конторѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ».

О ПОДПИСКѢ НА 1882 ГОДЪ НА

„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ.“

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
СЪ РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Съ 1-го января 1882 г. журналъ **„Всемірная Иллюстрація“ начнетъ XIV годъ (т. е. томы XXVII и XXVIII)** своего существованія. Извѣстность, пріобрѣтенная этимъ журналомъ, избавляетъ насъ отъ труда подробно распространяться о его достоинствахъ. Онъ будетъ выходить такъ же аккуратно, какъ и въ прошлые годы, **еженедѣльно** (т. е. 52 нумера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ **большаго двойнаго листа, самой лучшей бумаги**, и каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ **16—24 страницы**, изъ которыхъ половина будетъ наполнена **роскошными рисунками** изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

По случаю предстоящей въ 1882 г. **коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ**, особенное вниманіе редакціи будетъ обращено на изготовленіе цѣлой серіи рисунковъ, относящихся къ этому высокоторжественному празднеству.

Кромѣ того, ко **„Всемірной Иллюстраціи“** 1882 г. будетъ приложенъ, **безплатно**, отдѣльный роскошный **„Альбомъ Всероссійской Промышленно-Художественной выставки“**, имѣющей состояться въ будущемъ году въ Москвѣ. Въ Альбомѣ этомъ будетъ заключаться множество рисунковъ, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ замѣчательныхъ произведеній выставки.

Цѣна годовому изданію „Всемірной Иллюстраціи“ 1882 г.:

Безъ дост. въ С.-Петербургѣ 13 р. — к.	Съ дост. въ С.-Петербургѣ. 14 р. 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ... 14 » — »	Съ пер. въ Москву и др. гор. 16 » — »

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ»

представляетъ политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологію, промышленность, морское и военное искусства, и пр. и пр.,— однимъ словомъ, **цивилизацію, нравы и обычаи народовъ ВЪ КАРТИНАХЪ.**

Главная задача „Всемірной Иллюстраціи“—изображеніе, **въ картинахъ** и текстѣ, **современныхъ событій** во всѣхъ сферахъ политической и общественной жизни.

Каждый годъ «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ» представляетъ собою

ДВА РОСКОШНЫХЪ АЛЬБОМА,

каждый до 500 печатныхъ страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей библіотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА
«ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ»

изъ англійск. коленкора, съ золотыми тисненіями по рисун. художника К. Брожа. **Цѣна покрышки для переплета** на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к., съ пересылкой 2 р. 50 к.

Цѣна первыхъ 24 томовъ «Всемірной Иллюстраціи»:

1869 г. (томы I и II) **10** руб. без перес., въ англ. коленкоровомъ переплетѣ **14** руб.; **1870** г. (т. III и IV), **1871** г. (т. V и VI), **1872** г. (т. VII и VIII), **1873** г. (т. IX и X)—по **8** руб. безъ пересылки каждый годъ, въ англ. тисненныхъ золотомъ переплетахъ каждый годъ стоитъ по **12** руб. безъ пересылки; **1874** г. (т. XI и XII), **1875** г. (т. XIII и XIV), **1876** г. (т. XV и XVI), **1877** г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложеній), **1878** г. (т. XIX и XX) (безъ приложеній), **1879** г. (т. XXI и XXII) и **1880** г. (т. XXIII и XXIV)—по **9** руб. безъ пересылки каждый годъ, а въ переплетахъ безъ пересылки по **13** рублей.

На пересылку каждаго года слѣдуетъ прилагать 3 руб. сер.

Главная контора редакціи «Всемірной Иллюстраціи» въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая ул., № 16.

Для удобства своихъ подписчиковъ, контора Германа Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскія и иностранные журналы и газеты.

Въ конторѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» находится складъ слѣдующихъ НОВЫХЪ изданій КОММИССІИ ПЕЧАТАНІЯ ГРАМОТЪ и ДОГОВОРОВЪ, СОСТОЯЩЕЙ ПРИ МОСКОВСКОМЪ ГЛАВНОМЪ АРХИВѢ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

1. Очеркъ дѣятельности Коммиссіи. Москва 1877 г. Ц. 1 р.

2. Библіотеки Моск. Г. Архива М. И. Д. реэстръ географическимъ атласамъ, картамъ, планамъ и проч. С.-Петербургъ 1877 г. Ц. 40 к.

3. Подлинные акты, относящіеся къ Иверской Иконѣ Божіей Матери, принесенной въ Россію въ 1648 году, съ хромолитографированнымъ изображеніемъ Иконы. Москва 1879 г. Ц. 50 к.

4. Законы Іоанна III и Судебникъ Іоанна IV, съ предисловіемъ Калайдовича и Строева. Москва 1878 г. Ц. 1 руб.

5. Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, съ нотами. Изд. 3-е. Москва 1878 г. Ц. 2 р.

6. Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ Московскому Гл. Архиву Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Сост. М Пуцилло. Москва 1879 г. Ц. 75 к.

7. Обозрѣніе библіотеки того же Архива. Сост. И. Θ. Токмаковымъ. Ц. 30 к

Его же Каталоги слѣдующихъ ея отдѣловъ:

8. Славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1517 г. Ц. 75 к.

9. Рукописей, относящихся до Москвы, Московской губерніи, ихъ церквей и монастырей. Ц. 40 к.

10. Книгъ того же содержанія. Ц. 40 к.

11. Рукописей по юриспруденціи съ XIII вѣка. Ц. 30 к.

12. Книгъ того же отдѣла съ 1500 г. Ц. 75 к.

13. Дѣлъ бывшаго Аптекарскаго приказа и рукописей по медицинѣ съ XV в. Ц. 40 к.

14. Книгъ по медицинѣ. Ц. 40 к.

15. Рукописей, относящихся до Церковной Исторіи. Ц. 40 к.

16. Указатель матеріаловъ для изученія исторіи, археологіи, этнографіи и статистики Москвы. Составл. И. Θ. Токмаковымъ. 1880 г. Вып. I, IV—VIII. Ц. по 60 к. Вып. II и III—по 75 к.

17. Указатель матеріаловъ по исторіи почтъ въ Россіи. Составл. В. Д. Левинскимъ и И. Θ. Токмаковымъ. 1881 г. Ц. 75 к.

О перемѣнѣ адреса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца причемъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адресѣ нумеръ.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к., изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничные—недостающее до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ.

Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

Редакція открыта ежедневно отъ *часа* до *трехъ* пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Лицъ, представляющихъ рукописи, редакція проситъ сдавать ихъ **исключительно** секретарю редакціи, который выдаетъ въ принятіи оныхъ установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставляемыя рукописи должны быть четко написаны, подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ, а также указаніемъ размѣра желаемаго гонорара. При невыполненіи послѣдняго условія разсчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію.

На прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагается срокъ отъ *двухъ недѣль* до *трехъ мѣсяцевъ*, по истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналъ не принятыя, сохраняются редакціей въ продолженіе года, за исключеніемъ тѣхъ, размѣръ коихъ менѣе шести листовъ писчей бумаги; послѣднія храненію и возвращенію не подлежатъ.

Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ редакціи почтоваго расхода деньгами или марками, причемъ отправку простыми письмами редакція на себя не принимаетъ.

На всякаго рода запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка.

Принимаемыя для помѣщенія въ журналѣ произведенія и статьи подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.

S